

418094X
2832102P
K 90

1 984A

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1976

СЕН 2003

9(M)03
К90

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

И. С. КАЦНЕЛЬСОН

03.10.2011

2009

К $\frac{10603-021}{013(02)-76}$ 251-75

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1975

ПРЕДИСЛОВИЕ

Раскроем вторую книгу «Истории» Геродота. Ту, что содержит описание Египта. Геродот побывал в стране фараонов в середине V в. до н. э. Он поднялся по Нилу до острова Элефантины. Древняя великая, самобытная цивилизация и порожденные ею памятники поразили воображение «отца истории» так же, как продолжали они поражать и всех тех, кто на протяжении последующих двадцати пяти веков посетил и посещает ныне берега Нила. «Египтяне первые установили год, разделивши времена его на двенадцать частей... Египетское летосчисление поэтому мне кажется правильнее эллинского», — писал Геродот. «Что касается самих египтян, то те из них, которые занимают обрабатываемую часть Египта и ревниво сохраняют память о прошлом, оказываются наиболее сведущими из всех исследованных мною народов», — подчеркивает он дальше. Именно из Египта заимствовали греки познания в геометрии. Египетские врачеватели почитались самыми искусными. И после Геродота греческие ученые и мыслители неоднократно признавали себя учениками египтян. Так оно и было в действительности.

Европейская цивилизация — прямое продолжение эллинской. Таким образом, мы многим обязаны народу, отдаленные предки которого спустились в незапамятные времена из окрестных степей в болотистую долину Нила.

Египту и его цивилизации посвящена необъятная литература — быть может, более обширная, чем какой-либо иной стране древневосточного мира. Множество книг и статей появилось и у нас. Но как это ни парадоксально, среди них отсутствует популярный общий очерк, более или менее подробно охватывающий основные аспекты этой замечательной культуры в их наиболее существенных проявлениях и динамике развития на протяжении почти трех тысячелетий существования египетского государства — от его возникновения на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. до окончательного завоевания страны Александром Македонским в 332 г. до н. э. Пропел этот и стремился восполнить авторский коллектив, предлагая тем, кто интересуется древней культурой долины Нила, в первую очередь студентам гуманитарных факультетов, преподавателям средней и высшей школы, настоящие очерки.

Очеркам предпослан неопубликованный доклад, выдающегося востоковеда В. В. Струве «Действенность египетской культуры». Хотя впервые доклад был прочитан (в несколько расширенном виде) в 1943 г., он не утратил своего значения до сих пор.

ДЕЙСТВЕННОСТЬ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

(ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

Народ, создавший в северо-восточном углу Африки одну из первых по времени цивилизаций, продолжает на протяжении последующих тысячелетий играть значительную роль в истории человечества вплоть до наших дней.

Особенно велико значение культуры Египта в развитии культуры соседних стран. Здесь в первую очередь следует остановиться на возможности действительности самого египетского общества создавшимися в нем специфическими социальными отношениями. Таковыми были в эпоху Среднего царства сильные демократические течения, вызванные выдвиганием «неджелисов» — «маленьких», т. е. мелких рабовладельцев, из среды общинников, на которых до известной степени опиралась царская власть. В поучении гераклеопольского царя своему сыну, сохранившемся в одном из папирусов Эрмитажа, отец советует сыну: «Не возвеличивай сына мужа (т. е. знатного. — В. С.), но приближай к себе человека согласно его способностям». Настолько многочисленными были в среде носителей государственной власти и их советников лица незнатного происхождения, что в известном поучении Птахотепа, восходящем к эпохе Среднего царства, мы находим предостережение не смотреть свысока на сановника незнатного рода: «Если ты [сам] невелик и находишься в окружении почитаемого человека, который имеет значение у бога (т. е. царя. — В. С.), то ты не вспоминай его прежней незначительности. Имей уважение к нему вследствие того, что ему дано, ведь имущество не приходит само собой... Бог (т. е. царь. — В. С.) — это тот, кто создает почитаемого».

Правда, власть имущие из среды «неджелисов», бывших ближе к народу, чем знать, становились такими же хищниками, как и последние. Они кичились своей властью, своим общественным положением, подобно Синухету, бежавшему в Азию и здесь, в Северной Сирии, сделавшемуся приближенным местного царька: «Бежит человек из своей земли из-за наготы,

а у меня чистое платье из тонкого полотна. [Иной] человек [сам] на бегушках, не имел кого послать, а у меня слуги в изобилии. Хорош мой дом, и обширно мое жилище». Напрасно запрещалось в царских инструкциях чиновникам творить насилие над народом, «делать рабов из каких-либо людей (т. е. египтян.— В. С.)». Заявления сановников о том, что «не было бедняка, которого бы я обидел, не было вдовы, которую бы я утеснил», имели, конечно, лишь декларативную ценность. Не помогала народу и обличительная литература, как, например, рассказ о красноречивом поселянине, сосредоточивший все внимание на проблеме праведного суда для бедного человека. Если в этом рассказе бедный крестьянин и добивается в конце концов правды в результате своих призывов «творить правду», то в реальной жизни несправедливые судьи оставались глухими к подобным призывам. Поэтому противоречия между имущими и бедняками продолжали нарастать и в конечном итоге выливались в первое засвидетельствованное в истории мощное народное движение.

Основным источником наших знаний о нем является Лейденский папирус № 344, сохранивший нам повествование, вложенное в уста некоего Ипусера, о тех потрясениях, которые были вызваны в жизни египетского общества восстанием народных масс. Советские историки в подавляющем большинстве датируют повествование Ипусера и события, описанные им, концом Среднего царства. В это время, когда, говоря словами Ипусера, «страна перевернулась, подобно гончарному кругу», стали раздаваться, несомненно единичные, протесты против различия рабовладельца и рабов. Мы видим, таким образом, что некоторые из представителей народного восстания в Египте конца Среднего царства предвосхитили мысль софистов Греции V в. до н. э. о равенстве свободных и рабов перед природой. Факт крупного народного восстания, стремившегося покончить с тяжелым положением народа и восстановить социальную справедливость, полностью опровергает утверждение, что в мировоззрении египетского народа улучшение социальных отношений не входило в качестве необходимого элемента в реализацию социальной справедливости. Мощное народное движение в Египте, вызванное хищничеством господствующих классов по отношению к экономически слабым низам, не могло не найти отклика в соседних странах, которые были постоянно в курсе дела всего того, что совершалось в Египте. Ведь, согласно рассказу Синухета, даже далекие области к востоку от Библа находились в постоянных сношениях с Египтом. «Египетский посол, отправлявшийся на север или на юг — ко двору, останавливался у меня», — говорит Синухет.

Царский архив города Мари показал наличие интенсивных сношений Вавилонии эпохи Хаммурапи с Сирией и Палестиной. Поэтому вести о борьбе «бедных людей» Египта, столь опасной для его имущих классов, должны были достигнуть Вавилонии и найти здесь определенный отклик. Я полагаю, что законодательство царя Хаммурапи не могло оставаться не затронутым крупными событиями, которые происходили в долине Нила. Результат подобных воздействий следует усмотреть в демократических

тенденциях, которые могут быть прослежены в знаменитом судебнике Хаммурапи. Уже во введении к своему судебнику великий царь провозглашает, что цель его закона направлена на то, «чтобы сильный не вредил слабому». В этом отношении Хаммурапи идет, казалось бы, по иному пути, нежели Солон, афинский законодатель. Тот заявлял, что его законодательство должно было защищать не только права народа от посягательства со стороны знати, но и последнюю от народа. Подобную же аналогию мы наблюдаем между законодательствами Хаммурапи и царя Дария I, организатора Ахеменидской державы. Последний декларирует в накширустемской надписи, что его одобрения не вызывал ни вред, наносимый знатым простолудию, ни вред, наносимый простолудию знатному.

Хаммурапи же, как представляется, стремится в своем законодательстве обеспечить защиту одним лишь «слабым», которым угрожает ростовщичество «сильных». Его законы против ростовщиков проходят красной нитью через судебник. В судебнике Хаммурапи должники не называются рабами. Одна из статей (113) защищает должника от самоуправства займодавца, другая (117) ограничивает срок долговой кабалы тремя годами. Чрезвычайно важная статья 116 включает постановление об уголовной ответственности займодавца за жизнь должника. Законы царя (статьи 49—51 и 66) защищали крестьянина, попавшего в сети ростовщика, от излюбленного ростовщического приема — погашения долга путем передачи займодавцу поля или сада с ожидающимся урожаем. Статья 48 спасала должника-крестьянина от потери участка в случае неурожая. Можно привести еще ряд других статей судебного Хаммурапи, направленных против ростовщичества, которым «сильные» наносили столь тяжкий вред «слабым». Но и приведенных достаточно, чтобы с предельной яркостью выявить демократический характер законодательства вавилонского царя XVIII в. до н. э.

Подобный демократический характер вавилонского законодательства, более сильный, нежели в библейских «законах Завета», испытавших на себе уже воздействие пророков, следует объяснить не иначе как политически — социальной обстановкой, сложившейся в Передней Азии в результате социальных потрясений, имевших место в Египте конца Среднего царства. Даже в своем законодательстве о воинах Хаммурапи проводит тенденцию защиты «слабых» от «сильных». Он обрушивается со всей суровостью на тех военачальников, которые используют труд и имущество рядовых воинов для своих личных целей: «Если начальник присвоил собственность рядового воина, причинив ради собственной пользы вред ему, отдает его в наем, предает на суде его более сильному или возьмет себе подарок, пожалованный воину царем, то этого начальника должно предать смерти» (ст. 34). Законодательство о воинах и их землевладении, как известно, занимает значительное место в судебнике Хаммурапи. Воины его постоянной армии не только «ели ежедневно» перед царем, как в дни Саргона Аккадского, но и были обеспечены земельными падедами.

За это воин обязан был во всякое время, по любому приказу царя ходить в поход; в случае же отказа его предавали смерти (ст. 26).

Обеспечение же воинов постоянной армии земельными наделами практиковалось в Египте с начала Среднего царства, с эпохи господства Гераклеополя. В уже упомянутом эрмитажном поучении гераклеопольского царя своему сыну мы читаем о необходимости увеличивать молодежь «шемсу» («следующих») царя, т. е. воинов постоянной армии, и снабжать их списками (очевидно, рабов), обеспечивать полями и одарять стадами. Гераклеопольская династия, создавшая снова в долине Нила после распада Древнего царства единое государство, нуждалась в постоянной армии, которая рекрутировалась из наиболее беспокойных элементов населения номов. Поскольку цари Гераклеопольской династии подчинили себе многие из номов силой оружия, они располагали достаточными земельными фондами, чтобы обеспечить наделами и тем самым привязать к себе своих «шемсу», «следующих» за царем по любому приказу. «Шемсу» являлись ядром царской армии, вокруг которого группировались ополчения номов, как об этом свидетельствует надпись Хев-Собка, воина Сенусерта III, царя XII династии. Вообще, «шемсу» весьма часто упоминаются на памятниках последующих династий Среднего царства. Очевидно, организация отрядов «шемсу» была унаследована от Гераклеопольской династии. Царства Сирии, вплоть до царства гиксосов, подвергавшиеся столь сильному воздействию — как политическому, так и культурному — со стороны Египта Среднего царства, не могли не воспринять идею организации постоянной армии путем обеспечения ее воинов земельными наделами. Поэтому не будет слишком фантастическим предположить, что и постоянная армия Вавилонии эпохи Хаммурапи была создана под воздействием Египта через посредство Сирии. В таком случае и законодательство о воинах и о правах их на землевладение, зафиксированные в параграфах 26—34 судебника Хаммурапи, должно было испытать на себе воздействие юридических норм, сложившихся в конечном итоге на далеком западе, в долине Нила, в эпоху господства Гераклеополя.

Неоднократно уже упомянутое царское поучение, восходящее к названной эпохе, отражает государственное право современного ему Египта. Здесь заслуживает внимания призыв царя воздерживаться по мере возможности от смертной казни, и во всяком случае не казнить тех, добродетель которых известна. Эта норма царского права нашла отклик в «царском праве» Ахеменидов, засвидетельствованном в наклиширустемской надписи Дария I. Здесь Дарий заверяет, что он никогда не казнил человека, если последний был известен ему как человек добродетельный. Было бы чрезвычайно благодарной задачей для советских египтологов, интересующихся правом древнего Египта, продолжить исследования гениального французского египтолога Е. Ревийю, посвященные воздействию египетского права на юридические нормы соседних стран.

Большую действенность оказала в истории цивилизации человечества хозяйственно-счетная система древнего Египта, приспособленная к нуж-

дам большого по территории государства. Она была унаследована державой Ахеменидов, которая ее, в свою очередь, передала, с одной стороны, эллинистическим государствам, а с другой — государствам Аршакидов и Сасанидов. Сколь необходима была эта система для управления территориально большим государством, ярко представляется в трудах арабских историков начала халифата, рисующих нам те непреодолимые затруднения, которые вставали перед арабами, не знакомыми с хозяйственно-счетной системой, при управлении завоеванными ими обществами древней культуры.

Еще более мощной, чем в области права и государственного управления, была действенность культуры Египта в области искусства. Прав был Б. А. Тураев, когда он заявил в 1916 г., что «история египетского искусства имеет свою обширную литературу, вызвала несколько солидных трудов общего характера». В данной литературе, а также и в нашей советской историографии, посвященной египетскому искусству, неоднократно ставился вопрос о влиянии египетского искусства на окружающие культуры. Мы знаем о воздействии архитектуры, скульптуры, живописи, прикладного искусства на изобразительное искусство Сирии и хеттов, а через них и Ассирии. Воздействие египетского искусства на эгейскую культуру, а также и непосредственное его влияние на культуру Греции в I тысячелетии создали некоторые предпосылки для расцвета греческого искусства.

Не меньше ценностей, чем египетское искусство, внесла в культурную сокровищницу человечества египетская письменность. Одно уже создание египетскими писцами наряду с сотнями пиктограмм и многосогласных знаков еще 24 знаков, соответствующих 24 согласным звукам их языка, являлось достижением, таившим в себе величайшие возможности для прогресса человечества, для создания той демократической культуры, которая ныне побеждает во всем мире.

В 1916 г. знаменитый английский египтолог А. Х. Гардинер нашел среди эпиграфического материала, открытого на Синайском полуострове, надписи конца Среднего царства, составленные 26 алфавитными знаками, по внешней своей форме бесспорно восходящими к египетскому иероглифическому письму. Фонетическое же их звучание, как это могло быть установлено по отношению к ряду данных знаков, соответствовало буквам семитского (финикийского) алфавита. Таким образом, было найдено посредствующее звено между древним иероглифическим письмом Египта и финикийским алфавитом, являющимся отцом алфавитных систем всего мира, в том числе и недавно открытого алфавитного письма из Рас-Шамра.

Огромное историческое значение имели наряду с письмом Среднего царства и повести и сказки, созданные в блестящую эпоху XII династии, отразившие классовую борьбу, протекавшую тогда в египетском обществе. Эту повествовательную литературу Б. А. Тураев называет «изящной литературой, своего рода беллетристикой, не проповедующей, а изящно и занимательно рассказывающей». Рассказ египтянина Синухета о своих приключениях в Азии — зародыш наших приключенческих романов; сказ-

ка о потерпевшем кораблекрушение — предок рассказов о приключениях скитальца Одиссея и Синдбада-морехода. Сборник сказок о чудесах, свершенных знаменитыми волхвами, изложенных царю Хеопсу его сыновьями, — предтеча знаменитой «Тысячи и одной ночи». Не менее интересны и другие сказки Среднего царства, а также и Нового царства. Сказки Нового царства, как, например, сказка о зачарованном царевиче, или сказки эллинистической эпохи, как повесть о приключениях царевича Хемуаса, были написаны, очевидно, в результате предшествующих социальных сдвигов, языком менее вычурным и более приближающимся к языку разговорному. «Сказка о Правде и Кривде» вместе с ранее известными фольклорными мотивами народа долины Нила доказывает, что громадное количество сказочных мотивов и сюжетов, дошедших до нас от значительно более поздних обществ, было давно уже известно древнему Египту. Поэтому заслуживает определенного внимания предположение Б. А. Тураева, что, «может быть, в нем (в Египте. — В. С.) именно следует искать родину многих из тех так называемых странствующих сюжетов и мотивов, которые обошли не только нашу культурную среду, но встречаются и за ее пределами». Предположение, что древний Египет был первоначальной родиной многих сказочных сюжетов, на данном уровне наших знаний не может быть объявлено невозможным. Мы ведь знаем теперь, после раскопок последних десятилетий в городах Южного Междуречья и в городах долины Нила, что существовали сравнительно оживленные сношения между двумя названными культурами. Поэтому могли легко передаваться в Индию уже при династии Хаммурапи египетские сказки, занесенные в Вавилонию или через Сирию, или же непосредственно, подобно тому как проникали в Египет вавилонские мифы и легенды, засвидетельствованные в амарнском архиве царя-еретика. Влияние близких к сказкам мифов Египта на мифотворчество Финикии можно увидеть, например, в аналогичной судьбе, постигшей и Сета, убийцу Осириса, и Мота, погубившего Ваала. Сет был подвергнут расчленению, а Мота после гибели Ваала разрубает ударом серпа на части.

Египетские мотивы и сюжеты сказок и мифов, попавшие каким-то образом в Вавилонию в эпоху Хаммурапи или столь близкую ей эпоху Касситской династии, должны были обусловить некоторое взаимодействие древних литератур долины Нила и Южного Междуречья. Учитывая это взаимодействие, историк вавилонской литературы мог бы, пожалуй, отказаться от старого взгляда, что вавилонская литература на всем многовековом протяжении своего существования почти не обнаруживает развития. Как на иллюстрацию взаимодействия можно было бы указать на сюжеты из египетской сказки Среднего царства о богине (несомненно, одного из обликов Хатор), преследующей своей любовью пастуха, и из вавилонского эпоса о любви Иштар к пастуху, о которой говорит витязь Гильгамеш, развертывая перед богиней список ее многочисленных любовников.

Через греческий роман, впитавший в себя все богатое наследие древне-

восточных литератур, мотивы и сюжеты египетских сказок и мифов оказали воздействие и на литературное развитие народов Европы. Египетская басня о «суде живота с головой» является прообразом басни Максима Агриппы, а рисунок Нового царства, изображающий шакала в одеянии жреца, дает нам основание предполагать наличие в Египте зародыша фабулы о забавных похождениях Рейнеке-лиса.

Взаимодействие египетской и вавилонской литератур находит отражение в сравнениях, которые были нередко весьма близкими и в той и в другой литературе. Может быть, иной из образов, засвидетельствованный в вавилонско-ассирийской литературе, и восходит в конечном итоге к творчеству египетских писцов, создавших такое множество образов, поражающих нас своей осязательностью. Так, например, бесконечно часто встречающееся в ассирийских надписях сравнение царя, завладевающего областью врага, с потоком мы встречаем не только в поздней надписи Пианхи, но и в поучении гераклеопольского царя, который завоевал Тинис, «подобно потоку».

Взаимодействие между литературами долины Нила и Междуречья может быть прослежено и в способах оформления литературного произведения. Так, в египетской литературе Среднего царства мы находим неоднократно применяемые формы диалога: в «Беседе разочарованного со своим духом», в «Беседе Хашептрасенеба Онху со своим сердцем» и в уже упомянутых обличениях мудреца Ипусера из Лейденского папируса № 344. Диалогическая форма изложения засвидетельствована и в вавилонской литературе: достаточно сослаться хотя бы на «Разговор господина и раба» и диалог «О смысле жизни». Любопытно отметить, что эти произведения египетской и вавилонской литератур, облеченные в форму диалога, имеют характер философских рассуждений в широком смысле этого слова. Невольно поэтому возникает мысль о генетической связи между диалогами древнего Египта и философскими диалогами Греции. Действенность египетской литературы проявилась и в том, что в Египте впервые пришли к мысли использовать литературу как средство пропаганды на службе царской власти.

Конечно, в области религии египетская литература оказала бесспорно наибольшее воздействие на окружающие общества, что доказывается зависимостью многих явлений религиозной жизни народов Средиземноморья и их наследников от религиозной жизни древнего Египта. Выросшая на основе этой религиозной мысли дидактическая литература Египта Среднего царства и последующих эпох выдвинула нормы нравственности, ставшие общечеловеческими. Так, в «Поучении Птахотена» потрясают слова о том, что хорошие речи, столь редкие, как драгоценные камни, можно найти в устах самых несчастных мира сего, а именно рабыни, трудящейся над зернотеркой. А в поучении гераклеопольского царя сыну мы встречаем одно из изречений, позднее высказанное иудейским пророком Амосом: «Благое деяние праведника будет скорее приятно богам, нежели жертвенный телец того, кто творит зло». Христианский принцип не творить

зла своему врагу впервые появляется среди заверений мертвого о его добродетельной жизни перед престолом Осириса: «Я не свершил плохого тому, кто сотворил мне злое». Гуманность мировоззрения народа Египта освещает и мир сказок. Когда царь Хеопс в сказке о волхвах обращается к великому волхву Джеди, умеющему отрезать, а затем приращивать головы живых существ, с предложением отрезать голову узнику, волхв отвергает предложение со словами: «Не на человеке, государь» — и просит дать ему животное. Насколько более жестоким было отношение к малым мира сего со стороны Александра Македонского, когда он повелел установить силу действенности горящей нефти на одном из своих рабов. Гуманный характер этики Египта не мог не оказать воздействия на культуру окружающих народов, как об этом свидетельствуют поучения мудреца Аменемопе конца Нового царства, нашедшие отражение в библейской книге речений Соломона.

Столь же сильной была действенность египетской культуры и в области науки. Как во врачевании, так и в математике египтяне наметили отдельные теоретические проблемы, основу основ научного мировоззрения. В области медицины, которая была славой Египта и в дни расцвета греческого врачебного искусства, врачи долины Нила были первыми, кто пытался преодолеть магическое мировоззрение, мертвящее мысль и волю человека. Действительно, в ряде египетских медицинских папирусов мы находим свидетельство существования замечательного учения, названного «Тайна врача — знание хода сердца и знание сердца». Это первый засвидетельствованный в истории человечества проблеск общей научной теории о возбудителе болезни. Он устанавливает, что основной причиной болезни человеческого организма является изменение системы кровеносных сосудов, связанной с сердцем, а не чары магов и ведьм и силы злых духов. Правда, эта теория ошибочна. Последующее развитие медицины ее опровергло, но все же за учеными страны пирамид останется навеки неувядаемая слава: они первые нанесли удар магическому миропониманию, которое роковым образом парализовало подлинный прогресс культуры человечества.

Еще более значительным, пожалуй, было другое открытие египетских ученых, увековеченное в папирусе Эдвина Смита — медицинском папирусе, в котором нет ни единого слова, относящегося к магии. В нем мы знакомимся впервые в истории человечества с представлением о мозге. Здесь же запечатлено одно из замечательнейших открытий, которое когда-либо было сделано в науке, — повреждения мозга влекут за собой болезненное состояние других частей тела. Таким образом, египетские врачеватели сделали первые робкие шаги на том пути познания, который привел в наши дни к величайшим достижениям И. П. Павлова.

Необычайных успехов достигли египетские писцы и в области математики, а именно в разделе измерения круглых тел и плоскостей. Если можно согласиться с моей интерпретацией задачи № 10 Московского математического папируса, то египтяне Среднего царства, т. е. в начале

II тысячелетия, правильно решили задачу о поверхности шара. Впоследствии, согласно традиции, решение этой задачи будет приписано Архимеду. Египетские писцы почти с предельной точностью установили величину π — отношение окружности к диаметру, определив его в 3,16. Вавилонское же определение π равнялось 3. Если же в Вавилоне было известно и более точное определение π , то оно несомненно восходит к достижениям науки долины Нила.

В исчислении времени египтяне сделали крупный шаг вперед, отказавшись от лунного календаря, разделив год на 12 месяцев в 30 дней и прибавив к этим 360 дням еще 5 добавочных. Этот египетский календарь был впоследствии заимствован Юлием Цезарем и лег в основу календарей народов Европы.

Большую точность доказали писцы Египта в определении хронологической нити истории своей страны, обнимающей тысячелетия. Анналы Египта благодаря очень раннему политическому объединению долины Нила стоят несомненно выше анналов Вавилонии. Действительно, восстановленная подлинная хронология Манефона, египетского историка Александра Великого и Птолемея I, должна приниматься во внимание для всех эпох истории Египта. Ее оценили уже на закате античной эпохи и использовали как одно из средств для измерения потока времени.

Культура древнеегипетского общества, пытавшегося первым разрешить в действии проблему социальной справедливости и гуманности, положившего начало материалистическому мировоззрению наблюдением над мозгом, подготовившего создание алфавита, создавшего великие ценности в области искусства, литературы и науки, должна была быть признанной народами последующих исторических эпох. Так оно и было. Уже финикийский царек XII в. до н. э.; эпохи политического упадка Египта, подчеркивая свою полную независимость перед прибывшим к нему египетским послом, вместе с тем заявляет: «Амон устроил все земли, устроенные им, но землю египетскую — раньше других. И искусство вышло из нее, и учение вышло из нее, чтобы дойти до места, где я пребываю». Признавали зависимость своей культуры от древней цивилизации страны пирамид и писатели античного мира. Должны признать ее значение и мы, ибо она через античное наследие легла в основу нашей культуры, покоящейся на принципах демократии и гуманности.

ЕГИПЕТ.

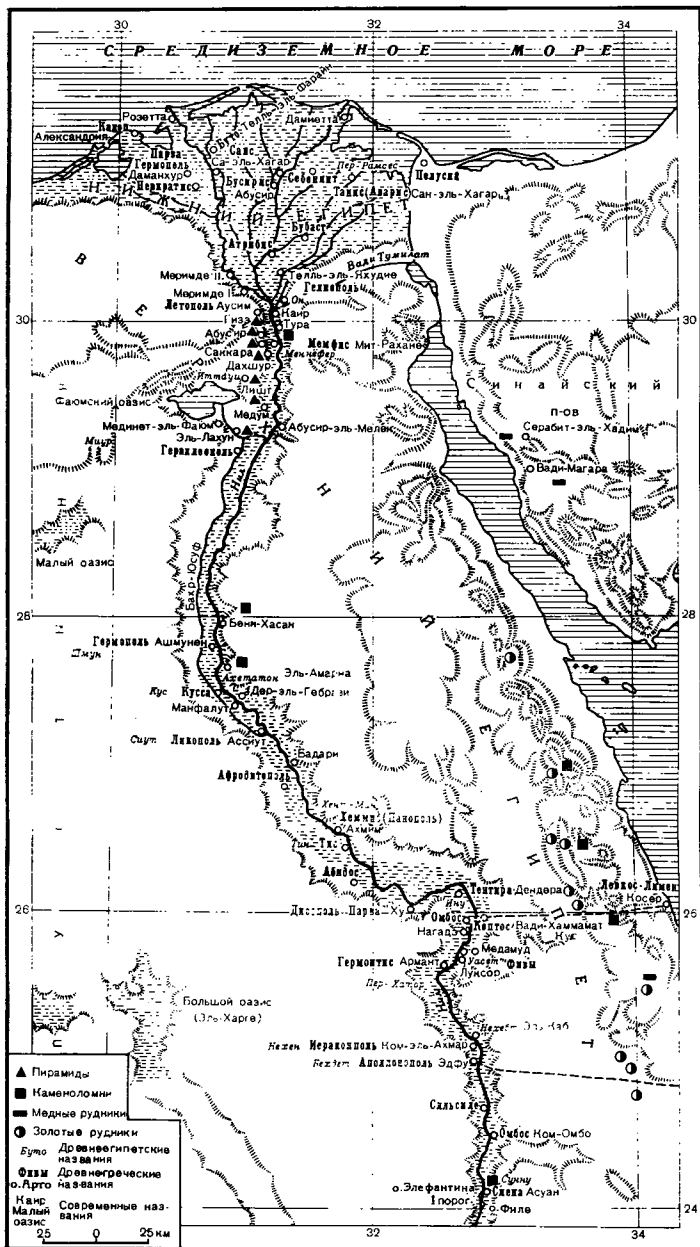
СТРАНА И ЕЕ ИСТОРИЯ

Представим себе, что воздушный лайнер, за считанные часы преодолевающий расстояние от Московского международного аэропорта Шереметьево до Каира, обладает чудесным свойством перенести нас одновременно и далеко в глубь тысячелетий — за пятьдесят веков до наших дней, в ту эпоху, когда формировалось египетское государство.

За синей гладью Средиземного моря на горизонте прежде всего показался бы низкий, выступающий плоской дугой берег, окаймленный узкой лентой лениво накатывающихся волн прибоя. За ним ровная, прорезанная рукавами Нила, поросшая тростником болотистая долина, постепенно сужающаяся к югу. По очертаниям она напоминает полураскрытый веер или перевернутую четвертую букву греческого алфавита — дельту, от которой и произошло данное ей еще в древности греками название Дельта, ставшее затем нарицательным для обозначения всякого устья реки, образованного наносами.

За миллионы лет отложения Нила при впадении его в Средиземное море заполнили некогда существовавший здесь залив, превратив его в болотистую, чрезвычайно плодородную низменность. Ее ширина с запада на восток в самом широком месте, т. е. у побережья, не превышает 250 км, а длина, считая от моря до места, где ныне расположен Каир, достигает приблизительно 150 км; в древности это расстояние было, естественно, короче. Нил теперь впадает в Средиземное море двумя основными рукавами: западным — Розеттским и восточным — Дамьеттским. Греки знали пять рукавов. Однако со временем они были занесены, и сейчас даже местонахождение некоторых из них устанавливается с трудом.

На востоке к Дельте примыкает ограничивающий ее Суэцкий перешеек, прорезанный ныне Суэцким каналом. Перешеек всегда, так же как и гористый и малоплодородный Синайский полуостров, находился под политическим и культурным влиянием Египта. Его длина достигает ныне

140 км, но в древности была существенно меньше. На полпути от Средиземного к Красному морю находится озеро Тимса (др.-егип. Кем-ур — «Великое черное»).

У самой южной окраины Дельты раскинулся Каир. Но мы не совершим посадку в его аэропорту у Гелиополя, а полетим дальше, на юг, вдоль долины Нила, спрямляя ее изгибы (рис. 1), в район Первого порога — туда, где находится остров Элефантина и где с помощью Советского Союза построена Асуанская плотина. Здесь некогда пролегали южные рубежи собственно Египта. Недаром «отец истории» Геродот, посетивший страну пирамид в V в. до н.э., отметил, что «Египет есть вся та земля, которую водами своими орошает Нил, а египтяне все те, которые живут ниже города Элефантины и пьют воду из реки Нила». За Первым порогом простирается Северная Нубия — знойная, малоплодородная страна, где жизнь была возможна лишь у самой, ограниченной всего десятками метров прибрежной кромки реки. Ныне государственная граница АРЕ проходит в 44 км севернее Вади-Хальфы.

От крайней северной оконечности страны — мыса Бурлоса — до Асуана нам надо пролететь по прямой 788 км, по тому, кто поплывет по Нилу, предстоит путь свыше 1200 км — ведь ему придется следовать по изгибам русла реки.

За Каиром откроется нам из иллюминатора самолета необычная картина. Уходя далеко на юг, протянется извилистая голубая лента Нила (рис. 2), окаймленная с двух сторон зелеными прямоугольниками полей, прорезанных каналами и дамбами, пальмовыми рощами с лежащими вблизи них селениями, храмами и городами. За ними — к востоку и западу, насколько хватит глаз, простираются неоглядные дали плато Аравийской и Ливийской пустынь, которые подступают к Нилу невысокими скалистыми грядами. На западе, соединенная с Нилом его рукавом — «рекою Иосифа» (Бахр-Юсуф), раскинулась плодородная долина Фаюмского оазиса, в северо-западной окраине которого протянулось на 50 км с запада на восток Миридово озеро (совр. Биркет-эль-Карун). В древности оно было гораздо обширнее. В Ливийской пустыне, на значительном удалении от долины Нила, располагаются и другие тяготеющие к ней оазисы: Сива, где некогда находился знаменитый оракул Амона, который посетил Александр Македонский, Эль-Бахрие, Эль-Фарафра, Эль-Харге и, наконец, Эль-Дахле. К ним вели караванные пути.

Ширина реки неодинакова — от 2000 до 450 м. Обычно ненамного превышает ее и ширина плодородной прибрежной полосы. В некоторых местах скалы вплотную подступают к воде. И даже там, где они несколько отдалены от реки, они отходят от нее не более чем на 24 км, как, например, к западу от Гераклеополя. Даже у Фив — древней столицы Египта — ширина долины на западном берегу не превышала 3,5 км, а на восточном — 5,7 км.

Таким образом, на юге страны египтянин всегда мог видеть восточные и западные рубежи обитаемой территории. Вплоть до последнего времени

Рис. 1. Пиля у порога. Фото Б. Э. Урбана

плодородные земли занимали всего лишь 3% общей площади страны. Остальное — скалы и пустыни. И только сейчас благодаря героическим усилиям египетского народа, сбросившего ярмо колониального гнета, пески постепенно отступают.

Собственно говоря, Египет представляет собой гигантский, вытянутый вдоль русла Нила оазис, ибо климат страны таков, что на большей части ее территории река является единственным источником влаги. Если на побережье Средиземного моря бывает 25—30 дождливых дней в году (ок. 190 мм осадков), то в районе Каира — не более 4—6, на юге же страны осадки практически не выпадают, и это притом, что в летний период (с мая по сентябрь) температура днем достигает $+52^{\circ}\text{C}$, смягчаясь только к вечеру систематически дующим северным ветром. Южный Египет славится сухостью климата. Именно поэтому сохранились до наших дней многие памятники древности, и в том числе наиболее драгоценные для нас — папирусы.

Белый Нил — самая длинная река на земле (6670 км) — берет начало во впадающей в озеро Виктория реке Кагера. Протекая через озера Экваториальной Африки и принимая ряд притоков, он служит естественным стоком для выпадающих в бассейне его верховьев осенью и весной тропических дождей. Важнейший приток Белого Нила — Голубой Нил, вытекающий из озера Тана, и приток последнего Атбара, спадающие с Абиссинского нагорья в Эфиопии, получают питание от муссонных дождей и главным образом от тающих в горах снегов.

Половодье начинается в Южном Египте в конце мая, в середине июня оно достигает района Каира, причем сначала поступают воды Голубого Нила, а примерно недели через три — Белого. Наивысшего уровня разлив достигает к концу сентября. К ноябрю река возвращается в берега.

Бурные потоки, ниспадающие с гор Эфиопии, несут с собой минеральные частицы, которые вместе с массой ила и органических остатков, поступающих преимущественно с водами Белого Нила, представляют идеальное естественное удобрение для полей, где они и откладываются во время наводнения.

Разлив Нила из года в год повторяется почти с астрономической точностью. Уже в глубокой древности, возможно даже к концу IV тысячелетия, египтяне заметили, что начало половодья совпадает с первым восхождением звезды Сириус (Сотис). Через несколько дней после летнего солнцестояния, незадолго до рассвета, Сириус вновь появляется на горизонте после примерно шестинедельного перерыва, когда он невидим в солнечных лучах, так как его захождение и восхождение происходят днем. Этот день считался началом нового года.

Известное изречение Геродота: «Египет — дар Нила» — именно потому и пережило тысячелетия, что оно наиболее кратким и точным образом отображает истинное положение вещей. Ибо, как уже было сказано, только река приносит стране жизненную влагу. Если дождей в Центральной Африке выпадало мало или таяние снегов в Эфиопии было недоста-

Рис. 2. Берег Нила, Фото Б. Э. Урбана

точно интенсивным и воды Нила подле Мемфиса не достигали в половодье считавшегося нормальным в греко-римскую эпоху уровня в 16 локтей (7,2 м; раньше он должен был быть еще выше), наступал голод, так как поля получали мало влаги, а лежавшие поодаль от реки земли и вовсе не орошались. Чем меньше был против обычного разлив, тем большим было бедствие. Особенно тяжелым становилось положение страны, если пизкий разлив повторялся несколько лет подряд. В равной мере катастрофой могло обернуться слишком быстрое и бурное таяние снегов на Абиссинском нагорье или слишком интенсивные, превосходящие норму дожди в районе Великих озер. В этом случае Нил наводнял Египет, заливая города и селения, смывая дамбы, сады, виноградники и пальмовые рощи. Вот почему египтяне всегда самым внимательным образом следили за поднятием воды, отмечая ежегодно ее уровень на стенах специальных колодцев — нилометров.

Несмотря на плодородие почвы, растительность Египта в исторический период была не слишком разнообразна, даже бедна, если говорить о древесных породах. Из последних наиболее часто встречаются одиночные акации и сикоморы. Специально высаживались финиковые пальмы, пальмы дум и цитрусовые. Поэтому Египет всегда испытывал нужду в дереве. Так как при ограниченности орошаемой земли использовался каждый клочок ее, пригодный для взращивания полезных растений, то для дикорастущих почти не оставалось места, особенно в Южном Египте. Вот почему здесь нет ни рощ, ни лугов. Но такой стала страна лишь с поселением в пойме Нила человека. С его появлением изменилась и фауна. Правда, тогда в чащах тростника водились в изобилии водоплавающие птицы, на берегах нежились крокодилы, которые ныне встречаются лишь далеко на юге Судана, в тихих заводях плескались бегемоты, а в прилегающих пустынях водились львы, гепарды, пантеры и их обычная добыча — антилопы и газели, дикие ослы, страусы и жирафы. Все эти звери давно исчезли, их можно увидеть лишь в зоологических садах Каира и Александрии, но еще в эпоху Нового царства и даже позже они были обычны. Значительно раньше, очевидно в IV тысячелетии до н.э., на юг откочевали слоны и марабу. В глухих местах сохранились до наших дней только шакалы и гиены, питающиеся отбросами и падалью.

Не встретим мы сейчас ни лотосов, ни зарослей папируса. И они отступили на тысячи километров к югу.

Недостаток дерева восполнялся камнем и глиной. Кирпич-сырец использовали преимущественно для постройки жилищ, даже дворцов фараонов. Но храмы, особенно монументальные святилища эпохи Нового царства, воздвигали из песчаника, доставлявшегося с юга. Известняк был распространен повсеместно. В каменоломнях к востоку от Мемфиса добывались лучшие его сорта, шедшие на изготовление статуй, саркофагов и орнаментальных архитектурных деталей. Великолепный красный гранит привозили из района Первого порога, а прозрачный светло-янтарных оттенков алебастр в изобилии находился в Среднем Египте. Из него вы-

сверливали сосуды и высекали статуи и даже небольшие храмы. Наконец, в Вади-Хаммамате паходились залежи шифера (граувакки), цветной брекчин и порфира.

Если Египет был богат минералами, то с металлами дело обстояло по-иному. В Восточной (Аравийской) пустыне содержались лишь незначительные запасы золота и меди. Золото приходилось привозить с юга, из Куша. Медь добывалась преимущественно в рудниках Синайского полуострова, где имелась также и бирюза. Серебро было столь редким, что, до тех пор пока его не стали ввозить из Азии (в эпоху Древнего царства), оно ценилось выше золота.

Географическое положение страны предопределяло ее изолированность. С запада и востока ее ограничивали бескрайние пустыни, с севера — Средиземное море, путь на юг, по Нилу, преграждали ряды порогов, обойти которые можно было лишь по безводной пустыне. Только трудные караванные тропы, которые вели от колодца к колодцу, связывали долину Нила с Красным морем. Впрочем, древнейшие обитатели страны не проявляли сколько-нибудь значительного интереса к внешнему миру. Все необходимое для жизни они добывали на месте.

В глубокой древности, восемь-десять тысяч лет назад, когда климат Северо-Восточной Африки был значительно более влажным и дожди выпадали в саваннах и степях, ныне превратившихся в выжженные солнцем песчаные пустыни, первобытные кочевые охотничьи племена, сцены из жизни которых увековечены на скальных рисунках, избегали селиться в болотистой и нездоровой, заросшей камышом пойме Нила. Лишь иссушение климата вынудило их спуститься туда.

Именно в ту отдаленную эпоху и в ближайшие последующие тысячелетия происходит формирование египетской народности в результате смешения различных племен, обитавших в Северо-Восточной Африке и, возможно, пришедших из прилегающих к ней районов Аравийского полуострова, — кушитов, берберов и протосемитов. Затем, много позднее, уже во времена исторические, особенно на юге отмечается примесь негроидов. Во всяком случае, дошедшие до нас древнейшие изображения показывают, что к концу IV тысячелетия до н. э. складывается более или менее однородный антропологический тип, который, особенно в сельских местностях, сохранился до наших дней. Для египтян были характерны относительно высокий рост, смуглая кожа, преимущественно у мужчин, прямые черные волосы, иногда несколько утолщенные губы.

С течением времени по мере роста населения охота, собирательство и рыболовство, которыми занялись, попав в пойму Нила, эти древнейшие палеолитические племена, уже не могли прокормить увеличившееся население, что обусловило переход к скотоводству и появление земледелия. К середине VI тысячелетия до н. э. повсеместно распространяются неолитические орудия, сменив грубые и менее специализированные палеолитические. Тогда же выкристаллизовались первые характерные черты собственно египетской культуры, столь специфичной и своеобразной.

В IV тысячелетии до н.э. к прежним материалам, служившим для изготовления орудий и оружия, — камню, дереву, кости — добавляется новый — медь. Использование металла знаменовало подлинную революцию в развитии производительных сил.

Переход к новым, более прогрессивным формам хозяйства вызвал не только появление новых видов орудия, но и новую социальную организацию: первобытнородовые отношения кочевых охотничьих племен сменяются территориальной общиной. Нужда в дополнительной площади обрабатываемой земли по мере роста населения, продолжающегося в связи с большей стабильностью источников пропитания, вынуждает приступить к строительству оросительных каналов и водозащитных дамб.

Из-за земли и скота между соседними территориальными общинами нередко были вооруженные столкновения. Эти междоусобные стычки и войны способствовали накоплению богатств у отдельных лиц и, следовательно, социальному расслоению. В результате выделяется родовая знать, появляется рабство. Более сильные в военном и экономическом отношении общины присоединяют насильственно слабейших соседей. Возникают объединения общин, где со временем племенные вожди и родовые старейшины превращаются в царьков. Этот процесс — длительный и для многих общин мучительный — привел в конечном итоге к формированию классов и возникновению небольших примитивных государственных образований. Город-центр с его рынком и ремесленниками — обычно резиденция вождя и местонахождение святилища-храма главного божества, почитаемого в данной местности, который нередко служил и сокровищницей, — и тяготеющие к нему поселения составляли такое государство, которое нередко либо само нападало на своих соседей, либо вынуждено было от них обороняться. По мере продолжающегося освоения новых земель под посевы требовалось затрачивать все больше и больше сил на сооружение ирригационной системы, а это, в свою очередь, обуславливало и необходимость расширения кооперирования труда и усложняло руководство им.

К IV тысячелетию до н.э., согласно «канонической» традиции, зафиксированной в греко-римскую эпоху и восходящей к Новому царству, возникло 20 таких государств на севере страны и 22 на юге. Границы их в дальнейшем легли в основу административно-территориального деления Египта на округа, или, как их называли греки, номы¹.

В результате войны, длившейся столетиями между этими государствами, очевидно, во второй половине IV тысячелетия до н.э., возникли два крупных царства: на севере — со столицей в Буто и на юге — в Иераконполе (Нехене). Царь Северного царства носил красную корону, Южного — белую. Символом первого была пчела, второго — тростинка.

Объединение всей страны, по распространенной традиции, зафиксированной в IV в. до н.э. египетским жрецом Манефоном, было достигнуто

¹ На протяжении тысячелетий границы и число номов, естественно, неоднократно менялись. Таким образом, указанное количество их условно.

царем Южного (Верхнего) Египта — Менесом, который подчинил Северный (Нижний) Египет. Его считают, согласно традиции, сохраненной Геродотом и Манефоном, основателем I династии. Однако в действительности объединение, видимо, произошло еще до Менеса, а ему преданием приписано создание единого государства потому, что при нем начали вести древнейшие летописи.

К Манефону, написавшему для завоевателей-греков на основании древних хроник и анналов историю своей родины, восходит принятая у нас, правда с некоторыми незначительными изменениями, периодизация истории Египта. Этот жрец-историк вел счисление по династиям, которых он от Менеса до своего времени насчитал тридцать. Им же предложено было обозначение и более крупных периодов как Древнее, Среднее и Новое царства. Каждое из них включает десять династий. Время, непосредственно предшествовавшее Менесу, получило название додинастической эпохи.

На рубеже Верхнего и Нижнего Египта, юго-западнее современного Каира, Менес заложил крепость, названную им «Белые стены», что звучало по-египетски примерно «Инбу-хедж». Здесь впоследствии возник город, ставший в эпоху Древнего царства столицей Египта, который греки называли Мемфис². Одно из местных названий Мемфиса — Хикупта («Крепость духа Пта» — главного бога этого города), вероятно, послужило основой для греческого обозначения всей страны как Айгюптос, т. е. Египет. Сами египтяне называли свою родину «Кемет» — «Черная», отличая таким образом черную плодородную землю, орошаемую Нилом, где они жили, от «красной», непригодной для обитания пустыни.

Еще к концу додинастической эпохи формируются основные характерные для древнеегипетской культуры особенности: иероглифическое письмо, художественный стиль, а также религиозные представления и культ мертвых. Несколько изменяясь и модифицируясь, они сохраняются на протяжении долгих веков, включая греко-римскую эпоху.

С объединением страны при первых двух династиях, правивших примерно с 3000 по 2800 г. до н.э., т. е. в период, который теперь принято выделять из Древнего царства под названием Раннего царства, Египет превращается в централизованную раннерабовладельческую восточную деспотию. Однако сохраняются еще многие пережитки первобытнообщинного строя как в области религиозной идеологии (например, культ обоожествленного царя, воплощавшего производительные силы природы, тотемистические представления и т. д.), так и в сфере социально-экономических отношений, о которых известно значительно меньше. На основании позднейших и далеко не всегда прямых данных можно утверждать, что сохранилась сельская община. Ведь только коллективным трудом можно было поддерживать систему оросительных сооружений и строить новые, когда в том возникала потребность. Это обусловило ее стабильность и вме-

² Название происходит от наименования поселения при пирамиде фараона Пюпи I — «Мен-нефер».

сте с тем замедлило возникновение и развитие частнособственнических отношений, что, в свою очередь, привело к тому, что социальная структура Египта оказалась весьма устойчивой и мало менялась на протяжении веков.

Объединение долины Нила было важнейшим событием в истории Египта. Оно положило начало новому, качественно отличному этапу в исторической судьбе страны. Единство воплощалось в неограниченной власти царя-деспота — фараона, провозглашенного земным богом. Даже имя его не следовало произносить. Говоря о нем, надо было прибегать к эвфемизмам, например «великий дом», т. е. дворец. По-египетски это звучало примерно «пер-о», превращенное греками впоследствии в «фараон».

Создание единой для всей страны системы ирригационных сооружений — основы для дальнейшего развития земледелия, главной отрасли хозяйства Египта на всем протяжении его истории, — предопределило специализацию и разделение труда, следовательно, благоприятствовало развитию ремесла и расширению обмена. Правда, хозяйство в основном должно оставаться натуральным вплоть до эпохи эллинизма. Обмен между отдельными существовавшими в додинастический период ранними государственными образованиями — каждое из них или группа смежных областей имели некоторую экономическую специфику — постепенно перерос в обмен между югом и севером (где, например, шире было развито скотоводство), а затем с течением времени охватил и прилегающие страны Восточного Средиземноморья (Палестину, Сирию, Крит), а также Куш, откуда караваны доставляли эбеновое дерево, благовония, слоновую кость, шкуры редкостных животных и т. п. Внешняя торговля была вначале монополией царя. Затем ее могли вести высшие сановники, а также храмы.

В эту пору формируется и государственный аппарат с обслуживающими его чиновниками-писцами. Выделяется прослойка придворной знати. Очень отчетливо проступает сохранившаяся в дальнейшем по традиции двуединость страны. Фараон носит двойную объединенную корону, «белую» и «красную», — Верхнего и Нижнего Египта, его величают «владыкой Обеих Земель»; двуедиными были важнейшие учреждения, например сокровищницы-«дома» — «белый» и «красный». Обособляются административные округа — номы, нередко совпадающие с древнейшими государственными образованиями. Во главе их находятся правители — согласно позднейшей греческой терминологии, номархи, назначаемые, видимо, фараоном, но, возможно, происходившие из местной знати.

Отряды, очевидно уже постоянные, дружинников-телохранителей осуществляли и полицейские функции. И набираемому по мере нужды ополчению приходилось не только подавлять то и дело поднимавшиеся стихийно на севере, в Дельте, восстания, о чем сохранились весьма определенные сведения, но и вести войну за рубежом — на Синайском полуострове с обитавшими там кочевниками, чтобы обеспечить получение медной руды, а на юге и на западе с кушитскими и ливийскими племенами. После успешных походов в Египет пригоняли стада крупного и мелкого

скота и толпы рабов. Добыча обычно доставалась царю и ближайшему его окружению. Труд рабов находил уже обширную сферу применения и на общегосударственных работах, и в имениях фараона и вельмож.

О политических событиях того отдаленного времени почти ничего не известно. Лишь по косвенным намекам можно догадываться о каких-то смутах или волнениях в Дельте, но каков был ход событий, мы не знаем. В начале Раннего царства появляется гончарный круг и в основном была разработана иероглифическая система письма.

Эпоха Древнего царства (около 2800 — около 2250 гг. до н.э.), охватывающая время правления III—VI династий, началась с воцарением Джосера, при котором его верховным сановником, гениальным архитектором, врачом и мудрецом Имхотепом, впоследствии обожествленным, была воздвигнута в Саккара (подле современного Каира) первая пирамида — ступенчатая. Ее высота достигала 60 м. Очевидно, это древнейшее в мире монументальное сооружение из камня.

Эта эпоха, особенно первые ее века, характеризуется дальнейшим развитием земледелия, прежде всего вследствие расширения сети оросительных каналов и, следовательно, площади обрабатываемых земель. Наряду с мотыгой, постепенно смеля ее, появляется еще в Раннем царстве плуг, влекаемый быками или коровами. Совершенствуются и специализируются медные орудия.

Расширяются связи с соседними странами. Египет нуждался в привозном сырье, в первую очередь в дереве. За ним систематически посылаются корабли в порты Сирии и Палестины. Например, в Библие, по всей вероятности, существовала небольшая египетская фактория. Учащаются торговые экспедиции и хищнические походы в Куш, откуда доставляли рабов и скот. О странствиях в южных странах подробно рассказывают в автобиографиях, высеченных в гробницах, вельможи, выполнявшие поручения фараонов. Некоторые из них, очевидно, проникали далеко на юг. Именно к этому времени относится свидетельство о том, что в Египет был доставлен карлик-пигмей. Как известно, пигмеи обитают в глубинных районах Центральной Африки. В Северной Нубии также возникают поселения египтян, как это установлено последними раскопками.

Продолжается дальнейшая централизация и бюрократизация государственного аппарата, во главе которого стоял везир. Могущество фараонов достигло небывалой прежде, да, пожалуй, и впоследствии, силы, распространившись на всю страну, слившуюся в единое целое. Былая двойственность сохраняется как архаический пережиток в титулах, названиях должностей, в некоторых обрядах, церемониях и т.п. Номами управляют назначенные царем сановники, а древняя номовая знать там, где она еще сохранилась, в значительной своей части становится придворной. Часто, особенно при IV династии, важнейшие должности занимали близкие родственники царя. Фараон был также верховным жрецом, высшей законодательной и судебной инстанцией. Вся страна и все ее население рассматривались как его собственность. Конечно, в действительности это право

осуществлялось лишь номинально. Частноимущественные отношения продолжали развиваться, и земля, как и другие владения, могла отчуждаться.

Неограниченная власть царя нашла воплощение в грандиозных гробницах-пирамидах. Самые большие из них воздвигнуты при IV династии фараонами Хуфу (Хеопсом), Хафра (Хефреном — рис. 3) и Менкаура (Микерином) в XXVIII—XXVII вв. до н.э. Высота самой большой пирамиды — Хуфу — достигала 146 м, а длина стороны основания — 230 м. На строительство ее потребовалось около 2300 тыс. каменных блоков, причем вес некоторых достигает 15 т. Если принять во внимание, что строители пользовались лишь медными инструментами и самыми примитивными транспортными и подъемными средствами (катки, полозья, рычаги), а точность подгонки блоков такова, что между ними нельзя просунуть и лезвие ножа, то неизбежен вывод о необходимости затраты не поддающегося даже учету количества труда для сооружения подобных памятников. Требовалось напряжение всех сил страны. Ведь десятки тысяч людей — крестьян и, вероятно, рабов-военнопленных — отрывались от производительной деятельности. Недаром в народных преданиях, записанных Геродотом более двух тысяч лет спустя, память о Хуфу сохранилась как о жестоком угнетателе: «... Хеопс поверг Египет во всевозможные беды. Прежде всего он запер все храмы и запретил египтянам приношение жертв; потом заставил всех египтян работать на него. Одни обязаны были таскать камни из каменоломен, что в Аравийском хребте, к Нилу; по перевозке камней через реку на судах их должны были принимать другие египтяне и тащить к хребту, называемому Ливийским. Таким образом работало непрерывно в течение каждых трех месяцев сто тысяч человек. Народ томился десять лет над проведением дороги, по которой таскали камни... Само сооружение пирамиды длилось двадцать лет... Сделана она из шлифованных камней, в совершенстве пригнанных друг к другу...» Преемникам Хуфу пришлось довольствоваться меньшими усыпальницами.

Для трудового населения были введены регулярные, строго учитываемые писцами повинности в пользу казны, храмов, сановников, которым для «кормления» передавались целые поселения. С этой целью через определенные промежутки времени — обычно каждые два года — производились переписи земли и скота. По мере надобности население привлекалось для несения военной службы. Известно, что значительные отряды воинов в числе «многих десятков тысяч» направлялись в Сирию и Палестину. Но о результатах этих походов мы почти ничего не знаем. Так, при царе V династии Сахура были доставлены толпы пленных ливийцев и азиатов и захваченные вместе с ними их стада. При нем же была отправлена первая известная нам морская экспедиция далеко на юг — в страну Пунт (совр. Сомали) за благовониями.

Скрыты от нас и события времени конца правления IV династии. Даже пирамиды последних царей ее не сохранились. Правда, сам факт этот достаточно красноречив и допускает возможность гипотезы о том, что в стране далеко не все обстояло мирно и благополучно.

Рис. 3. Голова статуи Хафра (Хефрена). Алебастр. IV династия. Первая половина III тыс. до н. э. Музей изящных искусств. Бостон.

Возможно, что первые фараоны V династии, основателем которой был Усеркаф, находились в родстве или свойстве с предшествующей. Их пирамиды, в которых мы впервые встречали надписи, связанные с заупокойным культом (в пирамидах IV династии никаких надписей не имелось), — так называемые «Тексты пирамид», значительно уступают по размерам пирамидам Хуфу и его преемников. Правда, тогда строятся обширные храмы в честь бога солнца Ра; возможно, цари V династии были связаны со жрецами этого бога, центр поклонения которому находился в Гелиополе (Оне). Тогда же начинает значительно усиливаться знать, опиравшаяся на хозяйство номов, как, впрочем, и вельможи, пребывавшие при дворе. Этот процесс завершается в годы правления VI династии, особенно при ее последнем представителе — Пиопи II, почти столетнее царствование которого было, очевидно, самым продолжительным во всей мировой истории. Он и некоторые из его предшественников так называемыми грамотами защиты вынуждены были освобождать от общегосударственных повинностей целые области припирамидных поселений и храмовых владений, в первую очередь на юге, где влияние столицы Мемфиса и двора сказывалось слабее. В конце концов номовая знать выступила против тяготившей ее центральной власти, которая к тому времени уже выполнила свою основную функцию, создав оросительную систему, соответствующую потребностям данного количества населения и данному уровню социально-экономических отношений.

После смерти Пиопи II (около 2250 г. до н. э.) страна распалась на отдельные, враждующие между собой области. Децентрализация длилась свыше двух веков. Следствием ее было разрушение многих ирригационных сооружений, что губительным образом сказалось на производительных силах. Это время, очевидно наполненное волнениями и междоусобными войнами, принято называть периодом Первого распада Египта. Тогда правили эфемерные VII—X династии, о которых источники сохранили смутные и часто противоречивые сведения. Так, согласно Манефону, 70 царей VII династии занимали престол 70 дней. Цари IX и X династий правили в Гераклеополе, и последним удалось воссоединить под своей властью значительную часть страны — прежде всего Дельту. На юге — в Фивах — обосновались местные правители, которые образовали XI династию. Усилившись со временем, они, приняв полную титулатуру фараонов, стали претендовать на власть над всем Египтом, что привело к затяжной войне с Гераклеополем, потерпевшим в конце концов поражение. Юг оказался более сплоченным. При фараоне XI династии Ментухотепе I (около 2050 г. до н. э.) Египет был вновь объединен в единое государство.

В период распада земледелие и огородничество развивались преимущественно на высоких холмах, которые орошались вручную. Частноземлевладельческие отношения, которые дали возможность интенсивнее проявлять инициативе отдельных лиц, вызвали некоторые усовершенствования и орудий производства, и техники сельского хозяйства. Нужда мелких и средних собственников в рабочих руках способствовала увеличению числа

рабов, находившихся в частном владении. Постепенно эта прослойка так называемых «неджесов» («малых») в отличие от «уру» («больших», т. е. знатных) становится все более обеспеченной и влиятельной. Именно она больше всего была заинтересована в единстве страны. Ведь лишь сильное государство могло не только восстановить и расширить сеть оросительных каналов и оградительных дамб, но и паладить обмен с соседними странами, нарушенный в годы войн и смут.

Новое объединение Египта, завершенное Ментухотепом I, положило начало эпохе Среднего царства (около 2050 — около 1750 гг. до н. э.). В сфере развития производительных сил она характеризуется распространением бронзы, хотя вместе с нею продолжают использоваться для изготовления орудий и всевозможных поделок медь и даже камень. Совершенствовался плуг, продолжалась специализация инструментов и оружия, улучшались породы скота. Удовлетворяя запросы сформировавшейся прослойки «неджесов», государство заботится об оросительных сооружениях. В Среднем царстве проводятся большие работы для осушения заболоченного оазиса (современный Фаюм), что позволило занять под посевы значительную площадь плодородной земли. Интенсивно разрабатываются медные рудники Синайского полуострова и в районе Аравийской пустыни, прилегающей к Северной Нубии. Египетское влияние распространяется и закрепляется в Финикии, из Библа систематически вывозится лес; завязывается обмен и с Критом.

В обширных поместьях знати применялся, очевидно, труд и свободных земледельцев, хотя и число рабов возрастает. Значительное количество их имели и отдельные «неджесы». Источником пополнения рабов были грабительские походы в Куш и в области, с запада прилегающие к Дельте. Полностью была завоевана Северная Нубия, и мощные крепости, построенные подле Второго порога, должны были ограждать новые рубежи Египта.

Около 2000 г. до н. э. престол захватил везир последнего фараона XI династии Аменемхет I, основатель XII династии. Резиденция из Фив была перенесена в район Фаюма, в крепость, носившую многозначительное название — Иттауи, что означает «Захватившая Обе Земли» (совр. Лишт). Очевидно, в центре страны было удобнее следить за всем происходящим и вместе с тем за грандиозными по тому времени работами по осушению Фаюма. Отдельными областями управляли номархи, которые на первых порах пользовались относительной самостоятельностью. Долгое время обстановка в стране оставалась напряженной вследствие попыток некоторых номов отложиться от центральной власти и волнений, вызванных социальными противоречиями, о которых достаточно определенно говорится в дошедших до нас «Поучениях». Лишь Аменемхету III (1850—1800 гг. до н. э.), подавившему все сепаратистские устремления, удалось добиться более или менее устойчивого единства страны. Впрочем, и при нем происходили отдельные вспышки. Поэтому царям приходилось опираться преимущественно на служилую знать, включавшую теперь и не-

родовитых людей. Появилось профессиональное, однородно вооруженное войско, укомплектованное рекрутами и иноплеменниками, преимущественно обитателями Аравийской пустыни. Именно оно позволило фараону Сенусерту III (1887—1850 гг. до н. э.), самому удачливому завоевателю из фараонов XII династии, совершить успешный поход в Палестину. Память о нем сохранялась веками, и столетия спустя греки записывали предания о великом завоевателе Сесострисе.

Эпоха Среднего царства была периодом расцвета египетской культуры. При Аменемхете III (рис. 4), когда удалось добиться наибольшей стабильности в положении страны, при въезде в Фаюм было воздвигнуто огромное здание с тысячей помещений, ходов, галерей и коридоров, план которого был чрезвычайно сложным и запутанным. Грекам оно было известно под названием «Лабиринт». Возможно, это был заупокойный храм фараона. Язык времени Среднего царства в позднейшие времена считался классическим и служил образцом для подражаний. Созданные тогда художественные произведения: сказки, повести, поучения, — неоднократно впоследствии переписывались и изучались в школах. От того времени дошли и первые научные тексты — математические и медицинские.

Сменившие Аменемхета III, шестого царя династии, царь и царица сколько-нибудь заметных следов не оставили. И это понятно. Назревал новый социальный кризис — наиболее мощный из всех нам известных. Мы знаем о нем из так называемых «Речений Ипусера», которые акад. В. В. Струве приурочивает к событиям, очевидно происшедшим в конце XII династии и во время сменивших ее XIII и XIV династий, хотя другие исследователи склоняются к тому, чтобы отнести этот текст к периоду Первого распада Египта. Ярый противник восставших, Ипусер обрушивается на них потоком обвинений и жалоб. Он описывает беды, постигшие Египет, который «перевернулся, подобно гончарному кругу». Однако, поскольку речения его составлены в самых общих выражениях, невозможно установить, в какие конкретные формы вылились события и как протекало восстание. Затруднительно установить, сколь сильно было влияние царей XIII династии, правившей в Фивах, и сменившей ее или правившей одновременно с ней в западной части Дельты — в Ксоисе — XIV династии. Во всяком случае, какие-то части страны оставались объединенными. Вероятно, сохранились владения в Северной Нубии. Это время и последующие десятилетия обозначаются как период Второго распада Египта (1750—1580 гг. до н. э.).

Но страна уже значительно ослабла и не смогла отразить вторгшиеся с востока около 1710 г. до н. э. племена завоевателей — гиксосов, как их, согласно Манефону, принято до сих пор называть. Этническая принадлежность пришельцев и теперь остается одной из самых дискуссионных проблем истории Египта. Известно лишь, что среди них были и семиты. Гиксосы овладели значительной частью страны. Во всяком случае, в Дельте, где их правители обосновались в городе Аварисе (позднейший Танис), находившемся у восточной ее границы, они господствовали безраздельно,

*ис. 4. Скульптурный портрет Аменемхета III. Гранит.
II династия. XIX в. до н. э. Государственный музей изобра-
зительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва*

образовав две династии — XV и XVI, которые вошли в историю под названием «гиксосских». На юге — в Фивах — продолжали править местные цари, хотя, быть может, некоторым из них и приходилось признавать себя вассалами сидевших в Аварисе завоевателей, из которых, видимо, самыми могущественными были Хиан и Апопи.

Власть гиксосов над Египтом длилась немногим более столетия. Согласно традиции, гиксосам египтяне обязаны знакомством с лошадью и колесницей, хотя недавно при археологических раскопках в Северной Нубии, в крепости Бухен, в слоях, датируемых эпохой Среднего царства, обнаружен скелет лошади. Видимо, при гиксосах лошадь повсеместно распространилась в Египте.

Сидевшие в Фивах фараоны, возможно потомки XIII династии, создавшие XVII династию, как мы видели, вынуждены были, очевидно, некоторое время подчиняться гиксосам. Однако именно последние цари этой династии — Секененра и Камос — начали освободительную войну с захватчиками. Сохранилась мумия первого из них. Его тело покрыто глубокими ранами, из которых некоторые несомненно смертельны. Не исключена возможность, что он пал в одном из сражений.

Окончательно гиксосы были изгнаны из долины Нила около 1560 г. до н. э. преемником Камоса — фараоном Яхмосом I, основателем XVIII династии. Его правлением начинается следующая эпоха в истории Египта — эпоха Нового царства (около 1580 — около 1085 гг. до н. э.).

Никогда ни до этого, ни после Египет не достигал такого могущества, как именно в эту эпоху, которая охватывает время правления XVIII, XIX и XX династий. В результате успешных походов, длившихся столетиями, египтяне создали обширную империю, включавшую если не все, то, во всяком случае, значительную часть Северо-Восточного Средиземноморья. Преобладанию Египта до некоторой степени способствовало и временное ослабление тех стран, которые могли бы выступить его соперниками в борьбе за гегемонию. Но именно до известной степени, потому что основные причины военных успехов Египта следует искать не вне, а внутри страны.

Яхмос I, завершая дело своих предшественников — борьбу с гиксосами, сплотил страну, разобщенную в годы социальных смут и господства иноземцев. Вновь объединив Египет, он, преследуя захватчиков, вошел со своими войсками в Южную Палестину, а затем восстановил господство египтян в Северной Нубии. Освобождение от иноземного ига и установление сильной центральной власти, естественно, благоприятствовали развитию производительных сил. В равной степени способствовали этому и более тесные связи с окружающими странами.

В эпоху Нового царства все шире применяется бронза, появляются первые изделия из железа, которое, правда, еще при XVIII династии встречается чрезвычайно редко, преимущественно в виде ювелирных изделий. Наряду с металлом — он был сравнительно дорог — используются и орудия из камня, главным образом кремня, но в общем в это время

металл уже стал господствующим материалом. Существенные усовершенствования отмечаются и в ремесле: ткацком, где появляется более продуктивный и легче используемый вертикальный ткацкий станок, и в кузнечном, где ножной мех для раздувания горна сменяет простые трубки, через которые ртом вдували воздух. Повсеместно распространяются изделия из стекла. Сельскохозяйственным орудиям придаются формы, которые повышают производительность труда и облегчают усилия работающих. Продолжает расширяться площадь обрабатываемых земель, орошаемых теперь с помощью шадуфа (журавля). Лошадь и колесница, взятые на вооружение, укрепляют военный потенциал.

Значительно увеличивается внутренний обмен, хотя он продолжает в основном оставаться натуральным. Появляются профессиональные торговцы. Золото и особенно серебро все чаще служат мерилем стоимости, появляются деньги — в виде стандартных весовых единиц драгоценных металлов, — хотя к ним далеко не всегда прибегают для оплаты.

После победоносных походов, особенно частых и эффективных при фараонах XVIII династии — Аменхотепах I и III и Тутмосах I и III, в Фивы, да и в другие города, стекались несметные богатства: золото из рудников Куша, серебро из Азии, медь, слоновая кость, шкуры экзотических животных с юга, изделия искусных сирийских, кипрских и критских ремесленников, драгоценные камни, редкие породы деревьев. Все это привозилось в виде добычи или доставлялось как дань. Из Сирии и Куша пригоняли десятки и даже сотни тысяч рабов. Но так как все это фараон и его ближайшее окружение получали путем грабежа, то отпадала нужда в торговом обмене с окружающими странами, что, естественно, задерживало рост товарно-денежных отношений.

Рабов отдавали внаем и продавали. Подавляющее большинство их принадлежало царю, знати, храмам. Широко было распространено и частное рабовладение.

Некоторые льготы, возможно добытые в результате социальных смут массами земледельцев и ремесленников, постепенно отмирали. Со временем положение свободных крестьян, приписанных к царским и храмовым хозяйствам и поместьям вельмож, значительно ухудшилось вследствие увеличения обязательных поставок и повинностей. Занятые на работах царя и храмов ремесленники целиком зависели от жалованья, которое им выдавали с большим опозданием, особенно в периоды кризиса, как это было, например, при Рамсесе IV, когда рабочие Фиванского некрополя организовали нечто вроде стачки, требуя задержанное им довольствие.

Основу войска составляли колесничие. Их набирали из знати и зажиточных слоев. Среди пехотинцев, вооружаемых и снаряжаемых государством, значительный процент составляли иноземцы. Но основная масса воинов, конечно, состояла из рекрутов, которые набирались из среды трудящихся масс. Их положение было не легче положения земледельцев и ремесленников. К изнурительным работам, в которых их заставляли

принимать участие, добавлялись тяготы дальних и опасных походов, обогативших лишь их эксплуататоров. Недаром в школьных поучениях, где превозносятся преимущества и достоинства профессии писца, чтобы заставить нерадивых прилежнее учиться, так описывается участь земледельца и воина: «Вот ты не помнишь участи земледельца при записи урожая. Берет червь половицу ячменя, гиппопотам съедает остальное. Мыши многочисленны, в поле саранча опускается, скот ест, воробьи воруют. Горе земледельцу!.. Писец причалил к берегу, он записывает урожай. Его помощники — с палками, кушиты — с жилами пальмовых листьев. Они [говорят]: „Дай ячмень!“ — „Нет [его]“. Они бьют его битьем-переш. Он связан и брошен в колодец. Он погружен в воду вниз головой, его жена связана перед ним, его дети скручены. Его соседи оставляют их, убегая, и пропал их ячмень» (папирус Салье I). Не слаще и судьба воина: «Его приводят еще маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-ишфи наносится по животу его, удар-переш — по бровям его. Голова его разбита в кровь. Повергают его, причем избивается он, как лист папируса... [я расскажу] тебе о его походе в Сирию, о его движении по хребтам, причем его довольствие и вода на плече его, подобно грузу осла, и образует шея его хребет, как у осла. Хребет спины его разбит, он пьет воду протухшую. Он гонит сон. Достигает он врага, причем он подобен (?) подстреленной птице. Когда ему удастся вернуться в Египет, он как палка, которую изъел червь. Его доставляют на осле, а его одежды украдены, и его провожатый сбежал» (папирус Анастаси IV).

Древние роды номархов продолжали пользоваться значительной властью на местах, как и назначаемые фараоном администраторы и наместники. Они иногда владели огромными поместьями, хотя, вероятно, менее обширными, чем в эпоху Древнего царства. Фараон оставался носителем высшей неограниченной власти, от волеизъявления которого зависела жизнь и благосостояние любого из его подданных, вплоть до везира.

Со знатью почти неразрывное целое составляло и жречество. Вельможи нередко одновременно были и служителями культа. Храмы, т. е. те же жрецы, получали от фараонов в дар земли, скот, рабов, золото и другие дары в несметных количествах, особенно после победоносных походов. В их интересах иногда поколениями сооружались огромные величественные храмы, как, например, фиванские храмы Карнак и Луксор, посвященные главному богу Фив — Амону, ставшему с возвышением этого города главой египетского пантеона. В сокровищницах храмов накапливались неисчислимые богатства, что, разумеется, обеспечивало им значительное, а порой и решающее политическое влияние, особенно если принять во внимание, что религия была тогда основным инструментом идеологического воздействия.

Второй преемник Яхмоса I — Тутмос I, опираясь на приобретенный в борьбе с гиксосами опыт, приступил к осуществлению тех планов, которые обеспечили Египту на столетия гегемонию в Северо-Восточном Средиземноморье, но в то же время выпудили вести десятилетиями не прекращаю-

щиеся войны. Уже Тутмос I (1530—1520 гг. до н. э.) подчинил Куш до Третьего порога. На севере он, пройдя Палестину и Сирию, достиг Евфрата, где и одержал победу над Митанни — сильнейшим тогда государством, которое также не прочь было установить свое господство над прилегающими к Средиземному морю странами. Его сын и преемник — Тутмос II (1520—1505 гг. до н. э.) закрепил завоевания отца, хотя, по-видимому, дальше не продвинулся. Также в прежних границах оставались владения Египта при супруге последнего — царице Хатшепсут, узурпировавшей престол после смерти мужа. Но она отправила далеко на юг, в страну Пунт, за благовоениями и другими редкостными товарами морскую экспедицию. Рельефы, украшающие ее расположенный террасами храм в Дейр-эль-Бахари, содержат древнейшие из всех известных изображения жизни и быта племен Экваториальной Африки.

Вероятно, только смерть Хатшепсут освободила трон для законного его обладателя — Тутмоса III (1504—1450 гг. до н. э.), величайшего из фараонов-завоевателей. Совершив 17 походов в Азию, где он дошел в конце концов до Кархемиша на Евфрате, и достигнув на юге — в Куше — Четвертого порога Нила, Тутмос III стал владыкой обширной империи, простиравшейся с севера на юг примерно на 3200 км. В значительной степени определила успех победа, одержанная им на 22-м году правления у города Мегиддо над коалицией сирийско-палестинских правителей, возглавляемой царем Кадеша. Она завершилась после семилетней осады взятием Мегиддо. Что касается Кадеша, то Тутмос III смог овладеть им только двадцать лет спустя. Его преемникам — Аменхотепу II, Тутмосу IV и Аменхотепу III — оставалось лишь удерживать завоеванные страны и подавлять, особенно вначале, то и дело вспыхивающие мятежи.

В годы правления Аменхотепа III Египет достиг зенита могущества. Никто не решался противостоять сильнейшему из владык. Цари окружающих стран обращались с лстивыми посланиями в Фивы, униженно восхваляя фараона и выпрашивая подачки. Письма шли от сирийских правителей, палестинских князьков, из далекого Вавилона и нередко сопровождались просьбами о присылке золота: «Пусть брат мой пришлет золото в очень большом количестве, без меры, и пусть он пришлет мне больше золота, нежели моему отцу, ибо в стране моего брата золото все равно что пыль». Так писал грозный Тушратта, царь Митанни, перед которым трепетало тогда все Двуречье.

Аменхотеп III и его приближенные могли наслаждаться миром и роскошью. При нем воздвигались дворцы и храмы, жрецов которых, особенно бога Амона, он щедро одарял. Но за внешним благополучием скрывались противоречия. И они скоро сказались, возможно даже в последние годы сорокалетнего правления фараона. Прежде всего все более явственную и действенную форму принимает антагонизм между царем-деспотом и рабовладельческой знатью. Для сохранения своего могущества царь был вынужден опираться на военачальников, важнейших сановников, высшие круги жречества, но они же ограничивали его власть. В ру-

ках знати, особенно жречества, сосредоточились огромные богатства и обширные земельные угодья. Храмам принадлежали целые города и поселения. Чтобы ослабить противника, следовало лишить его основного оружия — в данном случае идеологического влияния, ибо, разумеется, власть жречества и тесно связанной с ним знати в значительной степени зиждилась на религии.

Старая религия оказалась неприемлемой и по иным причинам. Фараоны создали «мировую империю». Ей должна была соответствовать и религиозная идеология. А древние ее формы с чисто египетскими чертами не соответствовали новым потребностям и оставались чуждыми населению покоренных стран.

Таковы были объективные исторические предпосылки реформ, осуществить которые выпало на долю сына Аменхотепа III — Аменхотепа IV (середина XIV в. до н. э.), сделавшегося согласно обычаю соправителем в последние годы жизни отца.

В самом начале своего самостоятельного правления молодой фараон, опираясь преимущественно на средние служилые круги, устанавливает культ бога Атона — солнечного диска. Солнцу под различными именами в Египте поклонялись издревле. Если сначала Атон только выделяется среди других богов, то в дальнейшем он провозглашается единственным божеством. Культы всех прочих богов, прежде всего Амона, особенно ненавистного царю, отменяются. Их имена повсеместно уничтожаются. Сам Аменхотеп, что значит «Амон доволен», переименовывает себя в Эхнатона — «Угодного Атому». Дабы окончательно порвать со всеми традициями, он оставляет резиденцию своих предков — Фивы — и основывает в 450 км к северу от них новую столицу, названную им Ахетатон («Горизонт Атона» — совр. Эль-Амарна). Вот почему время его правления называют иногда Амарнским периодом.

В результате реформ Эхнатона был сделан неоспоримый шаг вперед по направлению к более передовым на том уровне человеческого сознания монотеистическим представлениям.

Внутренние распри ослабили военный потенциал Египта: Эхнатону, занятому реформами и борьбой с противниками, было не до азиатских владений. В Сирии появляются племена из окрестных степей — кочевые племена-хабиры, которых некоторые отождествляют с предками иудеев. Начинают посягать на владения Египта в Азии и хеттские цари. В конце концов он лишается значительной части завоеванных земель.

Внутри страны росло недовольство. В последние годы царствования Эхнатона ему противостояли не только жрецы и знать, лишившиеся своих доходов и влияния, но и средние слои, на которые опирался фараон. Расправившись с их помощью с противниками, он ничего не дал им взамен. Нельзя недооценивать и идеологического фактора. Народ за многие столетия привык к своим богам, верил им, и, конечно, никакие декреты не могли заставить его в течение нескольких лет забыть веру предков. Неудачи в Азии приписывались отступничеству и гневу исконных богов.

Словом, к концу семнадцатилетнего царствования Эхнатон оказался в изоляции. Спустя несколько лет после его смерти все реформы были отменены и восстановлен культ Амона, жрецам которого возвратили все их достоинство. Это произошло при втором преемнике Эхнатона — малолетнем фараоне Тутанхамоне, открытие неразграбленной гробницы которого было несомненно одним из самых замечательных достижений археологии нашего века. Эхнатона предали анафеме. «Еретик», «преступник из Ахетатона» — только так называли его впоследствии. Сколь ни кратковременным было правление этого фараона, сколь ни эфемерными проведенные им реформы, они оставили заметный след в истории культуры Египта. Именно тогда были созданы величайшие произведения египетского изобразительного искусства и такие шедевры литературы, как «Гимн Атону». Вот почему это время, которое всегда особенно привлекало внимание исследователей, заслуживает того, чтобы рассказать о нем подробнее.

После недолгого царствования сменившего Тутанхамона престарелого Эйе, который был при нем кем-то вроде опекуна, престол захватил при деятельной поддержке клира Амона энергичный и настойчивый военачальник Хоремхеб, считающийся основателем XIX династии. Хотя он в такой же степени был ставленником крупных землевладельцев — знати и жрецов, как и Эйе, тем не менее в своей внутренней политике он старался принять во внимание и интересы мелких и особенно средних слоев собственников, имущество которых под угрозой суровых наказаний защищалось от посягательств знати изданным при нем специальным декретом. Преследовалось и взяточничество.

Основные усилия обосновавшихся на севере фараонов XIX династии, что, с одной стороны, больше соответствовало задачам их внешней политики, а с другой — освобождало от влияния фиванского жречества, были направлены на восстановление и закрепление господства Египта в Сирии и Палестине, на которые по-прежнему претендовали хетты. С ними не прекращали бороться наследовавшие Хоремхебу Рамсес I и Сети I, правившие в общей сложности 16 лет. Лишь сыну последнего — Рамсесу II (1301—1235 г. до н. э.), одному из наиболее известных фараонов, оставшемуся на престоле 67 лет (рис. 5), — удалось на восьмой год царствования нанести хеттам поражение у Кадеша (1296 г. до н. э.). Сражение это недешево обошлось и египтянам, которым так и не удалось овладеть городом. Лишь через 16 лет после этого Рамсес II заключил мир с хеттским царем Хаттусили II, договорившись о полюбовном разделе Сирии, причем значительная часть ее оставалась за последним.

Значительно успешнее протекала строительная деятельность фараона. Воздвигнутые им храмы в Египте и Куше числом превосходят храмы любого из его предшественников. Правда, Рамсес не гнушался «плагиатом». Стирая имена прежних строителей, он взамен высекал свое имя. Последние десятилетия его правления, по-видимому, протекали относительно спокойно. Фараон и его ближайшее окружение своим местопребыванием избрали город Пер-Рамсес («Дом Рамсеса») — Танис, в восточной части

*Рис. 5. Голова статуи Рамсеса II. Гранит. XIX династия.
XIV в. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк*

Дельты, откуда удобнее было следить за владениями в Сирии и Палестине и предотвращать посягательства на них как хеттов, так и Митанни. Однако в Сирии вскоре после смерти престарелого фараона начались неурядицы. Уже его сыну, Мернептаху, получившему трон далеко в не молодых годах, пришлось отстаивать рубежи Египта от «народов моря» — видимо, коалиции ливийских и каких-то средиземноморских племен. В морском сражении враги потерпели поражение. Затем после относительно быстро сменившихся фараонов, о событиях времени правления которых известно очень мало, вспыхнуло восстание (около 1200 г. до н. э.). Впрочем, и о нем упоминания достаточно смутны. Можно лишь установить, что возглавил его сириец по имени Ирсу, объявивший себя царем, и что оно, видимо, было направлено против знати и жречества.

Восстание было подавлено Сетнахтом. О происхождении его источники пока молчат. Он стал основателем XX династии (около 1200 г. до н. э.) и правил всего два года. При наследовавшем ему Рамсесе III (акад. В. В. Струве, как и ряд других исследователей, полагает, что Рамсесом III следует считать Рамсеса-Сиптаха, которого обычно как узурпатора, захватившего власть в конце XIX династии, исключают из общего счета) на Египет вновь посягнули ливийские племена и «морские народы». Их трехкратные попытки вторжения были отбиты, хотя и не без усилий. Справившись с угрозой, Рамсес III устремился в Сирию, однако закрепиться там не смог, хотя и прибегал к помощи иноземных наемников — ливийцев и сардинцев (шардана). В своей внутренней политике он пытался завоевать благосклонность жрецов, не скупясь на дары храмам. Однако это, очевидно, губительно сказалось на экономическом положении страны. Именно при нем не выплачивали довольствия рабочим Фиванского некрополя. В конце концов он был, по-видимому, убит на 32-м году правления в результате дворцового заговора. Все последующие цари этой династии, по установившейся традиции, именовались Рамсесами (Рамсесы V—XI). При них — на протяжении последующего после смерти Рамсеса III (1198—1085 гг. до н. э.) времени — Египет постепенно теряет все свои владения в Сирии и Палестине. Это было следствием охватившего всю страну глубокого внутреннего кризиса, сопряженного с постепенным ослаблением власти фараонов, которые даже были бессильны охранить от расхищения могилы своих предков. При Рамсесе IX, как мы знаем, в Фиванском некрополе были ограблены в поисках сокровищ царские гробницы XVIII и XIX династий. Мумии фараонов и их близких пришлось запрятать в тайник, где они были обнаружены лишь в конце минувшего века.

В Фивах все более укреплялось влияние верховного жреца Амона, к которому перешли и светские должности, вплоть до командования войсками. В конце концов при Рамсесе XI действительным правителем юга и Куша стал глава клира Амона — Херихор. Египет вновь фактически распался на две части. Наследовавшие Рамсесу XI фараоны XXI династии, из которых первым по времени был Смендес, лишь номинально считались

владыками всей страны. Жрецы Амона узурпировали не только реальную власть, но и царскую титулатуру. Центр политической жизни смещается на север, где одна столица сменяет другую. Владения в Сирии и Палестине утрачиваются без возврата. Недаром, когда посланец Херихора и Смендеса (Несубанебджеда), обосновавшегося в Танисе, Ун-Амун, отправленный в Библ за кедром для барки Амона, обращается к местному правителю с требованием леса, тот отвечает: «...я не твой слуга. Я не слуга тех, кто послал тебя!» Так разговаривать с посланниками фараонов XVIII или XIX династии не посмел бы ни один сирийский царек.

С приходом к власти XXI династии (около 1085 г. до н. э.) Египет вступает в очередной этап своей истории — Поздний период. Он длится до завоевания страны Александром Македонским в 332 г. до н. э. Время, когда правили XXI—XXXI династии, характеризуется повсеместным распространением железа, которое с VII в. до н. э. стало основным материалом для изготовления орудий труда и оружия. Сравнительно позднее и медленное вступление долины Нила в железный век объясняется тем, что здесь не имелось ни залежей железной руды, ни дерева для выплавки железа. В распространении железных изделий, в первую очередь оружия, значительную роль сыграли греческие наемники, которые с VII в. систематически привлекаются в армию фараонами XXVI династии, а также ассирийцы; их полчища за столетие до этого вторглись в Египет. Продолжает совершенствоваться техника сельского хозяйства: наряду с шадуфом (журавлем) для полива полей используется, видимо, с этого времени или несколько более позднего заимствованное из Азии и водоподъемное колесо — сакиз. В массовых масштабах на сбыт производятся изделия из бронзового литья и фаянсовой пасты. Распространяются товарно-денежные отношения, в чем большое значение имела внешняя торговля — с Финикией, Критом, северным побережьем Средиземного моря, с которыми поддерживаются оживленные сношения. Египет стремился получить путем обмена и покупки отсутствующие у него товары — раньше при фараонах-завоевателях они доставлялись в страну в результате грабительских походов.

Совершаются торговые сделки и внутри страны. В основном их заключают знать и жрецы, которые занимаются и ростовщическими операциями, ссужая под высокие проценты зерно. Это обуславливает появление рабства-должничества, самопродажи в рабство, преимущественно в неурожайные годы. С развитием денежных отношений увеличивается эксплуатация, особенно в больших ремесленных мастерских. Обостряется противоречие между свободными и рабами. Патриархально-домашние формы рабства постепенно уступают место отношениям, характерным для более развитого рабовладельческого общества — античного. Однако, разумеется, сравнивать общество древнего Египта с развитыми рабовладельческими обществами Греции и Рима не приходится. Во всяком случае, и здесь, как можно судить по дошедшим до нас документам, рабы все чаще становятся объектом купли-продажи.

Фараоны, продолжавшие по-прежнему опираться на знать, особенно на жрецов, не только не препятствовали почти бесконтрольной эксплуатации трудящихся масс земледельцев и ремесленников, но еще отягощали их положение, отдавая храмам и вельможам целые поселения со всеми угодьями и имуществом.

Еще при Рамсесе IV, как было уже сказано, в Дельту с запада устремлялись племена ливийцев. Часть их, полоненная египтянами, оседала в специальных военных поселениях, которые были сосредоточены преимущественно на северо-западной окраине страны. Ливийская племенная знать, которой были сохранены все ее привилегии, не только одаривалась значительными земельными участками, но и допускалась к занятию высших воинских и жреческих должностей. В конце концов один из ливийских военачальников, Шешонк, возвысился настолько, что без особых усилий около 950 г. до н. э. смог овладеть тронном после смерти последнего царя XXI династии, Псусеннеса II, и таким образом положить начало господству над Египтом династии ливийских фараонов, которое длилось в общей сложности около 220 лет (XXII и XXIII династии).

Шешонку I, после того как он подавил ряд восстаний, удалось объединить значительную часть страны. Даже фиванские жрецы, которые, как и клир других храмов, превратились со временем в замкнутую касту, признали его власть. Это дало Шешонку возможность вмешиваться достаточно активно в события, развернувшиеся тогда в Палестине, где при царе Соломоне, с которым он сначала поддерживал дружеские отношения, значительно усилилось Иудейское царство, что таило потенциальную угрозу Египту. После смерти Соломона Шешонк совершил поход на Иерусалим, захватил город, но удержаться в Иудее не смог.

Достигнутое им объединение оказалось непрочным. Ливийская знать тяготилась властью фараонов, избравших для своей резиденции город Бубаст на востоке Дельты. Фивы, где главенствовали жрецы, признавали их лишь номинально, на севере Верхнего Египта возвысились правители Гераклеополя, фактически ставшие независимыми. В конце концов к середине VIII в. до н. э. страна, особенно Дельта, распалась на отдельные области, в большинстве которых авторитет сидевших в Бубасте фараонов стал не более как фикцией.

В эту пору далеко на юге, в Куше, возникает самостоятельное царство, объединившееся вокруг города Напаты (между Третьим и Четвертым порогами), где правила местная династия. Как возникло Напатское царство, которое сформировалось, очевидно, в начале VIII в. до н. э., пока не установлено, так как о том, что происходило в Куше после отпадения его от Египта в XI в. до н. э., ничего не известно. Опираясь на помощь фиванского жречества, царь Куша, Пианхи, около 730 г. до н. э. овладел Египтом и положил конец господству ливийцев. Однако на чужбине царь Куша долго не задержался и возвратился в Напату. В Дельте опять начался разброд, причем ведущую роль играли правители Саиса — Тефнахт и его сын Бокхорис (XXIV династия). Преемникам Пианхи

пришлось вновь отправиться на север и там закрепить свое господство. Эфиопская (XXV) династия, объединившая Куш и Египет, владела им до 671 г. до н. э., когда вынуждена была уступить силе ассирийского оружия. Попытка последнего ее представителя, Танутамона (Талтамани), восстановить положение успехом не увенчалась (хотя он дошел до Дельты, осадив до этого ассирийский гарнизон в Мемфисе). В 663 г. до н. э. он вынужден был окончательно отказаться от притязаний на трон египетских фараонов. Опасаясь могущественных и жестоких ассирийцев, правители Дельты не решились поддержать его. Войска Ассурбанипала, преследуя Танутамона, почти до основания разрушили Фивы, куда он вначале бежал в расчете на поддержку. Гибель великого города произвела сильнейшее впечатление не только в Египте, но и в окружающих его странах. Недаром библейские пророки, грозя соотечественникам за грехи страшными карами, ссылались на пример Фив.

Господство ассирийцев ограничилось лишь несколькими годами. Внук Бокхориса (основателя XXVI династии), правителя Саиса, Псамметих (663 г. до н. э.), очевидно, с помощью греческих наемников заставил подчиниться других правителей Дельты и вскоре, видимо почти не встречая противодействия со стороны Ассирии, сила которой постепенно истощалась, отложился от нее. Спустя несколько лет, в 655 г. до н. э., Псамметих укрепился и на юге — в Фивах. Поддерживало его, по-видимому, в основном жречество северных храмов, которое, располагая значительными средствами, было заинтересовано в развитии обмена, а следовательно, и в единстве страны. При нем в западной части Дельты, на берегу моря, возникло греческое поселение — Навкратис, — во многом способствовавшее в дальнейшем вовлечению Египта в международный обмен и распространению греческой культуры.

Псамметих I все свое довольно продолжительное царствование поддерживал дружеские отношения с Ассирией, что, однако, не спасло ее от гибели. Сын Псамметиха I — Нехо I (610—594 гг. до н. э.) пытался принять участие в дележе ассирийского наследия и овладеть Сирией и Палестиной. Но его господство там длилось всего три года. В 605 г. египтяне были наголову разбиты при Кархемише последником вавилонского престола Навуходоносором и вынуждены были отказаться от своих притязаний.

Не увенчалась успехом попытка укрепиться в Азии и преемников Нехо — Псамметиха II (694—588 гг. до н. э.) и Априя (588—569 гг. до н. э.). Они также были отражены усилившимся в то время Ново-Вавилонским царством, не менее Египта заинтересованным в обладании богатыми финикийскими городами с их обширными торговыми контактами. Последние и стремились использовать фараоны в связи с расширением обмена не только внутреннего, но и внешнего и продолжающимся ростом денежного хозяйства. Недаром, как сообщает Геродот, Нехо послал финикийских корабельщиков искать новые пути и новые рынки, и те в три года совершили плавание вокруг Африки. Он же пытался соединить каналом Нил

с Красным морем, но работа эта, стоявшая, по словам того же Геродота, жизни 120 000 человек, так и не была завершена.

Неудачной оказалась для Априя война с Киреной — греческим государством, возникшим к западу от долины Нила. После жестокого поражения воины восстали, и престол захватил посланный для усмирения их полководец Яхмос (Амасис), объединившийся с мятежниками.

Почти сорокопятилетнее правление Яхмоса (569—525 гг. до н. э.) знаменуется усиленным проникновением греков в Египет, ибо фараон опирался в основном на греческих наемников и всячески поддерживал греческих купцов. Ему удалось даже временно превратить Кипр в данника Египта. Растущая на востоке угроза со стороны персидской державы Ахеменидов, успевшей к тому времени овладеть Вавилоном (538 г. до н. э.), вынуждает Яхмоса II вступить в союз и с Киреной, и с Самосом, где правил тогда Поликрат, и с Лидией, и с греческими государствами. Но это не спасло положения. Через несколько месяцев после его смерти, при наследовавшем ему Псамметихе III, персидский царь Камбиз захватил Египет (525 г. до н. э.). Знать и жречество сразу переметнулись на сторону победителей. На 120 лет (525—404 гг. до н. э.) Египет становится персидской сатрапией, а персидские цари вошли в царские списки Манефона как XXVII династия. От Дельты до Элефантины в важнейших стратегических пунктах стояли персидские гарнизоны, нередко укомплектованные иноземцами.

Для Египта этой поры характерен переход от натурального обмена к товарно-денежному. Формы рабовладения все более приближаются к античным. Обособляется сословие воинов. Каждый из них получал от персов надел, который и переходил по наследству при условии верности завоевателям. На внешний рынок начинают работать ремесленники, изделия которых широко вывозились в страны Восточного Средиземноморья. Появляется и прослойка купцов. Вместе с тем все чаще заходят в египетские порты иноземные корабли, особенно греческие. Впрочем, и египтяне обзаводятся собственным торговым флотом. Недаром отряд египетских кораблей входил в состав персидских военно-морских сил.

Ослабление персидской державы, раздираемой внутренними противоречиями и потерявшей престиж после войны с греками, которых Ахемениды так и не смогли покорить, благоприятствовало освобождению Египта от иноземного ига, хотя и ненадолго. Около 60 лет правили местные династии (XVII—XXX), из которых первая состояла из одного царя — Амиртея (404—398 гг. до н. э.). О нем почти ничего не известно, как и о событиях, сопряженных с избавлением от персидского владычества.

Последние десятилетия независимости Египта были напряженными и бурными. За это время правили сколько-нибудь продолжительное время лишь Ахорис (392—370 гг. до н. э.) из XXIX династии, Нектанеб I (379—361 гг. до н. э.), основатель XXX династии, и Нектанеб II (359—341 гг. до н. э.). Первым двум, как и другим фараонам, приходилось напрягать все силы, чтобы отражать домогательства персов. При Нектанебе I персы

потерпели поражение у пограничной крепости Пелусий, которой так и не смогли овладеть (374 г. до н. э.).

В своей внутренней политике последние фараоны опирались преимущественно на жречество, однако их попытки заручиться поддержкой клира не всегда имели успех. Дело в том, что они постоянно нуждались в средствах для ведения войны с персами и оплаты наемников и слишком часто, по мнению жрецов, стремились пополнить казну за счет сокровищниц храмов.

Если активной политикой и энергичными мероприятиями Нектанебу I удавалось отстоять рубежи Египта, то Нектанеб II, медлительный и пассивный, не смог справиться с натиском персов. Слабость египетской армии усугублялась разрывом между отрядами египтян и греческих наемников, которые в конце концов открыли завоевателям путь в долину Нила, сдав им крепости, преграждавшие туда доступ. Египет вторично стал сатрапией Персии (341 г. до н. э.). Но на этот раз ненадолго. Трех персидских царей, сменившихся за это время на престоле, иногда объединяют как XXXI династию, хотя они и не сочли нужным принять титулатуру фараонов, подобно своим предшественникам. Как известно по обрывочным данным, египтяне не смирились с завоевателями. В Дельте организуется сопротивление, возглавленное Хабабашем, присвоившим себе полный царский титул. В течение девяти лет (341—332 гг. до н. э.) он оказывал сопротивление персам, которые, занятые начавшейся борьбой с Македонией, не могли расправиться с ним.

Поражение Дария III при Иссе в 333 г. до н. э. открыло путь Александру Македонскому в долину Нила, где египтяне приняли его как освободителя. В 332 г. до н. э. древняя страна пирамид вошла в состав мировой империи Александра, возникновение которой знаменовало начало новой, качественно отличной эпохи не только в истории Египта, но и всего древнего мира — эпохи эллинизма, времени органического слияния культур Востока и Запада.

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

ИРРИГАЦИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Население Египта стало заниматься земледелием в V тысячелетии до н. э., т. е. в эпоху развитого неолита. Зерна злаковых культур (ячменя и пшеницы-эммера) и простейшие орудия земледельцев были обнаружены археологами в неолитических поселениях юго-западной и юго-восточной частей Нижнего Египта (Меримде, Эль-Омари), северной части Верхнего Египта (Фаюм) и южной части Верхнего Египта (Таса и нижние слои Бадари). Египтяне неолитических поселений не могли заимствовать навыки по выращиванию злаковых культур ни в Передней Азии (для эпохи неолита не установлены связи Египта с Палестиной и Двуречьем), ни в Эфиопии (самые древние следы земледелия датируются здесь III тысячелетием до н. э.). Следовательно, можно предположить, что земледелие в Северо-Восточной Африке развивалось самостоятельно. ✓

Как распространялось земледелие в Египте — с севера на юг или с юга на север, окончательно еще не установлено. Заболоченная Дельта была освоена человеком позднее, чем долина Нила. Об этом можно судить по пиктографическим обозначениям Нижнего Египта кустом папируса, растущего в болотных зарослях, а Верхнего Египта — знаком растения (ситника), произрастающего на полоске земли. В период Древнего царства северо-западные, северные и северо-восточные области Дельты еще не были окончательно освоены. Почти непроходимые болотистые заросли тростника и папируса, в которых любили охотиться фари и могли скрываться повстанцы, сохранились в Дельте вплоть до персидского и греческого владычества. Фаюмская впадина с большим озером посередине, уровень которого начал понижаться со времени палеолита, оставалась значительно заболоченной до времени Среднего царства (XX в. до н. э.). В неолитическую эпоху она была покрыта густыми рощами. Однако уже в период Раннего царства (XXX—XXVII вв. до н. э.) были известны большие города, поселения, сады и пашины Дельты, а также столица Фаюмского оазиса — Шедет.

Следовательно, в это время и в предшествующий ему додинастический период Дельта и Фаюм не были уже сплошь заболоченными. А открытые археологами поселения земледельцев на юге Дельты (Меримде и Эль-Омари) и на севере Верхнего Египта (Фаюм) позволяют предположить, что в эпоху неолита здесь сложились особенно благоприятные условия для земледелия: выпадение обильных осадков, с одной стороны, и оседлая жизнь населения, занимавшегося рыболовством, — с другой.

Поселения ранних земледельцев в Фаюме и Меримде были обнаружены на песчаных холмах. Их поля были расположены главным образом на островах. Неизвестно, когда жители южных окраин Дельты и прилегающей к ней области Верхнего Египта перешли от болотного земледелия к сооружению осушительных каналов и земляных насыпей для защиты полей от половодья, но вряд ли ранее эпохи энеолита (конец V—IV тысячелетие до н. э.), когда была осушена и долина Нила. Полагают, что ирригационные работы могли начаться именно здесь, а не на юге.

Неолитические поселения тасийцев и бадарийцев были расположены еще не в самой долине Нила, а на окаймляющих ее пустынных ныне нагорьях, покрытых в те времена растительностью саванн. В дождливую эпоху неолита долина Нила изобиловала густыми лесами, а ее низкие земли на границе с саванной после спада паводковых вод оставались заболоченными, заросшими тростником и папирусом. Полагают, что поля, обрабатываемые тасийцами и бадарийцами, находились выше равнинной части долины. Во время мощных тогда паводков Нила они орошались и осушались естественным образом, а при менее широких разливах завпсели от осадков, которые в те времена выпадали в виде сильных дождей и в Верхнем Египте. Тасийцы и бадарийцы в отличие от северян продолжали вести бродячий образ жизни, сменяя свои поселения, пастбища и обрабатываемые поля на новые. Несмотря на то что земледелие и скотоводство стали основными отраслями хозяйства, охота продолжала еще оставаться для них значительным подспорьем.

Долина Нила была осушена в эпоху энеолита, т. е. медно-каменного века (конец V — начало IV тысячелетия до н. э.), когда наступил значительный прогресс в развитии производительных сил по сравнению с эпохой неолита. Техническое усовершенствование каменных орудий труда и появление новых металлических (медных) позволили изготавливать из дерева и камня большее количество мотыг, тесел, топоров, необходимых для землекопных работ и вырубки леса, что намного повысило производительность труда. На естественных холмах долины вдоль берегов Нила археологи обнаружили поселения ранних земледельцев второго (герзейского) додинастического периода (IV тысячелетие до н. э.), которые перешли к оседлому образу жизни и орошаемому земледелию.

В это время в Верхнем Египте еще выпадали сильные дожди, переполнявшие реки. Но к концу первого додинастического периода в связи с уменьшением дождей реки стали пересыхать и их русла заполнялись песком, образуя вadi. Постепенно исчезали рощи и деревья, саванны сме-

нялись степями и пустынями. Вслед за исчезновением растительности покинули области, сопредельные с долиной Нила, и животные саванны. К III тысячелетию до н. э. из пределов Египта исчезли слон, буйвол и зубр, ко II тысячелетию до н. э. — жираф и олень. Все это не могло не вызвать ухудшения условий жизни ранних земледельцев. Они расселяются по берегам Нила и начинают осушать их и очищать от зарослей тростника, папируса и других болотных растений. Пашни в долине и дельте Нила были отвоеваны ранними земледельцами у болот тяжким и мучительным трудом.

Во втором додинастическом периоде, когда воды Нила остались единственным источником влаги на юге Верхнего Египта, египтяне научились использовать паводки могучей реки для нужд земледелия — удерживать их на полях примитивными земляными валами. В результате длительного опыта сооружения осушительных каналов и простейших земляных валов была заложена основа бассейновой системы орошения.

Бассейновая система орошения в Египте была связана с особенностями водного режима Нила — его регулярными ежегодными разливами с июня по октябрь, во время которых воды выходили из русла реки и заливали берега до края пустыни. Действительные причины регулярных паводков Нила были выяснены лишь в XIX в., после того как путешественники и ученые открыли истоки Нила. Разливы Нила вызываются таянием снегов в Абиссинских горах, где берет начало Голубой Нил, и тропическими ливнями в районе Великих озер Центральной Африки, откуда вытекает Белый Нил. Голубой Нил и его приток Атбара стремительно несут огромные массы весенней воды, вызывая разлив Нила в Египте. Воды Белого Нила при слиянии с более бурным Голубым Нилом отбрасываются обратно к Хартуму и широко разливаются, образуя естественный водоем, который препятствует быстрому спаду паводка Нила и его высыханию в период низкой воды. Воды Нила во время паводка не только орошают почву, но и удобряют ее плодородным илом — тучным черноземом, состоящим из органических остатков и минеральных частиц, которые несут воды Голубого Нила и Атбары с Абиссинских нагорий. Подсчитано, что на берегах поймы Нил ежегодно откладывает слой ила толщиной 1 мм, повышая, таким образом, почву долины за один век в среднем на 10 см, а за тысячу лет — на 1 м. Отложения Нила в Дельте были еще значительнее. Так плодородная земля Дельты и долины Нила была создана истыми наносами Нила во время его ежегодных разливов. На высоких берегах реки ил откладывался более толстым слоем, создавая рельеф долины, понижающийся к ныне пустынным нагорьям, который способствовал самотечному затоплению естественных орошаемых полей.

Сохранение бассейновой системы орошения до настоящего времени на территории Верхнего Египта позволяет судить, но лишь в общих чертах о принципе ее устройства в древности. Долина Нила между берегом реки и возвышенностями пустыни была разделена поперечными и продольными насыпями, плотинами и дамбами на бассейны разной величины — от 2 тыс. до 40 тыс. египетских федданов, т. е. от 840 до 16 800 га.

Если смотреть на бассейновую систему орошения сверху, то она напоминает шахматную доску. Первоначально короткие каналы для поступления воды в бассейны долины и для ее постепенного спуска прорывали, вероятно, сквозь естественные высокие берега Нила. Позднее для лучшего удержания воды на полях берега Нила стали искусственно повышать насыпями. Во время паводка воды направлялись в бассейны насыпями, возведенными перпендикулярно реке. Внутри бассейнов вода распределялась по полям с помощью небольших земляных валов. Когда вода заполняла бассейны до нужного уровня (до 1—2 м), каналы, подающие воду, засыпали землей и забрасывали камнями. Подъем вод Нила начинается в двадцатых числах июня и продолжается до сентября, когда достигает наивысшего уровня. Затем происходит медленный спад, и только в апреле воды Нила опускаются до самого низкого уровня. В бассейнах вода задерживалась около двух месяцев. За это время оседал ил и почва пропитывалась влагой, которой хватало посевам до созревания. Освобожденные от ила излишки воды медленно спускали по коротким осушительным каналам.

Основа бассейновой системы орошения была создана уже ко времени Раннего царства (начало III тысячелетия до н. э.). Об этом свидетельствует изображение, сохранившееся на каменной булавке додинастического царя Скорпиона, найденной в Иераконполе: три человека с помощью мотыги и просто руками укрепляют насыпи по обеим сторонам большого канала или протока, огибающего бассейн с полем и пальмой. На памятниках Раннего царства многократно засвидетельствованы знаки пиктограмм, показывающие каналы, водоемы и землю, разделенную на бассейны. Полагают, что древний титул «управляющего» («адж-мер») областью первоначально был связан с ирригационными работами и обозначал «копающий канал». Позднее знак «канал» стал заменять знак искусственно вырытого водоема и служить определителем в знаке «орошаемая земля». У Геродота сохранилась легенда о том, что Менес, царь I династии, направил воды Нила по новому руслу, соорудив выше Мемфиса плотину. Выражение «отделять плотиной» («джени») встречается уже в «Текстах пирамид». Об «открытии пруда» (т. е. искусственно выкопанного водоема или канала) в храме «Престолы богов» во времена I династии сообщает летопись на Палермском камне. В «Текстах пирамид» различаются уже простые ирригационные каналы и большие головные протоки: «заполнены каналы („меру“), затоплены протоки („итру“)». О сооружении, видимо, ирригационных каналов по приказу царя Пиопи I сообщает в своей биографической надписи «начальник всех царских работ» Нехбу. Таким образом, уже во времена Раннего и Древнего царств было известно искусственное орошение земель, недоступных естественному паводку, при помощи больших вырытых каналов и водоемов.

В надписи времени Первого распада Египта номарх XIII (Сиутского) нома Ахтой подробно описывает ирригационные работы, проведенные в номе под его руководством: превращение «высоких земель» и других, недоступных естественному орошению, в искусственно орошаемые «путем

прорытия большого канала» глубиной 10 локтей, сооружения плотины и, может быть, «ворот» (шлюза). Аллегорическое использование образа канала встречается уже в литературе Древнего царства — в «Поучении» везира Птахотепа (V династия).

Во времена Древнего царства и позже продолжался интенсивный процесс осушения и освоения целинных земель Дельты, о чем свидетельствует частое упоминание в надписях «вновь основанных поселений» с указанием местности. Рисунок идеограммы, обозначающей «вновь основанное поселение», показывает выкопанный пруд с пологими берегами, т. е. искусственно устроенный водоем.

Осушение Фаюмского оазиса в какой-то степени началось в период Раннего царства. На памятниках этого времени уже встречается название столицы области — Шедет (Крокодилополь греков, современный Мединет-эль-Фаюм). Однако и в период Древнего царства Фаюмский оазис оставался еще в значительной степени заболоченной и покрытой зарослями кустарников местностью — она была излюбленным местом для охоты и рыбной ловли, а на западном берегу Южного озера оазиса продолжали еще жить ливийские племена. Только в период Среднего царства, в правление царей XII династии — от Аменемхета I до Аменемхета III (XX—XIX вв. до н. э.), была освоена большая площадь Фаюмского оазиса, а озеро и проток, соединяющий его с Нилом, стали использоваться для ирригации. Фаюмский оазис — большая низина в Ливийской пустыне, расположенная вблизи Египта (в 75 км от Каира), с большой впадиной в северо-западной части, занятой озером Биркет-эль-Карун, которое питается древним рукавом Нила, превращенным позднее в величайший канал Бахр-Юсуф. С долиной Нила оазис сообщается посредством ущелья, выходящего к Хаваре. Геологическими изысканиями было установлено, что в древнейшие времена в период паводка воды Нила заполняли всю впадину, образуя большое озеро, незначительным остатком которого и является современный Биркет-эль-Карун.

Основная особенность местности заключается в том, что уровень озера (по современным данным) на 44 м ниже уровня моря, а уровень прилегающей к местности долины (возле Иллахуна) на 26 м выше уровня моря. Понижение уровня воды в озере, начавшееся с эпохи палеолита, объясняется заиливанием протока, образовавшего ущелье, которое выходит к Хаваре. Грандиозные работы, производившиеся здесь при царях XII династии, были связаны с расширением и углублением протока. В результате этих работ озеро превратилось в большое водохранилище, которое защищало Дельту и Средний Египет от разрушительного действия чрезмерно большого наводнения и сохраняло запас воды для орошения садов и пашен в засушливое время года. Одновременно на территории оазиса, в конце впускного канала, велись работы по сооружению огромной дамбы для осушения значительной площади заболоченных земель (около 6750 га), которые превратились впоследствии в цветущую местность.

По дамбам, разделяющим долину Нила на бассейны, проходили сухо-

путные дороги. В половодье от поселения к поселению можно было добраться только по насыпям и дамбам ирригационной системы. Дороги, проходящие по дамбам, для укрепления насыпей часто обсаживали кустами и деревьями, и это получило отражение в знаке «дорога» — он состоит из знака «канал с кустами», причем «кусты» изображены по обе стороны «канала».

В египетских математических папирусах (в Московском математическом папирусе ГМИИ им. А. С. Пушкина и в Берлинском математическом папирусе Ринд) упоминаются небольшие дамбы — насыпи, служившие границами полей (они обозначены тем же термином «мерит», что и большие береговые дамбы).

Во время паводка воды Нила разливались между возвышенной береговой дамбой и краем пустыни (в те времена — степи). Под зерновые культуры использовались вся низкая земля, естественно орошаемая паводком, и часть возвышенной земли, искусственно орошаемая посредством каналов, а также заболоченные земли, осушенные с помощью дренажных каналов.

На возвышенных землях берегов Нила или на землях у края пустыни, недоступных ни естественному, ни искусственному орошению, разбивались сады и огороды. Они требовали постоянной поливки. Поэтому при устройстве садов прежде всего выкапывали искусственные водоемы — пруды и колодцы, из которых можно было брать воду для полива. Об этом рассказывают в своих биографических надписях номархи Древнего царства Мечен (начало IV династии) и Хуфхор (VI династия). Из поучений Нового царства известно, что мужчина, вступающий в брак, должен был соорудить себе дом и устроить сад с прудом.

Особенно много прудов и водоемов сооружалось в храмовых садах и царских усадьбах. О создании искусственных прудов и озер в храмовых и дворцовых садах повествуют в своих биографических надписях строитель Ментухотеп и скульптор Мери (Среднее царство). Зодчий Инени фараона XVIII династии Тутмоса I (XVI в. до н. э.) сообщает, что он был свидетелем создания искусственного озера к западу от Фив.

В росписях гробниц знати, храмов и дворцов Нового царства сохранились многочисленные изображения садовых прудов и водоемов. Художники часто показывают в росписях планировку садовых участков, так что видна форма прудов и водоемов, обеспечивающих их водой. Прямоугольные пруды обычно были расположены в центре небольших садовых участков, о чем позволяют судить росписи в гробницах сановников XVIII династии Рехмира, Аменемхеба и Себекхотепа. Но на больших садовых участках в усадьбах царей, сановников, а также храмовых имелось по нескольку водоемов и прудов разной формы: прямоугольной, четырехугольной, овальной, в форме буквы Т. В дворцовом саду царицы XVIII династии Хатшепсут (XV в. до н. э.) имелось четыре бассейна, судя по изображению на стенах ее заупокойного храма в Дейр-эль-Бахари. Большой сад военачальника царя XVIII династии Аменхотепа III (XV—XIV вв. до н. э.) с виноградником, множеством плодовых деревьев и, как предполагают, питомником ред-

ких деревьев снабжали водой четыре прямоугольных, симметрично расположенных пруда — два большего, два меньшего размера. Прудами и бассейнами различной формы изобиловала новая столица Аменхотепа IV — Ахетатон (XIV в. до н. э.) на восточном берегу Нила, особенно царская усадьба Мару-Атон на ее южной окраине. Усадьба была расположена на краю пустыни, с восточной стороны «дороги царя», идущей параллельно Нилу, и состояла из двух больших смежных садов с прудами, водоемами и различными строениями. В южном саду меньшей площади имелся среднего размера пруд овальной формы. Примерно в середине северного, большего по площади сада находился огромный (120×60 м), но неглубокий (1 м) овальный пруд. От западной стены сада к пруду шла и входила в него каменная дамба, в середине которой был устроен подъем. Перед строением в юго-восточной стороне сада имелся маленький водоем, заросший папирусом и лотосами. На северо-восток от большого пруда дорожка вела к квадратному острову, окруженному широким рвом с водой; через ров были перекинуты два мостика; на острове стояли храмовые сооружения. Однако самые поразительные водоемы были устроены в северо-восточном углу сада: 11 водоемов в форме буквы Т шли в один ряд внутри длинного колонного здания, причем так, что образовывали четкий геометрический рисунок (поворотом широкой части то в одну, то в другую сторону). При таком расположении водоемы окружали каждую колонну здания, которая оказывалась стоящей на острове. В северной царской усадьбе (к северо-востоку от «дороги царя») с личными помещениями царской семьи, жилищами обслуживающего персонала, кладовыми, стойлами для скота и птичником тоже имелись дворы и сады с водоемами, бассейнами и прудами. В росписи гробницы Мерира I, верховного жреца Атона, изображен большой царский сад с тремя прудами, расположенный перед хозяйственными помещениями официального дворца Аменхотепа IV: два небольших пруда прямоугольной формы и четырехугольный глубокий пруд в южном углу сада.

Пруды и водоемы садов и дворов либо были соединены каналами и протоками с ирригационной системой и заполнялись водой во время разлива Нила, либо питались подпочвенными водами, уровень которых в конечном счете тоже зависел от ирригационной системы. В храме Аменхотепа III имелся пруд, наполненный водой Великого Нила, т. е. Нила во время разлива. Археологическое исследование хорошо сохранившегося заупокойного храма фараона XX династии Рамсеса III (XII в. до н. э.) в Мединет-Абу позволило установить, что от Нила к храму был прорыт канал, заканчивавшийся четырехугольным бассейном с пристанью. Два длинных прямоугольных бассейна в пышном саду небольшого храма, изображенном в росписи гробницы скульптора Ипуи (XIX династия, XIV в. до н. э.), снабжались водой канала, протекавшего под лестницей храма, где был причал для кораблей. Особенно часто были связаны с каналами и протоками пруды в форме буквы Т, повернутые широкой стороной к дому, а узкой соединяющиеся с каналом или протоком. Изображение такого пруда сохранилось в росписи гробницы второй половины Нового царства.

Но поскольку египтяне разбивали сады по возможности не на плодородной почве, а на краю пустыни или на возвышенных землях, многие пруды питались подпочвенными водами. В отличие от мелких прудов, непосредственно связанных с ирригационной сетью, колодезные пруды должны были быть глубокими, чтобы получать подпочвенную воду, особенно потому, что окружающие пруд земли были расположены выше его. Глубокий колодезный пруд с пристанью, от которой к воде идет длинная лестница, показан в росписи гробницы Миннахта (XVIII династия). Вокруг глубокого четырехугольного колодезного пруда в южном углу сада перед дворцом Аменхотепа IV в Ахетатоне росли деревья с корнями, глубоко уходящими в почву, в отличие от других деревьев сада, посаженных в особые ямы, огражденные валиками из глины, или в глиняные горшки с отверстиями для воздуха, т. е. нуждающихся в поливке (роспись в гробнице Мерира I). Следовательно, почва вокруг глубоких прудов была достаточно влажной для того, чтобы посаженные деревья или виноградник могли расти без полива. У менее глубоких колодезных прудов делали пологие берега, на которых росли растения, требующие много воды, например папирус. Такой пруд изображен в росписи гробницы Себекхотепа (XVIII династия).

Пруды и водоемы были настолько важной и неотъемлемой частью садов и огородов, устроенных на землях, недоступных орошению, что обозначавшее их слово «пруд», «озеро» («ше») стало употребляться для наименования самого сада. Из текста дашурского указа царя VI династии Пиопи I двум припирамидным поселениям следует, что учитывались не сады, а пруды, водоемы и деревья садов, т. е. наибольшую ценность в саду представляли деревья и источники воды.

До Нового царства полив садов и огородов, видимо, осуществлялся только самым примитивным способом — вручную. О водоподъемных сооружениях нет никаких сведений. Изображения ручного полива садов и огородов сохранились на гробничных рельефах Древнего царства. На рельефе из гробницы Мерерука (VI династия) поливкой огорода занимаются трое работников: двое несут воду в круглых глиняных сосудах, прикрепленных веревками к коромыслу, которое лежит у них на плечах; третий слегка нагнулся и поливает грядку из наклоненного сосуда, который он, однако, не снимает с коромысла. На рельефе гробницы Птахотепа (V династия) показан садовник, который, держа обеими руками глиняный сосуд, опрокидывает его и поливает виноградные лозы. Росписи в гробницах Среднего царства в Бени-Хасане, Фивах и Эль-Берше свидетельствуют о том же примитивном ручном способе полива с помощью коромысла и больших кувшинов. Ручной способ полива сохранился и во времена Нового царства, о чем позволяет судить роспись в гробнице верховного сановника XVIII династии Рехмира. Как рельефы, так и росписи гробниц показывают, что в саду-огороде были грядки, разделенные на небольшие квадратики низенькими глиняными валиками, задерживающими воду при поливке. Квадратики грядки, таким образом, служили своего рода маленькими бассейнами, задерживающими драгоценную влагу. В каждом квадратике было посажено

Рис. 6. Поливка сада с помощью шадуфов. Роспись из гробницы Ипуи. XIX династия. Конец XIV в. до н. э. Фивы

по одному растению. Если деревья и кустарники росли не на влажных берегах колодезного пруда, они высаживались в ямки, наполненные плодородной землей и окруженные глиняными валиками, или в глиняные горшки с отверстиями для воздуха. Садовники должны были регулярно поливать каждый квадратик грядки и каждую ямку, каждый горшок с растением. А так как сады и огороды часто находились на возвышенных землях, поливальщикам с коромыслами на плечах нужно было еще подниматься от водоема вверх по лестнице, что можно видеть в росписи гробницы Среднего царства в Бени-Хасане. Тяжелые глиняные сосуды, висящие на коромысле, во времена Среднего и Нового царств иногда заменялись более легкими, кожаными ведрами и бурдюками. Работа поливальщиков была малопродуктивной и очень тяжелой. Поэтому изобретение во времена Аменхотепа IV водоподъемного сооружения — шадуфа — было большим прогрессом. Полагают, что оно было сделано для облегчения водоснабжения новой столицы — Ахетатона, — построенной на возвышенной площадке, которая никогда не орошалась разливами Нила.

Первое изображение шадуфа дошло до нас в росписи гробницы Мерира, верховного жреца Атона при Аменхотепе IV (конец XVIII династии, XIV в. до н. э.). А поскольку первые изображения шадуфа в Месопотамии датируются временем Сеннахериба (VII в. до н. э.), то приоритет открытия этого приспособления принадлежит древнему Египту. В росписи гробницы Ипуи (XIX династия, конец XIV в. до н. э.) сохранилось изображение одновременной работы четырех шадуфов в храмовом саду (рис. 6). Воспроизведение шадуфа в росписях Нового царства позволяет понять его устройство по принципу колодца-журавля: в землю втыкали два деревянных столба или тростник, обмазанные глиной и достигающие высоты в два человеческих роста; между столбами помещали коромысло — длинную жердь, причем так, чтобы она могла качаться во все стороны. На один конец жерди-коромысла на веревке длиной 6 локтей подвешивали сосуд из глины или кожаное ведро, на другой насаживали более тяжелый каменный или глинобитный противовес. Шадуф ставили вблизи водоема. Работнику достаточно было потянуть за веревку, чтобы сосуд или ведро погрузить в воду на 1 м

или еще глубже и наполнить его. Затем работник медленно опускал жердь-коромысло, и тяжесть противовеса поднимала сосуд на площадку, где были устроены грядки, нуждавшиеся в поливе. Подсчитано, что один работник мог поднять за час в среднем 3400 л воды на 2 м. В древнем Египте одновременно использовали работу четырех шадуфов, расставленных по горизонтали, а не террасами, как позднее. Судя по изображениям, древние шадуфы употреблялись только для полива садов и огородов, но не пашен, как в современном Египте. На основании росписи в гробнице Ипуи предполагают, что шадуфы разбирались — после поливки жердь-коромысло убирали, чтобы не портить вид сада.

Неизвестно, когда в долине Нила стали использовать более усовершенствованную водоподъемную машину — сакиэ (деревянное колесо с сосудами, вращаемое быками), — широко распространенную в деревнях современного Египта. Полагают, что огромный колодец, выдолбленный в скале некрополя Тауна-эль-Гебель, к западу от Гермополя, был сделан для поднятия сакиэй подпочвенной воды с глубины 35 м в два последовательных этапа до водоема, устроенного для нужд культа. Но этот колодец датируется царством Птолемея I Сотера, т. е. относится уже к эллинистическому Египту. В римском Египте появился Архимедов винт, изобретенный древними греками (его можно увидеть и в современном Египте).

Для правильного функционирования ирригационной системы необходимо было постоянно поддерживать ее в порядке: укреплять дамбы, сооруженные из земли, восстанавливать плотины, разрушавшиеся под напором воды, чистить и углублять каналы. В текстах Нового царства встречаются выражения «прорыв водой» и «прорывать [дамбу водой]». Землекопные и ирригационные работы, как показывает изображение на булаве царя Скорпиона, производились с помощью примитивных орудий труда — деревянной мотыги и корзины. Предполагают, что найденные археологами каменные и кремневые наконечники мотыг периодов неолита и энеолита предназначались для копки, а не для сельскохозяйственных работ. Металлические наконечники мотыг, датируемые Средним и Новым царствами, свидетельствуют о появлении кайла для копки земли.

Организацией трудоемких ирригационных работ, требовавших большого количества рабочих рук, занималась центральная и местная государственная власть. Царь Рамсес IV, сообщая вельможам, князьям, колесничим и всем жителям Египта о благодеяниях, совершенных им за время царствования, призывает народ исполнять распоряжения и приказы его сына и преемника: «Выполняйте для него всякие работы! Перетаскивайте для него памятники! Ройте для него каналы! Совершайте для него работы руками вашими!». Рытье каналов царь причислял к крупнейшим государственным работам, которые подневольное население обязано было исполнять «на дом царя» как «царские работы», «земляные работы», «всякие работы пома», т. е. государственные повинности. Эти повинности упоминаются в царских указах начиная со второй половины Древнего царства и в «Предписании о служебных обязанностях верховного сановника» Нового царства.

Войны между отдельными областями («номами» греков) в периоды децентрализации приводили к разрушению ирригационной системы. В результате таких войн в период Первого распада Египта в Гермопольском (XV) номе Нижнего Египта («Области Ибиса») появились обширные болота, в которых население области спасалось от вражеских полчищ. Появление болот сокращало площадь обрабатываемых населением папшен. В «Речении Ипусера» (конец Среднего царства) после описания бедствий рисуется картина будущего благополучия страны, «когда руки людей будут строить пирамиды, будут копать пруды (каналы?), будут создаваться сады из сикомор для богов...».

Специальные чиновники наблюдали за уровнем подъема вод Нила во время паводка. Высоту паводка отмечали на ниломерах, установленных в разных местах реки. Результаты наблюдений сообщались верховному сановнику государства и записывались в царские летописи. Ниломер был изобретен уже во времена Раннего царства (начало III тысячелетия до н. э.): на Палермском камне имеются записи его данных времени I—IV династий. Ниломеры Древнего царства, вероятно, находились: один — вблизи столицы Мемфиса, скорее всего на том месте, где ниломер сохранился до наших дней, т. е. на острове Родосе, вблизи Старого Каира, другой — на скалах острова Элефантины, возле Первого порога. Родосский ниломер представляет собой колодец, выложенный из одинаковых по величине квадратных камней. Вода в колодце поднимается и опускается вместе с поднятием и понижением вод Нила. На стене колодца сохранились пометки, отмечающие уровень подъема воды. Описание колодца-ниломера на юге Египта — на острове Элефантина — оставил Страбон. Со времени Среднего царства, после завоевания Египтом Северной Нубии, уровень паводка стали отмечать на скале возле Куммэ-Семпы, около Второго порога. Данные ниломеров позволяли заблаговременно предусмотреть размеры паводка, от которого зависел будущий урожай в стране. Годичные записи данных мемфисского ниломера в царской летописи на Палермском камне свидетельствуют, что с 3000 по 2500 г. до н. э. воды Нила во время паводка поднимались на разную высоту — от 1 до 8 локтей, причем средний уровень подъема измеряется 4 локтями. Там же сообщается, что при подъеме уровня Нила до 8 локтей и 3 пальцев начиналось наводнение. В период Среднего царства в списках Сенусерта I (около 1950 г. до н. э.) сообщается, что для хорошего урожая высота паводка у острова Элефантины не должна быть менее 21 локтя, 3 1/3 ладони, 3 пальцев; для «Дома Нила» возле Мемфиса — 12 локтей, 3 ладоней, 3 пальцев; для северной части Дельты возле Диосполя (совр. Тель-Баламун) — 6 локтей, 3 ладоней, 3 пальцев. Во времена римского господства в Египте префект Петровий, как сообщает Страбон, обеспечивал богатую жатву при подъеме паводка не только на 12, но и на 8 локтей.

При расчетах средней нормы будущего урожая принималось во внимание качество земель, которое зависело не столько от состава почвы (она была более или менее одинаковой — аллювиальной), сколько от степени ее

орошаемости. В кадастровых ведомостях Нового царства различались категории «низких» («нехбу»), «высоких» («каит») и так называемых «старых» («тени») земель. Им соответствовали разные нормы урожайности. Самые высокие урожаи ожидалось на «низких», естественно орошаемых землях. По данным кадастровой ведомости, составленной при Рамсесе V в XIV в. до н. э. (папирус Вильбур), при обмере пашен накануне жатвы учитывали земли, не орошенные водой и соответственно их площади уменьшали ранее рассчитанную среднюю норму урожая. При расчетах нормы предполагаемого урожая учитывали также, что большой паводок может задержать начало посева. В зависимости от высоты паводка выбирали и зерновую культуру для посева; например, влаголюбивую пшеницу-эммер рекомендовали высевать только в случае большого паводка.

Создание ирригационной системы в древнем Египте потребовало не только огромного труда и навыков в работе, но и большого развития знаний в области астрономии, математики, гидравлики и строительного дела.

С древнейших времен астрономы Египта вели наблюдение за первым ранним восходом на небе Песей звезды (Сириуса), который сопровождал поднятию вод Нила и знаменовал начало нового года. На основании этих наблюдений был изобретен земледельческий календарь. Он делился на три времени года, по четыре месяца каждый, — «половодье» («ахет»), «выхождение» («перит») и «сухость» («шему»). Как показывают наименования времен года, они соответствовали водному режиму Нила и связанным с ним сельскохозяйственным работам.

В середине III тысячелетия до н. э. на рельефах солнечного святилища царя Ниусерра в Абусире и крытого хода к заупокойному храму царя Униса в Саккара (V династия) были искусно воспроизведены различные явления природы и сельскохозяйственной деятельности людей, характерные для каждого из трех времен древнеегипетского года. Календарь времен года, в котором нашли отражение многовековые наблюдения египетских земледельцев, пастухов, охотников и рыбаков, может рассматриваться как практическое руководство для различных сельскохозяйственных работ. Приведем некоторые из примет трех времен египетского года. Когда весной в Ниле появлялись косяки рыб из породы лобанов, так называемых мугилид, плывших из Средиземного моря вверх по реке на юг, земледельцы могли готовиться к паводку, а рыбаки забрасывать в нильскую воду сети и ставить верши. Осенью мугилиды возвращались на север — обратно в море, чтобы отложить там икру. В это время воды Нила начинали входить в берега, и земледельцы приступали к обработке земли и посеву. Одни сельскохозяйственные работы должны были выполняться в период спаривания тех или иных животных, другие — в период принесения ими приплода. В период спаривания баранов и овец происходил сбор плодов смоковницы — винных ягод (инжира) и выемка меда из ульев. Весной (период сухости), когда дикие коровы и сабельные антилопы приносили потомство, а страусы и водяные птицы откладывали яйца, земледельцы начинали жатву зерновых культур и теребление льна, огородники снимали урожай

луковичных растений. Весеннее время приплода дичи и высиживания птенцов было запретным для охоты. Напротив, возвращение осенью перелетных птиц в Дельту призывало охотников натягивать сети для их ловли. Устройство прилетевших птиц на «зимние квартиры» в папирусовых зарослях Дельты соотносилось с прополкой огородов мотыгами.

С древнейших времен (и до современности) орошаемое земледелие было основной отраслью сельского хозяйства в Египте. Но состав и удельный вес выращиваемых в древнем Египте культур существенно отличались от современных. К древнему Египту восходят только зерновые культуры — пшеница и ячмень, бобовые культуры, из технических и масличных — лен и кунжут, а также многие овощи (лук, лук-порей, чеснок, салат-латук, огурцы, тыква, арбуз, петрушка и укроп) и фрукты (финики, винные ягоды, виноград, гранаты и яблоки). Древним египтянам не были известны культивируемые в современном Египте культуры хлопчатника, манса, сорго, сахарного тростника и риса — они появились уже после арабского завоевания (640 г. до н. э.).

Основными злаками, которые выращивали египтяне с древнейших времен до греко-римского периода, были ячмень («ит») и пшеница-эммер («бедет») — двузернянка, один из видов полбы, которую называют также олирой. Зерна ячменя и эммера были найдены археологами в хозяйственных ямах еще неолитических поселений. Полагают, что дикорастущие виды этих злаков могли произрастать в Северной Африке, где в эпоху неолита был более влажный климат.

С эпохи неолита и до периода Среднего царства посевы ячменя, более устойчивой к засухе культуры, преобладали над посевами влаголюбивого эммера. Такие качества ячменя и эммера были замечены уже древними земледельцами Египта, поскольку практиковались смешанные посевы этих злаков (более устойчивый ячмень как бы защищал эммер), несмотря на то что уже с эпохи неолита были известны и отдельные посевы. На выращивании зерновых культур, особенно менее требовательного ячменя, специализировалось население Верхнего Египта. В Нижнем Египте, богатом лугами, виноградниками и садами, с конца Раннего царства тоже стали сеять зерновые культуры, преимущественно влаголюбивый эммер. В надписях, начиная с Древнего царства, кроме «верхнеегипетского ячменя» упоминается и «нижнеегипетский ячмень». Оба наименования соответствуют двум различным сортам ячменя — шестирядному и двухрядному. Шестирядный ячмень был шире распространен и больше употреблялся, чем двухрядный. Из него выпекали основные сорта хлеба и приготавливали пиво — излюбленный напиток древних египтян. Двухрядный ячмень мог быть во времена Древнего царства заимствован египтянами из Передней Азии. В течение Древнего и Среднего царств выращивали также особый вид полбы («беша»), употреблявшийся для изготовления пива.

На протяжении периодов Среднего и Нового царств постепенно расширялись посевы эммера за счет ячменя. В то же время в Новом царстве, как сообщают надпись Хекнахта и кадастровая ведомость XI в. до н. э. (папи-

рус Вильбур), зерновую культуру для посева выбирали в зависимости от размеров наводка и эммер, для которого требовалось много влаги, рекомендовали высевать только в случае большого наводка. В Позднем царстве эммер стал основным выращиваемым злаком. В коллекции Государственного Эрмитажа хранятся зерна эммера.

В период Раннего царства египтяне заимствовали из Передней Азии и настоящую культурную (голозерную) пшеницу («сут»). Но эта еще более требовательная, чем эммер, и истощающая почву культура не получила распространения до греко-римского периода. Она редко упоминается в надписях, и зерна ее были обнаружены в очень небольшом количестве. В связи со значительным усовершенствованием ирригационной системы, происшедшим в греко-римский период, когда на полях стали широко использовать водоподъемные машины (сакиз и Архимедов винт), культурная пшеница вытеснила эммер. В современном Египте эммер уже более не выращивают.

Сравнительно поздно получили развитие в древнем Египте бобовые культуры (чечевица, бобы и турецкий горох). Они упоминаются в текстах лишь со времени Нового царства, хотя находки чечевицы твердо датируются Средним царством, а предположительно — Древним и даже эпохой неолита. Плиний сообщает о двух сортах чечевицы в древнем Египте. В отличие от зерновых культур, истощавших даже плодородную аллювиальную почву, посевы бобовых культур обогащали почву азотом, способствуя ее восстановлению.

Из технических культур египтяне с древнейших времен выращивали лен («меху») ради его волокон на пряжу и для получения семян, из которых приготавливали льняное масло. Семена льна и льняные ткани были обнаружены археологами еще в неолитических поселениях. Судя по наименованиям четырех сортов льна (танитский, нелусийский, бутийский и тентирский), которые перечислил Плиний, лен культивировали главным образом в восточной и западной частях Дельты (в XIV, XIX и VI ноем). Плиний отмечает большое значение льноводства для торговли Египта, который «извлекает из льна огромные прибыли».

В древнем и особенно эллинистическом Египте разводили масличную культуру кунжута (сезама), выращиваемого в изобилии и в современном Египте, для получения из его семян приятного на вкус масла. Возделывание растения «нехех» во времена Нового царства засвидетельствовано декретом Хоремхеба. Греческие папирусы упоминают кунжутные семена и масло. Пустые коробочки из-под семян кунжута были найдены в гробницах. О египетском кунжутном масле сообщает и Плиний.

При бассейновой системе орошения древние египтяне практиковали простейший севооборот (с одним урожаем в год): земля находилась под паром около пяти-шести месяцев — отдыхала после жатвы, во время половодья и при его спаде. За это время аллювиальная почва, истощаемая ежегодными посевами зерновых культур на одних и тех же участках земли,

успевала восстановить свое плодородие — насыщалась водой и удобрялась новыми отложениями ила, которые под воздействием солнечных лучей обогащали ее соединениями азота и фосфора.

Сразу же после спада половодья, в октябре — ноябре (в период «выхода», земледельцы начинали полевые работы — сначала в Верхнем Египте, затем в Нижнем. Момент начала полевых работ очень точно описан в «Повести о двух братьях» Нового царства (папирус Д'Орбиней, XIII в. до н. э.): «Когда наступило время пахоты, [старший] брат сказал ему (младшему брату): „Давай приготовим упряжку [быков]... для пахоты, потому что пашия вышла [из-под воды], она хороша для пахоты ее. Также ты пойдешь в поле, нагруженный посевным зерном, потому что мы будем пахать утром“. Так сказал он ему. И младший брат его исполнил все поручения, которые передал ему... он. И вот, когда рассвело (и) наступил другой день, отправились они в поле, нагруженные своим [посевным зерном]. Занялись они пахотой, причем бы[ли сердца] их радостны весьма, весьма по [причине] их работы — в этом начале их работы».

Способ посева в древнем Египте существенно отличался от практиковавшегося в Европе. Вот что писал о нем Геродот: «Теперь они (египтяне, проживающие „ниже Мемфиса“ т. е. в Дельте) действительно собирают земные плоды с меньшим трудом, нежели прочие народы и остальные египтяне: они не трудятся над тем, чтобы провести борозды плугом, чтобы взрыхлить землю мотыгой или исполнить какую-либо другую работу над пахотным полем, обязательную для всего иного народа. Сама собой река наводняет и орошает поля, а оросивши, вступает обратно в свои берега; тогда каждый засеивает свое поле и пускает на него свиней, которые и втаптывают семена в землю...» Если отбросить наивно преувеличенное представление Геродота о легкости труда египетского земледельца, то описанный им способ посева в Дельте — без предварительной обработки почвы — соответствовал действительности. Сообщение Геродота о свиньях, утаптывающих посевное зерно в землю, подтверждается изображениями в нескольких поздних фиванских гробницах. Но обычно для этого использовали стада овец. В изображениях сцен посева на рельефах Древнего царства сеятель, как правило, бросает зерно под ноги овцам, которые втаптывают его в землю и уплотняют почву. Стада загонялись в размягченную водой почву погонщиками (от трех до шести человек) с помощью веток с колючками и толстых бичей, сплетенных из кожаных ремней, которыми они размахивали в воздухе над своими головами. Часто стадо овец заманивал на посевы «пастух овец» или просто мальчик, протягивая на ладони барану, вожаку стада, горстку ячменя или соли и ласково уговаривая его: «Держись рядом со мной!» На некоторых рельефах видно, что сеятель и помогающий ему «пастух овец» стоят по лодыжки в жидкой грязи, а стадо послушно следует за ними. В росписях гробниц Нового царства, в которых изображены пахота и сев, тоже можно заменить лужи воды на заднем плане. Втаптывая зерно в землю, стада овец, а во времена Среднего царства стада быков и овец, позднее также и свиней, по существу, «боронили»

землю, так как посеянное зерно надо было сразу же прикрывать землей, иначе оно засыхало под палящими лучами египетского солнца.

Иногда стада скота, видимо, недостаточно глубоко прикрывали посеянное зерно. Тогда за ними следовала еще упряжка из двух быков или коров, тянущих легкую деревянную соху. Соха имела здесь особое назначение — дополнительно прикрывать зерно землей, а не рыхлить почву — пока еще жидкую грязь. Поэтому работа сохи обозначалась тем же термином, что и прохождение стада по полю, — «прикрывать зерно» («сека»). На рельефах и росписях гробниц часто бывает показан сеятель, бросающий зерно под ноги быкам или коровам, которые втоптывают посев в землю и одновременно тянут за собой соху. Иногда вслед за сохой на поле опять выгоняли стада овец.

В условиях сухого и жаркого климата в Верхнем Египте, особенно на юге, после спада воды почва быстро высыхала, растрескивалась и на ее поверхности образовывались затвердевшие комья земли. На высоких землях, где паводок задерживался недолго, после спада воды почва оставалась очень плотной. Новые, «целинные» земли покрывались буйно растущими сорняками. Все эти земли нуждались в более тщательной обработке перед посевом. На таких почвах работники сначала разбивали большие комья земли мотыгами с заостренными или лопатообразными наконечниками. За ними следовал пахарь с сохой, в которую были запряжены коровы или быки, — он проводил в земле неглубокую борозду. И только уже за пахарем шел сеятель с сумкой зерна, перекинутой через плечо, и, как обычно, разбрасывал зерно, высоко подняв правую руку. Эта работа была очень тяжелой, требовавшей большой физической силы. Поэтому ее во все времена древнеегипетской истории выполняли мужчины.

Посеянное зерно втоптывали в землю овцы, а следом за ними шла еще работница, выравнивающая почву мотыгой, — она прикрывала землей семена, недостаточно хорошо втоптанные в землю скотом. Соха и мотыга, таким образом, служили здесь для рыхления почвы, скот и мотыга — для прикрытия зерна землей. Овец прогоняли также и по пашне с зелеными всходами, чтобы сохранить влагу и укрепить их стебли.

✓ Древнейшим и основным орудием для обработки земли в Египте была деревянная мотыга (рис. 7). Ее изображение встречается уже на додинастических памятниках — палетках из граувакка и булаве царя Скорпиона. А кремневые и каменные наконечники для мотыги дошли до нас от еще более раннего времени — эпохи неолита. Судя по изображениям, мотыга состояла из двух кусков дерева, плотно скрепленных друг с другом под острым углом при помощи веревок. Самая примитивная форма мотыги — из раздвоенного сука — получила отражение в иероглифических знаках. Мотыги с длинными деревянными наконечниками заостренной формы и широкой деревянной ручкой представлены на рельефе гробницы Тии (V династия). Эти мотыги так разрыхляли землю, что на холмистой местности заменяли плуг, как показано на росписи гробницы Нахта (XVIII династия). Там за двумя работниками, мотыжащими землю, идет сеятель,

а ниже изображена обработка ровного поля с помощью сохи (рис. 8).

Наряду с остроконечными употреблялись мотыги и с широкими, лопатообразными наконечниками — они были предназначены для выкапывания камней из почвы. Для разбивания больших комьев земли применялись мотыги той и другой формы. Найденные при археологических раскопках бронзовые наконечники мотыг датируются XIX и XXIII династиями (XIII и VIII вв. до н. э.), железные наконечники — XXV династией (VII в. до н. э.). В коллекции ГМИИ им. А. С. Пушкина имеются две бронзовые модели мотыг: одна — с остроконечным, другая — с лопатообразным наконечником.

Во времена Нового царства для разбивания больших комьев затвердевшей земли наряду с мотыгами употреблялись деревянные молоты с длинными рукоятками. На росписи в гробнице Нахта (рис. 8) изображены работники, разбивающие затвердевшую землю молотами не только перед сохой, но даже и перед сеятелем. По-видимому, с помощью таких молотов можно было подготовить почву к посеву без вспахивания сохой. Молотами вбивали в почву и посеянное зерно.

Изобретение сохи в конце IV тысячелетия до н. э. было в полеводстве большим шагом вперед. Древнейшее изображение сохи в виде иероглифического знака в имени одного додинастического царя сохранилось на Палермском камне. По таким иероглифическим знакам сохи на памятниках Раннего царства восстановлены две ее формы: примитивная, архаическая, напоминающая остроконечную мотыгу с прямой рукояткой (изображена на одном рельефе Древнего царства — в нее запряжена овца) и соха обычной уже для Древнего царства формы — с двумя изогнутыми рукоятками и длинным дышлом, к которому припрягались быки и коровы. Соха была деревянной — она изготовлялась из местных пород твердого дерева (тамириска и акации), а отдельные части скреплялись между собой веревками. Иероглифический знак, отразивший форму второй сохи, сохранился в письменности и более поздних периодов.

Во времена Древнего царства соха была недостаточно устойчива: изо-

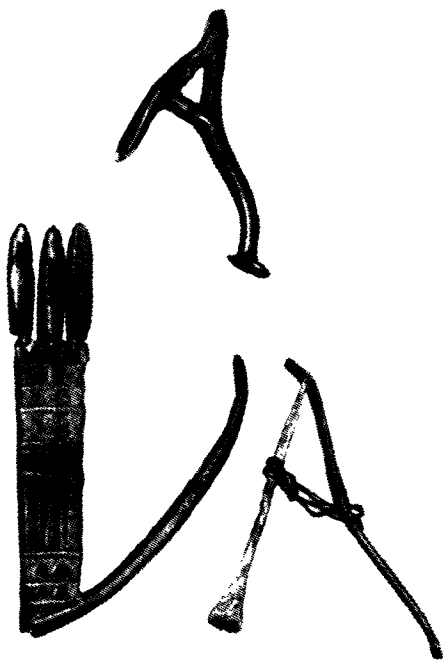

Рис. 7. Мотыги. Дерево. II—I тысячелетие до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

гнутые рукоятки не были еще скреплены между собой перекаладинами, дышло свободно прикреплялось веревкой к сошнику, большей частью сбоку. Соху тащили чаще коровы, чем быки: более спокойными коровами было легче управлять, а для вспахивания аллювиальной почвы от тягловых животных, видимо, не требовалось большой силы. Для упряжки годились только рогатые быки и коровы — ярмо накладывали на лоб животных и привязывали веревкой к рогам. Один конец дышла был прикреплен веревкой к середине ярма, другой — к сошнику. В Древнем царстве пахали на разномастных коровах и быках крупной среднерогой и длиннорогой породы с красивыми лирообразными рогами. Работа пахаря была тяжелой. На рельефах он изображен согнувшимся над сохой, на рукоятки которой он с силой опирается руками. Все внимание и все силы пахаря были сосредоточены на том, чтобы удержать сошник в вязкой почве, ведя соху по прямой линии и делая повороты в конце борозды. Поэтому животных, тянувших соху, направлял и подгонял специальный погонщик, обычно идущий сбоку. Положив одну руку на спину быка или коровы, он погонял их палкой. Иногда он, впрочем, размахивал палкой, держа ее обеими руками высоко над головой, покрикивал при этом на скот или давал указания пахарю.

С течением времени соху и упряжку совершенствуют. В Среднем царстве ее стали делать более устойчивой — с крупным сошником, крепко соединенным с дышлом, с перекаладиной между прямоугольно согнутыми рукоятками. На сошники иногда надевали бронзовые накопечники. Росписи в гробницах Бени-Хасана впервые показывают самый трудный для пахаря момент — поворот сохи в конце борозды. Погонщики направляют скотину взмахами сучковатых палок, держа при этом животных за хвост.

В Новом царстве соху усовершенствовали уже значительно. Ее рукоятки сделали более высокими и вертикальными, чтобы пахарю не нужно было нагибаться, с отверстиями для рук в верхней части. Для крепости рукоятки соединяли четырьмя поперечными перекаладинами. Под нижней перекаладиной закрепляли один конец дышла, соединив его веревочным креплением с сошником. Когда пахарь нажимал на крепкие рукоятки сохи, он тем самым надавливал последней перекаладиной на дышло, которое, служа рычагом, погружало сошник в почву (рис. 9).

Однако способ обработки земли сохой оставался тем же, что был и во времена Древнего и Среднего царств, — ею по-прежнему обрабатывали только верхний слой почвы, либо рыхля его, либо прикрывая землей семена. В Египте не обрабатывали почву так, как это делали в странах Европы, т. е. не проводили глубокой вспашки, переворачивая плугом пласты земли. Древнеегипетскую соху, по традиции, обычно называют плугом, но, по существу, она им никогда не была, потому что глубокая вспашка неприемлема для почвы Египта: нижний слой ее изобиловал вредными для посева солями (соли эти из верхнего плодородного слоя выпаривались после паводка под горячими лучами египетского солнца). О том, что это понимали и учитывали древние египтяне, свидетельствует одна деталь в

Рис. 8. Подготовка почвы к посеву. Роспись в гробнице Нахта. XVIII династия. Вторая половина XV в. до н. э. Фивы

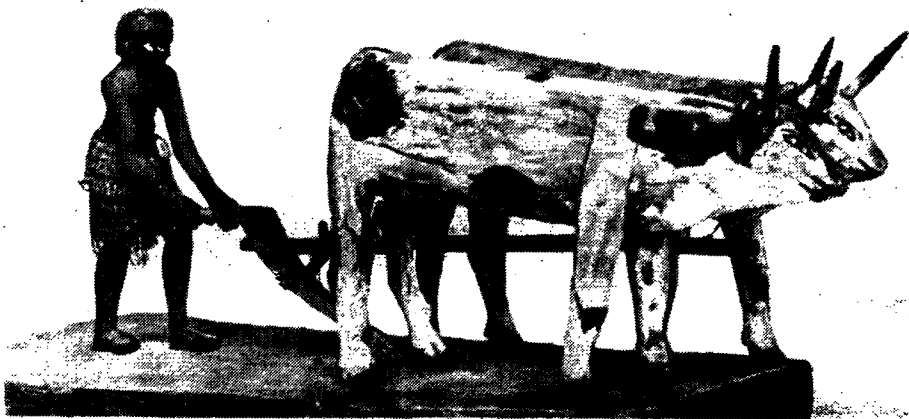
росписях гробниц Нового царства. Быки и коровы, пашущие в упряжке, часто показаны с неестественно задранной вверх головой. По мнению ученых, это происходило в том случае, когда пахарь слишком глубоко вдавливал в землю сошник, поскольку последний был связан с дышлом, один из концов которого, в свою очередь, был соединен с двойным ярмом, лежащим у основания рогов животных. Опуская головы, животные вытягивали сошник из земли. Таким образом, устройство упряжки, очень тяжелое для животных, в то же время помогало пахарю избегать слишком глубокой вспашки.

В росписях Нового царства вместо крупной красивой породы коров и быков со средними и длинными лирообразными рогами изображен низкорослый короткорогий скот. Стали запрыгивать в соху мулов и пригнанных из Азии быков зебу. У зебу ярмо лежало на холке. У мулов ярмо заменил хомут. Этот новый способ упряжки, более удобный для животных, постепенно распространился и в Египте.

Из текста одного школьного «Поучения» Нового царства (папирус Лансинг) мы узнаем, что земледelec сам «заботится о снаряжении своем. Проводит он день, изготовляя орудия пахоты, проводит он ночь, плетя веревку...» Для больших царских и храмовых хозяйств сохи могли изготовлять в столярных мастерских, а металлические наконечники — в кузнечных. Во времена XXV династии (VIII в. до н. э.) на сошники стали надевать и железные наконечники.

Поскольку во времена Нового царства усовершенствованная соха стала удобнее для пахаря, он часто мог обходиться без погонщика скота — сам брал в руки бич, сплетенный из ремней и раздвоенный на конце. Но процесс пахоты и сева оставался прежним.

Другим способом сеяли техническую культуру — лен. Обработка почвы сохой и посев льна тоже были тесно связаны друг с другом. Но семена льна сеяли после обработки почвы сохой. Сеятель шел след за сохой и бросал семена льна не высоко поднятой рукой, как при посеве зерновых культур, а опущенной вниз, чтобы семена попадали прямо в борозду, оставленную сохой. Тогда лен вырастал рядами, и его было легче выдергивать. Сеятелями льна часто были женщины и мальчики, поскольку эта

*Рис. 9. Пазарь. Деревянная модель. XXIV — XXII вв. до н. э.
Британский музей. Лондон*

работа не требовала такой физической силы, как разбрасывание зерна при посеве злаков.

Хлеба созревали в разные сроки: ячмень — за четыре месяца, т. е. в конце марта — в апреле, пшеница-эммер и полба-бедет — на месяц позднее, т. е. в конце апреля — в мае, причем в Верхнем Египте раньше, чем в Нижнем. Когда колосья начинали желтеть, на полях появлялись землемерные комиссии для обмера урожая на корню. В росписях гробниц Нового царства, например Хаемхета и Менена, запечатлены сцены работы таких комиссий. Нарядные чиновники в париках и сандалиях, со скипетром и посохом в руках, писцы со свитками папируса и письменными приборами, измерители с веревками, земледельцы и их ребятишки обходят пашню. Пока измерители раскручивают веревку с узлами и натягивают ее, чтобы определить ширину и длину пашни, земледелец произносит клятву около межевого столба в том, что тот стоит на правильном месте и не будет передвинут. Жена земледельца несет угощение для чиновников, а его сын ведет им козу. Землемерные комиссии, как свидетельствуют документы, могли работать и в другое время, например когда восстанавливали межевые столбы, снесенные половодьем.

Жатва различных злаковых культур на рельефах Древнего царства обычно изображена раздельно, поскольку они созревали в разные сроки. При часто практиковавшемся тогда смешанном посеве ячменя и пшеницы-эммера последнюю снимали недозрелой и сушили в специальных печах.

На рельефах злаки можно различить не только по числу зерен, но и по окраске: шестирядный ячмень, например, окрашен в зеленый цвет, пшеница-эммер — в красно-желтый. Жатва хлебов и молотья колосьев занимали обычно несколько недель. Урожай спешили убрать, пока зерно не склевали птицы, не налетела саранча. В страдную пору на помощь постоянным отрядам жнецов во владениях номархов, храмов и царей привлекались отряды «царских рабов», исполнявших государственную повинность. Эта повинность засвидетельствована в указе Сети I.

Жали деревянными серпами, состоявшими из короткого серповища и изогнутой режущей части, в которой в качестве лезвия использовались кремневые вкладыши, закрепленные при помощи клея и глины. Во времена Нового царства наряду с деревянными серпами с кремневыми вкладышами стали употреблять серпы с бронзовыми лезвиями. Кремневые вкладыши серпов IV тысячелетия до н. э., найденные в Хор-Дауде (Северная Нубия) советской экспедицией под руководством Б. Б. Пиотровского, хранятся в Государственном Эрмитаже.

Во времена Древнего царства жнецы оставляли стебли злаков наполовину не сжатыми и на поле с жнивьем выпускали пастись скот. Сжатые колосья вязали в снопы (каждый сноп связывали с двух сторон и перевязывали посередине), а затем в больших сетках-мешках перевозили на ослах к гумну, где их тщательно укладывали в скирды.

Во времена Нового царства в Верхнем Египте при уборке урожая срежали только колосья. Женщины и дети собирали их в корзины и относили на конец поля, а затем в больших сетчатых сумках-корзинах переносили на гумно. В Верхнем Египте гумна были расположены ближе к полю, чем в Дельте. С притоком иноземных рабов в Египет рабочую силу подневольных людей стали, видимо, ценить меньше, чем вьючных животных.

Работали жнецы с рассвета и до вечера под надзором надсмотрщиков. В руках у надсмотрщиков были бичи, иногда их сопровождали собаки. Жнецы получали, по свидетельству надписей, определенный урон (дневное задание), который они должны были выполнить в течение дня. Имели норму, по-видимому, и поводьеры ослов, перевозящих снопы на гумно, поскольку вели счет перевезенных сеток-мешков.

Работали жнецы под музыку. На рельефе в гробнице Тии Древнего царства среди жнецов, работающих в поле, изображены флейтист, играющий на длинной флейте, и жнец с засунутым под мышку серпом в позе певца — одной рукой он подпирает щеку, а другую вытянул вперед. Иногда игру флейтиста заменял дуэт двух жнецов, как, например, в росписи гробницы Пахери Нового царства.

Первый сноп или пучок колосьев жнецы несли своему начальнику или хозяину — вельможе, который часто наблюдал за их работой, сидя на складном стуле в тени сикоморы; около него стоял слуга с опахалом.

Молотили колосья на токах — круглых площадках, выровненных и утрамбованных (такие площадки сохранились в Верхнем Египте до сих пор). Во времена Древнего царства токи устраивали ближе к поселениям. Снопы

молотил твердокопытный скот: ослы, быки, иногда коровы с телятами. Их гоняли по кругу два погонщика: один бежал по току, по колено увязая в соломе, другой стоял рядом с током.

Во времена Нового царства токи устраивали ближе к полям, поскольку сумки-корзины со сжатыми колосьями переносили на себе люди. Молотили снопы быки и изредка коровы с телятами. Начиная со времени Среднего царства быков на току либо связывали, либо надевали на них ярмо. На росписях в гробницах Нового царства видно, что ярмо надевали сразу на четырех (реже на шестерых) быков, идущих по току в ряд, прикрепляя его к рогам животных. Реже быков привязывали веревкой друг к другу за шеи — в этом случае они тщетно пытались нагнуть голову, чтобы схватить пучок колосьев. При новом способе молотьбы, очень тяжелом для животных (художники любили изображать бессильно упавших на току быков с высунутыми языками), достаточно было уже одного погонщика. При молотье стояла страшная пыль, поэтому погонщики часто надевали на голову платки. Молотить старались рано утром и вечером, когда не было изнурительной жары.

Обмолоченное скотом зерно было полно мякины, камней и всякого мусора. Поэтому после отделения зерна от соломы его сразу же начинали провеивать тут же на гумне. Во времена Древнего царства этой работой занимались главным образом женщины, в Новом царстве они лишь помогали мужчинам. Веяли продолговатыми маленькими лопатками. Ими зерно подбрасывали вверх — пока оно падало вниз, ветер уносил мякину. Деревянные веялки найдены археологами в развалинах поселения Среднего царства в Кахуне. Зерно от мякины очищали также с помощью длинного узкого веника из пальмовых листьев. Работники и работницы плотно завязывали на головах платки, чтобы защитить волосы от летающей вокруг пыли и мякины. На некоторых рельефах и в росписях художники показывают даже облако пыли. На токах работали также под надзором надсмотрщика, сопровождаемого двумя собаками на поводке.

После веяния в зерне оставалось еще много камней, и его просеивали через большие сита. Но этот процесс изображен только на рельефах Древнего царства.

Провеянное зерно тщательно измеряли и регистрировали писцы. Посевное зерно во времена Древнего царства оставляли в скирдах, обмазанных нильским илом, но большую часть зерна засыпали в зернохранилища. В древнейшие времена зерно хранили в ямах, в которые ставили плетеные корзины. Такие ямы-хранилища были обнаружены археологами уже в неолитических поселениях Фаума. В энеолитическом поселении Маади в ямы меньшего размера ставили глиняные сосуды с зерном. Зернохранилища, известные уже с додинастических времен, во времена Древнего царства приняли вид башни, закругленной сверху. Они сооружались из нильского ила или кирпича-сырца. Сохранилась модель такого сооружения из глины, найденная в Эль-Кабе. Хранилища из кирпича-сырца были раскопаны в припирамидном поселении царицы Хенткавес (IV династия). Обычно та-

кие хранилища стояли на фундаменте по несколько штук в ряд. Они были чуть выше человеческого роста. Зерно в них засыпали сверху, поднимаясь по лестнице, а доставали, выдвигая вниз дверцу-дощечку.

В развалинах поселения Среднего царства в Кахуне были обнаружены зернохранилища старой, башневидной формы. Но наряду с ними стали строить четырехугольные и подковообразные амбары, которые стояли плотно друг к другу, образуя единый комплекс, обнесенный оградой. Поднявшись на них по лестнице, можно было засыпать зерно сразу во все хранилища. Однако в Новом царстве больше использовали хранилища старой формы. Такие хранилища в количестве до 19 бывали также обнесены стеной. Некоторые хранилища достигали в высоту 8 м, другие — 5 м. Фундаменты их найдены в Эль-Амарне.

На рельефах Древнего царства и в росписях более поздних периодов наряду с жатвой часто изображалось и теребление льна, который созревал в апреле. Основной урожай льна снимали ради его волокон для пряжи во время цветения, т. е. не дожидаясь созревания семян: работники держат пучки выдернутого льна со светлыми цветами на стеблях, но уже без листьев — они подсыхали к тому времени. Часть урожая льна снимали позднее, когда созревали его семена (на изображениях различимы их коробочки), из которых изготавливали льняное масло и разные лекарственные средства.

Во времена Древнего царства лен теребили мужчины, а в эпоху Нового царства этим чаще занимались женщины. Пучки стеблей выдергивали из земли так, чтобы не испортить длинного волокна для пряжи. Затем выдернутые пучки льна подготавливались для очесывания: сначала их сушили на земле, затем вязали в снопы, причем иначе, чем сжатые колосья. Форма снопа, суженного с одного конца и расширенного с другого, стала настолько характерной для понятия «лен», что в письме служила его детерминативом-определителем.

Чтобы очистить стебли льна от коробочек с семенами, лен очесывали. Эту операцию стали изображать только со времен Нового царства. В росписях видно специальное приспособление для очесывания: узкая доска, заканчивающаяся на одном конце «гребнем», косо положена на стойку, так, что противоположный «гребню» конец находится на земле. Работник придерживает ногой конец доски, лежащий на земле, и очесывает пучок льна, держа его обеими руками, о «гребень».

Подлинным чудом древнего Египта были огороды и сады. Они разбивались по возможности не на плодородной почве, а на возвышенных землях или на краю пустыни, поскольку все земли, доступные естественному и искусственному орошению, использовались под посев зерновых культур. Воду для полива садовых и огородных культур брали из искусственно созданных водоемов — прудов и колодцев.

На рельефах Древнего царства в «комнате времен года» солнечного святилища в Абусире и в гробнице вельможи Мерерука грядки с овощами расположены прямо в саду. Низенькими глиняными валиками они разде-

лены на небольшие квадраты, в которых задерживалась необходимая для поливки влага. В каждом квадрате было посажено по одному растению. Такие грядки, разделенные на квадраты, можно видеть и в садах Среднего и Нового царств, представленных в росписях гробниц и на рельефах храмов. Даже царица Хатшепсут пожелала на стенах заупокойного храма в Дейр-эль-Бахари изобразить в своем роскошном саду с четырьмя бассейнами грядки с овощами.

На рельефах Древнего царства отчетливо видны грядки с салат-латуком и луковичными растениями. Высокий салат-латук, достигающий человеческого роста, с крупными сочными листьями, выращивают и в современном Египте. Древние египтяне почитали его символом плодородия и посвящали богам Мину и Амону. Салат-латук украшал столы вельмож, употреблялся в качестве жертвоприношений; вместе с хлебом и пивом его приносили земледельцам в поле на завтрак. Кроме того, из его семян готовили растительное масло.

Чеснок, лук и лук-порей были излюбленной пищей простого народа. Но не брезговала ими и знать. В гробнице Джехутинахта Среднего царства изображен в плоской корзинке вместе с инжиром большой пучок золотистого репчатого лука с длинным зеленым пером. Связки лука, часто вместе с цветами лотоса, увенчивали всевозможные яства на блюдах, стоящих на обеденных или жертвенных столах.

Кроме салата и луковичных растений древние египтяне выращивали огурцы, арбузы, тыквы, редьку и репу. Огурцы различной формы в корзинах и на блюдах часто изображаются на стенах гробниц вместе с другими овощами и фруктами, а также упоминаются в надписях начиная с Древнего царства.

Древнейшие способы ухода за огородными культурами изображены на рельефах Древнего царства. На них показана, например, посадка саженцев: огородник выкапывает ямку заостренной палкой, а затем ею же укрепляет землю вокруг посаженного молодого растения. Возможно, саженцы выращивались в глиняных горшках с хорошей землей, стоящих здесь же на огороде. Землю на огороде вокруг ростков луковичных растений рыхлили мотыгой. Растения на огороде пропалывали. Это происходило в осеннее время, когда в Египет возвращались перелетные птицы. Снимали урожай овощей в весеннее время.

На огородах поливали каждый квадратик, в котором было посажено растение. Поливка велась примитивным, ручным способом, описанным выше, и была самой тяжелой работой огородников. В «Поучении Ахтоя, сына Дуафа» времени Первого распада Египта описана тяжелая участь огородника: «Огородник приносит палки (т. е. коромысла), плечи его покрыты нарывами, язва большая на шее его, выделяющая гной. Он проводит утро, поливая лук, а вечер — поливая растение шаут. Делает он [это] каждый день после того, как тело его стало плохим».

Во времена Раннего и Древнего царств Дельта покрылась садами и виноградниками, особенно ее западная и северо-восточная части. Уже в те

времена стали известными центрами виноделия Хам, Имет, Син. На печатях от винных сосудов Раннего и Древнего царств сохранились названия виноградников, находившихся в ведении служб «царского дома». Они упоминаются и в надписи III династии «служителя виноградников» Пехернефера. Первое описание виноградника, обнесенного стеной, с указанием площади (около 140 000 кв. м), оставил чиновник Мечен (IV династия, XXVII в. до н. э.).

В надписях конца Древнего царства упоминается «вино Верхнего Египта», выделяемое в Фивах. Позднее виноградарством стали заниматься также в оазисах Ливийской пустыни. О расцвете виноградарства во времена Нового царства позволяет судить посвятельная надпись Рамсеса III: в ней сообщается о множестве виноградников в оазисах юга и севера, в Верхнем Египте и в Дельте.

Сцены сбора винограда, изображенные на рельефах в гробницах Древнего царства, позволяют судить об устройстве виноградников того времени. В Египте в отличие от некоторых других стран с жарким климатом виноградные лозы не стлались по земле — их поднимали и подпирали вилообразными подпорками так, что крепкие стебли с гроздьями сине-черного винограда образовывали низкий свод. Разводили в Египте виноград и другого сорта — низкий, который не нужно было поддерживать. Однако виноградные лозы, поддерживаемые вилообразными подпорками, были настолько типичны для древнего Египта, что нашли отражение в знаке иероглифа, служившего детерминативом слов, обозначавших сад и виноградник.

Такое устройство виноградники сохранили и в более поздние периоды, но в росписях Нового царства иногда изображаются просто низкие своды из виноградных лоз без подпорок. Кроме того, с этого времени в больших и прекрасных садах царей и сановников стали устраивать высокие прямоугольные беседки-тоннели из виноградных лоз, обвивая ими ряды колонн, на которые были положены балки. Виноградные аллеи, в тени которых совершали прогулки, высаживались либо вокруг пруда в центре сада, либо двумя рядами около стены, а иногда вдоль пруда в форме буквы Т.

На рельефе гробницы Птахотепа (Древнее царство) показан садовник, поливающий виноградные лозы, держа обеими руками глиняный сосуд такой же округлой формы, как и те, из которых поливали огороды. На росписи гробницы Аменемхета Нового царства садовник поливает из продолговатого глиняного кувшина виноградные лозы, посаженные не прямо в землю, а в особые ямы, огражденные валиками из глины, которые были заполнены хорошей землей и способствовали сохранению драгоценной влаги.

Судя по рельефам и росписям, собирали виноград работники, дети, а со времени Нового царства и женщины. Спелые гроздья черного винограда с синим отливом обрывали руками и складывали в плетеные корзины разнообразной формы. Только на одной росписи Нового царства у работника, срывающего виноградную кисть, в руке виден нож. Корзины, наполненные доверху виноградом, работники ставили себе на плечи и вереницей шли к

большому круглому и низкому каменному чану, в который складывали виноград.

Виноградные лозы, собранные в чане, виноградари давили ногами, причем одной рукой они держались за виллообразные подпорки, а другой обхватывали друг друга за талию. Давильщики одновременно опускали и поднимали ноги, повинаясь ритму, который выбивали кастаньетами два музыканта. После выдавливания сок оставляли на день-два бродить.

Из оставшейся в чане кожуры выжимали сок с помощью примитивного, но довольно удобного приспособления, действовавшего как пресс, который, однако, требовал очень большой затраты физической силы. Выжимки складывали в мешок из грубого полотна и отжимали при помощи двух шестов. Отжатый сок стекал из мешка в поставленный под него широкий сосуд. Шесты закручивали четверо работников, по два человека с каждой стороны. Пятый работник опирался ногами и руками на верхние концы шестов, как бы паря в воздухе, не позволяя им сближаться при закручивании. Каждый новый поворот требовал все большего и большего напряжения от работников. В период Первого распада Египта для отжима остатков сока был изобретен станок, облегчивший тяжелую работу виноделов: в землю вбивали два столба, проделывали в них по два отверстия на равном расстоянии, за которые подвешивали мешок с выжимками и закручивали его специальным приспособлением.

Во времена Нового царства над каменным чаном, в котором виноградари давили ногами виноград, вместо временных шестов стали воздвигать постоянные сооружения: четыре колонны с капителями в виде папирусного зонтика и деревянную крышу, с середины которой свисало особое приспособление с веревками — за них держались работники, когда давили в чане виноград. Выдавленный сок стекал из чана по двум желобам в сосуды. Через верхний желоб вытекал сок с кожурой, через нижний и фильтр — очищенный сок. При наличии такой усовершенствованной давилки пресс для отжима выжимок играл уже не столь важную роль, как во времена Древнего и Среднего царств.

Вино наливали в сосуды с плоским дном и оставляли бродить. Когда этот процесс заканчивался, вино разливали по длинным остродонным сосудам с двумя ушками и узким горлышком, которое заливали гипсом. Если сосуды были очень большими и тяжелыми, их подвешивали к шестам, которые несли два работника. Писцы учитывали количество корзин собранного винограда и количество сосудов с приготовленным из него вином. На сосудах с вином они пометали год, местность, название виноградника.

Фруктовые сады в Египте во времена Древнего царства состояли из посадок культивированной и дикой смоковницы (последнюю принято называть сикоморой). О них упоминают надписи. В неолитических и додинастических поселениях Египта археологами были найдены финики и орехи дум-пальмы. Вероятно, это были плоды еще некультивированных пальм. Впрочем, некоторые ученые полагают, что финиковые пальмы, изображенные на абидосской палетке конца IV тысячелетия до н. э., были уже куль-

тивированными. Но этот вывод кажется сомнительным. И хотя в списках жертвоприношений, особенно к концу Древнего царства, наряду с виноградом, инжиром, ягодами дерева ююбы и плодами балонита упоминаются и финики, финиковую пальму стали культивировать в основном со времен Среднего и особенно Нового царств, причем преимущественно в районе Фиваиды Верхнего Египта.

Основным садовым деревом во времена Древнего царства была смоковница абиссинского происхождения с менее сладкими, чем у средиземноморской смоковницы, плодами — инжиром, или винными ягодами (даб). В надписях этого времени сообщается также о посадках дикой смоковницы — сикоморы с горькими плодами (нехт). По-видимому, принцип опыления садовой смоковницы был эмпирически известен египтянам уже во времена Древнего царства.

Сбор урожая плодов смоковниц — инжира — происходил осенью. Сборщики плодов, судя по рельефам Древнего царства, работали группами от двух до пяти человек около каждого дерева. Они собирали плоды в плетеные корзинки, сидя или стоя на ветвях дерева; наполненные корзинки спускали вниз на веревках работникам, стоящим или сидящим под деревом. Со времен Среднего царства для сбора инжира использовали прирученных обезьян.

Необыкновенного расцвета садоводство достигло во времена Нового царства. Поскольку основную ценность в садах составляла не земля, а деревья и водоемы, из которых их поливали, то начиная с Древнего царства учитывали их количество, а не площадь земли. Благодаря этому сохранились сведения о количестве деревьев в садах. Известно, например, что в саду Инени, зодчего XVIII династии, росло двадцать видов деревьев, в том числе 170 финиковых пальм, 120 дум-пальм, 31 персея, 5 смоковниц, 90 сикомор, 5 деревьев ююбы, 5 гранатовых деревьев и два оливковых дерева. Огромное количество пальм в этом саду объясняется тем, что он был расположен в Фиваиде, где они насаждались особенно охотно. Финики пальм, произраставших в Фиваиде и в оазисе Амона (Сива), относились к лучшим сортам. Сбор фиников и орехов с пальмовых деревьев впервые изображен в росписях Нового царства. Как и при сборе инжира, садовники использовали для сбора фиников и орехов мальчиков, а также обезьян. Финики употребляли в свежем виде, для приготовления вина их сушили впрок, добавляли к пиву.

Как и пальмы, персеи росли в большом количестве в Фиваиде. Их светло-желтые плоды часто можно видеть вместе с другими фруктами на подносах и в корзинах, подаваемых к обеденному или жертвенному столу. Небольшое деревце ююба (или зизифа) культивировалось в Египте с Раннего царства. Его плоды использовались для лекарства.

Гранатовое дерево было заимствовано египтянами из Азии. Его первое изображение находится на стенах Карнакского храма среди иноземных деревьев, привезенных Тутмосом III из Ретену (Сирия). В росписях гробниц Нового царства гранатовые деревья изображены в садах цветущими

или отягощенными плодами. Гранаты лежат в корзинах, на жертвенных столах. Цветы гранатового дерева вплетали в гирлянды.

Оливковое дерево было заимствовано из Азии и не получило большого распространения в Египте, насколько позволяют судить тексты. Идентифицировать дерево на изображениях трудно. Иногда его путают с другим масличным деревом — балонитом, а оливковым называют масло, добываемое из других растений. Листья оливкового дерева были обнаружены в венке мумии XX династии. Известно также, что Рамсес V жертвовал маслины храму.

Сохранилось сообщение о пожаловании храму яблок, но яблони упоминаются в текстах редко. Возможно, их культура была заимствована египтянами у хеттов и не получила широкого распространения в Египте. То же следует сказать о миндале, персиках, вишне, смородине, грецких орехах и тутовых ягодах, остатки которых обнаружены при раскопках Хавары.

Попытки привить на египетской почве чужеземные растения были сделаны в правление царей XVIII династии. Около 1480 г. до н. э. царица Хатшепсут направила экспедицию на пяти кораблях через Красное море в страну Пунт (совр. Сомали) за мировыми деревьями для украшения террас храма Амона в Дейр-эль-Бахари. По ее приказанию рассказ об экспедиции был записан, а некоторые эпизоды увековечены в рельефах на стенах этого храма, в частности погрузка на корабль мировых деревьев с корнями. Однако попытка акклиматизировать в Египте мировые деревья оказалась неудачной — почти через три с половиной тысячелетия после их посадки археологи во время раскопок храма обнаружили остатки деревьев, которые, по мнению ботаников, погибли до того, как закрепились в земле их корни. Фараон Тутмос III привез из Ретену (Сирии) деревья (и животных), повелев запечатлеть их на стенах одного из помещений храма в Карнаке. В огромном саду военачальника фараона Аменхотепа III в Фивах специальное место за оградой было выделено чужеземным растениям. В вышеупомянутом саду зодчего Инени тоже росли чужеземные деревья.

Росписи на стенах гробниц знати Нового царства сохранили удивительные изображения садов как бы с птичьего полета. Они дают возможность познакомиться не только с разными планами садов знати и дворцовых парков, но даже с некоторыми деталями их хитроумных устройств.

Обычно сад разбивали вокруг выкопанного водоема — прямоугольного пруда, который, как правило, питался подпочвенными водами и лежал довольно низко. Если у такого пруда были покатые берега, на них росли влаголюбивые растения, такие, как, например, папирус; если же у пруда были отвесные берега, вокруг него шла аллея из виноградных лоз. Остальные деревья — смоквы, сикоморы, финиковые пальмы и дум-пальмы — высаживались правильными рядами вокруг пруда. Часто сады обсаживались высокими сикоморами и кустистыми дум-пальмами. Небольшие сады были засажены каким-либо одним видом деревьев. «Сад» небогатого горожанина мог состоять из двух деревьев и колодца.

В больших садах знатных лиц и дворцовых парках было по несколько прудов прямоугольной, квадратной и Т-образной формы. Например, огромный сад военачальника фараона Аменхотепа III обеспечивали водой четыре симметрично расположенных пруда — два больших и два маленьких, причем середину сада занимал большой виноградник, обнесенный стеной. В дворцовом саду Эль-Амарны, изображенном в гробнице чиновника Мерира I, видны два небольших прямоугольных пруда, расположенных перед хозяйственными постройками, и третий глубокий четырехугольный колодезный пруд в углу сада (который получал воду извне).

Деревья, посаженные в сырую почву возле пруда в саду Эль-Амарны, изображенном в гробнице Мерира I, питались подпочвенными водами и потому не нуждались в поливе. Остальные деревья, окружающие хозяйственные постройки, были помещены в керамические сосуды с отверстиями для стока лишней воды, наполненные хорошей землей, или в ямы, окруженные глиняными валиками, поскольку они нуждались в регулярном поливе. Иногда растения были посажены в низенькие деревянные кадки, тоже с отверстиями. Поливали деревья из колодезного пруда при помощи шадуфа. Наиболее влаголюбивые растения располагались ближе к воде.

Пруды в форме буквы Т узкой частью обычно были соединены с каналом или рекой, широкой — обращены к дому. Такой пруд выкопан перед храмиком и домом жреца Небамона. Судя по изображению сада на стенах его гробницы, пруд был неглубок; все окружающие его деревья посажены в керамические сосуды или ямы, обнесенные глиняными валиками. Широкая часть пруда заросла цветущими голубыми лотосами.

В царской усадьбе Мару-Атон на южной окраине Эль-Амарны одиннадцать водоемов в форме буквы Т образовали каскад, вплетенный геометрическим узором в рисунок колоннады. В парке усадьбы был сделан огромный, но неглубокий пруд овальной формы с вдающимся в него каменным молом и лодочной пристанью. Деревья, окружавшие пруд, были посажены в ямы, наполненные хорошей землей и окруженные глиняными валиками. В парке был маленький водоем с цветущими лотосами и зарослями папируса, остров с изящными беседками и павильонами из камня, окруженный вром с водой.

Древние египтяне любили украшать себя, свой стол и помещения цветами и составленными из них букетами. Их любимыми цветами были лотосы, покрывающие пруды и озера, и васильки, растущие в поле. В качестве основы букетов использовали стебли папируса с зонтичными головками.

Но со времен Среднего царства цветы стали выращивать и в садах, и ко времени Нового царства сады и парки изобиловали цветами. Помимо того что пруды и водоемы засаживали дикорастущими лотосами, а отлогие берега папирусом, цветы выращивали, так же как овощи, на грядках, разделенных на маленькие оросительные квадраты для полива.

Так росли цветы и в усадьбе Мару-Атон. Дворцовый сад Эхнатона, расположенный на Ниле, засажен цветущими кустами и цветами, из которых тут же, в саду, на столике два садовника составляют букеты. Маленький храмовый, утопающий в пышной зелени и цветах сад с деревьями, отягощенными плодами, изображенный на стенах гробницы скульптора Ипуи, поливали четыре садовника с помощью шадуфов, которые убирали после поливки. Если клумбы с цветами или грядки с овощами были расположены на берегу пруда, их поливали с помощью больших плоских совков. Из цветущих растений египтяне выращивали акацию, жасмин, олеандр, алтей, хризантему и др.

Для того чтобы создать и поддерживать в порядке такое огромное и прекрасное, но столь же и трудоемкое садовое хозяйство, надо было иметь целую армию садовников. Хотя поливка царских (государственных) садов и огородов была одной из повинностей на «дом царя», состав огородников и садоводов не только частных и храмовых, но и царских хозяйств был постоянным. Во времена Нового царства его значительная часть была укомплектована иноземными рабами, о чем сообщает надпись Рамсеса IV. По меньшей мере двое из садовников, поливавших растения храмового сада Ипуи с помощью шадуфа, были иноземными рабами, о чем свидетельствуют их азиатские черты и бороды, которые не носили египтяне. Расцвет садоводства в Новом царстве, вероятно, стал возможным благодаря большому притоку иноземной рабской силы после успешных походов.

Нет ничего удивительного в том, что честь открытия пчеловодства принадлежала такой цветущей стране, как Египет. Долгое время египтяне собирали и использовали дикий мед. Возможно, что приручение пчел в Египте произошло уже в середине V тысячелетия. Во всяком случае, рельеф в солнечном храме царя Ниусерра в Абусире (XXVI в. до н. э.), изображающий царско-храмовую насеку, свидетельствует о том, что египтяне Древнего царства умели делать искусственные ульи, помещать в них пчел и выкачивать мед. Бородатый пчеловод, вероятно азиатского происхождения, т. е. иноземный раб, стоит перед рядом нагроможденных друг на друга ульев продолговатой формы, сделанных из плетеного тростника, обмазанного илом, и дует в один из них, чтобы вызвать вылет роя и вынуть медовые соты, для которых он держит наготове сосуд. Второй пчеловод выливает мед из продолговатых кувшинов в большой широкий сосуд. Быть может, он смешивает мед с водой для приготовления сладкого напитка. Выемка меда совпадала с возвращением перелетных птиц в Египет и обратным передвижением рыб мугилид к Средиземному морю, т. е. производилась осенью. На полке около пчеловодов стоят два шаровидных сосуда с медом или медовым напитком, закрытые плоской крышкой и запечатанные.

Второе изображение насеки дошло до нас уже от времени Нового царства — на рельефе в гробнице верховного сановника XVIII династии Рехмира. Оно свидетельствует о значительном усовершенствовании способа

выемки меда. Этим занимаются одновременно два пчеловода: один выкуривает пчел светильником с тремя коптящими свечами, другой вынимает соты и складывает их в миски. Художник показал даже пчелу, вылетевшую из улья.

Затем работники переливали мед в большие сосуды, где его смешивали с водой или очищали от посторонних примесей, после чего небольшими кувшинами с ручками разливали по большим остродонным сосудам, которые тут же запечатывали и уносили. Рядом с ульями изображена хлебопекарня, в которой, вероятно, пекли сладкие хлебцы с медом («песн»).

Пчеловодство, по-видимому, было монополией царского хозяйства. Кроме того, судя по титулатурам чиновников, ежегодно отправляли людей собирать дикий мед по всей стране. Мед был ценным лакомством, недоступным простому народу. Его ела знать и употребляли для приготовления сладкого напитка и пирогов (сахарный тростник был неизвестен древним египтянам), а также в качестве лекарств и при бальзамировании как антисептическое средство. Воск жертвовали в большом количестве храмам, где он шел для изготовления светильников, для бальзамирования и употреблялся в магических целях. Воск использовали художники для закрепления росписей (впоследствии этот способ заимствовали греки). Ремесленникам воск был нужен для литья бронзы. Употреблялся он и для приготовления косметических снадобий.

Огромное значение в древнеегипетском хозяйстве имело животноводство. Оно долгое время сочеталось с древнейшими видами скотоводства — почти на всем протяжении своей истории древние египтяне не оставляли попыток приручения и одомашнивания диких животных и птиц.

В животноводстве можно различить два направления — молочное и мясное. Кроме того, с древнейших времен рабочий скот широко использовали в земледельческом хозяйстве и как транспорт. Содержали скот в хлевах и временных загонах на пастбищах, которые устраивались на окраинах пустыни, где в те времена росла еще скудная трава и кустарник. Лучшие пастбища с люцерной, клевером и викой находились в Дельте, куда перегоняли скот пастухи Верхнего Египта — здесь во времена Нового царства почти не осталось пастбищ. С древнейших времен скот был желанной военной добычей для египтян. Известно, какое огромное количество крупного и мелкого скота захватывали они у ливийцев, в Куше, а позже в странах Азии.

Египетские художники и скульпторы с такой анатомической точностью изображали животных, особенно на рельефах, что современные зоологи смогли определить их виды и породы. Изображения часто сопровождаются пояснительными надписями, в которых указывается огромное количество скота, находившегося во владении царей, храмов и вельмож. Стада подбирались по видам скота — в надписях Древнего царства упоминаются «пастбища быков, пастбища ослов, пастбища мелкого рогатого скота». Для Древнего царства характерна крупная порода быков и ко-

ров с длинными красивыми, в форме лиры, рогами, которая окончательно вымерла ко времени Нового царства. Эта порода скота, вероятно, была египетского происхождения, поскольку при раскопках неолитического поселения в Меримде найдена глиняная модель головы быка с длинными лирообразными рогами, а на сосудах первого додинастического периода встречаются изображения голов быка с такими же рогами. В стадах Древнего царства содержались также быки и коровы с рогами среднего размера — прямыми и в форме полумесяца, короткорогие и безрогие (в те времена в Египте искусственно, путем мутаций, вывели породу комолого скота). В Новом царстве крупную породу скота сменила мелкая — коротконогая и короткорогая (ученые полагают, что в связи с эпизоотией). В настоящее время быка с длинными рогами можно увидеть лишь за пределами Египта, в Судане. В связи с расширением завоевательной политики Египта в странах Передней Азии оттуда стали пригонять азиатские породы скота, в том числе зебу — короткорогих быков с горбом на спине. Буйволы, распространенные в современном Египте, не были известны древним египтянам. Быки и коровы широко использовались в земледельческом хозяйстве при пахоте и молотье. Тяжести перевозили на быках.

Использование коров в качестве рабочего скота для пахоты не мешало развитию молочного хозяйства. Сцены доения лучше всего сохранились на рельефах Древнего царства. Доением занимались всегда подростки, а взрослые пастухи держали корову, связав ей бечевкой задние ноги и хвост (иногда к задним ногам привязывали за рога и голову). Рядом с коровой, которую доят, обычно стоит теленок. Но сохранились два рельефа того времени, на которых теленок возле коровы не показан; в одном случае у нее даже не связаны ноги. Это свидетельствует о полном одомашнивании коровы уже во времена Древнего царства. Впрочем, коров продолжали доить в присутствии их телят и в Новом царстве, о чем сообщает один текст.

Осенью (в сезон «выхождения») происходила случка скота. Самый трудный и тревожный период начинался у пастухов ранней весной, когда животные приносили приплод. На рельефе в гробнице Ти (Древнее царство) изображена сцена отела коровы, которой оказывают помощь пастухи.

Во время «половодья» надо было ухаживать за молодым, оберегая его от всевозможных бед. Художники особенно охотно изображали живописные и трогательные сцены переправы скота вброд через реку или проток в сезон «выхождения», когда земля еще была покрыта многочисленными озерами и потоками воды. Иногда пастухи вместе со стадом переходят протоки вброд, заботливо неся телят на спине. При переправе стада через реку они сопровождают его на лодках, внимательно следя, чтобы крокодил не утащил какое-либо животное.

Быки и коровы неохотно входили в воду. Пастухам приходилось подгонять животных палкой. Иногда они использовали теленка в качестве при-

Рис. 10. Переправа стада через проток. Рельеф в гробнице Кагемни. VI династия. XXIV—XXII вв. до н. э. Саккара

манки — заставляли плыть впереди стада, причем пастух, сидя в лодке, держал его за поводок. Теленок начинал кричать, повернув голову к корове, и та бросалась за ним, увлекая за собой все стадо (рис. 10).

В загонах, чтобы животные не ушли, их привязывали толстой бечевой, сплетенной из волокна пальмы, которую закапывали глубоко в землю и закрепляли камнем так, что только небольшая часть ее выступала из земли. Такой способ привязывания практикуется и в современном Египте. В хлевах оставляли быков, которых кормили на убой, и часть молочных коров, чтобы обеспечить молоком стол хозяина. Коров доили в широкие горшки, из которых молоко переливали в сосуды овальной формы и затыкали их пучком травы.

В фиванской гробнице Мекетра Среднего царства была найдена модель хлева, разделенного на две сообщающиеся между собой половины. В передней части два служителя заняты кормлением двух быков, лежащих на полу; около входной двери сидит страж с палкой; проход во вторую половину завален колодой; здесь четыре быка едят из одной длинной кормушки, устроенной на высоте половины стены. Быки, откармливаемые на убой, отличались особой упитанностью. Во времена Нового царства таких быков царских и храмовых стад клеймили.

На многих рельефах изображены сцены ритуального убоя быков, который был трудным делом и требовал большой силы, ловкости и мужества от «бойцов», забивающих быков. Животное нужно было сначала повалить

на спину, стреножить ему обе задние и одну переднюю ногу, а затем заколоть ритуальным кремневым ножом и разделать тушу по всем правилам, предписанным ритуалом.

Большое хозяйственное значение крупного рогатого скота отразилось в обоготворении коровы в образе богини неба Хатор и в местных культах «божественного теленка» (XII ном), «черного быка» (X ном), «забитого быка» (XI ном Нижнего Египта, где было особенно развито скотоводство), «священной белой коровы» (XX ном Верхнего Египта) и в культе священного быка — Мневиса (в Гелиополе), Аписа (в Мемфисе), быка-борца — царского животного.

Кроме крупного рогатого скота в Египте Древнего царства разводили гривистых длинноногих овец и баранов с горизонтально расположенными рогами. Они могли произойти от североафриканских гривистых овец, на которых продолжали еще охотиться во времена Древнего царства. Изображение дикой гривистой овцы, окруженной собаками в ошейниках, сохранилось на додинастическом сосуде из Нагады. Вероятно, древнейшей формой применения скота в земледельческом хозяйстве было использование овец и баранов для втаптывания посевов в землю. Со времен Среднего царства (XXII в. до н. э.) в Египте появилась богатая шерстью порода тонкорунных овец и баранов, от которой произошли современные овцы и бараны с загнутыми рогами и курдюком. Эта порода, вероятно, была заимствована египтянами из Азии.

Кости домашней козы в Египте обнаружены еще в неолитических поселениях. Стада домашних коз изображены на додинастических сосудах из Нагады. Предок домашней козы в Северной Африке еще не найден, и предполагают, что коза могла быть заимствована египтянами из Передней Азии. От Нового царства сохранилась живая сценка, показывающая набег козьего стада на рошу, предназначенную для порубки. Пастух пытается собрать козье стадо с помощью посоха и игры на флейте.

Свиноводством в Египте занимались главным образом в болотистых Дельте и Фаюме, где водилось много кабанов. Кости свиньи были найдены археологами в развалинах неолитических и энеолитических поселений. Сохранились глиняные статуэтки свиней додинастической эпохи. Но в росписях и на рельефах изображения свиней не встречаются до Нового царства. Однако в надписи чиновника начала IV династии Мечена сообщено, что среди скота, унаследованного от отца, находились и свиньи. Во времена Нового царства свиней стали разводить в большом количестве и в Верхнем Египте. Об этом свидетельствуют изображения на стенах гробниц Ренни и Пахери в Эль-Кабе. Пояснительная надпись в гробнице Ренни называет пятнадцать сотен свиней в его хозяйстве. В Государственном Эрмитаже хранятся амулеты, сделанные в виде свиней и поросят. Сообщение Геродота об использовании свиней в его времена в Дельте для утаптывания посеянного зерна подтверждается изображениями фиванских гробниц. Свинья у египтян считалась нечистой как олицетворение злого бога Сета.

Разводили в Египте и ослов. Они были основными вьючными животными древнего Египта. Изображение осла появилось еще на неолитических сосудах. С Древнего царства засвидетельствовано широкое использование осла в земледельческом хозяйстве: он возил снопы с поля на гумно, использовался при молотье до Нового царства, пока на животных не надели ярмо. В караванах, направлявшихся через пустыни на Синайский полуостров, к Красному морю и в оазисы, осла были единственными вьючными животными.

Верблюд был известен в Египте с додинастического времени, но не использовался до Позднего периода.

Лошадь практически не была известна в Египте до появления там гиксосов (XVI в. до н. э.), хотя недавно обнаруженный в Куше костяк лошади датируется более ранним временем. Но первые упоминания об упряжках лошадей и колесницах появляются только в текстах, сообщающих о победах царей Камоса и Яхмоса над гиксосами. Первое изображение лошади сохранилось на скарабее царя Тутмоса I — она запряжена в боевую колесницу. Лошадь в древнем Египте никогда не использовалась как вьючное или тягловое животное в сельском хозяйстве и в строительстве (рис. 11). Она запрягалась в военные и обычные колесницы для выезда царей и знати. Особенно широко лошадь использовалась на войне — египетские боевые колесницы составляли новую, очень подвижную тактическую единицу войска. Все торжественные выезды цари и царицы совершали на колесницах. Для верховой езды лошадь в Египте использовали мало.

Лошадей содержали в конюшнях, отделенных от хлевов, и заботливо

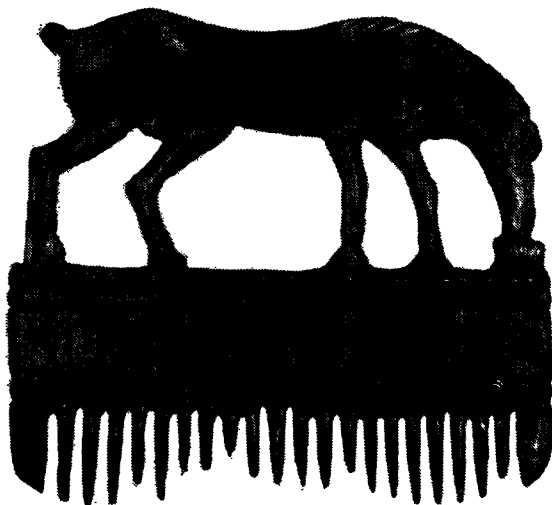

Рис. 11. Деревянный гребень с изображением лошади. XVIII династия. Первая половина XV в. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

за ними ухаживали. Известны имена лошадей фараона Рамсеса III: «Победа в Фивах» и «Мут счастлива». К лошадям были приставлены специальные врачи — ветеринары. Знатные лица по примеру царей тоже заводили лошадей и колесницы.

Основной особенностью древнеегипетского животноводства было содержание в стадах вместе с домашним скотом полуприрученных и прирученных животных пустыни: газелей двух видов, большей частью обыкновенных (доркас), козерогов (ибекс нубиана), саблерогих антилоп (орикс), мендесских антилоп (аддакс), коровьих антилоп (бубалов), оленебыков и даже гиен. Во время охоты этих животных загоняли с помощью борзых собак в специальные загоны, окруженные рвами и огороженные с трех сторон достаточно высокими оградками из камня, отлавливали молодняк, помещали его в другие загоны для разведения скота, выращивали и приручали. В гробнице Сешем-нефера (Древнее царство) животные пустыни, которых ведут за рога пастухи, так и названы «молодняком» («рен»).

Несмотря на пугливость, газели и антилопы легко приручались, что подтверждается изображениями на сосудах, рельефах и в росписях с конца IV по II тысячелетие до н. э. включительно. Возможно, попытки содержать животных пустыни в стадах делали еще ранние земледельцы и пастухи, а может быть, даже ранние охотники мезолита, но поскольку приручаемые животные так и не стали домашними, их кости не претерпели никаких изменений и археологи не могут судить, принадлежали они к прирученным или живущим на свободе животным. Изображение стада из шести мендесских антилоп, пасущегося под надзором двух пастухов (причем рядом с животными различимы знаки ограды, указывающие на загон), зафиксировано на сосуде из Нагады второго додинастического периода. К сооружению, напоминающему ограду, привязаны жираф и саблерогая антилопа на скальном рисунке в оазисе Харге.

На рельефе в гробнице Мерерука (Древнее царство) антилопы, козерог и несколько гиен находятся в стаде вместе с быками и козами. В отдельных случаях приручение газелей и антилоп удавалось. На стене одной гизской гробницы сохранилось изображение газели, кормящей теленка. Росписи в гробницах Бени-Хасана (Среднее царство) показывают телят около самок в стадах сабельных антилоп. Но хозяйственное использование животных пустыни ограничивалось их убоем. Полагают, что в условиях жаркого климата Египта было удобно иметь живые резервы мяса.

Откармливаемых животных пустыни содержали в хлебах. На рельефах в гробнице Мерерука и в росписях в Бени-Хасане изображены кормушки, из которых едят привязанные к ним газели и антилопы. Кормушки устроены достаточно высоко, чтобы животным не нужно было низко наклонять головы. На рельефах в гробницах Мерерука и Кагемни (Древнее царство) сохранились удивительные сцены кормления гиен: один служитель держит гиену за ноги, другой впикивает ей в пасть кусок какой-то живности. Если животное было свирепым, связывали его задние ноги.

Откормленных животных — газелей и антилоп — служители и пастухи вели на убой, держа их за рога и за ошейники. Таких изображений очень много в рельефах Древнего царства и росписях Среднего царства. Редкие изображения прирученных газелей в ошейниках, например стоящей под стулом господина или жертвенных, можно встретить в гробницах Нового царства и даже эллинистического времени.

В хозяйствах вельмож, царей и храмов имелись большие «птицефермы», в которых содержали и откармливали огромное количество птиц разных пород и видов: гусей, уток, журавлей, лебедей, голубей, пеликанов и страусов, с Нового царства также ибисов. В древнеегипетских текстах насчитывается шесть названий гусей и пять названий уток. В росписях в мумийской гробнице Нефермаат (Древнее царство) опознают гусей четырех видов. Птицы поступали на фермы от охотников, поймавших их в сети. Птицеловы приносили птиц с подрезанными крыльями в больших зарешчатых клетках и помещали в вольеры, где их также откармливали, как газелей, антилоп и гиен, в качестве постоянного запаса живой дичи.

Птичьи фермы были окружены колоннадой, состояли из помещений для работников, хранилища зерна и вольера, затянутого сетью, в котором имелись сад и бассейн. Крыши у фермы не было, поэтому птицам подрезали крылья. Писцы регистрировали количество зерна, выдаваемого птичникам, которые таскали его в вольеры в больших плетеных кошелях или корзинах. Кормили птиц ячменем, что поясняют надписи, сопровождающие изображения. В специальном помещении птичники готовили пищу для птиц и дополнительно кормили их, вытаскивая из вольера: в горшке, стоящем на огне между двух камней, они варили какую-то смесь из муки и натали из нее колобки. Сцены на рельефах Древнего царства, изображающие кормление птиц, поражают своей необычностью: одной рукой птичник хватал журавля за верхнюю часть шеи, поднимая вверх клюв, чтобы тот его открыл, другой рукой быстро впихивал в клюв колобок, который птица вынуждена была проглотить. Так же, как журавлей, кормили и других птиц, после чего их, отяжелевших от еды, водили на прогулку.

Хорошо откормленных птиц специальные работники закалывали, ощипывали и готовили для еды. Но тщательный уход за птицами имел и другую цель — попытку их приручения и одомашнивания. Пойманные птицы, которых хорошо кормили, быстро свыкались с неволей и легко приручались. Рельеф в гробнице Птахотепа Древнего царства и роспись в гробнице Бени-Хасана Среднего царства показывают настолько уже прирученную стаю гусей, что ее пасут на свободе. Три больших белых пеликана храмового хозяйства прогуливаются под надзором трех служителей (рельеф солнечного святилища в Абусире, Древнее царство). Роспись в гробнице Бени-Хасана изображает стаю журавлей, которую гонит на пастбище пастух. На рельефе Нового царства времени Рамсеса II среди дани народов Куша можно увидеть страуса в ошейнике. В таком виде его представляли и додинастические наскальные рисунки. Страусов держали главным образом с целью получения страусовых перьев, но в редких случаях

сильную голенастую птицу использовали также для верховой езды и запрягали в упряжку. В торжественном выезде Птолемея Филадельфа принимали участие восемь упряжек, в которые были запряжены страусы.

Попытка одомашнивания гусей была сделана в Египте, видимо, в середине II тысячелетия до н. э. Рисунок чернилами в гробнице Небамуна Нового царства показывает гусей с гусятами. Роспись конца XV в. до н. э. воспроизводит гуся и гусыню с гусятами в стае гусей, которую пасет пастух. В то же время, видимо, и пеликанов пытались сделать домашней птицей. В гробнице Хоремхеба конца XVIII династии перед пятью пеликанами, которых пасет пастух, показаны пять корзин, полных больших яиц.

Домашние куры были завезены в Египет из Азии во второй половине II тысячелетия до н. э. Полагают, что четыре птицы, упомянутые при перечислении дани митаннийцев Египту в летописи Тутмоса III, были курами. На серебряном блюде Сети II (1210—1205) сохранилось изображение петуха рядом с прирученными страусами под присмотром птичника. Возможно, остракон с абрисом этой птицы, найденный в Долине царей (Фивы), датируется немного более ранним временем. Поздние примеры воспроизведения петуха на рельефах, в росписях гробниц и на сосудах, в статуэтках дошли до нас от персидского и греко-римского периодов, например в известной гробнице Петосириса. Частое изображение петуха можно встретить в мероитском и раннекоптском искусстве. В религии петух был связан с культом солнца.

Во времена Древнего царства скот стал служить единицей податного обложения. Чиновники и писцы вели его учет каждые два года. В надписях сообщается о взимании «налога» («иру») на скот. Пастухи, пасущие скот на пастбищах, должны были регулярно отчитываться в поголовье скота перед чиновниками и вельможами. Плохо было тому пастуху, который не сумел увеличить поголовья скота, — за это он расплачивался собственной спиной: рельеф в гробнице Пуемра Нового царства изображает сцену избияния пастуха палкой за то, что он привел только корову без приплода и быка.

Пиктографический знак пастуха показывает мужчину, сидящего на циновке, по форме напоминающей кресло со спинкой. В таком кресле-циновке пастух сидел на пастбище, наблюдая за скотом. Он сам изготовлял себе циновку и носил ее всюду с собой. Царские указы второй половины Древнего царства свидетельствуют о том, что уход за скотом на пастбищах и работа в «доме пастуха», где было сосредоточено управление царским и государственным скотом, составляли повинности населения на «дом царя». В то же время работа пастухов уже во времена Древнего царства сложилась в профессию с определенными навыками и приемами, основанными не только на непосредственном наблюдении за жизнью животных и птиц, но и на знании их анатомического строения.

Во времена Древнего и Среднего царств в экономике Египта не утратила своего хозяйственного значения и охота. Охотники поставляли убитую дичь, значительно увеличивая мясные запасы страны, и обеспечивали

крупные хозяйства молодыми животными пустыни и дикой птицей для приручения, откармливания и попыток одомашнивания. Пустынные ныне нагорья, покрытые в те времена саванной растительностью, и низкие земли, остававшиеся заболоченными после паводка, посещались дикими животными пустыни — козами, газелями, антилопами, оленебыками, а также хищными животными — львами, тиграми, гиенами, волками и шакалами. Появлялись там страусы и исчезнувшие позднее жирафы, водились мелкие животные — зайцы, ихневмоны, ежи. В непроходимых зарослях Дельты, на ее топких болотах и озерах, гнездилась масса водоплавающей птицы — гусей, уток, а также ибисов, цапель. Осенью здесь задерживались перелетные птицы — журавли, перепела, гуси. В садах жили удоы и бекасы. В водах Нила еще водились крокодилы и гиппопотамы (последние, выходя на сушу, наносили большой вред пашням — поедали урожай), было много разной рыбы — оксиринхов, нильских окуней, африканских сомов, нильских тилапий и мугилид двух видов из породы лобанов.

Охотники, отлавливающие диких животных и хищников пустыни («нуу»), находились под началом царских пограничных чиновников. Пиктограмма охотника показывает человека, стоящего на одном колене (обычная поза древнеегипетских охотников), с бумерангом в руке; другой рукой он держит борзую собаку на своре. Охотой на птиц, точнее, ловлей птиц сетью, так же как и рыбной ловлей, занимались «ловцы» («ухау») — пиктограмма этого слова состоит из двух знаков: лодки и сети. Большей частью они были работниками хозяйств вельмож.

Охотились на диких животных с помощью лука и стрел. Но быстро бегающих газелей и антилоп трудно было убивать. Легче было загнать их в специально огороженное место с западнями и захватить живыми. Для этого охотники с палками и лассо устраивали травлю животных борзыми собаками. Такая охота изображена на стене заупокойного храма царя Сахура и в гробницах Птахотена и Мерерука. Египетские борзые собаки отличались быстротой и свирепостью. Ловля быстроногих газелей и антилоп живыми для приручения и откармливания стала возможна лишь после приручения собаки, которое произошло еще в неолитический период. Ко времени Древнего царства египтяне сумели вывести породу стройных длинноногих борзых собак и выдрессировать их для охоты на быстроногих животных.

Очень любопытны попытки древних египтян приручить для охоты других животных, кроме собаки: гепардов, львов, пантер и кошек. Второе место после охотничьей собаки занимает гепард — легко приручаемое быстроногое животное, которое использовали для преследования антилоп и газелей. В гробнице Нефермаат в Медуме (Древнее царство) изображен охотник, держащий на привязи гепарда. Приручение гепарда восходит к началу Раннего царства (III тысячелетие до н. э.). На рельефе в гробнице верховного сановника XVIII династии Рехмира есть изображение: прирученного гепарда в ошейнике ведут на привязи в качестве дани жители Пунта.

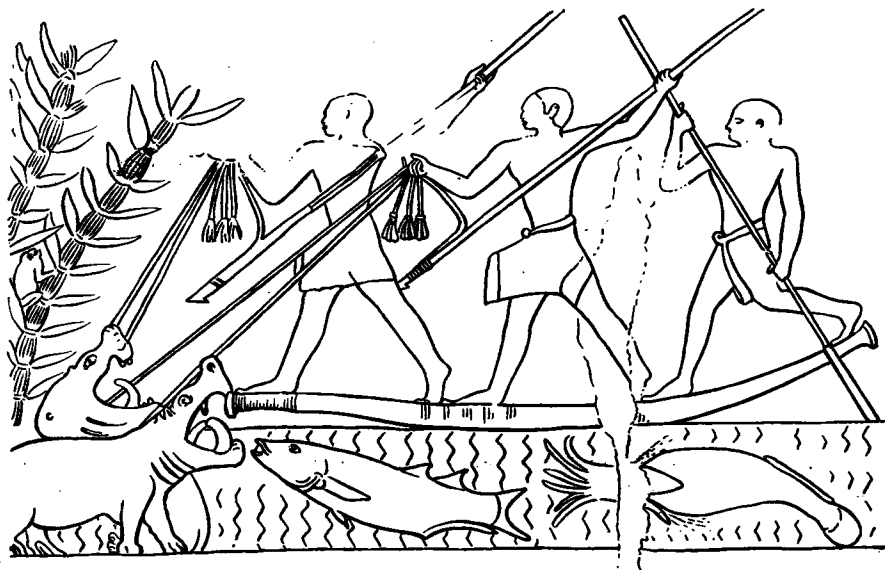
Ученые доказали, что прирученного льва древние египтяне использовали в охоте на дикого быка — зубра. Ранее полагали, что лев в этих сценах является объектом охоты. На рельефе в гробнице Мерерука Древнего царства борзые собаки нападают на антилоп и газелей, лев — на зубра. Ни охотник, ни собаки не нападают на льва, что было бы естественно, если бы он рассматривался как хищник, а не помощник при охоте. Приручение льва восходит к додинастическому периоду, поскольку на рукоятке из слоновой кости ножа, найденного в Гебель-эль-Араке, сохранилась подобная сцена охоты льва на дикого быка. В сценах охоты, изображенных в гробницах Среднего царства — в Меире и Бени-Хасане, стрелы охотников летят в бегущих гривистых овцах, антилоп, газелей, гиев, но не в льва, который нападает на быка. На каменной чаше Нового царства из гробницы Тутанхамона лев и собака вместе бросаются на дикого зубра. От времени I династии и до эллинистического периода включительно львов изображали в ошейниках как прирученных животных. На золотой обшивке наоса из гробницы Тутанхамона рядом с царем, охотящимся на болотных птиц, показан стоящий лев в ошейнике.

На многих рельефах Древнего царства можно видеть и прирученную пантеру в ошейнике — ее держат на поводке вместе с собаками слуги-карлики, стоящие рядом с креслом вельможи, или ведут на прогулку вслед за носилками, в которых несут хозяина. Кошка была приручена позднее, во времена Среднего царства, и использовалась на охоте.

Животные, захваченные живыми во время охоты, доставлялись в усадьбы в клетках и корзинах. Рельефы в гробницах Древнего царства показывают: в больших зарешетчатых клетках на полозьях охотник везет льва и леопарда, другой охотник бежит с коромыслом на плечах, к которому привязаны корзинки с молодым антилопы, бубала, козерога и газели, третий несет на коромысле корзинки с ежом, зайцем и лисицей.

Опасна была охота на гиппопотамов с помощью гарпунов. Ее изображение сохранилось в гробнице Мерерука (рис. 12): охотники стоят в легком папирусном челноке и наносят удары гарпунами по гиппопотаму, находящемуся в воде; при этом охотники держат его толстыми веревками, привязанными к гарпунам. Мясо гиппопотамов использовали для еды.

Для ловли птиц сразу в большом количестве древние египтяне изобрели хитроумное снаряжение — ударную сеть. Ее устройство и принцип действия позволили узнать изображения на рельефах Древнего царства: две сети прямоугольной формы расстилали по обеим сторонам пруда или озера, короткие поперечные стороны сетей были снабжены подвижными жердями-распорками, которые закреплялись четырьмя колышками, воткнутыми в землю, так что сеть могла двигаться вокруг них, закрывая и снова открывая пруд; через свободные концы двух сетей пропускали толстую бечевку, которую закрепляли на колу, глубоко вкопанном в землю с одной стороны поперечных жердей-распорок. Бечевку пропускали с другой стороны сети и, образуя шестиугольную фигуру, соединяли узлом — этот длинный конец бечевки птицеловы держали в руках. Когда они с силой

*Рис. 12. Охота с гарпуном на гиппопотамов. Рельеф в гробнице Мерерука.
VI династия. XXIV в. до н. э. Саккара*

тянули на себя конец бечевки, обе створки сети поднимались и захлопывались, закрывая пруд или озеро вместе с находящимися там птицами. Тянули бечевку отряды птицеловов по шесть-семь человек. Старший птицелов или сам хозяин наблюдал за птицами из-за зарослей папируса и подавал сигнал отряду тянуть веревку, когда видел, что пространство внутри сети заполнено птицами. Успех поимки птиц зависел от вовремя поданного сигнала и внезапности захлопывания сети.

Вынутым осторожно из сети птицам подрезали крылья и сажали их в клетки, подвешенные к коромыслам. Основная ловля птиц производилась осенью, когда в Египет возвращались перелетные птицы. Только перепелов ловили весной в жнивье сетью другого устройства, принцип которого остается не совсем ясным.

Охота на водяных птиц с бумерангом уже со времен Древнего царства стала спортивным занятием знати. Стоя в легком тростниковом челноке, вельможа-охотник поджидал момент, когда птица пролетит низко над зарослями, тогда он ловко ударял бумерангом по шее птицы, и она падала замертво в воду. Бумеранг древних египтян представлял собой метательную палку со слегка согнутым концом (не похож на австралийский). Этим видом охоты продолжали заниматься вельможи и во времена Нового царства, используя прирученных и одомашненных со времени Среднего царства кошек.

Во времена Нового царства хозяйственное значение охоты уменьшается. Охота на диких животных пустыни остается в ведении пограничных чиновников, которые часто используют для нее отряды иноземных наемников из ливийских племен и племен Куша. Окружающие Египет племена в изобилии поставляют дичь в виде дани. Большие охоты в пустыне становятся спортивным занятием царей и знатных лиц. Они приезжали на охоту в своих колесницах, вооруженные луком и стрелами. Такая охота на львов изображена на дарце Тутанхамона — здесь стрелы летят во львов. Сцена охоты Рамсеса III на диких быков высечена на пилоне храма в Мединет-Абу (рис. 13).

В весеннее время, когда животные приносили приплод, а страусы и водоплавающие птицы высиживали птенцов, как полагают, охота была запрещена. Разрешалась только охота на перепелов в жнивье, которые клевали зерна созревшего урожая.

Рыбная ловля в древнем Египте имела большое хозяйственное значение. Она дополняла мясные запасы свежей и вяленой рыбой, которой обычно питался простой народ. Наиболее продуктивная рыбная ловля производилась вершами (рис. 14) и неводом. Как показывают рельефы в гробнице Ти́и, Мерерука и Кагемни (Древнее царство), верши, сплетенные из прутьев, опускали глубоко под воду, отмечая их местонахождение поплавками, в качестве которых использовали куски дерева. Когда вершу подрезали, нужно было не менее двух лодок, чтобы поднять ее. Изображений рыбной ловли вершами на памятниках Нового царства не сохранилось.

Неводом захватывали рыбы еще больше, чем вершей. Судя по изображениям в гробницах Рахотепа, Ти́и и Мерерука, невод представлял собой длинную сеть, которую опускали на дно реки или протока. К сети привязывали тяжести-грузила, которые тянули ее на дно, поплавки держали на поверхности верхнюю часть сети. К концам невода были привязаны бечевки, за которые рыбаки вытаскивали его из воды. Сеть была сплетена из веревок, скрученных из волокон льна или травы хальфа. Тянули сеть пять-шесть рыбаков под наблюдением надсмотрщика.

Во времена Нового царства продолжали ловить рыбу неводом. Роспись в гробнице Хевы воспроизводит ловлю рыбы неводом, натянутым между двух лодок, которые плывут параллельно друг другу вверх по течению на веслах, — сеть держат за бечевки рыбаки, стоящие на корме лодок. В росписи гробницы Ипуи изображен момент, когда рыбаки втаскивают в лодку невод, полный рыбы. К лодке приближается судно, чтобы забрать у рыбаков улов.

Пойманную рыбу иногда разделявали для вяления прямо в лодке, но чаще на берегу. На рельефах Древнего царства сохранилось изображение работников, разделяющих рыбу на низеньких столиках, — они сидят на земле или на скамеечках в тени зарослей тростника и папируса; около них на земле стоят корзины и кошель, полные рыбы. Рыбу разрезали большими ножами вдоль хребта и чистили, так что ее голова, хвост и брюхо оста-

*Рис. 13. Рамсес III на колеснице охотится на дикого быка. Рельеф на пилона храма в МедINET-Аби.
XX династия. Первая половина XII в. до н. э.*

*Рис. 14. Рыбная ловля с помощью вершей. Рельеф в гробнице Мерерука.
VI династия. XXIV в. до н. э. Саккара*

вались целыми. Икру, вынутую из рыб, складывали в горшки. Лучшую из пойманной рыбы несли к столу хозяина, остальную заготавливали впрок. Сушили рыбу на виллообразных жердях или развешивали на канаты, прикрепленные к мачтам судна. Во времена Древнего и Среднего царств разделкой и сушкой рыбы занимались мужчины, во времена Нового царства — также и женщины.

С маленьких папирусных лодок рыбаки ловили рыбу на крючок. Во времена Древнего царства несколько связок крючков, сделанных из кости

и меди, привязывали к бечевке, которую держали прямо в руке без удилица. Изображения удилиц появляются позднее, со времен Среднего царства (гробница номарха Хнумхотепа в Бени-Хасане). С Нового царства рыбная ловля на крючок становится спортивным занятием знатных лиц. Роспись на стене гробницы Хатиаи в Шейх Абд-эль-Гурна показывает хозяина за рыбной ловлей: он сидит с двумя удочками на складном стуле на берегу пруда, у его ног расположилась на подушечке жена.

Во времена Древнего царства знатные вельможи били рыбу также гарпуном. На рельефе в гробнице Хетепхерахти изображен хозяин на легком челноке — он стоит во весь рост и протыкает гарпуном двух больших рыб. Охота и рыбная ловля, ставшие развлечением знати, ритуально воскрешают древние способы и орудия, имевшие некогда хозяйственное значение.

РЕМЕСЛА, ТЕХНИКА И ТРАНСПОРТ

Переход от присваивающего хозяйства собирателей, охотников и рыболовов к производящему пищу хозяйству земледельцев и скотоводов произошел в Египте в середине V тысячелетия до н. э. в результате усовершенствования каменных орудий труда. На основании археологических находок известно, что жители неолитических поселений Египта не только занимались земледелием и приручением диких животных, но умели уже использовать и обрабатывать мягкие и даже твердые каменные породы, кость, глину и дерево.

Камень имелся в изобилии в областях, прилегающих к долине Нила. Египтяне были одним из самых древних народов, который занялся его обработкой и достиг в этом поразительного мастерства. Полагают, что добычу камня в каменоломнях египтяне начали вести только с появлением медных орудий труда, а до того времени пользовались естественными обломками скал или отбивали их каменными топорами. Техниккой односторонней и двусторонней обработки камня и кремня с отжимом древние камнерезы создали каменные молоты, топоры, тесла, наконечники мотыг и кирок, вкладыши серпов, скребки, ножи, резцы, проколки, пилы-ножи, ударники, ручные зернотерки и пряслица для тканья. Многие из этих орудий сохранили значение и после появления медных, а формы последних часто были заимствованы у каменных и костяных. Полагают, что уже тогда была известна техника сверления углублений в камне при помощи трубчатого сверла из тростника или полого внутри ствола дерева. Из различных пород камня, даже таких твердых, как базальт, умели изготавливать сосуды.

Неолитические земледельцы и скотоводы научились формировать из глины и обжигать грубые горшки, плести корзины из листьев финиковой пальмы, связывать стебли тростника или камыша в циновки. Грубо обработанные деревянные столбы, ветки и циновки, обмазанные глиной, они

использовали для сооружения хижин. Из дерева изготавливали оправы серпов с желобками для кремневых лезвий — два таких серпа были найдены при раскопках неолитического поселения в Фаюме.

В конце V тысячелетия до н. э. Египет вступил в эпоху энеолита (медно-каменного века). Она характеризуется появлением медных орудий, которые долгое время сосуществовали с каменными, поскольку медь добывали в небольшом количестве. Древнейшие орудия и изделия из меди — сверла, булавки, бусы — были найдены в остатках бадарийской культуры. В додинастический период количество медных орудий и предметов постепенно увеличивалось. В первый додинастический (амратский) период к существовавшим к тому времени добавились новые орудия и изделия из меди: небольшие резцы (долота), наконечники гарпунов, стрел, иглы, щипцы, рыболовные крючки, кольца и браслеты. Все это были изделия небольшого размера, изготовленные способом холоднойковки. Во втором додинастическом (герзейском) периоде увеличилось количество и размеры, а также качество изделий из меди, поскольку был открыт новый способ ее обработки — литьем в открытую форму. Этим простейшим способом литья с последующей холоднойковкой были сделаны тяжелые удобные топоры (весом чуть менее 1,5 кг), тесла, долота, ножи, кинжалы, копья, медная проволока, а также домашняя утварь — кувшины и тазы.

Появление медных орудий способствовало выработке новых способов обработки камня, кости и дерева, а следовательно, значительному повышению производительности труда и уровня мастерства. Особенно увеличилось количество и качество орудий земледельческого труда, которые позволили населению осушить болота и создать систему бассейнового орошения, что значительно расширило площадь пахотных земель. Развитие земледелия, основанного на ирригации, и скотоводства привело к излишку продуктов сельского хозяйства, который население смогло употребить на содержание ремесленников, жрецов и представителей власти. Таким образом, появление медных орудий труда вызвало значительный прогресс в развитии производительных сил и создало условия для отделения ремесла от сельского хозяйства и возникновения раннеклассового города как его центра.

В период Раннего царства количество медных орудий и изделий необыкновенно возросло, о чем позволяют судить целые клады орудий и сосудов, обнаруженные археологами в гробницах того времени. В конце 30-х годов нашего века В. Эмери обнаружил в гробнице Джера (I династия) в Саккара три деревянных ящика с орудиями из меди, среди них: 121 нож, 7 пил, 32 пила, 262 иглы, 16 пробойников, 79 долот, 102 тесла, 75 мотыги, 68 сосудов, 75 пластинок. Изучение орудий клада привело к выводу, что в нем представлены все основные виды медных орудий, употреблявшихся и в следующем периоде — Древнего царства. Однако в других гробницах I династии в Абидосе и Саккара наряду с редкими экземплярами медных орудий было обнаружено большое количество

каменных. Например, в гробнице Хемака нашли более 100 кремневых орудий и только 8 медных сверл. Это объясняется большой ценностью в ту эпоху медных орудий, которые расхищались из гробниц. Каменные орудия труда продолжали употреблять не только в эпоху энеолита, но также в медный век и даже позднее.

Химические анализы древнейших медных изделий показали, что они были изготовлены не из самородной меди, а из медной руды — ~~малахита~~. Этот вид медной руды встречается поблизости от Египта — на Синае и в Восточной пустыне. Самые древние разработки медной руды, так же как и бирюзы, пахотятся на Синае, в районе Вади Магхара, — там и были найдены остатки древних рудников, поселений рудокопов и надписи. На скалах вблизи рудников в честь победы египтян над кочевыми племенами бедуинов, нападения которых часто приходилось отражать отрядам экспедиций за медью и бирюзой, были оставлены рельефы и надписи. Они датируются временем от I до XIX династии, но если от V династии дошло восемь надписей и от XII династии — тринадцать, то от XVIII и XIX династий — только по одной.

Более поздние разработки руды велись в Серабит-эль-Хадим, где оставленные египтянами надписи относятся главным образом к более позднему времени — XVIII и XIX династиям. Со времен Среднего царства египтяне начали эксплуатировать медные руды Восточной пустыни.

В жилищах рудокопов и копей были найдены медная руда, шлак, древесный уголь, сломанные тигли из глины для выплавки медной руды, формы для отливки и куски меди. Добыча медной руды, поскольку она залегала неглубоко, велась открытым способом, с помощью остроконечных каменных кирок и молотов (большой частью из кремня), медных кирок и зубил. Руда выплавлялась на месте добычи в круглых горнах, сложенных из камней. Тигли были сделаны из глины, смешанной с кварцевым песком, и имели своеобразную форму, отразившуюся в знаке иероглифа меди: две половинки в виде сапожков. Поселок рудокопов составляли примерно 125 жилищ, сложенных из грубо обработанных камней. Он был рассчитан на временное, сезонное пребывание рудокопов, т. е. на три-четыре месяца (с середины января до середины мая), когда еще не начинал дуть хамсин. В более поздних надписях начальники экспедиций жалуются на тяжелые условия работы в необычное для них время — в сильную жару — и трудности с водой. Путь экспедиций на Синай мог проходить либо через Восточную пустыню по Вади-Хаммамат, либо через Гелиополь и Вади-Тумилат.

Недавно при раскопках Бухена возле Вторых порогов (Куш) археологи обнаружили остатки египетского поселения медников Древнего царства. Можно полагать, что разработка медной руды велась где-то неподалеку. Добыча медной руды в Восточной пустыне возле Куббана (Куш), где сохранились шлаковые отвалы, подтверждается надписью времени Сенеусерта I (XII династия), в которой сообщается о приказе фараона собрать там «медь страны Куш».

С XVIII династии медь начинают ввозить в Египет из Речену и Джахи (Сирия), из Аррапахита (Месопотамия) и из «Страны бога» (Пунт). Существует мнение, что выплавка меди из медных руд впервые была открыта на Ближнем Востоке, где наличие гончарных печей, в которых могли выплавлять и медь, доказывается существованием обожженной керамики. Согласно другому мнению, это открытие могли сделать и древние египтяне, поскольку медь можно было выплавлять в закрытых камерах, которые были известны еще бадарийцам (служили для глазурования стеатитовых бус).

На рельефах Древнего царства сохранились изображения мастерских металлургов. В гробнице Венемнефerta (V династия) в Гизе показана мастерская, в которой мастера обрабатывают медь. Пояснительная надпись сообщает: «Плавка меди». Четверо металлургов, сидя на корточках вокруг горна, раздувают пламя с помощью длинных тростниковых трубок, направляя его под тигель. Концы трубок, опускаемые в пламя, обмазаны глиной для предохранения от возгорания. Мастер, стоящий рядом с горном, выливает расплавленную медь из тигля в литейную форму. Около него надпись: «Литье меди». Два кузнеца, зажав в правой руке плоские куски камня, заменяющие молоты, куют на каменной наковальне. Профессия металлурга обозначена тем же знаком тигеля, что и медь («биа»).

Несмотря на то что медь, добываемая на Синае, была мягкой, поскольку имела незначительное количество примесей марганца и мышьяка, древние кузнецы умели ее закалять при помощи холодной ковки и получать достаточно твердый металл. Еще в додинастические времена медь для улучшения качества стали переплавлять. Для этой цели употреблялись открытые керамические и каменные формы. После отливки изготовляемое из меди изделие подвергали холодной ковке. Впоследствии, когда появились специальные щипцы для металла, стали ковать медь в горячем состоянии. При изготовлении какого-либо орудия или оружия, например долота или кинжала, его режущий край отковывали для отточки и придания нужной формы. Процессковки вызывал изменение кристаллического состояния металла, при котором медь становилась тверже. Кроме наборов инструментов в гробницах знати медные орудия труда были найдены археологами на местах работы — в каменоломнях и копях. На каменных блоках, из которых были сложены пирамиды, видны следы только каменных и медных орудий (бронза, т. е. сплав меди с оловом, тогда еще не была известна). Из меди во времена Древнего царства изготовляли орудия для обработки не только дерева и мягких сортов камня, но также и твердого камня — гранита и базальта, о чем свидетельствуют следы медных инструментов, оставшиеся на них. Только ковкой и перековкой орудий древние кузнецы достигали их поразительной твердости. Химический анализ медных орудий показал, что со временем металл терял свойства, приобретенные ковкой.

В ту отдаленную от нас эпоху металлурги умели делать из меди так-

же домашнюю утварь и статуи. Медный кувшин и таз из гробницы царицы IV династии Хетепхерес изготовлены способом холоднойковки, носик кувшина отлит и закреплен тем же способом. Но в цилиндрических медных втулках для подпорок балдахина, обнаруженного в той же гробнице, был применен твердый припой из меди и серебра. Поразительны по совершенству техники и художественного мастерства две статуи царя VI династии Пиопи II — большая и найденная вместе с ней маленькая. До сих пор ученым не удалось определить, выкованы эти статуи или отлиты. Поскольку в ту эпоху не умели еще отливать медь в закрытых формах — она делалась пористой из-за выделения пузырьков газа при остывании металла, предположение о литье менее вероятно.

Со времен Раннего царства для покрытия деревянных изделий употребляли тонкую листовую медь — ее прикрепляли медными гвоздиками. Водосточные желоба в пирамидных и храмовых сооружениях были выложены медными листами без следов припоя.

Химический анализ медных изделий показал, что медь никогда не была чистой — из руды в нее попадали такие примеси, как сурьма, мышьяк, висмут, марганец, железо, никель и олово. Обычно процент примесей был невелик, но когда он увеличивался, медь становилась более твердой. Учитывая это, со времен Среднего царства при плавке в медь стали добавлять олово, чтобы получить более твердый и прочный металл — бронзу. Более низкая точка плавления бронзы и большая текучесть облегчали процесс ее литья. Производство искусственного сплава меди с оловом означало прогресс в развитии производительных сил — вступление общества на более высокую ступень цивилизации, в бронзовый век.

Бронза была открыта в Западной Азии задолго до того, как появилась в Египте, — в Египте неизвестны древние разработки олова. Поэтому возможно, что первоначально бронзу в Египет могли ввозить. Отдельные бронзовые изделия — брусек, кольцо, бритва и ваза — датируются Древним царством. Но началом бронзового века в Египте считают Среднее царство, когда бронзовые орудия стали изготавливаться на месте. Поскольку для изготовления бронзы надо было доставлять олово из Азии, ее появление не положило конец применению меди. Широко употребляться бронза стала лишь со времен Нового царства — с XVIII династии, когда из нее научились отливать и маленькие статуэтки.

Мастерские металлургов Нового царства изображены на росписях гробниц Пуизэма и Рехмира (XVIII династия). В отличие от более древних медников металлурги, изображенные в гробнице Пуизэма, раздувают пламя горна с помощью мехов, а не длинных тростниковых трубок. Мехи состояли из двух прочных крышек, между которыми была натянута кожа или закреплена кишка. Когда надо было наполнить мехи воздухом, мастера приводили их в действие ногами и руками: ногами наступали на мехи, а руками тянули вверх веревки, прикрепленные с двух сторон к мехам. Такая механизация процесса поддувания огня значительно повысила производительность труда и облегчила работу металлургов. В неко-

торых гробницах Нового царства сохранилось изображение поддувания огня с помощью трубок, но, как правило, их стали употреблять лишь в тех случаях, когда нужно было раздуть или направить небольшое пламя.

В гробнице Рехмира показан процесс отливки металлических дверей для храма Амопа в Карнаке. В пояснительной надписи сообщается, что металл привезен из Азии. Он назван медью, но так обозначалась и бронза. Поскольку отливку производили в закрытой глиняной форме, то речь шла несомненно о последней. Вдоль одной из длинных сторон формы сделаны 16 отверстий — воронок — для вливания расплавленного металла, в каждой из них стоит по тигелю с металлом. После завершения литья форму разбивали, а отверстия зашлифовывали. Для того чтобы держать раскаленный металл, употребляли щипцы. Ковку производили по-прежнему плоским камнем или молотком. Следовательно, бронзу обрабатывали так же, как и медь, — отливали и ковали, но отливали ее в закрытые, а не в открытые формы.

В позднюю эпоху из бронзы отливали статуэтки — сплошными или полыми внутри. Для этого применяли способ литья по восковой модели: из пчелиного воска изготовляли модель фигуры, которую собирались отлить, покрывали ее глиной и нагревали — воск вытекал через отверстия, оставленные для заливки металла, а на его место в затвердевшую форму вливали раскаленный металл. Когда металл застывал, форму разбивали и поверхность статуи отделывали зубилом. Так же отливали полые фигуры, но воском покрывали формовочную шишку из кварцевого песка. Этим способом экономили воск и бронзу. Несмотря на широкое распространение бронзы во времена Нового царства — из нее изготовляли не только орудия, но и оружие (кинжалы, копья, наконечники стрел и т. п.), — из более дешевой меди тоже продолжали делать орудия и различные предметы. В гробнице Тутанхамона медных предметов оказалось больше, чем бронзовых.

Египтяне с древнейших времен были знакомы с минералами, содержащими железо, и с метеоритным железом. Из железной руды еще в додинастическую эпоху и период Раннего царства делали амулеты, бусы и различные украшения. В пирамиде царя Хуфу и поминальном храме царя Менкаура Древнего царства обнаружены куски железа не метеоритного происхождения, однако датировка их была подвергнута сомнению. Практического применения железо не имело до Нового царства. От XVII династии до нас дошли куски долота и мотыги из железа. Письменные документы XVIII династии сообщают, что его доставляли из Сирии. Во времена Тутанхамона железо было еще редкостью — в его гробнице найдены лишь мелкие железные предметы, которые, как полагают, могли быть и подарками азиатских царей: кинжал, подголовник, 16 моделей инструментов с тонкими лезвиями, вставленные в деревянные рукоятки (они имели лишь ритуальное значение), амулет в форме глаза. Такие подарки от митаннийского царя Тушраты получал Аменхотеп III — кинжал с железным лезвием, железные сосуды и кольца. Обнаруженный в гробнице

царя XXII династии Шешонка железный амулет в виде священного глаза был вставлен как драгоценность в золотую оправу.

Первым достоверным свидетельством о разработке железных руд в Египте и выплавке из них металла считают остатки мастерской VI в. до н. э., обнаруженные Ф. Питри в Навкратисе (северо-западная часть Дельты). Железные руды разрабатывались в древности в Восточной пустыне и около Асуана. Устройство мастерской в Дельте, может быть, объясняется тем, что в Египет привозили азиатских кузнецов для обучения у них способам обработки нового металла. Железные орудия сохранились от XXV династии (VIII в. до н. э.). Со времен XXVI (VII в. до н. э.) династии они получают большее распространение, чем бронзовые.

Развитие металлургии и широкое распространение медных орудий ни в чем так не сказались, как в расцвете каменной архитектуры. Невиданному размаху строительства из камня начиная с Древнего царства способствовало также изобилие камня различных пород в областях, сопредельных с долиной Нила: известняка, алебаstra, гранита, базальта, диорита, песчаника и кварцита. Удивительное мастерство в обработке строительного камня было достигнуто благодаря длительным навыкам производства каменных сосудов.

Изображения мастерских, где изготовлялись каменные сосуды, сохранились на рельефах Древнего царства. Их производство достигло расцвета во времена Раннего царства, хотя древнейшие образцы, сделанные из такого твердого камня, как базальт, найдены еще в остатках неолитических поселений в Фаюме и Меримде. Установлено, что породы камня, из которых были сделаны сосуды в додинастический период (алебастр, базальт, брекчия, гранит, известняк, мрамор, порфир, диорит, граувакка, серпентин, стеатит и туф), добывались не в Восточной пустыне, а в областях, близко примыкающих к долине Нила, около Асуана и Фаюма. Поэтому нет никаких оснований говорить о заимствовании техники изготовления каменных ваз у какого-то неизвестного племени, проживавшего в Восточной пустыне между Нилом и Красным морем.

В гробницах I династии были обнаружены огромные количества прекрасных ваз: 653 в гробнице Аха, 384 в гробнице Хемака. В ступенчатой пирамиде Джосера (III династия) каменные сосуды насчитывались десятками тысяч. Но уже с IV династии их количество уменьшается, а качество ухудшается, в гробнице Хетепхерес найдено только 38 алебастровых сосудов, правда, часть их могла быть расхищена. Во времена Среднего и Нового царств искусство изготовления каменных ваз забывается, на смену ему приходит изготовление скульптуры из твердого камня. В гробнице Тутанхамона обнаружено всего 79 каменных сосудов, почти все из мягкого камня — алебаstra.

О технике изготовления каменных сосудов позволяют судить дошедшие до нас образцы, особенно еще не законченные, и изображения мастерских камнерезов на рельефах Древнего царства. Сначала обрабатывали наружную поверхность сосуда, для чего его равномерно вращали. При

выдабливании и обработке трубчатым сверлом внутренней части сосуд прочно закрепляли. На сосудах сохранились следы, оставленные сверлами, на рельефах — изображения камнерезов, вращающих рукоятки этих инструментов. Сверло состояло из деревянного стержня, заканчивавшегося развилкой, с изогнутой рукояткой в верхней части, под которой прикреплялся груз из двух камней. Головки сверл были сделаны из кремня, песчаника или кварца. Такие сверла-полумесяцы сравнивают со сверлильными станками. Работа сверлом считалась настолько важной, что знак сверла стал служить в египетском языке для обозначения мастеров, включая даже художников и скульпторов по камню. Это объясняется тем, что обработка камня в каменоломнях и при строительстве во многом зависела от удачно просверленных отверстий. Во второй половине периода Древнего царства при изготовлении сосудов из камня наряду с каменным сверлом стали использовать медное. На незаконченных каменных сосудах, главным образом цилиндрической формы, сохранились следы работы медным сверлом с применением песка в качестве абразива. Полировали сосуды небольшими камнями.

До камня в строительстве древние египтяне использовали ильский ил (смесь глины и песка с небольшим количеством посторонних примесей), из которого состояла вся плодородная почва Египта. Свойства ила были известны древним египтянам уже в эпоху неолита: в фундаменте хижины неолитического поселения в Меримде обнаружены большие блоки неправильной формы, сделанные из смеси ила и соломы, — прообраз будущего сырцового кирпича. Бадарийцы стали обмазывать илом свои хижины из тростника, чтобы сохранять в них тепло зимой и прохладу летом.

Судя по образцам, найденным в Нагаде и Абидосе, кирпич-сырец был изобретен египтянами в додинастический период. С началом применения кирпича в строительстве круглые в плане жилища уступили место прямоугольным. В конце додинастического периода и в Раннем царстве многие поселения, города и крепости были обнесены стенами, сложенными из кирпича-сырца, высота которых достигала 10—20 м. Из него в те времена сооружали не только дворцы и жилища, но также гробницы и святилища. Исследование кирпичей, обнаруженных в гробницах Саккара и Абидоса, а также сохранившихся в развалинах укрепления в Абидосе, позволило определить, что они были сделаны из ильского ила с добавлением рубленой соломы и песка (связующих веществ, придающих прочность и пластичность) и высушены на солнце, а не обожжены. Строения из кирпича-сырца получили широкое распространение в Египте благодаря обилию ила в стране, дешевизне строительства и сухому климату — сильные дожди могли бы их размыть. С появлением медных орудий труда и развитием техники обработки камня вечные жилища богов и умерших — храмы и гробницы — стали строить из более прочного материала — камня. Но дворцы, дома и крепости продолжали складывать из кирпича-сырца. Поэтому культовые и заупокойные сооружения сохранились до наших дней, а гражданские строения разрушились.

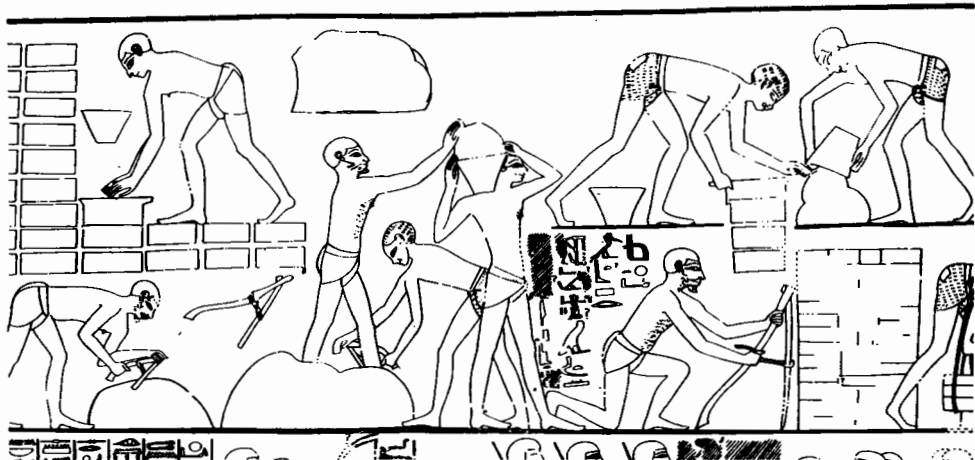

Рис. 15. Строительные работы из кирпича-сырца. Роспись в гробнице Рехмира. XVIII династия. Первая половина XV в. до н. э. Фивы

Изображения сцен формовки кирпича-сырца и строительства из него ранее Нового царства не сохранились. Однако это отсутствие компенсируется росписью в гробнице верховного сановника XVIII династии Рехмира (рис. 15), на которой детально изображены процесс изготовления кирпича-сырца и его кладка при сооружении житницы Амона. Полагают, что представленная в гробнице строительная площадка находилась в Луксоре или Гурне. Она была расположена возле небольшого квадратного водоема, окруженного деревьями, из которого два работника черпали воду в большие высокие сосуды с заостренным дном. Водой увлажняли ил, чтобы он лучше смешивался с соломой, смачивали его и при формовке кирпичей. На росписи видно, как двое работников вскапывают ил мотыгами и перемешивают его. Третий работник месит ногами смесь ила с соломой. Он же вместе с работниками, орудующими мотыгами, наполняет полученной смесью корзинки, которые на плечах переносят к формовщику другие работники. Работник, формирующий кирпичи, аккуратно заполняет мокрой смесью прямоугольную деревянную форму, снимает излишек ее дощечкой и смачивает поверхность водой. Последующей стадией работы занят другой формовщик — он одной рукой слегка похлопывает по ребру перевернутой формы, а другой приподнимает за ручку ее противоположный конец, чтобы быстро снять форму, не повредив при этом кирпич. За работой формовщиков наблюдает надсмотрщик, сидящий на глиняной скамеечке, с палкой в руке. Деревянная форма для изготовления кирпича была найдена в поселении XII в. до н. э. в Кахуне. В таких же формах изготавливают современные кирпичи-сырцы.

Сложенные ровными рядами кирпичи оставляли сушиться на солнце в течение восьми дней — серые кирпичи за это время приобретали желтоватый оттенок. Высушенные кирпичи носильщики переносили на плечах или на коромыслах к строительной площадке под неусыпным надзором надсмотрщика. На плечах носили по три кирпича, с помощью коромысла — по четыре-шесть кирпичей.

На росписи в гробнице Рехмира строитель, возводящий стену житницы Амона, кладет кирпичи попеременно то вдоль, то поперек. Между кирпичами закладывали, вероятно, слой соломы. В качестве скрепляющего вещества использовали сырую глину, которую размазывали руками. Стоящий позади строителя работник подает ему кирпич желтоватого цвета. Чтобы стекающая с влажной глины вода не попала в швы кладки, стены, сложенные из кирпичей, покрывали каменными плитами.

Носильщики воды, кирпичей, месильщик глины и формовщики были военнопленными рабами. Одни из них — голубоглазые блондины, другие — чернокожие, одетые в особые полосатые набедренники. Библия сообщает, что, когда Рамсес III предпринял строительство городов Пер-Рамсеса и Питома в Нижнем Египте, он заставил израильтян формовать кирпич.

Работники, складывающие стены из кирпича, назывались «образователями стен», т. е. строителями («икду инбу»).

Сырцовые кирпичи были разного размера, иногда очень большие. Обжиг кирпича стал широко применяться в основном в римский период, хотя отдельные случаи засвидетельствованы для XIX и XX династий. Основная особенность кладки из кирпича-сырца — определенный уклон стены к внешней стороне (75°) и немного меньший к внутренней — восходит еще к энеолитическим хижинам и убежищам, построенным из легкого материала, обмазанного илом (Маади, Махасна). Этот способ кладки оказал влияние на каменную архитектуру, так же как и другая особенность кирпичной кладки — округлая форма верхней части стен для уменьшения воздействия ветра и дождя. Сводчатые и куполообразные крыши из стеблей папируса, камыша или циновки энеолитических жилищ послужили прототипом сводов, куполов, арок последующих построек из глины и даже камня.

Строительство из камня в основном началось с III династии, но отдельные части гробниц выкладывали из камня уже в Раннем царстве. В Саккара сохранился изящно выполненный пирамидный комплекс царя Джосера: ступенчатая пирамида, возникшая из ступенчатой мастабы, окружающая ее стена с бастиянами, припирамидная колоннада и храмы (см. рис. на стр. 373). Пирамида построена из небольших плит местного грубого известняка, но облицована белым высококачественным известняком каменоломом в Тура. Внутренние помещения пирамиды выложены гранитом и алебастром, вымощены базальтом. Кульминационным пунктом в строительстве пирамид стало время IV династии, для фараонов которой были сооружены семь пирамид (две из них остались незавершенными) общим объемом 8,2 млн. куб. м. При царях Хуфу и Хафра из местно-

го грубого известняка желтоватого цвета были возведены самые высокие пирамиды в Гизе. Они были облицованы белым известняком, от которого сохранились лишь следы в верхней части пирамиды Хефрена; нижняя часть этой пирамиды была облицована гранитом, но от него ничего не осталось.

Самая высокая и совершенная по форме пирамида была возведена для царя Хуфу. Ее высота достигала 146,59 м, длина стороны основания — 230 м, объем — 2,6 млн. куб. м. В отличие от небольших плит ступенчатой пирамиды царя Джосера она сложена из огромных каменных блоков, весом 2,5 т каждый. Древнейшее, но далеко не точное описание строительства этой пирамиды оставил Геродот.

Внутренние части пирамид отделаны гранитом и алебастром. В припирамидных храмах пол выложен базальтом. Во времена V и VI династий объем работ по строительству пирамид значительно уменьшился. Но цари V династии стали возводить святилища богу солнца Ра — открытые, обнесенные стеной дворы с обелиском и алтарем в центре. Самое известное из них — царя V династии Ниусерра в Абусире. От святилища солнца в Гелиополе более позднего времени сохранился обелиск.

В короткий срок, за 60 лет, прошедших со времени строительства ступенчатой пирамиды Джосера до возведения великой пирамиды царя Хуфу в Гизе, каменщики и строители смогли быстро усовершенствовать навыки работы и организацию строительного дела.

Огромные «мастерские» находились на строительных площадках пирамид и храмов, прежде всего в окрестностях столицы Мемфиса и в каменоломнях, расположенных рядом с ними и поодаль в пустыне, возле Тура (известняк), Хатнуба (алебастр) и у Первого порога, к востоку от Асуана (гранит).

Добычу известняка производили открытым способом: делали щели, размещаясь в которых каменщики вырубали блоки по заданному размеру. Выемки-канавки, определяющие размеры блоков, обнаружены на территории храма царя Хафра. Достигнув нужной глубины желобка, отделяли кусок от массива ударами каменного молота по резцу. Точность и совершенство отделки известняковых плит каменщиками объясняются накопленным ими долгим опытом.

Позднее в технике добычи твердых пород камня египтянам удалось достигнуть поразительных успехов. Они научились выламывать из массива каменные блоки размером до 30 куб. м. С помощью долота и тяжелого каменного молота в гранитной скале через небольшие интервалы выбивали прямоугольные отверстия. Затем их расширяли отбивкой и закладывали в них деревянные клинья, которые поливали водой. Пропитавшись водой, дерево разбухало, что приводило к разлому скалы по намеченной отверстиями линии. Следы подобного способа добычи гранитных блоков сохранились до наших дней к юго-востоку от Асуана.

Каменщики и каменоломы оставили на каменных плитах пирамид, главным образом облицовочных, скорописные надписи с наименованиями

отрядов, в которые они были организованы. Надписи иногда были расположены на плитах вверх ногами и пересечены рабочими пометками. Следовательно, обработку облицовочных плит производили еще в каменоломнях. Подсчитано, что норма разработок известняка на одного рабочего составляла 2 куб. м в день.

После того как плиты были выломаны и обтесаны, надо было переправить их к месту строительства: дотащить до Нила, погрузить на баржи, доставить до ближайшего к строительству места, а отсюда тащить к строительной площадке. Чтобы вывезти гранит из каменоломен возле Первого порога у Асуана, сановник VI династии Уна сумел в течение одного года проложить пять судоходных каналов через каменные пороги.

Условия труда в каменоломнях пустыни были чрезвычайно тяжелыми из-за неимоверной жары и недостатка воды. Сколько надо было, с одной стороны, изобретательности и согласованности в работе, а с другой — окриков и палочных ударов, чтобы погрузить на судно и дотащить до места строительства огромные, многотонные каменные плиты и блоки с помощью лишь рук человека, полозьев-волокуш и простых рычагов.

Наскальные надписи в Хатшубе сообщают о числе рабочих, посланных в алебастровые каменоломни, — до 1600 человек. По предварительным подсчетам, каждая рабочая партия могла состоять из 10—15 человек, смена — из 200—250 человек, рабочий отряд — из 800—1000 человек. Возможно, что 100 тыс. человек, о которых сообщает Геродот, трудились над сооружением великой пирамиды в Гизе (см. рис. на стр. 375) в начале ее строительства. Упомянутые Диодором 300 тыс. рабочих, возможно, работали позднее, когда ускорились темпы строительства этой пирамиды. Работы велись непрерывно в течение всего года. Полагают, что на строительной площадке в Гизе могло одновременно быть занято примерно 60 тыс. человек (из 100 тыс.). Они смогли переместить 7 млн. т больших каменных глыб при строительстве пирамиды Хуфу.

Судя по пометкам на камнях, рабочие отряды могли задерживаться в каменоломнях по меньшей мере в течение двух сезонов года, во время третьего — «половодья» — переплавляли каменные плиты на баржах по Нилу к месту строительства, т. е. работали в течение всего года. Поскольку основное ядро отрядов было постоянным, состояло из обученных рабочих и им приходилось работать не только в сезон «половодья», а также в период «выхождения» и «сухости», то нет оснований считать, что значительную часть этих отрядов составляли земледельцы. В период «половодья», если он совпадал с действительным разливом Нила, отдельные земледельцы Египта могли принимать участие в строительных работах, но лишь в качестве чернорабочих, главным образом по переносу тяжестей (хотя во время паводка земледельцам было достаточно своей работы на полях), отбывая повинность на «дом царя». Наименования отрядов, сохранившиеся на медных орудиях труда, свидетельствуют о том, что эти орудия не были их собственностью. Все это позволяет предположить, что основное ядро рабочих отрядов строителей пирамид составляли зави-

симые от царя люди и рабы, возможно, из числа военнопленных и осужденных.

Процесс и техника строительства пирамид были трудоемки и просты. Строительство пирамиды начиналось с кладки центрального ядра на выровненной площадке каменного плато, для чего применяли некоторые простейшие приспособления. Ядро пирамиды окружали плотно прилегающими стенами, которые оканчивались ступенями-площадками. Каменные плиты ядра укладывали горизонтальными рядами, стен — с небольшим уклоном внутрь, для достижения большей устойчивости. Кладку ядра начинали снизу, облицовку — с верхней площадки. Щели между стеной и ядром забивали щебнем и кусками оббитого камня. Кладку делали на глиняном растворе, который не отличался большой прочностью. Тщательностью обработки каменных плит — обтесыванием и полировкой — добивались плотного прилегания их друг к другу. Археологи безуспешно пытались протащить нитку между гранями смежных плит. Чтобы облегчить подъем больших каменных плит на верхние ряды кладки, сооружали наклонные насыпи из кирпича-сырца и леса-платформы. Остатки таких насыпей обнаружены в Медуме около пирамиды царя Хуни и в Гизе около пирамиды царя Хафры. Леса сооружали из коротких деревянных балок. Блоки соединялись между собой с помощью широкого выступа — шипа — и соответствующего ему паза в другом блоке. Для поднятия тяжестей применяли медные крюки и канаты. Чтобы поднять камни, их, возможно, помещали также на деревянные качалки, которые наклоняли и подпирали клином. Пометки, сохранившиеся на каменных блоках, свидетельствуют о том, что уже в каменоломнях делалась разметка и указывалось, куда должен быть положен данный блок. Называли также строительный объект, на который отправляли камень. Для укрепления перекрытий делали ложные своды.

Нет сомнения, что составление точных планов и ориентировка пирамид предшествовали их сооружению. Для того чтобы производить точные расчеты и вычерчивать планы пирамидных комплексов с храмами, подземной системой канализации и дренажа дождевой воды, некрополями и пирамидными поселениями, зодчие должны были обладать большими знаниями не только в области строительного дела, но также в астрономии, практической геометрии и гидравлике. Известны имена некоторых зодчих, которые руководили строительством. Особенно знаменит мудрец, астроном, врач и зодчий Имхотеп — строитель первой (ступенчатой) пирамиды царя Джосера (III династия), имя которого сохранилось в веках. «Есть ли другой [мудрец], подобный Имхотепу?» — спрашивает автор одного из «Поучений» Нового царства. Предполагают, что многие технические усовершенствования были введены им.

Способы строительства из камня, выработанные в Древнем царстве, успешно применяли и позднее. От времен Среднего царства дошло мало архитектурных памятников, так как большая часть из них была обновлена и перестроена в последующее время.

Во времена Нового царства большинство храмов было воздвигнуто из песчаника, залежи которого тянутся от Эсны по обоим берегам реки вплоть до Вади-Хальфа в Куше. В небольших количествах песчаник употребляли еще в период Раннего царства, но основные каменоломни в Сильсиле (между Эдфу и Ком-Омбо) стали разрабатывать только с XVIII династии. В больших карьерах каменоломни сохранились надписи, начиная с этого времени и кончая греко-римским периодом. Со времен Среднего царства каменоломни песчаника лучшего качества — красного кварцита — разрабатывали на Красной горе (Хери-аха) к северо-востоку от Гелиополя. Синухет рассказывает, что, покидая Египет, он смеялся с толпой рабочих, которые шли из своего поселка в эти каменоломни. Особенно интенсивно каменоломни разрабатывали во времена Рамсеса III, когда там был найден огромный каменный блок, из которого изготовили колоссальную статую царя. Из каменных блоков соседней каменоломни были воздвигнуты колоссы в храме бога Птаха в Мемфисе. В районе Асуана продолжали разрабатывать каменоломни розового, серого и черного гранита. Там был выломан и обтесан огромный гранитный обелиск, который переправили в Фивы и поставили его на цоколь. Обелиски, саркофаги и осирические колоссы царей, воздвигнутые в городах Нового царства, а также огромные и прекрасные храмы в Луксоре и Карнаке свидетельствуют о том, что каменоломни активно разрабатывались. В них посылали тысячи людей. При Рамсесе IV была организована экспедиция, для которой набрали: 5000 воинов, 2000 храмовых работников, 800 иноземных наемников, 130 каменоломов и каменотесов, двух рисовальщиков и четырех гравиров, 20 писцов — они решали технические и организационно-хозяйственные задачи (как поднять обелиск, воздвигнуть колосс и т. п.).

В грандиозном строительстве начиная с Древнего царства довольно широко использовали дерево. Пирамиды и храмы не могли быть построенны без транспортных средств — судов, барж, саней и полозьев, различных подъемных сооружений — простых рычагов, лесов-подмостков, распорок, а также огромного количества орудий — строительных мотыг, колотушек, молотов, которые изготавливали из дерева. На судах и баржах перевозили скот, зерно, фрукты и овощи. Расширение внешних сношений Египта потребовало строительства морских парусных кораблей. Большое количество дерева расходовали на орудия труда земледельцев (сохи, мотыги, простые рычаги, коромысла, и различные приспособления, которые употребляли в сельском хозяйстве, — упряжки, клетки для птиц и мелких животных и т. п. Из дерева строили часовни, беседки, делали потолки, полы, колонны жилых помещений, двери, мебель, лари, саркофаги, статуи и мелкие поделки.

Египет не изобилует деревом уже во времена Древнего царства, хотя тогда по берегам Нила и высыхающих русел мелких речек (вади) росли еще рощи и даже леса. Из местного дерева для изготовления поделок употребляли главным образом акацию и тамариск, древесина которых отличалась достаточной крепостью. Но дерево лучшего качества и большей

Рис. 16. Распил ствола дерева медной пилой. Рельеф в гробнице Тии. V династия. XXV в. до н. э. Саккара

величины — строевой лес — доставляли из Сирии и Палестины, а черное дерево (эбеновое) — из Куша. В летописи на Палермском камне сообщается о прибытии в правление царя Снофру (IV династия) 40 судов, наполненных кедровым деревом. Импорт леса из Ливана имел тогда очень большое значение для развития морского судостроения. Импортный лес упоминается также в «Текстах саркофагов». Из дерева «аш» делали священные ладьи — за лесом для такой ладьи был послан в Финикию египетский чиновник Ун-Амун в 1066 г. до н. э., оставивший отчет о своем путешествии. Сохранились сцены, изображающие валку леса. Даже в поздние времена лес рубили медными и бронзовыми топорами.

Изображения столярных мастерских на рельефах в гробницах Тии и Мерерука (Древнее царство) показывают, как столяры распиливают стволы медными пилами на доски (рис. 16). Тонкие и неширокие медные пилы длиной от 25 до 42 см с наклонно расположенными зубьями и деревянными рукоятками были известны в Египте с III тысячелетия до н. э. благодаря чему египтяне с древнейших времен умели изготавливать доски и тонкую

фанеру. Распиливаемый ствол привязывали верхней частью к столбу, вбитому в землю. Согласно распространенному мнению, в распил доски вставляли клин, на верхнем конце которого закреплен камень-противовес. Клин служил якобы для расширения распила по мере продвижения пилы, поскольку египтянам был еще неизвестен ее развод (поочередное отгибание зубьев в обе стороны), необходимый для предотвращения зажимания пилы распиливаемыми частями ствола. Но существует мнение, что клин служил здесь для натяжения веревок и закрепления доски в неподвижном положении.

Столяры строгали доски медным теслом, которое заменяло древним египтянам рубанок. Тесло было привязано к рукоятке кожаным ремнем или веревкой. Долотом-стамеской выдалбливали паз на доске или колоде, по рукоятке долота били колотушкой. Пазы выдалбливали для шипов, посредством которых соединяли отдельные части деревянных изделий. Крышку ящика просверливали трубчатым сверлом — предком нашего коловорота. Мастер держал одной рукой сверло за головку, другой приводил его в движение, вращая рукоятку. Тиски и верстак были неизвестны древним египтянам. Деревянную раму кровати шлифовали маленькими камнями. Долотом «долбили дверь», теслом ее строгали.

В гробнице Мерерука сохранилось любопытное изображение приспособления для сгибания конца длинной деревянной жерди. Оно состоит из вкопанного в землю столба, в верхушку которого упирается привязанный к нему вылообразный конец ствола, спускающегося на землю по диагонали; в отверстие между привязью и основанием вил засунута жердь, конец которой должен быть согнут. Стоящий на колене работник держит ствол, вставленный между жердью и диагональным стволом; на этом простом рычаге сидит другой работник, и под его тяжестью конец жерди сгибается. Полагают, что для удержания сгиба жердь сначала нужно было намочить, затем нагреть и остудить.

Столяры Древнего царства уже умели изготавливать тонкую фанеру, о чем свидетельствует деревянный ящик в алебастровом саркофаге III династии — он составлен из шести слоев фанеры разных пород дерева (каждый толщиной около 5 мм), скрепленных деревянными гвоздиками. Дворцовая мебель, обнаруженная археологами в потайной гробнице царицы IV династии Хетепхерес (кровать, подголовник, два кресла, стул, носилки-портшез и балдахин), позволила определить и другие способы крепления деревянных частей, известные столярам Древнего царства: связывание кожаными ремнями, которые протягивали через небольшие, просверленные в дереве отверстия, соединения в шип, в лагу и ласточкиным хвостом. Ножки кресел, вырезанные в форме анатомически точно воспроизведенных лап льва (переданы даже кровеносные сосуды), а также подлокотники кресла, украшенные плавно изогнутыми лотосами, показывают совершенное мастерство столяров и резчиков Древнего царства.

Сохранилась миниатюрная модель мастерской XI династии (2000 г. до н. э.), в которой один из плотников распиливает привязанную к столбу

доску, вставив клин в верхний конец распила для его расширения, а не для натяжения веревки, которая здесь расположена более удобно — ниже, чем это показано на рельефах Древнего царства. Необходимость расширения распила объясняют несовершенной еще формой лезвия пилы — широкого, толстого и, вероятно, перовного.

На протяжении Среднего и Нового царств орудия и способы обработки дерева совершенствовались. Медные лезвия орудий постепенно заменялись бронзовыми, а в период Позднего царства — железными. Росписи Нового царства показывают, что и тогда в столярных мастерских распили длинной доски производили тем же способом, что и в Древнем царстве, привязав ее к столбу. Прimitивная форма ручной пилы («лисий хвост») приняла более современный вид; кроме того, перестали вставлять клин для расширения распила. Развод пилы, возможно известный уже ко времени Среднего царства, в Новом царстве повсеместно вошел в обиход. Маленькие доски распиливали сидя не на полу, как в Древнем царстве, а на низеньком трехногом табурете, упираясь ногой в доску, чтобы придать ей устойчивость. Стволы по-прежнему обтесывали металлическим теслом, заменяющим рубанок, шлифовали плоским камнем мелкозернистого песчаника. Мелкие детали и ножки мебели вырезали долотом-стамеской. Спорен вопрос о времени изобретения токарного станка: одни полагают, что он стал применяться лишь в греко-римский период, другие — что он был введен раньше. Однако точных доказательств последнего не имеется, поскольку не установлено, были ли ножки некоторых стульев и табуретов вырезаны или выточены на станке.

Особенно часто росписи Нового царства показывают изготовление в мастерских наосов-ковчегов различных размеров, в которые помещали статуи умершего или саркофаги, а иногда и весь заупокойный инвентарь. Такие ковчег дошли до нас уже от Среднего царства. В гробнице царя Тутанхамона (XVIII династия) сохранились ковчег, в которых находился каменный саркофаг с тремя гробами. Эти деревянные сооружения с дверью и крышей, которая образует спереди свод, состояли из нескольких разбираемых щитов и панелей, сделанных из отдельных досок. Щиты и панель соединяли в шип или деревянными болтами, доски скрепляли деревянными штифтами. Стены ковчегов снаружи и изнутри были покрыты штукатуркой (из мела и клея), позолочены, расписаны сценами из заупокойного культа и однажды даже украшены фаянсом. Часто стены ковчегов покрыты ажурной резьбой. Росписи в гробницах Рехмира и других знатных лиц Нового царства показывают, как работали резчики по дереву над изготовлением такой стены: они вырезали из досок знаки фетишей Исида и Осириса и вставляли их в рейки-лубки, расположенные в рядах горизонтальными рядами.

Ковчег в гробнице помещали один в другой, причем внешний иногда достигал больших размеров: 5 м в длину, 3,3 м в ширину и 2,8 м в высоту. Росписи Нового царства показывают изготовление двух больших, искусно вырезанных ковчегов под руководством скульптора Ипуи для статуи и за-

покойного снаряжения царя Аменхотепа I (XVI в. до н. э.). Один ковчег, в два раза выше человеческого роста, стоит на помосте, поэтому к нему ведет пятиступенчатая лестница, колонны в форме папируса поддерживают карниз, украшенный уреями. Сводчатая спереди крыша показана в профиль, карниз с уреями — в фас. В середине — изображение царя над знаком объединения Верхнего и Нижнего Египта Гором и Сетом. Два мастера, стоя на верхней ступеньке лестницы, вырезают на колоннах имена царя. Два других мастера, работающих над карнизом, вскарабкались наверх по колоннам.

Другой ковчег имеет три этажа, причем каждый поддерживается колоннадой. Нижний этаж предназначен для ложа, подголовника, табуретки, стола и зеркала. Фасады двух других этажей ажурные, колонны заменены фигурами богов Тауэрт, Беса и Упуата. Этот ковчег также стоит на помосте, и к нему надо подниматься по лестнице. Художник очень живо изобразил момент прибытия надзирателя для осмотра работы — мастера захвачены врасплох: один, забавляясь, разрисовывает лицо другому, сидящий на верхней ступеньке лестницы не успел еще взять инструмент в руку, карабкающийся на колонну старается залезть повыше, чтобы быть подальше от пачальства. Но внимание надсмотрщика целиком поглощено спящим перед незаконченной работой мастером; испуганный рабочий на верхнем этаже того и гляди сорвется; только на крыше работают два мастера — один просверливает отверстие, другой полирует. Над сооружением таких ковчегов работали группами по пять и более человек.

В мастерских Нового царства из дерева изготавливали также простые ковчег, саркофаги, мебель всех родов — кровати, подголовники, стулья, скамеечки, столы, ящики, а также колонны, двери, паланкины, палки и жезлы, рукоятки опалхал, гребни и т. п.

Впервые в это время мебель начинают фанеровать. Тонкую фанеру умели готовить уже во времена Древнего царства, но скрепляли ее деревянными гвоздиками, а с Нового царства фанеру, сделанную из лучших сортов дерева, стали наклеивать на менее дорогую древесину. Обшитые фанерой стулья были найдены в гробнице Туи. Роспись на стене в гробнице везира Рехмира показывает, как это делалось: столяр ставил клей на огонь, а затем обмазывал им тонкую фанеру, которую приготовил ему плотник, после чего третий мастер полировал ее плоским камнем песчаника. Клей извлекали из костей, кож, сухожилий и хрящей животных путем кипячения, выпаривания полученного отвара и охлаждения в формах, где он застывал в твердую массу.

Широкое применение нашло в Новом царстве гнутое дерево. Чтобы добиться желаемого изгиба ветви или ствола дерева, эластичного от природы, их вставляли в примитивные «тиски», изобретенные еще в Древнем царстве. В Новом царстве они состояли из вилообразного кола, вбитого в землю, концы которого были крепко связаны, и вспомогательного бруса. Дерево предварительно нагревали еще до того, как снимали с него кору. Гнутое дерево использовали для изготовления луков, бичей, посохов и

скипетров, рукояток для опалхал, музыкальных инструментов и в новой отрасли деревообделочного ремесла — производстве колесниц.

Луки, стрелы и конья умели делать с древнейших времен. Оружейная мастерская Среднего царства, в которой изготовляли простые луки двояковыгнутой формы, изображена в стенной росписи Бени-Хасана. Во времена Нового царства спрос на луки значительно возрос в связи с расширением завоевательной политики египтян. Росписи в гробницах Нового царства сохранили изображение нескольких оружейных мастерских, где гнули и выпрямляли дерево и соответственно обрабатывали его, изготовляя простые и составные луки, стрелы и одновременно посохи, скипетры. На изображениях можно видеть, как один мастер обрабатывает теслом уже согнутый лук, другой — закрепляет тетиву на одном конце готового лука с помощью бронзовых держателей-ушек. В мастерской, изображенной в гробнице Менхеперресенеба, оружейный мастер испытывает совсем законченный лук, натягивая тетиву. Рядом мастер проверяет, достаточно ли пряма стрела. Тут же мастер пытается еще немного согнуть уже изогнутый лук, поставив его на землю. На другом изображении мастер покрывает краской готовый маленький лук — горшок с краской стоит на огне.

Египетские простые луки Среднего царства, хранящиеся в Британском музее, были сделаны из одного куска прочного дерева — акации. Во времена Нового царства для фараонов и командиров в специальных мастерских стали изготовлять дорогостоящие сложные (слоеные) луки (треугольной или дугообразной формы), которые отличались большой мощностью. Чтобы их натянуть, нужно было обладать немалой силой, и царя похвалялись тем, что могли это сделать. Изготовление сложных луков мастером-ливийцем изображено в росписи гробницы Пуизмара. Каждый лук делали из нескольких пород дерева, рогов, сухожилий и клея. В гробнице Тутанхамона были найдены богато украшенные сложные луки, сделанные каждый из двух пород дерева. Трудно и утомительно было придавать лукам нужный изгиб, долго сушить их после этого.

Наконечники стрел разной формы из кремня или бронзы втыкали в верхний конец древка стрелы или насаживали на него с помощью втулки.

Во времена Нового царства расцвела новая отрасль деревообделочного ремесла — изготовление колесниц. В XVI в. до н. э. египтяне вывезли из Сирии ханаанские двухколесные колесницы и лошадей как военную добычу. Затем их получали в качестве дани. Но уже во времена XVIII династии египтяне сами научились изготовлять колесницы. Археологи обнаружили в Египте мастерские Нового царства, в которых еще сохранились различные детали колесниц, причем колеса имели большей частью четыре деревянные спицы. Легкие колесницы с такими колесами в начале Нового царства использовали как боевые, а позднее — как гоночные при охоте на быстроногую дичь (роспись в гробнице Усерхета XV в. до н. э.) и при выездах знати. В XIV в. до н. э. стали делать боевые колесницы, которые

ставили на колеса с восемью спицами (рельеф на кузове колесницы Тутмоса III). В гробнице Иуи, отца фараона Аменхотепа III, и в гробнице Тутанхамона (XIV в. до н. э.) были найдены колесницы с шестью спицами в колесах. На такой боевой колеснице Рамсес II сражался в Сирии (рельеф Рамессеума). Полагают, что колеса с восемью спицами оказались слишком тяжелыми, и от них отказались.

Колесницы почти целиком сделаны из дерева, большей частью из вяза, как, например, колесница, сохранившаяся в гробнице Тутанхамона. Открытый сзади кузов состоял из полукруглой гнутой деревянной рамы, затянутой кожаным плетением, и закругленного передка. Спереди колесница поддерживалась подпоркой, скрепленной кожаными ремнями с дышлом. Легкая гоночная колесница имела только деревянный остов. Кузов царских выездных и боевых колесниц спереди и в нижней части был обтянут кожей или холстом, украшен позолотой, росписью по наложенной штукатурке, усыпан драгоценными и полудрагоценными камнями (покрытие не сохранилось на найденных колесницах, но изображено на стенных росписях).

Для придания колеснице устойчивости на поворотах кузов укрепляли на оси так, что оба конца последней выступали по сторонам кузова. Например, ширина кузова колесницы Тутанхамона была 1,02 м, а длина оси между колесами — 1,75 м, т. е. на 73 см длиннее. Высота передней части кузова этой колесницы — 1,25 м. На стенных росписях можно видеть, как в колесничных мастерских мастера гнут дерево и вставляют гнутые перила в раму основания колесницы. Колеса были искусно сделаны из нескольких, скрепленных друг с другом сегментов, выпиленных из подходящей по толщине доски. Спицы также большей частью изготовляли из скрепленных кусков дерева. Обод колеса часто обматывали, как и спицы, толстыми ремнями из свежей кожи, которая при высыхании скрепляла дерево. В мастерской обычно показана полировка уже готового колеса, но не обтянутого еще кожей. Диаметр колеса колесницы Тутанхамона — 92 см. Если колесница была гоночной, деревянное дышло, закрепленное ремнями у основания кузова, для большей устойчивости завязывали ремнями и у ярма. Дышло боевой колесницы с шестью спицами не закреплялось ремнями у ярма. Поэтому оно могло поворачиваться вокруг шипа.

Если в начале XVIII династии египетские колесницы еще напоминали своей формой ханаанские, то с XIV в. до н. э. египетские мастера сумели найти новую форму наиболее устойчивых колесниц. С этого времени их опыт стали заимствовать иноземные мастера.

Из дерева изготовляли и суда. Как подготовительная работа к судостроению рассматривалась в Египте и валка леса. На одном из рельефов Древнего царства изображена рубка леса местных пород (скорее всего сикоморы) при помощи топоров с большими медными лезвиями, насаженными на длинные деревянные рукоятки.

Ко времени Нового царства в Египте осталось мало леса (акация, та-

мариск, сикомора, можжевельник, пальма-дум, финиковая пальма). Роспись в гробнице того времени показывает рубку только маленьких деревьев. Строевой лес и дерево лучшего качества доставляли из соседних стран. С древнейших времен из Ливана привозили кедровое («аш») и хвойное («меру») дерево, последнее называют иногда красным. Сохранился дневник царской судостроительной верфи XVIII династии (времени Аменхотепа II) в Мемфисе, который называет красное дерево, вывозившееся из Ливана, основным строительным материалом. Рельеф в Карнакском храме показывает фараона Сети I на колеснице перед лесом, который валют для него сирийцы, — огромные ливанские кедры выглядят как мацтовый лес. В сценах, изображающих сражения Рамсесов II и III на территории Сирии, видно много срубленных деревьев, которые должны были грузить на корабли для отправки в Египет. Лес из Сирии доставляли по морю только на судах (в Месопотамию его сплавляли). Для Ун-Амуна, посланного за лесом для священной ладьи в Библ, правитель этого города направил на рубку леса 300 человек, а для перевоза — большое количество быков.

На стенах храма в Дейр-эль-Бахари можно видеть валку в Пунте черного (эбенового) дерева, отличающегося особой твердостью. Даже акацию — породу дерева, произрастающего в Египте, — с древнейших времен доставляли племена Северной Нубии, о чем сообщает надпись Уны (Древнее царство). В летописи Тутмоса III дерево упоминается как дань и военная добыча.

Судостроением в Египте занимались с древнейших времен, но первоначально лодки и небольшие суда, предназначенные для плавания только по Нилу или в протоках Дельты, связывали из стеблей папируса. Сохранилось много рисунков на додинастической керамике из Нагаде и на стенах додинастических и раннединастических гробниц в Иераконполе, изображающих лодки и суда с каютой посередине (часто сдвоенной). На основании этих рисунков высказывают предположение, что каюты могли служить жилищами додинастическим египтянам, поскольку во время паводка и после его спада в них было безопаснее пребывать, чем на суше, и удобно передвигаться по многочисленным протокам и болотам, оставленным Нилом после паводка.

На рельефах в гробницах Древнего царства сохранились сцены, изображающие и сбор папируса, и связывание из его стеблей лодок и челнов. Над их изготовлением трудились от двух до четырех человек. Обычно на рельефах показана последняя стадия работы, когда уже почти готовая лодка стоит на подпорках или маленьком катке, а находящиеся в ней вязальщики перевязывают бечевками на равных расстояниях уложенные в длину стебли папируса. На легкие плоскодонные лодки и суда из папируса никогда не ставили парус — он мог бы их опрокинуть.

Тут же, на месте изготовления лодок, свивали канаты из волокна папируса, употребляли для закручивания деревянную перекладину и камень. Папирусные лодки использовались для переправы через Нил, для пере-

воза легкого груза — корзины с овощами и фруктами, овцы или теленка, иногда и коровы, для охоты на птиц в зарослях папируса (в этом случае на легком челноке гребли стоя), а также для рыбной ловли. Но они не могли заменить суда, построенные из дерева. Правда, форма папирусных лодок (месяцеобразная) и некоторые приемы их изготовления были заимствованы судостроителями.

В стране, где река служила основным путем сообщения, судостроение рано стало важнейшей отраслью ремесла. Уже во времена Древнего царства строились не только речные, но и морские суда, которые плавали вдоль восточного берега Средиземного моря в Библ и по Красному морю в Пунт (рис. 17). Выше уже упоминалось, что при фараоне IV династии Снофру сорок египетских кораблей привезли в Египет строительный лес из Ливана. Один из сановников VI династии, Хнумхотеп, сообщает в своей надписи о посещении им Библа («Кепн»). Суда, совершавшие плавание между Египтом и Библом, еще в Древнее царство получили наименование «библосец» («кепнет»). Во времена VI династии военачальник Уна переправился на судах с отрядами в страну «Антилопий нос», которую отождествляют с мысом Кармела в Северной Палестине. Элефантинский номарх Пиопинахт (VI династия) был послан за телом убитого кочевниками-азиатами сановника Аннахта, который возглавлял строительство судов для экспедиции в Пунт. О благовониях и золоте, доставленных из Пунта в правление фараона V династии Сахура, сообщает летопись Палермского камня.

Речные суда были прогулочными, грузовыми и культовыми, морские — военными и грузовыми. Известны размеры судов. Летопись Палермского камня сообщает о постройке в правление фараона Снофру трех судов длиной 100 локтей (т. е. 52,3 м). Эти большие суда, сооруженные из ливанского кедра и дерева «меру» (хвойной породы) на царских верфях, вероятно, были морскими. В «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» начала Среднего царства говорится о морском судне размером 120 локтей в длину (т. е. 62,76 м) и 40 локтей (т. е. 20,92 м) в ширину, которое отправилось в Красное море. Речное грузовое судно, построенное из акации военачальником Уной во времена VI династии, имело в длину 60 локтей (т. е. 31,38 м) и в ширину 30 локтей (т. е. 15,69 м). Но и речное грузовое судно могло быть большим; например, предназначенное для перевоза обелиска Тутмоса I имело такие же размеры, как и морское судно, о котором шла речь в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение». Геродот и Диодор сообщают, что Рамсес II построил большое судно, предназначенное для плавания в Красном море. В 1954 г. в каменном тайнике возле пирамиды Хуфу была найдена священная деревянная ладья длиной 43,5 м, высотой 8 м, шириной 4,5 м. В музеях Каира и Берлина хранятся древнеегипетские лодки длиной около 10 м.

Суда, баржи и лодки строились на верфях («ухерст»). Для Древнего царства известны государственные верфи на юге Египта, у Первого порога, и в Среднем Египте, недалеко от Хатнуба, — на этих верфях строил

Рис. 17. Модель лодки. Среднее царство. XXII—XVIII вв. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

грузовые суда Уна. Судя по надписи Пиопинахта, в те времена морские суда могли строиться также за пределами Египта — на азиатском побережье, вероятно, вблизи кедровой рощи. Во времена Нового царства судостроительные верфи находились и в Мемфисе — сохранился дневник их работ времени царствования фараона XVIII династии Аменхотеп II. В период Древнего царства верфи имелись также в усадьбах вельмож — их изображение сохранилось на рельефах многих гробниц.

Заслуживает внимания указание Геродота, что древнеегипетские суда не имели ребер, т. е. строились без шпангоута. Это подтверждают сохранившиеся лодки и изображения строительства судов на рельефах в гробницах Древнего царства. Древнеегипетские суда были построены не только без шпангоута, но и без киля и имели малую осадку, поскольку предназначались для плавания по реке, где отмели были не редкостью. Ко времени Древнего царства судостроители в результате длительного опыта выработали определенный стандарт для частей корпуса судна. На основании изображений на рельефах различных стадий строительства речных грузовых судов удалось реконструировать количество, форму и местоположение составных частей корпуса плоскодонных египетских судов.

Каждая сторона корпуса монтировалась из семи частей: носовой и кормовой, трех досок, поддерживающих плоское днище, лежащей на них более длинной, узкой и слегка изогнутой доски (она упиралась своими короткими сторонами в верхние части носовой и кормовой досок), и борта, служившего для прикрепления весел. Доски корпуса изготовляли из акации, сикоморы и ливанских пород хвойного дерева. Составные части корпуса соединялись при помощи деревянных гвоздей, а также системы пазов и шипов.

На рельефах гробницы Тии (Древнее царство) изображены различные стадии строительства грузовых судов. Сначала стволы деревьев с грубо обрубленными ветвями скоблили и обтесывали при помощи топоров и тесел, затем распиливали медной пилой.

Части корпуса судна соединялись следующим образом: в круглые пазы уже положенной на место доски вбивали шипы или деревянные гвозди, но не до конца. На выступы шипов насаживали доску так, чтобы пазы, выдолбленные в ее нижней части, совпали с шипами. Пазы для шипов пробивали с помощью долот и колотушек, шипам придавали нужную форму с помощью тесел. Размеры пазов и шипов должны были точно соответствовать друг другу, поэтому их заранее рассчитывали. Чтобы вогнать гвозди и шипы в пазы с помощью больших деревянных кувалд, требовалась большая физическая сила.

Таким же способом накладывали борт судна, но эта стадия работы была сопряжена с особыми трудностями, поскольку борта были очень длинными и притом выгнутыми. Установкой бортов занимались по пять рабочих с каждой стороны, а в лодке стоял старший мастер, подавая команды. Снаружи рабочий поддерживал рычагом накладываемую часть в середине, двое других работников, сидя в лодке, держали ее веревочной петлей. За это время старший мастер мог проверить, соответствуют ли все пазы шипам. Убедившись, что шипы и гвозди вошли в свои пазы, он давал команду к их заколачиванию кувалдами. Сохранились надписи, передающие команды старшего мастера.

Полагают, что египетские суда были проконопачены, иначе они дали бы течь при спуске на воду. При конопачении части корпуса перевязывали бечевками, сплетенными из волокна папируса, как это представлено в росписи одной гробницы в Медуме. Когда смазка на всех стыках хорошо просыхала, тройной ряд бечевки на носу и корме, видимо, снимали, поскольку перевязи не видно на изображениях готовых судов.

Морские суда не имели шпангоута, были плоскодонными, с малой осадкой, как и речные. При строительстве их в отличие от речных судов крепко перевязывали канатами. Канат поднимал нос и корму, и это помогало срезать высокую волну. Морские суда, которые могли плавать и по Нилу, были приспособлены только для каботажного плавания.

Когда корпус судна был составлен и скреплен, приступали к внутренней и внешней отделке. Теслами снимались все неровности и выступы. На рельефе гробницы некрополя в Дейль-эль-Гебрави изображен работ-

ник, который вырезает отверстие для длинного кола, заостренного снизу и виллообразного сверху. Такие колы ставились на судне на равных расстояниях, чтобы поддерживать горизонтально положенные жерди, образующие корпус кабины, обтягиваемый холстом. Другой работник делает топором зарубку на носу, отмечая место для ствола руля.

Суда шли вниз по течению Нила на веслах, вверх по течению при сильном ветре, дующем со Средиземного моря, — на парусе и веслах. При штиле судно тянули бечевой. На грузовых судах размещалось до восьми-десяти гребцов с каждой стороны, три человека на корме направляли судно с помощью более длинных весел с большими лопастями. На морских судах число гребцов доходило до тридцати.

Большая часть речных и все морские суда были не только приспособлены под весла, но и снабжены парусами. На судах Древнего царства мачта высотой в $\frac{3}{4}$ длины судна ставилась ближе к носу, благодаря чему корму приходилось делать выше носа, как у папирусных лодок. Мачта состояла из двух крепких шестов, сделанных из кедрового дерева или думпальмы, которые были закреплены на дне судна, крепко связаны друг с другом наверху и дополнительно скреплены перекладинами. Но уже со времени VI династии мачты стали делать из одного шеста. От верхушки мачты шел канат к форштевню и корме. Длинный парус был укреплен на мачте с помощью одной реи и привязан внизу к борту.

Во времена Среднего царства стали строить более крепкие корпуса кораблей, что достигалось за счет уменьшения размеров отдельных частей судна и увеличения их количества. Впоследствии это нашло отражение в номенклатуре многочисленных корабельных частей, упомянутых в 99-й главе «Книги мертвых». Мачту стали устанавливать посередине судна и парус делали не продольный как ранее, а поперечный, укрепляя и натягивая его между двумя реями. Нос судна приподнят (изображение в гробнице Хнумхотеп в Бени-Хасане).

От времени Нового царства почти не сохранилось сцен, изображающих строительство кораблей, кроме сооружения заупокойных судов, которым старались придать очертания папирусных лодок. Но зато в росписях и на рельефах Нового царства сохранились многочисленные изображения военных и торговых судов, а также прогулочных, грузовых и культовых. По этим изображениям можно судить и об устройстве судов. Большие продольные паруса на одной рее, закрепленные на носовой мачте, почти уже не встречаются. Мачту ставили в середине судна. Широкий поперечный парус натягивался между двумя горизонтально идущими реями, сделанными из двух стволов, которые так прочно скреплялись в середине, что на них могли стоять матросы, когда натягивали или спускали парус. Сохранились изображения, показывающие, как управляли парусом. Натягивали парус, поднимая его верхней реей. Когда судно долго шло на веслах, парус, реи и канат снимали совсем и укладывали на крышу каюты; мачту тоже снимали. Полагают, что для ее поднятия служило колесо, которое иногда бывает изображено рядом с мачтой.

Изображение морского торгового флота сохранилось в храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари: он состоит из пяти судов, каждое из которых перевязано толстым канатом, протянутым от носа к корме. Показаны причалы судов в Пунте и в Фивах, из чего следует, что морские суда могли плавать и по Нилу. В Пунте два судна с убранными парусами привязаны к деревьям. Такой причал был нехарактерен для египетского государства. Обычно вбивали кол и привязывали к нему суда. Красочное описание египетского причала дано в «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» (Среднее царство): «Вот достигли мы родины. Взята кувалда, вбит причальный столб, носовой канат отдан на землю...».

На речных прогулочных и грузовых судах имелись просторные, с двумя дверями каюты, построенные из дерева. Стены их были раскрашены. Иногда каюту делали из жердей, на которые навешивалась циновка. Мачта проходила через середину каюты. На царских судах над каютой находилось сооружение типа ковчега. Царские прогулочные суда, стоящие на причале в Эль-Амарне, имеют большие каюты с двумя дверями и двумя окнами, верхнюю палубу, увенчанную уреями, маленький колонный зал. На корме и носу — по вымпелу. На прогулочных судах гребли до 32 гребцов.

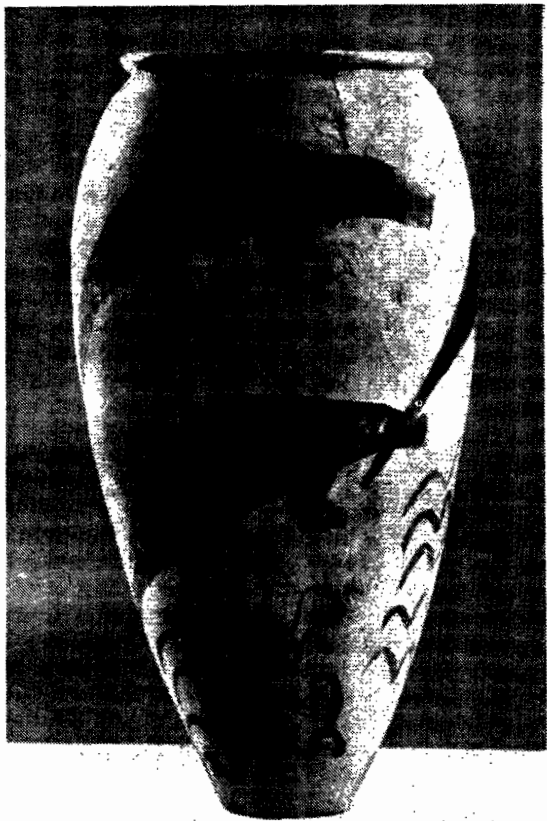
Большие грузовые баржи без весел могли идти на буксире у прогулочных судов. Каждое такое судно-плот длиной 81 м, шириной 27 м тащило до 27 прогулочных судов. Маленькие грузовые суда, приспособленные под весла и паруса, часто были торговыми. Хозяин-торговец мог жить на корме в каюте с двумя большими окнами. За легкой перегородкой в середине и передней части судна хранились скоропортящиеся товары (роспись в гробнице Ипуи).

Прогулочные и военные суда покрывали краской уже во времена Древнего царства — краска предохраняла их от влаги и солнца. На носу и корме судов обычно были нарисованы священные знаки.

Одним из древнейших производств в Египте было гончарное: глиняные горшки из грубой, плохо перемешанной глины дошли до нас от эпохи неолита (VI—V тысячелетия до н. э.). Но со времени тасийской и бадарийской культур появилась уже хорошо обожженная керамика разнообразных и нередко изящных очертаний (рис. 18).

Изготовление керамической посуды начиналось, как и в современном Египте, с размешивания ногами глины, политой водой, к которой иногда добавляли мелкорубленную солому — для уменьшения вязкости глины, скорейшего высыхания и предотвращения при этом чрезмерной усадки сосуда. Солома и следы выжженной соломы обнаружены археологами в додинастической керамике. Изображение первого этапа работы гончаров сохранилось на одном рельефе Древнего царства с надписью: «Утаптывание глины». В росписи Бени-Хасана (Среднее царство) есть изображение двух гончаров, стоящих на небольшой куче глины. На одной из росписей Нового царства видно, как один работник месит глину, глубоко погружив в нее ноги.

*Рис. 18. Додинастический сосуд.
Глина. IV тыс. до н. э. Музей
изящных искусств. Бруклин*

Формовка сосудов в неолитический и додинастический периоды производилась вручную, позднее в качестве вращающейся подставки стали применять круглую циновку — предшественницу гончарного круга. Относительно времени появления последнего имеются разные мнения, но преобладает датировка I династией. Большие винные сосуды, обнаруженные в гробницах I династии, сделаны уже на гончарном круге.

Формовка сосудов на гончарном круге показана на рельефе в гробнице Тии: маленькую круглую подставку работник медленно вращает левой рукой на вертикальной оси. Процесс работы на таком гончарном круге изображен и на росписи в гробнице Среднего царства в Бени-Хасане. Под ловкими пальцами формовщиков глиняная масса принимала формы горшков, мисок, чаш, кувшинов, кубков, больших сосудов с остроконечным или закругленным дном. В росписи Нового царства сохранилось изображение большого глиняного конуса, сформованного на гончарном круге, — сосуд

делают из его верхней части, которую отделяют от конуса бечевкой. При изготовлении больших горшков формовали сначала нижнюю его часть, а затем верхнюю. После того как сосуд был сформован, его сначала сушили, а затем обжигали. Первоначально это делали, вероятно, прямо на земле — на костре. На рельефе в гробнице Тии мы находим уже изображение гончарной печи из глины, напоминающей расширяющуюся кверху трубу; дверца печи, через которую загружали топливо, расположена внизу. Высота печи на росписи Нового царства в два раза больше человеческого роста, а так как сосуды в нее загружали сверху, то гончару приходилось подниматься по лестнице.

Египетская керамика в художественном отношении не может сравниться с греческой. Но для разных периодов можно выделить ведущие и в то же время наиболее изящные формы сосудов, особенно для додинастического периода. Для тасийской культуры характерны бокаловидные сосуды, расширяющиеся чашеобразно в верхней части, черного или коричнево-черного цвета с процарапанным орнаментом, залитым белой пастой, для бадарийской — керамика многообразных форм, покрытая коричневой или красной глазурью, с черными внутренними стенками и краем. Сосуды культуры Нагада I — темного цвета с белым орнаментом, Нагада II — светлые с красным орнаментом. Наряду с геометрическим белым орнаментом на сосудах Нагада I появляются изображения фигур животных и людей. Во времена Нагада II предпочитали спиралеобразный орнамент и изображения животных, людей и лодок. Во времена Нового царства горшечники научились расписывать кувшины и сосуды различными сценами, заимствованными иногда у резчиков по камню и дереву, но чаще порождаемые собственной фантазией, — встречаются геометрический и цветочный орнаменты, изображения виноградных лоз и деревьев, птиц, пожирающих рыбу, бегущих животных.

Цвет керамики зависел от сорта глины, облицовки (ангоба) и обжига. Для ее изготовления употребляли глину в основном двух сортов: коричнево-серого цвета с довольно большим количеством примесей (органических, железистых и песка), которая при обжиге приобретала коричнево-красный цвет, и серую известковую почти без органических примесей, приобретающую после обжига разные оттенки серого цвета, бурую и желтоватую окраску. Первый сорт глины встречается повсюду в долине и Дельте Нила, второй — лишь в немногих местах, прежде всего в современных центрах гончарного производства — в Кенне и Белласе.

Самая примитивная коричневая керамика, часто с темными пятнами в результате плохого обжига, изготавливалась во все периоды. Хорошего красного тона сосудов достигали высокой температурой при бездымном обжиге в заключительной стадии или облицовкой из жидкой красной (железистой) глины. Черные сосуды получали, зарывая их раскаленными после обжига в мякину, которая тлела от соприкосновения с ними и сильно дымила. Чтобы сделать у красных сосудов черный верх или внутренние стенки, коптящей мякиной покрывали только эти части. До обжига

на сосуды могли накладывать светлую глину, разведенную водой, которая не только повышала водонепроницаемость, но и придавала им после обжига желтоватый тон. Врезной орнамент, заполненный белой глиной, и роспись красновато-коричневой краской (окиси железа) на тонкой облицовке белой глиной наносились до обжига. Со времен Нового царства светло-желтый грунт сосудов расписывали красками после обжига.

С додинастического периода египтяне научились изготавливать фаянс (глазурованную массу толченого кварца) и делать из него бусы и амулеты в подражание бирюзовым и лазуритовым, а позднее — сосуды, изразцы, скарабей и ушебти. Щелочная глазурь (соединение кремнезема с содой или растительной золой), которой нельзя было покрывать керамику, хорошо соединялась с кварцевым песком способом плавки. Цвет глазури, большей частью синий или зеленый, получался от примеси меди. Для усиления или изменения цвета глазури на основу наносили слой смеси измельченного кварцевого песка с содой. Красный фаянс, плитки которого дошли до нас еще от III династии, получил большое распространение во времена Нового царства — его основа состояла из красного кварцевого порошка, окрашенного окисью железа. Примерно с X в. до н.э. появился новый вид глазури — свинцовой, которую можно было наносить и на керамику. Для нее характерен зеленый цвет.

От Нового царства дошло много краснокерамических форм для изготовления мелких фаянсовых изделий — украшений, амулетов, скарабеев, но также и более крупных — для ушебти, с остатками кремнистой массы, которой они были заполнены. Формы были открытыми, т. е. формовали только лицевую сторону изделия. Высохшие изделия дополнительно обрабатывали острыми инструментами. Большие изразцы и статуи формовали руками, причем при изготовлении статуи фаянс наносили на деревянный каркас, а затем уже обмазывали глазурью. Многие амулеты и фигуры вылеплены руками. Вследствие хрупкости фаянса изделия из него редко формовали на гончарном круге. Некоторые формы имели узкий желобок, в который вкладывалась медная проволока (кусочек такой проволоки был найден), после обжига ее вынимали, а отверстие оставалось — им пользовались для подвешивания украшения.

Две росписи Нового царства воспроизводят мастерскую, в которой изготавливали фаянсовую массу и формовали из нее разные предметы. В одной мастерской работник в каменной миске месит, видимо, фаянсовую массу. Второй мастер формует на подставке, напоминающей гончарный круг, большую лилию с висящими каплями по бокам (так выглядел символ юга во времена Нового царства). Позади работников стоят уже готовые предметы из фаянса: четыре желтые каноны с глубоко вырезанными на них иероглифами, заполненными голубой стеклянной пастой (при вторичном обжиге они должны были сплавиться с желтой глазурью), с крышками в форме детских голов. Во второй мастерской один мастер показывает надсмотрщику сделанную им вазу, другой формует чашу. Рядом с ними стоит готовый сосуд в виде лотоса.

В скальных подземных галереях пирамиды Джосера в Саккара имеют-ся так называемые голубые комнаты, стены которых отделаны фаянсовой глазурью, изразцами. На оборотной стороне изразцов проделаны отверстия, через которые проходила бечевка — с ее помощью изразцы и при-крепляли к отверстиям в стене. Глазурь Нового царства делалась не толь-ко синего и зеленого цветов различных оттенков, но также красного, фио-летового, желтого, коричнево-красного и молочно-белого. Особенно богата различными расцветками глазурь Эль-Амарны (XVIII династия), Капти-ра (XIX династия) и дворца Рамсеса III в Мединет-Абу (XX династия). В Государственном Эрмитаже и ГМИИ им. А. С. Пушкина хранятся еги-петские фаянсовые амулеты и формы для их изготовления, сосуды, ста-туэтки.

С изготовлением фаянса и глазури связано и изобретение египтянами стекла. Как показывают исследования, состав глазури был таким же, как и стекла, только извести в ней было меньше, окиси кремния больше. При-нято называть неполноценным стеклом непрозрачную цветную однород-ную массу сплавленного кварцевого песка с глазурью (в отличие от фа-янса с кварцевой основой, покрытой глазурью), из которого был уже сде-лан браслет III династии — его фрагмент был найден в ступенчатой пирамиде Джосера. Предметы из неполноценного стекла датируются глав-ным образом поздним временем. Но уже в додинастическую эпоху и в Древнем царстве встречаются бусы и амулеты, сделанные из этого мате-риала. Они черного, синего и зеленого цветов. Желтые и красные бусы появились позднее.

Как самостоятельный материал стекло стали использовать со времени XVII династии. Особенно распространено оно было в последующую, XVIII династию. От времени Нового царства дошли стеклянные сосуды и полихромные стеклянные вазы, свидетельствующие о зарождении произ-водства стеклянной мозаики. Состав стекла был близок современному (си-ликат натрия и кальция), но оно содержало меньше кремнезема и извести, больше щелочи и окиси железа, благодаря чему могло плавиться при бо-лее низкой температуре, что облегчало изготовление стеклянных изделий. В отличие от современного оно большей частью совсем не пропускало света, иногда просвечивало, еще реже — было прозрачным.

Стекло использовалось как декоративный материал. В гробнице Тутан-хамона (XVIII династия) сохранились миниатюрные росписи на спинке трона, на серьгах, на саркофаге и золотом амулете, покрытые бесцветным прозрачным стеклом. Примеси различных минералов окрашивали его в разные цвета: марганец в цвет аметиста, медь или кобальт (привозной) в синий цвет, медь также в зеленый, а ее окись в красный, окись цинка в белый, свинец и сурьма в желтый. Таким образом, египтянами было изоб-ретоно и цветное стекло. Стеклянная мозаика получила особое развитие в греко-римский период.

Рельефы и росписи древнего Египта не сохранили сцен, изображающих изготовление стекла и стеклянных предметов. Но археологами были най-

дены остатки стекольных мастерских в Фивах времени Аменхотена III, в Эль-Амарне правления Эхнатона, в Лиште (XX династия), а также в Вади-Нутрун, в Гуробе, возле озера Мареотис, птолемеевского периода в Небеше. В греко-римский период Александрия была одним из крупнейших центров стекольного производства.

Обнаружены глиняные тигли, в которых на огне сплавлялись составные части стекла в однородную массу, и формы для отлива расплавленного стекла. Иногда расплавленное стекло скатывали в тонкие прутья, затем прессовали их в полосы и разрезали на кусочки для инкрустаций. Бусы до позднего периода изготавливали вручную — тонкую медную проволоку обвивали стеклянной нитью, которую делили на отдельные бусины. Стеклянные сосуды изготавливали на формовочной шишке, состоявшей из медного или деревянного прута, на который была наклеплена песчанистая глина. Ее окунали в расплавленное стекло или обвивали нитями расплавленного стекла, которые в результате нагревания расплавлялись в однородную массу. Если однотонную стеклянную вазу хотели украсить орнаментом, на нее накладывали нити расплавленного цветного стекла. Остатки шишки затем удалялись, но до того вазу прокатывали на каменной плите, чтобы выровнять ее поверхность. Стеклянные сосуды, выполненные такой техникой, сохранились в большом количестве. Борт ручки и ножки для ваз изготавливали отдельно. Выдувное стекло стало известно лишь в римский период.

Рядом с мастерскими металлургов на рельефах и в росписях гробниц часто изображены и ювелирные мастерские, где «золотых дел мастера» обрабатывали золото, серебро и электрон (естественный сплав серебра с золотом), изготавливали украшения, сосуды, делали инкрустации, используя при этом не только драгоценные металлы и полудрагоценные камни, стекло, фаянс, бусы, но и цветные металлы.

Золото добывали в Восточной пустыне между Нилом и Красным морем. Золотые россыпи в аллювиальных песках и гравиях вади (высохших русел рек) и золотые жилы в кварцевых породах особенно часто встречались к югу от караванного пути Кена — Коссейр вплоть до Донголы. Золотые предметы обнаружены уже в додинастических гробницах, когда египтяне, вероятно, довольствовались добычей золота из аллювиальных россыпей, промывая в проточной воде песок и гравий. Скальные надписи Раннего и Древнего царств в Вади-Хаммамат свидетельствуют о том, что в те времена уже разрабатывали золотые руды. Но в текстах Древнего царства ничего не сообщается о добыче золота на территории Северной Нубии или о поставках золота народами этой страны. Привоз золота в Египет из Куша засвидетельствован в документах с XII династии, т. е. с периода Среднего царства. Во времена Древнего и Среднего царств центром золотого промысла был Коитос. Во времена Нового царства центр добычи золота переместился к востоку от Эдфу, где по приказу фараона Сети I (XIX династия) на пути к рудникам был выдолблен колодец в скале, сооружен храм и построен город Менмаатра. Об этом сообщает надпись

Сети I на стене храма в Редезийе. Проблема воды на золотых приисках была самой сложной, поскольку в пустыне ее не хватало не только для промывки золота, но и для питья рудокопов и старателей, — ее доставляли туда караваны ослов. Еще более тяжелое положение с водой было в рудниках Восточной пустыни Нубии, куда позднее передвинулся центр добычи золота.

Самородное золото в Египте обычно содержит примеси серебра, иногда — меди, реже — следы железа и других металлов. Если в естественном сплаве преобладало серебро, он назывался электроном. В летописи на Палермском камне упоминается статуя царя V династии Нефериркара, сделанная из электрона, а на стене припирамидного храма царя Сахура изображена посуда из электрона. Браслеты царицы Хетепхерес IV династии, имеющие неровную белую окраску, были сделаны из сплава серебра с золотом с преобладанием первого. Месторождения чистого серебра в Египте не встречаются, поэтому оно считалось там более редким и ценным металлом. Полагают, что уже во времена Древнего царства серебро привозили из Азии.

В результате обследования древних золотых рудников установлено, что золотоискатели брали предварительную пробу золота и приступали к эксплуатации руды только в тех местах, где она содержала лишь достаточно большой процент драгоценного металла. Об этом свидетельствуют начатые и оставленные разработки руды. До сих пор не удалось открыть значительных месторождений золота, которые были бы пропущены древними старателями. Местонахождение золотых рудников в Восточной пустыне было нанесено на древнейшую в мире карту, начерченную на папирусе в правление Сети I (конец XIV в. до н. э.; хранится в Туринском музее).

Древние способы добычи золота из кварцевой руды в нубийских рудниках видел и описал греческий автор II в. до н. э. Агатархид — его описание дошло до нас в передаче Диодора. Скалу сначала нагревали — она от жары трескалась и разламывалась, затем породу дробили и корзинами выносили из шахт, глубина которых доходила до 90 м. Руду толкли в больших каменных ступах и мололи ручными мельницами. Остатки таких мельниц сохранились на месте древних рудников. Растолченный в порошок золотоносный кварц промывали водой на наклонных базальтовых столах, поверхность которых была покрыта слоями обожженной глины или кожами баранов; вода уносила более легкие частицы, а золото оставалось, его собирали и сплавляли в слитки. В тех рудниках, где были высечены колодцы в скалах, например в Вади-Фавакхир, золото промывали на месте. Но ряд рудников Восточной пустыни был лишен воды. В таких случаях золотоносный кварцевый порошок доставляли на берег Нила, где сохранились бассейны для промывания золота.

Ювелирные мастерские, в которых обрабатывали драгоценные металлы, изображены на рельефах Древнего царства и в росписях Нового. Рельеф в гробнице Мерерука показывает сцену взвешивания слитков ме-

талла перед их обработкой. Весовщик держит в руках примитивно устроенные весы: неподвижный деревянный крест, к концам поперечного бруса подвешены на крюках две чаши — на одной лежат слитки металла, на другой стоят гири, к вертикальной доске привешен на шнуре отвес (грузило). На полу около весовщика стоят два ящика — один с гирями, другой со слитками металла. Результаты взвешивания записывает писец. Украшения, изготовленные из драгоценных металлов, тоже взвешивались. На росписях Нового царства изображены весы такого же примитивного устройства, но большего размера и поставленные на землю, что несомненно облегчало работу весовщика.

Цветные металлы плавили, так же как медь, в горне — в двух глиняных тиглях в форме сапожков, как показывает рельеф из той же гробницы Мерерука. Шесть работников-металлургов раздувают горн через тростниковые трубки с глиняными наконечниками. Чтобы расплавить золото, нужна была температура 1063°C , и поддувать воздух приходилось непрерывно. Эта тяжелая работа была облегчена лишь во времена Нового царства, когда изобрели мехи, их приводили в движение ногами и руками. Мастер, выливающий расплавленный металл из тигля в литейную форму, специальными щитами охранял руки от ожогов. Ему помогал подросток: сидя на корточках, он открывал при помощи палочки носик тигля, и струя металла лилась в стоящую на полу форму. Четверо кузнецов, также сидя на корточках перед низкой каменной наковальней, куют металл небольшими камнями. Над кузнецами пояснительная надпись: «Ковка белого золота» (т. е. серебра). Иногда ковкой металлов занимались ювелиры, которым в таких случаях передавали золото и серебро сразу же после литья.

Тонкую ювелирную работу в Египте, судя по рельефам Древнего царства, часто делали карлики, поскольку их маленьким рукам было удобно нанизывать мельчайшие бусы и делать другую мелкую работу. Росписи Нового царства свидетельствуют, что наряду с ожерельями, колье и браслетами в ювелирных мастерских изготавливали деревянные ларцы из черного (эбенового) дерева с инкрустацией из слоновой кости и камней, золотые сосуды, орнамент для ваз, саркофаги, а также ручки для зеркал и рукоятки кинжалов, картуши и скарабеи из камня и фаянса.

Изделия из цветных металлов, полудрагоценных камней и бус дошли до нас уже от времени Раннего царства: золотой браслет начала I династии, четыре золотых браслета и скипетр царя II династии Хасехема. К числу шедевров ювелирного искусства Древнего царства относят найденные в тайнике гробницы царицы IV династии Хетепхерес браслеты из слоновой кости и сплава золота с серебром (неровной белой окраски), отделанные разноцветными мотыльками с инкрустацией из сердолика, бирюзы и lapis-лазури. С древних времен египтяне умели изготавливать тонкое листовое золото и накладывать его на дерево, камень, медь и серебро. Древнее листовое золото было значительно толще современного, но позднее ремесленники Александрии научились делать тонкие листы. На деревянных

предметах их укрепляли маленькими золотыми заклепками, как, например, на фанерном саркофаге III династии из Саккара. Более тонкими листами золота, используя штукатурку и клей, покрывали мебель. Деревянные лари, шесты и навес над кроватью царицы Хетепхерес были обшиты золотыми листами. Ее кровать, подлокотники и ножки кресел позолочены (покрыты золотой фольгой). Настоящим произведением высокого искусства являются золотые иероглифы, инкрустированные на деревянном паланкине царицы. Способомковки накладывали золото на другие металлы — медь и серебро, о чем позволяют судить два медных прута с накладным золотом (датируются Ранним царством). О высокой квалификации ювелиров древнего Египта свидетельствуют статуэтки, сделанные из разных материалов. В Каирском музее хранится священный сокол Иераконполя конца Древнего царства. Туловище птицы сделано из дерева, покрытого накладной медью, голова — из золота, она прикреплена к туловищу золотыми гвоздями (некоторые из них еще сохранились), а глаза — из обсидиана.

От Среднего царства до нас дошло больше драгоценных украшений, позволяющих судить о высоком мастерстве египтских ювелиров: необыкновенно тонко выполненная диадема царицы Хнумит из Дахшурас полудрагоценными камнями в оправе из золотых розеток, которые поддерживаются цветами лотоса; золотое кольцо с аметистами царевича, сына фараона Сенусерта II, из Лахуна и поразительно красивая пектораль этого царя — нагрудное украшение царей и знати — из литого золота с картушем, украшенная бирюзой и гранатом, а также другими полудрагоценными камнями, с изображением двух Горов по бокам и знаком миллиона лет внизу. От этого времени сохранилось также медное ожерелье, покрытое золотой фольгой способомковки.

Ко времени Нового царства приток драгоценных металлов значительно увеличился. Саркофаг Тутанхамона длиной 184 см сделан целиком из золота, украшенного инкрустацией. Ювелиры изготовляли тогда из золота короны, оголовья (рис. 19), диадемы, кольца, шейные воротники, пекторали, браслеты для рук и ног, кольца, серьги и амулеты, украшая их драгоценными и полудрагоценными камнями в золотой оправе и цветной стеклянной пастой. Сохранившиеся короны Аменхотепы III, Эхнатона и Тутанхамона позволили определить, что они были сделаны из тонкого или толстого листового золота и украшены большим количеством уреев и фигурами соколов-Горов из литого золота. Тонкостью работы поражает диадема, найденная в гробнице Тутанхамона, — она состоит из золотого обруча с большим уреем посредине. Украшенное инкрустацией из сердолика и цветным стеклом, имитирующим бирюзу и ляпис-лазурь, тело священной змеи обвивало голову царя, на концах двух широких лент, спускающихся с обруча, помещены еще два урея. Роскошны, но немного тяжеловаты пекторали Тутанхамона, сверкающие золотом, кармином и кобальтом цветного стекла, ультрамарином ляпис-лазури, морской зелены полевого шпата, в виде подвешенных на цепочках-лентах из полудрагоценных камней и стеклян-

Рис. 19. Золотое оголовье царевны из дома Тутмоса III, инкрустированное цветным стеклом и полудрагоценными камнями. XVIII династия. Около 1450 г. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

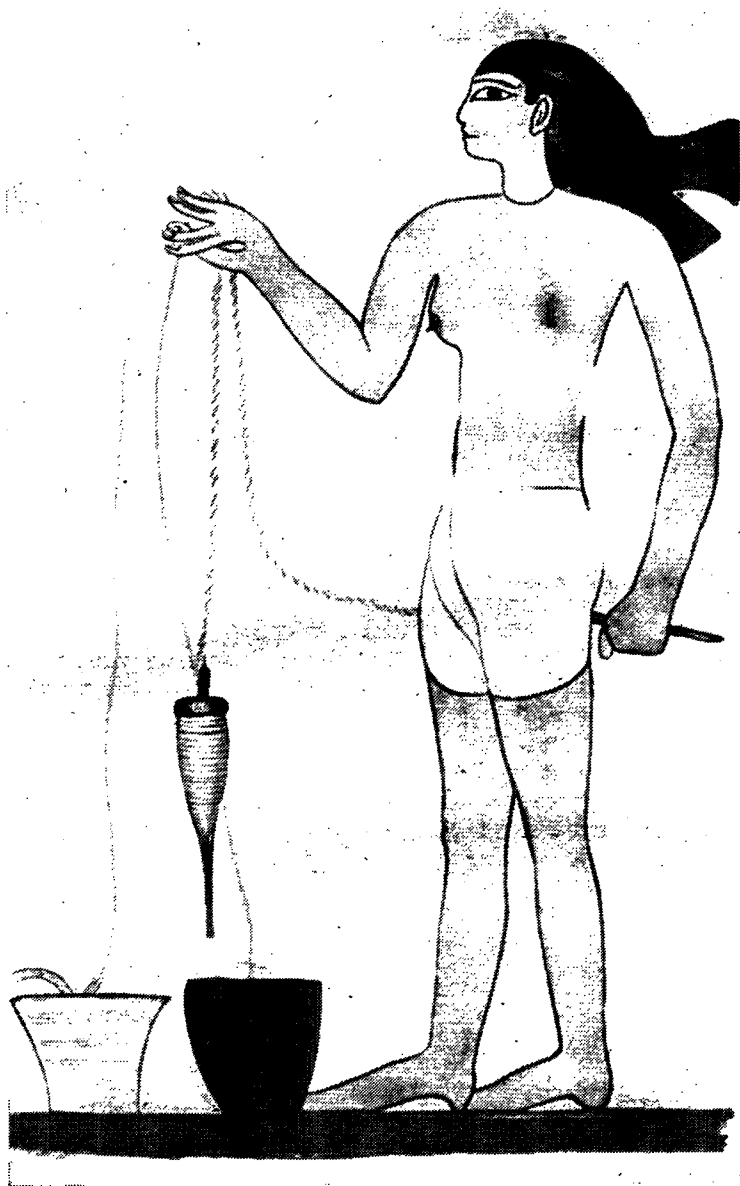
ной пасты фигур — коршуна со сложенными крыльями богини Нехбет, большого скарабея на барке, увенчанного солнцем, и т. п. Камни прикреплялись цементом или вставлялись в оправу. Золотую фольгу стали прикреплять к другим металлам при помощи клейкого вещества, как, например, на льяном покрове из гробницы Тутанхамона, украшенном медными ромашками, покрытыми золотой фольгой.

Со временем, при Рамсесах и Рамессидах, встречаются все реже изящные украшения — такие, как, например, перстень Рамсеса II с изображением битвы. Обычно они слишком тяжелы, перегружены драгоценностями и выполнены с меньшей тщательностью. В отличие от роскошных украшений Нового царства мастерство ювелиров Древнего царства отличалось строгостью и простотой, а Среднего царства — изяществом. В саисский период наблюдается возврат к классической простоте ранних изделий ювелиров.

Существенное место среди ремесел занимали обработка кожи и изготовление из нее различных предметов обихода. Египтяне с древнейших времен умели обрабатывать шкуры, которые в изобилии доставляли пастухи и охотники. Из кожи делали ремни, служившие для прикрепления к рукоятке рабочей части многих орудий (топоров, тесел, мотыг), для скрепления частей плуга и деталей мебели, бурдюки для воды, кошели, мешки, чехлы и футляры для свитков папирусов и драгоценных изделий, пергамент, сандалии, щиты и колчаны, а с Нового царства — детали боевых и парадных колесниц, конские сбруи. Изображения кожевенных и сапожных мастерских сохранялись на рельефах в гробницах Древнего царства и в росписях гробниц Нового царства. На рельефах в гробницах Анхмагора и Тии показаны кожевники, растягивающие кожу на треногих козлах и на каком-то приспособлении, закрепленном у вершины кола. Полагают, что стручки акаций, в изобилии растущих в Египте, служили дубителем. При выделывании кожи, для придания эластичности, ее сначала мочили в масле, мяли и, наконец, растягивали. Пояснительная надпись в гробнице Анхмагора над растянутой на козлах кожей сообщает, что кожа очень мягка.

Лучшее изображение кожевенной мастерской Нового царства воспроизведено в гробнице Рехмира. В обширной мастерской одновременно трудится большое число кожевников и сапожников. Дубильщик вытаскивает из глиняного сосуда вымоченную или окрашенную кожу — в результате обработки квасцами она получила светлую расцветку. Другие кожевники скоблят кожу, растягивают ее на козлах, а затем раскраивают. У сапожников тоже существовало разделение труда: один вырезает сапожным ножом с закругленным лезвием подметки для сандалий, второй закрепляет на них ремни, просверливая подошву шилом, третий вырезает ножом длинный и узкий ремень из большого куска кожи. Другие сапожники растягивают ремни и связывают их, продевают в дырки подошвы.

Одним из древнейших видов египетского ремесла было ткачество, которое развилось из плетения корзин. Сохранились образцы неолитических,

*Рис. 20. Прядильщица. Роспись в гробнице Бени-Хасана. XII династия.
Около 1900 г. до н. э.*

бадарийских и додинастических плетений из листьев финиковой пальмы, различных трав и растений. Остатки полотняных тканей дошли до нас еще от эпохи неолита. Лен оставался до позднего времени основным материалом для изготовления тканей, но сохранились также ткани из травяного и тростникового волокна.

Пряслица от веретен в виде каменных колец дошли еще от додинастических и раннединастических времен. Исследование кромки тканей, обнаруженных в гробницах Раннего царства, позволяет предположить, что ручной горизонтальный ткацкий станок был уже к тому времени изобретен. В надписи Пехернефера конца III династии упоминается мастерская по обработке льна, в которой женщины подготавливали лен для пряжи и тканья — били деревянными колотушками, чтобы очистить и размять волокно. На рельефах Древнего царства сохранились сцены расплаты хозяйна с работницами «Дома ткачих». Эту мастерскую, в которой работали женщины, возглавляли «начальники». В «Поучении» Ахтоя, сына Дуафа, времени Первого распада Египта (дошло в списках Нового царства) особенно описаны тяжелые условия труда ткачей.

На рельефах Древнего царства в сценах, показывающих изготовление веревки для сетей, встречаются изображения веретен. С помощью таких веретен работницы пряли нити из волокна для тканья. В гробнице царевича XI династии Мекетра сохранилась деревянная миниатюрная модель ткацкой мастерской. Ее воспроизводят также росписи в гробницах Бени-Хасана. Сидя на земле, работницы сматывали в клубки лежащие перед ними намоченные волокна льна. Пряильщицы стоя наматывали на веретено нити, концы которых выходили из отверстий, просверленных в чашечках, где лежали клубки (рис. 20). Ткачихи с помощью колышка, закрепленного в стене, подготавливали основу ткани — ее продольные нити, — которую помещали затем на навои ткацкого станка — длинную балку, играющую роль катушки, закрепленную на двух колышках, врытых в землю. Нити основы натягивали с помощью камня. Чтобы получилась ткань, через основу пропускали уток — поперечные нити ткани, пересекающие нити основы. Уток вводили не с помощью челнока, а загнутым на конце куском дерева. Станок был горизонтальным. Работая на нем, приходилось сидеть на корточках. Во времена Среднего царства тканьем, как и во времена Древнего, занимались главным образом женщины.

В эпоху Нового царства появились вертикальные станки, вероятно заимствованные из Азии (изображение такого станка сохранили росписи в гробницах Нового царства). В гробнице Неферромпет (XVIII династия) изображены две ткачихи, подготавливающие основу для тканья. Они натягивают параллельно идущие нити на два шеста, которые закреплены на подставках. Принцип работы на вертикальном станке оставался таким же, как и на горизонтальном. Но для уплотнения нитей утка был введен ткацкий гребень — прототип берда. На вертикальном станке работали мужчины. В ткацкой мастерской Карнакского храма ткачами были рабы — азиаты и кушиты.

На своих примитивных станках египтяне умели изготавливать тонкое льняное полотно. В гробнице Тутанхамона были найдены остатки цветной и вышитой льняных одежд.

Искусство крашения было известно египтянам с древнейших времен. Описание способа крашения и состава красок сохранилось в двух греческих папирусах из Фив. Найденные археологами ткани имеют красную, пурпурную, зеленую, коричневую, желтую и черную окраску. Красители получали из различных растений — хны, сафлора и др. В Атрибисе и Тебтунисе были обнаружены красильни римского времени.

В Каирском музее хранятся куски гофрированных льняных одежд Среднего и Нового царств, а фрагменты специальной доски для гофрировки — в музеях Флоренции и Турина.

Древнейшим видом египетского ремесла было изготовление циновки из стеблей папируса, тростника и камыша, а также жесткой травы хальфа и пальмового волокна. Сохранились циновки, сделанные уже тасийцами и бадарийцами, додинастическими египтянами, собирателями и пастухами Раннего и Древнего царств. Изображения на рельефах и росписях позволяют ознакомиться со способом их изготовления: расщепленные стебли укладывали рядами и перевязывали на равных расстояниях бечевками. Упругие стебли папируса позволяли при желании придать циновке форму кресла, для чего ее края закрепляли, обвязывая их льняным шпагатом или бечевкой, скрученной из травы хальфа, пальмового волокна. Циновки широко использовались для украшения внутренних помещений жилищ, бедняки на них спали и сидели.

Сети для ловли рыбы и птиц вязали из бечевки специальной деревянной иглой. Бечевки скручивали из тонких волокон льна, свивая несколько прядей в одну.

Несмотря на примитивные орудия труда, египетские мастера в разных отраслях ремесла сумели создать шедевры в техническом и художественном отношении. Они достигали этого пристальным изучением явлений природы, совершенствованием навыков, пытливым изобретательством и поразительной трудоспособностью. Многие малые и великие технические приемы и изобретения древних египтян легли в основу нашей цивилизации.

Транспорт в древнем Египте во многом зависел от природных условий. Дороги в стране были многочисленны, но временного характера. Они пролегали по дамбам и плотинам, поэтому постоянно разрушались и смывались паводком. Восстанавливали и поддерживали в хорошем состоянии одновременно дамбы и дороги. По дорогам шли пешеходы, гнали нагруженных ослов, двигались стада, тянули бурлаки суда. В «Сказке о красноречивом крестьянине» так описывается проезжая дорога, идущая по береговой дамбе: «Она имела ширину куска ткани. С одной стороны дороги была вода, с другой стороны дороги — верхнеегипетский ячмень... И когда шел этот поселянин по дороге всех людей...» Дороги, проходящие по дамбам, для укрепления насыпей часто обсаживались кустами и деревьями,

что нашло отражение в знаке «дороги» с «кустами», изображенными по обе ее стороны. Царедворец Синухет, описывая свое бегство из военного лагеря в западной части Дельты, рассказывает, что нашел себе место для укрытия «между двух кустов, чтобы отделиться от дороги, по которой они проходили».

Бедный люд передвигался по дорогам пешком. Богатые и знатные использовали для недалеких прогулок носилки и паланкины. Первоначально паланкины представляли собой поставленный на носилки деревянный ящик. Такой неудобный «портшез», привязанный к спине осла, можно видеть на одном рельефе Древнего царства. Однако уже в Древнем царстве стали делать более усовершенствованные паланкины: на носилки ставили и закрепляли удобные для сидения стул или кресло. Обычно паланкины с сидящими в них вельможами несли слуги и домашние рабы. Такой способ передвижения был доступен немногим.

С древнейших времен египтяне перевозили тяжести (каменные плиты, статуи, саркофаги) на деревянных саях — двух параллельных полозьях, высоко загнутых спереди и скрепленных поперечными планками. На сани клали доски или ставили ящик. Во времена Древнего и Среднего царств сани тянули десятки людей, позднее в них стали запрягать быков. Перед саями бежали люди, поливая из кувшинов землю, чтобы от трения не загорелись полозья (рельеф из гробницы Тхутихотепа в Эль-Берше).

Колесо было известно в Египте со времен Среднего царства, но повозки на колесах не нашли здесь большого применения, поскольку дороги на осыпающихся дамбах были мало пригодны для их передвижения. Сохранились единичные изображения четырехколесных повозок, которые тянут быки. На повозке обычно лежит заупокойная барка с саркофагом и мумией умершего. В Позднем царстве для погребения служили повозки с высокими колесами, имеющими восемь спиц.

В далеких экспедициях, рассчитанных на долгое время, например на Синайский полуостров за медью, бирюзой и малахитом, в каменоломни Восточной пустыни и в Куш за золотом и полудрагоценными камнями, грузы обычно везли выносливые ослы. Лишь с XII в. до н. э. египтяне стали использовать для перевоза тяжестей на караванных путях грузовые четырех-, шестиколесные повозки, запряженные каждая в шесть пар быков.

Со времен Нового царства царская семья и знать охотно совершают свои выезды на двухколесных колесницах (большей частью на колесах с четырьмя и шестью спицами), запряженных парой коней. Лошади, запряженные в прочные элегантные колесницы, не имели ни удила, ни шор. Конская сбруя состояла из двух больших полос кожи, наложенных одна на середину шеи, другая под корпусом лошади, и недоуздка, к которому были прикреплены вожжи. Управляли колесницами стоя либо возницы, либо сами наездники. Перед колесницей бежали рабы-эфиопы, позади — отряды слуг-«спутников», которые несли все необходимое для отдыха господина. На колесницах совершали поездки во дворец, в подведомственное

селение, охотились в пустыне, но состояние египетских дорог не давало возможности использовать их для больших расстояний.

На богато украшенных тяжелых колесницах совершали свои выезды цари и царицы — Эхнатон и Нефертити, которая сама отважно правила конями (рельеф в гробнице Панехси), Сети I (рельеф храма в Карнаке). Рамсес III с такой колесницы охотился на диких быков — зубров (рельеф на пилоне храма в Мединет-Абу), а Тутанхамон — на львов (роспись на его ларце). Войско на боевых колесницах с колесами, имеющими шесть или восемь спиц, стало ядром армии Нового царства, которая одержала ряд блестящих побед в Азии, где колесницам было достаточно места, чтобы развернуться.

Мосты через протоки не играли в Египте большой роли. Протоки часто высыхали, а через Нил и его рукава мосты не возводились. К тому же повозки на колесах, которые не могли бы переправиться без мостов через протоки, появились сравнительно поздно и не нашли в Египте широкого применения. Но строить мосты через улицы и каналы египтяне умели уже в Древнем царстве — в Гизе сохранились остатки пяти мостов IV династии, причем два из них — через канал (возле долинного храма Хефрена). В Тель-эль-Амарне дворец и храм Эхнатона были соединены мостом с главной улицей. Изображение моста, построенного где-то в северо-восточной пограничной области, сохранилось на рельефе, посвященном триумфальному возвращению войск Сети I из Палестины. Мосты строили из камня и дерева.

Через Нил и его рукава переправлялись на лодках. В гробницах номархов сохранились надписи, в которых они хвалятся тем, что на своих лодках и судах перевозили через Нил население области, т. е. выполняли общественную обязанность. По данным литературы Позднего времени, известно, что существовали и перевозчики, работавшие за плату.

Существует много различных изображений переправы скота и пастухов через протоки вброд и выплавь. Страбон сообщает о жителях Тентирь, что они, не боясь крокодилов, погружались в воды Нила и переплывали его.

В стране, расположенной на судоходной реке, ее рукавах и многочисленных протоках, уже в древние времена не мог не развиваться водный транспорт. На сосудах додинастического периода и Раннего царства сохранились изображения судов, одновременно служивших и жилищами. Такие суда с каютами были очень удобны во время паводков. Все крупные хозяйства вельмож Древнего царства имели грузовые суда, на которых перевозили зерно, скот, овощи и фрукты.

Со времен Нового царства появляются торговые суда, на которых торговцы не только перевозили товары, но и могли жить. Это были небольшие грузовые суда, приспособленные под весла и паруса, с каютой на корме и огороженной частью для товаров в середине и на носу; в каюте стояло ложе для хозяина (роспись в гробнице Ипуи). Торговые суда ходили регулярно — население ожидало их на пристанях. Целые флотилии празднич-

но украшенных лодок архаического типа перевозили египетских паломников в религиозные центры — Абидос, Фивы, Мемфис.

На больших грузовых баржах, которые часто тянули на буксире парусные и весельные суда, везли из каменоломен к месту строительства огромные каменные глыбы, обелиски и статуи. В качестве «тягловой силы» для больших грузовых барж могли использовать и прогулочные суда. На огромных баржах-плотах были доставлены гранитные обелиски фараона Тутмоса I и царицы Хатшепсут; каждую баржу тащили 27 прогулочных судов.

Плоскодонные парусные суда были приспособлены как для каботажного плавания, так и для плавания по Нилу, богатому песчаными отмелями. Они бороздили воды у восточного побережья Средиземного моря и плавали по Красному морю уже со времен Древнего царства. В Среднем царстве военный флот стал важной составной частью египетского войска.

Через нильские пороги переправлялись в обход, сооружая деревянные волоки, по которым перетаскивали суда. Иногда в скалах порогов, как, например, во времена Древнего царства, пробивали судоходные каналы, по которым и проплывали грузовые суда.

Сравнительно недавно (в 1964 г.) в районе Миргиссы, возле Второго порога, был обнаружен под слоем песка древний волок шириной около 2 м, укрепленный деревянными шпалами. Сама древесина не сохранилась, но места, где лежали шпалы, видны. Остались также следы ног корабельщиков, тянувших около трех тысяч лет назад судно через волок. Заметны длинные полосы на затвердевшем иле, оставленные днищами барок. Волок позволял египетским судам проходить по Нилу в любое время года, даже тогда, когда нельзя было преодолеть пороги.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

Об организации войска в древнем Египте на заре его истории известно мало. Судя по рельефу на Охотничьей палетке конца IV тысячелетия до н. э. (Британский музей), воины-охотники были организованы в боевые племенные единицы, каждая из которых имела свой штандарт с изображением бога. Они были вооружены булавами, копьями, луками и стрелами, боевыми топорами, кинжалами и метательными дубинками (рис. 21).

Древнейшим ударным оружием, предназначенным для рукопашного боя, была боевая булава с короткой деревянной рукояткой и каменным навершием грушевидной или круглой формы (обе формы булавы нашли отражение в знаках египетских иероглифов). На резной костяной рукоятке ножа из Гебель-эль-Арака конца додинастического периода (Лувр) изображен рукопашный бой вооруженных булавами. На плите Нармера (Каирский музей) видно, как царь собирается с силой обрушить булаву на голову коленопреклоненного врага. Боевая булава была настолько распространенным оружием в додинастическом и раннединастическом Египте, что

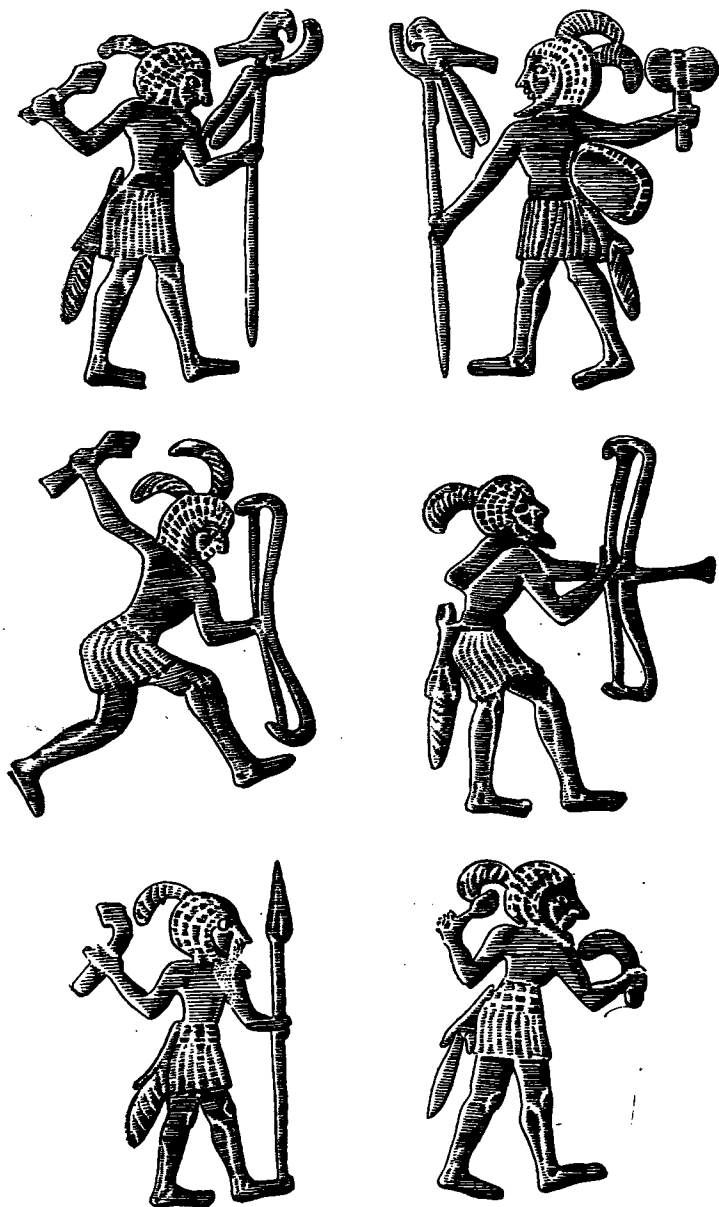

Рис. 21. Додинастические воины-охотники, вооруженные булавами, копьями, луками и стрелами, боевыми топорами, кинжалами и дубинками. Детали рельефа на Охотничьей палатке. Конец IV тыс. до н. э. Британский музей. Лондон

стала символом царской власти (вотивная булава царя Скорпиона из Иераконполя), а жест царя, побивающего булавой коленопреклоненного врага, — традиционным в египетском искусстве.

Колющим оружием, распространенным в Египте уже в конце IV тысячелетия до н. э., было копье. Египетское копье состояло из длинного крепкого древка и кремневого, костяного или медного наконечника либо с листообразным острием и шипом (как изображенное на Охотничьей палетке), либо с раздвоенным в форме ласточкина хвоста (такие наконечники найдены в Эль-Амра и Абидосе). Копье широко использовали в сражениях на протяжении всего III тысячелетия до н. э.

Египетский простой двояковыгнутый лук засвидетельствован для конца IV тысячелетия до н. э. не только рельефом на Охотничьей палетке, но и росписью на керамическом блюде с изображением охотника с тремя собаками (ГМИИ им. А. С. Пушкина), а также как знак иероглифа на печати-цилиндре. Две выгнутые дуги лука придавали ему большую мощность. Этот тип лука вплоть до Нового царства оставался основным видом дальнбойного оружия. Другой распространенный вид простого лука — однодугий — засвидетельствован наскальным изображением в Верхнем Египте. В гробнице Дена, пятого царя I династии, в Абидосе были найдены и составные луки, сделанные каждый из двух рогов антилопы, скрепленных деревянными шипами. Некоторые ученые считают эти луки вотивными моделями.

Наконечники стрел у лучников, изображенных на Охотничьей палетке, были раздвоенными. На фрагменте одной палетки сохранилось изображение чужеземца, пронзенного такой стрелой. В большой раннединастической гробнице в Саккара были обнаружены сотни стрел в остатках кожаных колчанов.

Широко распространенным оружием для рукопашного боя были боевые топоры с каменными и медными лезвиями клиновидной и сегментовидной формы, известные с додинастического времени. Лезвие топора привязывалось к деревянной рукоятке кожаным ремнем. На Охотничьей палетке изображен двухлезвийный топор с широкими полукруглыми лезвиями. Кипжалы были с кремневыми или медными клинками и деревянными или костяными рукоятками. Воины носили их за поясом.

В руках некоторых воинов-охотников, изображенных на Охотничьей палетке, видны предметы, напоминающие щиты овальной формы. На степной росписи из Иераконполя додинастического периода сохранилось изображение большого щита, сделанного из шкуры, вероятно высушенной в сыром виде и одеревеневшей.

Воины-охотники были одеты в кожаные юбочки выше колен, в волосы они втыкали перья.

Объединение Египта в конце IV тысячелетия до н. э. происходило в кровавых сражениях с древнейшими государственными объединениями и племенами. Войском, подразделенным на боевые группы, командовал царь. Осадным орудием служил каменные мотыги. Сохранились палетки из граувакка конца IV и начала III тысячелетия с символическим изображением

даря в виде сокола, льва, скорпиона или быка, разрушающего стены вражеских укрепленных поселений и крепостей. Как бы сверху, с птичьего полета, показаны прямоугольные и овальные планы поселений, укрепленных со всех сторон крепостными стенами с бастиянами. О существовании крепостей на территории древнейшего Египта свидетельствуют остатки крепостных стен, окружавших резиденции царей II династии Перибсена и Хасехемуи в Абидосе (начало III тысячелетия до н. э.). Абидосская крепость, прямоугольная в плане, была окружена двойным рядом стен. Протяженность наружных стен толщиной 3,3 м достигала с севера на юг примерно 160 м, с востока на запад — 80 м. Толщина внутренних стен — 5,4 м. Подобные крепостные стены окружали и Иераконполь.

Войска Раннего царства совершали набеги на соседние племена — в Западную пустыню против ливийских племен, в Северную Нубию до Первого и даже Второго порогов, в Восточной пустыне они проложили караванный путь по Вади-Хаммамат. Победы войск, как победы царей, художники и писцы Раннего царства запечатлели в изображениях и надписях на каменных плитах, палетках и ярыках.

О войске Древнего царства (XXVIII—XXIII вв. до н. э.) известно больше. Из автобиографической надписи Уны (VI династия) мы узнаем, что в правление Пиопи I было спешно набрано по всей стране войско для походов в Азию. По характеру это войско («меша») было пародным ополчением. Оно состояло из «многих десятков тысяч» и возглавлялось не военными командирами, а должностными лицами. Во главе войска царь поставил молодого чиновника Уну, который пользовался у него особым доверием и успел проявить незаурядные организаторские способности. Местные сатрапы и чиновники командовали отрядами, набранными в подвластных им селениях и дворах.

Ополчение было подкреплено вспомогательными войсками, завербованными среди нубийских племен, живших к югу от Первого порога. Этими войсками командовали «начальники переводчиков» («ими-ра а»), водившие караваны в оазисы и Северную Нубию. Они обычно жили вблизи южной границы Египта, на острове Элефантина, и должны были быть обучены военному делу, поскольку не раз участвовали в схватке с кочевыми племенами.

Египетское ополчение, собранное Уной, совершило завоевательный поход на азиатскую страну «тех, кто на песке» («хериуша»). Уна пять раз водил ополчение усмирять восставшую страну, и последнее победоносное возвращение войска было воспето им в стихах. По-видимому, с теми же отрядами ополчения Уна совершил поход одновременно морем и сушей в область «Антилопий нос» в Сирии. Следовательно, отряды ополчения действовали не только на суше, но и на море.

Ополчение созывалось в Египте в экстренных случаях на время больших военных кампаний. Созыв ополчения в стране такой протяженности, как Египет, требовал бы значительного времени, если бы до набора призванные не были уже организованы в рабочие отряды, трудившиеся в хозяйствах

царей, храмов и вельмож. После завершения военной кампании призванные в ополчение, вероятно, возвращались к своей обычной работе.

В Египте Древнего царства существовали, по-видимому, постоянные кадры обученных воинов и командиров. Известны должностные наименования: «великий начальник войска» («ими-ра меша ур»), т. е. главнокомандующий, и «начальник войска» («ими-ра меша»), т. е. командир войска. Один из «начальников войска» командовал северонубийскими вспомогательными войсками.

Войско Древнего царства, возможно, пополнялось новобранцами, которые назывались «молодцами» («нефер»). Новобранцев направляли в гарнизоны крепостей, расположенных на северо-восточной и южной границах страны, и в укрепления, защищающие караванные пути (большей частью вдоль вад) из пустыни в долину Нила от кочевых племен. Надзор за крепостями и укреплениями был сосредоточен в руках «начальника укрепления пустыни и царских крепостей».

На постоянной царской службе находились также нубийцы-нехсиу, которые исполняли в государстве полицейские функции и пользовались значительными льготами на царских землях (Дашурский указ царя Пиопи I).

Военные отряды сопровождали экспедиции в каменоломни и рудники, а также выполняли различные царские работы, главным образом строительные. В течение действительного срока службы эти отряды находились на государственном (царском) содержании. Сохранилось письмо «начальника войска» VI династии верховному сановнику государства по поводу беспорядков в снабжении одеждой «ополчения („чесет“) отрядов Туры», вызванного в резиденцию. В надписи царевича-военачальника Джати того же времени сообщается о рационе «ополчения» в каменоломнях Вади-Хаммамат. «Ополчение» («чесет») обозначало как военную, так и рабочую единицу численностью до 2500 человек. Оно подразделялось на «отряды» («апер»), названные именами царей. Отряды состояли из четырех-пяти «смен» («са»), которые носили название судовых команд. Это объясняется тем, что военные отряды, сопровождавшие экспедиции, значительную часть пути проделывали на судах.

О вооружении войска во времена Древнего царства и методах ведения войны позволяют до некоторой степени судить две батальные сцены осады крепостей, сохранившиеся на рельефе в гробнице Инти (V династия) в Дашашэ и в росписи гробницы Каемхезет (VI династия) в Саккара (вторая половина III тысячелетия до н. э.). Здесь изображены войска, ведущие осаду укрепленных городов. Осадой руководят военачальники (от рядовых воинов их отличают посохи в руках). На рельефе в гробнице Инти воспроизведен рукопашный бой (с поединками), который, вероятно, предшествовал осаде крепости. Сражающиеся воины вооружены секирами с сегментовидными лезвиями. Такие секиры были распространены в первой половине III тысячелетия до н. э.; их лезвия прикреплялись к рукоятям ремнями (через отверстия, просверленные в древке и в лезвии).

Укрепления возводили из кирпича на каменном фундаменте. Толстые стены укрепляли полукруглыми бастionsами. Крепости брали приступом: воины взбирались на стены по высоким деревянным лестницам под градом стрел и камней. На росписи в гробнице Каемхесет показана такая лестница — она поставлена на ось с двумя толстыми колесами. Двое солдат с помощью длинных шестов удерживают лестницу. Одновременно, как свидетельствует рельеф в гробнице Инти, воины длинными крепкими бревнами проламывали стену вблизи ворот.

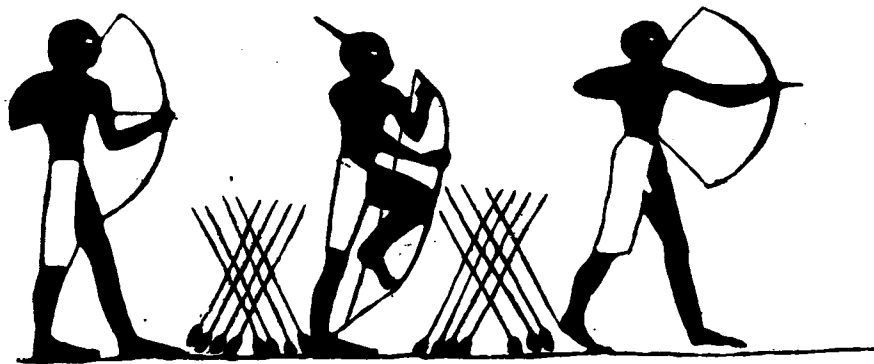
При обстреле врага египтяне употребляли простые двояковыгнутые луки. Такими луками вооружены два лучника, изображенные на рельефе времени царя Хуфв (IV династия).

Во второй половине III тысячелетия до н. э. в Египте, видимо, уже был военный флот. Об этом свидетельствует упоминавшаяся надпись Уны. Сохранилось и изображение военных парусных судов с военнопленными азиатами на стенах храмов царей Сахура и Униса (V династия). На одном из фрагментов рельефа (Метрополитен-музей) изображены два отряда («апер» и «исет») моряков: «молодцов» («нефер») и «спутников» («шемсу»), вооруженных боевыми топорами, дубинками и луками в футлярах-налучах. Отрядами, построенными в колонну из двух рядов по пять моряков в каждом, командуют военачальники с посохами в руках; один из них несет под мышкой свиток папируса, вероятно, с приказом или отчетом. Отряды «молодцов» сопровождает также армейский писарь. На основании этих изображений и сопровождающих их надписей можно предположить, что во второй половине Древнего царства «спутников» царя стали вооружать и, следовательно, начали формировать царскую гвардию.

Во времена Древнего царства египетское войско совершало набеги на Северную Нубию до Второго порога, на ливийские племена Западной пустыни и делало вылазки на северо-восток, в Азию.

После падения Древнего царства и довольно короткого периода смут наступил во времена Среднего царства (XXII—XVIII вв. до н. э.) расцвет вновь объединенной страны. В связи с более высоким уровнем развития производительных сил страны и возросшими потребностями в сырье, рабочих руках и широком обмене фараоны XI и XII династий начали вести более планомерную завоевательную политику на юге и северо-востоке.

Автобиографические надписи и титулатуры Среднего царства позволяют уже определенно говорить о существовании в Египте того времени постоянной армии. Армия Среднего царства состояла из «городских» (первоначально номовых) полков и дружины царя. Городскими полками («ниут») командовал «начальник войска» («ими-ра меша»). Дружина царя («чет») подчинялась непосредственно царю и его ближайшим сановникам. Если царя не было на поле сражения, армией командовал «начальник войска». Рядовые воины назывались «анху», они служили под командой «ачу». Воинов обучали военному делу командиры. Обязанность набора в армию возлагалась на армейских писцов. Служба в войске стала профессией молодежи.

*Рис. 22. Лучники. Роспись в гробнице Аменемхета. XII династия.
XX — XIX вв. до н. э. Бени-Хасан*

Городские полки составляла пехота войска повобранцев — «молодежи» («джам») — и «ударного» войска ветеранов («менфат»). Войска повобранцев, в свою очередь, состояли из временно призванных на военную службу «молодцов» («нефер») и профессиональных воинов — «бойцов» («ахаути»). Отборных воинов из числа «бойцов» могли набирать в отряды «ударного» войска.

Дружина царя («чет») была создана в противовес местным полкам, оставшимся в подчинении у наследственной номовой знати даже в первой половине правления фараонов XII династии (пережиток времени смут, наступивших после падения Древнего царства). Она представляла собой отборный полк — гвардию вооруженных «спутников властителя» («шемсу ен хека»), сопровождавших фараона в военных походах. Таким «спутником», сопутствовавшим Сенусерту I (в те времена соправителя своего отца фараона Аменемхета I) в его походе против ливийских племен, был Синухет, герой известной древнеегипетской повести. Многие из таких «спутников властителя» были кадровыми командирами. Путь от рядового бойца царской гвардии до командира прошел Хусебек, выдвинувшийся при Сенусерте III.

Царская гвардия действовала как на суше, так и на воде и составляла кадры военного флота, сосредоточенного в Фивах.

В состав армии Среднего царства входили также особо организованные отряды вспомогательных иноземных войск, главным образом кушитских племен — «нехсиу» (приречные жители) и «меджайи» (жители пустыни), а также ливийцев и семитов. По-видимому, особенно много в войсках того времени было кушитов, так как название племена «меджайи» стало служить для обозначения воина вообще. Границы страны и пограничные крепости охранял патруль; пограничную службу в пустынях несли «охотники» («пуу»).

О величине войсковых единиц позволяет судить автобиографическая надпись Хусебека, который командовал отрядами сначала из семи воинов, затем из шестидесяти и, наконец, из ста.

Об организации войсковых единиц и вооружении воинов Среднего царства дают некоторое представление деревянные модели двух марширующих отрядов — нубийских лучников и египетских копейщиков, — сохранившиеся в гробнице номарха Месехти в Асьюте времени Ментухотепа II (XI династия). Отряды построены в колонны из четырех рядов по десять человек в каждом. Лучники (рис. 22) вооружены большими простыми однодугими луками, копейщики — длинными копьями с медными наконечниками. В руках у копейщиков щиты средней величины — прямоугольные снизу, слегка округленные и заостренные сверху.

Но более широко употреблялись простые двояковыгнутые луки. Такой лук и связку тростниковых стрел держит в руках египетский стрелок, изображенный на раскрашенном рельефе стелы XI династии из Фив (Метрополитен-музей). Двояковыгнутыми луками вооружены также стрелки, осаждающие крепость (роспись в гробнице Аменемхета в Бени-Хасане). Четыре лука, найденные в Бени-Хасане, Асьюте и Фивах, сделаны каждый из одного куска прочного дерева — акации. Стрелы обычно носили в колчанах: оруженосец, изображенный в росписи из гробницы Себни в Меире (XII династия), держит в одной руке колчан со стрелами. Во время сражения стрелки для быстроты и удобства вынимали из колчана сразу по нескольку стрел и клали их перед собой на землю или держали в правой руке, между большим и указательным пальцами. В связи с расширением завоевательной политики во времена Среднего царства значительно воз-

Рис. 23. Праща. II—I тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

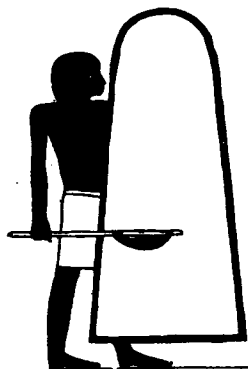

Рис. 24. Воин, вооруженный секирой и огромным щитом. Роспись в гробнице Тхутихотепа. XII династия. XX—XIX вв. до н. э. Эль-Берше

росли потребности в этом основном виде метательного оружия египетских воинов. Лучникам требовалось огромное количество стрел. Поэтому появились специальные мастерские по изготовлению луков и стрел. В одной из гробниц Бени-Хасана сохранилась роспись с изображением такой мастерской.

Во время осады крепостей лучники поддерживали пращники, засыпая защитников крепости камнями. Пращей (рис. 23) обычно были вооружены иноземные отряды ливийцев и семитов.

Основным оружием для рукопашного боя в период Среднего царства оставались копья с металлическими наконечниками, секиры и боевые топоры. Формы секир стали разнообразнее и совершеннее. Появились тяжелые секиры с полукруглыми лезвиями, в которых были сделаны два отверстия чечевицеобразной формы (найденные в Липште). Лезвия секир привязывались к рукояткам ремнями, которые пропускали через отвер-

стия, пробитые в клинках-язычках лезвия и просверленные в древке рукоятки, или прибывались мелкими гвоздиками. Секиры с полукруглым лезвием обладали большим разящим действием, т. е. ими можно было наносить более глубокие раны, чем секирами с сегментовидным лезвием.

Получили распространение и боевые топоры с длинными и узкими лезвиями прямоугольной формы (иногда слегка вогнутой по бокам), которые были прикреплены ремнями к топорищу тем же способом, что и лезвия секир.

Хранящийся в Британском музее прямой короткий кинжал из бронзы с костяным навершием в форме полумесяца датируется временем Среднего царства. Некоторые ученые рассматривают его как меч, новый вид оружия для рукопашного боя, указывая при этом, что он очень напоминает кинжал.

Вооруженные копьями и секирами пехотинцы во время боя защищали себя щитами. В росписи из гробницы Тхутихотепа в Эль-Берше изображен во весь рост вооруженный секирой воин с громадным щитом, закрывающим его с ног до головы (рис. 24). Широкий и прямой у основания, щит суживался и скруглялся сверху. Щиты состояли из деревянной или сплетенной из крепкого тростника основы, обтянутой кожей. Большие размеры щита объясняются тем, что воины Среднего царства еще не имели панцирей. Однако большие щиты были настолько тяжелы и громоздки, что мешали движению. Поэтому уже в те времена стали употреблять ручные щиты среднего размера (рис. 25). Такими щитами прикрывают себя воины, штурмующие крепость.

Как показывает роспись в гробнице Аменемхета (XII династия) в Бени-

Рис. 25. Воины, вооруженные секирами и щитами. Роспись в гробнице Аменемгета. XII династия. XX—XIX вв. до н. э. Бени-Хасан

Хасане, в Среднем царстве появилось новое осадное орудие — примитивный таран: длинное бревно с заостренным концом, вероятно сделанным из металла, и подвижное сооружение для укрытия воинов (рис. 26), которое состояло из стенки и сводчатой крыши-навеса, поставленных на каркас; позади стенки стояли трое воинов, направляющих балку для удара в верхнюю часть крепости — зубцы, бойницы и выступ типа балкона, с которых защитники укрепленного поселения засыпали осаждающих стрелами, камнями и копьями.

Организация и вооружение войска в период Среднего царства позволили египетскому государству полностью колонизовать Северную Нубию, подчинить своему влиянию страну Куш (за Вторым порогом), а в Азии — некоторые финикийские города. Фараоны XII династии (XX—XVIII вв. до н. э.) продолжали завоевательную политику в Куше. Сенусерт III объявил южной границей египетского государства Куммэ и Семнэ выше Второго порога. Пограничную линию указывали две плиты, из которых одна сохранилась. Для охраны границы в Куммэ и Семнэ были возведены две большие крепости (по обе стороны реки), в которых размещался постоянный гарнизон. Для обеих крепостей было выбрано удачное местоположение, позволявшее египтянам осуществлять господство над рекой и сухопутными дорогами.

Крепость в Куммэ была расположена на правом (восточном) берегу Нила, на возвышенности, окруженной со всех сто-

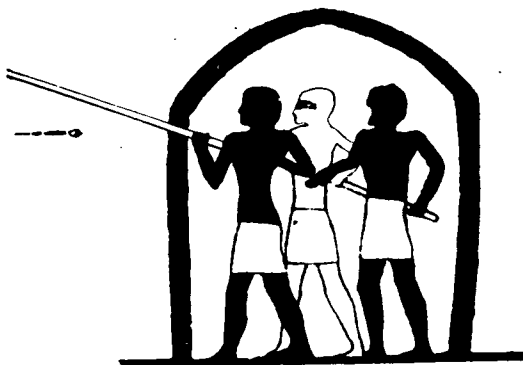

Рис. 26. Осадное орудие с укрытием для воинов. Роспись в гробнице Аменемгета. XII династия. XX — XIX вв. до н. э. Бени-Хасан

рон крутыми скалами, имела форму неправильного квадрата (длина стороны около 60 м) с двумя уступами, вытянутыми на север и на юг. Внешняя стена точно следовала плану главной внутренней стены (на расстоянии 4 м от нее), за исключением северо-западного и юго-восточного углов с выступами в форме бастионов.

Крепость в Семне на левом (западном) берегу Нила была построена на равнине. Одна стена крепости, высотой около 15 м, шла параллельно реке — она была защищена скалами, круто спускающимися к Нилу, и сухим земляным рвом шириной 30—40 м. Другие стены, обращенные к равнине, высотой около 25 м, были укреплены уступами в виде башен. Уступы, длиной около 15 м, шириной у основания около 9 м, у верхушки — 4 м, располагались через неодинаковые интервалы, там, где это было удобно для защиты. Крепость была построена из кирпича и камня; облицовка стен представляла собой комбинацию вертикальной и наклонной кладки, делающей их трудноподдающейся разрушению твердыней... И тем не менее археологи обнаружили сделанный врагами пролом в южной стене крепости Семне, между двумя выступами, расположенными ближе к реке.

Сравнительно недавно, в 1957 г., археологом В. Эмери была раскопана хорошо сохранившаяся крепость в Бухене (вблизи Вади-Хальфа). Остатки крепости позволили ученым лучше понять систему египетской фортификации. Квадратная в плане крепость площадью 170×180 м имела две линии крепостных стен, сложенных из кирпича, и сухой ров. Внутренняя (главная) стена (толщиной 5 м и, как полагают, высотой 10 м) с хорошо укрепленными воротами в центре западной стороны была защищена квадратными бастионами (шириной 2 м каждый) и большими башнями по углам, выступающими вперед. Внешняя низкая стена над рвом была снабжена округлыми бастионами (шириной 3 м каждый), расположенными с интервалами в 10 м. В стене и бастионах имелись по два ряда, один над другим, бойниц для воинов. Округлая форма выступающих вперед бастионов позволяла укрытым за ее зубцами (тоже округлой формы) лучникам посылать стрелы в осаждающего крепость врага не только по прямой вприз, но и в стороны. Ширина сухого рва у подножия внешней стены достигала 8,5 м, глубина — более 6 м (рис. 27).

Крепости с египетскими гарнизонами были разбросаны по всей Северной Нубии, а территорию между крепостями охраняли отряды патрулей, снаряженные из крепостей. Во время мелководья гарнизоны Северной Нубии и Куша могли поддерживать связь с Египтом либо через пустыню, что занимало много времени, либо через волоки, подобные недавно обнаруженному в районе Мергиссы.

При фараоне Сенусерте III начались также вторжения в Сирию (Ретену). Здесь цари XII династии подготовили путь для будущих завоеваний фараонов Нового царства.

После изгнания гиксосов во вновь объединенном египетском государстве была создана армия нового типа, оснащенная передовым для того времени оружием. Египет превратился в мощную военную державу. Благо-

даря своей армии Египет не только на долгое время предотвратил вторжение иноземцев в страну, но и, подчинив Палестину и Сирию, упрочил свое положение в Передней Азии.

Постоянная армия нового типа состояла из двух родов войск — пехоты и колесничих, — которые стали ее ударным ядром. Со времен XVIII династии в нее входили также иноземные вспомогательные отряды сирийцев, ливийцев, кушитов (со времен Тутмоса I), а позднее (со времен Аменхотепа III) к ним добавились шерданы («морской народ»), которые стали играть особенно заметную роль в войске Рамсеса II (XIX династия). При Рамсесе III (XX династия) иноземные войска (ливийцы, кушиты, «морские народы») стали ядром армии.

Возглавлял армию фараон. Во время больших завоевательных походов он обычно был главнокомандующим. Обязанности военного министра исполнял верховный сановник государства с помощью «командиров („ачу“) властителя» и «совета армии» («джаджат нет меша»). Армия была укомплектована командирами и воинами профессионалами.

Из законов Хоремхеба известно, что постоянная армия во времена XVIII династии была разделена на две части: одна размещалась в Нижнем Египте, другая — в Верхнем. Во времена XIX династии действующая армия состояла сначала из трех, затем из четырех крупных соединений, названных именами главных богов: Амон, Ра, Сет (при фараоне Сети I) и Пта (сформировано при Рамсесе II). Каждое соединение состояло из отрядов колесничих и пехоты, численность которых, по примерным подсчетам, достигала около 5000 человек. Основной военной единицей считался «полк» («са») численностью во времена XIX династии 200 воинов, при Рамсесе IV (XX династия) — 250 воинов. При XVIII династии полк возглавлял «знаменосец», который нес знамя полка и в бою, и на параде.

Сильное колесничное войско было создано при Тутмосе I (1530—1520 гг. до н. э.). Но первые известия о боевых колесницах дошли от времени Камоса, последнего царя XVII династии. Колесничное войско было сформировано уже Яхмосом I, который освободил Египет от гиксосов, но пока оно не играло значительной роли, поскольку ему негде было развернуться в узкой долине Нила.

С боевыми колесницами и конскими упряжками египтяне могли познаться у гиксосов. Первые египетские колесницы еще напоминают легкие ханаанские с колесами, имеющими по четыре спицы (такая колесница начала XVIII династии хранится в Музее Флоренции). Но позднее египетские мастера создали уже совершенно новый вид боевых колесниц, устойчивых даже на поворотах (с колесами, имеющими не четыре, а шесть и восемь спиц). В XIV в. до н. э. форму египетских боевых колесниц заимствовали уже сами создатели колесничного войска — народы Передней Азии.

Колесничное войско подразделялось на отряды, по 25 колесниц каждый. Ими командовали «колесничии резиденции», которые, в свою очередь, подчинялись «командиру колесничих». Колесничное войско находилось под

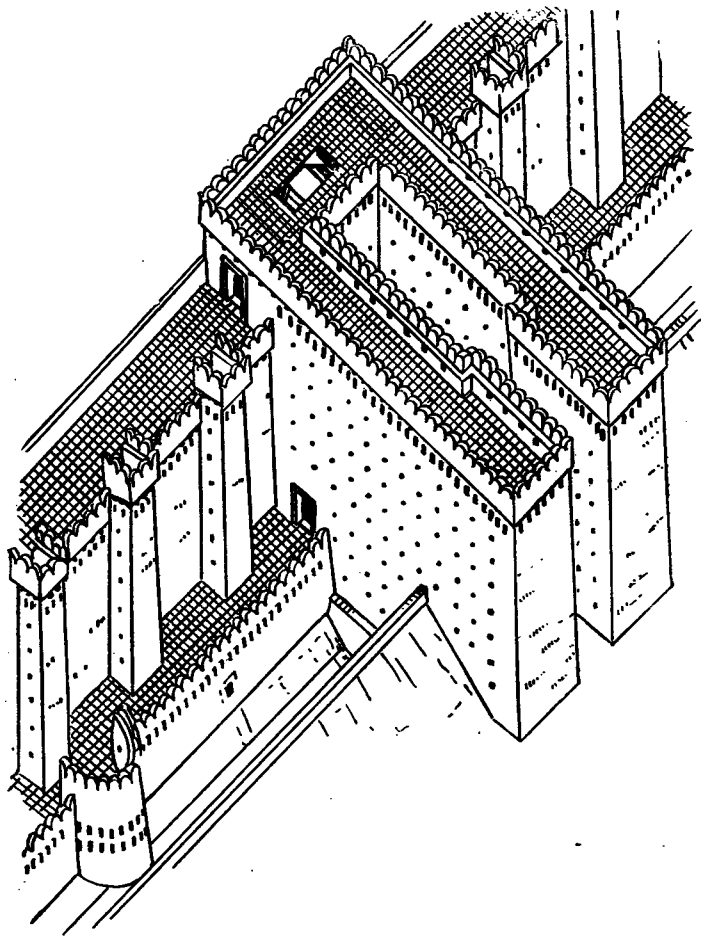

Рис. 27. Крепость в Бухене. Нубия. Среднее царство. Реконструкция.

командой «начальника коней». За содержание и кормежку лошадей отвечал «начальник конюшни».

Тактическую и мобильную единицу колесничного войска составляли две лошади, запряженные в боевую колесницу, боец («сенен») и возница («кечен»), стоявшие на колеснице. К колесницам были прикреплены специальные футляры-налучья для хранения сложенных луков, колчаны для стрел и дротиков. Боец колесницы был вооружен сложным луком со стрелами, с XIX династии — также короткими дротиками. В битве под Кадешем возница колесницы Рамсеса II не только правил конями, но и удачно прикрывал щитом фараона, окруженного хеттскими колесницами.

Пехота во времена Нового царства, как и раньше, использовалась не только на суше, но и на флоте. Ее составляли войска новобранцев — «мо-

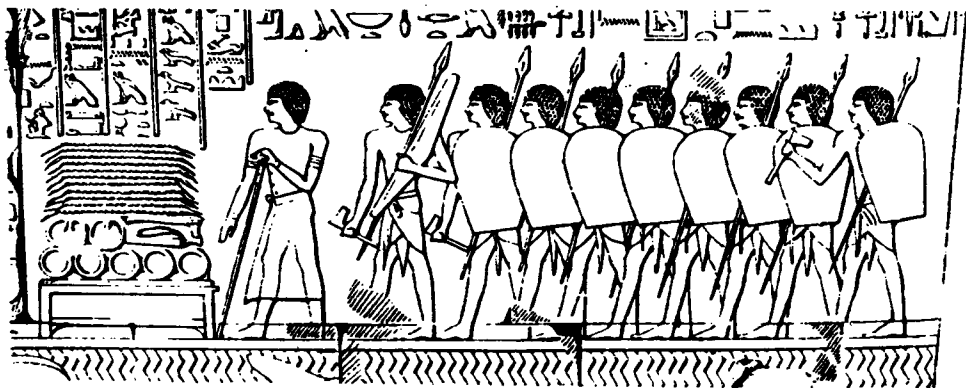

Рис. 28. Отряд воинов-копейщиков Нового царства (экспедиция в Пунт). Рельеф из храма царицы Хатшепсут. XVIII династия. Первая половина XV в. до н. э. Дейр-эль-Бахари

лодцов» («нефер»), ветеранов («менфит») и «отборных молодцов» («кенит») царя. Термин «менфит» во времена Нового царства стал служить для обозначения пехоты вообще в отличие от колесничного войска.

По роду оружия пехота в основном еще делилась на лучников и копейщиков. На стенах храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари изображены: отряд ветеранов, вооруженных длинными копьями (рис. 28), боевыми топорами и щитами, отряд «молодцов», составленный из стрелков, которые кроме луков и стрел вооружены боевыми топорами и дубинками, и отряд моряков с боевыми топорами и дубинками. Во главе отрядов — военачальники.

Основная часть пехотного войска набиралась по воинской повинности. На военную службу брали одного человека из десяти. Рамсес III освободил от воинской повинности храмовых работников. Призванные в армию солдаты назывались «молодцами войска» («анху ен меша»). Профессиональные воины, обучавшиеся военному делу с детства, в отличие от призванных в армию именовались «уау». Полагают, что из них набирался командный состав. В подчинении у низших командиров было по пять воинов-пехотинцев. Знаком отличия командира, как и раньше, был посох (рельеф в храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари).

Из школьных поучений Нового царства, описывающих тяжелую участь воинов, мы узнаем, что офицеры пехоты проходили военное обучение с детства. В папирусе Анастаси IV сохранилась такая запись: «Его приводят еще маленьким, чтобы запереть в казарму. Удар-ишфи наносится по животу его, удар-периш — по бровям его. Голова его разбита в кровь. Повергают его, причем он избивается, как лист папируса. Он разбит из-за битья...» По-видимому, будущего офицера пехоты подвергали таким суро-

вым испытаниям и жестоким побоям, что раны на его голове и теле долго не заживали.

От невыносимо тяжелой участи пехотных воинов были избавлены командиры, в ведении которых находились подразделения боевых колесниц. Воинам-колесничим выдавали из царских конюшен по два коня. Но колесницу они покупали себе сами. Колесничих должны были сопровождать пять ординарцев. Однако и их участь была не легкой, судя по описаниям школьных поучений, несмотря на то что колесничное войско в значительной степени пополнялось за счет детей знатных и состоятельных семей. Тем не менее все тяжести обучения компенсировались обогащением воинов во время походов за счет грабежей вражеских поселений и наград фараона золотыми орденами («льва» и «мухи»), земельными участками и военнопленными (рис. 29).

Во времена Нового царства Египет полностью вступил в бронзовый век. Из бронзы, как и из меди, стали изготавливать не только орудия, но и оружие. Высокий уровень развития производства и знакомство египетского войска с вооружением народов Азии позволили не только усовершенствовать, но и обновить оружие воинов Нового царства, сделать его гораздо более действенным. Большинство стрелков Нового царства продолжало пользоваться простыми луками (стенная роспись в гробнице Шейх Абд-эль-Гурна). Но фараоны и командиры были вооружены мощными сложными (слоеными) луками, которые решили исход многих сражений. Для придания гибкости и прочности луки эти изготавливали из нескольких слоев дерева (иногда разных сортов), рогов животных и сухожилий, соединенных клеем. Дуга сложного лука, пайденная в гробнице фараона XVIII династии Аменхотепа II (XV в. до н. э.), состоит из твердого дерева, покрытого слоем клея и рогом (Метрополитен-музей). Сложные луки изготавливали в специальных мастерских.

Самое раннее изображение сложного лука дугобразной формы сохранилось на росписи в гробнице Усерхета, царского писца Аменхотепа II в Шейх Абд-эль-Гурне. Сложный лук треугольной формы можно видеть в руках фараона Тутмоса IV, сражающегося на боевой колеснице с сирийскими воинами на колесницах (рельеф на колеснице Тутмоса IV в Каирском музее). Фараоны XIX династии Сети I и его сын Рамсес II (XIV—XIII вв. до н. э.) изображены на рельефах в храмах Карнака и Абу-Симбела с огромными сложными луками в руках. Наряду с этими дорогостоящими луками египетские стрелки продолжали употреблять и простые луки (изображены на стенной росписи в гробнице Шейх Абд-эль-Гурна).

Луки обычно хранили в специальном футляре, который колесничие прикрепляли к кузову колесницы. Треугольные футляры для луков несут слуги, изображенные в гробнице Репамона (XVIII династия). Такой футляр для сложного лука треугольной формы найден в гробнице фараона Тутанхамона. Археологами было найдено много стрел от луков. Их древки сделаны из прочного, гибкого и легкого тростника, медные или бронзовые наконечники имеют шипы. Стрелы хранились в колчанах из кожи или льна,

Рис. 29. Пленные иноземцы (кушиты, азиаты, ливийцы). Роспись в гробнице Сети I. XIX династия. Конец XIV в. до н. э. Фивы

прикреплявшихся к колеснице или подвешивавшихся на ремешке через плечо (роспись в гробнице Пуэмре XVIII династии в Фивах). Стрельба из сложного лука требовала большой физической силы и навыков. Фараон Аменхотеп II хвалился, что, кроме него, никто не мог натянуть его лук. Поэтому молодых стрелков сначала обучали стрельбе из простого лука, а затем уже из сложного, показывая, как надо правильно держать лук и стрелы и попадать в цель. Об этом позволяет судить роспись с изображением стрельбища лучников, сохранившаяся в одной из гробниц XVIII династии в Шейх Абд-эль-Гурна. Позади стреляющего из сложного лука в цель стоит специальный «инструктор» и поправляет его. На рельефе в Карнакском храме изображен фараон Аменхотеп II, тренирующийся в стрельбе из сложных луков в медную мишень.

Со времен Нового царства египетские воины стали широко употреблять мечи с бронзовыми серповидными клинками (рис. 30). На рельефе в Карнакском храме изображен Рамсес III, поражающий азиатов серповидным мечом с широким лезвием. Такими мечами вооружены некоторые воины фараона Эхнатона (рельеф из гробницы в Эль-Амарне; XVIII ди-

Рис. 30. Серповидный меч из гробницы Тутанхамона. XVIII династия. Середина XIV в. до н. э. Египетский музей. Каир

настия). Воины-шерданы, служащие в египетском войске, были вооружены длинными прямыми мечами. Другим распространенным в те времена оружием для рукопашного боя оставались боевые топоры. Подобный боевой топор с бронзовым лезвием, на котором вырезано имя Тутмоса III, хранится в Британском музее.

Новым комплексным оружием, по существу, была и сама колесница, оснащенная сложным луком в треугольном футляре, стрелами и дротиками в колчанах. Колесничие начинали и завершали сражение, с молниеносной быстротой врываясь в гущу вражеского войска, вселяя в него ужас, обращая в бегство побежденных врагов и безжалостно преследуя их. Такие сцены можно увидеть на довольно многочисленных изображениях фараонов, сражавшихся на боевых колесницах и победоносно мчавшихся по живым и мертвым врагам (рис. 31). Художники Нового царства сумели показать эти сцены очень выразительно.

Усовершенствование и обновление метательного, режущего и колющего оружия во времена Нового царства, особенно появление мощного сложного лука, из которого можно было поражать цель на очень дальнем расстоянии, а также режущего и колющего меча, рубящего боевого топора оказали непосредственное влияние на развитие защитного вооружения. В защите тела стали теперь нуждаться не только воины, сражавшиеся в рукопашном бою, но также стрелки и колесничные бойцы, обе руки которых были заняты оружием. Для таких воинов изготавливали пластинчатые панцири. Появление панциря расценивается Ф. Энгельсом как выдающееся техническое достижение человечества, подобное открытию каменного, бронзового и железного оружия, пороха и артиллерии¹. В росписи из гробницы Кенамона (XVIII династия) сохранилось изображение двух пластинчатых панцирей, которые представляют собой длинные прямые рубахи с короткими рукавами и стоячими воротниками; рубахи из кожи или льна покрыты горизонтальными рядами крупных продолговатых пластин с округлым верхом и заостренным нижним краем с отверстиями, посредством которых они прикреплялись крепкой ниткой к основе; на каждой рубахе насчитывают по 450 пластин. Такие пластины (Метрополитен-музей) были найдены в фиванском дворце фараона Амен-

¹ Ф. Энгельс, Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу», — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 650.

хотепа III. Воины, изображенные на стенах гробницы Рамсеса II (XIX династия), одеты в такие же панцири, какие показаны в гробнице Кенамона. Советские археологи рассматривают эти панцири как пластинчатые, а не чешуйчатые, поскольку только заостренные концы пластин верхнего ряда слегка перекрывают нижний. Но на рельефе Рамессеума, изображающем битву под Кадешем, и сам фараон Рамсес II, и его враги — хетты — показаны одетыми в панцири из мелких квадратных пластин (на фараоне очень длинный панцирь — ниже колен, с короткими рукавами, покрытый мелкими пластинками). Полагают, что длинные доспехи из крупных пластин были слишком тяжелы и замена крупных пластин мелкими — это попытка облегчить их.

Древнейший из известных чешуйчатых панцирей принадлежал фараону Шешонку I (X в. до н. э.) или его воину — сохранился фрагмент кожаной основы панциря с прикрепленными к нему мелкими бронзовыми чешуйками, на одной из них вырезан картуш с именем царя. В этом панцире использован новый, более совершенный принцип набора пластин: они крепились на кожаной основе, а между собой — с помощью связи, проходящей через отверстия, расположенные только в верхней части чешуй — по два в верхних углах, одно под другим. Чешуйки крепились в горизонтальные ряды, так что верхний ряд частично перекрывал нижний. В результате такого способа крепления панцири стали более гибкими, упростился и способ их изготовления.

Металлические шлемы были в Египте большой редкостью даже в Поздний период. На изображениях их можно видеть в руках врагов, которые их очень ценили. Обычно на воинах были круглые шапочки из кожи или льна, окрашенные в один цвет или полосами, иногда с круглыми металлическими бляхами.

Щитами во времена Нового царства пользовались не только воины, вооруженные для рукопашного боя, но и колесничные бойцы. Появились специальные щитоносцы, которые прикрывали последних. Были распространены щиты небольшого размера, прямые снизу, закругленные и слегка распиренные сверху, служившие прежде всего для защиты лица и верхней части тела. Такой щит сохранился в гробнице Тутанхамона — он сделан из дерева и покрыт кожей. Щитов требовалось много, поэтому появились специальные мастерские, в которых изготовляли кожаные щиты. В одной из фиванских гробниц XVIII династии сохранилось изображение подобной мастерской. С XIII в. верхнюю часть щитов, предохранявшую лицо, стали укреплять металлическим диском. Во время штурма крепостей щиты носили на спине, для чего к ним были прикреплены ремни. Воины-шерданы, служившие в египетских войсках, защищали себя круглыми щитами с металлическими дисками.

Войска Нового царства были хорошо обучены, тренированы и дисциплинированы. Сохранились сцены, изображающие отряды марширующих лучников и копейщиков. Отряд лучников состоял из шести стрелков и командира, несущего стяг, отряд копейщиков — из шести воинов, трубача и

Рис. 31. Фараон Тутанхамон на боевой колеснице. Роспись на деревянном ларце Тутанхамона. XVIII династия. Середина XIV в. до н. э. Египетский музей. Каир

командира с коротким посохом в руке. Лучники были вооружены луками и, дополнительно, боевыми топорами, копейщики — копьями, топорами и щитами. Копейщики маршировали под звуки трубы — трубач шел впереди отряда, лицом к нему. Такими же дисциплинированными, тесно сомкнутыми рядами пехотные войска сражались на поле боя. Война за освобождение страны от владычества гиксосов закалила боевой дух египетских воинов. В результате всех нововведений в армии, тренировок, обучения и дисциплины кадровые военачальники стали хорошими полководцами. Они покончили с неорганизованными набегами на врагов и разработали тактику и стратегию завоеваний.

Об искусстве ведения войны во времена Нового царства можно судить на основании описаний и изображений двух самых крупных сражений еги-

петской армии фараона Тутмоса III (1504—1450 гг. до н. э.) под Мегиддо и фараона XIX династии Рамсеса II (1301—1235 гг. до н. э.) под Кадешем.

Армия Тутмоса III выступила весной, на 22-м году его правления, из пограничной крепости Чару в северо-восточной части Дельты в поход против коалиции сирийских и палестинских городов, возглавляемых Кадешем, восставшим против владычества Египта. На стене Карнакского храма сохранилась надпись с выдержками из летописи похода Тутмоса III, записанной писцом Ченени, сопровождавшим фараона в походе. В течение десяти дней армия совершила трудный переход по Синайской пустыне до Газы. Узнав от разведчиков, что войска союзников заняли крепость Мегиддо, египетская армия двинулась к южным склонам Кармельских гор. Здесь, опасаясь ловушки, фараон собрал своих военачальников на совет, чтобы обсудить план перехода через горный хребет для нападения на крепость. Отказавшись от благоразумных предложений военачальников идти более широкими обходными путями, царь решил выбрать более короткий, прямой, но узкий путь, который позволял выиграть время и ошеломить врага смелостью и неожиданным появлением армии. Фараон благополучно спустился в долину вместе с передовыми отрядами и после подхода арьергарда армии разбил лагерь к югу от крепости Мегиддо. На следующий день на заре произошло сражение. Перед сражением фараон обратился к войску, стремясь поднять его боевой дух и обещая богатые награды. Египетская армия, состоявшая из пехоты и колесничих, успела до начала атаки занять удобную боевую позицию, развернув свои фланги с юга на северо-запад от Мегиддо, напротив лагеря врага. Армия была разделена на три группы, причем ядром командовал сам фараон. Благодаря хорошей организованности, единоручию и маневренности египетская армия Тутмоса III быстро одержала победу над разрозненными войсками союзников. Но она не сумела воспользоваться плодами своей победы и войти вслед за бегущим врагом в ворота крепости — воины Тутмоса III занялись грабежом лагеря, оставленного врагом. Началась долгая (в течение семи месяцев) осада крепости — египетские воины окружили ее валом и палисадом (из деревьев), чтобы жители не могли выйти за пределы укрепления. Защитников крепости заставил сдаться голод. Взятие крепости Мегиддо имело для Египта большое стратегическое значение, потому что через нее проходила дорога, связывавшая Египет с Месопотамией, Сирией и Анатолией. В один из своих последних походов в Сирию Тутмос III дошел до Евфрата и вторгся в пределы царства Митанни, которое претендовало на господство в Северной Сирии.

Фараон XIX династии Рамсес II пытался восстановить владения Египта в Сирии, север которой захватили хетты. Его поход в Сирию на 5-м году правления завершился знаменитой битвой под Кадешем (ок. 1296 г. до н. э.). Она была воспета в так называемой «Поэме Пентаура» (сохранилось имя писца, а не автора). На стенах храмов Абидоса, Карнака, Луксора, Рамессеума и Абу-Симбела сохранились победные барельефы Рамсе-

са II (рис. 32) и надписи с выдержками из летописи похода и поэмы (ее копии сохранились также на папирусах).

Армия Рамсеса II (колесничие, пехота и иноземные отряды шерданов), разделенная на четыре крупных соединения, названных именами главных богов, шла к сирийской крепости Кадеш (на реке Оронт) двумя разными, заранее намеченными путями: три соединения во главе с фараоном двигались узкими дорогами по Сирии и Палестине, четвертое соединение, состоявшее из отборных воинов, — берегом Средиземного моря. Армия должна была соединиться в долине Оронта перед крепостью. Но Рамсес II, дезориентированный специально подосланными к нему хеттами-перебежчиками, уверившими его, что войско хеттов отошло на север, оторвался с одним соединением от двух других, переправлявшихся через реку Оронт. Рамсес II разбил лагерь на северо-запад от Кадеша и созвал военный совет. А в это время колесничные войска хеттов, стоявшие к югу от Кадеша, переправились через реку и неожиданно напали сначала на египетское соединение, отставшее у переправы и не готовое к бою, а затем на лагерь Рамсеса II. И тем не менее хетты не смогли одержать победу над египетской армией вследствие того, что к ней на помощь вовремя подошло четвертое соединение. Это соединение, шедшее берегом моря, нанесло удар хеттскому войску с тыла. Сыграло определенную роль и мужество Рамсеса II, который применил тактику нападения при прорыве, хотя и был окружен колесничными войсками хеттов.

Таким образом, перед походом в Сирию египетскую армию собирали в юго-западной части Дельты. Походы обычно совершали весной и летом. Во время походов войска двигались по заранее намеченному плану, который обсуждался на военных советах фараона с военачальниками. В армии имела служба разведки, связь осуществляли верховые гонцы. Во время стоянок и при осаде крепости разбивали лагери, в центре которых стояла царская палатка, из нее шли приказы фараона войску. Непосредственной осаде крепости обычно предшествовало сражение на подступах к ней. Фараон перед битвой обращался с речью к войску и сам принимал непосредственное участие в сражении; его колесницу в походе обычно сопровождал боевой лев. Египетской армии были хорошо известны осадные работы.

Обычай извещать врага о времени и месте битвы, позднее возведенный в закон, существовал уже во времена Тутмоса III. Однако на практике враги пытались устроить друг другу ловушки и застать вражескую армию врасплох. Война заканчивалась заключением мирных договоров о неприкосновенности границ и помощи войсками союзникам.

Во времена Нового царства в Египте наряду с пехотными и колесничными войсками действовал военный флот. Египетская военная флотилия в сражении впервые представлена на рельефе XX династии в храме Рамсеса III (1198—1166 гг. до н. э.) в Мединет-Абу. Рельеф изображает морскую битву египтян с «морскими народами» (филистимлянами, данайцами, сицилийцами), которая произошла, вероятно, в устье Нила. Все

*Рис. 32. Победный рельеф Рамсеса II. XIX династия XIII в.
до н. э. Египетский музей. Каир*

девять судов (египетские и вражеские) парусные, имеют лишь один рей, укрепленный на мачте с марсом, на котором стоит наблюдатель с пращей. Паруса убраны, чтобы не мешали вести бой. Суда плоскодонные, нос и корма подняты (особенно высоко у вражеских судов), на носу египетских кораблей вырезана голова льва. Некоторые суда настолько сблизились друг с другом, что воины ведут рукопашный бой, переходя с одного корабля на другой. Они вооружены луками, копьями и щитами. Египетский военный флот, поддерживаемый лучниками с берега, победил «морские народы», которые переселились с севера, двигаясь вдоль сирийского побережья.

В Позднем Египте (XI—VI вв. до н. э.) армия состояла почти исключительно из иноземных воинов (ливийцев, кушитов, греков), вербуемых среди военнопленных и наемников. Страна наводняется военными поселенцами, которые начинают возводить на престол своих ставленников. Армия состояла из хорошо вооруженных воинов-профессионалов (с VII в. до н. э. — оружием, сделанным из железа). Но, как и на всякую армию из наемников, на нее нельзя было положиться в борьбе с внешним врагом. Армия наемников не смогла в 525 г. до н. э. противостоять вторжению персидских войск в Египет.

ЖИЛИЩЕ, ПИЩА, ОДЕЖДА И ОБРАЗ ЖИЗНИ

Уже в эпоху неолита земледельцы Египта вели оседлый образ жизни на юге Дельты и в Фаюме. Жители фаюмских поселений на северном берегу озера оставили после себя только очаги и житницы, в которых они хранили урожай. Но на юго-западе Дельты археологи открыли неолитическое поселение возле современного Меримде с хижинами, расположенными по обе стороны узкой, кривой улочки. Сохранившиеся фундаменты жилищ показывают, что они были построены по овальному или круглому плану, что нашло отражение в иероглифическом знаке для обозначения города и поселения. Хижинки из соломы и тростника были покрыты сверху тростниковой циновкой, поддерживаемой двумя деревянными столбами. Пол, немного врытый в почву, выкладывали слоем ила. Иногда в него закапывали глиняный сосуд, куда собирали дождевую воду. Следов дверей не обнаружено, входили в хижину через отверстие, под которым находилась ступенька — кость гиппопотама или палка, закрепленные в песке. Поселение с такими хижинами археологи открыли на юго-востоке Дельты, возле Эль-Омари. Легкие стены хижин в Меримде и Эль-Омари кроме деревянных столбов поддерживали также большие блоки из ила, смешанного с соломой, — предшественники кирпича-сырца.

В энеолитическую эпоху ранние земледельцы нагорья спустились в долину Нила и обосновались в ряде поселений — в Хемамийе, Махасне, Абидосе и Маади. Свои хижины из соломы и тростника они укрепляли

большим количеством ила и камней. Жилища в Махасне и Маади стали сооружать уже прямоугольными. Сохранилась глиняная модель дома из Эль-Амра того же времени с наклоненными внутрь стенами, дверью, имеющей перемычку, и двумя маленькими окнами, расположенными довольно высоко на стене, противоположной двери. Стены жилищ покрывали штукатуркой, деревянными планками или циновками.

На протяжении Раннего и Древнего царств долина и Дельта Нила покрылись многочисленными селами и городами. Поселение, раскопанное в Эль-Кабе, построено еще по круглому плану. Два других ранних поселения в Гелиополе и Иераконполе имели прямоугольный план с двумя главными пересекающимися улицами — дорогами и домами, расположенными по обе их стороны. Он послужил основой плана и более поздних городов, раскопанных в Эль-Лахуне и Эль-Амарне.

Нижний Египет, окончательно замиренный в конце II династии, стал во времена Древнего царства политическим центром страны. Здесь находилась и столица «Белые стены», позднее названная греками Мемфис. От городов того периода сохранилось мало (только пригороды Мемфиса и некрополи). Развалины строений из кирпича-сырца были погребены под более поздними поселениями и пашнями. Припирамидные поселения, расположенные на краю пустыни, сохранились лучше, чем города болотистой Дельты и долины Нила, где поколение за поколением старалось использовать под пахоту каждый клочок плодородной земли. Они были открыты в северной части некрополя Дашура при одной из пирамид царя Снофу, в Гизе, возле долинного храма царя Менакаура, и к востоку от гробницы его дочери — царицы Хенткавес. В них жили жрецы и ремесленники. Лучше других сохранилось поселение вблизи гробницы Хенткавес. Оно состояло из трех групп разных по величине домов, построенных из оштукатуренного кирпича-сырца.

В первую группу входили большие дома, расположенные в непосредственной близости от храма. Во вторую группу — дома средней величины, располагавшиеся около гробницы. Маленькие дома, образующие третью группу, находились к северу от храма. Житницы и склады при отдельных домах и группах жилищ тоже различались по размерам соответственно имущественной дифференциации населения.

К западу от пирамиды царя Хафра в Гизе Ф. Питри раскопал огромные кирпичные своды барakov для четырех тысяч рабочих, постоянно используемых на ее строительстве. Стены барakov сложены из грубых блоков известняка. Мощеная дорога в середине поселения вела к пирамиде.

Представление о жилищах Древнего царства позволяют составить данные раскопок поселений и некрополей Раннего и Древнего царств, дополненные глиняными моделями «домов двойника», которые копировали основные черты жилых домов. Дома складывались из кирпича-сырца, изготовленного из нильского ила с добавлением песка и рубленой соломы. Крыши делались из того же материала плоскими, сводчатыми или куполо-

образными. Размеры домов свидетельствуют о значительном имущественном неравенстве их владельцев. Среди глиняных моделей встречаются простые дворы с укрытиями и дома с террасами, на которых устраивали зернохранилища. Терраса дома могла быть использована под постройку второго этажа.

Двухэтажные дома имели портики с колоннадой, наверх вела боковая лестница. Цилиндрические колонны с капителями в виде лотоса или пальмовых листьев были деревянными. В потолке комнат нижнего этажа устраивали вентиляционные отверстия. Окна, иногда с деревянной решеткой, помещали высоко на боковой или задней стене дома. Дверные проемы имели карнизы. Основные архитектурные элементы домов Древнего царства (двери, окна, колонны) были уже типичными для египетской гражданской архитектуры. В более зажиточных домах устраивались ванны помещения и уборные. Ванная комната, построенная в одной гробнице II династии в Саккара, имела «душ» — вода текла через плетеное сито или корзину.

Непрерывной принадлежностью дома был очаг. В небогатых домах его складывали из камней, топливом служили засохшие ветви фруктовых деревьев и навоз. В зажиточных домах строили печи цилиндрической формы с дверцей внизу для извлечения золы. Топливо (дерево или древесный уголь) закладывали сверху. В усадьбах вельмож устраивали специальные печи для выпечки хлеба. Огонь добывали быстрым вращением сухого прута на куске пальмового дерева.

О больших усадебных домах — особняках знати — можно судить по царскому павильону, открытому в Саккара за оградой пирамидных сооружений царя III династии Джосера. Дом, построенный по прямоугольному плану, был разделен на две половины — служебную и жилую: широкий приемный зал, потолок которого поддерживался двумя колоннами, боковая сторожка и длинный зал с одной колонной, соединяющий боковые комнаты с жилыми помещениями (прихожей, спальней и комнатами разного назначения). План большого дома получил дальнейшее развитие в усадьбах Эль-Амарны. Надписи и рельефы Древнего царства свидетельствуют о том, что к домам вельмож в усадьбах примыкал двор с хозяйственными пристройками и фруктовый сад с виноградником и водоемом. На рельефах обычно бывает показан только колонный зал и двор с зернохранилищами и кухней. Амбары имели форму либо круглой башни, известной еще с додинастических времен, либо четырехугольной башни, иногда с портиком, который поддерживали колонны с карнизами в виде цветка лотоса или листьев пальмы. На рельефах нередко изображали внутренние помещения ремесленных мастерских, птичий двор с прудами и хлев усадеб. Крыши служб обычно покоились на колоннах. Земельные владения больших и богатых домохозяев с дворами и селениями были разбросаны по разным областям Нижнего и Верхнего Египта.

Дома зажиточной, но не столь знатной и богатой части населения представлены в припирамидном поселении жрецов и мастеров в Гизе. Они по-

строены по прямоугольному плану с несимметрично расположенными длинными узкими комнатами; имеют два входа: южный (главный) — от священной дороги, северный — с улицы. Южный вход вел в покой, скрытый за стеной, за ним следовала приемная; в центре находился двор, который отделял служебные помещения от жилых — двух сообщающихся спален, туалета и хранилища. Дома менее зажиточного населения были построены по такому же плану, но не имели приемных и были меньшего размера.

Дома мелких служащих и низших писцов были совсем маленькими и тесными. Их можно было купить дешево — в обмен на кровать и два отреза ткани (купчая писца Ченти; V династия).

Рабочий люд «дворов» и «селений» жил в простых тростниковых хижинах, обмазанных илом и покрытых циновками, с глинобитным полом.

О жилищах Среднего царства позволяют судить глиняные модели домов — «дома двойников», более многочисленные, чем в Древнем царстве. Наши сведения о них дополняют материалы раскопок. Дома продолжали строить из кирпича-сырца, стены штукатурили и раскрашивали горизонтальными красными полосами, позднее гребешками на белом фоне. Крышу делали сводчатой, иногда ребристой, часто куполообразной. Дверные проемы украшали лепными карнизами. Одна из моделей дома имеет створку двери. Закрытые решеткой окна прямоугольной формы с лепным верхом и выступающим подоконником помещались высоко. Для первого этажа были характерны низкие широкие окна. Цилиндрические колонны на плоской базе в моделях более позднего времени увенчаны пальмовыми капителями, иногда абакой. В богатых домах имелась ванная комната, о чем сообщает Синухет в своей повести. В городах стали уделять большое внимание водоснабжению населения. Полагают, что питьевая вода в глиняных сосудах хранилась в специальных помещениях, за которыми вело наблюдение особое должностное лицо, как в средневековом Египте.

Модели жилищ дают представление о городских одноэтажных, двухэтажных и трехэтажных домах. Все дома имели галереи и колонные порталы с несколькими ступеньками. Галереи бывали разными. Дом, расположенный в задней части двора, окруженного с трех сторон невысокой стеной, имел галерею с балюстрадой и двумя отдушинами. На портале с двумя-четырьмя колоннами в помещения дома вели одна или две, а то и три двери. К галерее поднималась одно- или двухмаршевая лестница, иногда витая. Во дворе находился водоем прямоугольной формы, изредка укрытый навесом. Такое расположение жилища было характерно также для особняков XII династии, раскопанных в Эль-Лахуне. Некоторые модели дома показывают иное устройство галереи: над отдушинами и балюстрадой крыши первого этажа сооружен навес, поддерживаемый тремя или четырьмя колоннами. Такое колонное укрытие спасало от жгучих лучей египетского солнца и влажности холодной ночи. Иногда портик, поддерживаемый колоннами, тянулся во всю ширину дома.

Встречаются модели домов с двумя террасами — нижней и верхней, к которой от крыши портика поднималась маленькая лестница. Одноэтажный тип дома с укрытием на террасе был переходной стадией к строительству двухэтажных домов. Фасад второго этажа обычно образовывал портик, поддерживаемый более низкими колоннами, чем в нижнем этаже, с капителями в виде пальмовых листьев. Иногда в верхнем этаже имелось больше колонн, чем в нижнем. Лестница вдоль боковой стены вела на второй этаж и доходила до террасы над ним, где были устроены вентиляционные отдушины. Дом и двор стали окружать оградой, в центре которой имелся вход.

В небогатых одноэтажных домах Среднего царства было по несколько комнат, которые выходили к расположенному вдоль фасада портику. В более зажиточных домах передний зал, иногда с колонной в центре, окружали с двух или трех сторон комнаты. На террасах часто помещали лари с зерном. В верхнем этаже двухэтажного дома нередко располагались спальни хозяина. Городское население средних слоев жило в двух- и трехэтажных домах. Модель из гробницы Аменемхета (XII династия) в Эль-Берше представляет трехэтажный дом в виде башни с квадратным основанием, поднимающейся в углу длинного прямоугольного двора. Это сооружение напоминает башню дворцового типа времени Древнего царства, зафиксированную в знаке иероглифа «дворец». Верхний край башни имел уступы, низ ее был раскрашен. Окна располагались на разном уровне от земли: над входной дверью высокое прямоугольное окно первого этажа, над ним — маленькое широкое окно второго этажа, на другой стене окно находилось посредине, на третьей имелись два окна во втором и третьем этажах, на четвертой — три низких широких окна на всех этажах. Окна защищались деревянными решетками и перекрывались перемычками с карпизами.

Модель в гробнице царевича Мекетра, как и изображения на рельефах, воспроизводит только портик дома с двумя рядами колонн, по четыре в каждом: передний ряд колонн в виде пучка лотосов, задний — в форме связки папирусов; те и другие деревянные и раскрашенные. Высокая ограда окружает сад с искусственным, выложенным медью водоемом, обсаженным с трех сторон деревьями.

В Эль-Лахуне было раскопано Ф. Питри поселение мастеров, художников и чиновников, занятых строительством пирамиды фараона Сенусерта II (1897—1879 гг. до н. э.). Построенный по правильному геометрическому плану, город, напоминающий поселение мастеров и жрецов Древнего царства в Гизе, только более крупного масштаба, был разделен на отдельные кварталы с однотипными домами в каждом, причем дома соприкасались стенами. Размеры и устройство жилищ этого поселения показывают большую имущественную дифференциацию его населения. Большие дома чиновников — особняки, построенные вдоль северной улицы, имели площадь $40 \times 60 \text{ м} = 2400 \text{ кв. м}$ — она равнялась площади четырнадцати домов средней величины ($10,5 \times 16 \text{ м} = 168 \text{ кв. м}$) или двадцати пяти ма-

леньких-домов (9,5×9,6 м=95 кв. м). Кварталы были разделены на участки, включающие несколько однотипных домов с одинаково расположенными входными дверями. Фасады особняков выходили большей частью на север и юг, маленьких домов восточной части поселения — на восток или запад. В северо-западном углу квартала больших домов, где находилось восемь-девять особняков, располагался дворец Сенусерта II.

Особняки, построенные по асимметричному плану, состояли из четырех частей: комнаты хозяина, гарема, помещений служащих, а также служебных и хозяйственных помещений. Каждая секция дома имела свой двор, часто окруженный портиком с колоннами, и длинный коридор, ведущий к входу. Спальни и жилые помещения обычно располагались в северной части дома и проветривались через вентиляционные отверстия на крыше. Главный большой двор с колоннадой портика соединялся с жилыми помещениями так, как это показывает модель дома из гробницы царевича Мекетра. Зал, превышающий по размерам комнаты, украшали от двух до четырех колонн, поддерживающих к тому же потолок. В углу спальной комнаты имелся альков, где обычно стояло ложе. Со спальней соединялась ванная комната.

В домах, расположенных фасадом на север, центральные помещения находились примерно в середине продольной оси, а в домах, обращенных к югу, они сдвинуты в этом направлении. Входная дверь из портика открывалась в прихожую, которая соединялась с двумя приемными залами с колоннами и спальней хозяина. Сзади находились жилые и вспомогательные помещения, в том числе ванная и уборная. Две группы комнат гарема были расположены вокруг двух дворов, с востока и запада. Каждая из них состояла из квадратного дворика, окруженного колонным портиком, жилой комнаты, спальни, ванной и кладовой. Каждая группа особняков имела общий двор с портиком на южной стороне и помещением для сторожа. На холме высился дворец фараона или верховного сановника, обнесенный массивной стеной. К нему вели сквер, одна широкая и две маленькие лестницы.

Дома среднего размера и маленькие были расположены в восточной части поселения, за пределами его основной части. Дома среднего размера протянулись рядами с востока на запад, маленькие — с севера на юг. Асимметричные планы этих домов напоминают жилища жрецов Древнего царства в пирамидном поселении в Гизе: в центре находится двор, окруженный комнатами — числом от двух до двенадцати, коридоров нет. Двор мог быть перекрыт крышей целиком или частично, воздух и свет проникали в него через отверстия сверху.

На западной окраине Фив, в пустынной долине Дейр-эль-Медина, фараон Тутмос I построил скромное поселение для мастеров, художников, скульпторов и чиновников, занятых сооружением скальных гробниц Фиванского некрополя, которое просуществовало около четырехсот лет. Первоначальное поселение прямоугольного плана с одной центральной улицей, обнесенной стеной, позднее значительно разрослось. Стены города несколь-

ко раз перестраивались, охватывая новые кварталы. Второстепенные улицы пересекали под прямым углом главную. Стены домов вплотную примыкали друг к другу. По-видимому, наряду с одноэтажными домами в поселении имелись и двухэтажные. Несмотря на скученность жилищ и сравнительно долгое существование города, уровень его улиц не повысился с течением времени от выбрасываемого населением мусора. Следовательно, население следило за чистотой улиц. У северных ворот города был устроен большой общественный водоем, в котором сохранялись запасы воды.

На восточном берегу Нила, южнее Гермополя, фараон Аменхотеп IV (Эхнатон) на 5-м году своего правления основал новую столицу — Ахетатон («Горизонт Атона»), которая была внезапно покинута населением вскоре после его смерти. Поэтому развалины города хорошо сохранились. Он был расположен между Нилом и полукольцом пустынных гор. Центральная улица города шла параллельно Нилу, пересекаясь с другими, которые вели на пристань, в некрополь и к алебастровым каменоломням. Город, построенный с размахом и роскошью, утопал в парках и садах. Он делился на три основные части. Главная — в центре — состояла из храмов бога Атона, дворца, предназначенного для официальных приемов, административных зданий и складов. Здесь же был расположен жилой квартал города, где скромные дома мелких служащих, торговцев и низших жрецов сменялись богатыми особняками знати.

К востоку от центральной части был построен другой дворец, в котором жил фараон со своей семьей, придворными и слугами, находились служебные помещения и секретариат. Эту часть соединял с центром мост. В северной части города был сооружен дворец супруги фараона Нефертити. На южной окраине города располагалась усадьба Мару-Атон возлюбленной царя Эхнатона — Кийи, — позднее принадлежавшая его дочери, именем которой эту усадьбу и называют. Усадьба изобиловала парками, прудами разной формы, беседками и павильонами.

В стороне от города, к востоку, были размещены мастера, художники, скульпторы, рабочие некрополя и каменоломен. Их поселение по плану напоминает построенное во времена Среднего царства в Эль-Лахуне, но занимает меньшую площадь. Поселение разделялось на восточную и западную части, причем первая в 2,5 раза шире второй. Вдоль северной стороны шла улица, которая пересекалась с другими, идущими с севера на юг. Единобразно построенные дома вплотную примыкали друг к другу. Их фасады, за исключением домов, расположенных на западной стороне, выходили на запад, а кухни и ваннные помещения (зажиточных домов) — на восток. Удобная ориентация жилищ позволяла их обитателям получать как можно больше солнечного света: утром лучи восходящего солнца освещали ванную и кухню, вечером, когда мастера возвращались с работы, в переднем дворе и жилых помещениях было еще светло. Внешние стены домов строители выкладывали из кирпичей, внутренние перегородки делали тоньше, из половины кирпича, что тоже было нововведением.

Развалины домов в Эль-Амарне свидетельствуют об однообразии их планов. Богатые дома — особняки знати были окружены несколькими дворами и садами, обнесены стеной с двумя входами. В одной из таких раскопанных археологами усадеб от главного входа вела дорожка, обсаженная деревьями, мимо молельни, к небольшому дворику, в котором стоял на некотором возвышении дом. По нескольким ступенькам лестницы поднимались в его крытый подъезд, откуда через сени попадали в приемные помещения — удлиненный и квадратный залы, оба с четырьмя колоннами, поддерживающими крышу. За ними находились гардеробная комната с «ларями», сложенными из кирпичей, в которых хранилось белье и платье, и кладовые с запасами продуктов и напитков.

Остальные помещения занимали апартаменты хозяев с ванной и уборной. В отличие от больших домов Среднего царства в Эль-Лахуне особняки Ахетатона не имели отдельных помещений для гарема, поскольку положение жены домохозяина стало к тому времени столь высоким, что давало ей право пользоваться одними помещениями с мужем. Как показали раскопки, во дворцах Эхнатона в Ахетатоне, Аменхотепа III в Фивах и Рамсе-са III в Мединет-Абу сохранились специальные помещения для гарема. Стены ванной комнаты в богатых домах Ахетатона были выложены камнем. В одном из углов находилась каменная плита, окруженная заслоном. Позади него мог стоять слуга и поливать водой моющегося хозяина. За ванной находилась уборная, побеленная известью. Комнаты домов освещались через окна в стенах, расположенные довольно высоко от пола.

В одном из дворов стояли зернохранилища, по форме напоминающие большие ульи. Хлев, конюшню и псарню устраивали в северной части усадьбы, кухню, пекарню и домики для слуг — в восточной. В тесных помещениях слуг и рабов семья иногда ютилась вместе со скотом. Дома управляющих в конце этого жилого квартала были достаточно просторны и удобны. Питьевую воду обычно доставали из колодца, выложенного камнем.

Сады и парки с прудами тянулись иногда на несколько гектаров. Они были засажены смоковницами, пальмами, гранатовыми деревьями, акациями, окружены высокими сикоморами, благоухали цветами. Среди зелени были проложены аллеи, затененные виноградными лозами. Под деревьями нередко сооружались из легкого материала изящные беседки, в которых хозяину подавали еду. В саду обязательно были вырыты водоемы — из них поливали растения. В прудах, заросших водяными лилиями, плавали барки.

Городские дома зажиточных слоев населения строились иногда в несколько этажей. Нижний этаж освещался только через дверь. Во втором и третьем этажах было от двух до восьми окон. Они были маленькие, четырехугольной формы, закрывались шторами от жары и пыли. В фиванском доме Джхутинефера нижний этаж был отведен ремесленникам, второй и третий этажи занимала семья хозяина. Во втором этаже дома начальника полиции Меху находился обеденный зал, в третьем этаже —

склад оружия и домашней утвари. Крыши домов, как правило, были плоскими. На них часто устраивали зернохранилища.

Планировка маленьких домов низших слоев населения Нового царства была упрощена: в них не было приемных залов, помещений для слуг и рабов. Хозяйственные пристройки отсутствовали, вместо садов возле дверей дома росли иногда всего два дерева.

Внутреннее убранство простых жилищ ограничивалось циновками, на которых спали и сидели. В домах зажиточных людей стояла изящная мебель: ложа, сиденья, кресла, столики, скамеечки и лари. Сколько искусными были столы уже во времена Древнего царства, показывают находки в потайной усыпальнице матери фараона Хуфу — царицы Хетепхерес (IV династия). Усыпальница была заполнена инкрустированной и позолоченной мебелью и ларями с различной утварью, туалетными принадлежностями и украшениями. Реставрированная учеными и художниками обстановка из дворцовых покоев Хетепхерес (балдахин, ложе-кровать, паланкин, два кресла с подлокотниками и лари) заняла в Каирском музее достойное место — рядом с «золотым кладом» из гробницы фараона Тутанхамона.

Но если в росписи гробницы Хесира (III династия) ложе изображено с ножками только у изголовья (другой его конец просто упирается в землю), то кровать Хетепхерес уже обычной формы — на четырех ножках в виде львиных лап, причем задние, над которыми поставлена доска для упора ног, сделаны все же короче, чем передние, чтобы голова лежащего находилась выше ног. На рельефах Древнего царства изображены матрасы, положенные на кровать, и подголовники, поставленные в изголовье (рис. 33).

Судя по росписям, наряду с белыми матрасами употребляли и пестро окрашенные. Подголовники часто художественно выполнены из алебастра, например подголовник из гробницы Мерира (Древнее царство), дерева и слоновой кости, но иногда сделаны просто из глины или кожи, натянутой на раму (в виде раскладного стула). Превосходной работы кровати Нового царства сохранились в гробницах фараона Тутанхамона, а также Иуи и Туи. На досках для упора ног с большим вкусом вырезаны изображения богов — хранителей домашнего очага — Беса, Сохмет, Тауэрт. Роскошная массивная кровать Тутанхамона сделана из черного дерева, украшена золотом и инкрустацией из слоновой кости.

Со времен Раннего царства появляются сиденья без спинок, с ножками в виде бычьих или львиных лап. Но кресла Хетепхерес уже имеют спинки и подлокотники, искусно инкрустированные и позолоченные. Сиденья стульев и спинки кресел вставлялись в рамы. Стулья часто очень низкие — их сиденья не выше 20—30 см от земли. На росписях в гробницах Нового царства на таких стульях можно видеть дам, сидящих с высоко поднятыми коленями.

Большое распространение в древнем Египте получили паланкины. Трон царя тоже часто выносили на носилках.

От времени Среднего царства сохранился своего рода двойной стул типа пезлонга со спинкой и длинным, но узким сиденьем, рассчитанным на двух человек. Обычные сиденья Нового царства и более позднего времени имели высокие спинки, на сиденье часто лежала подушка, подлокотники отсутствовали (рис. 34). Парадные троны сохранились в гробницах Тутанхамона, Иуи и Туи. Они средней высоты, спинки и боковые части украшены резьбой, золотом, ножки закреплены посередине второй рамой. На позолоченной и выложенной полудрагоценными камнями спинке тронов часто изображен фараон в окружении приближенных или боги. Подлокотники обычно заканчивались головой льва, вырезанной из дерева. Встречаются троны в виде позолоченной скамейки с вогнутым сиденьем и подушкой на нем. Такой трон был у Рамсеса II. Ножки тронов обычно выточены в форме львиных лап.

От позднего времени сохранились изящные стулья из черного (эбенового) дерева с кожаным сиденьем-подушкой.

Со времен Среднего царства излюбленными сиденьями египтян стали складные стулья — сначала они предназначались для вельмож, с Нового царства — также для царей (рис. 35). Тутанхамон изображен сидящим на таком стуле, покрытом львиной шкурой. У Рамсеса III был раскладной трон с высокой спинкой и подушкой. Только женщинам не полагалось сидеть на раскладных стульях.

Слуги и работники времен Древнего и Среднего царств большей частью сидели прямо на земле, на циновках или колодах дерева, изредка — на табуретах. С Нового царства они начинают пользоваться скамейками кубической формы или трехногими табуретами с изогнутыми на концах ножками.

Столы различались по форме в зависимости от назначения. Сохранились деревянные прямоугольные столики па четырех ножках разной высоты, иногда с полочками внутри, простые, ничем не украшенные. Такие столики использовались как подставки для сосудов, блюд с разными яствами и украшений. Но за ними никогда не сидели во время еды. Роспись

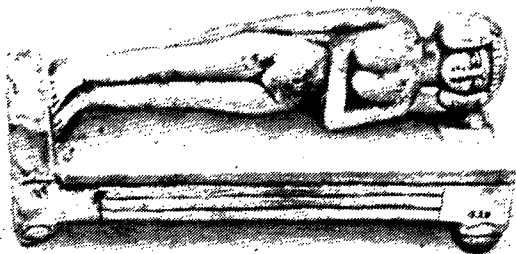

Рис. 33. Кровать с подголовником и фигурой спящей женщины. Модель. Крашенный известняк. XVI в. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

из Эль-Амарны показывает мясные блюда, поставленные на такие столики во дворце Эхнатона. Обычно для еды служили столики на одной низкой ножке (из камня, дерева или плетенки), напоминающие жертвенные. Сохранился такой алебастровый столик Древнего царства. В период Нового царства появляются жертвенные столы на двух подставках, а ножку обеденного стола делают выше.

Утварь и одежду египтяне держали в ларях, которые со времен Древнего царства обычно украшали иероглифическими знаками «жизнь» и «вечность». Разнообразные лари из алебаstra и дерева, инкрустированного слоновой костью, со своеобразными запорами на крышке обнаружены в гробнице Тутанхамона.

Основной пищевой рацион трудового люда древнего Египта составляли ячменные и пшеничные лепешки, каша из пшеницы-эммера (из-за твердой оболочки зерна она была менее пригодна для хлебопечения), сушеная рыба, овощи (огурцы, чеснок, лук и салат-латук) и ячменное пиво. На рельефах в сценах жатвы часто показаны плетеные кошельки с пивными сосудами, заткнутыми пробками из нильского ила, сосудами с водой и пучками салата, а также корзины, наполненные хлебами разной формы. Сохранились рельефы, изображающие раздачу сушеной рыбы работникам. Пастухам иногда удавалось полакомиться мясом: на одном рельефе Древнего царства можно видеть, как пастухи, забив козу и разделав тушу, варят в горшке над костром куски мяса. Но обычно они довольствовались хлебом, который сами выпекали в золе.

Хлеба и пива требовалось много, поэтому его производством занимались в специальных заведениях, называемых «домами пшнау». При за-

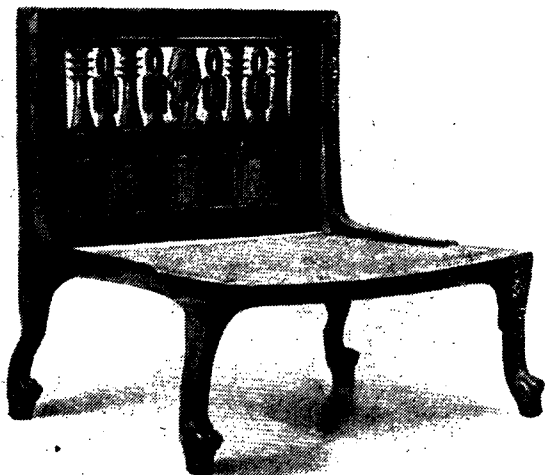

Рис. 34. Кресло из самшита и черного дерева. Из гробницы Хетнефера. XVIII династия. Начало XV в. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

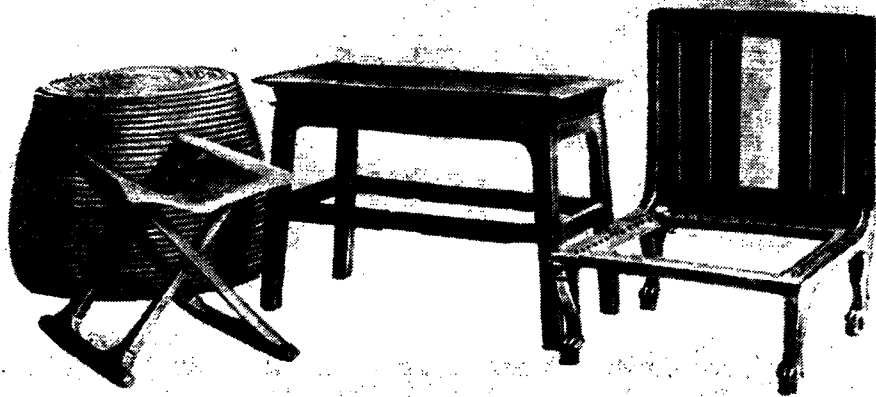

Рис. 35. Мебель: складной стул, стол, стул, корзина. XII—XVIII династии. XX—XIV вв. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

мешивании теста употребляли закваску, с Нового царства появились дрожжи.

Зажиточные слои населения питались мясом и дичью, хлебом и пирогами, молоком и сыром, фруктами и овощами, пили вино, медовый напиток и пиво. На рельефах и в росписях гробниц часто встречаются сцены убоя быков как ритуального действия. Ели говядину главным образом по праздникам. Мясо варили, сушили и жарили. Поварами были большей частью мужчины. Мясо и рыбу сушили на солнце. Иногда рыбу сушили сами рыбаки — на рыболовных судах можно видеть подвешенную на веревках рыбу.

Религиозные запреты касались только свинины и в некоторых областях — рыбы.

Одежда египтян ранних периодов отличалась простотой. В условиях жаркого климата население не нуждалось в теплом платье, а трудовой люд во время работы тяготился даже легкими набедренными повязками. На рельефах Древнего царства многие работники изображены голыми, особенно часто пастухи, подпаски, птицеловы, рыбаки и лодочники, которым приходилось подолгу оставаться в воде. Зернотерпицы и месильщицы теста, труд которых был особенно тяжелым, работали облаженными до пояса (рис. 36). Дети обходились без всякой одежды. Птицеловы и рыбаки часто довольствовались кожаными повязками, опоясывающими бедра, с двумя полосками спереди. На пекарях, горшечниках и рыбаках иногда можно видеть короткие рубахи без рукавов, сделанные из грубой ткани.

Охотники носили закрепленные на одном плече костюмы из полосатой ткани, имитировавшие шкуру пантеры (рельеф в гробнице Птахотепа; вторая половина Древнего царства).

В процессиях представителей селений, шествующих к дому или гробнице вельможи со всевозможными приношениями, как мужчины, так и женщины одеты в праздничную одежду из белого полотна: мужчины — в узкие юбки до колен, женщины — в длинные (до щиколоток), плотно облегающие тело рубахи на одной или двух лямках. Эта традиционная одежда древних египтян и в более поздние времена оставалась основной, хотя видоизменялась и усложнялась. Старшие пастухи и птицеводы, а также сельские старосты носили широкие торчащие юбки-передники. Танцовщицы уже в те времена выступали в одних коротких юбках.

Одежда вельмож и даже царей Древнего царства была относительно простой, но полотно, из которого она была сделана, отличалось необыкновенной тонкостью, о чем свидетельствуют найденные остатки тканей. Разные формы одежды часто имели символическое значение, связанное с исполнением ритуала или общественным положением лица. К одежде царей могли прикасаться лишь немпогие избранные, поскольку считалось, что она обладает магической силой. Совершению царского туалета придавали настолько большое значение, что впоследствии включили его в ежедневный ритуал богов. Цари и жрецы совершали религиозные обряды в архаической одежде, которую они снимали по окончании церемонии. Хвост животного, привязанный сзади к поясу юбочки додинастических воинов-охотников (изображение на палетке, хранящейся в Британском музее), во времена I династии стал частью официальной одежды царей и богов. В таком одеянии с привязанным сзади бычьим хвостом изображен царь Нармер на обеих сторонах палетки Нармера. Во время празднования тридцатилетнего юбилея царской власти («хеб-седа») фараона облачали в простую короткую плащ (во времена I—III династий и Нового царства он мог быть и длинным) и венец, напоминающий колпак (его могли заменять венцами Верхнего и Нижнего Египта, а также двойной короной). Сохранились статуи царей Хасехема (II династия), Джосера (III династия) и фараонов Среднего, Нового и Позднего царств, облаченных в одежду, надеваемую во время «хеб-седа». Жрецы, которые обычно носили длинные юбки-передники, при исполнении некоторых обрядов оставались только в набедренных повязках. Статуи Хафра и Менкаура запечатлели царей IV династии одетыми в набедренные повязки (с трапециевидной средней частью и поясом) из тонкого, сложенного мелкими складками полотна.

В начале Древнего царства обычной одеждой вельмож были простые узкие юбки без пояса, выше колен, сделанные из тонкого полотна. Статуя царевича Рахотепа (Каирский музей) изображает его в такой юбке. Но уже с конца IV династии покрой юбки становится более сложным — появляются вертикально или косо уложенные мелкие складки и свободно ниспадающий край с каймой. При V—VI династиях получают распространение широкие юбки с выступающим вперед передником; чтобы передни-

Рис. 36. Статуэтка рабыни, растирающей зерно. Известняк. VI династия. XXIV—XXII вв. до н. э. Египетский музей. Каир

ки лучше держались, в их канты вставляли палочки или пальмовые листья. Широкие юбки-передники, удлиненные до икр, стали излюбленной одеждой тучных вельмож. При VI династии такие юбки-передники часто делали из клетчатой ткани.

Знатные женщины времен Древнего царства, как и их служанки, носили длинные, обтягивающие фигуру рубахи на лямках. Только полотно у них было тоньше, а лямки более разнообразны, чем у прислужниц. Такая рубаха была надета на мумии, обнаруженной археологами в гробнице Гизе V династии. В отличие от изображенных на рельефах лямки здесь полностью закрывали грудь. Судя по одной статуе начала Древнего царства, лямки вместе с рубашкой кроились из одного куска ткани. С IV династии лямки стали делать отрезными и пришивать ниже груди, но вырез по-прежнему оставляли остроугольным. Широкие лямки иногда были покрыты узорами. Рубашки такой формы оставались основной одеждой женщин вплоть до Нового царства.

Поверх рубашки знатные женщины набрасывали плащ. На царевне Нефрет (статуя в Каирском музее) надет белый плащ с большим полукруглым вырезом, оставляющим плечи открытыми; из-под верхней части плаща видны две широкие лямки рубахи (см. рис. на стр. 378). Такой плащ был простым четырехугольным куском ткани, который придерживали рукой на груди. Плащ другой формы, уложенный складками, носила царица Хамерернебти, накинув его на одно плечо. Иногда на рубашки надевали сетки, сплетенные из бус.

Однако покрой и форма одежды знати Древнего царства определялись не столько модой, сколько ритуальным и служебным назначением. Юноши, достигшие зрелости, надевали опоясанные юбки-передники. На рельефах в гробницах Мериба и Канинисута в таких юбках изображены их сыновья, стоящие рядом с отцами. Эти юбки выкраивались из прямоугольного куска полотна, причем ширина полотна должна была превышать объем бедер; лишнюю часть ткани укладывали спереди мелкими вертикальными складочками, чтобы получилась закругленная пола. В конце Древнего царства всю юбку стали закладывать мелкими правильными складками.

К ритуальной одежде знати относятся также накидки из шкуры пантеры или гепарда: кусок шкуры обертывали вокруг туловища и закрепляли на одном плече. Эта одежда служила знаком отличия знатных лиц, исполнявших жреческие обязанности: царей, царевичей и царевен, высоких сановников и чиновников. На булавах Скорпиона и Нармера и на палетке Нармера в накидки из шкур одеты приближенные царей, возможно, их старшие сыновья. На рельефах в гробницах Древнего царства в накидках из шкур пантеры изображены царевич Рахотеп, чиновник и жрец Мечен, царевич и верховный сановник Мерерука, царевич Нефермаат, жрец Канинисут и царица Мерисант III. Владельцев гробниц часто можно видеть на рельефах сидящими перед жертвенным столом в длинной, реже короткой одежде из ткани, имитирующей шкуру пантеры или гепарда. Набед-

ренные повязки с трапециевидной средней частью вельможи надевали во время охоты или рыбной ловли. Вельможа Тии руководил ловлей птиц в сети в одежде старшего птицелова, сплетенной из травы.

Во времена Среднего царства в связи с развитием, с одной стороны, ткацкого ремесла, с другой — этических представлений египтян наблюдается стремление удлинить одежду и прикрыть голое тело. Мужчины стали носить более длинные двойные юбки-передники, пожилые люди надевали на себя длинные полосатые плащи (рельеф из гробницы Тхутихотепа). Работники и слуги с этого времени изображаются всегда в набедренных повязках или юбках-передниках до колен, прачечники — в коротких рубашках без рукавов.

Значительные изменения в одежде мужчин и женщин произошли во времена Нового царства. Победы, одержанные египетскими войсками в течение XVI—XIV вв. до н. э. (XVIII династия) на северо-востоке и юге, награбленные в Передней Азии и Куше богатства, огромный приток рабской рабочей силы в Египет, разнообразная дань, поступающая от покоренных племен и народов, развитие торговых и дипломатических отношений, знакомство с достижениями чужеземных стран — все это способствовало новому и более мощному развитию ремесленных производств страны и принесло невиданную до тех пор роскошь и блеск двору фараонов Нового царства. Появление ткацких вертикальных станков, на которых работали в основном рабы (азиаты и кушиты),

Рис. 37. Деревянная статуя: XVIII династия, XVI—XIV петский музей.

позволило производить в большом количестве тончайшие полотна и прозрачные ткани, белые и цветные (красные, голубые, зеленые), с цветными узорами. Поверх двойной юбки-передника (длинной и короткой) мужчины стали надевать короткую широкую рубашу без рукавов или с рукавами до локтя, подвязывая ее (рис. 37). Во времена Эхнатона нижнюю юбку-передник делали длинной, верхнюю подвязывали так, что она вздувалась пузырем. С конца XVIII династии верхнюю юбку-передник стали делать такой длинной, что нижнюю было едва видно. Женщины во времена Нового царства предпочитали носить узкие рубашки, оставляющие правое плечо нагим, а поверх них — накидку, уложенную складками или гофрированную. Особенно популярными стали гофрированные ткани — как для мужской, так и для женской одежды (рис. 38). В Каирском музее хранятся куски льняных гофрированных тканей Среднего и Нового царств, а фрагменты специальной доски для гофрировки — в музеях Флоренции и Турина. На росписи в одной из гробниц Нового царства показан главный прачечник, занятый укладыванием складочек на мокром тонком белье. Полагают, что для закрепления складок на тканях использовали желатин животного происхождения. Модницы щеголяли одеждами из тончайших и прозрачных тканей. Во время ширпотреба служанки появлялись без одежды, но с украшениями на голове, груди, бедрах, руках и ногах. Одежда рабочего люда оставалась прежней.

Обувь — сандалии — надевали, только выходя из дома, в торжественных или необходимых случаях. Даже вельможи, отправляясь на прогулку, часто шли босиком, их сандалии несли в руках слуги, следующие за господином. А в более ранние времена так поступал и сам царь — на известной палетке Нармера его сандалии держит следующий за ним придворный. Сандалии на вельможе можно увидеть лишь тогда, когда он одет в парадную ритуальную одежду, например в шкуру пантеры. Все работники ходили босиком, за исключением погонщиков ослов, которым приходилось бегать по колючему жнивью. Сандалии плели из травы или волокон пальмы, делали из кожи (рис. 39). Кожаные сандалии состояли из подметки и двух ремней: узкий ремень был закреплен на передней части подошвы и проходил около большого пальца на подъем ноги, где соединялся с двумя концами широкого ремня, закрепленного по бокам; в подошве были сделаны отверстия для ремней. В женских сандалиях ремни обычно связывались наглухо, и сандалии можно было надевать как туфли. Сандалии знатных лиц, особенно женщин, были богато украшены. Уцелевшие сандалии, найденные археологами, хранятся во многих музеях мира, в том числе и в ГМИИ им. А. С. Пушкина (сандалии Позднего времени, сделанные из кожи и сплетенные из травы).

Большое внимание древние египтяне уделяли прическам. Мальчики и девочки носили так называемый «локон юности» — короткую косичку, закрученную на конце в локон. Когда юноша достигал возмужалости, его коротко стригли, оставляя уши открытыми; перед ушами сохраняли височную прядь, которую коротко подрезали. Такую прическу можно видеть

Рис. 38. Деревянная статуэтка женщины. XIX династия. Около 1250 г. до н. э. Египетский музей. Каир

Рис. 39. Сандалии для взрослых и детей: кожаные и сплетенные из пальмовых листьев и травы хальфа. Из гробницы Аменхотепа в Дейр-эль-Бахари. XVIII династия. Начало XV в. до н. э. Метрополитен-музей. Нью-Йорк

на статуе Рахотепа. У царевича небольшие усы и короткая бородка. Но в конце Древнего царства стало принятым брить все лицо. Однако, поскольку борода считалась атрибутом богов и царей, во время определенных церемоний фараонам привязывали искусственную бороду. По праздникам, при исполнении служебных обязанностей и религиозных церемоний вельможи надевали парики, длинные или короткие, иногда расчесанные прямыми прядями на прямой пробор, со времен VI династии — длинные прямые пряди, спускающиеся на грудь. Во времена Нового царства в моду вошли высокие парики с длинными, спускающимися на спину прядями. Жрецы стали брить голову. Знатные лица надевали парики большей частью тоже на бритую голову. Во времена XVIII династии появился обычай надевать короткий парик на собственные длинные волосы, разделенные посередине прямым пробором. Позднее такую прическу стали имитировать двойным комбинированным (коротким и длинным) париком.

Женщины носили длинные и короткие прически. На рельефе XI династии в Дейр-эль-Бахари сохранилось изображение царевны Кавит, которой служанка завивает довольно короткие волосы (рис. 40). Поверх своих волос знатные женщины тоже надевали парики. На собственные волосы царевны Неферт, разделенные пробором и закрывающие почти весь лоб, надет тяжелый черный, но короткий парик, прикрывающий уши; на лбу из-под парика видны собственные волосы царевны. Парик обвивает лента-диадема с рисунком из красных и зеленых розеток и лотосов (см. рис. на стр. 378). В большой моде у женщин Древнего царства был длинный парик с двумя густыми прядями, ниспадающими на грудь (скульптурное изображение супруги царя Менкаура). Во времена Нового царства знатные женщины стали носить пышные парики с длинными волосами, ниспадающими на спину и грудь. На голову часто надевали платок, охватывающий волосы наподобие чехла. В моду вошли также конусообразные пучки, сделанные из волос, смазанных ароматными маслами. Такие пучки носили не только женщины, но и мужчины. Как те, так и другие украшали свои прически перьями, диадемами, цветами.

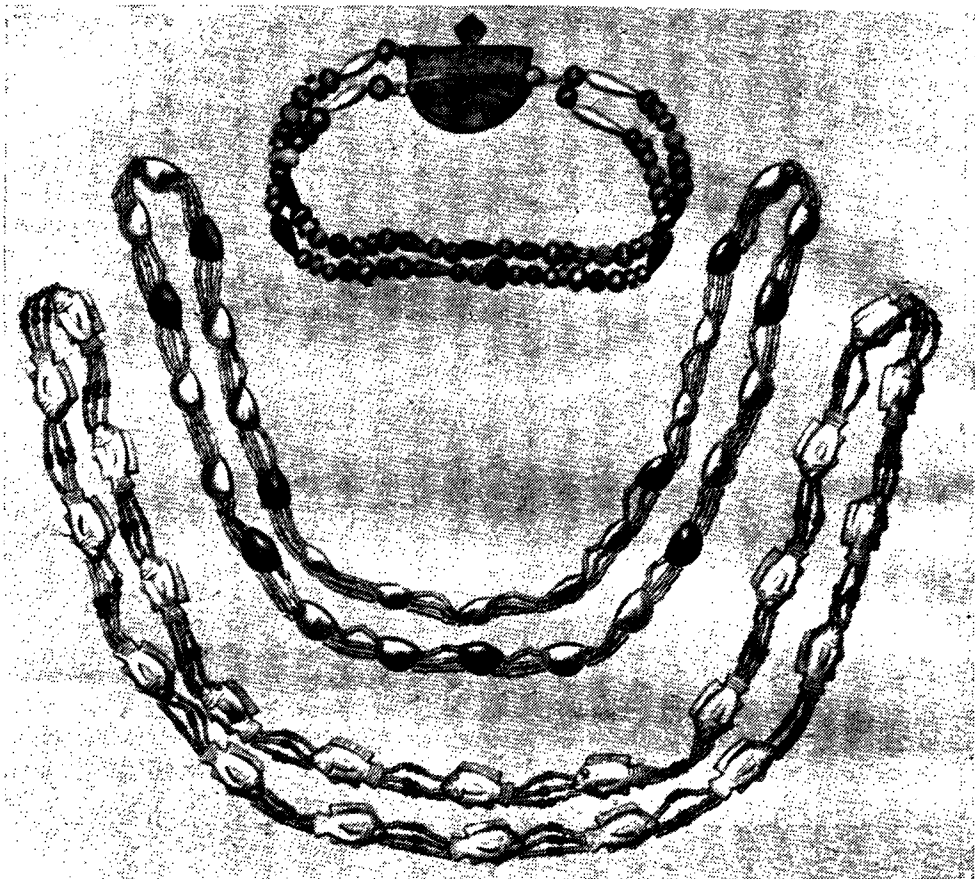
С древнейших времен египтянам была известна косметика. Свинцовым блеском красили брови и ресницы, малахитом проводили под глазами ши-

*Рис. 40. Утренний туалет царевны. Рельеф в гробнице Кавит
в Дейр-эль-Бахари. XI династия. Около 2040 г. до н. э.
Египетский музей. Каир*

рокую полосу, румянили щеки, хной красили ногти. В большом употреблении, особенно со времен Нового царства, были душистые масла и умания, необходимые для кожи в условиях жаркого климата и при наличии пыльных ветров.

Как женщины, так и мужчины древнего Египта любили украшать себя всевозможными амулетами, ожерельями разной формы (рис. 41), разными браслетами, кольцами и диадемами. Менее драгоценные украшения носили простые люди. Сохранились изображения сцен раздачи вельможа украшений (отнюдь не золотых, но названных «золотом») работницам работникам.

*Рис. 41. Ожерелья из золота и полудрагоценных камней. XVIII династия.
Правление Тутмоса III. Первая половина XV в. до н. э.
Метрополитен-музей. Нью-Йорк*

Украшения преследовали не только эстетические цели — они часто имели магическое значение и служили знаками отличия. Магическим характером обладали прежде всего амулеты в форме различных плодов, цветов и символических фигурок. Амулеты носили на шее на длинном или коротком шнуре, причем на шнур иногда были нанизаны продолговатые или круглые бусы. Небольшой амулет в форме овального шишкообразного плода зеленого цвета, висящий на коротком шнуре с продолговатыми светло-зелеными бусами, надет на шею царевича Рахотепа.

Особенно были распространены широкие нашейные воротники из бус. Писцы, чиновники и жрецы, отправляющие заупокойный культ, получали их в знак особых заслуг. Воротники изготовлялись из золота и полудрагоценных камней — бирюзы, гематита, корнелиана, стеатита, а также раковин. Такой воротник украшает шею и грудь царевны Неферт: он состоит из шести рядов разноцветных бус, с нижнего ряда бус свисают на некотором расстоянии друг от друга крупные сине-зеленые бусины в форме капли. Самые дорогие воротники имели затворы, сделанные из золота в виде двух голов сокола, другие просто завязывались сзади. К широким круглым воротникам часто прикреплялись подвески разной формы. Треугольные подвески, украшенные двумя головками змей или фигурками кошек, были связаны с заупокойным культом, прямоугольные — служили просто украшением. Длинные подвески из бус с металлическими и фаянсовыми пластинками, которые подвешивались к воротнику сзади, можно видеть преимущественно на танцовщицах, арфистках и певицах. Танцовщицы и знатные женщины носили также плотно облегающие шею ожерелья из нескольких рядов бус, напоминающие стоячий воротничок. Его надевали как единственное украшение на шею или вместе с широким воротником.

Придворных, принимавших участие в праздновании тридцатилетнего юбилея царской власти («хлеб-седа»), отличала подвеска в виде человеческого лица со спиралеобразно загнутыми рогами богини Бастет. Ее носили на шнуре или на двух крестообразно расположенных на груди лентах. Жрицы богини Хатор подвешивали к широкому воротнику шнуры с нанизанными на них бусами, а верховные жрецы Мемфиса — металлическое украшение на груди с условно переданным изображением бога мертвых Анубиса. Отличившихся в сражении воинов во времена Нового царства награждали золотыми орденами «мухи» и «льва».

Браслеты на руках носили как женщины, так и мужчины, на ногах — только женщины. Обычай носить браслеты распространился с IV династии. Широкие браслеты изготовлялись из разноцветных бус, нанизанных на шнуры, узкие — из золота, серебра, электрона, меди, слоновой кости, рога, дерева и раковин. Браслеты надевали на руки выше локтя и на запястье, на ноги — вокруг щиколотки. Браслеты имели не только знатные женщины, но также танцовщицы, певицы, участницы процессий.

Мужчины носили на пальцах перстни разной формы. Археологами были найдены мумии, у которых на каждом пальце имелось по одному и даже несколько колец.

Только со времен Нового царства среди египетских женщин распространился обычай носить серьги в ушах. Этот обычай был заимствован египтянами с юга — из Куша.

Женщины и мужчины охотно украшали свои головы диадемами и венками из живых цветов. Знать предпочитала диадемы в виде обруча, соединенного сзади небольшим кругом с двумя папирусными зонтиками по бокам, с длинными, ниспадающими на спину концами. Медный обруч, изредка покрытый листовым железом, был гладким или украшался орнамен-

том с изображением птиц. Другие медные обручи покрывались листовым железом или орнаментированной тканью и скреплялись сзади бантом с ровными и не очень длинными концами. Цветы лотоса любили надевать на шею или втыкать в волосы также простые люди — пахари и погонщики скота.

Важнейшей социально-экономической ячейкой древнеегипетского общества была семья. Ко времени Древнего царства в высших слоях общества уже выделилась малая брачная семья, которая, однако, сохраняла еще значительные пережитки большой патриархальной семьи. Она обычно состояла из главы-мужа, его жены, детей, иногда матери, братьев и сестер. Для обозначения родства в древнеегипетском языке имелось ограниченное число слов — только восемь: отец, мать, муж, жена, сын, дочь, брат, сестра, причем наименование дочери и сестры было образовано от сына и брата путем добавления окончания женского рода. Для наименования более отдаленных степеней родства существовала описательная система, например двоюродного брата называли «сыном брата от одного отца» или же просто братом. Братом и сестрой во времена Нового царства именовали друг друга также возлюбленные, которые могли и не состоять в каком-либо родстве между собой. Родовых имен не носили, к личному добавляли только имя отца. Культ предков получил значительное развитие в более поздние времена, когда представители знатных родов стали усердно составлять свои генеалогии.

Женщина занимала особое положение в древнеегипетском обществе и семье. В отличие от шумеро-вавилонского и иудейского права, согласно которому жених мог выкупить себе невесту у будущего тестя без согласия последней на брак, в Египте молодые люди пользовались относительной свободой выбора, что нашло отражение в любовной лирике. Мудрец Хордедеф, сын царя Хуфу (IV династия), в своем «Поучении» советует молодому человеку жениться на женщине, которая любит его и хочет родить ему сына.

Брачный союз скреплялся и узаконивался письменным договором, защищавшим права супругов. Текст договора сохранился на двух папирусах персидского времени — XXVII и XXXI династий (папирусы Либбей и Берлинский № 3078). Во вступительной части договора приводятся слова будущей супруги, свидетельствующие о том, что инициатором брака был мужчина. Мужчина основывал дом и брал в него жену.

В «Поучении» другого мудреца второй половины Древнего царства, Птахотепа, молодому человеку рекомендуется основать очаг, законно полюбить женщину и воспитать сына: «Только скупой не обзаводится семьей!»

В договоре предусматривалась возможность развода, инициатором которого до эллинистического периода мог быть не только муж, но также и жена. Если развод хотел получить супруг, он должен был вернуть жене ее приданое и часть собственности, приобретенной за время их супружеской жизни. Если инициатором развода была жена, она получала только половину своего приданого. В ГМИИ им. А. С. Пушкина хранится демотический

папирус с текстом «разводного контракта» времени Дария I. Насколько позволяют судить документы, брачный союз не освящался религиозной церемонией, по крайней мере до эллинистического периода. Выходя замуж, женщина получала от родителей приданое — движимое и недвижимое.

Надпись Мечена начала IV династии свидетельствует о том, что жена раздельно с мужем владела имуществом, полученным в приданое, и имела право им распоряжаться по своему усмотрению: «Было дано ему 50 сечат пашни матерью Небсент, когда делала она распоряжение о доме в том детях, были они введены во владение по царской грамоте [и] каждого учреждения». Мать Мечена выступает здесь как собственница земельного владения, «царская грамота» служит для регистрации в царской канцелярии изменений земельной собственности. Полученное по наследству земельное владение Небсент передает своим детям без согласия мужа. От той же династии сохранилась надпись царевича Никаура, завещающего жене и дочерям поселения с обязательством отправлять посвященную ему заупокойную службу. Следовательно, женщина могла быть жрицей и распоряжаться доходами поселений. От конца Древнего, от Среднего и Нового царств сохранились документы, свидетельствующие о том, что женщина могла вести процессы перед Великим трибуналом. Царская власть наследовалась по женской линии, чем и объясняются частые браки царей с сестрами.

В семье жена была «госпожой дома». Ее окружали почет и любовь. На рельефах и росписях гробниц жены обычно изображены рядом со своими мужьями — за столом, на прогулке в лодке, за осмотром хозяйства, причем часто в том же крупном масштабе. В более ранних статуях супружеских пар жена представлена обнимающей мужа. Мудрец Птахотеф советует молодым людям ценить семейное счастье, хорошо кормить жену и хорошо к ней относиться, ибо «жена благодарное поле для своего хозяина». В гробнице жреца Сенени (VI династия) сохранилась трогательная надпись, в которой он сообщает, что после своей смерти завещает землю жене Асенке и угрожает судом перед Великим богом и расправой, как с птицей, которой переламывают шею, всякому, кто посмеет отнять у нее эту землю, «потому что почитание ее в моем сердце так велико». В позднюю эпоху о любви к умершей жене говорит в своей надписи жрец Петосирис.

Однако, несмотря на нежные и любовные отношения между супругами, некоторые знатные и богатые сановники вроде Тии (V династия), следуя примеру царей, заводили у себя в усадьбе гаремы с танцовщицами и арфистками, среди которых были и рабыни. Цари имели по несколько «старших сыновей» от разных жен. Но законная жена стояла во главе гарема, распоряжаясь наложницами (евнухов в гаремах не было) как служанками, которые занимались хозяйством.

Несмотря на такое высокое положение, жену за измену мужу сжигали, а прах ее бросали в реку.

Собственниками хозяйств в основном были старшие сыновья, к тому же преуспевшие в служебной карьере, наследовавшие родительское состояние

по исключительному праву наследования имущества. Обездоленные младшие братья жили в доме старшего брата, служа ему лично или участвуя в управлении хозяйством, от которого они и кормились. В домохозяйстве Птахотепа почти все должности были заняты «собственными братьями» хозяина.

Частое изображение детей на рельефах и в росписях гробниц свидетельствует о любви к ним египтян. Сыновья и дочери сопровождали родителей на прогулке в лодке, за осмотром хозяйственных работ, окружали их во время отдыха и за трапезой. Дети получали от родителей занятные игрушки. Археологами найдены погремушки, волчки, куклы в колыбельках и в виде танцующих карликов, глиняные и деревянные фигурки животных — львов, крокодилов, кошек, гиппопотамов с раскрытой пастью, лошадей, запряженных в колесницы. Во дворе на глазах у родителей и слуг дети вели оживленные игры — их изображение сохранилось на многих рельефах. Мальчики играли в игру, похожую на нашего козла, «в войну» с уводом пленных, боролись, бегали, прыгали. Девочки предпочитали игру в мяч или кружились, взявшись за руки. Во времена Древнего царства воспитание детей происходило в основном дома, в семье. Поэтому не случайно в Древнем царстве возник литературно-дидактический жанр «Поучений» отца сыну. О государственных школах от этого времени сведений не сохранилось, но, вероятно, царевичей и знатных детей, предназначенных в сановники и чиновники, уже обучали при царском дворе. Во всяком случае, вельможа Птахшепсес сообщает в своей автобиографической надписи, что был взят на воспитание в царский гарем, когда еще не носил пояса возмужалости. Большую роль в обучении играла практика ученичества у писцов, художников и скульпторов.

Основные правила поведения детей заключались в следующем. Послушание — первая добродетель. Сын, слушающийся отца, будет процветать, а непослушного сына отец может выгнать из дома. Молодой человек должен остерегаться женщин легкого поведения, ему следует обзавестись законной семьей. Сидя на совете, лучше молчать, потому что говорить хорошо трудно. В гостях тоже надо меньше говорить, ибо неизвестно, что приятно для собеседника. Наряду с предписаниями справедливости и снисходительного отношения к подчиненным во времена Древнего царства будущих чиновников обучали и этике; обучали их и «правилам поведения» — учили гнуть спину перед вышестоящими. В «Поучении» мудреца Ани (Новое царство) содержатся советы, как вести себя: не сидеть, когда встает старший, если он даже ниже по рангу, любить свою мать и быть с ней ласковым.

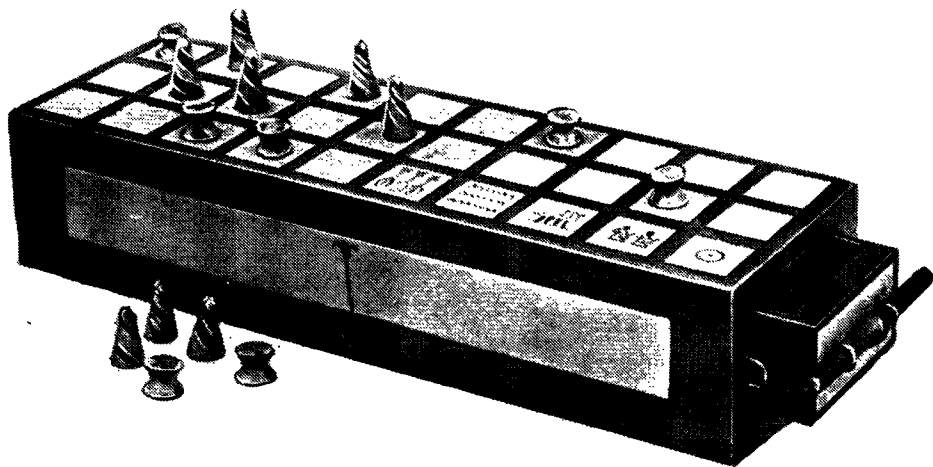
В состав знатной семьи входил также огромный штат слуг, среди которых было много домашних рабов («баку»), именуемых также «купленниками», т. е. людьми, купленными за вознаграждение с соблюдением законности. Изображения на рельефах в гробницах вельмож свидетельствуют, что их с раннего утра до ночи окружало и обслуживало огромное количество слуг. Это могли быть и карлики, в ведении которых находились

белье, туалетные принадлежности и любимые домашние животные хозяина — собаки, пантеры и обезьяны; могли быть и нубийцы. Как карлики, так и нубийцы были иноземными рабами. Во времена Нового царства термин «кушит» обозначал раба.

Изображения в гробницах позволяют проследить отдельные моменты деятельности многочисленных слуг вельмож в течение дня. Утро вельможа проводил за важным для того времени занятием — туалетом, принимая одновременно своих служащих с отчетами. Слуги приносят вельможе полотенце, таз и кувшин с водой для умывания. Рядом с умывальным прибором однажды показано какое-то моющее средство, похожее на мыло. Один слуга, присев на корточки, умащает маслом его ноги, другой растирает — массирует спину, третий делает маникюр и педикюр. Домашний парикмахер надевает на стриженую голову вельможи парик. Другие слуги несут ему зеркала, туалетные ящички, одежду из шкуры пантеры. Так же одевают служанки супругу вельможи. Слух господ услаждают игрой на арфе и флейте.

Выход или выезд вельможи на прогулку, на базар, для осмотра владений и т. д. был обставлен очень торжественно. Паланкин с вельможей несли слуги — до двадцати человек — в такт поющей ими песни. Целая свита слуг шла с вещами, которые могли понадобиться вельможе в дороге (сандалии, опахала, мухобойки). Карлики вели на привязи любимых животных хозяина. Иногда кортеж сопровождали танцовщицы.

Когда вельможа совершал пешую прогулку, слуги следом за ним тащили переносное ложе, кресло, подголовник и даже балдахин, на случай если уставший от жары хозяин захочет отдохнуть. В том и другом случае слуги

*Рис. 42. Настольная игра «шашки». Из гробницы писца фараона Тутмоса III в Абидосе. XVIII династия. Первая половина XV в. до н. э.
Метрополитен-музей. Нью-Йорк*

несли корзины с провизией. Иногда вельможа направлялся на шумный базар, чтобы купить рыболовные крючки или новый посох. Там происходил обмен съестных припасов на изделия ремесла, но мерилом стоимости уже во времена Древнего царства могли служить зерно и медь, со Среднего царства — золото, с Нового царства — и серебро. Чеканных монет в древнем Египте не было. Часто вельможа предпринимал поездку на судне для осмотра своих дальних владений. Если был попутный ветер, судно шло на парусах, при штиле гребли матросы или слуги тянули его при помощи бечевки с берега. Судно сопровождали легкие папирусные челноки, на которых везли провизию. Дорогой вельможа мог развлечься охотой на гиппопотамов или ловлей рыбы с помощью остроги. Во времена Нового царства знатные лица выезжали на прогулку в колесницах.

Масса слуг и работников была занята приготовлением пищи и сервировкой стола для вельможи и его супруги. В кухне и во дворе варили куски мяса в больших горшках, поставленных на стойку над очагом, жарили бычьи ноги и гусей, насаженных на вертелы. Слуги подавали к столу на подпосах красиво украшенные фрукты и овощи, хлеба различной формы, пирожки с финиками и медом, несли молоко в сосудах, заткнутых травой. Ели руками, беря пищу непосредственно с подноса, поставленного на невысокий столик на одной ножке. Слуги подносили к столу не только еду и напитки, но и тазы и полотенца для омовения пальцев до и после еды. Во время праздничной трапезы (рельеф в гробнице Дебхени) вельможа услаждал танцами и музыкой. Росписи Нового царства часто показывают приемы гостей — разодетых дам и вельмож, которые сидят на креслах и стульях, а служанки подносят им цветы и напитки. Вельможи любили развлекаться, слушая музыку и пение, смотря на танцы карликов-шутов, молодых женщин и мужчин. Иногда они отдыхали за «шашками» (рис. 42) и другой настольной игрой — в «змею», — условия которых нам неизвестны.

Весной после жатвы к вельможам приводили для расчета и наказания управляющих дворами и селениями, собравших недостаточный урожай, а осенью пастухов, не сумевших обеспечить достаточный приплод скота. На двор притаскивали и других «провинившихся» работников. Надсмотрщики беспощадно избивали их палками; чтобы заглушить стоны несчастных, арфисты и флейтисты громко играли на своих инструментах.

Вечером, на сон грядущий, слуги сопровождали вельможу и его супругу в опочивальню, приготавливали им постель, стояли на страже. Слуги и женщины гарема сопровождали вельможу также в последний путь — к его гробнице, исполняя ритуальные танцы и песни.

О сооружении гробницы и отправлении заупокойного культа знатные и состоятельные египтяне начинали заботиться еще при жизни. Они жертвовали заупокойным жрецам земельные владения с людьми и скотом, чтобы после их смерти жрецы совершали церемонии заупокойного культа и приносили жертвы. Если гробницу не успевали соорудить до смерти, о ее завершении заботился старший сын или брат умершего. Вера в продолжение жизни после смерти, египтяне затрачивали большие средства на от-

делку гробницы — создание рельефов и росписей на ее внутренних стенах, отображающих ежедневную жизнь умершего, высекание статуй, бюстов и портретных голов, в которые могла вселиться душа умершего.

О семье земледельца, жившего в селении во времена Нового царства, и об образе его жизни позволяет нам судить литературное произведение того времени — «Сказка о двух братьях». Семья земледельца Анупу состояла из его жены и младшего брата Бату, который «был у него на положении сына». Это означало, что он был слугой Анупу: изготавливал одежду, пас коров, пахал, жал, доил коров, собирал травы, дрова и даже готовил пищу. Жена Анупу тоже шила одежду, подавала мужу воду для омовения рук, зажигала светильник и, вероятно, готовила еду, когда оба брата уходили работать в поле. Как сельские жители, они вставали с восходом солнца, завтракали перед отправкой на поле, днем на полевой работе съедали немного хлеба, а с наступлением темноты возвращались домой, обедали и ложились спать. Жена Анупу находила время для занятия своим туалетом и пользовалась достаточной свободой.

Жизнерадостные египтяне, любившие празднества и пиршества, напиравшиеся в пивных заведениях, изменявшие своим женам и мужьям, перейдя в мир иной и представ перед судом Осириса, исповедовались ему в 42 грехах, причем главными заповедями были следующие: не входить в храм в грешном состоянии и с нечистым телом, не лгать и не клеветать на кого-либо, не грабить, не убивать человека, не давать воли рукам своим, сдерживать сердце свое, запечатывать губы, не изменять с чужой женой. Похвалы чиновников, повторявших в своих надписях, что они одели нагого, напоили жаждущего, оказывали всевозможную материальную помощь своим бедным соседям, не порабощали чьих-либо дочерей и не били слуг так, что они умирали под их пальцами, являются всего-навсего религиозной этикой, которая не имела ничего общего с реальной жизнью.

«Всякая религия является не чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных»¹,— писал Ф. Энгельс. Религия — это «превратное мировоззрение... Религия есть общая теория этого мира...» — читаем мы у К. Маркса². Само собой понятно, что религия исторически и логически в истории духовной и умственной жизни человечества является его первым мировоззрением. Этим обстоятельством обуславливается общеизвестный исторический факт, что в древнейших классовых обществах религия была господствующей формой идеологии, что все проявления духовной и умственной жизни человека, выросшие из его практической деятельности, в сознании человека органически связались с религией, были как бы ее составной частью.

«Нечего говорить о том, что в настоящее время всякая религия является полной противоположностью науки. Но если мы посмотрим на историю религий, то в свое время таких „ножниц“ между наукой и религией не было... То, что думали люди науки, которые в то же время были и людьми религии, они несли в массы... Если мы посмотрим на Древний Египет, то там представители религии — жрецы — вели громаднейшие наблюдения метеорологического характера, знали, когда будет разлив рек, могли предсказать это; в области медицины и ряда естественных наук они также стояли на высоте достижений того времени»³. Именно поэтому

¹ Ф. Энгельс, Анти-Дюринг,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 20, стр. 328.

² К. Маркс, К критике гегелевской философии права. Введение,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 414.

³ Н. К. Крупская, Вопросы атеистического воспитания, М., 1961, стр. 119—120.

религия наложила глубокий отпечаток на все стороны жизни общества, на его мышление и представления.

После этих предварительных, но необходимых замечаний обратимся непосредственно к египетской религии. Само собой понятно, что в кратком очерке нет возможности сколь-нибудь подробно проследить историю египетской религии и рассмотреть все ее аспекты в различные периоды. Здесь могут быть затронуты лишь самые важные и характерные факты.

В III тысячелетии до н. э., т. е. в эпоху Древнего царства, египетская религия — уже вполне сложившееся мировоззрение, основные черты и проявления которого сохранились на протяжении всей ее дальнейшей истории вплоть до вытеснения христианством. Это, конечно, не значит, что египетская религия оставалась чем-то неизменным. Но перемены, как внешние, так и внутренние, происходившие в ней на протяжении тысячелетий, не были такими, чтобы коренным образом изменить ее облик и существо или лишить ее характерных черт и особенностей. Забегая вперед, необходимо сказать, что во все времена своего существования египетская религия никогда не расставалась с культом животных, растений и т. д. В силу этого обстоятельства одни египетские боги имели антропоморфные изображения, другие — зооморфные. Для египетской религии характерным явлением также на протяжении всей ее истории был синкретизм, т. е. объединение в одно двух и даже более божеств, перенесение качеств и свойств одного на другое. И наконец, с древнейших времен до самого исчезновения египетская религия теснейшим образом переплеталась с магией.

Предысторию египетской религии мы знаем очень мало. Определенно можно лишь утверждать, что до объединения Египта в единое государство каждый из многочисленных египетских номов имел свой пантеон, возглавлявшийся местным божеством, центром культа которого был обычно главный город нома. Объединение номов сначала в царства Верхнего и Нижнего Египта, а потом в единое египетское государство несколько не подорвало все эти местные культы — наоборот, они развивались и крепились, а фараоны не только их не преследовали, но в зависимости от разных политических и иных соображений активно поддерживали некоторые из них. Обязательной государственной религии в нашем смысле слова в Египте никогда не было, но это не значит, что божества всех номов пользовались одинаковым авторитетом и популярностью. С политическим выдвижением того или другого нома на авансцену истории божество этого нома также выдвигалось и становилось известным и популярным во всей стране. Ярким примером может служить история фиванского бога Амона, находившегося в неизвестности до возвышения Фив и превратившегося в верховное общеегипетское божество, когда Фивы стали столицей могущественной военной державы, созданной фараонами XII династии. Однако возвышение Амона не сопровождалось каким-либо умалением других местных божеств и их культов, и ни о каких преследованиях других божеств не было и речи. Таким образом, в каждый данный момент египетская рели-

гия состояла из совокупности множества местных и других традиционных культов при преобладании культа божества столицы или постоянной резиденции фараона. И все это, мирно сосуществуя, придавало египетской религии весьма пестрый и хаотический, подчас противоречивый облик. Это хорошо создавали и сами египтяне, и, как свидетельствуют тексты, жреческие коллегии разных храмов пытались внести в беспорядок и нагромождение представлений какую-то системность, стройность, порядок. До некоторой степени это им удавалось — доказательством служит наличие разных школ богословской мысли, плоды работы которой выражались в создании разных теогоний и космогоний, разных циклов мифов и легенд. Но создать единую религиозную систему они никогда не смогли. И наши познания в египетской религии основываются в значительной мере на религиозных текстах, созданных этими религиозными школами.

Для изучения такого сложного объекта, как египетская религия, необходима какая-то классификация ее компонентов.

Необходимо в первую очередь разобраться во множестве египетских божеств.

Прежде всего следует отметить наличие многочисленных местных божеств, о которых упоминалось. Каждый главный город нома (которых было около сорока), а также и мелкие населенные пункты в номах имели свои божества. Культы их были очень живучи и исчезали лишь с отмиранием египетской религии и культуры. В позднем демотическом папирусе Инсингер греко-римского времени содержатся следующие слова: «От бога, который в городе, зависит жизнь и смерть его людей. Нечестивец, уходящий на чужбину, предает себя в руки врага»⁴. Широкое распространение подобных умонастроений подтверждается множеством источников. Следует подчеркнуть, что местные боги исторических времен (т. е. начиная с Древнего царства) — не всегда исконные местные божества. Так, например, в Гелиополе солнечный бог Ра вытеснил древнего местного бога Атума, который, однако, не был забыт, но волей жрецов оставлен на почетных ролях в гелиопольском пантеоне. В Абидосе местный бог мертвых Хентиamentiу был вытеснен Осирисом, с которым впоследствии и слился. В Фивах местный бог Монту был вынужден уступить свое руководящее положение богу Амону и т. д. Мы можем лишь констатировать факт этих смен, не будучи в состоянии вскрыть их причины. Несомненно, также результатом богословского мышления было создание местных триад — божественной семьи в составе бога, его жены богини и их сына или дочери, конечно тоже божеств. Но существовали группировки и большие, чем триады. Наши сведения о всех этих местных коллегиях богов далеко не полны. Можно лишь сказать, что вокруг каждой из них создавались мифы и легенды, что в ряде местных центров сложились свои теогонии и космогонии.

⁴ Под «нечестивцем» здесь подразумевается человек, покидающий свой ном и своего номового бога, а под «чужбиной» — всего лишь другие номы Египта.

Некоторые из местных божеств ходом истории и определенной политической ситуацией были возведены в ранг общегипетских божеств, почитавшихся во всей стране. Связанные с ними теогонические, космогонические и иные представления стали достоянием общегипетской религиозной мысли — таковыми были, например, гелиопольский Ра, мемфисский Пта, гермопольский Тот, фиванский Амон. В результате получились неувязки и противоречия в религиозных воззрениях, для согласования которых богословское мышление египетских жрецов потратило немало безуспешных в целом усилий.

Надо подчеркнуть и еще одно обстоятельство: в Нижнем и Верхнем Египте в ряде пунктов почитались те же самые боги: например, в Абидосе (Верхний Египет) и Бусирисе (Нижний Египет) существовал культ Осириса, в разных городах Верхнего Египта и Нижнего Египта — культ Амона (рис. 43), в ряде городов Верхнего и Нижнего Египта — культ Гора и т. д. Здесь, разумеется, нет возможности перечислить все местные божества; ограничимся упоминанием наиболее важных и известных из них. На самом юге Египта, на острове Элефантине, главным богом был бог Хнум, изображавшийся с бараньей головой. Его священным животным был баран. С богинями Сатис (жена) и Анукис (дочь) он составлял местную триаду. Обе эти богини, по некоторым данным, не египетского, а африканского происхождения. По соседству с Элефантиной неизвестно с какого времени процветали культы других божеств. Так, в поздние времена на острове Биге (Абатон греков) почитали Осириса — считалось, что

Рис. 43. Бог Амон. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

Рис. 44. Статуэтка бога Гора. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

здесь гробница бога. На западе от Биге, на острове Филе, процветал культ Исиды, жены Осириса, и их сына Горпакрата (в переводе Гор — «дитя»). Все эти три божества были антропоморфны. В Филе почитали еще также и богиню Хатор, также антропоморфное божество. Здесь поклонялись и некоторым другим богам. Храм на острове Филе в поздние времена пользовался огромной популярностью: сюда на поклон богине Исиде, ставшей в эти времена великой богиней, прибывало множество греков и блеммиев, живших к югу от Первого порога, в среде которых богиня пользовалась особым почетом. Лишь в 535 г. н. э., при византийском императоре Юстиниане, культ Исиды окончательно был ликвидирован.

Помного севернее, в современном Ком-Омбо, сохранились руины храма двух богов: тут чтили одну из форм бога Гора, Гора Великого, с головой сокола (рис. 44), и бога Себека, с головой крокодила. Каждый из этих богов имел свою «семью». Далее на север — в Эдфу, где стоит великолепный, отлично сохранившийся храм греко-римского времени в честь местного бога, чтили Гора Бехдетского (т. е. Эдфуского). Его женой была богиня Хатор, а сыном их считался бог Горсматауи (Гор — Объединитель Обеих Земель). В поздние времена Гор Эдфуский стал общеегипетским божеством. Еще далее к северу, на восточном берегу Нила, располагался очень древний город Нехеб. Богиней города была богиня Нехебт в образе белого коршуна. Она считалась эмблемой Верхнего Египта и как таковая входила неотъемлемой частью в сложную титулатуру фараона.

Еще севернее, в Фивах (как и в нескольких других близлежащих городах), местным богом был Монту, который, подобно Гору, изображался с головой сокола. Впоследствии его здесь вытеснил бог Амон, при XII династии полновластно воцарившихся в Фивах. По-видимому, сначала он был узкоместным божеством где-то вблизи, может быть, в Карнаке. Амон возглавил триаду, в которую входили его жена, богиня Мут, и сын, бог луны Хопсу, — все трое антропоморфные божества.

Далее к северу, в Коптосе, почитался также антропоморфный бог плодородия Мин с женой, богиней Исидой, и сыном, богом Гором.

Севернее Коптоса находился еще один крупный религиозный центр — Дендера. Здесь богиней была Хатор (о ее «семье» — муже и сыне — сказано выше). Богиня изображалась антропоморфной, однако иногда — с коровьими ушами, ибо священным животным богини считалась корова. Богиня почиталась как покровительница любви и веселья. Ее культ распространился по всей стране.

Ниже по течению Нила, в Абидосе, находился центр культа наиболее почитаемого бога — Осириса, его жены, богини Исиды, и сына, бога Гора. Все они представлялись антропоморфными. В Абидосе почитание Осириса слилось с культом местного древнего бога Хентиamentiу. Осирис считался богом загробного мира, а также богом растительности, умирающим и воскресающим, царствовавшим некогда на земле, и в Абидосе ежегодно разыгрывались посвященные ему мистерии. В поздние времена культ его стал особенно популярным.

Весьма почитаемым религиозным центром был Гермополь с его общегипетским богом мудрости, письма и луны — богом Тотом, священными животными которого были ибис и павиан (рис. 45). Поэтому обычно Тот изображался с человеческим туловищем и головой ибиса, но иногда как павиан. Здесь же, в Гермополе, почитали еще восьмерку богов (Огдоаду), отношение которой к Тоту не совсем ясно.

Уже упомянутому выше богу Себеку (в Ком-Омбо) усердно поклонялись в Шедите (Крокодилополисе) в Фаюме.

В Мемфисе, столице Египта времен Древнего царства, главным богом был антропоморфный бог Пта со своей супругой, львиноголовой богиней-воительницей Сохмет, и также антропоморфным сыном Нефертумом.

В древнем священном городе Гелиополе местным главным богом был сначала бог Атум, а потом его вытеснил бог солнца Ра, однако не полностью: Атум сохранил видное положение в местном и общегипетском пантеоне, Ра здесь как демиург возглавлял девять (Эннеаду) богов, которых сам создал.

В городе Буто, на севере Дельты, почиталась богиня-змея Уто, которая считалась символом Нижнего Египта и в качестве таковой входила как обязательный компонент наряду с богиней Нехебт (см. выше) в титулатуру фараонов. Город Саис в позднюю эпоху был центром культа антропоморфной богини Нейт, пользовавшейся известностью далеко за пределами своего нома.

В Бусирисе во главе пантеона находился Осирис (вместе с Исидой и Гором). В Аварисе местным богом был бог Сет, согласно мифу, убийца своего брата Осириса. Сета вообще в Египте рассматривали как начало злое и враждебное — нечто вроде черта.

Этот беглый и далеко не полный перечень египетских богов свидетельствует, что никак нельзя провести четкой и определенной грани между местными и общеегипетскими божествами. Местные божества в силу политических факторов и в результате деятельности их жрецов становились в ряде случаев общеегипетскими божествами. Таковы, например, Ра, Амон, Тот, Пта, Осирис, Исида, Гор, Нейт и др. Следует сразу же уяснить, что именно это в основном и было характерной чертой местного божества. Следовательно, для жителей данного нома или города он представлялся универсальным. Когда же ему придавались функциональные свойства (например, Тот — бог письма и мудрости), эта специфика была уже следствием деятельности разных жреческих школ.

Наряду с местными богами существовали и боги, игравшие большую роль в разных мифах, особенно космогонических, но не имевшие ни локальных, ни даже общеегипетских культов, — о них ничего не известно. Таковы, например, Геб, бог земли, Нут, богиня неба, Шу, бог света, и ряд других.

Повсеместным почитанием, но опять-таки без всякого локального культа, пользовались бог зерна Непри, богиня Тауэрт, покровительница родов (представляемая в виде самки бегемота), бог Бес, изображавшийся в образе безобразного карлика, защитник от всевозможных зловредных влияний, и т. д.

Огромным почитанием пользовался и бог Хапи, бог великой реки и ее разливов.

Существовали также божества, олицетворяющие абстрактные понятия: бог познания Сиа и богиня справедливости и правосудия Маат. Такого рода божества были фикциями абстрагированного теологического мышления. Все, что известно, в частности, о Маат, говорит о том, что с ней ассоциировались очень сложные и утонченные представления. Это был не только аналог греческой Фемиды, но и воплощение идеального мирового порядка, который необходим и для людей, и для самих богов.

В египетский пантеон входили и иноземные божества, такие, как семитские — богини Кадеш, Анат, Астарта, бог Решеф, кушитский бог Дедун. К богам причислялись и фараоны Египта. Согласно египетским представлениям, живой фараон был, по египетской терминологии, «благим богом», восседавшим на троне страны. Все население Египта, таким образом, управлялось не просто человеком, поставленным у власти богами, не их заместителем на земле, а самим божеством.

Концепция эта, вполне сложившаяся в эпоху Древнего царства, обобщивалась следующим образом. Царь имел два естества, двойную природу — человеческую и божественную. Человеческую он получал от матери-царицы, божественную — от своего отца-бога. От времен Нового царства

Рис. 45. Священный павиан бога Тота. Шифер. II—I тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

Рис. 46. Имхотеп. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

(и позже) сохранились изображения и тексты о зачатии царицей фараона. В храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари имеются рельефы, воспроизводящие соответствующие сцены, и надписи, их объясняющие: верховный бог Египта, «царь всех богов», как он назван в текстах, принимает облик фараона и вступает в интимную близость с царицей. Плод близости — царица Хатшепсут. В храме в Луксоре воспроизведены аналогичные сюжеты о зачатии царицей фараона Аменхотепа III от самого Амона-Ра. Таким образом, божественность фараона объяснялась теогамией. Многие другие памятники того же времени недвусмысленно утверждают, что цари были «сынами» Амона.

Здесь уместно напомнить эпизод из знаменитой поэмы о битве Рамсеса II с хеттами при Кадеше. Фараона окружили враги. Они угрожают его жизни. В трагическую минуту Рамсес II обращается к «своему отцу» Амону-Ра, и тот сокрушает вражеские полчища.

! Памятники Древнего царства свидетельствуют о том, что концепция божественного происхождения и естества фараона сложилась уже в те отдаленные времена. Начиная с V династии вплоть до исчезновения древней египетской культуры фараоны официально именовались «сынами Ра». Слова «сын Ра» были неотъемлемой частью их титулатуры. Отразилось это и в художественной литературе: в

сказках папируса Весткар одна из героинь повествования, жена жреца бога Ра, зачала и родила от бога трех сыновей, которые впоследствии стали первыми тремя фараонами V династии.

Смерть фараона рассматривалась как смерть его человеческого естества. Его божественное естество, конечно, продолжало жить, и умерший фараон становился уже после смерти таким же богом, как и другие боги. Как уже было сказано, не все боги имели свой культ, и поэтому также и большинство умерших фараонов не имели своего культа. Но некоторых фараонов по неизвестным нам причинам египтяне чтили как богов еще очень долго после их смерти. Таковы, например, Сенусерт III и Аменхотеп I. Но обожествления удастаивались иногда и смертные, не фараоны. Знаменитый мудрец и зодчий фараона Джосера — Имхотеп был обожествлен, возведен впоследствии в ранг бога врачевания (рис. 46), и его культ сохранился вплоть до победы христианства. Греки отождествляли его со своим богом врачевания — Асклепием. Обожествления удостоился и везир фараона Аменхотепа III — Аменхотеп, сын Хану.

«Египетская религия поражает исследователя прежде всего той видной ролью, какую в ней играл фетишизм во все периоды ее истории, — писал известный историк Б. А. Тураев. — Правда, он был свойствен в значительной мере и семитам, и классическим народам, но в Египте он достиг наибольшего развития и сохранился во все времена его истории...» Особенно бросается в глаза культ животных, в чем легко можно убедиться, если вспомнить то, что было сказано выше о местных богах. Подобное почитание животных поражало еще древних греков и римлян, посещавших страну пирамид. Это отметили и Геродот, и Диодор, и античные историки и географы. К священным животным относились лев, дикий бык, крокодил, гиппопотам, павиан, антилопа и газель, ихневмон, собака, кошка, баран, корова, свинья, коза, хищные птицы (коршун, сокол), водяные птицы (ибис, гусь), змеи, и в первую очередь кобра, лягушка, разные рыбы, а также насекомые: скорпион, многоножка, жук-скарабей и т. д. В меньшей мере было распространено почитание растений: сикоморы, финиковой пальмы, лотоса, папируса, лука. Наконец, обожествлялись и почитались разные неодушевленные предметы — особого вида столбы, скипетры, эмблемы власти (например, царские короны) и т. д.

1 Среди священных животных были такие, которые почитались повсеместно, другие — только в определенной местности. Например, Геродот рассказывает следующее: «Для одной части египтян крокодилы священны, для другой — нет, и эти последние обращаются с ними, как с врагами». О культе крокодилов он же повествует: «Особенно священными почитают крокодилов в Фивах и в окрестностях Меридова озера. Жители обеих этих местностей кормят одного отборного крокодила, сделавши его ручным, вешают ему в уши серьги из стекла и золота, на передние лапы надевают кольца, дают ему особенную пищу и приносят жертвы; вообще, при жизни обращаются с ним с чрезвычайной заботливостью, а умершего бальзамируют и кладут в священной гробнице». Слова Геродота не покажутся не-

правдоподобными, если мы учтем сообщения других античных писателей, археологические данные, а также находки мумий крокодилов, иногда огромных размеров (в частности, они имеются в Каирском музее). Вспомним, что приблизительно такое отношение еще в прошлом веке к священным животным существовало у отдельных народов.

В Египте некоторым животным поклонялись повсеместно. Диодор утверждает, что в его время убивший кошку или ибиса мог поплатиться за это жизнью (кошка была священным животным богини Бастет в городе Бубастис, а ибис, как уже сказано, — священной птицей бога Тота). Во всяком случае, обнаружены многочисленные мумии кошек и ибисов. Особенным почитанием пользовались быки Аписы. Культ их восходит ко времени I династии. Судя по одному месту так называемой демотической хроники, бык Апис был воплощением богов Ра, Пта и Харсиэси. В Саккара знаменитый французский египтолог О. Мариетт обнаружил и раскопал в прошлом веке интереснейшее сооружение — кладбище священных быков Аписов — Серапеум. Здесь погребены их мумии в больших каменных саркофагах; на специальных стелах указывалось время их жизни. Так, например, в стеле времени XXVI династии в честь одного Аписа сказано: «Величество сего бога отбыло на небо в год 23-й, в третий месяц...». Здесь же указана дата его рождения и продолжительность жизни — свыше 18 лет. В Серапеуме самое раннее захоронение Аписа относится ко времени Аменхотепа III; последний Апис был погребен накануне нашей эры. Саккарский, или мемфисский, Серапеум — грандиозное подземное сооружение, размеры которого свидетельствуют о значении, которое египтяне придавали культу животных, в частности Аписа.

В Гелиополе почитали быка Мневиса, но его культ не был столь распространен, как культ Аписа.

Говоря о культе животных, нельзя не упомянуть о сфинксах. Слово «сфинкс» известно из греческого языка, но, может быть, оно является искаженным египетским словом. Сфинксами называют скульптуры фантастического животного с телом льва и головой человека. Особо надо упомянуть грандиозный сфинкс в Гизе у Больших пирамид, вырубленный из природной скалы, вероятно, во времена IV династии при фараоне Хефрене. Голова этого сфинкса, как имеются основания полагать, — портрет самого фараона. Во времена Нового царства сами египтяне воспринимали его как изображение гелиопольского бога Ра-Горахти.

Поклонение змеям и жуку-скарабею основывалось на том, что египтяне, не зная естественного закона размножения этих животных, считали их самозарождающимися и поэтому священными. В частности, скарабея они даже называли Хепри, т. е. «сам возникающий». Этот эпитет прилагался и к самовозникающему из первобытного хаоса богу солнца; отсюда одно из его названий — Хепри.

Выше уже упоминалось о различных жреческих теологических школах, создававших и разработавших разные космогонии и теогонии. «Эти сказания на первый взгляд могут поразить читателя своим противоречи-

вым разнообразием, — пишет М. Матье в своих „Древнеегипетских мифах“. — Творцами богов, людей и Вселенной в них выступают то животные, то птицы, то боги, то богини. По одному преданию, солнце рождается от небесной коровы, по другому — оно выходит из лотоса, по третьему — из гусиного яйца. Различны и способы творения, и творцы. Общим для всех сказаний является, пожалуй, только представление о первобытном хаосе, из которого постепенно возникли те или иные боги и по разному творили мир... К сожалению, почти ни один из мифов о сотворении мира не дошел до нас целиком. Такие отрывочные сведения о некоторых вариантах египетских космогоний приходится пополнять с помощью других источников, и в ряде случаев мы принуждены восстанавливать сказание по отдельным отрывочным данным, на основании как письменных, так и вещественных памятников».

Самая древняя из космогоний и теогоний — гелиопольская. В последовательном виде она нигде не изложена, но в многочисленных разрозненных выдержках и наметках она фигурирует и в «Текстах пирамид», и во множестве других текстов до греко-римского времени.

Сначала существовал первобытный водный хаос — океан — Нун (старейший бог). Из него появился солнечный бог, сам создавший себя, — Атум, он же Хепри, он же первобытный холм. Этот холм мыслился как первая твердь, появившаяся из первобытного океана, и он был началом мироздания. Таким образом, бог Атум, как Хепри, — самозарождающийся бог, и из себя он уже создает первую божественную пару — Шу (свет, воздух) и его жену Тефнут (влажность). От нее рождается другая божественная пара — бог земли Геб и богиня неба Нут. От этой пары, в свою очередь, происходят боги Осирис и Исида, Сет и Нефтида. Согласно гелиопольской космогонии, люди (рмт) — это слезы (рмт) бога солнца, т. е. мы имеем здесь дело с отождествлением, основанным на явной игре слов.

Чтобы покончить с гелиопольской космогонией и теогонией, отметим, что в 175-й главе «Книги мертвых» содержится любопытное предсказание о конце мира, вложенное в уста Атума: «Земля снова будет океаном, будет морем, как было вначале... [Я] превращусь в змея, которого ни один человек не знает, ни один бог не видит».

Обратимся к другой космогонии и теогонии, созданной и разработанной жрецами Мемфиса. Она известна из надписи времени фараона Шабаки (XXV династия). Однако в тексте говорится, что надпись является сделанной по приказу этого фараона копией с очень древнего папируса. «изъеденного червями». Установлено, что он восходит ко времени Древнего царства.

Согласно этой космогонии, главный бог города Мемфиса, бог Пта, был демиургом. Он создает мир и богов силой своего божественного слова. Творческая сила бога — это его сердце (по представлению египтян, сердце было органом мышления и воли) и порожденные сердцем мысли и желания, высказанные устами бога.

Концепция эта близка к концепции понятия «логос» у Филона Александрийского (I в. до н. э.)⁵. В мемфисской космогонии прямо говорится, что «девятка богов» (Эннеада) Атума была создана именно устами бога Пта. Все то, что он называл, становилось реальностью — так был создан мир и боги. Эта концепция творческой силы божественного слова демиурга Пта, конечно, уже явление философского порядка, и оно не случайно разработано иудеем эллинистической образованности Филоном из Александрии, т. е. на египетской почве. Напомним, что та же концепция выражена и в первых словах евангелия от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог. Оно в начале было у бога. Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть».

Таким образом, очевидно, мемфисская космогония оказала влияние и на гелиопольскую; в последней появился вариант, согласно которому гелиопольский демиург Атум создал двух богов — Ху («изречение») и Сиа («познание»).

До сих пор речь шла о космогониях, в которых изначальным был акт творчества верховного божества. Но в космогонии Гермополя сотворение мира не является следствием волеизлияния божества, а происходит само собой. В этой концепции проявляются начала философского мышления, но в мифологическом облачении.

Согласно космогонии Гермополя, искони существовало восемь божеств, олицетворявших элементы первобытного хаоса: Нун (океан) и Нунет (его женское соответствие), Ху и Хахухет (пара, олицетворявшая бесконечность пространства), Кук и Каукет (пара, олицетворявшая мрак) и, наконец, Амон и Аманет (пара, олицетворявшая невидимость)⁶. Огдоада — «восьмерка богов» — в своей совокупности была символическим описанием извечной материи до появления мира. Боги Огдоады изображались в облике лягушек, богини — змей. Эта хаотическая материя породила мир сам собой, без вмешательства демиурга: из первобытных вод выступила суша в виде холма, на котором позже был основан Гермополь. Таким образом, в этой космогонической системе начинают брезжить зародыши научного мышления, принявшего религиозно-мифологическую оболочку: мир не создан, а рождается из хаоса материи. Гермопольская космогония не объясняет происхождение человека. Что же касается бога Тота, то неясно, какую роль он играл в ней, если вообще он в ней занимал какое-либо место.

О происхождении людей существовали учения, примыкавшие к космогониям и теогониям. Они дошли до нас в очень фрагментарном виде. Как уже было сказано, согласно гелиопольской космогонии, люди произошли из слез бога солнца. По гермопольской версии, люди вышли из яйца, созданного богами и положенного на гермопольский холм (версия эта незави-

⁵ Концепция логоса у Сократа, Платона, Аристотеля очень отличается от концепции логоса у Филона Александрийского.

⁶ Напомним, что Амон Фиванский тождествен Амону Гермопольскому в качестве «невидимого».

сима от учения об Огдоаде). Наконец, по другой версии, бог Хнум слепил людей из глины на гончарном круге.

Противоречивость и несогласованность всех этих догм бросаются в глаза, они свидетельствуют о пытливости ума, о стремлении создать «теорию мира», а порой о высоком взлете мысли. Вместе с тем они служат доказательством разброда этой мысли, ее незрелости. Но могло ли быть иначе в те времена?

‘ Ярким свидетельством непоследовательности и противоречивости богословских исканий в древнем Египте была непоколебимая вера в могущество магии. Магия, как известно, очень близка к религии. Это религия «особого» типа, широко известная науке вообще, поскольку она была распространена в мире не только в древности, но и во времена средневековья и даже много позже. (Одной из «особенностей» магии является ее «теоретическое» основание.) В основе магического мышления лежит не категория причинности, а категория тождества между оригиналом и его обозначением, материальным или словесным. Изображение (например, статуя человека) и его оригинал (человек) связаны неразрывно между собой: уничтожая статую, уничтожают якобы и ее оригинал. Нанося вред имени человека, т. е. словесному его обозначению, наносят вред и самому человеку и т. п. Эти воззрения своим происхождением восходят в глубокую, доисторическую древность.

Принципиально египетская магия не отличается от магии других стран, однако, конечно, ей присущи некоторые специфические черты. Египет уже в древности славился своими магами, что отчасти нашло отражение в Библии, в книге Исхода (VII, 10–12), где говорится о состязании Моисея с магами при дворе фараона. Магия по-египетски «хекау» — «волшебство», «колдовство». Знание тайн природы, постижение тайн мира, окружавшего человека, приписывалось жрецам. Магические представления и верования были весьма распространены и считались наукой, которой боги научили людей. В строках 136–137 поучения неизвестного царя своему сыну Мерикара (XXI в. до н. э.) сказано: «Он (т. е. бог.— М. К.) создал для них (т. е. для людей.— М. К.) магию как оружие, чтобы отвращать удары грядущего и сновидения почью и днем». Здесь речь идет об отвращении зловещих сновидений, приносящих несчастья. Магия — результат откровения, но вместе с тем и стремление проникнуть в тайные силы природы для того, чтобы подчинить их себе. Поэтому и боги подвержены ее влиянию — по крайней мере из всего, что известно, совершенно очевидно, что действие магии распространялось, по мнению египтян, и на богов. И так, по их представлениям, при помощи магии можно было творить добро и содействовать злу. Примерами благотворного влияния магии могут служить действия, направленные на излечение больных, на отвращение болезней от ребенка и т. п. Примеры пагубного воздействия магии представляют действия и заклинания, направленные против кого-либо. Так, например, в ряде музеев (Каир, Берлин, Брюссель) хранятся так называемые «черепки проклятий», относящиеся приблизительно к 2000 г. до

н. э. Это черепки глиняных сосудов, на которых написаны имена враждебных Египту мелких династов Палестины, Сирии и Куша. На сосудах сначала были написаны формулы проклятия, а затем их разбили, сопровождая это действие, возможно, какими-либо заклинаниями и действиями. Подобно тому как были уничтожены сосуды, должны были погибнуть и враги фараона, чьи имена начертаны на них.

Известно, что непосредственно в храмах магия не практиковалась и к богослужению отношения не имела. Но в мифологических текстах магические действия упоминаются неоднократно. Непосредственное отношение магия имела к культу мертвых: всякие заупокойные тексты — магические. Они имеют целью оградить умершего (будь то царь или простой смертный) от опасностей, грозящих ему в потустороннем мире, а также обеспечить его материальное благополучие после смерти (подробнее об этом будет сказано ниже).

Как представляли себе египтяне отношение между божеством и человеком в повседневной жизни? Как управляли боги миром? На эти вопросы в значительной мере проливают свет как религиозные тексты, так и «Поучения» дидактической литературы.

«Боги, по убеждению египтян, были безусловными и абсолютными повелителями человека. В своей жизни человек должен был руководствоваться желаниями богов, жить так, чтобы боги были довольны его поведением. В противном случае их ожидала кара.

Такому представлению о положении человека в мире имеется множество подтверждений. В одном из заупокойных текстов на саркофаге, предшествовавшем времени Нового царства, бог говорит о людях: «Я не повелел им творить зло, это их сердца побудили их (т. е. людей. — М. К.) нарушить мои слова». Конкретизацию этого общего утверждения бога-созидателя мы находим, например, в известной так называемой «стеле изгнания» царя Куша Аспелты (начало VI в. до н. э.). Там говорится о жрецах Напаты, что «они задумали убить невинного человека. И не было приказа бога [Амона] сделать это». В одной мифе повествуется даже о том, что люди взбунтовались против бога Ра и были частично истреблены за это богиней Хатор, и т. п. Таким образом, совершенно ясно, что в поведении человека усматривалась свобода воли, свобода выбора человеком положительного или отрицательного поведения, причем под положительным понималось поведение богоугодное. В «Поучении» Птахотепа, восходящем к Древнему царству (папирус Присс, 545), говорится: «Тот, кого любит бог, — это внимающий [богу]! И не внимает тот, которого бог ненавидит». Иначе говоря, в этих и подобных случаях проявляется теодицея, т. е. оправдание божества в случаях конфликта между верой в благость бога и наличием несправедливости и зла в мире.

Сами египтяне не оставили никаких трактатов, посвященных подобным проблемам, и наличие теодицеи в их религиозном мышлении проявляется лишь в приведенных и многих других подобных текстах. Однако в некоторых текстах звучат совсем иные мотивы, дисгармонирующие с тео-

дицей. В заупокойной надписи в одной из гробниц позднего времени вдо-ва говорит: «Никто не приходит на помощь несчастным, хотя и не обна-ружено у меня никакой ошибки». Но все же в религиозных текстах и в дидактических поучениях господствует в целом идея теодицеи. Уже в автобиографических заупокойных текстах Древнего царства постоянно про-является мысль, что умерший на протяжении своей жизни творил добро, ибо он желал быть в милости у «великого бога». И во все последующие периоды истории Египта идея теодицеи совершенно определенно и явно выражена в религиозных текстах: зло исходит от человека, а не от бога, бог же поощряет добро и карает зло.

В дидактической литературе проявляются те же идеи. Например, в строке 16 поучения, адресованного Мерикара, говорится: «Делай добро, чтобы долго жить на земле».

Таким образом, положение человека на земле определяется волей богов.

Следует сказать несколько слов о предопределении, о судьбе человека. Как известно, по верованиям древних греков, против судьбы бессильны были даже сами боги. В представлении египтян, боги распоряжаются судьбой человека. Срок жизни каждого человека был определен богами заранее. Они могли его продлить даже по молитве заинтересованного лица. Пример тому содержится в знаменитом рассказе Ун-Амуна о его плавании в Библ. В диалоге между Ун-Амуном и правителем Библа Че-кер-Баалом первый рекомендует второму установить стелу с текстом, в котором будут увековечены деяния Чекер-Баала, сотворенные им во славу Амона. В ней устами правителя Библа должны были прозвучать слова: «Чтобы вымолить мне (т. е. Чекер-Баалу. — М. К.) 50 лет жизни вдобавок к моей судьбе». Боги предопределяли судьбу людей: в сказке об «Обре-ченном царевиче» «семь [богинь] Хатор» предопределяют его судьбу и смерть. Но боги предreshали не только судьбу каждого человека, но и все-го египетского народа. Автор известных «Поучений Ипусера», в которых описываются социальные смуты, потрясшие всю страну, утверждает, что эти смуты были предreshены богами в глубокой древности. Таким обра-зом, по представлениям египтян, боги управляли судьбами людей.

Но в отдельных случаях боги могли путем непосредственного открове-ния указать человеку, как ему следует поступать. Так, в своей стеле, воз-двигнутой между лапами большого сфинкса, фараон Тутмос IV повеству-ет о том, что еще до вступления на престол он заснул вблизи сфинкса и во сне ему явился бог, приказавший очистить сфинкса от песка. Но та-ких примеров прямого обращения бога к смертному из текстов известно немного.

В гимнах, молитвах, а также в произведениях дидактической литера-туры содержатся сведения об отношении египтян к своим богам. Из них следует, что египтянин был глубоко убежден в том, что его судьбой рас-поряжается божество, что божество поощряет и поддерживает того, кто покoren божеству и следует его указаниям. Так, в одной молитве сказано:

«Не наказывай меня за мои многочисленные прегрешения, ибо я человек, который не знает самого себя, ведь я безумец» (времена Нового царства). За много веков до этого в уже упомянутом поучении, адресованном Мери-кара, говорится: «Не разрушай гробниц, не разрушай, не разрушай. Я содеял подобное, и подобное случилось и со мной, ибо, как я поступал, так и поступил бог со мной» (строки 70—71). Здесь автор поучения предупреждает сына не совершать святотатства и в пример ставит самого себя, наказанного за подобные поступки богом, но не в загробном мире, а здесь, на земле.

Египетская этика была насквозь пропитана религиозными помыслами и религиозными чувствами. Так, в 125-й главе «Книги мертвых», где приводится речь умершего перед загробным судом, он указывает, что не совершал никаких святотатств, что не нарушал регламентаций культового порядка. В поучении Ани, относящемся к Новому царству, как, впрочем, и в других, рекомендуется не преступать культовых установлений. Нарушение их строго осуждалось египетской этикой.

Египетская религия, как уже говорилось, была, безусловно, политеистической с самого начала (т. е. с того времени, какое доступно для изучения) и до конца своего существования. Выше была приведена выдержка из папируса Ипсингера, свидетельствующая о взглядах египтян на своих городских или местных богов, культ которых существовал искони¹. Для жителя каждой местности местный бог был самым главным, ибо от него зависели жизнь и смерть населения этой местности. Это уже само по себе предрасполагало в какой-то степени к восприятию этого бога как единственного. Очень часто в религиозных текстах встречается выражение «все боги», но это выражение обозначает в большей степени объективно существовавший в стране политеизм, чем конфессиональное отношение верующего к божеству. В поучениях сплошь и рядом встречается слово «бог» без всякой дальнейшей конкретизации. В связи с этим возникает вопрос: что именно подразумевается под словом «бог», какой именно бог конкретно?

На этот вопрос давались разные ответы. В широко известном рассказе египтянина Синухета содержится следующее обращение героя к божеству (в 156): «О бог, какой бы ты ни был, предопределивший это [мое] бегство...» Сами слова Синухета говорят о том, что здесь имеется в виду не какой-либо определенный бог, а божество вообще. Они помогают уяснить понятие «бог» в разных поучениях.

Если мы обратимся к текстам гимнов разным богам, то убедимся, что к именам разных богов (Атум, Осирис, Ра, Амон, Пта и др.) прилагается ряд эпитетов, которые вначале определенно указывают на то, что египтяне в каждом из них видели и создателя мира, и верховного бога — словом, «единственного» бога. Кстати, Амон именно так и назван в обращенном к нему гимне из Лейденского папируса. Поэтому в одной из своих бесчис-

¹ Более чем вероятно, что эти культы восходят ко времени родового строя.

ленных работ известный французский египтолог прошлого века А. Масперо справедливо сказал: «Египет знал столько „единственных“ богов, сколько в стране было крупных центров». Поэтому если ходом исторического развития какой-либо незначительный населенный пункт выдвигался на политическую авансцену, то и его божество становилось, в первую очередь в глазах местных жителей, главным среди других богов страны, фактическим их повелителем.

Но как сочетать «единственность» местного бога с традиционным многобожием?

Здесь на помощь пришли создаваемые жречеством искусственные синкретические системы, т. е. сопоставление местного бога с другими богами, в первую очередь с богами, уже ранее занявшими ведущие места в общеегипетском пантеоне или пантеоне значительной части страны. В процессе слияния двух и более божеств в одно появлялось новое божество с двойным или тройным именем и с большинством атрибутов всех слившихся божеств. От синкретизма выигрывало обогащенное новыми символами и качествами местное божество, особенно когда слияние происходило с древними и более всего почитаемыми богами. Так, например, возник культ Амона-Ра фиванского: местного никому не известного бога Фив Амона слили в единое божество с прославленным солнечным богом Гелиополя Ра и на новое божество Амон-Ра перенесли все качества и атрибуты древнего и великого бога солнца. В результате синкретизма, опирающегося на вполне реальное усиление политического и экономического значения Фив в эпоху Нового царства, Амон-Ра стал универсальным богом. Он стал богом, присутствующим повсюду, многообразным в своих проявлениях, отцом царей и творцом всех богов, «более могущественным, чем все боги», и т. д. На Амона-Ра были перенесены все солнечные мифы и предания.

При всем этом египетская религия, возвышая так одного бога над всеми прочими, не умаляла и не ущемляла достоинств других богов. Получалось явное внешнее, но не внутреннее противоречие. Амон, Ра, Пта и т. д. отлично уживались друг с другом, потому что египетская теология объявила их ипостасями одного божества, иначе говоря, традиционное внешнее многобожие объявлялось многообразным проявлением единобожия. В уже упомянутом Лейденском гимне богу Амону прямо говорится: «Трое богов — Амон, Ра и Пта — суть все боги. И нет ни одного подобного им. Тот, который Амон и который скрывает свое имя, с лица своего Ра и телом своим он Пта». Здесь уже совершенно определенно богословская мысль египетских жрецов создает триединое божество, прототип троицы. Следует подчеркнуть, что эта созданная жрецами религиозная фикция не была абстракцией, оторванной от практики религиозной жизни: в Карнаке, в главной резиденции бога Амона-Ра, воздвигли святилища богов Ра и Пта. В одном папирусе солнечный бог говорит о себе самом в трех ипостасях: «Я [бог] Хепра утром, я [бог] Ра в полдень, я [бог] Атум вечером». В одном из «Текстов саркофагов» (подробнее о них ниже), а затем

в XVII главе «Книги мертвых» бог говорит о себе: «Я — Атум, будучи единым. Я — Ра при его первом восходе. Я великий, создавший себя сам. создавший имя свое — владыка Эннеады. Нет мне равного среди богов. Я вчера, я знаю завтрашний день...» По поводу этого текста Б. А. Тураев вполне правильно заметил: «Египтянин-язычник не мог яснее выразить монотеистические идеи. Его верховный бог, „единый“, создавший себя сам, свидетель и виновник мироздания, несравним с прочими богами, которые являются лишь его отдельными проявлениями как имени или члена тела. Как мы видели, подобная же работа богословской мысли происходила и при других храмах, например уже в эпоху Древнего царства в Мемфисе...» Словом, Египет был на пороге монотеизма. Попытка переступить этот порог проявилась в знаменитой религиозной реформе фараона Аменхотепа IV (Эхнатона) в конце правления XVIII династии. На ней необходимо остановиться подробнее. Этот фараон правил 17 лет (1372—1354 гг. до н. э.). Первые пять лет своего правления, в полном соответствии с древней традицией, он пребывал со своим двором в Фивах, в центре культа Амона-Ра, «царя богов». Но уже здесь проявляются тенденции, свидетельствующие о его постепенном разрыве с культом Амона-Ра, богом — покровителем Египта, Фив и царского дома.

Уже в некоторых текстах времен Аменхотепа III, отца фараона-реформатора, гораздо чаще, чем раньше, встречается слово «атон», обозначающее непосредственно солнечный диск. Трудно сказать, чем объясняется участвовавшее употребление этого слова, но, вероятно, еще при Аменхотепе III в Фивах появился культ Атона как солнечного божества. В пользу этого говорят два обстоятельства: во-первых, прогулочное судно царицы Ти, жены Аменхотепа III и матери Аменхотепа IV (Эхнатона), в котором она каталась по выкопанному специально для нее пруду, называлось «Сияние Атона»; во-вторых, в неизданных текстах гробницы № 46 фиванского некрополя времен Аменхотепа III упоминается титул того, кто был погребен в ней, — «Управляющий дворцом Атона». Имеются и другие указания на появление в Фивах культа нового солнечного божества — Атона, связанного с культом гелиопольского бога Ра-Горахти.

Новый повелитель Египта — Аменхотеп IV (Эхнатон) стал резко отходить от традиционных форм искусства, пронизанных символикой древнего бога «царя богов» Амона-Ра. На рельефах появляется новый образ — солнечный диск, лучи которого оканчиваются кистями человеческих рук, держащих символ жизни и власти. В изображениях царя и его семьи исчезает официальная традиционная неподвижность, сменяемая динамичностью и натурализмом, они воспроизводят очень точно, а может быть, даже несколько утрированно далеко не привлекательные особенности царского телосложения. Этот контраст старого и нового стиля в искусстве бросается в глаза в фиванской гробнице везира Аменхотепа IV — Рамосе, где изображения царя переданы и в том и в другом стиле. Гробница эта не закончена, и что случилось с везиром, неизвестно. Вслед за ним исчезли и другие вельможи. Источники хранят полное молчание о ближайших со-

бытиях последующего времени. Можно лишь предположить (впрочем, вполне логично), что разрыв между новым фараоном, культом нового бога Атона и новаторским искусством, с одной стороны, и фиванским жречеством и его традициями — с другой, углублялся. На 6-м году правления Аменхотеп IV переносит свою резиденцию в новую, построенную им столицу Ахетатон, расположенную много севернее Фив (современная Эль-Амарна), где ничто не напоминало царственному реформатору ни бога Амона, ни его богатого и надменного жречества. Здесь все было проникнуто культом нового бога Атона, которому воздвигли грандиозный храм, имевший в длину немного менее 200 м. Вокруг фараона в Ахетатоне появились новая бюрократия и новое жречество, жречество бога Атона. Фивы пришли в запустение: в сокровищницу Амона не только не поступали никакие доходы, но и само имя Амона и других божеств подверглось преследованию — их повсеместно стирали в надписях, особенно имя ненавистного царю Амона. Сам Аменхотеп IV, носивший теофорное имя «Амон доволен», изменил его на Эхнатон («Угодный Атону»). Имя Амона уничтожалось даже в картушах отца фараона-реформатора Аменхотепа III. Впервые и единственный раз в истории Египта религиозная нетерпимость ко всему тому, что было активно против Атона, приняла государственный характер. Особенному гонению подвергся культ Амона и все, что с ним связано.

Культом Атона резко отличался от культа прочих богов: Атон не имел ни антропоморфного, ни тем более зооморфного изображения, образ его не воплощался в статуях, не было у него никакой «семьи». Это был культ натуралистический — культ самого животворящего солнца, иначе говоря, культ великой силы природы, простой и ясный, лишенный теологических и мифологических ухищрений и символики. Храм Атона был открытый, без всяких недоступных для верующих тайных мест. На открытые алтари приносились дары великому и единому новому богу.

Как же представляли себе этого бога его поклонники, начиная с самого Эхнатона?

Ответ дает нам великолепный гимн богу Атону, сочиненный или самим царем-реформатором, или по его указанию приближенным царя Эйе. Атон — животворящий бог, создавший как мир животных, так и людей и дающий им жизнь. Жизнь на земле продолжается только благодаря Атону. Создав людей, Атон вместе с тем наделил их разными языками, и разным обликом, и разным цветом кожи. Он создал и чужеземные страны — Сирию и Куш — и также обеспечивает им жизнь. Иначе говоря, Атон — это универсальный, благой бог для Египта и других стран, для египтян и иных народов.

Религиозный переворот Аменхотепа IV сопровождался и серьезными социально-политическими сдвигами в структуре египетского общества: новое окружение царя было подобрано им не из старинного жречества и знати, тесно связанных с культом Амона и, естественно, враждебно относившихся к царю и его реформе, а из народной гуици. Облагодетельствованные

царем, выдвинутые им на высокие посты и полностью зависевшие от воли фараона, эти новые приближенные, искренне или с карьеристическими целями, безропотно подчинялись фараону и делали все, чтобы прослыть убежденными последователями Атона.

Но официальный монотеизм, введенный Аменхотепом IV, ненадолго пережил своего творца и организатора. При втором преемнике Аменхотепа IV, фараоне Тутанхатоне (Тутанхамоне), вступившем на престол в 1354 г. до н. э. и умершем уже в 1346/5 г. до н. э., произошла реставрация. Знать и жречество в правление Тутанхатона, сменившего свое имя на Тутанхамона, ликвидировали всю реформу Аменхотепа IV. В так называемой «реставрационной надписи» в Карнаке сказано, что в результате правления Аменхотепа IV страна была в полном упадке, что от нее отвернулись боги, ибо храмы богов и богинь, начиная от Элефантины вплоть до топей Дельты, преданы забвению: «их покои были подобны тому, что не существует». Фараон Тутанхамон всячески восхваляется за реставрацию культа Амона и других богов. Позже, в начале XIX династии, в одном папирусе, хранящемся ныне в Берлинском музее, царь-реформатор назван «врагом из Ахетатона». Так отнеслось потомство к тому, кто насильно ввел монотеизм в жизнь Египта. Чем же это объясняется?

В советской научной литературе обычно объясняют неудачу реформы исключительно социально-политическими факторами классовой борьбы. Это, конечно, упрощенчество, не соответствующее исторической действительности. И до и после Аменхотепа IV отношения между фараоном, с одной стороны, и жречеством — с другой, далеко не всегда были дружественными и миролюбивыми. Установлено, что фараоны, как правило, фактически были хозяевами всего имущества, принадлежавшего храмам. Конечно, между царским имуществом и храмовым имуществом нельзя установить полного тождества, но власть царя фактически распространялась на храмовое имущество, потому что царь был живым «богом» на престоле и жрецы, естественно, в принципе подчинялись богу. Это была личная уния царя и бога, и поэтому царь имел все основания распоряжаться имуществом жречества. Фактически же отношения между царем и жречеством определялись, однако, не принципом унии, а реальной силой, которой обладал фараон. И в случае конфликтов между царем и жречеством исход определялся именно ею. Это хорошо известно из примеров истории. Несомненно, что во времена Аменхотепа IV финансовое жречество было большой политической и экономической силой и в случае конфликта фараон мог бы все же гораздо легче подчинить себе жречество, не прибегая к религиозной реформе, чем с ее помощью. Ведь реформа в значительной мере способствовала политической изоляции фараона, она не усилила его положение, а ослабила его, и именно поэтому так легко после его смерти наступила реставрация. Аменхотеп IV вовсе не был демократом, и, подбирая себе окружение из гушчи народа для проведения и укрепления своей реформы, он действовал отнюдь не из демократических побуждений: ему нужно было иное жречество и иная бюрократия, чем те, которые он получил по наслед-

ству. Все говорит о том, что Аменхотеп IV был фанатиком монотеизма, в который он слепо верил. Его борьба со жречеством Амона, сопротивлявшимся реформе, лишь придала политической остроту реформе, но это вовсе не значит, что реформа была придумана фараоном только с целью борьбы против социально-политических позиций жречества.

Внимательное изучение гимнов Амону и другим богам в предамарнский период бесспорно свидетельствует о наличии мощной монотеистической струи в египетской теологии. Но этот монотеизм был выражен в терминах политеизма. Деятельность Аменхотепа IV говорит о том, что он решил выразить монотеизм в терминах монотеизма, а не политеизма, и сделал это силой. Но именно в этом и заключался секрет его неудачи. Для такой страны, как Египет, где политеистические представления уже существовали на протяжении многих веков, где их разделяли широкие слои населения, внезапная и насильственная ликвидация этого принципа не могла пользоваться успехом. И как только фараон умер, наступила реставрация, наступила как бы сама собой, без особых усилий и конфликтов, ибо ее поддерживали все, а вовсе не только верхушка жречества Амона: Египет во времена Эхнатона далеко еще не созрел для подлинного монотеизма.

Значит ли это, что реформа прошла для Египта бесследно, без всяких последствий? Отнюдь нет. Струя монотеизма в египетской теологии стала еще глубже, еще продуманнее, но выражена она была по-прежнему в терминах политеизма. Упомянутый уже Лейденский папирус, содержащий гимн Амону, в котором говорится о триедином божестве Амоне-Ра-Пта, относится к послеамарнскому времени. В этом тексте синтезированы все достижения теологической мысли, и Амон является богом, создавшим себя и затем уже других богов. Он, как ранее Пта,—демиург, творящий силой своего слова, он вездесущ, он помощник слабых, защитник угнетенных, он не только откликается на обращенные к нему молитвы, он сам заботится о всех нуждающихся в его помощи и поддержке. И вместе с тем он непостижим и непознаваем. Монотеистическое мировоззрение сделало шаг вперед, но его выражение осталось политеистическим, и с политеизмом египетская религия никогда не расставалась.

Большинство религий нуждается в формах внешнего проявления, т. е. в том, совокупность чего мы называем культом. Одним из важнейших элементов культа являются храмы. Они считались жилищем бога. О храмах Древнего царства мы имеем сравнительно мало сведений. Исключения представляют лишь солнечные храмы времен V династии в Абусире: большой открытый двор, обнесенный стеной, в центре которого стоял массивный каменный обелиск,—верхушка его, обитая медью, сияла на солнце. Это и был объект культа. Обелиск был символом солнечного луча. Перед ним стоял огромный жертвенник.

О храмах Среднего царства практически почти ничего не известно. От Нового царства и более поздних времен до нас дошел ряд храмов разной степени сохранности, что позволяет нам составить вполне определенное

представление о египетских храмах этого времени. Лучшее всего сохранился храм бога Гора в Эдфу (времена Птолемеев).

«Почти все храмы Нового царства,— пишет М. Матье,— имели в плане прямоугольник. Весь участок, занятый храмом, окружала высокая массивная стена, к воротам которой от Нила вела широкая дорога, уставленная по обеим сторонам статуями сфинксов. Вход в храм оформлялся в виде узкой двери между двумя высокими монументальными башнями, покатые стены которых кверху суживались и увенчивались карнизом с характерным для египетской архитектуры профилем.

Такое оформление фасада, называемое обычно пилоном (по-египетски „бехен“), имело прототип еще в Среднем царстве. К наружной стороне пилона прикреплялись высокие деревянные мачты с флагами, а перед ним ставились обелиски и гигантские статуи царя.

Вход вел в открытый, обнесенный колоннадой двор, заканчивающийся портиком, построенным немного выше уровня двора. За портиком были расположены большой широкий колонный зал и ряд меньших. Моделельна находилась в глубине храма и могла состоять из нескольких помещений: в центральном стояла статуя главного божества храма, а в остальных — статуи других божеств, чаще всего богини-жены и бога-сына. Вокруг основных помещений располагались дополнительные залы, храмовая библиотека, комнаты для специальных ритуалов, хранилища.

Средний проход колонных залов обычно был выше боковых, как и в скальных гробницах номархов Среднего царства. Возраставшее применение колонн привлекало внимание зодчих к их оформлению, и в храмах Нового царства наряду с уже ранее существовавшими типами колонн появляются новые варианты. Освещение было различным в разных частях здания. Двор был широко залит солнцем; колонный зал освещался через окно под крышей более высокого центрального нефа; помещения же в глубине храма не имели окон, и здесь постоянно применялось искусственное освещение. Таким образом, по мере проникновения в храм посетитель переходил от полного солнечным светом двора через слабо освещенный колонный зал в полумрак культовой модели. План храма такого типа в главных чертах был близок к плану жилого дома времен Среднего и в особенности Нового царства, что было закономерно, поскольку храм считался жилищем бога».

В храмовых библиотеках хранился стандартный план храмов, составленный якобы Имхотепом, впоследствии обожествленным зодчим фараона Джосера. Надпись в храме в Эдфу гласит, что он был сооружен в соответствии с этим планом.

Одним из самых прославленных храмов Нового царства был храм в Карнаке (Фивы). Как и храм в Эдфу, он принадлежит к святилищам описанного типа. Однако зодчие, строившие его, сумели так переработать традиции прошлого, что получился храм нового типа.

Карнакский храм «правильно считают каменным архивом истории Египта: на его стенах, пилонах и карнизах,— пишет М. Матье,— сохранились не только посвяительные надписи царей, гимны богам или изображе-

ний различных моментов ритуала, но и многие исторические тексты. Строившийся на протяжении ряда столетий различными зодчими храм Амон-Ра в Карнаке отразил в себе следы самых разнородных архитектурных замыслов и является чрезвычайно сложным, далеко не во всех частях одинаково удачным комплексом». Древнейшее святилище в нем, посвященное Амону, построено было еще во времена Среднего царства.

• Храмы были центрами культа богов. Из многих текстов можно почерпнуть сведения о сути и форме культа.

• В художественном оформлении храмов сказывалось стремление отобразить строение космоса так, как оно представлялось древним египтянам; например, потолок часто был расписан под темно-синий небосвод, усеянный звездами.

• Изображение бога (культовая статуя) находилось в недоступном для простых смертных затемненном святилище, куда могли входить лишь избранные жрецы. Ими ежедневно совершалось служение богу, ритуал которого достаточно известен, так как до наших дней сохранились тексты, содержащие предписания для совершения обрядов. Они заключались в особом уходе за культовой статуей, в том числе и в ее символическом кормлении. Наряду с ними совершались и публичные служения, приуроченные большей частью к праздникам. Их было множество в каждом храме. Праздники в основном были связаны с теми или иными событиями, о которых говорилось в мифах. В богато изукрашенном ковчеге статую бога (или богов) в особой деревянной барке выносили жрецы. Процессия сопровождалась молитвами и песнопениями, обычно исполняемыми храмовым хором, в котором участвовали женщины: в текстах нередко упоминаются, например, «певицы [бога] Амона».

• В особо торжественные праздники статуя бога отправлялась из своего храма к своему «сыну» или «жене» — например, Амон в храм бога луны Хонсу (рис. 47). Это происходило при большом стечении народа. Иногда же изображение бога посылали и в другой город — эти путешествия в сопровождении жрецов совершались на особых священных культовых судах. Тщательный анализ гимнов разным божествам, в ряде случаев обладающих высокими художественными достоинствами, свидетельствует о том, что эти гимны пели хором именно во время таких торжественных празднеств. Таким образом, распространились среди народа те сведения о божестве — о его всемогуществе, извечности, благодати и т. д., — о которых говорилось в гимне.

• В отправление культа входили жертвоприношения. В жертву приносили животных и растения. Необходимо решительно опровергнуть совершенно не соответствующие действительности домыслы о человеческих жертвоприношениях в Египте в историческую эпоху. Они иногда встречаются на страницах некоторых популярных книг, осведомленность авторов которых не выходит за пределы самого поверхностного дилетантизма.

Основную идею египетского культа можно выразить словами латинской поговорки «do ut des» («даю, чтобы ты дал»), т. е. человек служит божест-

Рис. 47. Бог Хонсу. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

ву, чтобы оно благодетельствовало ему. Более того, человек поклоняется божеству в благодарность за все хорошее, что он уже получил от него. Так поступали все, и в первую очередь фараоны, строившие новые храмы и расширявшие и обновлявшие старые. Эта деятельность была прерогативой и обязанностью царей, видевших в ней залог своего благополучия и счастливого царствования. Египет усеян руинами храмов различной сохранности; дошедшие до нас тексты на их стенах и колоннах поясняют, почему такой-то царь построил или восстановил такой-то храм. Нечего и говорить, что подобные сведения представляют немалую ценность для историка.

В эпоху Нового царства, особенно во времена XVIII и XIX династий, храмы строились с невиданным прежде размахом, о чем свидетельствуют Карнак, Луксор, Мединет-Абу и другие храмы того времени. Но заботы царей о своем боге, покровителе Амоне-Ра, «царе богов», проявлялись не только в этом: значительную часть огромной добычи, захватываемой армиями фараонов за пределами Египта, они жертвовали в пользу Амона-Ра, т. е. его жречества. Эти дары — многие тысячи пленных, бесчисленные стада скота, всякие драгоценности и т. д. — поступали в казну жречества разных богов, преимущественно «царя богов» Амона-Ра. В папирусе Гарриса содержится исчисление храмового имущества к началу XX династии, свидетельствующее о том, что жречество Амона-Ра обладало значительной экономической силой.

Но богатство приносит богатство, и это способствовало не в малой мере усилению политического влияния жречества, прежде всего фиванского, связанного больше всего с культом этого бога. Достаточно вспомнить, что во времена XVIII династии, когда происходила так называемая междоусобица Тутмосидов, именно жречество Амона-Ра восстановило порядок. Произошло это таким образом. Во время торжественной процессии жрецы несли изображение Амона-Ра. Внезапно шествие изменило predetermined ритуалом путь и направились к месту, где стоял молодой жрец, и несли статую жрецы остановились на какое-то мгновение перед ним. Затем шествие направились дальше. Эта пауза была истолкована как выражение воли «царя богов» видеть фараоном этого жреца.

Жречество Амона-Ра было очень многочисленно, возглавлял его «первый жрец Амона-Ра», за которым следовали вторые, третьи и четвертые «жрецы Амона-Ра», а также множество жрецов более низких рангов. Примерно так же был организован клир других божеств.

В предшествующие Новому царству времена жречество еще не обособлялось в отдельную прослойку и жреческие функции нередко соединялись с деятельностью светских сановников. Вместе с тем надо подчеркнуть, что египетское жречество никогда не было замкнутой кастовой организацией. Именно жречество Амона-Ра, самое многочисленное и организованное, сыграло значительную роль в истории страны. В его состав входил также и многочисленный женский персонал, который теоретически возглавляла «божественная почитательница», т. е. царица. «Певицы Амона», упомянутые выше, также примыкали к жречеству. «Первого жреца Амона-Ра» «назначал» сам бог (фактически царь) таким же способом, каким был избран на царство Тутмос III: культовая статуя бога во время перечисления вслух кандидатов на этот пост, выдвинутых самим царем, «указала» на одного из них. Более подробными сведениями об этой процедуре мы не располагаем. Затем фараон вводил нового верховного жреца в должность несколькими стандартными фразами, из которых последняя гласила: «Ты начальник его (т. е. бога. — *М. К.*) храма». Вместе с тем в руках «первого жреца» находилось весьма действенное средство влияния на самого царя — оракул бога, с указаниями которого фараоны очень считались.

В чем, собственно, заключалось предсказание оракула? Уже было сказано, что Амон-Ра указал на Тутмоса как на своего избранника, достойного взойти на престол страны. Но до сих пор неизвестно, каким именно образом статуя бога извъявляла свое желание и свои решения, ибо оракул Амона-Ра в ряде случаев давал определения по судебным делам, в которых истцами были бедняки. Это говорит о том, что подобным способом жречество стремилось создать своему богу популярность в широких кругах населения. И действительно, в текстах имеются указания на то, что Амон-Ра был не только «царем богов», отцом фараона, богом страны и знати, но что он считался также защитником бедняков и угнетенных — словом, был богом универсальным. Египетская религия, исключая время амарнского переворота Эхнатона, никогда и никем не регламентировалась. В самих Фивах

наряду с культом Амона-Ра существовали и культы других божеств, так же как в Мемфисе, Гелиополе и других крупных религиозных центрах страны.

Теперь нам предстоит рассмотреть воззрения египтян на смерть и загробную жизнь, которые занимали не менее существенное место в их религиозном мировоззрении, чем вера в богов. Впрочем, верования эти нельзя отделять друг от друга — они тесно переплетаются. В общем и целом эта проблема очень запутанная и сложная, далеко не разрешенная наукой, тем более что она содержит много противоречивого. Так, представления о загробном мире в одной части страны существенно расходились с бытовавшими в других ее областях. Менялись они и на протяжении веков. Поэтому в небольшом очерке приходится отказаться от последовательной и систематической характеристики воззрений египтян на потусторонний мир, ограничившись кратким описанием основополагающих представлений и указанием на лакуны в наших познаниях.

Прежде всего необходимо сказать несколько слов о том, как египтяне рассматривали природу человеческого существа. К сожалению, в этом вопросе наши познания далеко не достаточны. То, что известно, можно сформулировать приблизительно так: человеческое существо состояло из не только видимого и ясно осязаемого физического тела, но и еще из нескольких субстанций, при обычных условиях невидимых для человеческого глаза. Смерть физического тела нарушала необходимое для жизни органическое единство человеческого существа, состоявшего из тела и этих субстанций. Для вечной жизни в потустороннем мире необходимо было восстановить его.

Данное положение — основа основ всех воззрений египтян на загробную жизнь. Сколько было этих субстанций и как их себе представляли древние египтяне, наука пока не может дать вполне определенный и четкий ответ. Поэтому здесь будет сказано лишь о двух важнейших из них — «ка» и «ба».

В древнейшие времена, кончая эпохой Древнего царства, в текстах упоминается преимущественно «ка». Надо признаться, что ответ на вопрос о том, что такое «ка», также очень неопределенен хотя бы потому, что, насколько можно судить, представления о «ка» были довольно расплывчаты, а порой и противоречивы у самих египтян. Но в общем, очевидно, «ка» был двойником человека, обладавшим теми же физическими качествами и недостатками (рис. 48), что и тело, «ка» рождался и рос вместе с ним. Доказательством тому служит, например, изображение в заупокойном храме царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари, как бог Хнум создает не только саму царицу, но и ее «ка». Таким образом, «ка» является невидимым при обычных условиях двойником, точнейшим подобием человека. Но «ка» имели не только люди, но и боги, и даже не одно «ка», а несколько. Например, бог Ра имел четырнадцать «ка». Фараон, как бог, имел также несколько «ка». У людей, как можно здесь заключить на основании множества текстов, «ка» был и невидимым двойником, и духовной силой человека, и его гением-охранителем, словом, представления о «ка», как уже отмеча-

лось, были несколько расплывчаты. Но особенно важно то, что после смерти человека существование его «ка» зависело от сохранности тела. Именно эта идея привела к практике мумификации, при которой тело покойного бальзамировалось, а внутренности помещались в особый сосуд — канопу (рис. 49). Но мумия, хотя и более долговечная, чем тело, все же тоже брэнна. Чтобы обеспечить для «ка» его вместилище, т. е. и вечность тела, создавались портретные статуи (иногда несколько) из твердого камня. Как и тело, «ка» нуждался в пище и питье. Отсюда необходимость для живых заботиться об удовлетворении нужд «ка» умерших. Таким образом, эти представления и определили основную линию развития заупокойного культа. Древнейшие представления о «ка» имеют очень примитивный характер: жизнь «ка» в гробнице мыслится материально, сама гробница является жилищем «ка», которое необходимо обеспечить едой и напитками. В дальнейшем, с развитием религиозного мышления, эти представления приобретают более одухотворенный характер. Однако новые варианты представлений не вытесняют старые, продолжающие сосуществовать с ними. Отсюда противоречивость и запутанность представлений о загробной жизни. Вера в «ка» исчезла лишь с исчезновением египетской культуры. Несомненно, что вера в «ка» восходит к глубокой доисторической древности.

Представления о «ба» относятся к более поздним временам. Согласно верованиям эпохи Древнего царства, «ба» обладали только фараоны. В дальнейшем «ба» падали уже всех людей. «Ба» изображалась в облике птицы с головой умершего. Этот облик говорит сам за себя: «ба» — душа, она может улетать и улетает куда ей угодно, и в первую очередь к богам на небо. Но «ба» иногда навещает гробницу, где погребен умерший.

В текстах упоминаются и другие субстанции человеческого существа — тень, дух, имя и др., но не столь часто, как «ка» и «ба». Весь-

Рис. 48. Статуэтка «двойни» царя Гора. Дерево. Древнее царство. IV—III тыс. до н. э. Египетский музей. Каир

ма возможно, что это не субстанции, а верования, несистематизированные и неупорядоченные, сталкивающиеся в одних и тех же текстах. Как бы то ни было, воззрения на «ка» и на его органическую связь с телом представляют собой религиозную основу культа умерших.

Здесь нет возможности проследить развитие воззрений египтян на загробную жизнь. Поэтому приходится ограничиться лишь краткой их характеристикой, только иногда указывая на последовательность их развития. В гробницах эпохи Древнего царства, особенно в масштабах некрополей Гизе и Саккара, как и в других гробницах того времени, прослеживается одна и та же идея: загробная жизнь обеспечивается культом, требования которого состоят в следующем.

1. Для «ка» умершего нужно жилище, этим жилищем является гробница.

2. Она неприкосновенна; проклятие умершего и кара богов падают на того, кто попытается причинить вред гробнице, расхищая, оскверняя или нанося ей какой-либо иной ущерб. В некоторых гробницах обнаружен текст, известный в науке под названием «Обращение к живым» и адресованный посетителям (некрополя или данной гробницы) и содержащий призыв не вредить гробнице, а прочесть молитву за умершего.

3. В гробницах того времени, принадлежавших в основном правящей знати, на стенах изображены разнообразные сцены повседневной жизни с участием умершего, отображающие всю сферу его деятельности. Сцены эти сопровождаются иногда текстами, например диалогами между изображенными лицами. Рельефы и тексты, покрывавшие стены усыпальниц, — ценнейший источник для ознакомления с социально-экономическим и культурным укладом тех времен.

Чем объясняется наличие этих изображений в гробницах Древнего царства? Гробница — это жилище «ка» умершего. Здесь он обитает, вблизи своего «тела» — мумии и портретных статуй. Поскольку загробная жизнь «ка» мыслилась как непосредственное продолжение земной, а умершие сановники, для которых воздвигались эти гробницы, обычно были крупными землевладельцами, то и после смерти их следовало обеспечить всем, чем они обладали при жизни. Рельефы, высеченные на стенах погребальных камер, воспроизводившие сцены повседневной жизни умершего, заменяли для его «ка» то, что окружало его на земле. Эти изображения воспринимались не как призрачная жизнь, а как продолжение реальной земной жизни. Благодаря силе магии они становятся действительностью. Итак, умершему в надлежаще оформленной гробнице обеспечено вечное загробное существование — такое же, как и до смерти. Теперь понятно, почему египтянин так дорожил сохранностью своей гробницы.

4. Так как приношение даров для «ка» умершего в виде пищи и питья было необходимо и обязательно, и притом ежедневно, то и здесь на помощь пришла всемогущая, по мысли египтян, магия. В каждой гробнице помещали текст заупокойной формулы «совершение [обряда, именуемого] приношение, даруемое царем». Теоретически сам царь обеспечивал всем умер-

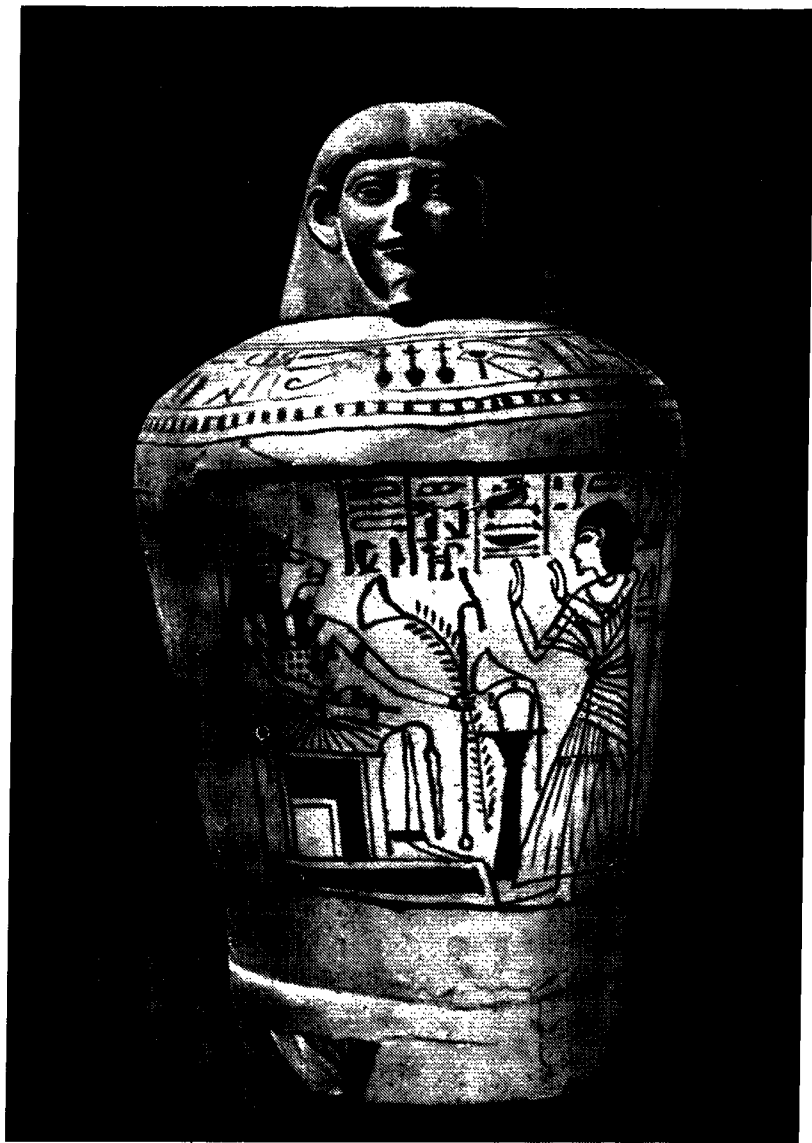

рис. 49. Канопа — сосуд для хранения внутренностей умершего. Алебастровое царство. II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

шим приношение заупокойных даров, которые перечислялись после приведенной формулы. Иногда как дарующие приношения упоминались помимо царя боги — Осирис, Анубис или Геб. В качестве приношений упоминаются хлебы, пиво, гуси, ткани и т. п. Рядом с формулой изображался алтарь с возложенными на нем дарами. Таким образом, для «ка» умершего обеспечивались автоматически посредством магии все предметы, которые ему были необходимы в загробной жизни.

Таким образом, уже в эпоху Древнего царства сложилась теоретическая религиозно-магическая основа культа мертвых, обеспечивающая умершему вечную жизнь для его «ка» (рис. 50). Бряд ли нужно подчеркивать, что в этих воззрениях мы не находим никакого этического принципа, что эта концепция загробной жизни восходит к очень примитивным и древним воззрениям, в которых нет места нравственному началу. Раз сложившись, она продолжала устойчиво существовать вплоть до отмирания египетской религии, несмотря на то что появились новые и плохо с ней совместимые представления.

Что же касается воззрений на загробную жизнь царя, то они несколько отличаются от только что описанных. Ведь царь был живым богом, «благим богом» на троне страны. Само собой понятно, что умирало только человеческое естество царя, а сам он после смерти соединялся с другими богами, становясь «великим богом». В эпоху Древнего царства для умершего фараона воздвигалась усыпальница, своей формой и размерами резко отличавшаяся от гробниц, предназначавшихся для других, — пирамида. Они строились для «ка» умершего фараона. Знаменитые пирамиды Гизе — пирамиды Хуфу (Хеопса), Хафра (Хефрена) и Менкаура (Микерина) — еще древними греками считались одним из семи чудес света. Созданные во времена IV династии, они представляют собой гигантские сооружения, поражавшие своими размерами воображение и древних, и наших современников. Естественно, возникает вопрос, для чего, собственно, этим трем фараонам нужны были столь огромные гробницы? Представления того времени о загробной жизни не дают никаких оснований для создания таких грандиозных сооружений, тем более что пирамиды фараонов последующих династий своими размерами ни в какое сравнение с пирамидами Гизе не идут. Египетские тексты хранят об этом полное молчание. Поэтому можно допустить, что размеры пирамид в Гизе объясняются соображениями, не связанными с религиозными верованиями. Беспредельная централизация власти во времена этих фараонов, неограниченная их власть над людскими и материальными ресурсами страны, сознание безмерности этой власти ее носителями и теми, которые были ей подчинены полностью и безусловно, — все это, несомненно, воплотилось в размерах «великих» пирамид. Следует подчеркнуть, что в этих пирамидах никаких текстов нет. Зато внутри значительно меньших пирамид последующих династий — V и VI — обнаружены многочисленные тексты, известные под названием «Тексты пирамид», представляющих древнейший памятник египетской литературы, хотя и записанный при V и VI династиях (в пирамидах Унаса, Атоти I, Пиопи I

и II, Мернера). О глубокой древности текстов говорят и первобытная грубость многих представлений, и исторические намеки. Содержание при общности магического характера разнообразное. Здесь и описание загробных странствований, и представление загробной участи царя, отождествленного с Осирисом и приобщенного к богам, и обращение к богам, имеющим отношение к циклу Осириса и судьбе покойного, и забота о продовольствии покойного, и заклинания против демонов, змей, чудовищ, и ритуальные тексты, и намеки на мифы. Последние — гелиопольского происхождения, связанные с Агумой-Ра и Эннеадами, но «скрепленные с Осирисовыми», по выражению Б. А. Тураева.

Основная идея «Текстов пирамид» — это обеспечение умершему фараону воссоединения с богами на небесах и преодоление препятствий на пути к этому посредством магии. В «Текстах пирамид» упоминается и «ба» умершего фараона. Здесь нет никакой возможности хотя бы вкратце передать богатое и разнообразное содержание «Текстов пирамид», вместе с тем весьма запутанное и противоречивое.

Именно воззрения на загробную жизнь египтян времен Древнего царства легли в общем в основу всех последующих представлений. Еще с конца Древнего царства в культе умерших все большее место занимает бог Осирис. И с того же времени прослеживается упрощение и массовое распространение «демократизации» этого культа. На этом следует остановиться несколько подробнее.

Как уже говорилось, во времена Древнего царства культ умерших прежде всего имел в виду фараона и близких ему сановную знать и бюрократию. Каков был заупокойный культ, обслуживающий широкие массы населения, сказать трудно. Вероятно, у них были несколько отличные верования, не требовавшие обременительных для поддержания благополучия умерших в загробном мире расходов.

Падение Древнего царства, т. е. высокоцентрализованной государственной организации, сопровождалось и известными изменениями в воззрениях на посмертное существование. Многочисленные проявления политического сепаратизма и стремления к самостоятельности в нотах сопровождались и ростом религиозного сознания у широких слоев рядового населения. И вера в силу магии сыграла в этом немалую роль. Продолжение жизни за гробом для простого смертного не требовало дорогостоящих сооружений, ведь эта жизнь была продолжением его скромной земной жизни и его «ка» нуждался лишь в скромном жилище и в вечных дарах, обеспеченных ему столь удобной магической формулой «совершение [обряда, именуемого] приношение, даруемое царем». Таким образом, широко распространился загробный культ с простой гробницей и общедоступными магическими приемами, охватывая все более и более широкие круги населения. В этом культе все большую и большую роль играет Осирис. Если раньше умерший царь (а также знать и вельможи) отождествлялся и сливался с Осирисом и благодаря этому превращался в бессмертного бога, то «теперь все люди по смерти делались Осирисами „правовласными“, т. е. правильно произно-

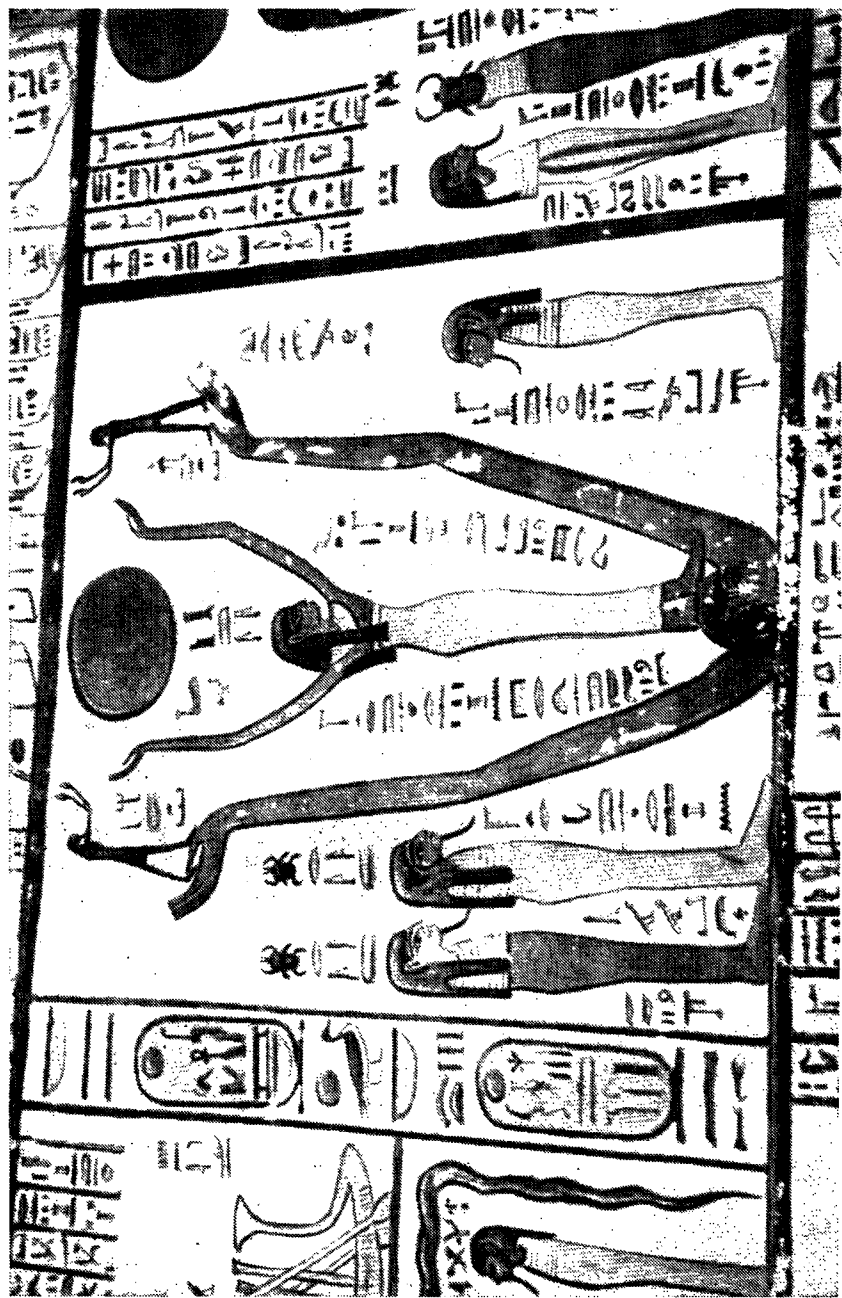

Рис. 50. Двойник-ка, с богиней на голове. Роспись из гробницы Рамсеса IV.
Абидос. Фото Б. Э. Урбана

сиящими магические формулы против загробных опасностей, а следовательно, против врагов», — пишет Б. А. Тураев.

Абидос, центр культа Осириса в Верхнем Египте, притягивал к себе набожных египтян: ведь в Абидосе, согласно легенде, был погребен в незапамятные времена сам бог Осирис, павший от злодейской руки своего брата Сета, затем воскресший и ставший владыкой загробного мира. Сюда, к Осирису, стремились многие: иные хотели быть здесь погребенными, другие водружали себе здесь заупокойную стелу. В эпоху Среднего царства в Абидосе в большом храме Осириса разыгрывались жрецами «страсти Осириса» — мистерии, в которых иногда принимали участие высокопоставленные придворные чины. Некоторые фараоны эпохи Нового царства построили себе здесь заупокойные храмы: Рамсес I, Сети I, Рамсес II. Прекрасный храм Сети I до сих пор сохранился отлично.

Для Первого переходного периода и для Среднего царства характерны так называемые «Тексты саркофагов». Их обычно писали на наружных и внутренних стенках саркофагов, отсюда их название. Эти заупокойные магические и мифологические тексты должны были обеспечить умершему преодоление всех опасностей в потустороннем мире и дать ему возможность превратиться в Осириса, слиться с ним и стать бессмертным богом. Многочисленные стелы, поминающие усопшего, в той или иной степени свидетельствуют об этом же.

Но каким и где представляли египтяне загробный мир?

Представление египтян о его местонахождении чрезвычайно запутанно и неясно. Это происходит потому, что то, «что они, — как пишет Б. А. Тураев, — получили вновь путем культурного развития, не заставляло их отбрасывать старого, более примитивного достояния; равным образом, объединяя различные местные представления, они не согласовывали их, а оставляли существовать рядом, как бы противоречивы они ни были. Отсюда в течение веков образовалась такая путаница, что наука в настоящее время не всегда оказывается в состоянии разобраться».

Одним из самых распространенных представлений о потустороннем мире была вера в Аментис (букв. «запад»). На западе, скрываясь за скалами и горизонтом Ливийской пустыни, заходило («умирало»), солнце, спускаясь в загробный мир, поэтому некрополи египетских городов, где в гробницах обитали «ка» умерших, располагались на западе, на кромке Западной (Ливийской) пустыни, а Аментис («запад») рассматривался начиная с древнейших доисторических времен как царство мертвых. К этим очень примитивным представлениям о нем со временем присоединяются другие, разработанные местными геологическими школами. Так, например, в соответствии с воззрениями, разработанными в городе бога Ра, в Геліополе, умерший должен попасть на небесную барку бога Ра, на которой этот бог ежедневно совершал путешествие по небу с востока на запад.

В Абидосе существовали другие взгляды: умерший стремился слиться с Осирисом, царем и повелителем мира мертвых, и, слившись с ним, стать бессмертным богом. Эти воззрения были наиболее распространенными, но

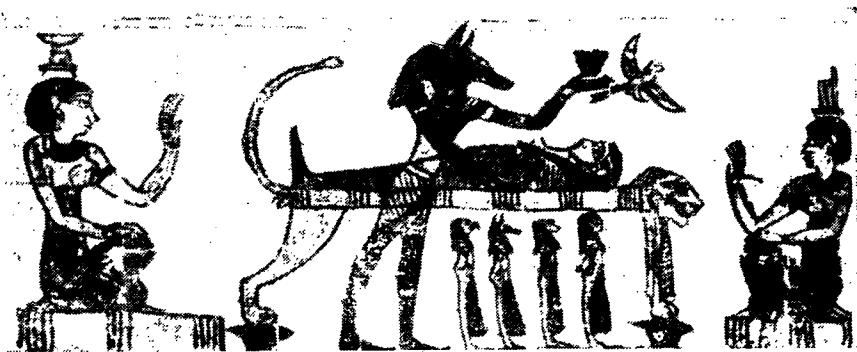

Рис. 51. Обряд бальзамирования. Рисунок из «Книги музеев изобразительных искусств»

где именно располагалось царство Осириса, точно не указывалось — где-то на западе. В Мемфисе имелся свой бог — Сокар, впоследствии отождествленный с Осирисом. И его владения также располагались на западе, в Ливийской пустыне.

В эпоху Нового царства и позже широкое распространение получает новая композиция загробных магических текстов, известная в науке под названием «Книги мертвых» (рис. 51). Она состояла из множества глав (около 180). До нашего времени дошло огромное количество ее списков, и вряд ли имеется в мире хоть один музей египетских древностей, который не располагал бы одним или несколькими ее экземплярами. Однако большинство экземпляров «Книги мертвых» нетождественны друг другу: по крайней мере «во все время Нового царства, — по словам Б. А. Тураева, — этого единства не было: трудно найти два свитка с тождественным составом; в выборе и порядке текстов господствовал произвол». «Книга мертвых» представляет собой дальнейшее развитие «Текстов пирамид» и «Текстов саркофагов» и, конечно, содержит немало древних воззрений, встречающихся в них. Первоначально «Книга мертвых» не имела никакого общего заглавия, а отдельные части ее назывались «перт-ем-херу», что значит «выход днем» (подразумевается выход «ка» умершего из своей гробницы в мир в течение дня).

«Книга мертвых» изготовлялась в большом количестве, хотя полный список ее стоил относительно дорого. Приобрести, однако, отдельные главы мог каждый.

Этих отдельных глав было уже достаточно, чтобы обеспечить себе вечную жизнь после смерти. Наряду с «Книгой мертвых» в эпоху Нового царства появляется ряд других загробных магических композиций, преследующих те же цели, что и «Книга мертвых», — «Книга врат», «Книга пещер» и ряд других. В них тоже говорится о загробной топографии, но

*мертвых». Конец II тыс. до н. э. Государственный
им. А. С. Пушкина. Москва*

запутанно и неопределенно. Во всяком случае, во всех этих текстах излагается концепция, близкая к гелиопольской: бог Ра совершает путь по небу днем, вечером его барка спускается в царство мертвых Дуат. Последний разделен на двенадцать частей (по числу часов ночи), в некоторых из них правят древние боги Сокар и Осирис. Пребывание солнечного бога в этом мире приносит его обитателям величайшее утешение.

По другим представлениям, также отраженным в «Книге мертвых», умерший стремился попасть на благодатные поля Иалу, где мог вкушать все радости светлой и спокойной жизни земледельца. Это развитие гораздо более древних взглядов. За умершего работали на полях так называемые «ушебти» — «ответчики», маленькие статуэтки, оживавшие в силу магических заклинаний. «Ушебти» делались из дерева, фаянса, глины, реже камня, их клали в гроб к умершему или в его гробницу.

Привести все эти взгляды в стройную, последовательную систему невозможно.

Необходимо подчеркнуть, что в «Книге мертвых», представляющей собой огромный свод магических и мифологических текстов, мы впервые обнаруживаем в развернутой и вполне определенной форме идею о загробном воздаянии за содеянные при жизни поступки. Поэтому в массе магическо-мифологических текстов пробивается струя моральных идей, категории этического порядка. Это, несомненно, явление первостепенной важности. Нельзя, конечно, сказать, что оно не подготовлялось предшествующим развитием, косвенным, но безусловно надежным свидетельством чему служат поучения и некоторые места заупокойных текстов предшествующих периодов. Но несомненно, что 125-я глава «Книги мертвых», где говорится о загробном воздаянии, ни стилем изложения, ни лексикой, ни содержанием не примыкает к «Текстам саркофагов», пред-

шествующим и в какой-то степени подготовлявшим появление «Книги мертвых». Прежде чем рассмотреть эту инновацию в египетском религиозном мышлении, бросим взгляд в прошлое — на заупокойные тексты, существовавшие до появления «Книги мертвых».

Уже в упомянутых выше «обращениях к живым» в гробницах Древнего царства, где умерший грозит тому, кто собирается нанести вред гробнице или осквернить ее, содержатся иногда упоминания о загробном суде. Так, например, в мастабе Ти говорится: «Я буду судиться с ними перед богом великим, в месте, где действительно судят». В мастабе некоего Инти в «обращениях к живым» содержатся почти те же самые слова: «Я буду судиться с ними по этому поводу у бога великого, владыки суда, в месте, где судят». Аналогичные места имеются и в других подобных обращениях. Для тех, кто писал и читал эти слова, было ясно, о чем идет речь. Но, к сожалению, не для нас, ибо тексты хранят молчание, мы не знаем точно, кто этот «великий бог», не знаем ни места, ни характера этого суда. Одно несомненно: идея о посмертном воздаянии существовала во времена Древнего царства. Однако то, что она выражена только неопределенными намеками, тогда как магическое мировоззрение ярко проявляется повсеместно, говорит о том, что идея эта очень скромно сосуществовала с верой во всемогущество магии.

Во времена Среднего царства направленный в Абидос фараоном Аменхотем II вельможа Хентемсенти на оставленной им там заупокойной плите пишет: «Я не сделал ничего дурного, и бог может быть милостив ко мне на суде, когда я буду там...» Итак, во времена Среднего царства идея эта далеко не заглохла. Как мы сейчас увидим, в Новом царстве она уже соперничает с идеей всемогущества магии.

Таким образом, идея о загробном суде — идея древняя. Она уже наличествовала в Древнем царстве, но до появления «Книги мертвых» она не припимает конкретных очертаний: упоминания в текстах предшествующего времени приводятся лишь вскользь, глухо, мимоходом. Поучения могут быть привлечены как дополнения: в них рекомендуется творить добро, не причинять зла ближним и т. д., ибо именно такое поведение человека угодно богам. Как было указано выше, глава 125 «Книги мертвых», где ярче всего выражена идея загробного воздаяния, отнюдь не связана ни с «Текстами пирамид», ни с «Текстами саркофагов». Следовательно, глава 125 является первым (и поэтому новым) развернутым выражением не столь уж новых идей о загробном суде. Именно эта глава конкретизирует неоформленную, общую и смутную идею о загробном суде. К ней примыкают главы 1, 18 и 30, ибо и в них говорится или упоминается психостасия, т. е. взвешивание сердца умершего для определения содеянного им при жизни. В главе 125 о психостасии говорится полным голосом. Эта глава «в образе и слове представляет великую драму загробного суда и взвешивания сердца,— пишет Б. А. Тураев,— в ней приводятся и речи судимого и судей, и присутствующих богов и изображается на большой картине само действие (так называемая психостасия). Уже в эпоху Среднего царства идея суда и ответст-

венности за гробом не были неизвестны, уже тогда весы были символом правосудия, распорядителем которого считался бог Ра. Теперь наряду с магическими средствами достижения загробных благ как будто считаются необходимыми и нравственные требования, безупречная земная жизнь. Покойный входит в чертог Правосудия и произносит сначала перед Ра и его Эннеадой, а впоследствии перед Осирисом речь, в которой уверяет, что он не творил таких-то и таких-то грехов, потом делает то же перед 12 судьями, из которых каждый ведает особым грехом, наконец, в третий раз, уже будучи оправданным, настаивает на своей праведности при выходе из залы и ведет диалого странного магического характера с привратниками, дверями и докладчиками».

На рисунках, иногда сопровождающих текст соответствующих глав, показаны сцены загробного судилища и психостасии: на троне сидит владыка царства мертвых — бог Осирис. Перед ним весы — на одну чашу кладут сердце умершего, на другую — изображение правосудия и истины богини Маат. Бог Тот записывает результат взвешивания. Здесь же сидит «пожирательница» — чудовище, которое поглощает в случае обвинительного решения «ка» умершего, подвергшегося суду. Это вторая и окончательная смерть, прекращение всякого дальнейшего существования. Именно этого более всего и боялись набожные египтяне. Устрашенные таким исходом в случае неблагоприятного для них решения суда богов, они не могли расстаться с багажом магических представлений, гарантировавших им бессмертие при помощи всевозможных заклятий. Поэтому в той же главе 125 мы находим рядом и магические и нравственные категории, по сути дела исключющие друг друга. С помощью магических категорий знаний, заключенных в главе 125, «умерший», ссылаясь на знание имен судей, делает этих судей для себя безопасными и превращает свои оправдания в магические формулы, заставляющие их признать его невиновность. Всякий египтянин с этой главой в руках и текстом ее на устах оказывался безгрешным и святым, а главой 30 он магически заставлял свое сердце не говорить против него дурное, т. е. насиловал свою совесть. Таким образом, вся глава была просто талисманом против загробного осуждения, и после нее, как и после многих других глав, имеется приписка-рецепт, как ее «приготовить» и какие преимущества она сообщит, если ее иметь при себе; и по заглавию она освобождает от всех грехов. Так были уничтожены высокие приобретения нравственного порядка, и «Книга мертвых» оказывается свидетельством и их наличности, и их печальной судьбы. И тем не менее нельзя недооценивать этических категорий главы 125. Правда, они не смогли изжить огромного магического наследия предшествующих веков и тысячелетий. Они даже вынуждены были уживаться со своим антиподом — могущественной магией в одной и той же главе, тем не менее заключенные в ней нравственные идеи наложили несомненный отпечаток на мышление и самосознание египтян последующих эпох. Сама по себе широко распространявшаяся идея загробного суда была значительным шагом вперед в жизни египетского народа.

Следует упомянуть, что у египтян было очень живуче убеждение, что умерший после смерти может вмешиваться в дела живых, оказывать на их жизнь и судьбу опасное и зловредное влияние. Доказательством этому служат письма, адресованные мертвым их близкими, в которых умерший упрекается в своей неоправданной отношении к нему со стороны живых злонамеренности. Эти письма очень убедительно говорят о том, что египтяне никогда не расставались с мыслью, что посмертный покой умершего теснейшим образом связан с участью переживших его близких. Отсюда неуспяная на протяжении тысячелетий забота египтян о своих покойниках.

Следует сказать несколько слов о гробницах. Гробницами фараонов были либо пирамиды, либо скальные гробницы. Выбор определялся не воззрениями на загробную жизнь царя, а исключительно географическими соображениями. Там, где долина Нила не была зажата в очень узкую полосу окаймлявшими ее кряжами скалистых холмов, как, например, вблизи Мемфиса или в Среднем Египте, гробницы фараонов воздвигались в архитектурной форме пирамид. Там же, где долина Нила была узка, как, например, у Фив, и где не было места для строительства пирамид, царские гробницы вырубались в скалах. На западном берегу Нила, против Фив, в мрачном скалистом ущелье, в так называемой Долине Царей, был вырублен ряд скальных царских гробниц. Обычно амфилада подземных камер и вереница длинных, прямоугольного сечения коридоров ведут в погребальный покой с саркофагом фараона. Самая обширная и богато украшенная гробница принадлежит Сети I. Вот как описал посетивший ее в середине прошлого века русский путешественник А. С. Норов: «При самом вступлении в галерею, ведущую покато в дальний мрак, я уже поражен был удивлением, которое, возрастая на каждом шагу, превратилось в восторг... Вообразите себе галерею, столь же роскошно расписанную, как Ватиканская или наша Эрмитажная, не менее высокую, — потом целый ряд чертогов, украшенных пилястрами: все это облачено живописью, столь свежей, что она как бы недавно вышла из-под кисти Рафаелей фараоновых... В конце этих палат представьте себе высокую поперечную залу, созданную как бы для пиршества, с округленным сводом, где по лазоревому полю, как по небу, рассеяны звезды, которые при появлении факелов блестят ярким золотом... Посреди этого торжественного чертога стоит... гробница».

Длина этой гробницы, начиная от входа, равна 100 м. Скальные усыпальницы других фараонов XIX и XX династий в основном повторяют ее план. Естественно, что эти гробницы возбуждали и возбуждают удивление и восторг как в древности, так и теперь. В гробнице Рамсеса VI (№ 9) обнаружено около тысячи греческих и римских граффити побывавших в ней в древности путешественников. Один из них пишет: «Тот, который здесь не был, ничего никогда не видел. Благословенны те, кто здесь побывал».

Гробницы вельмож и знати в Фивах также высекали в скалах. Они, естественно, значительно меньших размеров и не столь великолепны и богаты, как царские.

В Мемфисе и других местах Египта, где горные кряжи отходили далеко от Нила, гробницы знати и вельмож эпохи Древнего царства устраивались совершенно иным образом, и они известны в науке под названием «мастаба» (что по-арабски значит «скамейка»). Мастаба имеет форму вытянутого прямоугольника с покатыми сторонами, возвышающегося над землей. Она строилась из кирпича и кирпича-сырца и часто облицовывалась камнем. Сооружение ее требовало много материала и труда. В погребальную камеру вела вертикально шахта. После того как в нее помещали саркофаг, ее наглухо заполняли камнем. В надземной части мастабы располагались сердаб и камеры.

Сердаб состоял из небольшого помещения, в котором сохранялись статуи умершего. Камеры были иногда многочисленны, как, например, в мастабе вельможи Мерерука — 31 камера. На стенках камер высекались изображения сцен из жизни умершего и соответствующие тексты, а также сооружался алтарь для возложения заупокойных даров.

Некрополь в Гизе состоит из множества мастаб, расположенных, как дома, вдоль пересекающихся улиц. Гробницы — мастабы и скальные — представляли собой объединенный комплекс погребения и заупокойной модели. Заупокойные храмы царей строились при их пирамидах, а если цари были погребены в скальных гробницах, то последние воздвигались в отдалении, недалеко от Нила.

Непоследовательность и запутанность заупокойных воззрений египтян не могли в какой-то мере не возбудить скептицизма в отношении традиционных взглядов на жизнь после смерти. Об этом недвусмысленно говорят тексты, начертанные в гробницах. В заупокойном храме царя Среднего царства XI династии найдена исполнявшаяся на заупокойных пирах «Песнь арфиста», в которой говорится, что никто не приходил из потустороннего мира обратно на землю и никто не рассказывал, что творится там. Высказываются сомнения в целесообразности и эффективности заупокойного культа, а поэтому рекомендуется использовать все радости земной жизни. «Песнь арфиста» известна в разных вариантах, дошедших от разных эпох.

Во времена XXII династии Небнегеру, жрец Амона, написал в своей гробнице, что то, «что наступает после смерти, приносит страдания: ты лишен всего, что тебе принадлежало на земле», и т. д. Его же слова: «Беглый миг, когда видят луч солнца, стоит больше вечности и господства над царством мертвых» — напоминают речь Ахилла в потустороннем мире в ответ на утешения Одиссея.

* * *

Несмотря на хаотичность, несогласованность и противоречивость религиозных воззрений, свойственных египтянам и окрашивавших всю созданную ими цивилизацию, эти воззрения не могли остаться достоянием только египтян, не повлиять на религиозное мышление других древних народов, поддерживавших постоянные сношения с населением долины Нила. Это

очень большая и серьезная проблема, и здесь невозможно даже перечислить ее аспекты. Однако на двух вопросах все-таки необходимо остановиться.

Задолго до Александра Македонского греки стали проникать в долину Нила как солдаты-наемники египетских фараонов, путешественники и поселенцы (Навкратис). Египетская цивилизация, и в частности религия египтян, естественно, не могла не привлечь их внимания и не оказать на них определенного воздействия. Свои впечатления от египетского пантеона, с которыми греки имели лишь поверхностное знакомство, они выразили в сопоставлении некоторых египетских богов с греческими. Об этом можно прочесть в трудах Геродота и других авторов. Так, в египетской Хатор греки видели Афродиту, в боге Тоте — Гермеса, Имхотепа они отождествили с Асклепием, Амона — с Зевсом и т. д. В этих сопоставлениях заключалась попытка разобраться и понять пантеон египтян. То, что такой греческий писатель, как Плутарх, автор известных биографий выдающихся деятелей античности, посвятил специальное большое сочинение египетскому мифу об Осирисе и Исиде, свидетельствует об интересе древних греков и римлян к религиозному миру египтян. Этот интерес не оставался только в сфере познавательной: греки и римляне проявили стремление приспособить египетские религиозные воззрения к своим. Став повелителями Египта, Птолемеи, преемники Александра, систематически продолжали в Египте религиозную политику фараонов: строили новые храмы и обновляли старые и, следуя примеру египетских фараонов, заботились о поддержании культа египетских богов. Так же поступали и первые римские императоры. Наконец, греческие и римские повелители на троне Египта продолжали энергично поддерживать древнюю египетскую традицию — обожествление живого фараона, и начало этому положил еще сам Александр Македонский. Наконец, для сближения греков и египтян в самом Египте Птолемеи создали и организовали культ синкретического греко-египетского божества — Сераписа, неотъемлемым элементом которого был древний мемфисский бог в образе быка Аписа, о котором говорилось выше.

Гораздо существеннее, что культ некоторых собственно египетских божеств был перенесен из Египта в Элладу и Рим. Среди этих божеств первое место принадлежит богине Исиде. Ко времени начала более тесного сближения египтян с греками богиня Исида, жена Осириса, наряду с самим Осирисом стала всеегипетским божеством. Интерес греков и римлян к мифу об Осирисе и к одному из главных персонажей этого мифа, Исиде, засвидетельствован и запечатлен в упомянутом уже сочинении Плутарха.

В греко-римской интерпретации образ Исиды был органически связан с нравственной силой, принявшей мистическую форму. На греческом языке появился ряд произведений религиозного содержания о богине Исиде, известных в науке под названием ареталогий. Оставляя здесь в стороне сложный вопрос о том, являются ли они переводами с египетского на греческий или греческими оригиналами, отметим, что само их существование доказывает силу воздействия египетского религиозного мышления на гре-

ческое. Одной из причин популярности египетской богини в греко-римском мире было то, что Исида, став в поздние времена всеегипетским божеством, в глазах египтян могла, как и Амон, продлить жизнь верующего. В одном из текстов в Филе сказано: «Исида, распоряжающаяся жизнью, владычица Филе». Этим египетская богиня также импонировала грекам и римлянам, ибо у них срок жизни определялся не богами, а судьбой — Мойрой, которой были подчинены и люди и боги. У египтян же судьба человека решается божеством, которое стоит над судьбой. В полном соответствии с этим чисто египетским взглядом на судьбу в одной из греческих аресталогий богиня Исида восклицает: «Мне подчиняется судьба». В «Метаморфозах» Апулея, где рассказывается о мистериях египетских богов, Исида, обращаясь к одному из римских верующих, говорит: «Я одна могу продлить твою жизнь сверх срока, предопределенного тебе судьбой». Культ Исиды проник и в Элладу, и в Рим, и в самые удаленные окраины великой Римской империи — и в Лютецию (древний Париж), и в Англию, и в придунайские страны. Наряду с культом Исиды распространялся и культ других божеств, например бога Нила Хапи и др. Само собой понятно, что при этом облик и черты египетских божеств, не теряя своей специфики, в значительной мере видоизменялись, подвергаясь влиянию местной среды.

В заключение остановимся вкратце на очень сложной и трудной проблеме — о воздействии древней египетской религии на раннее христианство. Прежде всего надо сказать несколько слов о влиянии египетской религии на библейский Ветхий завет, являющийся неотъемлемой частью всей христианской литературы. Как научная проблематика сюжет «Египет и Библия» всегда интересовал науку и в наши дни далек от исчерпывающего решения. Однако и теперь можно указать на то, что Ветхий завет несомненно носит на себе следы египетского влияния. Библейская космогония, согласно которой бог создал мир изречением уст своих, является бросающейся в глаза параллелью мемфисской космогонии — в ней бог Пта действует точно так же (об этом сказано выше). Но «Памятник мемфисской теологии» оказал влияние не только на Ветхий завет, но и на Новый, т. е. на раннее христианство. Очень велико было влияние на раннее христианство эллинизированного иудейского философа I в. до н. э. Филона Александрийского. У него, между прочим, имеется учение о логосе. Во избежание недоразумений следует подчеркнуть, что учение о логосе Филона Александрийского резко отличается, как уже говорилось, от соответствующего учения о логосе (слове) предшествовавших ему греческих мыслителей (Сократа, Платона, Аристотеля и др.). У Филона Александрийского логос — это творческая сила божества. По сути дела, Филон повторяет мысль «Памятника мемфисской теологии».

Но вернемся, однако, к Ветхому завету. В книге, известной под названием «Притчи Соломоновы», имеются места, являющиеся переводом или близким к оригиналу пересказом некоторых мест «Поучения» египтянина Аменемопе. Примеров египетского влияния на Библию можно было бы привести больше.

! Египетское учение о триедином боге (Пта-Ра-Амон) или (Хепра-Ра-Атум) оказало влияние и на христианский догмат о троице. Египетские воззрения на загробный суд из главы 125 «Книги мертвых» с ее идеей загробного воздаяния являются прототипом христианского учения о Страшном суде. Здесь нет возможности, к сожалению, остановиться подробнее на этих проблемах и углубиться в их суть, а также привести другие примеры.

Насколько египетские воззрения глубокого проникли в христианство, даже без внешней модификации показывают два нижеприводимых факта.

В Коптском музее в Каире хранится икона с изображением двух святых, у которых вместо человеческих голов головы собак, и святые эти очень похожи на египетского бога Анубиса. Как известно, и в России св. Христофор изображался часто с песьей головой и назывался «св. Христофор Псеглавец».

В древности богиня Исида была покровительницей города Лютеции (совр. Парижа). Здесь был ей воздвигнут храм, расположенный на территории, где сейчас находится сад Музея Клюни. Когда во Франции распространилось христианство, древняя богиня не была забыта: ее статуя как христианской святой стояла на южной стене аббатства Сен-Жермен де Прэ вплоть до 1514 г.

Какими путями египетские религиозные взгляды, мифологические сюжеты и обряды попадали в христианство? Ответить на этот вопрос в каждом конкретном случае не всегда представляется возможным. Но следует иметь в виду следующее важнейшее обстоятельство: став со времен Александра Македонского органической частью эллинистического мира, Египет многое вложил во всемирно-историческое явление, которое мы называем эллинизмом: трудно представить себе эллинизм без участия Египта. А раннее христианство в процессе возникновения и становления заимствовало из эллинизма немало идей, мифов, образов, обрядов.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЗАЧАТКИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Религиозное мышление не было изначальным и врожденным, присущим человеку от природы. Оно возникло в самом процессе производственной деятельности первобытных людей. Производственный акт сочетался с обрядом. При этом открытие полезных для человека свойств растительного и животного мира (крепость кедра, гибкость березы, колючесть игл ежа и т. д.) сопровождалось песнями, обращенными к ним. Таким же образом первобытный человек взывал к земле, камням, воде и огню.

С течением веков и тысячелетий вырабатывались все более сложные культовые и магические приемы (молитвы, жертвы, заклинания и т. д.). Первобытные люди приглядывались и прислушивались к явлениям природы (дождю, молнии, грому и др.), пытались их воспроизвести (магия подражания), привлечь на свою сторону или отклонить и наслать на врага. При этом производился ряд наблюдений, которые приводились в определенную систему, что было известным шагом вперед, хотя ответы на вопросы, возникавшие в сознании людей, в большинстве случаев давались фантастические.

«Всякая мифология, — говорит К. Маркс, — преодолевает, подчиняет и формирует силы природы в воображении и при помощи воображения; она исчезает, следовательно, вместе с наступлением действительного господства над этими силами природы»¹.

Таким образом, К. Маркс отметил закономерность и неизбежность перехода от мифологического мирозерцания к научному, определяемому в конечном счете потребностями экономики и процессом развития производительных сил, победой человека над природой.

¹ К. Маркс, К критике политической экономии, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 737.

Само собой разумеется, это был длительный процесс. В общую мифологическую схему вклинивались отдельные реальные выводы. Магические заклинания и обряды сочетались с целесообразными действиями, дававшими практические результаты.

Производственная практика, знаменовавшая успехи человека в освоении природы, наглядно выявляла закономерность происходящих в ней перемен.

Однако человек, находясь в плену религиозно-магического мышления, долго еще страшился своих побед над природой. Убийство дикого и даже домашнего животного считалось грехом, который надо было загладить искупительным обрядом. Обработка почвы мотыгой или плугом казалась нанесением рап божеству земли, а срезание колоса серпом приравнивалось к убийству доброго бога растительности. По мере усиления социальной дифференциации и возникновения и развития классового общества и государства религиозные представления оказались под защитой господствующего класса. Идея подчинения высшим силам соответствовала учению о божественности верховной власти на земле. Требование безусловного повиновения, например египетскому фараону, получало религиозное обоснование. В интересах господствующего класса искусственно задерживался переход от слепой веры в божественные силы, населявшие вселенную, к научному познанию природы. Зачатки естествознания прикрывались мифологической оболочкой. Даже дойдя до представления о том, что те или иные силы природы должны служить человеку, древние мыслители осмыслили на первых порах эту победу как милость богов. Верховный бог Египта Ра создал Вселенную для людей, так же как и бессмертный титан Прометей даровал людям огонь. Антропоцентризм сочетался с преклонением перед волей сверхъестественных сил.

Хотя общие признаки бесчисленных мифологических систем сходны, в деталях мы находим между ними значительные различия. Каждый народ вырабатывает свои оригинальные мифы, отражающие местные природные условия и исторические судьбы той или иной страны. Не случайно К. Маркс обратил внимание на глубокое различие мифотворчества греков и египтян, подчеркнув, что «египетская мифология никогда не могла быть почвой или материнским лоном греческого искусства»².

Таким образом, изучая египетские мифы во всем их разнообразии, необходимо учитывать специфические черты, отличающие их от мифов греческих или китайских, шумерийских или хеттских или мифов десятков других народов. Отметим пока несколько характерных для Египта черт.

В жизни египтян огромное значение имело использование вод Нила, без которого немыслимо было существование страны. Поэтому культ великой реки и обитающих в ней животных (крокодилов, гиппопотамов) приобрел гигантские масштабы. Наоборот, море для египетского народа играло

² К. Маркс, К критике политической экономии,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 12, стр. 737.

второстепенную роль, и это резко бросается в глаза при сравнении египетской мифологии с греческой или древнееврейской.

Дожди выпадали в Египте крайне редко, основным источником влаги, как говорилось, служил Нил. Вот почему атмосферные осадки не были для египтян особенно ценным даром природы, без которого нельзя было обойтись. Поэтому в египетском мифотворчестве не мог возникнуть образ небесного бога, подобного громовержцу Зевсу (у греков), грозному Ягве (у евреев) или властителю небесных вод Ададу (у вавилонян или ассирийцев). Египетский бог бури Сет был владыкой пустыни, посылающим песчаные вихри. Впоследствии он превратился в покровителя чужеземцев-завоевателей, исконных врагов Египта, нахлынувших из Азии. Лишь изредка он выступает как бог грома.

Таким образом, бросаются в глаза оригинальные черты мифотворчества египетского народа, несмотря на возможность некоторого влияния извне.

Это не значит, что существовала полная противоположность в развитии миросозерцания. Египетский народ создал самостоятельный вариант общечеловеческих представлений о мире, которые закономерно возникали по крайней мере у большинства народов земного шара на определенных этапах развития общества.

Переход от охотничьего быта к земледельческому и скотоводческому, смена материнского права отцовским, возникновение государственной власти как орудия господствующего класса — все это неизбежно изменяло верования египтян в том же направлении, что и у других народов, достигших соответствующего уровня социально-экономического развития. Поэтому, во-первых, местные особенности не должны заслонять в наших глазах общих черт, а во-вторых, далеко не всякое сходство можно объяснить простым заимствованием.

Первобытный человек ищет жизнь, разум и сознательную волю у любого животного и растения, в любой стихии и любом предмете, которые для научного мировоззрения представляются неодушевленными. Одухотворение неорганической природы в полной мере было свойственно древним египтянам, и преодолеть его до конца им, несмотря на отдельные смелые попытки, так и не удалось.

Небо, земля, воды, воздух, небесные светила воспринимались египтянином как живые существа, обладающие огромными размерами, сплюсн и всевозможными чудесными свойствами.

Поскольку в Египте весьма устойчиво сохранялись некоторые пережитки тотемизма, стихии олицетворялись нередко в облике различных животных, птиц, пресмыкающихся, насекомых. Обычно (хотя и не всегда и не везде) каждая часть Вселенной мыслилась подобной тем существам, которые гнездились в ее недрах. Земля, до того как она стала представляться антропоморфной, казалась гигантской змеей. Реальные змеи считались порождением прародителя, напоминавшими его по внешнему виду.

Впрочем, имелся и другой зооморфный образ земной стихии — лев, ибо реальные львы также таились в логовищах и казалось, что они вышли из

глубины земли. Оба параллельных бога носили разные имена: Геб (змея или человек со змеиной головой) и Икер, или Ахеру (лев).

Оба этих воплощения могли представлять лишь сухую землю, ибо и змеи и львы водились главным образом в пустыне. Требовались какие-то дополнительные образы, соответствующие сырой, влажной и плодородной почве. Наиболее подходящим для этого существом была лягушка. В виде этой амфибии изображалась одна из египетских богинь плодородия по имени Хекет. В известной египетской сказке о фараоне Хуфу и чародеях, в которой отразились и религиозные представления, и мифологические образы (папирус Весткар), она выступает совместно с богинями Исидой и Нефтидой, сестрами общепочитаемого в Египте бога плодородия Осириса (рис. 52). Четвертым в этой группе является другой бог плодородия — Хнум, одним из основных центров почитания которого был город Элефантина. Следовательно, в силу присущего многим сказкам эклектизму дружно объединились хтонические божества, почитавшиеся обычно в разных местах и выполнявшие одни и те же функции размножения. Совместными усилиями они облегчают роды героини сказки Раджедет, которая производит на свет трех будущих фараонов.

Еще показательнее представления, характерные для местного культа в Гермопольском номе. Здесь издавна, еще до утверждения Тота в качестве главного бога, почиталась восьмерка (по-гречески «огдоада») богов земли, из которых четверо изображались змеями, а другие четверо — в виде лягушек.

Таким образом, вся группа божеств изображала земную стихию в целом, охватывая и пустыни, и болотистые земли, причем на каждую из сторон земли (она представлялась египтянам четырехугольной) приходилось одно божество влажной и одно божество сухой почвы.

Лишь позднее, с появлением хтонических представлений, земля стала изображаться в виде человека, и притом мужчины, сменившего свой змеиный облик на антропоморфный.

Однако в одном позднем тексте в честь бога Амона мы читаем: «Супруга его — почва, которую он оплодотворяет, семя его — древо жизни, эманация его — хлебный злак». При этом подчеркивается, что сам Амон превращается в реку Нил, так что в данном случае, по мнению составителя гимна, мужским началом в природе является вода, а женским — земля.

Лишь иногда, как в приведенном только что тексте, проскальзывает почти совершенно исчезнувшее представление.

Во всех перечисленных вариантах земля представляется в виде живого существа, зооморфного или антропоморфного.

Также и небо, по воззрениям египтян, имело вид животного, а на более поздней стадии стало представляться человекообразным существом. Показательно, что небесная богиня Нут чаще всего изображалась в виде коровы, но иногда и в образе свиньи. Вероятно, это было связано с локальными различиями тех или иных областей.

Как отмечал Геродот (что подтверждается и египетскими источниками

Рис. 52. Бог Осирис. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

ми), в дельте Нила особенно было развито свиноводство. Вполне естественно, что свинья могла стать здесь почитаемым тотемным животным и ее облик был присвоен небу, причем звезды представлялись в виде поросят.

Напротив, в Верхнем и Среднем Египте особенно большое значение в хозяйстве имел крупный рогатый скот, и многие божества стали изображаться в виде коров и быков. В частности, богиня неба Нут изображается египетскими художниками в образе гигантской коровы, брюхо которой усеяно звездами.

Показательно, что и в том и в другом случае божественное животное обязательно является самкой. Положение не изменилось и на стадии антропоморфизма. Небо стало изображаться в виде женщины, изогнувшейся дугой над распростертым, спиной кверху, телом своего супруга Геба (бога земли) и касающейся его пальцами рук и ног.

В других локальных культах небо носит иные имена, но обязательно женские (Нейт, Мут, Исида, Хатор). Никаких следов мужского облика небесного божества, наподобие индийского Варуны, иранского Ахурамазды, вавилонского Ану, греческого Урана и т. д., в Египте мы не встречаем. В этом отношении египетская мифология стоит совершенно особняком.

Тело небесной богини, по египетским представлениям, омывалось водой. Хотя в Египте дождь выпадает очень редко, по необходимость объяснить появление атмосферных осадков заставляла предполагать наличие запасов небесной воды. Такое представление давало также возможность образно воспроизвести движение дневного и ночного светил. В Египте вплоть до XVIII в. до н. э. был неизвестен колесный транспорт и основным средством сообщения служили корабли и лодки. Обычный в мифологии европейских и азиатских народов образ небесной колесницы был чужд поэтическому творчеству египтян. Солнечный и лунный боги передвигаются у них в ладьях. Для объяснения, почему небесные воды не обрушиваются на землю, было создано учение о металлической преграде, являющейся дном небесного потока. В этом пункте египетские мифы тесно соприкасаются с вавилонскими и библейскими. Поскольку тело богини неба омывалось, по представлению египтян, водой, вполне естественно было бы изображать эту богиню представительницей водной фауны. Вероятно, так и было на более ранней стадии. Сохранилось изображение богини Нут в виде самки гиппопотама. Другая богиня неба, Нейт, почитавшаяся в городе Саисе, называется в религиозных текстах матерью бога крокодила Себека. Легко предположить, что в древнейшие времена сама она представлялась в образе самки крокодила. По мере перехода к сельскому хозяйству образы священной свиньи и божественной коровы стали более близкими и понятными, хотя и старые представления, сложившиеся в среде первобытных охотников, кое-где сохранились в отдельных текстах или на единичных изображениях.

1 Во всех многочисленных вариантах земля и небо мыслились египтянами в равной мере как твердь. Судя по некоторым указаниям, земля считалась состоящей из более рыхлого вещества, а небо — из более плотного (меди или железа). Представление о небе как о воздушной стихии (вроде

небесного эфира у греков) было чуждо египтянам. И небо и земля, по их убеждению, омывались водами и возникли как твердь из водного хаоса. При этом, поскольку они являлись, будь то в зверином или человеческом облике, супружеской парой, то их мыслили первоначально тесно соприкасающимися друг с другом и лишь позднее оторвавшимися один от другого. В параллельной шумерийской традиции прямо говорится, что в первобытном океане образовалась гора, верхней частью которой был бог неба Ану, а нижней — богиня земли Ки. От их священного брака родился бог воздуха Энлиль, который оторвал своего отца от матери. По-видимому, и египтяне мыслили процесс мироздания сходным образом. Во всяком случае, египетские художники изображали бога воздуха Шу (соответствующего Энлилю) поддерживающим тело небесной матери и не дающим ей упасть на своего супруга — бога земли.

“В этих мифах земля, небо и воздушное пространство между ними отнюдь не являются извечными. Первоначально Вселенная представляла собой бесконечное водное пространство, из которого выделялись все стихии.

Этот первичный водный хаос мыслился как живое существо мужского пола по имени Нун. После образования других стихий и разделения мира на несколько зон (небо, атмосфера, земля, подземный мир) воды оказались разъединенными в мировом пространстве, хотя известная связь и взаимодействие между ними сохранились. На земле основным водным божеством считалась река Нил (по-египетски «Хапи»). Изображался этот речной бог в виде двуполого существа (мужчина с женской грудью), что, по мнению акад. В. В. Струве, свидетельствует о пережитках материнского права. Божество, дарующее влагу и жизнь, во времена матриархата казалось женщиной. Когда восторжествовало отцовское право, то его (как и много других богинь) превратили в мужское существо, но за этим новым мифологическим образом сохранили некоторые женские черты. Подобные сочетания, противоречащие здравому смыслу, в мифологии обычны.

Почитание великой реки, от разливов которой зависело благосостояние Египта, отразилось в некоторых литературных памятниках. В одном из гимнов, составленных в честь бога Нила, мы читаем:

Если он (Нил) медлит, то замыкается дыхание,
И все люди беднеют,
Уничтожаются жертвы богов,
И миллионы людей гибнут...
Когда он выходит, земля в ликовании,
И все живое в радости,
Зубы все начинают смеяться,
И каждый зуб обнажен.
Приносящий хлеба, обильный пищей,
Творящий все прекрасное...
Творящий траву для скота,
Заботящийся о жертве богу всякому.

О реальных истоках Нила египтяне не имели никакого представления, ибо в пределы Центральной Африки ни один египетский путешественник не проникал. По господствующему представлению, Нил вытекал из двух пещер, охраняемых священной змеей. Таким образом он доставлял на землю подземные воды. В то же время не отрицалась его зависимость от истоков небесной воды. Подъем уровня реки и последующее наводнение объяснялись плачем небесной богини Исиды, от слез которой переполняется Нил.

В этом пункте представление о Ниле уже переплетается с обширным циклом мифов, связанных с образом бога плодородия Осириса, брата и мужа Исиды. Они чрезвычайно сложны и разнообразны. Осирис выступает как бог земного плодородия, производящий траву, деревья, злаки и виноград. Одновременно он бог, который сам является почвой, питающей ростки. В этом случае он выступает двойником своего отца Геба. В некоторых религиозных текстах Осирис предстает луной, озаряющей ночное небо. В заупокойной литературе («Текстах пирамид», надписях на саркофагах) он выступает как царь загробного мира, а позднее (в «Книге мертвых») — как судья, к которому приводятся души умерших, стремящиеся оправдаться перед ним и заверяющие, что они жили чисто и безгрешно.

С Осирисом сливается после смерти сам фараон, и о подобном воплощении мечтает каждый подданный. Такая сложность и многообразие мифологического образа таинственного бога удивляли самих египтян и еще более греческих авторов, знакомившихся с религиозными верованиями Египта.

При всей противоречивости воплощений и свойств Осириса можно выделить некоторые характерные черты, присущие ему в любом мифологическом варианте. Осирис всегда является воскресающим, олицетворяющим основные перемены, происходящие в природе: засуху и половодье, гибель колосьев (жатву) и прорастание зерна, уменьшение лунного диска и наступление полнолуния. Все это связывалось, преимущественно в более позднее время, с учением о страданиях доброго бога, его гибели, возрождении и конечном торжестве над силами зла. Общеизвестно, какое большое влияние оказало это учение впоследствии на выработку христианской догматики.

Содержание мифа об Осирисе сводится в основных чертах к следующему. Осирис был сыном бога земли Геба и богини неба Нут. Он унаследовал от своего отца египетский престол и научил людей земледелию и садоводству. После долгого царствования он был убит своим коварным братом Сетом (по одной версии, заколочен в гроб и брошен в воду, а по другой — разрублен на четырнадцать частей). Сестра (и в то же время жена) Осириса Исида (рис. 53) нашла и погребла его останки и затем зачала чудесным образом от мертвого мужа и родила ему сына по имени Гор. Младенец вырос, победил Сета и воскресил своего отца, дав ему проглотить свое волшебное око, таящее в себе магическую силу.

Все это рассказывается с бесчисленными подробностями и во всевозможных вариантах, не нарушающих, однако, общую схему. Как мы видели, одним из воплощений Осириса была вода. Да иначе и быть не могло, ибо произрастание растений, жизнь людей и животных немыслимы без влаги. В одном тексте прямо говорится, что Нил вытекает из рук Осириса и воды его являются потом этого бога. При этом бросается в глаза, что египтяне, как уже говорилось, за редкими исключениями, обоготворяли речную, главным образом нильскую, воду. Морская стихия отступает на задний план. Специального бога моря египетская религия и мифология не знали. В отличие от греков, у которых Посейдон выступает как брат верховного бога Зевса, египетские жрецы не включили в официальный пантеон соответствующее божество. Амон-Ра, объявленный владыкой Вселенной, господствует также и над морями, но об этом в гимнах говорится кратко и односложно. В гимне Атону очень подробно описан Нил, созданный этим богом для блага людей, и в заключение добавляется всего одна строка: «И твои лучи посреди Великого моря». В этом пункте фараон-реформатор не изменил ничего в традиционной схеме.

Самым доказательным является, пожалуй, характерный эпитет Амона: «дарующий жизнь рыбам в реке и птицам, порхающим в небе». О морской фауне египетский автор здесь

Рис. 53. Богиня Исида с младенцем Гором. Бронза. Поздний период. Конец II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

забывает. В египетских сказках, созданных на основе мифов, отсутствуют морские чудовища вроде гомеровских Сциллы и Харибды или библейского Левиафана. Нет в них и благодетельных существ вроде греческих перенд. Герой «Сказки о потерпевшем кораблекрушение», только добравшись до острова, встречает доброго змея. В морских волнах он не находит ни одного мифического существа, и над ним не летают ни птица Рох арабских сказок, ни коварные сирены гомеровского эпоса.

Только в одной египетской сказке, в которой сохранились некоторые образы мифов («Сказка о двух братьях»), выступает море как живое существо, которое гонится за женой главного героя (Баты) и похищает прядь ее волос. Но само имя этого существа передается нарицательным иностранным существительным — семитическим «Им» («Море»). По-видимому, данный сюжет был заимствован у азиатских народов.

Можно смело сказать, что все основные космогонические циклы сказаний Египта относились к морю равнодушно (гелиопольский, мемфисский, фиванский, гермопольский, абидосский). Вероятно, в некоторых местных верованиях, возникших в поселениях рыбаков и моряков средиземноморского побережья, морские божества и чудовища играли большую роль, но наши сведения в этой области весьма ограничены. Б. А. Тураев, который специально занимался этим вопросом, подобрал тексты, в которых богини Нейт и Хатор названы владычицами моря, и обратил внимание на рисунок на одном магическом папирусе, где изображено морское чудовище в виде дельфина на бычьих ногах.

Однако все эти единичные факты и примеры теряются в огромном количестве описаний и изображений божеств речной фауны (Себека, Тауэрт и др.). Возможно, что только в саисском пантеоне, где главная богиня Нейт оказалась владычицей моря, почитание морской стихии играло более заметную роль. Само местоположение Саиса близ побережья Средиземного моря создавало для этого культа благоприятные условия. К сожалению, местный саисский пантеон известен нам мало и сама богиня Нейт, как отмечал Б. А. Тураев, имела множество разнообразных воплощений и функций. Большинство египетских номов располагались вдали от моря и не зависели от него экономически — к морю они были равнодушны. Переходило ли равнодушие к морю в антипатию или даже в открытую вражду, что было бы вполне естественно для земледельческого народа?

Некоторые указания на это дает греческий автор Плутарх в своем изложении мифа об Осирисе. Так, например, он заявляет: «Осирис — олипетворение Нила, который соединяется с Исидой-землей; Сет — Тифон — море, в котором разветвляется и теряется Нил; и жрецы египетские питают к морю отвращение, говоря, что соль — это отбросы Сета».

Это стройное дуалистическое учение о борьбе двух стихий — пресной и соленой воды — было, однако, по всем данным, поздним богословским построением. Ни в «Текстах пирамид», ни в «Книге мертвых», ни в старинных гимнах мы не находим следов этого учения. Наоборот, «Тексты пирамид» считают Осириса владыкой не только речных, но и морских вод.

В изречениях №№ 366 и 628 Осирис, с которым отождествляется мертвый царь, оказывается владыкой всех пяти морей, омывающих землю.

На основании этих текстов (а также изречений №№ 519 и 12136 того же сборника) Б. А. Тураев причисляет Осириса к числу божеств моря, но эта сторона деятельности бога плодородия фигурирует в мифологии очень редко.

По всей вероятности, пресная вода олицетворяет для египтян живого Осириса, производящего растительность, а соленая вода — того же бога, убитого Сетом и утратившего свои животворящие свойства. Недаром мертвый Осирис, по одному из вариантов мифа, носится по морским волнам. Слезы Исиды (дождь), пополняющие уровень Нила, представлялись чудодейственной влагой, оживляющей Осириса.

Все виды влаги — небесной и подземной, пресной (живой) и соленой (мертвой) — возводились к первичной водной стихии — извечному океану Нуну.

В недрах этой первостихии, по представлениям египтян, прежде всего зародилась огненная субстанция. Эта огненная стихия была в мифологических построениях неразрывно связана с великим светилом — солнцем.

В Египте, где в отличие от Греции и Италии не были известны извержения вулканов, не могло возникнуть представления о подземных источниках огня. Грозы, сопровождающиеся вспышками молнии, происходят в Египте сравнительно редко. Основным источником тепла и света, в сознании египетского народа, было солнце. Солярные мифы занимают в религиозной литературе древнего Египта центральное место. Только в древней Японии и в Южной Америке (у инков) можно найти в таких широких масштабах мифологический гелиоцентризм. Конечно, надо учитывать, что в Египте рано — еще при IV и особенно при V династии — солнечный бог Ра становится отцом и покровителем фараона, и это способствует оформлению и распространению солярных мифов. Однако в самом решении царской власти выдвинуть именно этот культ сказалась его популярность в стране.

Большинство космогонических мифов оформлялось в Гелиополе, и в них на первое место выдвинут Ра. Согласно этой концепции, ставшей господствующей религиозной догмой в стране, солнечный бог Ра появился в недрах извечного водного хаоса. В инертной, холодной и мрачной стихии возникло противоположное начало — деятельное и животворящее. Неоднократно подчеркивается, что Ра возникает сам собой и не имеет ни отца, ни матери. Таким образом, Нун, согласно гелиопольской космогонии, не обладал способностью производить богов. Только после появления солнечного бога первобытный мрак рассеялся и во Вселенной стал распространяться свет. Представление об изначальном свете, который возник до появления небесных светил (как в I книге Бытия), было чуждо египтянам.

Лунный свет обычно, по представлениям египтян, появляется после солнечного, тогда как в Двуречье луна считалась отцом, а солнце — сыном.

По представлениям египтян (если не считать исключений в гермополь-

ском культе), лунный бог Тот подчиняется богу Ра. По другим верованиям, солнце и луна являются частями одного и того же существа, его глазами, причем солнце называется правым глазом, а луна — левым.

И огненный жар, и свет объявляются эманациями солнца. Лишь изредка делаются робкие попытки признать за пламенем самостоятельную божественную силу. Так, в одном заупокойном тексте Нового царства, посвященном покойнице, отождествленной с Осирисом, изображена мумия с головой в виде светильника, а сопроводительная надпись гласит: «О вышедший из огня [Несер], владыка преисподней, даруй свет Осирису, госпоже дома Та-уджа-Ра». Таким образом, Несер, бог огня и света, возникает в подземном мире и не стоит ни в какой связи с солнцем.

Можно также привлечь и тексты, гласящие о боге Анубисе, покровителе покойников (ставшем позднее спутником Осириса), который оказывается пламенем, выходящим из Дельты (т. е. земным, а не солнечным). Наконец, в «Сказании о Пегубасте» (ливийского периода, т. е. около VIII в. до н. э.) говорится об одном из героев, что «он произвел поражение и кровопролитие среди них (врагов), подобно Сохмет (львиноголовой богине) в час ее ярости, когда она горит в терновнике».

Образ пылающего терновника напоминает рассказ о Ягве, явившемся Моисею в виде горящего куста. Это скорее всего наводит на мысль о молнии, от которой вспыхнуло огнем сухое дерево. Во всяком случае, на солнечное пламя намек тут нет.

Однако количество таких исключений не особенно велико. Основная линия мифологической традиции Египта сводится к признанию солнца первоначальным и основным источником огня и света.

Какой же внешний вид приписывали египтяне солнцу? Для них оно казалось отнюдь не простым огненным шаром, а каким-то живым существом. Вопрос об этом мифическом образе разрешить нелегко. В разное время и в разных местах великое светило воспринималось по-разному и, как мы уже видим, носило разные имена.

• На стадии первобытнообщинного строя, когда господствовали тотемистические воззрения, солнце, подобно другим космическим божествам, представлялось в зооморфном виде, и каждый род (а позднее племя) стремился придать ему облик своего тотемного предка.

Вероятно, одним из наиболее ранних является представление о солнце как о самке гепарда. Это была богиня Мафдет, ведущая борьбу со змеей, порождением земли. То, что зверь, олицетворяющий солнце, оказался здесь самкой, свидетельствует о древней матриархальной стадии. Позднее солнце, как и у других народов (кроме японцев), всегда представлялось в виде существа мужского пола. Представители животного мира, в образе которых, согласно мифической традиции, воплощалось солнце, были самыми разнообразными. В «Книге мертвых» Ра выступает в виде огромного рыжего кота, отрезающего голову змее. Здесь сказалось видоизменение представления о дикой кошке (гепарде) Мафдет. Впрочем, даже после перехода к патриархату старое представление о солнце-женщине не сразу

исчезает, но в силу известного компромисса остается в мифе, отступая лишь на задний план. Мафдет оказывается уже не солнечной богиней, а помощницей солнечного бога Ра.

Вместе с тем, однако, солнце представлялось птицей и его движение в течение дня по небосводу мыслилось как полет.

В Гелиополе, центре культа Атума, слившегося впоследствии с Ра, возник миф о появлении великого светила в образе феникса. Другой бог солнца, Гор, изображался в виде сокола. Впрочем, в городе Бехдете (совр. Эльфу) мы встречаем иной вариант. Сам по себе солнечный диск воспринимается как тело бога, оно снабжено крыльями. В дошедших до нас мифах Гор Бехдетский из самостоятельного бога превратился в спутника владыки Вселенной Ра. Здесь опять (как и в случае с Мафдет) мы имеем вторичную традицию — жреческие круги стремились примирить и объединить параллельные культы. Из божеств-двойников одно возвышалось, а другое прижималось и превращалось в спутника (спутницу) и помощника (помощницу).

Учение о возникновении солнца в виде птицы требовало какого-то объяснения. Ответ дает миф о появлении в первичном Мировом океане чудодейственного гусиного яйца. Итак, уже в древности возник знаменитый вопрос, мучивший позднее средневековых схоластиков: что появилось раньше — курица или яйцо (у египтян гусыня или яйцо)? По одному варианту, в водном хаосе чудесным образом поднялся холм, на котором образовалось из смещения двух элементов (земли и влаги) яйцо, а уже из него вылупилось солнце-птица. По другому варианту, прежде всего появилась божественная гусыня Гоготун, свившая гнездо на холме, и она снесла яйцо, из которого вышел солнечный бог. Более поздняя версия, связанная уже с представлением о солнце в человеческом облике, гласит, что на первичном холме вырос цветок лотоса и уже из его распутившегося бутона вышел божественный младенец Ра.

Во всех этих мифах при всем их разнообразии земля предшествует солнцу, что противоречит официальной догме государственного культа (гелиопольского) о том, что Ра создал бога воздуха Шу и его супругу Тефнут, а те произвели на свет Геба (землю) и Нут (небо).

Очевидно, параллельно существовали различные мифологические циклы. Во всяком случае, в одном из изречений «Текстов пирамид» прямо говорится, что огонь (очевидно, имеется в виду солнечный жар) непосредственно появился из воды.

Солнце представляли в Египте не только в виде зверя, птицы или человека, но и в виде насекомого. В одном из магических текстов покойник взлетает на небо в облике саранчи, причем в явно параллельном заклинании вместо этого насекомого фигурирует Ра-Горахти («Солнце — Гор горизонта»). Чаще, однако, воплощением солнца (специально утреннего солнца) оказывается навозный жук (скарабей), который катит по небу солнечный шар, подобно тому как реальный живой жук катит шарики навоза.

Египетское название утреннего солнца — Хепра — напоминало слово, обозначающее навозного жука, а также глагол «хепер» — «быть, существовать», что давало повод для заключений о вечном бытии солнечного бога.

³ На стадии перехода к земледелию и скотоводству, когда в хозяйственной жизни Египта стал особенно необходим крупный рогатый скот, произошли изменения и в мифах о солнце. Оно стало изображаться в виде золотого тельца, которого родила небесная корова.

В дальнейшем Ра уже изображается человеком, сохранив некоторые атрибуты прежнего внешнего вида (человек с головой птицы или с рогами).

Какой бы внешний облик ни принимало в воображении египтян дневное светило — казалось ли оно гепардом, соколом, фениксом, навозным жуком, тельцом или человеком, — оно всегда является воплощением огня, жара, света в противоположность воде, холоду, мраку.

Верховный солнечный бог и его двойники, превратившиеся в его спутников и сподвижников (Гор, Шу и др.), ведут в мифических повествованиях бесконечную борьбу с бесчисленными врагами. Эта вражда образно воспроизводит столкновение различных стихий, и причудливые мифические сцены отражают в искаженном виде непонятные для древних египтян явления природы.

Египтяне видели, как под палящими лучами солнца высыхают водные источники и даже понижается (в период между весенним равноденствием и летним солнцестоянием) уровень великого Нила.

Все это воспринималось адептами солярных культов как победа солнечного бога над водной стихией. Во многих мифах изображаются гигантские гишпопотамы и крокодилы, нападающие на ладью, в которой Ра плывет по небу и опускается в подземный мир. Этих противников поражает сам верховный бог или его свита своими копьями.

Другой враг Ра — змея, олицетворяющая в первую очередь земную стихию. Борьба солнца с землей ведется за третью стихию — воду, которую сухая почва впитывает в себя, поглощает и делает недоступной для богов и людей. Ра, напротив, стремится вернуть воду всему живущему. Поэтому не следует удивляться тому, что солнце, иссушающее в южных странах все и вся своими лучами, воспринимается как добрый и благодетельный бог, от которого люди могут получить необходимую им влагу.

Каждый вечер ладья бога Ра подплывает к западным горам, где кончается земля и открывается преисподняя. Здесь начинается плавание по подземному миру, являющемуся копией земного. Солнечному богу приходится на этом пути миновать двенадцать врат в течение двенадцати ночных часов. На страже их стоят огнедышащие змеи. В полночь Ра сталкивается с самым страшным змеем Апопом (имеющим в длину 450 локтей, т. е. около 230 м). Это чудовище выпивает всю воду, стремясь остановить движение ночной барки солнечного бога. Однако Ра и его спутники поражают Апопа ножами и заставляют его извергнуть проглоченную воду.

Если учесть, что, по египетским представлениям, источники Нила находятся в подземных пещерах, то освобождение глубинных вод преисподней, которое приписывается богу солнца, рисовалось тогдашним людям как благодетельный для Египта акт. Благодетельная стихия освобождалась от оков, которыми сковал ее злой змей, и становилась на службу человеку. Победу в борьбе за воду, которую жители жарких стран ведут изо дня в день, мифическое мирозерцание приписывало сверхъестественному существу.

Не надо думать, однако, что крокодилы, гиенопотамы и змеи обязательно считались врагами доброго бога. Для первобытного мышления одна и та же стихия является то злым, то добрым существом. Речные воды сокрушают поселения людей, но они же одаряют их питьевой водой, а при переходе к земледельческому хозяйству обеспечивают орошением поля и сады. Поэтому владыка речных вод — крокодил (бог Себек), столь опасный для человека хищник, почитался в некоторых номах Египта. Его стремились задобрить, чтобы он послал людям дары водной фауны и флоры и насытил почву влагой.

Аналогичным образом в египетских верованиях различаются злые и добрые змеи. Так, змей Мехен помогает богу Ра в борьбе со зловредным Апопом. В «Сказке о потерпевшем кораблекрушение» египетский моряк, выброшенный на безвестный остров, пользуется гостеприимством доброго змея. Богини Исида и Нефтида в образе кобр охраняют Осириса.

Однако та же Исида в одном из мифов оказывается злой волшебницей, выступающей против всеблагого Ра. Она создает змею из земли (здесь еще раз подчеркивается связь этого пресмыкающегося с земной стихией) и насылает ее на солнечного бога. Ужаленный змеей, царь богов и людей оказывается беспомощным против козней коварной богини. Исида соглашается исцелить его в том случае, если он откроет ей свое подлинное имя. Заставив солнечного бога выдать ей эту великую тайну, Исида получает над ним полную власть.

События из жизни космических богов должны были, по убеждению древних людей, объяснить не только смену дня и ночи как результат путешествия бога солнца, но и регулярную последовательность времен года.

Своеобразие природных условий Египта обусловило отношение египтян к зиме и лету. В более северных широтах зима вызывает представление об увядании растительности, о печальном времени, когда замирает жизнь и люди с нетерпением ждут возвращения теплых и светлых дней. В солярных мифах решающую роль в этих переменах играет бог Ра, то насылающий засуху и убивающий растительность, то сменяющий гнев на милость и спасающий все живущее от зноя и сухости.

В духе подобных представлений следует понимать, по мнению советского египтолога М. Э. Матье, два типичных для Египта мифа, в которых центральное место занимает дочь Ра, его око (т. е. солнце, носящее различные имена — Хатор, Тефнут, Сохмет), изображающаяся в виде львицы или львиноголовой женщины.

Первый миф сохранился в цельном виде. Он оформился во времена Нового царства, и текст его начертали на стенах гробниц царей Сети I и Рамсеса IV. Этот текст был озаглавлен «Сказание об истреблении согрешивших людей». Содержание его сводится к следующему.

Бог Ра, правивший когда-то на земле, состарился, и люди перестали его слушать. Обеспокоенный их непокорностью, он по совету богов посылает против грешников свою дочь (свое око) Хатор-Сохмет, которая превращается в львицу. Двигаясь вверх по течению Нила, она истребляет людей с такой яростью, что сам Ра оказывается не в состоянии ее остановить и приходит в ужас от мысли, что все человечество погибнет. Чтобы предотвратить кровопролитную бойню, богу Ра приходится прибегнуть к хитрости. По его приказу из красного минерала «диди» изготавливается хмельной напиток, напоминающий по цвету кровь. Этой жидкостью заполняются поля. Богиня-мстительница напивается этим пивом, воображая, что поглощает кровь людей, пьянеет и успокаивается.

Чтобы понять смысл этого повествования, надо знать, что воды великого Нила во время разлива приобретают сначала зеленый, а затем красный цвет.

Пламенная богиня, иссушающая землю и преследующая ее обитателей, утоляет свою жажду водами разливающегося Нила и умиротворяется. Вся природа оживает, и люди избавляются от гибели. В этом мифе смена времен года ставится в зависимость от солнечного бога и его ока, олицетворенного свирепой богиней. Бог плодородия, воды и растительности Осирис не играет в этом мифологическом цикле никакой роли. По-видимому, этот миф возник до того, как солярный и осирический культы были объединены жрецами в одну систему. На примере мифа об истреблении людей мы видим еще раз, как египтяне объясняли одни и те же явления природы совершенно различными способами, выдвигая на первый план то солнечного, то хтонического бога.

Другой солярный миф, посвященный уходу богини Тефнут в далекие южные страны, начинается, как и сказание об истреблении людей, со времени правления Ра на земле. Дочь солнечного бога Тефнут, изображающаяся в виде львицы (как Хатор-Сохмет), поссорившись со своим отцом, удаляется в Куш (Нубию). Ра тоскует по ушедшей дочери и, стремясь ее возвратить, посылает за ней богов Шу и Тота, принимающих вид павианов. Отыскав богиню, они убеждают ее вернуться в Египет и примириться с отцом. Вся страна радуется ее возвращению. Боги играют на инструментах, богини пляшут, женщины ударяют в бубны. И в огромном количестве совершают возлияние вина. Брат вернувшейся богини, Шу, вступает с нею в брак.

Смысл праздника в память возвращения и бракосочетания Тефнут объясняется одной фразой из египетского священного календаря: «Это [праздник Тефнут] — день виноградной лозы и полноты Нила». Ясно, что гнев богини, по представлению египтян, вызывает ежегодную засуху, а милость ее — переполнение Нила водой и разлив. Водные потоки, нахлынувшие с

юга, воспринимались как следствие возвращения богини из южных стран. М. Э. Матъе отмечает, что при всем различии обоих солярных мифов в деталях они относятся к одним и тем же явлениям природы. Богини в этих мифах носят прозвище «ока Ра» и изображаются в виде львиц. Гнев богини в обоих случаях грозит гибелью всему живому, а ее умиротворение (под влиянием бога Ра) спасает страну и людей. Богиня пачивается хмельным напитком, что символизирует насыщение иссушенной почвы влагой.

Основной силой природы в солярных мифах (в отличие от осирических) является солнечный жар. Усиливаясь, он уничтожает животворящие начала природы (Ра гневается), а ослабляясь, восстанавливает их (Ра смягчается). Если у народов более северных широт этот перелом связан с весенним равноденствием, то в Египте он приурочивается к летнему солнцестоянию.

В официальной египетской космогонии, победившей и частично поглотившей конкурирующие локальные системы, солнечный бог оказался в центре мироздания. Он превратил бесформенный хаос в стройное здание Вселенной. Правда, первобытный океан предшествует ему и порой называется его отцом, но чаще всего создатели египетских мифов отрицали за Нуном творческие функции и утверждали, что сам Ра-Атум (или Амон-Ра) создал самого себя, а затем различные космические силы в виде богов и богинь.

В первую очередь это была божественная пара — Шу и Тефнут. Шу изображался порой как двойник своего отца — бога солнца, но при окончательном оформлении гелиопольской системы, ставшей государственной религией, он был объявлен богом воздуха. Его изображали в образе льва или человека, но представление о его сущности было довольно смутным и неопределенным. Само имя Шу означало «пустой», и возможно, что воздух не воспринимался как нечто материальное, а мыслился как отсутствие вещества, пустое пространство. Однако движущийся воздух, т. е. ветер, должен был казаться чем-то вещественным, причем наиболее разреженной по сравнению с другими стихиями материей. Вероятно, на древнейших стадиях религиозных представлений воздух (ветер) казался гигантской птицей, вызывающей бурю взмахами своих крыльев. О самом Шу этого не говорится, но имеются указания на то, что богиня Исида, выступающая как параллельное божество, вызвала вихрь движением своих крыльев, чтобы вдохнуть жизнь в уста умершего брата и супруга Осириса. В религиозных текстах Исида и ее сестра Нефтида называются соколицами, а египетские художники изображают Исиду крылатой женщиной. Это больше подходит к божествам атмосферы, чем львиный или человеческий облик. Вероятно, представление об Исиде (Нефтида не играет самостоятельной роли) как богине воздуха было изначальным, и лишь позднее она была вытеснена богом Шу и отодвинута на второй план. Интересно, что даже во II в. н. э. греческий мыслитель Лукиан из Самосаты называет Исиду владычицей ветров.

О Шу как божестве воздуха в египетских мифах говорится мало. Он со своей супругой Тефнут производит на свет бога земли Геба и богиню неба Нут, вступающих в брак между собой. Затем Шу разъединяет навеки своих детей. Он изображается поддерживающим свою мать (небосвод) поднятыми руками и не дающим ей сомкнуться с ее мужем Гебом (землей). Подобная мифическая концепция встречается и в Шумере. Однако там земля представляется как женщина (богиня-мать) и появляется она раньше, чем воздух и небесные светила.

Как мы уже видели, бог Энлиль был сыном, а не отцом неба и земли и, возникнув между ними, отделил их друг от друга. Отнесение земли и неба к третьему поколению богов (а если считать Нуна, то к четвертому) можем считать оригинальной особенностью египетской космогонии. Сами создатели египетских мифов замечали трудность такого объяснения. Даже в гелиопольских мифах, стремящихся изобразить Ра прародителем всех богов (кроме Нуна), допускаются в разрешении этого вопроса колебания.

Ра, как мы видели, появляется на первобытном холме, следовательно, земля в первоначальной своей форме возникла ещё до солнца, и Геб (внук бога Ра) оказывается вторичным воплощением земной стихии. Подобные противоречия для мифологического мышления являются обычными, так как в мифах переплетаются и наслаиваются различные стадии религиозных представлений.

Во всех вариациях египетская мифология признает наличие пяти основных стихий, олицетворяемых в первую очередь божеством Нуном, Ра, Шу, Гебом и Нут. Все остальные космические боги и богини являются их двойниками, дополнениями или спутниками. 4

Взаимоотношения космических божеств мыслятся как акты совоплощения и размножения, иногда в естественной, а иногда в противоестественной форме. Так, бог Ра-Атум оплодотворяет себя сам. Затем этот бог производит на свет (выплевывает) пергзю божественную пару — Шу и Тефнут. Последние, вступив в брак, производят уже вполне естественным путем Геба и Нут, а от тех уже происходят (обычным путем) новые супружеские пары богов и богинь.

Таким образом, половые связи и деторождения переносятся в космическую сферу и ими объясняется формирование Вселенной.

Что касается странного представления о мужском божестве, которое не нуждается в супруге для производства потомства, то оно не ограничивается вышеприведенным эпизодом о появлении бога и богини из отцовского рта. Тот же Атум порождает людей своими глазами (они возникают из его слез).

Не нужно думать, что подобные фантазии, которые для нормальной логики кажутся бредом, были свойственны только Египту. Вспомним, что в одном из греческих мифов говорится об Афине Палладе, вышедшей из головы Зевса, который сам произвел ее.

Некоторые исследователи (например, французский этнолог А. А. Леви-Брюль) видят в подобных воззрениях систему дологического мышления,

которую считают для определенной стадии развития человечества универсальной. Конечно, это преувеличение. Фантастическая закономерность в процессе первобытного мышления сочеталась с нормальным восприятием мира. В противном случае был бы невозможен процесс труда.

Однако цепь ложных умозаключений и выводов создавалась и сохранялась, переплетаясь с трезвыми наблюдениями. Так, у различных народов разрабатывалось учение о вторичном рождении одного и того же существа. Помимо древнеиндийских представлений можно вспомнить греческий миф о Дионисе, который в первый раз был нормально рожден своей матерью Семелой, оплодотворенной Зевсом, но так как он оказался недоношенным, то божественный отец поместил его в свое бедро и младенец родился второй раз без участия матери (умершей до этого).

Сходные мотивы прослеживаются и в египетской мифологии. Ра, с одной стороны, возник сам собой и не имел ни отца, ни матери. В то же самое время и в тех же самых текстах утверждается, что богиня Нут является его матерью. Когда она представлена в виде коровы, то Ра оказывается золотым теленком. Неразрешимое с точки зрения научной логики противоречие легко объясняется по нормам фиктивной, мифологической логики. Ра проникает в чрево небесной богини, своей внучки, и рождается от нее вторично. Иногда добавляется, что он сам оплодотворил свою будущую мать, и отсюда его эпитет: «телец своей матери».

Чтобы понять эти верования, нарушающие все наши представления о здравом смысле, надо учесть, что для мифологического мышления возникновение и рождение живого существа не являются тождественными актами, так же как смерть не означает окончательного уничтожения. В «Сказке о двух братьях», являющейся переделкой мифа о страждущем божестве, главный герой Бата превращается уже после смерти в деревья (в две персеи). Когда их срубает, то отлетевшая щепка попадает в рот жены Баты, и происходит сверхъестественное (или противоестественное) оплодотворение. Родившийся от этого акта ребенок оказывается самим Батой.

При таком понимании вторичного рождения оказалось вполне возможным представлять Ра дедом, супругом и сыном богини Нут. Он проникает в чрево своей внучки и рождается от нее вторично.

Надо, однако, оговориться, что на более позднем этапе такие концепции начали смущать более трезвые умы и некоторые египетские жрецы пытались их пересмотреть и отбросить то, что уже осознавалось как явная нелепость. Как подметил советский египтолог И. Г. Франк-Каменецкий, в одном из поздних религиозных текстов Ра объявляется рожденным богиней Нут, но не от самого себя, а от ее законного супруга Геба, т. е. вполне естественным путем. То, что Ра существовал в ином виде задолго до своего рождения, не смущало египетских жрецов, допускавших перевоплощение богов и умерших людей.

Наряду со сложной пертурбацией вторичного рождения мифология допускает непосредственное и быстрое перевоплощение, т. е. оборотничест-

во, которое переходит затем в сказки в качестве излюбленного мотива. Для жрецов такие взгляды давали полную возможность примирять различные культы и приписывать локальному богу свойства и функции прочих богов, привлекать в его храмы почитателей из других мест. В результате вырабатывались элементы пантеистического мировоззрения. В одном из гимнов говорится, что душа Амона — это Шу, сердце его — Тефнут, правое око его — день, а левое — ночь и плоть его скрыта в Ниле. Таким образом, основные стихии оказываются частями бога, его внутренними и внешними органами.

В другом гимне в честь того же Амона пантеистические мотивы звучат несколько иначе. Обращаясь к этому богу, жрец возглашает: «О бог священный, родивший себя сам... повторяющий рождения, освещающий ночь в образе своем — прекрасном месяце, идущий Нилом, чтобы наводнить обе земли. Это — воздух, ходящий по небу своему, он освежает все гортани. Выходит пламя из лучей его».

Здесь появление разных стихий объясняется не как рождение, а как бесконечное перевоплощение единой божественной субстанции, принимающей разные формы поочередно (солнце и месяц) или одновременно (Нил, воздух, огонь). Отсюда уже не так далеко до признания первичной материи, изменяющейся не по воле заключенной в ней божественной сущности, а в силу своих имманентных свойств. Однако создатели египетской космогонии пошли по иному пути, избегающему разрыва с религией. Те египетские жрецы, которым казалось слишком грубым учение о появлении стихий в результате обычного рождения или чудесной эманации (из рта или из глаз бога-творца), предпочли приписать создание Вселенной богу-ремесленнику, который производит других богов, а затем и людей своими руками, пользуясь обычными орудиями труда. Такие взгляды могли возникнуть на той стадии общественного развития, когда ремесло отделилось от земледелия и возникли более сложные технические приемы (использование гончарного круга, ткацкого станка и т. д.), которые считались чудесным даром богов.

Свои успехи в производственной деятельности человек приписывал высшим силам, сверхъестественным существам: титанам, богам и героям-полубогам.

В египетской мифологии типичным богом-ремесленником оказывается покровитель Мемфиса (столицы Древнего царства) — Пта. Он никогда не изображался в образе зверя или птицы, но всегда имел внешний облик человека, что свидетельствует о довольно позднем этапе мифотворчества.

Согласно местной, мемфисской традиции, Пта изготавливает самого бога Ра на гончарном круге.

Сходные повествования приписывают ремесленную деятельность богу Хнуму, слепившему людей из глины. Оба бога называются гончарами. Саисская богиня Нейт превращается, подобно греческой Афине (с которой ее позднее отождествили), в небесную ткачиху, и про нее рассказывают, что она соткала Вселенную.

Наконец, сам Ра выступает в роли строителя, который придает различную форму инертной и неподвижной материи. Он вытягивает землю, которая мыслится в виде продолговатого, плоского, четырехугольного ящика с приподнятыми краями. Он же сооружает полукруглый небосвод. Он создает моря и горы и таким образом расчленяет и оформляет основные элементы природы. Земля формируется им в основном из более плотных и твердых материалов. Египтяне уже в «Текстах пирамид» называют небосвод медным. В дальнейшем специфически небесным металлом считается железо («медь неба»). Характерно, что в Библии и у Гомера небо также считается медным. Не исключено в этом пункте влияние египетской мифологии. Шумеры и вавилоняне полагали, что небо свинцовое («ан-небо», «анаку» — «свинец», «олово»).

Водная стихия делится богом-ремесленником на пресные потоки и соленые бассейны (моря и озера). Создание подобной концепции предполагает бога-творца, обрабатывающего готовые элементы. Необходимо было ответить на вопрос: откуда взялись все эти вещества (твердые, рыхлые, жидкие, газообразные), из которых сооружается здание Вселенной? Греческие натурфилософы считали, что материя существовала всегда и видоизменялась, то расширяясь, то сгущаясь в силу присущей ей закономерности развития. Египетские мыслители, оставаясь в плену религиозного мпросозерцания, не могли дать подобного решения. Для них было аксиомой, что не только Вселенная представляет собой здание, созданное по божественному плану в три этажа (небо, земля, преисподняя), но и материалы, из которых она сложена, сотворены божественной силой. Бог-властитель рисовался им наподобие земного владыки, который приказывает своим подданным, и они воздвигают города, гробницы, плотины и т. д. Все создается по его слову. Если в реальной окружающей жизни властный приказ казался единственной причиной, дающей толчок производственному процессу, то тем более чудодейственным представлялось повеление верховного бога. Его речи приписывалось магическое действие, в результате которого все возникло из ничего, материальные элементы из звука. Конечно, вера в магическую силу слова возникла еще в первобытные времена, когда колдуны сопровождали те или иные действия заклинаниями и внушали, что без этих таинственных слов ничего невозможно создать. Однако в полной мере вера в магическую силу слова оформляется в классовом обществе, где слепое повиновение слову господина провозглашается безусловным и непреложным. Особенно это учение разрабатывается и пропагандируется в обстановке восточной деспотии.

В Египте подобные взгляды были детально оформлены мемфисскими жрецами, отбросившими представление о физиологическом акте творения (путем расчленения божества, эманации пота и слез, зачатия и т. д.). Все было сведено к предвечной мысли и слову. В мемфисском богословском трактате, написанном еще в III тысячелетии до н. э., глава местного пантеона — божественный патрон Пта прямо объявлялся разумом и речью богов.

Многие египтологи вполне справедливо видят в этом произведении прообраз греческой идеалистической философии. Учение об идеях Платона и концепция логоса у неоплатоников, по существу, повторяют то, что за два — три тысячелетия до них провозгласили мемфисские жрецы. Также и ветхозаветное повествование о боге, создавшем все своим словом (I Книга Бытия), и первые строки Евангелия от Иоанна («Вначале было слово») не могут претендовать на приоритет после того, как стала известна мемфисская догма.

В античной философии оформилось наряду с учением о логосе, подобно египетскому, ветхозаветному и евангельскому, также и другое направление — материалистическое, которое отрицало мысль и волю в неорганической природе. Ионийские натурфилософы — Фалес, Анаксимен, Гераклит и другие объявляли первичным элементом или воду, или воздух, или огонь, или особый вид материи, из которого возникли все другие элементы. При всей наивности этот механистический материализм был для своего времени крупным достижением, открывшим путь научному мышлению и порвавшим с религиозной догматикой.

В египетской мифологии земля считалась, как говорилось выше, телом Геба, или Осириса, или Икера, а небо — телом богини Нут и т. д. Первым шагом в изживании подобного мифического миропонимания было объявление того или иного космического элемента не телом, а атрибутом бога (его жилищем, одеждой, головным убором и пр.)

Когда солнце (огненная стихия) представляется не самим богом Ра и даже не его глазом, а украшением на его голове, то это уже наводит на мысль об отличии неорганической природы от органической.

Одежда или дом бога могут уже мыслиться (хотя и не всегда) как лишенные мысли и воли. Существование богов еще не отрицается, но они все более и более отделяются от природы — как мертвой, так и живой.

Не исключена возможность, что Фалес Милетский (VI в. до н. э.) заимствовал свое учение о воде как первом космическом элементе у египтян (или вавилонян), отбросив учение о божественном происхождении этой субстанции. По утверждению Геродота, Фалес был по происхождению финикиянином, а в Финикии издавна было сильным египетское влияние. Царь Библа Закарбаал (в XI в. до н. э.) прямо заявлял, что знание и искусство пришли в его страну из Египта. Известное взаимодействие между восточными культурами и греческой могло распространяться и на космогонию. Это, конечно, не означает полного тождества. В вышеприведенном египетском тексте речь шла о пяти, а не о четырех (как у греков) первостихиях. Для греческих натурфилософов небо не отличалось от атмосферы. Старое гомеровское представление о медном небосводе уже исчезло, и речь шла о небесном эфире. Для египтян небо всегда считалось особой субстанцией, отличной от земли, а вода и огонь предполагались и на небе и на земле.

Впрочем, полного единства взглядов по вопросу о количестве стихий египетские тексты не дают. В одном из папирусов — Ринд, изданном

Бругшем, — содержится следующее обращение к покойнику: «Ты приходишь в мир, как тот, кто покинул землю... Ты молишься утреннему солнцу и месяцу, воздуху, воде и огню». Бругш ищет здесь традиционные ионийские четыре элемента. От земли покойник удаляется, а к трем другим обращается с мольбой.

При этом немецкий египтолог игнорирует упоминание солнца и луны, которые выступают как самостоятельные субстанции, представляющие особую небесную сферу. Солнце здесь не связано с огнем, что для египетского мировоззрения необычно. Все это свидетельствует о том, что свести египетские космогонические учения к единой схеме, подобной греческому четырехчленному делению, невозможно. Другие немецкие египтологи — Р. Лепсиус и И. Дюмихен пытались обнаружить четыре части космоса в основе гермопольской огдоады, заключавшей, как уже говорилось, четыре пары, каждая из которых состояла из змеи и лягушки. При этом надо отметить, что прямых указаний на связь этих пар с четырьмя разными стихиями не имеется. Египтяне были склонны насчитывать большее количество космических элементов, так же как и древние китайцы, называвшие по пять, то даже восемь составных частей Вселенной.

Только в одном из египетских текстов имеется намек на четыре первичные стихии.

На одном из саркофагов, хранящемся в Каирском музее, начертана надпись, в которой умерший объявляется угодным богам и получающим от них четыре высших блага:

Ра дает тебе свет,
Его лучи
Заполняют твоё око.
Шу даёт тебе воздух,
Наделяя твой нос жизнью.
Геб даёт тебе всякие плоды,
Которыми ты живёшь.
Осирис даёт тебе Нил,
Чтобы ты жил.

Здесь космические элементы действительно сводятся к четырем и вся схема напоминает античную концепцию. Правда, наряду с землей, воздухом и водой здесь фигурирует не огонь, а свет, но эта деталь не изменяет общей картины. То, что солнце являлось источником огненной стихии, могло подразумеваться самой собой, но самым ценным даром этого светила считался свет.

Стихий, таким образом, все еще связаны с богами, и если данный египетский текст или какой-либо другой, близкий к нему по содержанию, действительно использовали греки, то они устранили этот момент. И Фалес, и Анаксимен, и Гераклит, не ставя прямо вопроса о существовании

богов, полностью отрицали божественное происхождение природы и ее составных элементов.

Впрочем, и среди греков полного единства в этом вопросе не было. Если ионийцы воздерживались от сопоставления, хотя бы символического, стихий с богами, то сицилиец Эмпедокл называет первоэлементы именами богов (Зевса, Аида) и богинь (Геры и Нестиды).

Очень медленно и постепенно приходили египтяне к мысли о коренном отличии мертвой природы от живой. Тут не обходилось без компромиссов. Фараон-реформатор Эхнатон (XV в. до н. э.) только солнце признавал живым существом, любящим всякую тварь — от человека до птицы. Все остальные сферы неорганической природы лишены в Эль-Амарнском гимне, составленном этим фараоном (или по его приказу придворными поэтами), личных черт, сознания, чувства, воли.

Небо для Эхнатона — простой помост, который соорудил Атон (солнечный диск), чтобы подниматься по нему. Атон создал землю и подземные истоки Нила, чтобы обеспечить питание людям и животным, но ни слова не говорится о том, что эти стихии имеют желания и сознательно питают все живое.

При такой постановке вопроса оставалось только признать бессознательной основную стихию — жар, заключенный в солнце, и тогда египтяне вплотную приблизились бы к материализму ионийских философов, к учению, выработанному через 900 лет после Эхнатона. Однако этого не случилось. Правда, И. Г. Франк-Каменецкий считает, что благодеяния солнца Эхнатон понимал «как случайный дар безжизненного космического тела», но с этим нельзя согласиться. Слишком настойчиво подчеркивается в Эль-Амарнском гимне, что Атон (солнечный диск) заботится о людях, и особенно о фараоне. Трудно представить, что это было лишь поэтическим образом и символом. Для поклонения Атону воздвигались храмы и совершались религиозные обряды. По всем данным, солнце для Эхнатона было единственной стихией, которая считалась мыслящей и чувствующей. Надо сказать, что и в традиционном культе Амона-Ра все остальные стихии начинают представляться как бездушные орудия сознательной деятельности единственной одушевленной стихии.

Что касается живой природы, то назначение ее определялось далеко не одинаковым образом. В некоторых религиозных гимнах Египта прямо подчеркивается, что все живое имеет одинаковое право на существование. Бог-творец Амон-Ра заботится о мышах и блохах так же, как и о других живых существах.

Однако наряду с этими представлениями возникает в Египте другое течение, которое акад. В. В. Струве назвал антропоцентризмом.

В «Поучении гераклеопольского фараона» (Ахтоя III, XXII—XXI вв. до н. э.) говорится, что весь мир, включая растения и животных, создан богом ради людей.

Как же возможно было при таком понимании объяснить существование хищников, вредных грызунов и т. д.? Эхнатон в своем гимне (через

шесть веков после Ахтоя III) решает этот вопрос весьма просто. Змеи, львы боятся доброго бога, и только под покровом ночи, когда солнце удаляется, они выходят из своих нор и начинают свирепствовать. Все это происходит вопреки воле доброго бога, в его отсутствие. Вспомним, что и в зороастрийской системе вся враждебная человеку дикая фауна оказывается под покровительством Аримана. Эти взгляды подрывали, конечно, веру во всемогущество бога-промыслителя.

В духе представлений о высоких достоинствах человека, стоящего в центре Вселенной, созданной богом или богами специально для него, произошла классификация растений, животных и минералов. Основным качеством признавалась польза или вред, приносимые ими людям. Конечно, эти показатели носили часто не реальный, а магический характер. Малахит, например, считался священным камнем, потому что он обладал цветом жизни (зеленым), а кварц, напомилавший своим цветом пустыню, объявлялся заклятым и отвергался как камень злого бога Сета. Лазурит относился к священным камням. Из него, по тогдашним поверьям, были созданы волосы самого Ра. Некоторые окаменелости (например, беломниты) считались чудодейственными фетишами. Таков же был подход и к растениям и животным. Латук объявлялся овощем, в который воплотился Сет, а персея причислялась к священным деревьям (так же как сикомора).

В абидосском культе заклятой и запретной объявлялась всякая рыба. В «Текстах пирамид» о рыбах нет ни одного упоминания. Среди млекопитающих в том же абидосском культе считалась нечистой свинья (в образе черного кабана воплощался тот же Сет). В то же время такие страшные хищники, как крокодилы, признавались благодетельными существами. Лишь постепенно появлялась реальная оценка элементов природы по их свойствам, которые человек может использовать или изменить. В одном поучении позднего времени противопоставляются дикорастущие и садовые деревья. Первые подлежат уничтожению, а вторые следует беречь и выращивать.

В медицинских папирусах указываются растительные животные и минеральные вещества, которые можно применять для лечения.

С другой стороны, в некоторых школьных рукописях перечисляются всевозможные предметы, включая те или иные элементы природы, растения, животных, рыб, иногда с указанием места их происхождения. Указывается, что эти списки (ономастиконы) необходимы для познания того, что существует под солнцем («то, что освещает Ра»). Здесь уже чувствуется стремление к научному освоению природы (хотя бы в самой примитивной форме каталогизации). Какие-либо указания на магические свойства предметов здесь отсутствуют.

Появляются также зачатки географической систематизации. В этой области знания реальные черты переплетаются с магическо-религиозными. Юг считается передней частью земли, где скрыта голова Нила, его истоки.

Запад, таким образом, оказывается правой стороной, и там предполагают царство мертвых. Восток (точнее, юго-восток) считался «страной бо-

га» (имелся в виду Ра) и левой стороной мира. Север воспринимался как задняя сторона земли.

Азиатский и Африканский материки были, в представлении египтян, единым массивом четырехугольной формы, омываемым со всех сторон внешним морем (Шенуром — круговым морем), от которого ответвляются другие четыре моря. Известная египтянам часть Европы (згейский мир) представлялась в виде группы островов, омываемых одним из этих морей (Дебеном — «Кругом»).

При всей упрощенности и наивности этих представлений мы видим здесь серьезную попытку осознать и объяснить форму земной поверхности. Во всяком случае, древние египтяне избежали заблуждения тех позднейших (средневековых) космографов, которые считали, что суша доходит до «края земли». Не случайно фараон Нехо II послал около 600 г. до н. э. финикийские корабли в плавание вокруг Африки. Он не сомневался, что этот материк омывается со всех сторон водой.

• В Египте уже делались попытки чертить карты (например, сохранилась схема расположения золотых рудников). Возникали зачатки этнографии.

• Весьма характерно то обстоятельство, что египтяне, окруженные народами разнообразных цветов, стали весьма тщательно отмечать в искусстве расовые особенности, весьма удачно схватывали характерные признаки типов народов и впервые стали классифицировать расы по цвету кожи (система Блюменбаха). Любопытен и другой критерий, служивший им, по словам Б. А. Тураева, для различения себя и других народов: «В то время как они питаются Нилом, вытекающим „из преисподней“ или из Океана, прочие народы получают воду из Нила, свергающегося с неба в виде дождя».

• Очень скромны были зачатки исторических знаний. Весь мир, по представлениям египтян, возник из первичного водного хаоса и в отдаленные будущие времена вернется в него. Человечество переживало в прошлом золотой век, который рисовался в воображении египетских поэтов и моралистов как царство Ра. Настоящее представлялось иногда как нарушение исконного божественного порядка. Особенно такое понимание исторических перемен сказывается в «Речении Ипусера», где печальные, с точки зрения господствующего класса, рабовладельцев, события (восстание бедняков и рабов, разгром дворца и судебной палаты, избиение вельмож и богачей) рисуются как эпоха глубокого упадка. В будущем предсказывается возвращение царства бога Ра.

• На этом примере мы видим лишний раз зависимость зачатков египетской науки от мифологического мышления и религиозно-магического объяснения бытия и сознания. Недаром античные авторы считали, что «варвары», в том числе египтяне, никогда не сомневались в существовании богов.

Весьма благочестивый римский писатель Элиан (II—III вв. н. э.) считает, что преимущество восточных и северных народов над греками в том, что им чужды атеистические теории.

«Кто бы отважился,— говорит Элиан,— отказать варварам в мудрости? Ведь никто из них не был безбожником, никогда они не подвергали сомнению того, существуют боги или нет и проявляют ли они попечение о людях; никогда ни жителю Индии, ни кельту, ни египтянину не приходило на ум то, что утверждали Евгемер из Мессены, Диоген из Фригии, Гиппон, Диагор Сосий или Эпикур».

Конечно, Элиан допустил известное преувеличение, приписывая египтянам (как и ряду других народов) абсолютную и неизбежную веру в божественный промысл. Попытки пересмотреть и подвергнуть сомнению религиозные догмы делались и в древнем Египте (так же как в Вавилонии, Иудее, Индии, Китае и других странах).

В некоторых египетских поэтических произведениях («Песнь арфиста», «Беседа разочарованного со своей душой» и др.) подвергалась сомнению загробная жизнь. Основанием для такого скептицизма служило весьма трезвое рассуждение о том, что никто не вернулся на землю из потустороннего мира, чтобы рассказать о нем.

В «Речении Ипусера» высказываются даже сомнения в целесообразности религиозного культа. «Воистину человек ожесточенный говорит: „Если бы я знал, где бог, то я принес бы ему жертву“», — жалуется Ипусер, констатируя упадок религиозности в стране. Таким образом, и в Египте традиционные верования не были неизбежно прочными (как считал Элиан) и временами подвергались если не полному отрицанию, то сильному сомнению. Однако таких последовательных научно-философских систем, как, например, учение Лукреция, древний Египет не создал. Только аптичная наука и философия в лице своих наиболее передовых представителей, восприняв многие культурные достижения египтян и других восточных народов, пошла дальше, чем они, и полностью отвергла мифологические построения.

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

МЕДИЦИНА

Яркая и своеобразная культура древнего Египта оказала большое влияние на развитие цивилизации в странах Европы и Ближнего Востока. Еще в древности египетское искусство, архитектура, религия поражали воображение современников, посещавших долину Нила.

Велики были достижения египтян в области научных познаний. Наиболее высокого уровня у древних египтян бесспорно достигла медицина. Египетские врачи пользовались всеобщим признанием. Их престиж в соседних странах был столь велик, что нередко при дворе того или иного владыки можно было встретить египетского медика. Египетские врачи, пользуясь своим высоким общественным положением, иногда могли влиять и на политические события. Так, по словам греческого историка Геродота, персидский царь Кир просил у фараона Амасиса «лучшего в целом Египте» глазного врача. Окулист этот достиг впоследствии такого влияния при персидском дворе, что даже якобы сумел убедить царя Камбиза начать в 525 г. до н. э. вторжение в Египет. Другой врач, вполне реальное историческое лицо, современник Камбиза, жрец Уджагорресент, заявляет в своей автобиографической падписи, что персидский завоеватель приказал ему «быть в сане Великого врачеванием, заставил быть рядом с ним в качестве семера, начальника дворца».

В V в. до н. э., по словам Геродота, в египетской медицине происходит строгая специализация: «Каждый врач,— писал Геродот,— излечивает только одну болезнь. Поэтому везде у них полно врачей, одни лечат глаза, другие голову, третьи зубы, четвертые желудок, пятые внутренние болезни».

По утверждению Клементя Александрийского, жившего во II в., из 42 священных книг, хранившихся в египетских храмах, 6 были посвящены медицине.

* Египетская медицина как наука выросла из практического опыта, накопленного веками, начиная с додинастической эпохи, и из магии. Истинные причины заболеваний египетским врачам большей частью оставались неизвестными.¹ Виновниками болезней считались злые боги, духи, демоны, проникшие в тело человека. Чтобы их удалить, «заговорить», требовалось знание магических заклинаний, молитв, обращенных к добрым богам — Исиде, Тоту, Гору, Нейт. Полезные лечебные средства, выявленные эмпирическим путем, обычно использовались египетскими врачами наряду с нелепыми, на наш взгляд, предписаниями и произнесением магических формул против демонов болезни. Лишь постепенно египетская медицина освобождалась от своего религиозно-магического балласта, но полностью она с ним так, однако, и не рассталась. Египетский врач, называвшийся «суну», был в то же время магом и жрецом могучей львиноголовой богини Сохмет, «специалистом в деле „борьбы“» с таинственными виновниками болезней. Он должен был знать наряду с лекарствами множество заговоров и молитв и произносить их при лечении своих пациентов. Болезнь рассматривалась обычно как зловредное существо, которое нужно прогнать. Так, в одном заговоре сказано: «Другое лекарство. Рыбу „абджу“, чья пасть наполнена смолой теребинта, сварить и съесть перед сном. То, что при этом говорится как заклинание. „О мертвый, о покойник, скрывшийся, спрятавшийся в этом моем мясе, в этих частях моего тела. Ступай прочь из этого моего мяса, из этих частей моего тела. Смотри! Я достал кал, чтобы есть против тебя. Спрятавшийся — удались! Скрывшийся — выходи!“»

Действенным средством лечения считалось обращение к благим богам-целителям, во главе которых, по представлению древних египтян, стоял Тот (греки впоследствии отождествили его с Гермесом Трисмегистом). Под особым покровительством Тота находились окулисты. Бог Гор, сын Осириса и Исиды, также часто призывался врачами в заговорах и молитвах. Богиня Тауэрт, изображавшаяся в образе гиппопотама, рассматривалась как покровительница рожениц. Позднее, в саисское время (VI в. до н. э.), покровительницей врачей была признана богиня Нейт.

Некоторые египетские храмы пользовались авторитетом как священные места, способствующие исцелению.² Такая репутация была, в частности, у храма царицы Хатшепсут в Дейр-эль-Бахари и у мемфисского Серапеума.

Обучение египетских врачей-жрецов производилось при храмах в так называемых «домах жизни» («пер анх») — своеобразных центрах духовной жизни древнего Египта.³

В «домах жизни» постигали тайны культов, обрядов, читали и переписывали священные тексты, получали познания в области медицины, математики, астрономии, архитектуры, обучались рисованию, искусству ваяния. Здесь же хранились собрания папирусов с текстами различного содержания.

Истоки древнеегипетской медицины теряются в веках.⁴ Уже в III тысячелетии до н. э., в эпоху Древнего царства, как показало обследование че-

репов, найденных во время раскопок у пирамид, придворные дантисты производили сложные операции по удалению гноя при воспалении надкостницы. Занимались они и протезированием, скрепляя шатающийся зуб с соседним золотой проволокой.

На высокое развитие медицинских познаний в Египте несомненно оказал положительное влияние обычай бальзамирования трупов, который и привел к раннему знакомству с внутренним строением человеческого тела. В эпоху Древнего царства отдельные медицинские наблюдения, полученные эмпирическим путем, были уже подвергнуты отбору и классификации. Существовали специальные медицинские тексты, служившие пособием для врачей в их повседневной практике. О том, что это было именно так, можно судить хотя бы по одному любопытному рассказу, сохранившемуся в записи на стене гробницы вельможи Уашпта — судьи и главного архитектора фараона V династии Нефериркара. Повествуется здесь следующее.

Как-то раз Нефериркара вместе с царевичами и придворными осматривал постройки, возведенные под наблюдением Уашпта. Постройки фараону понравились. Владыка Египта стал хвалить своего архитектора. Но вдруг он заметил, что Уашпта его не слышит. Все присутствующие были потрясены. Как записано на стене гробницы, «величайший страх проник в сердца их». Послали за жрецами и врачами, были принесены медицинские книги. Но ничто уже не могло помочь Уашпта. Не приходя в сознание, архитектор скончался. Фараон был крайне опечален случившимся. «Он удалился в свои покои... молиться богу Ра», распорядившись устроить похороны Уашпта за свой счет.

Описание неожиданной кончины Уашпта несомненно интересно как первое в истории сообщение о смерти человека от какого-то сердечного или сосудистого заболевания, мы бы теперь сказали, от инфаркта или инсульта. Заслуживает внимания и свидетельство о наличии уже в то отдаленное время — в первой половине III тысячелетия до н. э. — медицинских текстов. Древность медицинских знаний, таким образом, не подлежит сомнению.

Однако дошедшие до нас рукописи медицинских трактатов восходят к значительно более позднему времени — к эпохе Нового царства, т. е. к середине II тысячелетия до н. э. Как правило, это третьи и четвертые списки многих более древних медицинских книг, или, точнее, свитков.

Обычно переписывание производилось в «домах жизни». Здесь из старых папирусов извлекались полезные сведения, рецепты и наблюдения и таким путем составлялись справочники для врачей-практиков. Можно полагать, что существовали специализированные медицинские тексты, такие, как «Книга сердца», «Книга глазных болезней» и т. п. Сравнение отдельных предписаний, сохранившихся в медицинских папирусах, дошедших до нас, показывает, что они нередко взяты из одного и того же источника. Древность этих памятников доказывается и прямыми ссылками в тексте. Так, об одной из книг о сосудах сказано в папирусе Эберса, что она была найдена в ящике с инструментами писцов под ногами статуи Анубиса

в Летополе во времена Усефая, третьего фараона I династии. О том же говорится и в Берлинском медицинском папирусе. Средство для ращения волос, как свидетельствует папирус Эберса, было приготовлено для госпожи Шеш, матери царя Атоти, возможно, фараона I династии. Историк Манефон, современник Птолемея I, утверждал, что многие книги по медицине были написаны во времена Атоти (Джеру), одного из первых фараонов I династии. Многие рецепты, собранные в папирусах, претендуют на божественное происхождение. Так, в папирусе Эберса упоминается средство от болезни головы, которое якобы было изобретено богиней Исидой.

Всего нам известно 10 основных медицинских папирусов, получивших в египтологии названия или по имени их первых владельцев (папирусы Херст, Эдвина Смита, Честер Битти, Карлсберг), или по месту находки (папирусы Кахунский, из Рамессеума), или по наименованию городов, где они хранятся (папирусы Лейденский, Лондонский, Берлинский), или, наконец, по имени первого издателя (папирус Эберса).

Наиболее древний из них — иератический текст из Кахуна, датированный примерно 1850 г. до н. э. Здесь содержатся предписания о лечении людей, животных, а также и математические записи. Медицинский раздел папируса в основном посвящен описанию женских болезней, акушерским проблемам.

Столь же древними являются и магики-медицинские папирусы (IV и V) из Рамессеума, в которых даются советы по гинекологии и по лечению так называемой «негибкости» членов.

В Берлинском папирусе № 3038, составленном якобы во времена Усефая (Дену), в эпоху Раннего царства, но сохранившемся в записи приблизительно 1300 г. до н. э., имеются главы, трактующие о ревматизме и о кровеносных сосудах.

В Лондонском папирусе № 10059 большое внимание уделяется магическим приемам лечения — из 61 рецепта, приведенных здесь, только 25 относятся непосредственно к медицине.

В папирусе Херст содержится глава, описывающая болезни костей.

Однако среди всех древнеегипетских медицинских текстов, известных нам, бесспорно наибольшее значение имеют два замечательных папируса, составленные в эпоху Нового царства, — большой медицинский папирус Эберса и хирургический папирус Эдвина Смита.

Папирус Эберса был обнаружен в одной из фиванских гробниц в 1872 г. Свое название он получил по имени немецкого египтолога и романиста Эберса, который его купил и первым стал изучать. Папирус Эберса, датированный 9-м годом правления фараона Аменхотепа I (XVI в. до н. э.), достигает 20,5 м в длину и составлен из 108 листов, склеенных вместе. Это не единый трактат, но компиляция, включающая в себя выдержки из 40 с лишним различных медицинских текстов. В папирусе Эберса содержится множество рецептов и предписаний для лечения самых различных болезней. Здесь же даются советы, как спастись от укусов насекомых и крупных животных. В конце папируса помещен косметический раздел, в кото-

ром можно найти указания о том, как избавиться от морщин, изменить цвет кожи, удалить родинки, окрасить волосы и брови, усилить рост волос и т. п. Все медицинские рецепты обязательно сопровождаются ссылками на соответствующие магические заклинания и заговоры, якобы полезные для каждого конкретного случая. Врач, пользуясь советами этого папируса, мог прописать больному пилюли, микстуру, пластырь, припарки, мазь, полоскание, ингаляцию. В качестве лекарственных средств в папирусе упоминаются всевозможные растения (лук, чеснок, укроп, салат, огурцы, бобы, тмин, папирус, лотос, лен, мак, клещевина, финики, гранаты, виноград, дыня), минеральные вещества (сурьма, сера, железо, сода, ярь-медянка, алебастр, глина, селитра, свинец), вещества животного происхождения (обработанные части тела, кровь, молоко и экскременты различных животных — червей, мышей, кротов, свиней, ослов, коз и т. п.). Лекарства составлялись по очень сложному рецепту обычно в виде настоев на молоке, меде, пиве. В одно из лекарств входило до 37 различных составных частей. Многие лекарства кажутся омерзительными, как, например $\frac{1}{32}$ часть хвоста мыши с медом, человеческий мозг с медом, кровь кузнечика, свиные зубы, протухшее мясо, испорченный жир, выделения из свиных ушей, экскременты и моча различных животных, моча женщин и т. п. Во всех этих случаях, по-видимому, принимались в расчет магические способы воздействия на болезнь. Если сладкие и пахучие вещества должны были привлечь добрых богов и духов в тело больного, то вещества зловонные и мерзкие, наоборот, должны были удалить из тела больного поселившегося там демона болезни. Недаром в папирусе Херст есть такая строка: «Ступай прочь из моего тела, или я заставлю тебя есть экскременты».

Но наряду со странными лекарствами и магическими формулами в папирусе Эберса содержится и бесспорно положительное знание, добытое опытом народной медицины. Сюда относятся несомненно приносящие пользу настои и отвары различных трав, а также касторка и соли.

В начале папируса Эберса дается нечто вроде характеристики врача: «Начало глав о прикладывании лекарства к каждому члену человека. Я вышел из Гелиополя с вельможами Великого дома, владыками магической защиты, царями веков. Я вышел из Саиса с матерями богов... У меня изречения, составленные вседержителем, чтобы прогнать болезнь (?), что от бога и богини, смерть мужскую и женскую. Ко мне относится сказанное: „Я защищаю его от врагов; руководитель его Тот, податель слов, творец книг, дающий славу премудрым и врачам, своим последователям, освобождающий тех, кого любит бог, и дающий им жить. Я любим богом — да даст он жить и мне“». В конце папируса помещена теоретическая часть, содержащая учение о кровеносных сосудах, пульсе и сердце — высшее достижение древнеегипетской медицины.

«Начало тайн врача — знания хода сердца, от которого идут сосуды ко всем членам, ибо всякий врач, всякий жрец богини Сохмет, всякий заклинатель, касаясь головы, затылка, рук, ладони, ног, везде касается сердца:

от него направлены сосуды к каждому члену...» Далее указывается, куда идет каждый из 22 сосудов от сердца и какова их роль в жизни человека и в болезнях.

Как мы уже говорили, папирус Эберса — не медицинский трактат со строгим планом и конкретным авторством. Это компилятивный справочник для врачей-практиков, содержащий извлечения из многих медицинских сочинений. Однако в отличие от большинства других известных нам медицинских текстов в 877 параграфах папируса Эберса помимо различных рецептов и диагностических указаний впервые в истории излагаются мысли о проблемах жизни, здоровья и смерти (конечно, в религиозно-магическом плане), дается теоретическое осмысление физиологии человеческого организма. Здесь упоминаются различные лихорадки, дизентерия, кровотечения, водянка, отеки, заболевания, вызываемые глистами, болезни сердца, аневризмы, ревматизм, болезни печени, диабет, непроходимость кишечника, большое число желудочных заболеваний, грыжа, болезни дыхательных путей, кашель, ангина, воспаление легких, ожоги, волдыри, язвы, рожа, опухоли, ранения, нагноения, цинга, болезни уха, горла, носа, языка, десен, зубов, глаз, женские болезни (в том числе, может быть, рак матки), гонорея, импотенция.

Особо следует выделить одну специфическую болезнь, сравнительно часто упоминаемую в папирусе Эберса и в других медицинских текстах под названием «ааа» и «ухеду». По мнению многих современных исследователей — египтологов и медиков, ее можно идентифицировать с так называемой «бильгарцией» — болезнью, вызываемой особым видом очень мелких глистов. Это хроническое желудочное и мочеполовое заболевание сопровождалось появлением крови в экскрементах, в моче. При своем полном развитии оно приводило к нарушению кровообращения, к общему истощению организма и к нарушению половых функций. У мужчин, в частности, могли развиваться женские признаки во всем внешнем облике. Некоторые исследователи на этом основании высказывают предположение, что женоподобное телосложение фараона Эхнатона было следствием его заболевания «бильгарцией». Сама возможность существования «бильгарции» в древнем Египте была доказана работами Руффера, обнаружившего яйца глиста «бильгарции» в мумиях разных периодов. Некоторые специалисты, впрочем, сомневаются в возможности идентификации болезни «ааа» только лишь с «бильгарцией», полагая, что слово «ааа» обозначало ряд глистных заболеваний со сходными симптомами.

Приведем теперь для наглядности несколько диагностических описаний и рецептов, заимствованных из папируса Эберса.

Древние египтяне часто страдали от желудочных заболеваний, и потому, по словам Геродота, «они в заботах о здоровье ежемесячно в течение трех дней очищают себе желудок рвотными и клистирами». Сообщение Геродота, конечно, фантастично, но само лечение различных желудочных расстройств в древнем Египте было действительно достаточно подробно разработано. В папирусе Эберса можно, например, прочесть:

«Другое лекарство. Когда ты исследуешь больного, страдающего от слизи и резей, то его живот тверд по следующей причине: он мучается из-за своего желудка. В его животе находится слизь, которая не может найти путь для выхода наружу... Поэтому она гниет в его животе; она не может выйти наружу и превращается в червей. Когда она (слизь) полностью превратится в червей, они (черви) начинают отмирать. Как только они (черви) из него выйдут, тотчас ему станет лучше. Если она (слизь) из него не вышла в виде червей, тогда ты должен дать ему средство для очищения, и ему сразу станет лучше».

Средств для очищения желудка египтяне употребляли много, в том числе и настоя касторки. Вот что говорится по этому поводу в папирусе Эберса:

«Другое [лекарство] для живота: частей касторового растения — $\frac{1}{4}$; фиников — $2\frac{1}{2}$; кипрской травы — $\frac{1}{16}$; листьев „хести“ — $\frac{1}{16}$; кориандра — $\frac{1}{16}$; жидкого пива — 10. Ночью, когда выпадет роса, смешать и пить четыре дня».

Многие рецепты прописывались для изгнания глистов, как, например, следующее: «Лекарство для умерщвления червя „хефат“: косточек фиников — $\frac{1}{8}$; растения „джарт“ — $\frac{1}{8}$; сладкого пива — 25 частей. Сварить, смешать, выпить — выйдет тотчас».

Разнообразны были мочегонные средства. Одно из них таково:

«Другое лекарство для удаления мочи, когда ее много: пшеничной крупы — $\frac{1}{8}$; плодов „шед“ — $\frac{1}{8}$; охры — $\frac{1}{32}$; воды — 5 частей. Ночью, когда выпадет роса, смешать. Пить четыре дня».

Очень подробно в папирусе Эберса разработаны методы лечения различных глазных болезней. Некоторые из лекарств при этом имеют диковинный вид: «Другое лекарство для глаза, когда с ним случится что-либо скверное. Желчь свиньи разделить на две равные части: одну — смешать с медом и вечером смазать глаз; другую — просушить, тщательно растереть и утром смазать глаз».

Или такое средство: «Другое [лекарство] от слепоты. Возьми воду из обоих глаз свиньи, настоящую черную краску для глаз — 1 часть, красной охры — 1, продукт брожения меда — 1. Все тщательно растереть, приготовить смесь и всыпать в ухо человека. Он тотчас станет здоровым».

Куриная слепота (hemeralopia) излечивалась, по папирусу Эберса, с помощью бычьей печени, что вполне рационально, если учесть обилие в печени витамина А. Но, с другой стороны, совершенно непонятно, какой смысл был в этих же целях использовать иногда кровь и мочу летучих мышей. В последнем случае использование мочи имело, по-видимому, магический характер. Следует отметить, что моча, в особенности моча беременной, родившей, менструирующей женщины, очень часто применялась в Египте как лечашее средство. В связи с этим можно вспомнить один забавный анекдот, рассказанный Геродотом, который при всей своей фривольной неправдоподобности, возможно, все же как-то отражает специфику древнеегипетских лекарственных препаратов.

«По смерти Сесостриса царскую власть наследовал, как говорят, сын его Ферон, который не совершил ни одного военного похода и случайно ослеп при таких обстоятельствах: однажды в его царствование вода в реке поднялась выше, нежели когда-либо, до восемнадцати локтей, так что затопило поля; от сильного ветра заволновалась река. Царь в исступлении схватил копье и бросил его в самую пучину реки; немедленно после этого заболел глазами и ослеп. Десять лет он был слепым; на одиннадцатом году царь услышал изречение оракула в городе Буто, гласившее, что время наказания его исполнилось, что он прозреет, если промоет глаза мочой женщины, которая имеет сообщение только с мужем и другого мужчины не имеет. Он прежде всего испытал мочу собственной жены и, когда не прозрел, подверг испытанию всех женщин подряд, пока наконец не прозрел. Тогда он собрал всех женщин, которых испытывал, кроме той, от мочи которой прозрел, в один город, именуемый теперь Краснопольем, и всех их сжег вместе с городом; на той женщине, от мочи которой прозрел, царь сам женился».

С большой полнотой в папирусе Эберса представлен гинекологический раздел. Даются советы для определения беременности и пола будущего ребенка, ставится вопрос о способах распознавания того, может ли женщина родить. Подобные же проблемы рассматриваются и в других медицинских папирусах, в частности в Кахунском и Берлинском. В Берлинском папирусе № 3038 можно, например, прочесть следующее:

«[Распознавание] женщины, которая будет рожать, и женщины, которая не будет рожать. Растение „бедедука“ растереть и смешать с молоком [женщины], которая родила мальчика, так, чтобы все превратилось в жидкую массу, и дать проглотить женщине. Если ее вырвет — то будет рожать, если испучит — никогда не будет рожать».

Для установления того, кто родится, мальчик или девочка, в Берлинском папирусе рекомендуется смочить зерна ячменя и пшеницы мочой беременной женщины и посмотреть, что прорастет раньше: если первой прорастет пшеница — будет девочка, если ячмень — будет мальчик.

Ряд древнеегипетских лекарств и в наши дни кажется вполне целесообразным. Так, мы уже говорили об употреблении клещевины, дающей касторовое масло, при желудочных заболеваниях. Для успокоения крикливого ребенка в папирусе Эберса предлагается дать ему смесь из семян «шепен» и «шепенен», по-видимому, мака (хотя и неизвестно, зачем «обязательно с мушиным пометом»). Для лечения болезни горла рекомендуется вдыхать через тростинку пар от растений «гем» и «эмем», подогреваемых на горячих камнях и покрытых горшком. Лекарство прописывалось соответственно возрасту пациента. Так, при лечении грудного ребенка лекарство растворялось в молоке матери. Учитывалась температура лекарственной смеси — она определялась на ощупь, т. е. пальцем. Даже время года принималось во внимание.

Но наряду со здоровыми советами и лекарственными средствами, проверенными тысячелетним народным опытом, множество рецептов, записан-

ных в папирусе Эберса, носило странный, часто явно магический характер. Так, длинный перечень настоев трав, смешанных с пивом, предлагается пить по ночам для изгнания чар злых богов. Жир насекомоядных птиц рекомендуется как средство против жалящих насекомых. Для лечения подагры советуют обмотать ноги шкурой такого проворного животного, как лань. Кровь черного быка объявляется лекарством, якобы способным предотвратить поседение волос. Для изгнания мышей предлагался кошачий жир.

В 1930 г. американский египтолог Д. Брестед издал иератический текст эпохи Нового царства, поражающий своей исключительной научной точностью и ясностью изложения при почти полном отсутствии религиозно-магических наслоений. Это был знаменитый хирургический папирус Эдвина Смита — чисто медицинское сочинение, открывшее для современных исследователей новую страницу в истории древнеегипетской науки. Папирус достигает в длину 5 м. К сожалению, это только часть научного трактата, в которой сохранились описания 48 случаев различных травм и методов их лечения.

Сначала идет длинное рассуждение о сердце, сосудах и пульсе, совпадающее по содержанию с тем, о чем идет речь в уже известном нам 854-м параграфе папируса Эберса. По-видимому, в обоих случаях были сделаны заимствования из какой-то древней «Книги сердца» — замечательного медицинского трактата, объяснявшего происхождение болезней изменениями сердца и кровеносных сосудов. Для своего времени это была, бесспорно, прогрессивная научная теория.

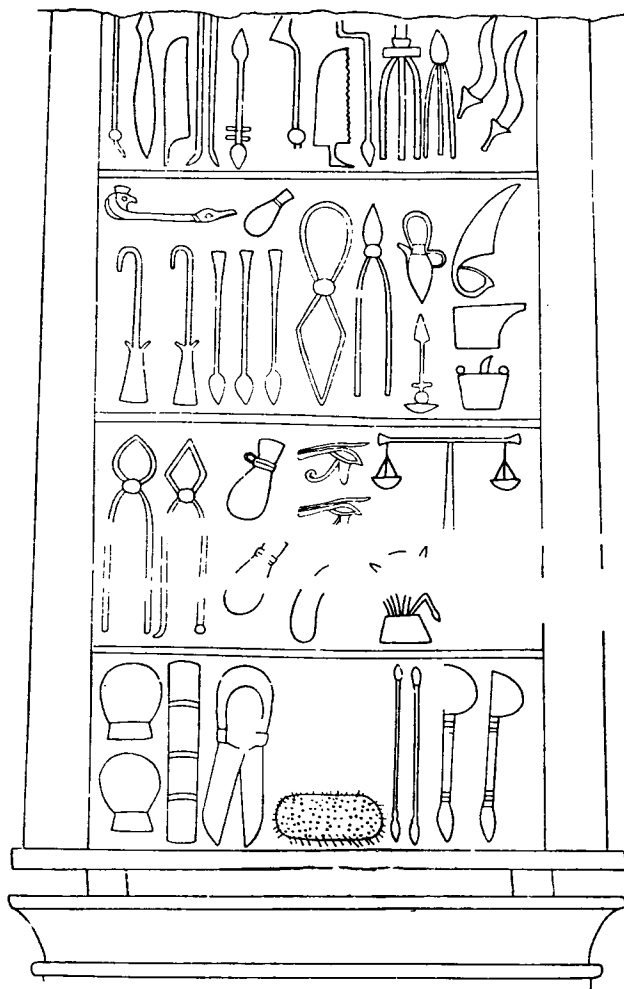
Папирус Эдвина Смита имеет очень четкую и строгую композицию. Сначала перечисляются травмы головы, а потом расположенных ниже частей тела. Затем описываются повреждения мягких покровов и костей черепа, тогда. Далее идет речь о травмах горла, ключиц, предплечья, грудной клетки, позвоночника. К сожалению, конец папируса не сохранился.

Исследование больного рекомендуется начинать с опроса. Затем следует детальный осмотр его, изучение пульса.

Этика того времени требовала, чтобы пациенту сразу было сообщено одно из трех возможных мнений врача о его болезни, т. е. это: 1) «Болезнь, которую я буду лечить», или 2) «Болезнь, с которой буду бороться», или 3) «Болезнь, которую нельзя вылечить». Вот как, например, описывается осмотр и лечение раны на голове: «Скажешь ты тому, у кого зияющая рана на голове, проникающая до кости, [так что] поврежден череп его, [причем] страдает он оттого, что свело ему шею: „[это] болезнь, которую я буду лечить“. После того как ты зашьешь рану, в первый день положи на нее свежее мясо и не бинтуй ее. Заботься о нем до тех пор, пока не пройдет время его болезни. Пользуй ее (рану) жиром, медом, корпием, пока он (больной) не поправится».

Помимо чисто практических советов по лечению различных травм, ран, переломов, вывихов в папирусе Эдвина Смита упоминаются явно безнадежные случаи, имеющие для врача только теоретический интерес. Так описывается трагическое последствие падения человека вниз головой

Рис. 54. Изображение хирургических инструментов из храма в Ком-Омбо. Прорисовка

с большой высоты, в результате чего голова вошла в плечи, позвоночник в трех местах сломался и один позвонок был вдавлен в другой. Не удивительно, конечно, что пострадавший потерял слух, речь, у него оказались парализованными руки и ноги. По поводу этого состояния больного врач мог с полным основанием сказать: «Это болезнь, которую нельзя вылечить». Обратим внимание, что перед нами древнейшее свидетельство о параличе конечностей, развившемся как следствие тяжелого повреждения центральной нервной системы.

† Египетские хирурги отваживались на довольно сложные оперативные вмешательства. При этом они использовали хирургические инструменты, изготовленные из бронзы. Ряд таких инструментов — скальпелей, пожей, игл, — с тщательно отполированной поверхностью, известен нам по находкам в гробницах (рис. 54). В некоторых случаях на стенах гробниц представлены и изображения простейших операций, как, например, обрезание мальчиков. При лечении переломов применялись лубки — деревянные и мягкие, из льняных бинтов, пропитанных смолой. Подобные лубки были обнаружены на мумиях.

Возможно, первым хирургом в Египте был Имхотеп, живший в начале III тысячелетия до н. э., — везир, верховный жрец, придворный врач и архитектор фараона III династии Джосера, которому он построил первую в долине Нила пирамиду. Трудно сказать, был ли Имхотеп хирургом, хотя тысячелетия традиция упорно называла его великим хирургом; Не подлежит, однако, сомнению, что уже в глубокой древности египетский народ смог подняться до больших высот в области развития врачебного искусства.

МАТЕМАТИКА

† Потребности жизни, каждодневной практики определили появление математических знаний у древних египтян. Когда в III тысячелетии до н. э. в долине Нила возникло государство, деятельность его налогового ведомства была бы немыслима без умения обширного штата писцов решать хотя бы простейшие арифметические, а иногда и более сложные алгебраические и геометрические задачи. Производить подсчет скота, определять размеры полевых участков, осуществлять раскладку налогов, сооружать величественные здания было бы невозможно без определенных математических навыков.

† Зародившись в глубокой древности, египетская математика, естественно, оказала большое влияние на развитие математической науки в соседних странах, прежде всего в Греции. Историк Геродот прямо писал: «Полагаю, что там (в Египте) изобретена геометрия и оттуда она пришла в Грецию». Знаменитый Архимед многие годы провел в Египте, знакомясь с математическими достижениями этой страны. Не подлежит сомнению, что древнеегипетская математика, если и уступала вавилонской по своей разработанности, тем не менее сделала значительный вклад в сокровищницу общечеловеческой культуры.

† Египетские цифры были изобретены в глубокой древности, по-видимому, одновременно со знаками иероглифической письменности. Цифры эти довольно просты. Так, маленькие вертикальные черточки использовались для записи чисел от единицы до девятки. Знак, напоминающий скобу или подкову (пути для скота), применялся для обозначения десятки. Изображение закрученной веревки служило для записи понятия сотни. Стебель лотоса обозначал тысячу. Поднятый человеческий палец соответствовал

десяти тысячам. Изображение головастика было символом ста тысяч. Фигура сидящего на корточках божества с поднятыми руками обозначала один миллион. Египтяне применяли десятичную систему счисления, при которой десять знаков низшего ряда можно было заменить одним знаком последующей ступени. Так, например, десять черточек соответствовали одному знаку десятки. Десять знаков десятки можно было заменить одним знаком сотни и т. д. Писали египтяне чаще всего в горизонтальную строчку справа налево, изображая сначала цифровые знаки более крупные по своему значению, а затем более мелкие. Но египтяне не додумались до позиционного принципа применения цифр, при котором достоинство последних зависит от их местоположения. Древнеегипетские числовые записи по этой причине кажутся громоздкими. Операции сложения и вычитания осуществлялись, впрочем, и при такой цифровой системе с большой легкостью. Для этой цели складывались или вычитались цифры одного достоинства с последующей заменой в случае необходимости десяти знаков низшего разряда на один знак более крупной величины. С большим трудом производились действия на умножение и деление. Здесь использовался метод удвоения, заключающийся в том, что или множимое удваивалось до тех пор, пока не находилось искомое произведение этого множимого на указанный множитель, или делитель удваивался до тех пор, пока не отыскивалось число, умножив на которое указанный делитель можно было получить данное в условии задачи делимое. Поясним сказанное примерами. Предположим, что египетский писец получал задание умножить 6 на 8. Чтобы установить величину произведения, он последовательно умножал 6 на 2, затем 12 на 2, затем 24 на 2. В итоге оказывалось, что произведение 6 на 8 равно 48. Если нужно было разделить 48 на 6, то действие производилось как бы в обратном порядке — писец подбирал такое число, которое, будучи умноженным на 6, давало бы 48. Рассуждал он при этом таким образом. Если удвоить 6, получится 12, если удвоить 12, получится 24, если удвоить 24, получится указанное делимое 48. Следовательно, искомое число равно трижды повторенному удвоению, т. е. 8.

Египтяне имели представление о дробях, однако, за небольшим исключением, только о таких, у которых в числителе стояла единица! Для того чтобы выразить, например, понятие $\frac{5}{8}$, они пять раз повторяли дробь $\frac{1}{8}$. В иероглифической письменности дробь изображалась знаком человеческого рта (в иератическом написании — в виде точки). Под этим знаком выписывалось то или иное число, показывающее, какой части целого данная дробь соответствует. Некоторые дроби выражались в иероглифике специфическим образом. Так, $\frac{1}{2}$ обозначалась стилизованным изображением ребра, $\frac{1}{4}$ обозначалась косым крестом. Особые знаки имелись для дробей $\frac{2}{3}$ и $\frac{3}{4}$.

Специфичными были дроби, передававшие понятие части меры сыпучих тел «хеката», равного 4,785 л. Здесь египетские писцы особым образом работали легенду о борьбе злого бога Сета с богом Гором, сыном Осириса. Согласно древнему мифу, Сет разорвал на части глаз Гора, но мудрый бог

Тот восстановил его. Изображения определенных частей разорванного глаза Гора и стали обозначать дроби в $\frac{1}{2}$, $\frac{1}{4}$, $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ и $\frac{1}{64}$ часть «хеката».

Мерой длины у египтян был «локоть», равный 52,3 см. «Локоть», в свою очередь, состоял из 7 «ладоней», а каждая «ладонь» делилась на 4 «пальца». Основной мерой площади считался «сечет», равный 100 кв. локтям. Особая «речная мера» была равна 20 000 кв. локтей, иначе 10,5 км. Основная мера веса «дебен» соответствовала примерно 91 г.

Древние египтяне устанавливали математические закономерности, находили пути решения тех или иных конкретных задач опытным путем. Нам неизвестны при этом, как правило, логические рассуждения, с помощью которых они обосновывали, объясняли правильность решения математической задачи. Трудно поэтому судить теперь о том, понимали ли они сами глубоко открытые ими математические закономерности или исходили только из проверенного многовековой практикой опыта. Научные трактаты древних египтян с математическим анализом до нас не дошли, и весьма возможно, что они вообще не существовали. Конечно, еще во времена Древнего царства, в III тысячелетии до н.э., строители пирамид должны были уметь решать сложные геометрические задачи. По-видимому, задолго до Пифагора им практически уже были известны особенности прямоугольного треугольника со сторонами, относящимися друг к другу как 3 : 4 : 5. Однако трудно сказать, насколько глубоко они вникали в те геометрические закономерности, которыми пользовались, открыв их постепенно чисто опытным путем. Известно, что классическая, всем хорошо знакомая форма пирамиды Хуфу (Хеопса) была найдена после долгих поисков, у истоков которых стояла более древняя ступенчатая пирамида фараона Джосера, сооруженная знаменитым архитектором и врачом Имхотепом.

Об уровне математических познаний древних египтян мы можем в настоящее время судить главным образом по сохранившимся математическим папирусам (рис. 55). Из них наиболее крупными являются: 1) Лондонский математический папирус Ринд и 2) Московский математический папирус из собрания ГМИИ им. А. С. Пушкина.

Хранящийся в Британском музее математический папирус Ринд был впервые издан Эйзенлором в 1877 г. Это текст, содержащий решение 80 задач, переписанный в XVIII в. до н.э., в период господства в Египте гиксов, с какого-то более древнего математического сочинения эпохи Среднего царства. В начальных строках папируса сказано: «Записана эта книга в 33-й год правления, месяц 4-й наводнения, царя Нижнего Египта Ла-Усер-Ра, одаренного жизнью, в соответствии с записанным в древней рукописи, сделанной во времена царя Верхнего Египта Ни-маат-Ра. Это писец Яхмос записал эту копию». Как отметил Т. Пит, издатель папируса, последний не является математическим трактатом в современном смысле, т. е. он не содержит серию правил для решения проблем различного характера. Он состоит из ряда примеров... Подобный конкретный характер свойствен, впрочем, всем известным нам египетским математическим текстам. Как писал математик М. Я. Выгодский, все они «содержат либо схему

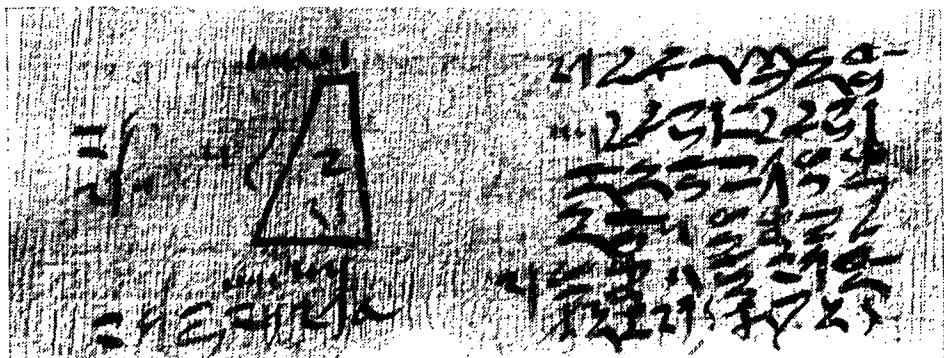

Рис. 55. Геометрическая задача. Фрагмент математического папируса. II тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва

решения, либо его словесный рецепт, но не содержат ни анализа задачи, ни обоснования приведенного рецепта».

Задачи, излагаемые в папирусе Ринд, очень разнообразны и в большинстве своем имеют чисто практическое значение — это вычисление площади поля, вместимости корзины, амбара, раздел имущества между наследниками и т. п. Некоторые задачи папируса Ринд (задачи №№ 24—38) мы бы назвали алгебраическими, так как в них, как и в задачах №№ 1, 19 и 25 Московского папируса, речь идет, по существу, о решении уравнений, в которых нашему понятию неизвестного, или «икс», соответствовало слово «куча». Умели египетские математики возводить в степень и извлекать квадратный корень.

В папирусе Ринд содержатся задачи, представляющие теоретический интерес, хотя их изложение и дается в догматической форме готовой схемы или рецепта без какого-либо анализа и доказательства. Так, в задаче № 64 предлагается разделить 10 мер зерна между десятью лицами таким образом, чтобы разница в количестве зерна, полученного ими, образовала арифметическую прогрессию с разностью $\frac{1}{8}$ меры. Текст задачи гласит: «Тебе сказано разделить 10 „хекат“ ячменя между 10 людьми так, чтобы разница между каждым человеком и его соседом составляла $\frac{1}{8}$ „хекат“ ячменя. Средняя доля есть 1 „хекат“. Возьми 1 из 10; остаток есть 9. Составь половину разницы — это есть $\frac{1}{16}$ „хекат“. Повтори ее 9 раз — результат $\frac{1}{2}$ $\frac{1}{16}$ „хекат“. Приложи ее к средней доле. Теперь ты должен вычитать для каждого лица по $\frac{1}{8}$ „хекат“, пока не достигнешь конца». В конце задачи приводятся все десять долей и сложением осуществляется проверка решения, показывающая, что сумма, как и должно было быть, равна 10.

В задаче № 79 речь идет о геометрической прогрессии. В условии этой задачи говорится о 7 домах, о 7 кошках в каждом доме, о 7 мышях, съеден-

ных каждой копкой, о 7 колосках, съеденных каждой мышью, о 7 мерах зерна, которые дает каждый колос. Требуется определить общее количество всех домов, кошек, мышей, колосков и мер зерна. Ответ приводится абсолютно правильный — 19 507.

Исключительный научный интерес представляет задача № 50 на определение площади круга. Метод решения этой задачи предельно прост — предлагается $\frac{8}{9}$ диаметра круга возвести в квадрат.

Суть этого метода следующая: египтяне заметили, что площадь квадрата со сторонами в $\frac{8}{9}$ диаметра почти полностью соответствует площади круга. И в самом деле. Если вписать квадрат в круг, то площадь такого квадрата будет, естественно, меньше площади круга. С другой стороны, если вписать круг в квадрат, то площадь квадрата будет больше площади круга. Но если построить промежуточный квадрат, то его площадь будет практически совпадать с искомой площадью круга. Стороны этого квадрата и должны составлять $\frac{8}{9}$ диаметра круга. Небольшая неточность измерения площади при этом не имела практического значения. Как установили современные исследователи, подобная же неточность получилась бы, если бы древние египтяне определили площадь круга по формуле $S = \frac{\pi d^2}{4}$,

принимая для π значение не 3,14, а 3,16. Весь вопрос, однако, состоит в том, имели ли сами древние египтяне представление о π как о числе, равном отношению длины окружности к ее диаметру. По-видимому, такого представления они все же не имели, и потому вряд ли справедливо объявлять заслугой древнеегипетских математиков открытие очень близкого к истинному значения числа π .

• О больших успехах древних египтян в области математики несомненно свидетельствует Московский математический папирус, содержащий 25 задач. Папирус этот был переписан в эпоху Среднего царства, во времена XII династии, с более древнего текста. Изучался он еще крупнейшим русским египтологом акад. Б. А. Тураевым. Однако окончательно Московский математический папирус был издан в 1930 г. акад. В. В. Струве. В папирусе приводятся решения таких сложных задач, как определение объема усеченной пирамиды, определение площади поверхности полушария.

Вот как выглядит задача № 14 Московского папируса, в которой идет речь об определении объема усеченной пирамиды:

«Если тебе пазывают усеченную пирамиду 6 локтей в высоту, 4 — в нижней стороне, 2 — в верхней стороне, вычисляй с 4. Возводя их в квадрат, получаешь 16. Удвой 4, получаешь 8. Вычисляй с 2, возводя их в квадрат, получаешь 4. Сложи эти 16 с этими 8 и с этими 4. Получается 28. Вычисли $\frac{1}{3}$ от 6. Получается 2. Вычисли 28 2 раза. Получается 56. Смотри! Оп есть 56. Ты нашел правильно».

Еще более сложной представляется геометрическая задача № 10 Московского папируса на определение площади поверхности полушария. По мнению В. В. Струве, суть решения здесь в том, чтобы умножить диаметр полушария на длину полукруга, образующего это полушарие.

Древнеегипетская математика прошла многовековой путь развития от простого накопления фактов и наблюдений до попыток их осмысления и обобщения. Даже если признать, что теоретическая глубина анализа у египетских математиков-практиков была, с нашей современной точки зрения, недостаточной, нельзя забывать, что это были первые шаги, которые делало человечество на пути познания тайн природы. И в этом смысле значение открытий безвестных знатоков математики древнего Египта трудно переоценить.

АСТРОНОМИЯ

Астрономические познания египтян столь же древнего происхождения, как и медицинские и математические.

Основной причиной, побудившей жителей долины Нила заняться наблюдениями за небесными телами, были, конечно, чисто практические пужды — прежде всего потребность в совершенствовании календаря в связи с развитием земледелия. По всей вероятности, первичный сельскохозяйственный календарь, отражающий строгий ритм регулярно повторявшихся разливов Нила, появился в Египте еще в додинастическую эпоху, в IV тысячелетии до н. э. Он, по-видимому, не был приурочен к каким-либо астрономическим явлениям и учитывал лишь сезонные изменения водного режима Нила. Однако постепенно необходимость уточнения и исправления календаря, необходимость уточнения отдельных дат, в частности связанных с религиозными праздниками, способствовала более внимательному изучению небесных явлений, накоплению знаний о звездах и других небесных телах, т. е. подводила к зарождению астрономии как особой науки. Истоки интереса древних египтян к небесным явлениям следует, таким образом, искать в сугубо практических потребностях земной жизни.

Нужно, однако, учитывать, что развитие астрономии в столь отдаленные времена при объективной затруднительности познания сложнейших закономерностей Вселенной могло совершаться только в тесной связи с разработкой общих, иллюзорных, религиозно-мифологических представлений о земле, небе, звездах, человеке и мироздании в целом.

Естественная цикличность земледельческого производства в Египте, определившая создание соответствующего первичного календаря, непосредственно обуславливалась периодически повторявшимися из года в год наводнениями. Разлив Нила, как известно, начинается регулярно летом, в июле, и вызывается мощными тропическими ливнями, идущими в горах Абиссинии и в районе великих центральноафриканских озер. Почти вся нильская долина оказывается на несколько месяцев под водой. Лишь в конце октября река постепенно входит в свои берега. Начиналась страдная пора в жизни земледельца — пахота, посев и т. п. Весной, в апреле — мае, происходит созревание хлебов (пшеницы, ячменя, эммера) — время жатвы и обмолота. В июле Нил разливается вновь. Календарь учитывал все эти

сезонные, природные и хозяйственные изменения и процессы. Египетский календарный год в том виде, в каком он нам известен, по идее был солнечным, состоявшим из 365 дней: он подразделялся на три больших периода, по четыре месяца в каждом. Каждый месяц, в свою очередь, состоял из 30 дней, или суток. В конце года 5 дополнительных суток посвящались богам Осирису, Исиде, Гору, Сету, Нефтиде. Названия трех периодов весьма характерны и отражают земледельческое происхождение древнеегипетского календарного года. Это периоды: 1) «половодье» («ахет»), 2) «выхождение» («перет»), 3) «сухость» («шему»).

Как мы видим, египетский календарь в целом весьма прост. Нетрудно заметить и его сходство с нашим, современным, что не удивительно, поскольку употребляемый нами григорианский календарь развился из древнеегипетского. Основной недостаток последнего состоял, однако, в том, что он делал календарный год немного короче действительного, солнечного. Как известно, Земля совершает полный оборот вокруг Солнца за 365 дней и еще примерно $\frac{1}{4}$ часть суток. Этот небольшой излишек, не учитываемый древнеегипетским календарем, приводил к тому, что новый год в древнем Египте как бы перемещался во времени, начинаясь через каждые четыре года на один день раньше. Египетский календарный год торопился, опережая солнечный. Если первоначально это опережение было малозаметно, то постепенно оно стало ощущаться. Со временем появилась необходимость закрепить начало года за каким-либо постоянным и неизменным событием или явлением. Было замечено, что на широте Мемфиса разлив Нила начинается обычно в тот день, когда на южном небосклоне ранним утром впервые становится заметен яркий блеск звезды Сириуса, или, как его называли в эллинистическую эпоху, Сотиса. (Значительную часть года Сириус не виден, так как восходит поздно, когда солнце уже стоит высоко над горизонтом, затмевая свет звезды своими лучами.) Это происходит по юлианскому календарю 19 июля. День 19 июля, день обычного начала разлива Нила в окрестностях Мемфиса и первичного видимого появления Сириуса на утреннем небе, и был принят как исходная точка для отсчета времени. Когда это произошло, в каком году существовавший до того как бы стихийно простейший календарь получил «привязку» к восходу Сириуса, сказать трудно. Несомненно только, что это могло случиться лишь после длительного предшествующего развития древнеегипетского общества, скорее всего в эпоху Древнего царства, в III тысячелетии до н. э. Подходящей датой здесь мог бы, по всей вероятности, считаться 2781 г. до н. э. (почему именно этот год, объясняется ниже). Как бы там ни было, «привязку» календарного нового года к точно фиксируемому астрономическому явлению несомненно следует рассматривать как большое научное достижение древних египтян.

• Установление твердой астрономической отправной точки для начала года не устранило, однако, коренного недостатка египетского календаря! По-прежнему египетский календарный год был короче действительного, солнечного, примерно на $\frac{1}{4}$ часть суток. По-прежнему столетиями «про-

падали» отсутствующие в египетском календаре часы, что приводило к тому, что египетский год торопился, забегал вперед. За каждые 120 лет его расхождение с солнечным годом возрастало на один месяц. Естественно, что новый год по календарю не совпадал с первым видимым появлением Сириуса на небе и началом разлива Нила. Только через 1460 лет, когда расхождение между календарным годом и солнечным оказывалось равным одному году, новый год по календарю опять совпадал с астрономическим. Иными словами, подобное совпадение наблюдалось только один раз в 1460 лет. Впоследствии, по-видимому уже в эллинистическую эпоху, промежуток времени в 1460 лет получил наименование «периода Сотиса». Современными исследователями этот период в 1460 лет используется для установления древнеегипетской хронологии. Дело в том, что в документах сохранились сведения о том, в какой день какого месяца по календарю наблюдался восход Сириуса. Достаточно в этом случае знать год начала ближайшего периода Сотиса, чтобы установить точную дату события, упоминаемого в документе. Как хорошо известно, благодаря сообщению римского писателя Цензорина, один из периодов Сотиса начался в 139 г. Если теперь от этого года отсчитывать 1460 лет назад в глубь веков, то можно будет определить, когда начинались эти периоды в прошлом. Оказалось, что по современному летоисчислению они начинались в 1321 (1318) г. до н. э., в 2781 (2776) г. до н. э., в 4241 (4238) г. до н. э. и т. д. Можно ли рассматривать эти даты, например две последние, как время «введения» календаря? 4241 г. до н. э., вопреки мнению Эдуарда Мейера, по-видимому, для этого не подходит, так как относится еще к додинастическому периоду в истории Египта. Такая дата, как 2781 г. до н. э., как будто предпочтительнее. Не исключено, возможно, что именно в этот год, в начале III тысячелетия до н. э., было впервые замечено совпадение начала разлива Нила в окрестностях Мемфиса с видимым восходом Сириуса. Данное наблюдение и было использовано для точной астрономической фиксации календарного нового года. Не о «введении» календаря при этом шла речь (календарь существовал и раньше), но всего лишь о его «привязке» к определенному астрономическому явлению.

Посмотрим теперь, как знание начальных годов нескольких периодов Сотиса помогает установлению точных исторических дат. Один из текстов эпохи Среднего царства сообщает, например, о том, что на 7-й год царствования фараона Сепусерта III звезда Сириус впервые стала видимой на утреннем небе в 15-й день 8-го месяца по календарю. Это означает, что восход Сириуса отмечался не в календарный новый год, а на 225 дней позднее ($30 \times 7 + 15 = 225$). Если известно, что после одного полного оборота Земли вокруг Солнца расхождение между календарным египетским и солнечным годами составило примерно $\frac{1}{4}$ часть суток, то через четыре года это расхождение уже было равно одному полному дню, или 24 часам. Следовательно, расхождение в 225 суток могло накопиться через 900 лет ($225 \times 4 = 900$). Отнимем теперь 900 лет от 2781 г. до н. э., наиболее подходящей даты начала соответствующего периода Сотиса, и мы увидим, что

7-й год царствования Сенусерта III по нашему летосчислению, соответствует 1881 г. до н. э. ($2781 - 900 = 1881$).

Древнеегипетский календарь, несмотря на все его недостатки, несомненно имел и большие достоинства. Он был прост, строен, логичен и потому лег в основу того календаря, которым мы пользуемся до сих пор. В 46 г. до н. э. Гай Юлий Цезарь, усовершенствовав древнеегипетский, создал новый календарь, получивший впоследствии наименование юлианского. Специфика этого календаря состояла в том, что через каждые четыре года вводились дополнительные сутки. Соответствующие года стали называться високосными. Юлианский календарь устраивал основной недостаток древнеегипетского календарного года — компенсировал недостачу $\frac{1}{4}$ части суток. По дело в том, что продолжительность солнечного года немного меньше, чем 365 суток и 6 часов. В юлианском календаре постепенно накапливался небольшой излишек времени, и потому летосчисление по этому календарю немного отставало от действительного. Данный недостаток был устранен в 1582 г. реформой римского папы Григория (Грегора) XIII. Отныне, начиная с 1600 г. н. э., следовало исключать високосные года с дополнительным 366-м днем из всех тех круглых столетних дат (типа 1600, 1700, 1900, 2000 гг. и т. д.), у которых первые две цифры образуют число, не делящееся на четыре. Это означает, что если 1600 и 2000 гг. являются високосными, то 1700, 1800, 1900 гг. високосными считать нельзя.

Теперь календарный год практически полностью совпал с солнечным. Сохраняющееся между ними расхождение настолько незначительно (оно равно трем секундам за один год), что достигнет величины, равной 24 часам, только через 2000 с лишним лет, в V тысячелетии н. э.

¹Григорианским календарем, восходящим, как мы видим, к древнеегипетскому, пользуются в настоящее время почти повсюду. В России он был введен лишь после Октябрьской революции.¹

¹Наблюдение за небесным сводом, Солнцем, звездами, планетами, вычисление почтового и дневного времени, наблюдение за календарем, за точным соблюдением религиозных праздников входило в древнем Египете в компетенцию особых жрецов, получавших соответствующую подготовку при храмах, по-видимому, в уже упоминавшихся «домах жизни»¹. Осмысление устанавливаемых конкретных астрономических явлений при этом, естественно, могло быть только религиозно-мифологическим. Все небесные тела рассматривались как атрибуты какого-либо божества. Так, солнце, видимый солнечный диск — это бог Ра; звезды — это дети богини неба Нут. Египетские жрецы уже довольно хорошо ориентировались среди видимых невооруженным глазом звезд, наблюдали восход той или иной звезды, ее кульминацию, т. е. прохождение через небесный меридиан, заход. Особенно хорошо они представляли себе структуру звездного неба в северной, околополюсной стороне. Звезды были сгруппированы в созвездия, получившие наименование по животным, контуры которых, как казалось жрецам, эти созвездия напоминали (рис. 56).

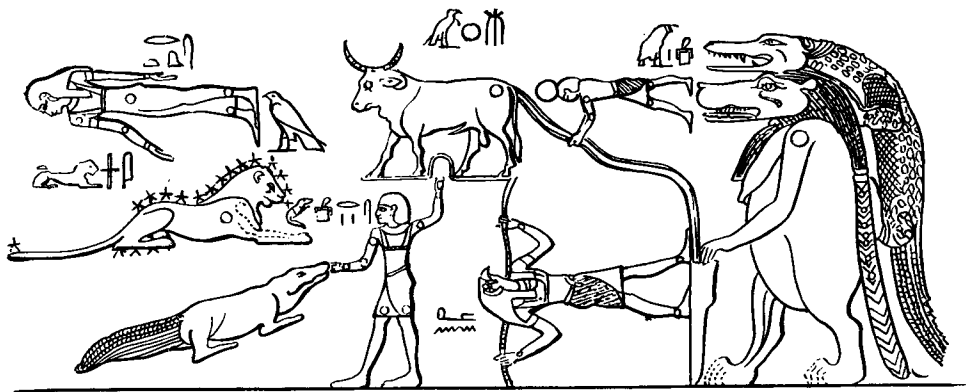

Рис. 56. Изображение созвездий северной части неба. Роспись из гробницы Сети I. XIX династия. XIV в. до н. э.

Так, были созвездия «быка», «скорпиона», «гиппопотама», «крокодила». Современным названиям созвездий они, как правило, не соответствуют. Наша Большая Медведица называлась, например, у древних египтян со звездием «бычья нога». Кроме звезд были известны и планеты — Юпитер Сатурн, Марс, Меркурий, Венера. Как и звезды, они считались атрибутами или символами различных божеств, обычно Гора, Сета, Осириса. На потолках храмов, дворцов, некоторых гробниц эпохи Нового царства — таких, как, например, гробница Сенмута — приближенного фараона-царицы Хатшепсут (XVIII династия), ложная гробница-кенотаф фараона Сети I в Абидосе (XIX династия), дворец Рамсеса II — Рамессеум (XIX династия), дворец и заупокойный храм Рамсеса III в Мединет-Абу (XX династия), ряд гробниц других фараонов Рамессидов (XX династия) — сохранились изображения довольно точных звездных карт, таблицы звезд, позволявшие определять ночное время, расчеты наблюдений за прохождением звезд через небесный меридиан. Сам небесный свод воспринимался и изображался по-разному, в зависимости от использования того или иного религиозного мифа.

При обилии в древнем Египте различных религиозных культов, связанных с почитанием многочисленных богов общеегипетского или местного, номового значения, концепции возникновения мира, в частности неба, были многообразными. Так, небесный свод понимался иногда как море, подвешенное на четырех опорах, иногда как небесная корова, иногда как богиня Нут в облике женщины. Последнее представление было, пожалуй, наиболее распространенным.

Богиня Нут представлялась вознесенной воздухом-Шу над землей-Гебом, которого та касалась вытянутыми руками и ногами, повернувшись

лицом на запад. По ее груди и животу днем путешествует в своей ладье бог солнца Ра, а ночью — луна, звезды, планеты.

Что касается звезд — детей Нут, то утром, на рассвете, мать пожирает их, с тем чтобы вновь родить после захода солнца. В одном любопытном, дошедшем до нас астрономическо-мифологическом трактате, в так называемом папирусе Карлсберг № 1, сохранился рассказ о том, как Геб упрекает Нут за жестокое обращение с ее детьми — звездами. Текст папируса Карлсберг № 1 — весьма любопытное произведение. Это справочник и комментарий к изображенным на потолках гробниц, дворцов и храмов небесным картам. Вместе с тем это и пособие к звездным таблицам, с помощью которых определялось время ночью, и собрание теоретических сведений по древнеегипетской космогонии. В тринадцати разделах папируса рассказывается о богине неба Нут, о восходе солнца и наступлении дня, о движении солнца, о границах неба, о звездах — показателях ночного времени, о заходе солнца и наступлении ночи, о западном входе в подземный мир, о восходе звезд, о Гебе, требующем от Нут, чтобы она вернула звезды, которые пожрала утром, о звездах и солнце, о Гебе и звездах о звездах и луне. Можно сказать, что папирус Карлсберг № 1 содержит сочинение, представляющее собой древнейший обобщающий труд по астрономии, в котором была сделана попытка объяснить основные закономерности Вселенной.

К числу больших достижений древних египтян в области практической, прикладной астрономии относится разработанный ими способ определения ночного времени по звездам. Важность достигнутых результатов при этом несколько не умаляется оттого, что побудительным толчком к соответствующим изысканиям послужили цели иллюзорные! По одному из религиозных представлений древних египтян, фараон после смерти путешествовал в ладье бога Ра: днем — по небесному своду (т. е. по животу богини Нут), а ночью — по подземному Нилу, протекающему в царстве теней. Считалось очень важным точно знать, в каком месте подземного мира находится умерший фараон в тот или иной час ночи. С эпохи Среднего царства в связи с общей демократизацией заупокойного культа уже каждый покойник удостоивался чести путешествовать в ладье бога Ра. Именно с конца этой эпохи появился обычай изображать на внутренней поверхности крышек саркофагов подробные таблицы звезд и созвездий, в задачу которых как бы входило сообщать покойнику ночное время, с тем чтобы он знал, в каком месте подземного мира он находится в тот или иной момент. Подобные звездные таблицы в большом количестве дошли до нас. Они изображены, естественно, и на потолках многих гробниц царей и вельмож, на потолках дворцов, заупокойных храмов: в гробнице уже упоминавшегося нами Сенмута, в Рамессеуме, в Мединет-Абу, в гробнице Рамсеса IV.

Исключительный интерес представляет изображение на потолке гробницы Сенмута. Здесь помимо таблицы звезд — определителей ночного времени — показаны: северная и южная стороны небосвода, северные околополюсные созвездия, кульминация звезд «Eta» и «Zeta» Большой Медве-

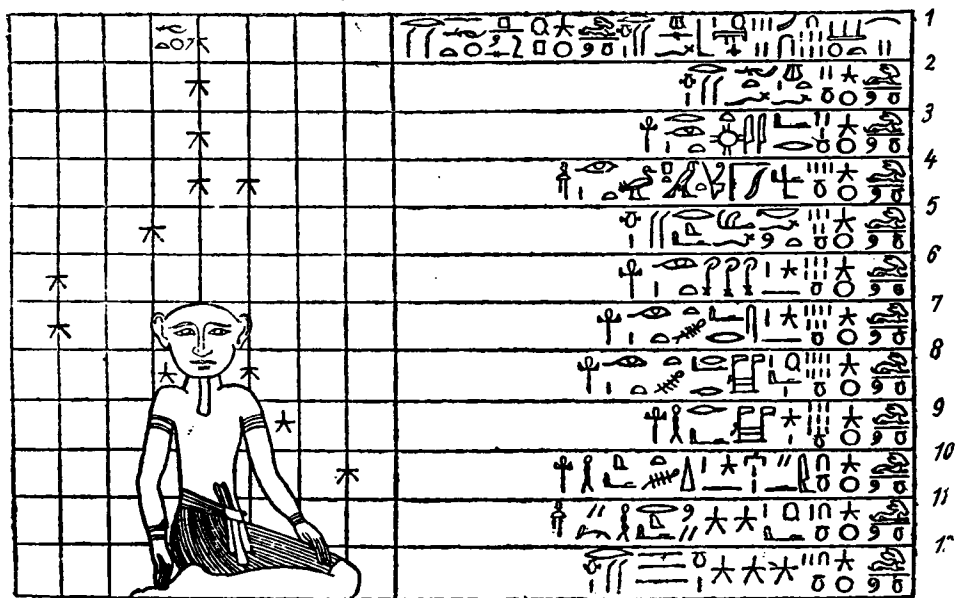
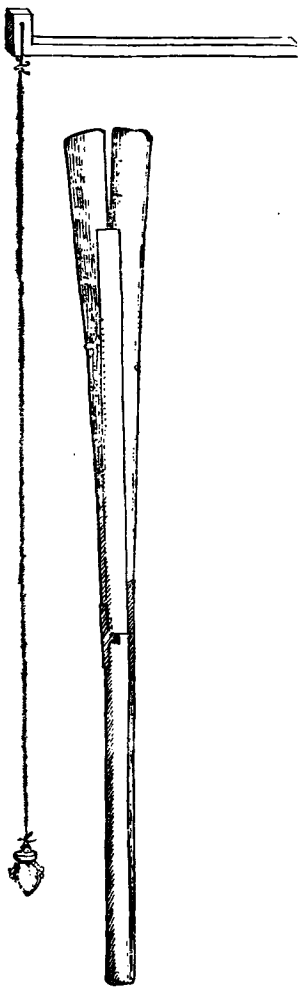

Рис. 57. Звездная таблица для определения ночного времени.
Роспись. XX династия. XII в. до н. э.

дицы, кульминация звезды «Beta» Малой Медведицы. (Все это позволяло провести линию небесного меридиана на широте Фив.) На северной стороне небесного свода представлены также 12 кругов, соответствующих 12 месяцам египетского календаря, с подразделением каждого на 24 сегмента. По мнению Гюнтера Редера, эти сегменты делили время от захода до восхода солнца на 24 временных отрезка. По-видимому, каждый отрезок ночи характеризовался соответствующим расположением звезд на небе. Месячные ночные круги, изображенные на потолке гробницы Сенмута, таким образом, уточняли показания звездных таблиц. Что касается последних, то их структура несомненно отражает большие познания египтян в области астрономии.

Принцип организации таблиц был следующим. Жрецы-астрономы древнего Египта заметили, что каждому отрезку ночи соответствует появление на небе определенной звезды. Ночь, т. е. время от захода солнца до его восхода, подразделялась на 12 частей, или «часов». (В действительности эти небольшие отрезки времени не соответствовали нашему «часу», так как продолжительность ночи менялась в зависимости от сезона.) Было, кроме того, замечено, что в разные периоды года разные звезды показывают одно и то же время, причем через каждые 10 дней звезда — показатель

соответствующего «часа» как бы отступает на $\frac{1}{12}$ часть ночи назад, т. е. начинает показывать время на 1 «час» более раннее. В результате накопления всех этих наблюдений были произведены следующие расчеты. Весь год подразделился на 36 частей и еще 5 дополнительных дней; в каждой из этих 36 частей года было по 10 дней; для каждой из этих десятидневок, или «декад», определялся набор тех 12 звезд или их групп — созвездий, которые показывали последовательно все 12 «часов» ночного времени в течение соответствующей «декады».

В конце эпохи Нового царства, в период царствования фараонов Рамессидов (XX династия), появился еще один способ определения ночного времени по звездам (рис. 57), засвидетельствованный изображениями на стенах гробниц Рамсеса VI, Рамсеса VII, Рамсеса IX. Этот второй способ, будучи разновидностью первого, описанного нами выше, заключался в следующем. В почное время два жреца садились на корточки на крыше храма лицом друг к другу строго в направлении небесного меридиана, т. е. в направлении с севера на юг. Один из жрецов смотрел на лицо другого через маленькое отверстие специального, очень простого по устройству визирного инструмента (рис. 58). В этот же момент первый жрец (т. е. жрец-наблюдатель) с помощью веревочного отвеса с грузилом отмечал положение той или иной звезды на небе относительно лица и туловища второго, противосидящего жреца. Если какая-либо звезда находилась строго над головой последнего, то это означало, что она достигла своей высшей точки на небе, т. е. находится на линии небесного меридиана. Но звезда могла быть ниже этого меридиана по ту или иную сторону от него. Каждое подобное положение звезды на небе фиксировалось наблюдателем, отмечавшим, что она стоит над правым или левым глазом, над правым или левым

Рис. 58. Визирный инструмент для определения ночного времени по звездам.
II тыс. до н. э.

ухом, над правым или левым плечом второго жреца. Теперь было достаточно обратиться к соответствующей звездной таблице (всего их было 24 — по 15 ночей на каждую таблицу), чтобы узнать, какому «часу» ночи соответствует установленное наблюдателем положение соответствующей звезды на небе в данную «пятнадцатидневку» года. (Всего в каждой таб-

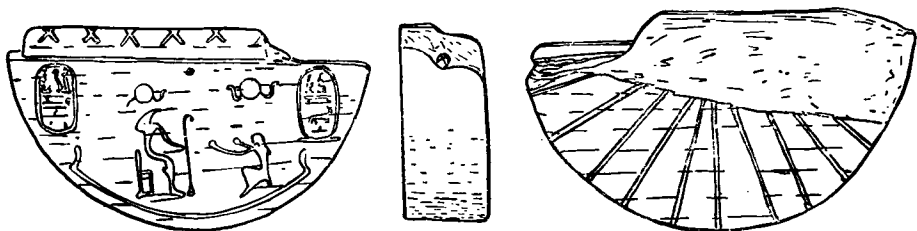

Рис. 59. Солнечные часы с именем фараона Мернепта. II тыс. до н. э.

лице отмечалось положение на небе относительно лица и туловища жреца (12 звезд для всех 12 ночных «часов».)

Так двумя способами, весьма близкими по исходным данным, определялось в эпоху Нового царства ночное время. Дневное время в этот же период устанавливалось по солнечным часам (рис. 59), весьма простым по своему устройству. Часы эти состояли из двух деревянных брусков, соединенных вместе. На одном бруске, располагавшемся на плоскости в направлении с востока на запад, имелись деления; другой был поставлен своей широкой стороной перпендикулярно к первому в направлении с севера на юг. Тень, отбрасываемая вторым бруском, попадала на деления первого и таким образом фиксировала дневное время. Время это, как и ночное, было разделено на 12 частей (от восхода до захода солнца), но, поскольку продолжительность дня летом больше, чем зимой, каждая из 12 частей дня не соответствовала нашему представлению об одном часе.

Большим научным и техническим достижением древних египтян было изобретение водяных часов, или, как их называли греки, клепсидры. Особенно много клепсидр дошло до нас от эллинистической эпохи, но некоторые водяные часы (в том числе их макеты, предназначавшиеся для приношения в дар богам во время специальных религиозных церемоний), а также их описания и изображения восходят к эпохе Нового царства. Известен, в частности, изобретатель усовершенствованных водяных часов по имени Аменмес, бывший «хранителем печати» фараона Аменхотепа I (XVIII династия). Водяные часы употреблялись в основном в храмах для определения ночного времени. Принцип их устройства следующий. Центральная часть часов — это каменный, квадратный или круглый в плане сосуд с небольшим отверстием вверху. Поскольку богом письма, счета, времени был Тот, то и посвященного ему павиана обычно изображали на одной из наружных стенок сосуда. (Между ногами павиана располагалось отверстие, через которое вытекала вода.) Сосуд наполнялся с наступлением ночи, к утру он опорожнялся. На внутренней стенке сосуда имелись деления, определявшие время. Особо следует отметить, что при градуировке учитывалось сезонное изменение продолжительности

ночи. Египтяне не додумались до равномерного деления суток на 24 часа. Они делили и день и ночь на 12 частей, но при этом каждая из подобных частей, или «часов», изменялась по длительности от зимы к лету. Было принято, в частности, что зимой ночь длиннее, чем летом, в пропорции 14 : 12. Это отношение и фиксировалось на шкале времени водяных часов. Обычно шкала с делениями помещалась на внутренней стенке сосуда, из которого вода вытекала. Но были, по-видимому, и часы иного устройства, в которых градуировалась внутренняя стенка чаши, куда вода стекала.

Таковы достижения древних египтян в области астрономии. Как мы видим, они весьма значительны. Особо следует отметить, что в отличие от вавилонской астрономии египетская наука о звездах и небесных явлениях не знала астрологических увлечений. Ни в одном из древнеегипетских документов не говорится о влиянии звезд на судьбы людей. В этом смысле египетские жрецы-звездочеты превзошли по трезвости суждений своих вавилонских собратьев.

«Медицина, математика, астрономия — вот те три отрасли положительных знаний, которые были развиты в древнем Египте в наибольшей степени. Представление о других науках если и существовало, то в очень слабой, зачаточной форме! Пожалуй, лучше египтяне были осведомлены в вопросах географии и этнографии. Последнее было связано в какой-то степени с внешней экспансией Египта, что привело к знакомству обитателей нильской долины, в особенности в эпоху Нового царства, с соседними странами — Кушем, Палестиной, Сирией, Финикией, государствами Двуречья и Малой Азии. Несомненно, большим достижением египтян было изобретение простейших географических, папирусных карт или, скорее, планов, на которых изображались небольшие районы Египта, например, окрестности золотых рудников, фаяумского оазиса и т. п. Дошедшая до нас карта золотых рудников была раскрашена пятью красками. На ней были показаны дороги, постройки, колодцы. Географические сведения сохранились и в специальных словниках — пособиях для жрецов, облегчавших нахождение нужного термина. Так, в словнике из Рамессеума, относящемся к заключительному этапу эпохи Среднего царства (время XIII или XIV династий), большой раздел содержал перечень крепостей Северного Нубии и городов Верхнего Египта.

Особый интерес представляет словник, переписанный в конце эпохи Нового царства (во времена Рамсеа IX или Рамсеса XI) писцом Аменемопе, сыном Аменемопе. Этот словник пользовался большой известностью у писцов и потому существовал в большом количестве экземпляров, фрагменты которых сохранились до нашего времени. Наиболее полный список находится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Словник Аменемопе, как и более ранний из Рамессеума, напоминает древнейшую энциклопедию. Их структура была продумана таким образом, чтобы облегчить поиск нужного термина. С этой целью слова группировались по темам. Так, в словнике из Рамессеума все слова были расположены друг под другом и каждая десятая строка выделена

цифровым знаком. Вступительная часть словника Аменемопе звучит весьма торжественно: «Начало поучения для просветления ума, для наставления незнающего, для обучения всем вещам, которые существуют, которые создал Пта, которые повторил Тот, [а именно]: небо с его явлениями, земля с тем, что на ней, то, что извергается горами, то, что орошается водой, все, на что светит солнце, все, что произрастает на земле. Все это записано писцом священных книг дома жизни Аменемопе, сыном Аменемопе». Далее следует перечень терминов, сгруппированных по темам: небо, вода, земля, растения, животные, люди, профессии, должности, чужеземные племена и народы, пищевые продукты, напитки. Как мы видим, в словнике отражены знания весьма разнообразные, что свидетельствует о широкой образованности тех, кто его составил.

Подводя итог достижениям древнеегипетских медиков, математиков, астрономов, достижениям высокообразованных по тому времени жрецов, писцов, нельзя не признать их больших заслуг в развитии науки, в развитии цивилизации.¹

ИСТОРИЯ И «ЭТНОГРАФИЯ»

Исторические знания существовали в древнем Египте в зачаточной форме. Они еще не стали исторической наукой в точном значении этого понятия, т. е. наукой, предполагающей аналитическое отношение к свидетельствам прошлого. Историческая действительность фиксировалась в виде различного рода записей (на папирусе, на каменных плитах, на стенах гробниц, храмов), в которых прославлялась мирная и военная деятельность фараонов, вельмож, помархов, представителей жреческой и военной знати, сообщалось о последовательности отдельных царствований, о значительных событиях в жизни страны и царского двора. Несмотря на неполноту и зачастую тенденциозность и официальный характер, все эти записи, отдельные из которых напоминают летописи, имеют, естественно, огромное значение как исторические источники.

По-видимому, очень незначительная часть этого большого исторического письменного богатства древних египтян дошла до наших дней. Так, от эпохи Древнего царства сохранился лишь фрагмент летописи (Палермский камень), в которой перечисляются имена и годы правления царей первых пяти династий (а также додинастического периода) с краткими упоминаниями о важнейших событиях, таких, как высота подъема Нила в том или ином году, строительство храмов, кораблей, военные экспедиции в соседние страны, регулярный подсчет золота и обмер полей и т. д. В основе записей Палермского камня бесспорно лежит огромный, не дошедший до нас архивный материал.

Разнообразные исторические сведения содержатся в многочисленных автобиографиях вельмож Древнего царства¹ (Уны, Хуефхора, Пиопинахта), в надписях помархов Древнего и Среднего царств, в надписях и поучениях фараонов Среднего царства. Большой исторический интерес представ-

ляют «Речение Ипусера» и «Пророчество Нефerti», сообщающие о социальных движениях эпохи Среднего царства. Так называемая табличка Карнарвона и надписи фараона Камоса передают интереснейшие сведения из истории борьбы египтян с гиксосами. Туринский царский папирус, сохранившийся очень плохо (он склеен из 164 кусочков), содержит список египетских фараонов до XVIII династии и тем исключительно ценен для восстановления египетской хронологии.

Особенно много текстов исторического характера дошло до наших дней от эпохи Нового царства (вторая половина II тысячелетия до н. э.); к их числу относятся и надписи частных лиц — сподвижников фараонов-завоевателей (например, автобиография начальника гребцов Яхмоса, сына Ибена), и описания победных военных походов фараонов.

Исключительное историческое значение имеют так называемые «Аппалы Тутмоса III», частично сохранившиеся на стенах Карнакского храма Амона в Фивах, которые содержат подробные описания военных действий, сражений под стенами азиатских городов, перечни богатой военной добычи, захваченной египтянами. Сходный характер имеют описания военных кампаний других фараонов эпохи Нового царства — Аменхотеп II, Сети I, Рамсеса II, Мернепта, Рамсеса III.

Особо следует отметить описание битвы Рамсеса II с хеттами под стенами Кадеша, зафиксированное на стенах храмов в Абу-Симбеле, в Луксоре и Рамессеуме, а также описание борьбы Рамсеса III с ливийцами и «морскими народами», сохранившееся на стенах заупокойного храма этого фараона в МедINET-Абу. О внутренних политических и социальных смутах рассказывает историческая часть большого папируса Харриса. О событиях позднего ливийско-саусского периода сообщают разнообразные надписи этого времени, среди которых следует выделить большое и подробное описание покорения Египта кушитским царем Шанхи. Само собой разумеется, все перечисленные выше надписи не являются историческими сочинениями в точном значении данного понятия. Это скорее отдельные наблюдения, описания тех или иных фактов, событий, деяний фараонов, отрывки летописей.

Для большинства надписей характерна тенденциозность, апологетичность изложения, использование устоявшихся, кочующих из текста в текст традиционных образов и литературных оборотов.¹ Критическое отношение к свидетельствам прошлого в подобных текстах отсутствует. Что касается какою-либо определенной исторической концепции, то она, если и прослеживается, сводится к прославлению деяний богов, номархов, вельмож и прежде всего фараона.

Придворные писцы, авторы многочисленных описаний победных военных походов в чужеземные страны, стремились объяснять все успехи египетского оружия исключительно волей богов, покровительствующих своему верному сыну — фараону.² Особенно хорошо это чувствуется в таких, отличающихся порой несомненными большими литературными достоинствами текстах, как «Аппалы Тутмоса III» или поэтическое описание битвы Рамсеса II с хеттами под стенами сирийской крепости Кадеш.

В «Анналах» победа Тутмоса III у палестинского города Мегиддо изображается, например, следующим образом: «Его величество отправился на золотой колеснице, украшенный своим боевым оружием, как бог Гор, сильный рукою и деятельный, как Монт Фиванский, а его отец Амон укреплял его руки... И вот был захвачен шатер того жалкого врага... И все войско ликовало, воздавая славу Амону за победу, дарованную им своему сыну в этот день... И вот владельцы этой страны приползли на своих животах, чтобы поклониться мощи его величества, чтобы испросить дыхание для своих носов, потому что велика его сила, потому что велика власть Амона над всеми чужеземными странами...»

Не менее ярко показаны и подвиги Рамсеса II в Кадешской битве: «Его величество воссиял, как Монт, после того как он взял боевые украшения и схватил свой панцирь. Он был подобен Ваалу в свое время... Бросился его величество и проник внутрь войска противника из врагов-хеттов. Он был один, предоставленный самому себе, и не было никого с ним... Тогда сказал его величество — да будет он жив, невредим и здоров: „Где ты, мой отец Амон? Разве не знает отец своего сына?.. Я зываю к тебе, мой отец Амон... Я нахожусь среди врагов, которых не знаю. Все страны объединились против меня...“ Услышал меня Амон и пришел, когда я зывал к нему. Он дал мне свою руку, и я возликовал... Он воззвал ко мне: „Вперед! Вперед! Рамсес Миамон, я с тобой, я твой отец. Моя рука с тобой, и я полезнее, чем сотни тысяч людей, соединенные воедино. Я владыка победы, любящий доблесть... Я был как Монт. Дал я им попробовать руку мою в мгновение ока. Я учинил резню среди них“».

¹ Не подлежит сомнению исключительная тенденциозность приведенного выше эмоционального и поэтичного восхваления фараона, который один, с помощью своего божественного отца Амона, якобы расправился с полчищами врагов! Политическая направленность такого восхваления очевидна и легко объяснима. Следует, однако, иметь в виду, что в данном случае перед нами не какое-то исключение, — все подобные тексты, конечно, нельзя считать историческими сочинениями в точном смысле слова, несмотря на наличие в них нередко достоверных исторических, географических и этнографических сведений. И все же, как бы ни были несовершенны (с точки зрения требований исторической науки) подобные описания, зафиксированные на каменных плитах, на стенах гробниц, храмов или записанные на папирусных свитках, бережно хранившихся в храмовых и царских архивах, они позволяли древним египтянам сравнительно хорошо знать свое прошлое, служили основой для подлинно исторических сочинений более позднего времени. Именно такое сочинение и было написано на греческом языке уже в эллинистическую эпоху египетским жрецом Манефоном, жившим в IV—III вв. до н. э., при Птолемеях I Сотере и Птолемеях II Филадельфе. Как жрец высокого ранга, Манефон имел возможность пользоваться храмовыми архивами. В то же время, усвоив греческую образованность, греческий язык, греческие научные методы исторического описания, Манефон смог дать цельное изложение истории родной страны. К сожалению,

его большой труд до наших дней не дошел. Он известен нам лишь в отрывках, в извлечениях и пересказе других авторов, таких, как иудейско-римский историк Иосиф Флавий (I в. н. э.) или христианский писатель Евсевий (IV в. н. э.). Сохранился, кроме того, краткий конспект всего труда Манефона, из которого современные историки заимствовали ставшее традиционным подразделение всех правивших в древнем Египте фараонов на 30 династий.

Манефон был первым египтянином-историком в точном значении этого понятия. Однако он жил в позднее время, и потому написанный им исторический труд (как и другие сочинения политического и религиозно-этического характера) представляет уже явление не столько египетской, сколько эллинистической культуры.

Как и история, этнография в древнем Египте, само собой разумеется, не была обособленной, строго научной дисциплиной. Речь может идти лишь о наличии некоторых наблюдений, отражающих знакомство древних египтян с соседними народами! Однако в этих наблюдениях поражает исключительная точность в передаче внешних признаков различных этнических групп и народностей. В изображениях на стенах гробниц, храмов, в изделиях прикладного искусства египетские художники и ремесленники чрезвычайно живо передавали характерные особенности внешности чужеземных народов. Будь то хетты, семиты, жители островов Средиземного моря или ливийцы, кушиты — все они фигурируют в многочисленных изображениях со всеми своими характерными расовыми признаками, с характерной прической и в национальной одежде. Египетские художники и ремесленники старались передать все особенности строения тела, цвет кожи, глаз, форму носа, губ представителей окружавших Египет чужеземных племен и народностей. Не менее точно передавали они и особенности внешности самих египтян! Если все это и не свидетельствует еще о существовании в древнем Египте особой науки этнографии, во всяком случае, отмеченные выше факты говорят о наличии ее зачатков!

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

От древнего Египта не дошли до нас своды законов.¹ Этот зияющий пробел в памятниках египетской письменности ставит египтологов в очень тяжелое положение. В то время как социально-экономические отношения в других восточных странах (в Шумере, Вавилонии и Ассирии, в Хеттском царстве и Иудее) могут изучаться в значительной мере на основании подлинных установлений, выработанных древними законодателями и утвержденных царями, древнеегипетское общество приходится анализировать, привлекая такие первоисточники, которые не в состоянии полностью заменить утраченные записи законов. Как бы ни были богаты и разнообразны находящиеся в нашем распоряжении памятники, найденные в долине Нила, они не могут компенсировать утрату сборников законов, хранившихся в судебных учреждениях царства фараонов, и притом, по всей вероятности, в значительном количестве экземпляров, но затем почти бесследно исчезнувших. Мы знаем точно и определенно, что в древнем Египте вырабатывались в различные эпохи писаные законы, что они кодифицировались, дополнялись и перерабатывались.

Если верить греческому историку Диодору, то первым законодателем был основатель объединенного египетского государства Менес.¹ Законодательная деятельность приписывалась Сесострису¹, Бокхорису (VIII в. до н. э.) и другим фараонам. Римский автор Элиан утверждает, ссылаясь на египетскую традицию, что Сесострис получил законы от самого Гермеса (так греки и римляне называли египетского бога мудрости и божественно-го судью Тота).

Конечно, все эти античные источники были бы недостаточны, если бы

¹ Легендарный царь, воплотивший в себе черты некоторых фараонов-завоевателей Среднего и Нового царств, прежде всего Сенусертов I и III и Рамсеса II.

они не подтверждались подлинными египетскими документами, упоминающими законы (по-египетски «хепу»).

В «Речении Ипусера» (прежде это имя произносилось: Ипувер) описываются потрясения, которые испытал Египет, по-видимому, в середине XVIII в. до н. э. в результате крупного восстания бедняков и рабов. Перечисляя насильственные действия и разрушения, совершенные повстанцами, Ипусер, между прочим, сообщает: «Свитки законов судебной палаты выброшены. [По ним] ходят на перекрестках. Бедные люди сламывают [с них] печати на улицах». В дальнейшем эти погибшие списки законов были, конечно, восстановлены. Гораздо позже, уже после покорения Египта персами, египетским чиновникам пришлось снова разыскивать и приводить в порядок старинные установления фараонов, тексты которых пострадали во время нашествия Камбиза. Преемник последнего, персидский царь Дарий I, решил использовать в своих интересах законодательство покоренной страны.

В одной из записей, сделанных демотическим письмом на папирусе, сообщается: «Он (Дарий I.— *Д. Р.*) послал [в] Египет, к своему сатрапу, в четвертый год, говоря: „Пусть пришлют мне знающих людей... из воинов, жрецов, писцов Египта, которые выйдут из него зараз (?), и пусть они запишут закон Египта, который был вплоть до 44-го года фараона Амасиса,— закон фараона, храмов, воинов, и пусть принесут его сюда“».

Таким образом, мы имеем документальное доказательство существования в Египте обширного свода законов, действовавших при Яхмосе II (569—525 гг. до н. э.) и восстановленных, вероятно, по сохранившимся разрозненным записям при Дарии I (в 519—518 гг. до н. э.).

К несчастью, если не считать нескольких незначительных фрагментов, ни одной записи этого памятника до сих пор не обнаружено.

Для восстановления, хотя бы гипотетического, основ древнеегипетского права приходится пользоваться другими документами. До нас дошло несколько декретов фараонов времен Древнего и Нового царств. Они утверждают привилегии тех или иных храмов. В одном из этих памятников — «Декрете из Наури» (в Куше), изданном фараоном Сети I (1312—1298 гг. до н. э.) в пользу храма Осприса,— устанавливаются суровые наказания за расхищение достояния названного храма. Очевидно, обычные кары, применявшиеся действующими законами, оказались недостаточными, и пришлось прибегнуть к чрезвычайным мерам. Таким образом, эти декреты отнюдь не повторяют статей свода законов, а дополняют их. Чаще всего декреты распространяются лишь на отдельные местности (владения храмов) и не имеют, таким образом, универсального значения.

Особый характер имеет декрет царя Хоремхеба (середина XIV в. до н. э.), изданный после смут, происходивших в связи с ликвидацией религиозной реформы Эхнатона. Мероприятия, им предусмотренные, следовало применять в общегосударственном масштабе. Целью их была борьба со взяточничеством и хищениями, в которых были повинны чиновники и воины. Очевидно, существующие законоположения оказались недостаточны

и не содержали ясных и конкретных указаний, направленных против злоупотреблений привилегированных военных кругов и бюрократии. Потребовались экстренные меры для обуздания взяточников и вымогателей.

Яркая картина злоупотреблений, царивших в древнем Египте, сохранилась в следующей замечательной молитве богу Амону: «Амон, преклони ухо твое к тому, кто одинок в суде; он беден, а враг его силен. Суд притесняет его, требуя серебра и золота для судей и одежды для служителя. Но Амон превращается в великого везира, чтобы оправдать бедняка; суд оправдал его — и бедняк проходит мимо сильного».

Много данных о египетском законодательстве содержится в дошедших до нас отчетах о судебных процессах времен Нового царства и более поздних. Особенно интересна надпись Меса, описывающего длительный процесс о наследовании земельного надела, который тянулся два века и закончился лишь при Хоремхебе.

Целый ряд документов, освещающих дела о расхищении царских гробниц, дает богатый материал по уголовному праву древнего Египта в период Нового царства. Некоторые выводы исследователей оказываются спорными, но ряд наблюдений помогает восстановить те или иные статьи утраченных законов.

Очень интересны указания, разбросанные в литературных произведениях древнего Египта, особенно в мифах и сказках. Учитывая специфику этих первоисточников, в которых содержатся самые чудовищные гиперболы, следует, однако, принять во внимание, что в основе их лежат представления о знакомых и привычных юридических нормах. Акад. В. В. Струве считает вполне возможным использовать для характеристики египетского гражданского права эпизоды из сказки позднего времени о Сатни-Хемуассе. В этом произведении отразились воспоминания о сложных и бесконечных тяжбах о наследстве и ненадежности завещаний, которые умело оспаривались египетскими крючкотворами того времени.

Мы уже говорили о сообщениях античных авторов о фараонах-законодателях. Эти сведения, безусловно, восходят к египетской традиции. Таким образом, постепенно вырисовываются общие контуры утраченного древнеегипетского свода законов, хотя многочисленные лакуны мешают восстановить его полностью.

Во всяком случае, имеется возможность сравнивать отдельные реконструируемые современными египтологами статьи с соответствующими положениями законов Хаммурапи и другими законодательными памятниками древнего Востока.

Хотя писаные законы появились в Египте еще во времена Древнего царства (а может быть, и Раннего царства), т. е. в III тысячелетии до н. э., это не означало полного исчезновения обычного права времен родо-племенного строя. Особенно это относится к внутрисемейным отношениям. Судя по египетским мифам и сказкам, преступления против родных и родственников разбирались главой семьи или всей семьей. В известном мифе «Спор Гора с Сетом» упоминается о страшном преступлении первого из этих бо-

гов. Он отрубает голову родной своей матери Исиде, заступившейся за своего брата Сета. Пока Эннеада богов, являющаяся в мифе верховным судилищем, разыскивает убийцу, чтобы покарать его, Сет успевает прибегнуть к самосуду. Он разыскивает и ослепляет Гора и никакой ответственности за это не несет.

Точно так же Сет не отвечает за убийство своего брата Осириса. Гор ведет судебный процесс против него только за наследство своего отца и выигрывает его, но за убийство Осириса Эннеада богов Сета не карает. Интересно, кстати, отметить, что одним из способов решить, казалось бы, очень простой вопрос о наследстве Осириса служит судебный поединок. Гор и Сет садятся в каменные ладьи и мечут друг в друга гарпуны. Таким образом, вопрос решает не право, а сила.

О том, что здесь мы имеем дело не с фантазией слагателей мифа, а с реальным обычаем (хотя бы и в гиперболической форме), можно судить по эпизоду из вполне реалистического повествования Синухета. Попад в Ретеву (Палестину), где устои родо-племенного строя сохранялись дольше, чем в Египте, этот египтянин вступает в единоборство с местным богатырем. Поединок происходит в присутствии всего племени, причем победитель на законном основании должен получить все достояние побежденного. Синухет побеждает и забирает все, что было в шатре убитого им противника, а также угощает его скот.

В «Сказке о Правде и Кривде» юноша грозит расправой своей матери, которая поработила его отца и жестоко обращается с ним. Он собирается бросить ее в присутствии всей семьи на съедение крокодилу. В другой сказке — «Сказке о двух братьях» — старший брат Анупу пытается убить своего младшего брата Бату по наущению своей коварной жены, оклеветавшей деверя. Убедившись в невиновности своего брата, Анупу убивает клеветницу-жену и бросает ее труп на съедение собакам.

С другой стороны, в тех же самых сказках упоминается передача семейных распрей на решение суда. Тот же Бата, которого предала его жена, став фараоном, воздерживается от личной расправы и поручает разбор дела судьям, которые приговаривают преступницу к смертной казни.

Интересное сочетание самосуда и нормального преследования по закону мы находим в известной «Сказке о фараоне Хуфу и чародеях» (папирус Весткар). Жрец Убаонер изобличает свою жену в прелюбодеянии и в присутствии фараона Небка направляет на соблазнителя крокодила (созданного им магическим путем). Что касается изменницы-жены, то о ее судьбе «заботится» не оскорбленный муж, а сам фараон. Он приказывает отвести ее в северную часть столицы и сжечь на костре.

В чем секрет такой двойственности? Видимо, ответ на это дает статья 129 вавилонских законов Хаммурапи. Она гласит: «Если жена человека будет захвачена лежащей с другим мужчиной, то должно их связать и бросить в воду. Если хозяин жены пощадит жизнь своей жены, то и царь пощадит жизнь своего раба (т. е. подданного; имеется в виду соблазнитель чужой жены. — Д. Р.)».

Таким образом, даже в вавилонском праве XVIII в. до н. э. сохраняются следы обычного права. От оскорбленного мужа зависит, наказать или пощадить нарушителей святости семейных уз. Однако он может покарать или простить обоих (и жену и соблазнителя), но не имеет права казнить только прелюбодея, а жену сохранить в живых.

Очевидно, сходное постановление действовало и в древнем Египте. Убаонер на законном основании расправился с любовником своей жены и чувствовал себя настолько уверенным в своей правоте, что не побоялся пригласить свидетелем расправы самого фараона.

Свою жену, однако, Убаонер склонен был пощадить. Он сам ничего против нее не предпринимает, но фараон отправляет ее на казнь, не спрашивая мнения мужа. Очевидно, согласно нерушимому обычаю, раз оскорбленный муж покарал оскорбителя, то он не мог уже возражать против осуждения изменницы-жены. Интересны и способы расправы в обоих случаях. Убаонер отдает преступника на растерзание крокодилу. Так же собирается поступить юноша из «Сказки о Правде и Кривде» со своей жестокой матерью.

В других случаях жертву самосуда убивают и бросают на съедение собакам и кошкам («Сказка о двух братьях», «Сказание о Сатни-Хемуасе»). Все это — типичный сказочный мотив в описаниях самосуда. Однако даже в сказках, если дело доходит до суда, виновницу не бросают диким зверям, а сжигают (такое же наказание, зафиксированное в гл. 38 Книги Бытия, полагалось для изобличенной блудницы). Когда в Египте утвердилась централизованная рабовладельческая деспотия, то право самосуда свелось к минимуму. Судя по поучению Птахотепа, отец имел право самовольно изгнать из дома и лишить наследства своего сына (по законам Хаммурапи это можно было сделать только по суду). Сам фараон мог, никого не спрашивая, карать провинившихся подданных. Гераклеопольский царь Ахтой III советует своему сыну карать подданных, не прибегая к смертной казни, но подвергая их ударам палок или заключению в тюрьму. Только бунтовщиков рекомендовалось истреблять. Очевидно, в законах не было ясных указаний на этот счет и все предоставлялось на волю царя.

Впрочем, далеко не всегда фараон использовал свое право на произвольный способ кары.

Вельможа Уна (во времена VI династии) вел совместно с другим судьей дело царской жены Уретхетес, обвиняемой, по-видимому, в каком-то гаремном заговоре. При XX династии суд разбирал дело о заговоре против Рамсеса IV. Даже такие преступления, как дезертирство, разбирались в суде. Вышеупомянутый вельможа Синухет бежал в Ретену (Палестину), опасаясь пострадать во время смут из-за престолонаследия. Новый фараон Сенусерт I передает дело о дезертирстве в суд, и разбирается оно в отсутствие ответчика. Приглашая Синухета покаяться и вернуться на родину, фараон пишет ему: «Слова твои встречают отпор, хотя ты не злословил; ты не говорил в совете именитых, и твои речи отвергаются». Таким образом, судьбу беглеца решал суд вельмож, а фараон использовал свое право

помилования. Можно предположить, что в египетских законах имелись специальные статьи, карающие дезертиров и перебежчиков.⁶

Для более позднего времени (XIX династия) сохранилось на этот счет косвенное указание. В тексте договора между Рамсесом II и хеттским царем Хаттусилем III мы читаем: «Если убежит один египтянин, либо два, либо три, придя к правителю хеттов, то правитель хеттов должен схватить их и повелеть, чтобы их доставили снова Усермаатра-Сетепенра (тройное имя Рамсеса II.— Д. Р.), великому властителю Египта, пусть не возбуждают дела о его преступлении против него и не отрешат [его] от его дома, его жен, его детей [и не убьют его], пусть не повредят его глаз, его ушей, его рта, его ног». Таким образом, перебежчику грозила смертная казнь или увечье, а также конфискация дома и отрыв от семьи. Потребовалось специальное условие в международном договоре, чтобы избавить выданных изменников от этого наказания.

Что касается уголовного права, то в утраченных уголовных законах, судя по ссылкам в юридических документах, видное место занимали статьи, охраняющие неприкосновенность частной собственности, и особенно владений и имущества фараона и храмов.⁷ Безусловно, при решении этих дел строго учитывалось (так же как по законам Хаммурапи или хеттских царей) социальное положение обидчика и потерпевшего. В известной «Повести о красноречивом поселанине» описывается, как некий Джхутинахт, управляющий вельможи Ренси, незаконно отбирает ослов и поклажу у скромного жителя оазиса, т. е. рядового подданного. Судьи, разбиравшие это дело, отклонили иск потерпевшего. Понадобилось вмешательство самого фараона, чтобы вернуть поселанину похищенное имущество и наказать обидчика.

Весьма показательны частые утверждения вельмож, которые хвалятся в своих надписях, что не грабили имущества рядовых земледельцев. Очевидно, такой грабеж был обычным явлением. Если дело доходило до суда, то богатый человек мог решать его с помощью взятки или воспользоваться своим влиянием.

Впрочем, законные наказания за кражу рядового египтянина были не особенно тяжелыми. Судя по юридическим документам времен Рамесидов (XIII—XII вв. до н. э.), мы приходим к выводу, что в эту эпоху за кражу полагалось имущественное возмещение в двукратном или трехкратном размере.

Это наказание следует считать исключительно мягким. По вавилонским и хеттским законам допускалось за кражу возмещение имущества в десятикратном и даже тридцатикратном размере, а в случае невозможности возместить — даже смертная казнь. Особенно показательно, что, возможно, допускалось мирное соглашение между вором и потерпевшим, если первый не в состоянии был уплатить штраф.

Любопытно, что согласно сообщению Геродота, царь-узурпатор Яхмос II (569—525 гг. до н. э.) до своего воцарения был вором и часто судился за кражи и тем не менее остался цел и невредим.

Гораздо суровее относился египетский закон к преступлениям против фараона и храмов, и в частности к хищениям в некрополях. В юридических документах Нового царства упоминается отрубание рук за ограбление инвентаря царских гробниц! Очевидно, эти случаи имел в виду Диодор, упоминающий о подобных наказаниях, применяемых к вора.

Иногда приводились в исполнение более суровые приговоры. В одном случае семь расхитителей имущества царских гробниц были посажены на кол. Конечно, учитывались и степень вины, и различные обстоятельства дела. В одном судебном показании раб-сириец Карбаал заявляет, что он отказался выполнить требование своего хозяина, приказавшего ему украсть быка из некрополя. Если бы он подчинился, то его сослали бы за такую кражу в Куш. Следовательно, он не боялся за свою жизнь и не опасался также, что ему нанесут увечье. Очевидно, учитывалось совершение кражи по чужой воле, а может быть, также то, что бык находился на пастбище, а не в загоне (кража без взлома). Особые наказания за кражу предусматривались специальными декретами. Они, конечно, отличались от обычных законодательных норм в сторону усиления кары (иначе не было бы смысла их издавать). Согласно декрету Хоремхеба воины, укравшие у земледельцев кожи, присуждались к 100 ударам палками и нанесению пяти ран, а также к возврату украденного и пене. Эта необычная для египетского законодательства суровость, и притом за преступления привилегированных людей против лиц, стоящих ниже по своему общественному положению, объяснялась, вероятно, особыми обстоятельствами. Во время смут первой половины XIV в. в Египте можно предположить массовые грабежи и хищения, против которых пришлось прибегнуть к решительным мерам.

Еще свирепее были кары за расхищение имущества храмов, находившихся под охраной, зафиксированные в льготных грамотах. Согласно декрету о защите достояния храма Осириса в Наури предписывалось возмещение украденных вещей в стократном размере (небывалая пропорция), а за угон храмового скота отрубание носа и ушей, порабощение жены и детей и даже сажание на кол.*

Бросается в глаза, что похищение скота карается строже, чем захват иного имущества. Возможно, что такая особая охрана скота устанавливалась не только в декрете из Наури, но и в египетском законодательстве вообще. Однако уже упомянутый случай с сирийцем Карбаалом доказывает обратное. Скорее всего, постановление Сети I было вызвано какими-то чрезвычайными обстоятельствами, требовавшими особой защиты жертвенных животных храма Осириса, похищение которых приравнивалось к святотатству.

Весьма своеобразными были законы, касавшиеся скупки краденого. Обвиняемым давалась полная возможность оправдаться ссылкой на неведение. Во время разбора подобных судебных дел во времена Рамессидов один обвиняемый был полностью оправдан, ибо выяснилось, что он оплатил найденное у него серебро, полученное от грабителей.

В другом случае обвиняемый (некий Яхепмену) вынужден был вер-

нуть золото, серебро и быков, ибо он купил все это у преступников. Никакого наказания он не понес, и дело ограничилось конфискацией краденого.

По законам Хаммурапи скупщик краденого карался смертью, если он не представлял свидетелей и не показывал контракта. Вавилонское право было в этом отношении суровее египетского.

Зато в египетских законах были, вероятно, строже наказания за утрату (или растрату) вещей, данных на хранение. Вавилонское право предусматривало возмещение пропавшего равноценным имуществом, по принципу «бык за быка» или «раб за раба». Какие-либо ссылки на исключительную ценность и незаменимость объектов, сданных на хранение, в законах Хаммурапи отсутствуют. В египетской же «Сказке о Правде и Кривде» утрата уникальных ценностей, взятых на хранение (в одном случае изумительного кинжала, в другом случае быка чудовищных размеров), влечет за собой ослепление и порабощение небрежного хранителя. Все это, конечно, является сказочным мотивом, но сказки создавались в определенной бытовой обстановке, с использованием привычных судебных формул (например, клятв с указанием на кару в случае, если они окажутся ложными). Очевидно, споры о полноценности и неполноценности замены в египетских судах происходили, хотя и не в такой фантастической форме, как в сказках.

Египетское право (так же как и вавилонское) уделяло много внимания каре за ложное обвинение. Обычным наказанием для клеветника было нанесение ста ударов палкой.

За ложную клятву в суде полагалось имущественное возмещение или членовредительство (отрубание носа и ушей) и ссылка в Куш. Все зависело от того, какие последствия могла иметь ложная клятва. Обычно сам обвинитель или истец указывал, как следует его наказать в случае неподтверждения его клятвенных завершений. Чаще всего указывалась кара, предусмотренная законом по тому делу, в связи с которым приносилась клятва. Однако, вероятно, уверенная в своей правоте сторона могла в пылу спора предлагать и большие наказания.

Среди уголовных преступлений упоминались, по всей вероятности, и поджоги. В одном юридическом документе персидской эпохи, относящемся к тяжбе за жреческую должность, жалобщик Педиисе сообщает, что жрецы из мести подожгли его дом. Один из виновников, явившийся в суд, приговаривается за это к наказанию плетью. Возможно, что это была установленная законом кара за поджог.

Что касается гражданского права древнего Египта, то, по всем данным, в нем занимали видное место статьи, касающиеся наследства. Обычно законным наследником считался старший сын, а остальные члены семьи оставались в доме на подчиненном положении. Ярким примером этого является семья Анупу в «Сказке о двух братьях». О том, что такое положение было вполне реальным, свидетельствуют случаи, зафиксированные в деловых документах еще в Древнем царстве. Но для той же эпохи мы имеем упоминание о семейных разделах. Номарх Хуефхор (прежде это имя читалось Хирхуф) заявляет в самом конце автобиографической надписи: «Ни-

когда я не разбирал тяжбы между двумя братьями так, чтобы сын был лишен достоинства отца». Судя по значительно более поздним демотическим документам, старший сын получал две трети наследства. Многое зависело от воли собственника или владельца. Муж мог передать свое имущество (или часть его) своей жене, а мать — тому или иному из своих сыновей.

Трудно сказать, распространялось ли право завещания на чужих людей, не связанных с завещателем родственными или соседскими узами. Вероятно, так же как в законах Хаммурапи, такое право было ограниченным. Нам известно очень мало о сельской общине в древнем Египте, но можно догадываться по аналогии с другими странами, что отчуждение земли (путем продажи, дара или завещания) в пользу чужаков было связано с большими трудностями. Не случайно даже во времена Нового царства, когда частнособственнические отношения сильно укрепились, земля продавалась обычно человеку одного и того же социального положения (например, пастухом пастуху).

Конечно, сильные и влиятельные люди могли присваивать себе общинные наделы египетских земледельцев, но такие случаи считались противозаконными. Не случайно в поучениях египетских мудрецов передвижка межи рассматривается как преступное деяние.

Положение изменилось в ливийско-саисский период, когда не только движимое имущество, но и земля стала предметом беспрепятственной купли-продажи, а также свободно завещалась любому человеку. Правда, завещания часто оспаривались. Так, например, один жрец из Сиута, Недетум, сын Тоута, завещал своему старшему сыну две трети, а младшему (от второй жены) только треть имущества. Хотя оба брата и вторая жена выразили полное согласие на такой раздел и заверили его документально, старший сын после смерти отца захотел завладеть всем имуществом и завел скандальную тяжбу. Он ее проиграл, но судьям досталось много хлопот.

Не случайно в ливийско-саисское время (персидский и греко-римский периоды) при купле-продаже приходилось составлять разные документы (кроме купчей еще «документ удаления», т. е. отказа от претензий), и притом в нескольких экземплярах. И все-таки каждый раз находились лица, считавшие куплю-продажу незаконной и заявлявшие свои претензии.

Акад. В. В. Струве анализирует с этой точки зрения весьма острый и патетический пассаж из «Сказки о Сатни-Хемуасе». Этот царевич влюбляется в жрицу Табубу и за обещания вступить с ним в брак согласен завещать ее детям (своим будущим пасынкам) все свое имущество, обездолив своих собственных детей. Характерным при этом является то обстоятельство, что завещание составляется в пользу совершенно посторонних лиц, принадлежащих к другой жреческой корпорации (Табуба была жрицей богини Баст).

Законные наследники — дети Сатни-Хемуаса должны были в письменном виде заверить свое согласие с волей отца и отказаться от своих наследственных прав. Однако Табуба не удовлетворяется этим. Она требует, чтобы Сатни-Хемуас убил своих родных детей и бросил их трупы на съезде-

ние собакам и кошкам. Ослепленный страстью, отец выполняет это требование. К счастью, все оказывается сном, и сказка оканчивается благополучно.

По мнению акад. В. В. Струве, жестокие требования Табубы не были простым капризом. Здесь был сознательный и безжалостный расчет. Она опасалась, что дети Сатни-Хемуаса, если они останутся в живых, несмотря на все выполненные формальности, смогут начать судебный процесс. В сказке все доведено до крайности, но и в реальной жизни, хотя и не в такой острой форме, аналогичные коллизии имели место.

Чаще всего процессы о наследственном имуществе велись между родственниками. Такова была длительная тяжба за участок, полученный еще в середине XVI в. до н. э. воином Неши за военные заслуги. По вавилонским законам владение таким царским даром обуславливалось военной службой наследников и не могло достаться жене или дочери. Наоборот, в Египте времен Нового царства наследственным участком Неши владела вся семья, включая женщин. Когда дело дошло до раздела, то возникла тяжба, которую выиграл Мес (оставивший описание длительного судебного процесса) только при Рамсесе II. Показательно, что о военной службе потомков Неши ничего не говорится. Зато упоминается уплата налогов в казну, полагающихся за дарственные земли (на это обстоятельство обратил внимание Б. А. Тураев).

Подобных споров о наследстве происходило немало. Специфической египетской особенностью был учет заупокойного культа, совершаемого наследниками в память об умершем. Выполнение этих обрядов закрепляло право на наследство.

Можно не сомневаться, что в утраченном своде (или, вернее, сводах) законов древнего Египта имелись статьи, регулирующие наследство, завещания и куплю-продажу, залог и дарение имущества. Возможно, что действительно при Бокхорисе в законодательстве были произведены изменения, ограничивавшие права сельской общины и семьи и укрепившие частную собственность и полную свободу распоряжения имуществом. Роль самого Бокхориса, однако, слишком преувеличивалась традицией.

При том же даре, согласно Диодору, было запрещено долговое рабство. Это произошло более чем на тысячелетие позже, чем в Вавилонии. По предположению В. В. Струве, законы Бокхориса, ограничивающие ростовщиков, особенно близки к соответствующей статье царя Исина, по имени Липтиштар. В обоих случаях запрещалось «увеличивать основную сумму долга через проценты более чем в два раза».

Вероятно, египетские законы регулировали также куплю-продажу и отдачу внаем рабов. Судя по контрактам, рабовладелец отвечал за грудоспособность своего раба или рабыни, отданных внаем. В случае их болезни уменьшалась плата, выдаваемая хозяину.

Очень разнообразны были приемы судебного разбирательства уголовных и гражданских дел. Кроме допроса свидетелей, разбора документов и выявления в них противоречий, пыток и т. д. большую роль, как уже го-

ворилось, играло произнесение клятв. Использовались также указания оракула. Правда, этот прием применялся иногда и в других древних странах (вспомним, например, знаменитые библейские «урим и тумим»), но в Египте значение оракулов было весьма велико. Выносились из храма статуи богов, и по движению головы определялось оправдание или обвинение подсудимого. Даже самого фараона Яхмоса II, по утверждению Геродота, некоторые оракулы справедливо уличали в воровстве. Конечно, это было задолго до его воцарения.

О праве фараона даровать помилование мы уже говорили. Если верить Диодору, то в одном случае смертная казнь механически отменялась. Это происходило, если устанавливали, что осужденная преступница оказалась беременной.

Так вырисовываются с большей или меньшей вероятностью некоторые черты древнеегипетского законодательства. Полностью проверить восстанавливаемые статьи и заполнить все лакуны можно, только если будут найдены подлинные своды законов древнего Египта. Пока приходится довольствоваться косвенными указаниями и намеками самых разнообразных литературных памятников и деловых документов.

ЯЗЫК И ПИСЬМО ДРЕВНИХ ЕГИПТЯН

В научной литературе, как в нашей, так и в зарубежной, иногда встречается термин «древнеегипетский язык», под которым подразумевается язык населения древнего Египта.

Этот термин неточен, ибо, называя какой-либо язык древним (например, древнекитайский, древнегреческий и т. д.), имеют в виду существование такого же нового, современного нам языка. Иначе говоря, определение «древний» создает впечатление, что речь идет о древней стадии живого современного языка.

С египетским языком дело обстоит иначе.¹ Египетский язык стал мертвым уже в начале нашей эры, когда на смену ему пришел коптский, представляющий собой последнюю стадию развития египетского языка и органически с ним связанный, но при этом отличающийся от него настолько, что в языкознании он считается самостоятельным языком. Коптский язык относится к египетскому языку поздней стадии его развития примерно так же, как итальянский к латинскому. Но и коптский тоже уже мертвый язык. В настоящее время жители Египта говорят на арабском языке. Поэтому египетским языком мы называем только тот язык, на котором говорило население древнего Египта с незапамятных времен до III в. н. э. (приблизительно).

С угасанием египетской цивилизации был окончательно утерян ключ к чтению египетского письма. Конечно, этот процесс происходил постепенно, но все же довольно быстро. Уже в IV в. н. э. некий Гореполлон написал на коптском языке трактат о египетском письме, переведенный впоследствии на греческий язык («Иероглифика»). Этот трактат свидетельствует о том, что его автор имел о египетском письме довольно сбивчивые и фантастические представления наряду с правильной информацией. Но все же в довольно узком кругу людей сохранилось умение читать и правильно писать на египетском: это подтверждается последней по времени иероглиф

ческой надписью, датируемой 394 г. н. э. (на острове Филе). Самый известный текст — курсивная (демотическая) надпись — относится к 452 г. н. э. Это было последнее прощание с миром угасавшей египетской цивилизации, и после этого уже не было людей, владевших египетским письмом. Но бесчисленные его памятники как в самом Египте, так и в музеях разных стран возбуждали любознательность ученых, неоднократно пытавшихся разгадать тайну египетских иероглифов. Мы опускаем здесь историю этих попыток — остановимся лишь на одной. В XVII в. ученый-иезуит Афанасий Кирхер пытался читать иероглифические тексты на египетском обелиске в Риме. А. Кирхер в своей «дешифровке» исходил из совершенно неправильного утверждения Гораполлона о том, что каждый иероглиф самостоятельно выражает какую-либо мысль. Конечно, «дешифровка» А. Кирхера, как и попытки многих других ученых, следовавших Гораполлону, успеха не имела. Вместе с тем А. Кирхер выдвинул вполне здоровое и оправдавшееся впоследствии предположение, что коптский язык близок египетскому. Французский ученый Ж. де Гивь (XVIII в.) и датский ученый Г. Цоэга (XVIII в.) высказали независимо друг от друга мнение, что во встречающиеся в иероглифических текстах удлиненные овалы, окружающие группы иероглифических знаков, вписаны имена парей. Как мы увидим ниже, это мнение, в дальнейшем вполне оправдавшееся, сыграло значительную роль в дешифровке египетского письма.

В 1799 г. в Египте, близ г. Розетта, во время земляных работ для военных целей военным французским инженером Бушаром была найдена плита из темного базальта, на которой были начертаны три надписи разными системами письма — египетскими иероглифами, неизвестным письмом и греческими буквами на греческом языке. Из греческого текста было совершенно ясно, что его содержание полностью соответствовало иероглифическому тексту и другому тексту, начертанному неизвестным письмом, иначе говоря, греческий текст был переводом двух других, а именно постановления египетских жрецов в честь Птолемея V Епифана 196 г. до н. э. Этот двуязычный текст, названный Розеттским камнем, вызвал сенсацию в научном мире: теперь в руках ученых был египетский текст с греческим переводом, и это, казалось, сулило науке самые радужные перспективы.

Известный французский востоковед, арабист Сильвестр де Саси обратился к исследованию второго текста, написанного неизвестным письмом (так называемым демотическим письмом; см. ниже). Он сумел правильно установить в нем фонетические значения некоторых знаков. Дальше этого он не пошел. Его исследование продолжал шведский ученый И. Д. Окерblad, владевший коптским языком. Суммируя результаты их исследований, надо сказать, что они прочли в демотическом тексте имена Александра, Птолемея и Арсинои, название города Александрия и ряд фраз. В дальнейшем установленный ими факт наличия в демотическом письме звуковых алфавитных знаков сыграл большую роль.

В начале XIX в. к демотическому тексту Розеттского камня обратился известный английский ученый, известный физик, основатель волнообраз-

ной теории света, Томас Юнг. Юнг сумел доказать, что демотическое письмо — курсив иероглифического письма. Но позднее он недооценил открытие предшественников и исходил в своих работах из предпосылки, что курсивное и иероглифическое письмо вовсе не передают звуков египетского языка, и эта идея завела его в тупик. В итоге все же помимо установления тесной связи между иероглифическим и демотическим письмом Т. Юнг достиг некоторых важных, хотя и частных, результатов. Так, в иероглифическом тексте Розеттского камня он правильно определил значение ряда иероглифов. К концу жизни он снова вернулся к взгляду на демотические знаки как на алфавитные и сумел даже составить демотический словарь с таблицей демотических знаков и их фонетическими значениями, выраженными коптскими буквами. Этот словарь был издан после его смерти.

Наконец, к текстам Розеттского камня обратился молодой французский ученый Франсуа Шампольон. Острый глаз, тонкое критическое чутье и огромной силы обобщающий ум сочетались у Ф. Шампольона с исключительным трудолюбием, с необычайной настойчивостью в достижении поставленной цели. До последнего дня своей жизни он неуклонно шел по пути, намеченному еще в юношеские годы. К решению задачи он подошел во всеоружии знаний, доступных для его времени. В своей работе Ф. Шампольон умело и творчески использовал все, что сделали до него его предшественники на этом поприще. Гениально, строго критически он отобрал из всех их наблюдений все то, что было логично, правильно и убедительно, и отбросил их заблуждения и домыслы. Это сыграло огромную роль в его открытии, которое в значительной степени было подготовлено его предшественниками. Ф. Шампольон знал, что в иероглифических текстах имена царей заключены в картуши и что на Розеттском камне упоминается имя Птолемея (это было ясно из греческого текста). Имена Птолемея и его жены Клеопатры упоминались также в одном демотическом папирусе и, кроме того, в иероглифической надписи на обелиске, найденном на острове Филе. Ф. Шампольону было известно, что иероглифический и демотический тексты — это иероглифы и их курсив и что в курсиве ряд знаков, и в частности имена царей, написаны алфавитными знаками. Он обратился к картушам, содержащим имена царей. Имена Птолемея и Клеопатры имеют следующие общие согласные: *п, т, л*. Следовательно, в обоих картушах должны были повторяться те же знаки, и не произвольно, а на определенных местах. Так были установлены фонетические значения иероглифов, обозначавших фонемы.

Таков был принцип начала дешифровки Ф. Шампольоном иероглифического письма. Этот принцип он провел на ряде других открытых к тому времени двуязычных текстов, и 27 сентября 1822 г. Ф. Шампольон на заседании Академии надписей сообщил о своем открытии. Это было огромной научной сенсацией. Как нередко бывает в истории науки, открытие Ф. Шампольона не сразу получило всеобщее признание: в ряде стран, в том числе и в России, нашлись противники, пытавшиеся опровергнуть его. Но в конечном итоге истина быстро восторжествовала и ей был открыт

широкий путь. К концу своей жизни великий француз, отлично владевший коптским языком и знавший, что он является последним этапом развития египетского языка, составил его грамматику и словарь (опубликованы после смерти Ф. Шампольона).

Русская наука высоко оценила научный подвиг Ф. Шампольона: еще при жизни, 10 января 1827 г., он был избран членом Петербургской академии наук, за три года до его избрания (7 мая 1830 г.) в Академию надписей во Франции.

Ф. Шампольон умер 42 лет (в 1832 г.). Его короткая жизнь была блестящим и самоотверженным научным подвигом.

Было бы ошибочно думать, что великое открытие Ф. Шампольона было, так сказать, завершением изучения египетского языка, — оно было лишь началом. В настоящее время благодаря усилию поколений ученых мы знаем египетскую грамматику и лексику неизмеримо лучше, чем во времена Ф. Шампольона. Но мы никогда не должны забывать, что именно Ф. Шампольон был отцом, создателем новой науки — египтологии.

Так как запечатленные в текстах памятники египетского языка сохранились от огромного периода времени, исчисляемого не менее чем в три с половиной тысячелетия, вполне понятно, что за все это время египетский язык изменился. Он прошел следующие стадии развития:

1) язык эпохи Древнего царства (XXX — XXII вв. до н. э.) — язык староегипетский;

2) среднеегипетский, или классический, язык (XXII — XVI вв. до н. э.);

3) новоегипетский язык (XVI — VIII вв. до н. э.);

4) демотический язык (VIII в. до н. э. — V в. н. э.);

5) коптский язык (начиная с III в. н. э.). После завоевания Египта арабами в VII в. н. э. коптский язык постепенно вытесняется арабским и становится мертвым языком.

Следует еще раз подчеркнуть, что египетский язык является в настоящее время мертвым, так же как и язык коптский, на котором частично еще совершается коптская литургия.

Следовательно, все наши суждения о египетском и коптском языках основываются исключительно на памятниках письменности этих языков, а не наблюдениях фактов живой речи их носителей.

Египетский язык, а впоследствии коптский был языком коренного населения древнего Египта и за пределами страны распространения не имел. Географические границы страны довольно определены: вся долина Нила, от Средиземноморского побережья и примерно до Первого нильского порога у современного Асуана. Однако египетскоязычные тексты встречаются на территориях, удаленных от указанных выше границ: далеко к югу от Асуана, а на северо-востоке от долины Нила — в Палестине и Финикии. Это памятники победы египетского оружия и культуры в странах, где египтяне были сравнительно немногочисленными пришельцами среди иноязычного местного населения, сохранявшего свои языки и под египетским господством.

Египетский язык вместе с коптским входит в обширную семью семито-хамитских языков, составляя в ней особую группу. Об этой языковой семье следует сказать несколько слов.

Народы, говорящие на языках семито-хамитской семьи, в настоящее время обитают на огромной территории примерно в 20 млн. кв. км, раскинувшейся в Северной и Северо-Восточной Африке и в Азии к востоку от Средиземного моря. В нее входят собственно семитские языки (например, арабский, еврейский, арамейский, эфиопский, сирийский и ряд других), очень близкие друг к другу.

Что касается так называемых «хамитских» языков, то это языки народов и племен белой расы, искони населявших Северо-Восточную Африку. Как теперь установлено, «хамитские» языки не представляют собой лингвистического единства, и о степени их родства между собой, как и о степени родства отдельных «хамитских» языков с семитскими языками, нет вполне определенного мнения. Термин «хамитский» является чисто условным, традиционным термином. В то время как ряд семитских языков имеет обширную и древнюю литературу, памятники которой дошли до нас, что дает возможность проследить историю ряда семитских языков вплоть до глубокой древности (например, древнееврейский, аккадский, арабский), так называемые «хамитские» языки, исключая египетский (вместе с коптским), известны нам только по современному состоянию, изученному еще далеко не достаточно. В отличие от семитских языков «хамитские» языки, кроме египетского (и коптского), в древности не создали почти никакой литературы, и поэтому прошлое их нам неизвестно.

Из всех «хамитских» языков ближе всего к собственно семитским имеет египетский язык как по фонетике и морфологии, так и по лексике (установлено свыше 350 беспорных египто-семитских этимологий).

До нас дошло огромное количество письменных памятников древнего Египта. Но прежде чем обратиться к рассмотрению египетской системы письма, необходимо сказать несколько слов о материалах, на которых писали древние египтяне.

Прежде всего это камень — стены храмов, гробниц, саркофагов, плиты (так называемые стелы), обелиски, стены пещер, скалы, статуи и т. д. Знаки письма либо врезывались в поверхность камня, либо высекались en relief, либо, наконец, просто изображались на нем чернилами и красками. Материалом для письма служили также и остраконы (греч. «черепки») — более или менее плоские обломки известняка или же глиняные черепки, на которых писали краткие деловые документы, выдержки из литературных текстов и т. п. Остраконы дошли до нас главным образом от времен Нового царства (1580—1085 гг. до н. э.), преимущественно из Фив.

Материалом для письма служило также дерево в разных видах (саркофаги, доски и т. д.), но текстов на дереве, естественно, сохранилось гораздо меньше, чем на камне. Как отмечал Б. А. Тураев, краткими надписями покрывалось все, «что давало к писанию повод и предоставляло место».

Огромным вкладом в мировую культуру явилось изобретение в древнем

Египте писчего материала, известного в науке под названием «папирус». Лишь благодаря папирусу стало возможным широкое и разностороннее развитие культуры и науки в античном мире, оказавшее решающее влияние на судьбы мировой цивилизации.

Слово «бумага» в ряде современных европейских языков (нем. Papier, фр. papier, англ. paper) восходит к древнегреческому *πάπυρος*, обозначающему растение, из которого изготовлялся одноименный писчий материал. Несомненно, что этимология греческого *πάπυρος* восходит к египетскому термину, но к какому именно — точно неизвестно.

Современному путешественнику по Египту трудно представить себе, что некогда папирус был неременной принадлежностью египетского ландшафта. Он произрастал преимущественно в спокойных (стоячих) водах Дельты и достигал 3—6 м в высоту. В настоящее же время в Египте его можно увидеть лишь в Каирском ботаническом саду. В естественном состоянии папирус встречается в Судане, Эфиопии, Палестине, Месопотамии и Сицилии. В древности он имел большое хозяйственное значение в жизни страны; в частности, из папируса делались маленькие и легкие челны, рассчитанные на двух-трех человек для плавания только во внутренних водах.

Из этого растения древние обитатели долины Нила научились выделять первоклассный писчий материал. Материал для письма из папируса изготовлялся следующим образом: стебель растения освобождался от корня и цветка и разрезался на длинные продольные полосы, которые накладывались краем друг на друга и склеивались в листы. Такой лист состоял из двух слоев. В нижнем слое полосы стебля располагались вертикально, в верхнем — горизонтально. Оба слоя вместе подвергались сильному давлению и затем высушивались. Подобный метод производства папируса был проверен в наше время на практике: в Каирском музее экспонирован папирус, изготовленный так английским египтологом Б. Ганном из растений, росших в его саду в Каире. Отдельные листы папируса склеивались в свитки. Длинные свитки встречаются редко. Самые длинные из известных папирусов следующие: папирус Вильбур¹ — 10 м; папирус Эберса — 20 м; папирус Харрис — 45 м. Толщина папируса приблизительно такая же, как и толщина некоторых сортов современной писчей бумаги. Папирус иногда использовали больше одного раза: с листа сывали ненужный уже написанный текст и на смытой поверхности писали новый. Такой папирус называется палимпсестом².

Вновь изготовленный папирус — белого или почти белого цвета. С течением времени он темнеет и становится светло-желтым или даже коричневым. Новый папирус отличался эластичностью, благодаря чему легко

¹ Папирус Вильбур назван в честь американского собирателя Ч. Э. Вильбура (1833—1891). На средства из его фонда папирус был приобретен Бруклинским музеем.

² В широком смысле слова палимпсест — это текст, нанесенный на любую поверхность, с которой был смыт и соскоблен старый текст.

сворачивался в свитки, но под влиянием времени он терял эти свойства и становился очень хрупким и ломким. Когда папирус свертывали в свиток, то та его сторона, которая состояла из горизонтальных полос (называемая в науке *recto*), оказывалась внутри, а та, которая состояла из вертикальных полос (называемая в науке *verso*), — снаружи. Этот способ сворачивания папируса в свиток подсказывался следующими двумя соображениями: во-первых, если при свертывании папируса сторона *verso* была бы внутренней, то волокна папируса подвергались бы большому давлению и он легче рвался; во-вторых, так как заполнение папируса начиналось всегда с внутренней его стороны (т. е. с *recto*) и сторона могла быть лишь частично исписанной, то такой способ свертывания папируса обеспечивал лучшую сохранность большей части текста. Однако вполне понятно, что в отдельных случаях были различные отклонения от этого общего порядка.

Обычно египетские писцы (scribes), как это видно из сохранившихся скульптур, писали, сидя на полу, скрестив ноги (в эпоху Нового царства они сидели на стуле). Свиток папируса писец держал в левой руке, а правой писал на развернутой части папируса, положив его на колени. Наносить знаки он начинал на правый конец папируса, справа налево.

В качестве писчего материала египтяне употребляли и кожу. Текстов, написанных на коже, сохранилось немного, и все они датируются временем Нового царства. В частности, в анналах Тутмоса III, высеченных на стенах Карнакского храма, сказано, что они представляют собой извлечение из подробных записей на коже о деяниях и походах этого фараона.

Инструмент, которым египтяне писали на папирусе и коже, нам хорошо известен, так как от разных времен дошли до нас письменные приборы египетских писцов. Они состояли из дощечки, в углублениях которой держали в сухом виде красные и черные чернила, миниатюрной каменной ступы с пестиком для растирания чернил, кисточки, футляра для ее хранения и маленького сосуда для воды, в котором смачивали кисточку. Дощечка, футляр и сосуд были соединены шнурком. Черные чернила изготовлялись из сажки, красные — из охры. Кисточки делались из стебля болотного растения *Juncus maritimus*, произраставшего в Египте в соленых озерах и болотах; один конец стебля, по-видимому, разжевывался. Длина кисточки была от 16 до 23 см. В римское время кисточку вытеснило перо, заимствованное египтянами у греков. Оно изготовлялось из камыша *Chragmiles communis*. Конец пера расщепляли на две продольные части и заостряли.

Письменные приборы имеются во многих музеях мира, в том числе в Государственном Эрмитаже и Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. В последнем хранятся два прибора: у одного — дощечка деревянная, у другого — каменная.

Папирус как писчий материал широко распространился из Египта в древнем мире: он проник в Палестину и Финикию задолго до нашей эры. Почти все древнейшие семитские и греческие папирусы XVI—V вв.

до н. э. происходят из Египта, где они сохранились благодаря сухости климата. Основным поставщиком папируса в эллинистические времена была Александрия. Затем папирус изготовлялся и в Риме. Использовался он и в Европе в раннем средневековье. В VIII в. н. э. египетский папирус постепенно стала вытеснять бумага, проникая в Европу из Китая через Багдад. Однако в арабском Египте папирус широко применялся до IX в. н. э. (если не позже); здесь его изготовляли так же, как и в древности.

Египетская система письма (наряду с шумерийской) — древнейшая в мире. Как и вся египетская культура в целом, египетское письмо возникло вполне самостоятельно. Попытки доказать месопотамское происхождение культуры Египта не получили признания в науке. Конечно, можно допустить существование каких-то связей между долиной Нила и Двуречьем в очень отдаленные времена, но из этого никак нельзя сделать вывод о заимствованиях. Что же касается египетского письма, то «туземное его происхождение совершенно и не подлежит сомнению уже потому, что оно тесно связано с природой и бытом народа», — писал Б. А. Тураев.

Термин «иероглифы» взят у Клемента Александрийского (II—III вв.), которым этот автор называл знаки, высеченные или написанные на камне. В современной науке им обозначают письменные знаки ряда других систем письма, если эти знаки изображают людей и животных и части их тела, здания, растения, разные предметы и т. д. Даже знаки китайского письма в настоящее время называют иероглифическими, несмотря на то что каждый из них в данное время не изображает конкретный предмет. Китайское письмо называется иероглифическим также потому, что некогда, в глубокой древности, китайские иероглифы были изображениями людей, животных и предметов.

Египетское иероглифическое письмо состоит из знаков, изображающих предметы — одушевленные и неодушевленные. Наиболее употребительных знаков насчитывается около 700 (эти данные относятся ко времени от XI до XIX династии включительно). Начертание отдельных знаков менялось в разные времена и отчасти зависело от вкусов, умения и склонностей писца, что в первую очередь относится к скорописному — иератическому — письму.

Иероглифы принято классифицировать по их внешнему виду. Общепринятой является классификация английского египтолога А. Гардинера. Согласно этой классификации, все иероглифы разделяются на двадцать шесть групп в зависимости от того, что они изображают.

Знаки иероглифического письма наглядно отражают природу страны и быт народа. Изучение их с этой точки зрения представляет большой интерес и значительно обогащает наши сведения о многих сторонах жизни древнего Египта. А. Гардинер очень точно подметил, что иероглифическое письмо «является отпрыском живописи». Оно сохранило свой декоративный характер до последних дней существования. Стены храмов, гробниц и других монументальных сооружений покрывались иеро-

глифами, нередко ярко раскрашенными и достигавшими значительных размеров, оживлявшими монотонную поверхность камня. Египетские художники-писцы стремились, когда только было возможно, реально воспроизвести то существо или предмет, которые изображал иероглифический знак. Они это делали настолько реалистически, что по иероглифам, изображавшим живые существа (млекопитающие, пресмыкающиеся, птицы, рыбы и т. д.), ученым удалось в значительной степени восстановить фауну древнего Египта. Конечно, на поверхностях мелких предметов (вазы, амулеты и т. п.) нельзя было представить все детали изображаемого предмета, и иероглифическое письмо подвергалось стилизации. Рисунок все более упрощался, превращаясь в контур. В результате этого наряду с монументальными художественными иероглифами существовали и упрощенные их формы.

Что касается направления письма, то строки могли располагаться горизонтально — справа налево и наоборот — или же вертикально — сверху вниз. Определить направление письма нетрудно: если головы людей и животных обращены направо — текст читается справа налево, если же они обращены налево — текст читается слева направо.

Направление строк подчинялось стремлению писцов и художников расположить текст на поверхности стены, колонны, обелиска, стелы или статуи симметрично — вокруг изображений или архитектурных деталей, как этого требовали эстетические каноны искусства древних египтян.

Пропорциональность величины иероглифов, определенные правила сочетания длинных вертикальных и горизонтальных иероглифических знаков с компактными, симметрия — все это имело первостепенное значение при расположении иероглифических текстов.

Строка иероглифического текста разделялась на так называемые «квадраты» (по современной научной терминологии), т. е. на части, каждая из которых плотно заполнялась иероглифическими знаками, более или менее тесно связанными смыслом, и вписывалась в квадрат. Иероглифический текст не терпел вакуума. Это обстоятельство в значительной мере способствует реконструкции фрагментированных слов: зная написание того или иного слова, нередко можно догадаться, какие именно знаки могли уместиться на разрушенной поверхности текста.

Все эти художественные требования имели решающее влияние на орфографию и способствовали в значительной мере стабилизации написания отдельных слов. Однако они вместе с тем предоставляли писцу известную свободу — в пределах соблюдения художественного канона — изменять эту орфографию по собственному усмотрению. Поэтому графические метатезы или эллипсы нередко встречаются в иероглифических текстах. Словоразделительные знаки и пунктуация в иероглифическом письме отсутствовали.

Все вышесказанное относится к внешнему облику иероглифических текстов и отдельных знаков. С течением времени контуры отдельных знаков сильно менялись. Более того, отдельные знаки выходили из упот-

ребления и заменялись новыми. Наконец, число знаков было отнюдь не постоянным: если в классический период (т. е. от XI до конца XVIII династии включительно) наиболее употребительных знаков, как уже говорилось, было приблизительно семьсот, то в греко-римскую эпоху — несколько тысяч.

Египетская иероглифическая система сложилась очень рано.¹ К сожалению, мы располагаем лишь весьма незначительным числом памятников, проливающих некоторый свет на ее происхождение. Однако картинный изобразительный характер египетского иероглифического письма, а также наблюдение над иероглифическими системами письма других народов указывают на пиктографию как на исходную точку его развития. Немногочисленные и очень архаические (так называемые «шиферные») таблички «дают нам возможность присутствовать при развитии этого письма, — писал Б. А. Тураев. — Изображение на них — это символические представления событий, их описание при помощи доступных тогда средств, своего рода пиктография, подобная мексиканской, где символизм и идеография мало-помалу вытесняют реальные изображения. Так, бык представляет царя, гербы — области, бывшие под его началом, и т. п. Рядом с этим появляются и настоящие иероглифы для выражения собственных имен — начали передавать не только мысли, но и звуки. На пластинках и булаве Нармера, этих хрониках, изображенных пиктографией, фонетического элемента уже порядочно».

Уродившаяся из рисунка пиктография — древнейший вид письма! Пиктограммы, сохранившиеся от глубокой древности, — первые попытки человеческого ума фиксировать мысли и впечатления путем реалистического изображения события или предмета. Строго говоря, пиктограмма — это комплексное изображение события, это картина, и, как таковая, она является элементом искусства. Пиктограмму можно только толковать, интерпретировать, но не читать, и именно поэтому одна и та же пиктограмма может разными лицами пониматься по-разному.

Идеограмма же, изображающая отдельные предметы и понятия, представляет уже элемент письма. Если знак письма изображает и означает, например, солнце, то перед нами обычная идеограмма. Если же знак изображает предмет, а означает не этот предмет, а какое-то отвлеченное понятие, например дружбу, любовь, ненависть и т. п., то это уже идеограмма-символ. Из пиктограммы развиваются как идеограммы, так и фонограммы (т. е. знаки, означающие звуки), ибо идеограмма не только воспринимается мысленно, но и произносится. Таким образом, наряду с идеографией появляется переплетающееся с ней звуковое письмо. Эти фонетические элементы письма приобретают все большее и большее значение, поскольку лишь они отражают грамматические формы языка, без которых невозможна точная передача мыслей.

Египетское иероглифическое письмо в основном является уже именно фонетическим, звуковым письмом.¹

Что касается значения отдельных знаков, то классификация их осно-

вана на функции в системе письма и никак не зависит от их внешнего вида.

Все знаки иероглифического письма древних египтян делятся на три большие группы: идеограммы, фонограммы и детерминативы. Когда мы говорим идеограмма, фонограмма или детерминатив, мы имеем в виду, что тот или иной знак функционирует как идеограмма, фонограмма или детерминатив. Такой авторитет в вопросах египетской лингвистики, филологии и письма, как А. Гардинер, подчеркивает, что строгая теоретическая классификация иероглифических знаков по их функциям была бы очень громоздким, чисто формалистическим предприятием, ибо грани между функциями иероглифических знаков непостоянны и преходящи.

Идеограммами называются знаки, изображающие какой-то предмет и обозначающие его. Например, знак ☉ изображает солнце и означает солнце (r^c); знак ★ изображает звезду и означает звезду (sb^3); знак □ изображает дом и означает дом (pr) ³ и т. д. Фонограммами называются знаки, основной функцией которых является обозначение звуков — сочетание трех согласных фонем (например, hpr , nfr , nh), сочетание двух согласных фонем (например, mn , nb , dw) и, наконец, знаки, обозначающие отдельные гласные фонемы (например, f , p , h) и т. д. Эти последние принято не совсем точно называть алфавитными графемами.

Детерминативами называются знаки, которые фонетически никак не читаются. Они ставятся всегда в самом конце написания существительных, прилагательных и глаголов и указывают на смысловую категорию, к которой относится данное слово. Например, детерминатив, изображающий руку с зажатой в кулак палкой, обозначает, что слова, кончающиеся им, как-то связаны с понятием силы: nht — «сильный»; nhm — «отобрать», «грабить» и т. д.; детерминатив, изображающий две ноги Δ , ставится после самых разнообразных глаголов движения и т. д.

Таким образом, детерминативы устраняли недоумения, которые могли бы возникнуть при чтении текста в результате нередкой в языке омонимии, особенно в тех языках, где гласные звуки не выписывались.

Теперь следует подчеркнуть следующее: многие (но не все) иероглифические знаки могли в письме выполнять то функцию идеограммы, то функцию фонограммы, то функцию детерминатива. Возьмем для примера знак □, изображающий дом (согласные этого слова были pr). Знак мог обозначать в тексте слово «дом» (pr), но он мог также служить фонограммой, обозначающей сочетание фонем p и r — pr в словах, в которых встречается это сочетание, никакого отношения к понятию «дом» не имеющее. Так, глагол «выходить» (prj) пишется посредством этого знака, и здесь он уже не идеограмма, а фонограмма.

Наконец этот же знак служил детерминативом во всех словах, обозначающих какое-то здание или помещение; например, слова «комната»

³ В египетском языке не было знаков для гласных. Подробнее об этом см. ниже.

(^ct), «интерьер» (hnw), «канцелярия» (nst) и другие оканчиваются этим детерминативом.

Иероглиф, изображающий и обозначающий слово «звезда» (sb³), может быть фонограммой, обозначающей сочетание фонем sb³ в словах «дверь» (sb³) и «обучать» (sb³). Иероглиф, изображающий сидящего мужчину , функционирует то как идеограмма, обозначая суффикс 1-го лица ед. ч. — «я», «мой» (i), то как детерминатив после слов, обозначающих какого-либо человека, — «сын» (s³), «делающий» (igr), «придворный» (smg) и т. д. Здесь нет никакой возможности детализировать правила египетской орфографии, которые далеко не исчерпываются сказанным. Приведенные факты и обобщения должны лишь дать общее представление об основных принципах египетского иероглифического письма.

Остановимся теперь на очень важной проблеме — безгласности египетского письма.

Естественно напрашивается вопрос: каким образом могло возникнуть письмо, в котором нет знаков для гласных? Египетская система письма не единственная, обладающая этой особенностью: в ряде древних систем письма семитских языков также отсутствуют специальные знаки для гласных фонем (фикикийское письмо, древнееврейское, арамейское и др.). Главная причина заключается в некоторых основных принципиальных особенностях семитских языков. Здесь следует напомнить читателю то, что было уже сказано выше: египетский язык не входит в подгруппу собственно семитских языков, но из всех языков семито-хамитской семьи он ближе других к языкам собственно семитским. Эта близость, в частности, проявляется в структуре корня слов: египетские корни, как и корни слов семитских языков, состоят из согласных, а не гласных фонем (в основном три или две). Консонантный корень, и только он, является носителем понятия, выразителем семантики, тогда как гласные играют лишь служебную роль, указывая, в какую грамматическую форму облечено понятие. Так как огласовка египетского языка нам, по сути дела, до сих пор неизвестна, лучше всего проиллюстрировать это положение на примерах из арабского языка. Возьмем следующий наглядный пример. Арабский корень fsm является носителем понятия «отделять»: fasma — «он отделил»; yefasm — «пусть он отделил», «отдели»; fašemo — «отделение». Таких примеров из арабского языка можно было бы привести сколько угодно. Здесь только три согласные фонемы (fsm) являются носителем понятия, гласные же выражают только грамматический смысл.

То же самое имело место и в египетском языке. Разница между арабским и египетским письмом заключается только в том, что в арабском для каждой фонемы существует своя графема, в египетском же, как мы видели, оно началось с идеограммы, т. е. с письменного обозначения понятия, а носителем понятия в силу особенности языка (как и в семитских языках) были только согласные, составившие корень. Гласная

же прослойка между ними выражала не понятия, а лишь грамматические явления, происходящие с этим корнем. Поэтому египетское иероглифическое письмо, никогда не порывавшее с идеографией, лежавшей в его основе, не имело знаков для обозначения гласных.

В свете изложенных фактов и соображений безгласность египетского иероглифического письма представляет собой вполне естественное явление, органически связанное с его природой.

Теперь надо сказать несколько слов о египетском «алфавите». Прежде всего возникает вопрос: почему египтяне, изобретя алфавит, не избавились в своей системе письма от огромного груза идеограмм и неалфавитных фонограмм, почему они не стали пользоваться только иероглифами «алфавита» — ведь это было бы много проще, легче, удобнее?

Надо отдать себе ясный отчет в следующем: графемы, имеющие одну фонему, только для нас знаки алфавита. Для египтян они вовсе не были алфавитом. Египетские «алфавитные» иероглифы, по сути дела, графемы, обозначающие сначала сочетания двух согласных фонем. Среди последних можно различать фонемы сильные, устойчивые и фонемами слабые, неустойчивые, особенно в финальной позиции. Последние в произношении рано стали отпадать, оставалась одна сильная, устойчивая фонема. Очень авторитетный египтолог, отличный знаток египетского языка, установил 19 слов, из которых именно таким путем произошли египетские «алфавитные» иероглифы. Поэтому в сознании египтян, вообще не знавших, что такое алфавит, «алфавитные» знаки были точно такими же фонограммами, как и фонограммы, обозначающие три или две фонемы. Тот факт, что несколько более двадцати иероглифических знаков стали обозначать лишь одну фонему, факт, являющийся результатом длительной эволюции, естественно, не мог отразиться в их сознании как нечто принципиально новое, отличающее эти иероглифы от всех остальных.

Древнейшие дошедшие до нас иероглифические тексты относятся к I династии (рубеж IV и III тысячелетий до н. э.), самая поздняя иероглифическая надпись — ко времени императора Феодосия (394 г. н. э.). Иероглифическое письмо было основой египетской письменности. Два других вида египетского письма — иератическое и демотическое — развились из иероглифического письма.

Как мы видели, самым удобным материалом для письма был папирус. По мере внедрения письма в повседневную жизнь употребление папируса расширялось. Но материал, на котором пишут, не может не оказать воздействия на внешний вид письма. В повседневной жизни писание на папирусе иероглифами должно было неизбежно привести к видоизменению их формы. Так как на папирусе писали кисточкой, то нетрудно представить себе, что все иероглифы, имевшие прямые линии и углы, деформировались и закруглялись. И не только такие иероглифы, но и другие изменялись до неузнаваемости, почти полностью потеряв свой картинный характер. Так получился подлинный курсив иероглифического пись-

ма, известный в науке под именем письма иератического. Несомненно, что именно оно сыграло в культурной жизни чрезвычайно важную роль, так как в основном все литературные, дидактические, религиозные, научные и другие произведения были написаны именно иератикой. То, что дошло, несмотря на свою многочисленность,— лишь ничтожные остатки огромного количества текстов, для нас безвозвратно утерянных.

Иератическое письмо широко употреблялось уже к концу III тысячелетия до н. э., т. е. во времена Древнего царства.

На протяжении своего существования внешние очертания иератического письма изменялись. Различают иератику Древнего царства, Среднего царства, позднюю иератику. Эти изменения были чисто палеографического характера и несколько не влияли на существо иератического письма — оно на всем своем протяжении было не чем иным, как курсивом иероглифов (ср. наш печатный шрифт и рукописное письмо). В VIII в. до н. э. наряду с ним появляется новый тип курсива, в котором зачастую несколько знаков сливаются в один, известный в науке под названием демотического («народного») письма. Как внешне, так и по существу он отличается от иератики (ср. наше рукописное письмо и стенографию). Демотических текстов дошло до нас очень много, главным образом хозяйственно-правового содержания. Последний по времени демотический текст датируется V в. н. э.

Теперь следует вкратце остановиться на сложной проблеме влияния египетского письма на системы письменности других народов и на происхождении алфавита вообще. Одно время были распространены представления, согласно которым истоки культуры народов древнего Ближнего Востока следует искать в Двуречье, что объяснялось особой действительностью и высоким уровнем шумеро-аккадской цивилизации. Как совершенно правильно указал К. Зете, «так называемый панавилонизм временно совершенно заслонил от нас все то, чем обязана наша культура другому древневосточному народу, история которого прослеживается в еще более глубокой древности,— египетскому».

Действенность шумеро-аккадской культуры и широкое распространение ее влияния объясняются не превосходством ее над культурой Египта, не большей ее древностью, а объективными условиями ее исторического развития, в свою очередь обусловленными географическим фактором. Двуречье в силу своего географического положения не было изолировано от соседних стран и уже с древнейших времен подвергалось нашествиям разных племен и народов. Их постоянные и разнообразные контакты не могли не способствовать распространению вавилонской культуры и ее важнейшего элемента — клинописного письма — во всей Передней Азии. Египет же был отделен от внешнего мира несравненно больше, чем Двуречье.

Своему географическому положению Египет обязан тем, что вплоть до XVIII в. до н. э. он не подвергался серьезным вторжениям иноземцев и жил относительно изолированно, замкнуто от других стран. Речь идет,

конечно, не об абсолютной, а об относительной замкнутости. Теснее Египет был связан со странами, расположенными вверх по течению Нила, к югу от Первого порога. Вопрос о влиянии древнего Египта в Африке — вопрос, далеко еще не разработанный надлежащим образом. Во всяком случае, в Напате и Мероэ воздействие Египта проявилось чрезвычайно сильно.

Под влиянием египетского письма в Мероэ появился подлинный алфавит из 23 иероглифических знаков, заимствованных из египетской иероглифики. Однако их фонетическое значение не всегда совпадает с тем, которое они имели в египетской системе письма. Наряду с мероитским иероглифическим алфавитом в Мероэ появляется и курсивное алфавитное письмо, чрезвычайно похожее по внешнему виду на некоторые знаки египетской демотики.

Таким образом, египетское письмо было родоначальником древнейшего алфавита в Африке.

Другой исконной областью египетского влияния были страны, расположенные по восточному побережью Средиземного моря, — Палестина и Финикия.

На Синайском полуострове обнаружены надписи, состоящие из 32 алфавитных знаков; внешний вид этих знаков не оставляет ни малейшего сомнения в том, что они непосредственно заимствованы из египетской иероглифики. Это так называемое синайское письмо сыграло весьма существенную роль в возникновении и формировании ряда семитских алфавитов, прежде всего финикийского.

Наконец, установлено, что египетское иероглифическое письмо оказало влияние и на древнейшее письмо Крита.

ПИСЦЫ, ШКОЛЫ, БИБЛИОТЕКИ

Кем же написано почти необозримое количество дошедших до нас от древнего Египта текстов самого разнообразного содержания? Памятники дают вполне определенный ответ — египетскими писцами. О них, писцах (рис. 60), об их роли в жизни египетского общества, об их значении в истории египетской культуры и пойдет сейчас речь.

Вполне понятно, что сложное по своей структуре классовое общество и государство древнего Египта, управляемое огромным бюрократическим аппаратом, не могло обходиться без хорошо вышколенных и грамотных чиновников. Этими чиновниками и были писцы разных рангов и специальностей.

Для древнего Египта характерно противопоставление физического и умственного труда. Писцы — работники умственного труда, и они занимали привилегированное положение в обществе. Об административной роли писцов говорится, например, в папирусе Анастаси II: «Он руководит работой всякой в этой стране». В «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа», дошедшем до нас в версиях времен Нового царства, но восходящих к оригиналу Среднего царства, совершенно точно определяется: «Нет должности без подчинения, исключая писца: он [сам] руководит другими». В папирусе Анастаси V и в ряде других также говорится: «Писец — он руководит всеми, и не обложена налогами работа в письме». Таким образом, писцы занимали руководящее положение и были освобождены от всяких обложений, податей и налогов.

Функции и должности писцов были весьма разнообразны уже во времена Древнего царства. Так, в заупокойной автобиографии, высеченной на стенах его мастабы, войсковой писец Каипер (V династия) сообщает, что он был в свое время «писцом пастбищ пестрого скота», «писцом дома документов», «надзирателем писцов», «писцом царского войска» в разных частях страны. В эпоху Нового царства тексты упоминают писцов ору-

жейной палаты, писцов сокровищницы (т. е. казначейства), писцов, собирающих налоги, и т. д. Иначе говоря, писцы были заняты во всех отраслях хозяйственной и административной жизни страны. От этого времени сохранился ряд наставлений писца-учителя своим ученикам: через поучения красной нитью проходит мысль о том, что нет работы лучше, выгоднее и приятнее, чем работа писца.

Направленность подобных поучений откровенно утилитарна: учитель увещевает юношу стать писцом не для того, чтобы пробудить в нем духовные интересы, а только потому, что профессия писца самая привилегированная: во-первых, писцы избавлены от тяжелой физической работы; во-вторых, они всегда обеспечены материально; в-третьих, не платят никаких налогов и не несут повинностей; в-четвертых, не имеют над собой множества пачальников, как остальные смертные. Писцы сами руководят всеми работами и могут занимать самые высокие посты в государстве. Таким образом, писцы в египетском обществе пользовались многими преимуществами.

Из некоторых документов видно, что писцами были не только дети знати и высокопоставленных лиц, но и выходцы из народа. Должность писца не переходила по наследству. В «Почении Ани» об этом говорится совершенно определенно: «Нет сына, чтобы [стать] начальником сокровищницы, нет наследника пачальника канцелярии, вельможи, контролера и писца, искусного своей рукой в своей работе, это не то, что дается детям [по наследству]».

Человек становится писцом исключительно в силу своей умелости. Этому ни в коей мере не противоречит, что в некоторых семьях несколько поколений подряд были писцами, как совершенно определенно засвидетельствовано документами. Объяснение очень простое: сын писца уже в силу данного обстоятельства имел больше возможности обучаться искусству писца, чем сын не писца.

Итак, писцы занимали места на всех ступенях иерархической лестницы египетской бюрократии. И сам фараон, официально считавшийся «живым богом» на троне страны и фактически возглавлявший всю огромную бюрократическую машину, не гнушался звания «писца». Уже в «Текстах пирамид» (Древнее царство) фараон назван «писцом божьих книг». Мы располагаем сведениями, что некоторые фараоны умели писать и читать. Эти данные, несомненно, можно обобщить: трудно себе представить, чтобы глава сложной бюрократической машины, состоявшей в конечном итоге из писцов, был бы сам неграмотен.

Таким образом, начиная с фараона и кончая самыми незначительными чиновниками, вся египетская бюрократия состояла из грамотных людей. Здесь следует остановиться на одном существенном моменте: состояла ли вся египетская бюрократия только из писцов, или наряду с ними были сановники и вельможи не писцы?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо сказать несколько слов о значении слова «писец». Слово это обозначало не только писца в смыс-

*Рис. 60. Писцы. Деревянная статуэтка. Среднее царство. II тыс. до н. э.
Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина.
Москва*

ле писаря и переписчика (которых было немало), но и вообще человека, которого мы называем образованным, т. е. умеющего читать, писать и обладающего суммой каких-то знаний. В текстах, перечисляющих должности и титулы высокопоставленных сановников, они нередко названы писцами, в других случаях — нет. Но отсутствие слова «писец» еще вовсе не значит, что они были безграмотны. Такое заключение противоречило бы всему тому, что мы знаем о древнем Египте. Несомненно, что грамотность была широко распространена в правящем классе как характерная для египетского бюрократического чорта, бюрократического и малого.

Таким образом, мы подошли вплотную к проблеме образования в древнем Египте. Об образовании в эпоху Древнего царства практически ничего не известно, и поэтому утверждать, что уже в то время существовали школы, нельзя, поскольку источники об этом ничего не говорят. Но, во всяком случае, несомненно, что в ту отдаленную эпоху были уже достаточно эффективные методы распространения знаний, — об этом свидетельствует высокий уровень культуры. Один из этих методов нам известен доподлинно. Это передача знаний отдельными лицами своим личным ученикам — сначала ученикам, потом помощникам и, наконец, преемникам. Такой ученик назывался «сыном» своего учителя, а последний — его «отцом». Здесь связь между «отцом» и «сыном» не родственная, а чисто духовная. Именно таким путем обучались умению читать и писать, вообще администрировать и практической работе в разных ведомствах.

Упоминания о школе впервые встречаются в очень поврежденном тексте переходного периода от Древнего к Среднему царству. Более определенно говорится о школе в уже упомянутом выше «Поучении Ахтоя, сына Дуауфа» — о школе в царской резиденции. Как только что упоминалось, о школах этого периода мы располагаем лишь очень скудными сведениями. Несравненно полнее наша осведомленность о школах Нового царства и последующих периодов истории Египта.

Установлено местонахождение некоторых школ. Во времена XIX—XX династий одна из них располагалась в задних помещениях заупокойного храма Рамсеса II в западной части Фив. В ней обучались будущие жрецы храма. Другая школа — для художников и писцов фиванского некрополя — находилась в Дейр-эль-Медине, где был расположен поселок, в котором они жили. Третья школа помещалась в храме богини Мут в Карнаке. Местоположение школ установлено по гروдам остраконов, исписанных учениками. Таким образом, в одних только Фивах известно о трех школах (может быть, их было и больше). Занятия везде велись под открытым небом.

Эти школы были, если так можно выразиться, ведомственными: в них готовились работники для тех ведомств, которые их создали. Какой-либо единой организации, ведавшей школами всей страны, нет и речи.

Ученики в школах были приходящие. Об интернатах ничего не известно, хотя в одном тексте говорится, по-видимому, о школе закрытого

типа. О возрасте школьников мы располагаем самыми неопределенными сведениями. Но, во всяком случае, возраст при поступлении в школу превышал пять лет. Срок обучения нам тоже неизвестен.

Учителем в школе был писец. Имена некоторых из них известны нам из папирусов. Методы обучения были самые простые. С одной стороны, увещевание ученика, внушение ему, что положение писца — самое лучшее из возможных в жизни, с другой — физическое устрашение, порка и т. д.

Наряду со школами продолжалось и обучение «сыновей» своими «отцами», как это было еще в Древнем царстве.

Что касается женского образования, то известны имена нескольких грамотных женщин. Несомненно, что и жрицы Амона были грамотными.

Чему же обучали писцов в школе и в различных ведомствах?

В Египте не было, как сказано выше, единой программы для школ. Школы принадлежали разным учреждениям, однако объем знаний, который они давали, был приблизительно одинаков.

В системе образования большое значение имело обучение письму и чтению. В «Поучениях», адресованных ученику, нередко встречаем следующие слова: «Пиши рукой своей, читай устами своими». Грамотность, естественно, лежала в основе приобретения других знаний. Обучение грамоте начиналось не с заучивания отдельных знаков письма, а с писания целых слов и фраз. Упражнения состояли из писания под диктовку отрывков известных литературных произведений.

Сохранился ряд пособий для изучения языка и письма. Все они сугубо утилитарного характера, и конечная их цель — практическое обучение письму и языку. Надо подчеркнуть, что египтяне позднего времени хорошо знали уже вышедший из разговорного употребления язык прошедших исторических эпох. Другие сведения, которые должен был усвоить писец, — элементарные, а иногда и несколько более сложные сведения из математики. Квалифицированный писец, например, должен был уметь вычислить размеры пруда, который предстояло выкопать, сосчитать пайки зерна для отряда воинов, вычислить число кирпичей для строения определенной величины, количество людей для перевозкиobeliska и т. п.

Таким образом, от египетских писцов требовались такие познания в математике, которые обеспечивали бы им возможность правильно и быстро решать задачи, поставленные перед ними самой жизнью — ведь писцы в своей подавляющей массе были административно-хозяйственным персоналом. Иногда они знакомились с элементами географии соседних с Египтом стран, а также с музыкой — игрой на свирели и других музыкальных инструментах. Наконец, занятия спортом — плаванием, прыжками, военными играми — не были им чужды.

Поскольку унифицированной системы и программы обучения не имелось, вполне понятно, что отдельные лица получали разный объем знаний — в зависимости от школы, квалификации педагога и т. д. Знамени-

тый зодчий Сенмут, соратник не менее знаменитой царицы Хатшепсут, в надписи на своей заупокойной статуе без излишней скромности заявляет: «Я вельможа, которому [следует] внимать, я вник во все писания жрецов, и нет ничего со времени глубокой древности, чего бы я не знал». Несмотря на хвастливый тон этих слов, можно не сомневаться, что Сенмут для своего времени был весьма образованным и знающим человеком.

Египетские писцы (рис. 61), наряду с административно-хозяйственной деятельностью, которой они занимались, внесли огромный вклад в создание и развитие египетской культуры.

Административно-хозяйственные функции писцов, как и их «образованность», позволяют нам рассматривать их как нечто вроде служилой интеллигенции, интересы которой ограничивались преимущественно корыстными и карьеристическими соображениями. Однако было бы очень несправедливо обвинять в этом всех писцов: мы хорошо знаем имена некоторых из них, занимавших административно-хозяйственные должности и вместе с тем уделявших время (и усилия) вопросам, никак не связанным с их служебными обязанностями. Это были люди действительно любознательные, творческие, можно сказать, интеллигентные. Некоторые сочинения, авторы которых нам остались неизвестны, своим содержанием свидетельствуют о незаурядности их создателей. А. Гарднер вполне обоснованно сказал о тексте, известном в науке под названием «Мемфисский богословский трактат», и о медицинском папирусе Э. Смита, что «они являются творением индивидуумов, умственный уровень которых намного превышал окружающую среду».

Таким образом, из обширной бюрократии выделялась прослойка образованных, умных и высокоодаренных людей, занимающихся не только своей повседневной служебной деятельностью, но и подлинной творческой работой. Здесь возникает проблема авторства в древнем Египте. До последнего времени было широко распространено мнение, и нередко приходится его слышать в наши дни, что египетская культура анонимна, что отдельные индивидуумы не принимали участия в ее создании. Эта точка зрения не соответствует действительности. Нам известны имена множества египетских художников, зодчих, скульпторов, живописцев. Наши сведения об отдельных авторах гораздо скромнее, но мы знаем и их имена, и об отношениях к ним египетских мыслящих кругов. Все известные египетские тексты были когда-то и кем-то составлены, т. е. имели своих авторов. Авторство, как известно, может быть индивидуальным или коллективным, когда одно произведение создано несколькими лицами или даже целым народом. В последнем случае это произведение фольклорное. В Египте, как и в других странах, был широко распространен фольклор. Но многие дошедшие до нас древнеегипетские тексты бесспорно не являются произведениями фольклора, и именно по отношению к этим текстам и возникает проблема авторства. В большинстве случаев нет ни малейшего намека на автора, но разве это доказательство того, что автора вообще не было?

Рис. 61. Писцы. Рельеф. XVIII династия. Конец XV в. до н. э. Археологический музей. Флоренция

Возникают вопросы: были ли эти авторы индивидуальными или коллективными? Что можно установить о них? В чем, собственно, заключается их авторство и почему отсутствуют их имена?

Начнем с последнего вопроса. В древнем Египте, как и в других странах древности и даже средневековья, понятие авторства еще не стало прочным достоянием общественной мысли. Однако оно не было чуждо египтянам: в большинстве египетских дидактических произведений (так называемых «поучений») автор назван в самом начале текста. Встает вопрос: являются ли эти авторы действительными творцами тех или иных поучений, или же поучения приписаны им литературной традицией?

Общего ответа быть не может. Каждый случай приходится исследовать в отдельности.

Очень важным и интересным доказательством существования понятия авторства у древних египтян служит папирус эпохи Нового царства Честер Битти IV — он содержит поучение неизвестного писца своему ученику. Автор не запугивает ученика угрозой наказания, не заманивает его обещаниями привилегированного положения писца; он стремится воздействовать на его честолюбие и воспекает «недосыгаемые» высоты, которых достигли древние авторы-мудрецы, ставит их ему в пример. В частности, в поучении говорится: «Произносят их имена [до сих пор] из-за книг, которые они сделали, поскольку они хороши, и память о том, кто их сделал, сохранится навек». Здесь совершенно ясно и недвусмысленно высказывается высокая оценка авторской деятельности. Текст такого содержания мог возникнуть только в интеллектуальной и мыслящей среде, отлично понимающей ценность литературного авторитета. В этом тексте упоминаются восемь авторов древности, которые могут служить примером. Сверхскептическое отношение некоторых современных ученых к словам неизвестного писца об авторстве этих восьми лиц возбуждает два вопроса. Первый — если эти лица ничего не писали и вообще себя никак не проявили, то почему они стали знамениты? Второй — если ничем не проявившие себя вельможи не были авторами, то почему эти произведения им приписаны?

Достаточно поставить эти два вопроса, чтобы убедиться в том, что скептицизм в авторстве упомянутых восьми лиц вряд ли логически обоснован. И более того, мы доподлинно знаем, что один из этих восьми «мудрецов», а именно Ахтой, действительно был автором «Почуний Ахтоя, сына Дуауфа». Естественно, что именно в среде высокопоставленных лиц, наделенных властью, имевших образование и располагающих досугом, могли появиться авторы древнейших дидактических произведений. Поучения, отражающие взгляды и мировоззрение правящей верхушки, должны были исходить от авторитетнейших в государстве и обществе лиц. Поэтому именно в первых поучениях и были упомянуты имена их авторов. Эти первые наставления, отражавшие идеалы и взгляды того времени, естественно, стали образцами, которым подражали последующие поколения в течение многих веков. Поскольку они стали известны под именем своих авторов,

этот обычай приобрел права гражданства и в более поздние времена, когда знания демократизировались и поучения стали писать уже отнюдь не высокопоставленные лица, — имена этих, более скромных по своему социальному положению сочинителей по-прежнему приводились в начале поучения. Совершенно иначе дело обстоит с художественной литературой, в которой авторы большей частью упоминаются. Однако и имена писцов, переписавших с оригинала или более древней копии художественное произведение, приводятся в заключительных строках текста, так называемых колофонах: «сделал [это] писец» такой-то. Во времена XIX династии писец сокровищницы, т. е. казначейства, Иннана, следовательно, административно-хозяйственное лицо, переписал собственной рукой три дошедших до нас папируса литературного содержания. Таким образом, он очень активно интересовался художественной литературой. Вряд ли можно сомневаться в том, что Иннана не был исключением, что до и после него жили многие писцы, любители художественной литературы, которые списывали и записывали произведения художественной литературы и, таким образом, сыгнали весьма существенную роль в сохранении литературной традиции.

Близко к художественной литературе примыкают автобиографические надписи вельмож (начиная с V династии), а также ряд царских надписей разных эпох. Некоторые из них по совершенству формы являются настоящими литературными произведениями.

Вряд ли можно сомневаться в том, что автобиографические надписи вельмож составлены ими самими (это не значит, что они сами начертали эти надписи в своих гробницах). К этим надписям восходят такие выдающиеся литературные произведения, как повесть Синухета или отчет Ун-Амуна. И хотя нам ничего не известно об этих лицах, кроме их произведений, нет никаких серьезных оснований думать, что не они, а кто-то другой был их автором. Повествовательная часть знаменитых анналов Тутмоса III, как известно, обладает несомненными достоинствами, к тому же мы знаем автора текста анналов не только по имени — это войсковой писец Тутмоса III, Ченени, гробница которого находится в Абд-эль-Гурна. Большой демотический папирус Райланд IX содержит историю трех одноименных жрецов — Петепсе: деда, отца и внука. Эта семейная хроника записана последним во времена правления Дария I. Он сам об этом рассказывает.

Таким образом, вопреки традиционному представлению об анонимности и безымянности египетской культуры мы знаем ряд имен авторов дидактических и отчасти литературных произведений.

Остается сказать несколько слов об одном учреждении — «домах жизни», которые, как давно установлено, имелись в крупных городах и существовали вплоть до падения египетской культуры. Некоторые ученые полагали, что «дом жизни» — это нечто вроде высшей школы. Однако такое мнение не подтверждается никакими данными. Вместе с тем вряд ли можно сомневаться, что у наиболее сведущих и опытных писцов «домов жизни» были свои «сыновья» — ученики, о которых говорилось выше.

Тщательное изучение текстов, в которых встречается термин «дом жизни», приводит к выводу, что это были творческие скриптории, где создавались религиозные, магические, медицинские и астрономические тексты, т. е. это были центры духовной жизни страны. «Дома жизни» были укомплектованы писцами высокой квалификации, славившимися мудрецами. С распространением христианства в Египте «дома жизни» остались последними очагами древней культуры, которые вели против новой религии упорную, но бесперспективную борьбу.

Подводя итог административно-хозяйственной и культурной деятельности писцов, приходится признать их огромную роль в создании и развитии египетской культуры.

В заключение необходимо сказать несколько слов о библиотеках. Библиотеки, как и архивы, результат неутомимой деятельности писцов, находились при храмах. К сожалению, ни один архив и ни одна библиотека до нас не дошли. Египетский документ, как и египетская «книга», по форме совершенно непохож на наш. Это были свернутые в свитки папирусы, хранившиеся либо в глиняных сосудах, либо в трубообразных футлярах, либо в ящиках, и поэтому способы хранения документов и книг были одинаковы.

О том, что хранилось в библиотеках, мы можем составить представление по дошедшим до нас фрагментам каталогов. В них перечисляются «книги» погребального ритуала, магического содержания, астрологические и медицинские произведения, сонники, а также разные деловые документы и т. д.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

Разумеется, мы никогда не узнаем, когда и где появились в Египте первые сказки и предания, легенды и мифы, гимны и песни, поучения и наставления. Они возникли задолго до зарождения письменности, как это установлено теперь на основании данных, полученных от народов, еще живущих в условиях каменного века, как, например, аборигены Австралии и Новой Гвинии. Даже древнейшие дошедшие до нас произведения египетской художественной литературы свидетельствуют о длительном предшествовавшем ее развитию. Но если понятие «художественная литература» в какой-то мере условно и для настоящего времени, то еще в большей степени оно условно для древности. Ведь в то время литературное творчество было нередко неотделимо от религии и культа — мифы переплетались со сказкой, фольклор с космогоническими сказаниями. Вот почему при попытке проследить историю художественной литературы древнего Египта далеко не всегда удастся провести четкие рубежи между текстами литературными, с одной стороны, и мифологическими, богослужебными, историческими и некоторыми иными — с другой, тем более что в определенных случаях в последние включаются творения явно художественные. Поэтому в качестве одного из основных критериев отбора нам придется руководствоваться целевой направленностью рассматриваемых произведений. В первую очередь нас будут интересовать тексты, рассчитанные на художественное, эмоциональное воздействие и вместе с тем ставящие перед собой задачу развлечь читателя или слушателя либо наставить его в правила житейской мудрости, привить ему те или иные взгляды, тексты, в которых автор, в подавляющем большинстве неизвестный, изливает свои чувства, настроения, мысли, — словом, произведения, которые можно назвать условно «светскими», если это понятие вообще применимо к литературе столь отдаленного времени и если учесть, как уже было сказано, что религия тогда была неотделима от любой формы проявления художественного твор-

чества. Ведь и в религиозной литературе нетрудно найти такие тексты, которые безоговорочно можно причислить к подлинно художественным шедеврам.

Литература древнего Египта не только одна из древнейших в мире — с ней может быть в этом отношении сопоставлена лишь литература Шумера. Пожалуй, это единственная литература, непрерывное развитие которой мы можем проследить на протяжении почти двух с половиной тысячелетий. Древнейшие литературные тексты Индии и Китая по крайней мере на пятнадцать веков моложе египетских. Наиболее ранние известные нам произведения художественного творчества египтян восходят к эпохе строителей пирамид, а самые поздние датируются последними десятилетиями II в. н. э., хотя возникли несомненно задолго до того. Таким образом, и во времена владычества греков и римлян эти произведения все еще имели свой круг читателей, доказывая тем самым длительность и прочность литературной самобытной традиции: ведь она возникает в долине Нила тогда, когда ее окружали народы, находившиеся на гораздо более низком уровне культурного развития. Египтянам не у кого было что-либо перенимать. Всеми достижениями в области культуры при ее становлении они были обязаны только самим себе. Они сами были учителями других народов и племен. Отсюда своеобразие и неповторимость египетской цивилизации во всех ее проявлениях, включая и литературу.

Как известно, древние египтяне писали на папирусе! Лишь для счетов, заметок, иногда писем или выписок они пользовались глиняными черепками — остраконами — или гладкими обломками известняка. Современные египтянам народы стран Ближнего Востока применяли для письма глиняные таблички, которым не страшны ни время, ни огонь, ни климатические условия. Папирус же — материал крайне непрочный, хрупкий. Но именно из Египта до нас дошли древнейшие произведения художественной литературы самых различных жанров. Десятки тысяч шумерских, вавилонских, ассирийских, хеттских и угаритских глиняных табличек хранятся в различных музеях мира. Однако, кроме эпоса, нескольких басен, гимнов и плачей литературных произведений среди них не обнаружено. Случайно ли это? Едва ли. По сравнению с обширными архивами клинописных глиняных табличек папирусов уцелело ничтожно мало. Вот почему можно только полагать, что в долине Нила впервые в истории человечества оформились некоторые основные жанры художественного литературного творчества, в том числе сказка, повесть и любовная лирика.

Сколь богата и разнообразна была литература древнего Египта, можно судить даже по жалким сохранившимся ее остаткам! Всего лишь несколько десятков произведений, да и то далеко не всегда целиком, сохранилось до наших дней, считая и записанные античными авторами. От некоторых дошли лишь отдельные строчки, не позволяющие восстановить ни сюжет, ни общий смысл. Иногда известны лишь названия. Разумеется, в подавляющем большинстве случаев мы не знаем и их. Но даже при столь неблагоприятных обстоятельствах можно с уверенностью говорить о необыкновен-

ном богатстве древнеегипетской литературы. Она представлена повестью и сказкой, гимнами и лирикой — любовной и философской, басней и сатирой, политическим памфлетом и поучением, эпосом и песней. Да и каждый жанр отличается разнообразием форм, как, например, сказки, среди которых мы находим и волшебные, и бытовые, и исторические.

Говоря о жанре, следует учитывать, что не всегда можно точно отнести то или иное произведение к определенному виду. Поучения связаны с политическими памфлетами («речениями», как, например, «Речения Ипу-сера»), а вступления к ним иногда напоминают окаймляющую «рамку» в сказках (например, «Поучения Неферти»). В равной степени в поучениях порой проскальзывают черты автобиографической повести («Поучение Аменемхета I»), в автобиографической повести мы встречаем гимн («Приключения Синухета»), басня в иных случаях близка сказке. Словом, происходит как бы сочетание, взаимопроникновение, «диффузия» жанров. Впрочем, это характерно не только для Египта.

Как почти вся литература древнего Востока, литература Египта была, как правило, анонимной. Лишь поучения сохранили имена авторов, многих или действительных, — обычно они стояли в начале текста. Для придания поучениям большего авторитета их приписывали выдающимся мудрецам древности, например Имхотепу — верховному сановнику фараона III династии Джосера, Джедефгору (Горджедефу, как это имя обычно читалось прежде), сыну фараона Хуфу, строителя Великой пирамиды, или царям, хотя в иных случаях они были созданы явно после смерти того фараона, в уста которого вложены («Поучения Аменемхета I»). Степень достоверности авторства следует в каждом случае рассматривать отдельно, особенно когда называется имя человека, занимавшего видное положение, или фараона. Если же авторство приписано писцу, не обладающему титулами и ничем не прославленному, то вероятность того, что данное поучение принадлежит ему, менее сомнительна. Таковы «Поучения» Ани, Хети или Ахтоя (сына Дуауфа). В иных случаях сохранились имена писцов-копиистов, например Иннаны, переписавшего «Сказку о двух братьях».

Искусность и сложность композиции, изысканность и даже изощренность стиля с полной очевидностью указывают в подавляющем большинстве случаев на авторство одного или по крайней мере нескольких лиц, принимавших участие в создании или оформлении того или иного литературного текста; даже в том случае, когда речь идет о произведении устного творчества, например сказке. Здесь прежде всего обращает на себя внимание умение объединить одной связующей рамкой несколько разносюжетных сказок — прием, который впервые в мировой литературе встречается в Египте и который в дальнейшем будет широко использован в литературах почти всех народов («1001 ночь», «Сказки Веталы» и т. д.). Эта рамка объединяет сказки о фараоне Хуфу и чародеях, записанные в папирусе Весткар, вводит читателя в «Сказку о потерпевшем кораблекрушение» и встречается в сказаниях о Сатни-Хемуассе, а также в «Поучениях Неферти».

Авторы прибегали и к специальным стилистическим приемам: повторениям, игре слов, аллитерациям, так называемому «параллелизму членов» (одна мысль выражается дважды различными словами: «Открываются для тебя врата неба, отверзаются для тебя врата прохлады [неба]»). Иногда второе предложение дополняет или уточняет первое или усиливает мысль), пышным метафорам и сложным сравнениям, метрическим построениям предложений. Естественно, это было по силам людям, сочетавшим врожденную талантливость со всей суммой образованности своего времени.

¹Изысканность стиля проявляется уже в древнейших дошедших до нас произведениях, которые, несмотря на то что они, очевидно, возникли еще в середине III тысячелетия до н. э.,¹ позволяют заключить о предшествующем им длительном пути развития литературного творчества. Вполне понятно, что число их весьма ограничено. И все-таки то очень небольшое, что уцелело, позволяет сделать некоторые определенные выводы. Из семи сохранившихся полностью или почти полностью поучений, пяти дошедших в более или менее обширных отрывках и шести-семи известных лишь по названиям четыре бесспорно написаны в эпоху Древнего царства.

Старейшее из них приписывается мудрецу, гениальному зодчему, строителю первого каменного монументального сооружения — ступенчатой пирамиды основателя III династии фараона Джосера, прославившемуся в веках как искусный целитель и в конце концов ставшему богом врачевания, верховному сановнику этого царя — Имхотеу. Таким образом, первое из известных нам поучений датируется примерно 2800 г. до н. э. О нем, как и о поучении другого мудреца, царевича Джедефгора, сына фараона Хуфу, жившего примерно два столетия спустя, упоминается в так называемом «Прославлении писцов». Оно дошло в списке примерно XIV в. до н. э., но, возможно, возникло несколько раньше.

Я слышал слова Имхотепа и Джедефгора,
Слова, которые все повторяют.
А что с их гробницами?
Стены обрушились,
Не сохранилось даже место, где они стояли.

(Перевод А. Ахматовой)¹

Как бы то ни было, существенно, что через почти полтора тысячелетия эти поучения не были забыты. При приверженности египтян к традиции и свойственном им уважении к памяти предков это обстоятельство оставляет мало места для сомнений в возможности действительного появления поучений в то отдаленное даже для современников Рамсеса II время, независимо от того, были ли названные мудрецы действительно их авторами,

¹ Здесь и далее стихотворные переводы А. Ахматовой и В. Потаповой выполнены по подстрочникам И. С. Кацнельсона.

тем более что от «Поучения Джедефгора» отдельные начальные строки все же сохранились в значительно более поздних копиях — эпохи Рамессидов (XX династия).

• Единственные поучения, дошедшие до нас почти полностью от времени Древнего царства, — «Поучения Птахотепа», везира Исеси, фараона V династии, наглядно доказывают, что в ту пору это была уже вполне сложившаяся литературная форма. Во вступлении, возможно прообразе рамки, состарившийся Птахотеп просит Исеси назначить нового везира, ибо тяготят его дряхлость и старческие недуги и препятствуют с прежней тщательностью выполнять хлопотливые обязанности верховного сановника. Образно описывает Птахотеп свое состояние: надвигается старость, приходит немощь, дряхлеют руки и ноги, одолевает слабость, уходит сила, замолкают уста, глаза меркнут, уши гложут, останавливается сердце, ум уходит, утрачивается память. Он предлагает передать все свой опыт и знания сыну, которого фараон посадит на его место, с тем чтобы тот служил ему столь же верно. Тогда все худое будет отвержено от народа.

Исеси соглашается, и Птахотеп начинает наставления, чтобы просветить незнающего и обучить его искусству речи, ибо «полезно тому, кто этому внимлет, и губительно для того, кто поступает противным образом». Далее без всякой определенной последовательности и системы следуют правила морали, житейской мудрости и норм поведения. Правда, бессистемность, быть может, объясняется тем, что порядок был изменен при переписывании. Ведь из известных нам четырех более или менее полных списков (три папируса и одна деревянная дощечка) старейший датируется примерно 2000 г. до н. э., т. е. он лет на пятьсот моложе не дошедшего до нас оригинала. Некоторые наставления примитивно утилитарны, чтобы не сказать циничны, по крайней мере с нашей точки зрения, например: «сгибайся перед начальником своим... и будет благоденствовать дом твой». Но не следует оценивать законы нравственности того далекого от нас времени, пользуясь современными критериями. Это было бы по меньшей мере антиисторично: каждым обществом и эпохе присуще свое понятие морали.

Далее Птахотеп советует «скрывать свои мысли и сдерживать свой язык». Советует заискивать перед слугами вышестоящего, когда дождаешься у него приема: «бог предопределяет переднее место, локтями ничего не достигнешь». Словом, если хочешь чего-либо добиться, прежде всего старайся ублажить начальство, ибо только от него зависит преуспевание. Во всем нужно следовать установленному богом порядку, ибо бог никогда не помогает тому, кто преступает данный им закон, определяющий и отношения между людьми. В то же время в «Поучениях» наряду с практическими правилами содержится подлинная житейская мудрость.

Ученостью зря не кичись!

Не считай, что ты один всеведущ!

Не только у мудрых —

У неискушенных совета ищи.

Искусство не знает предела.

Разве может художник достигнуть вершин
мастерства?

Как драгоценность, скрыто под спудом разумное
слово.

Находишь его между тем у рабынь, что мелют
зерно.

(Перевод В. Потаповой)

Истинной мудростью и гуманностью проникнуты только что приведенные строки. Ведь за людьми, стоящими на низшей ступени социальной лестницы, признаются не только человеческие качества, но и определенные добродетели, которым должно следовать. Сколь разительно это отличается от того, что примерно через тысячу лет будет сказано другим представителем господствующего класса — Ипусером в его «Речениях».

В некоторых советах Птахотеф выступает как тонкий психолог, замечательно разбирающийся в самых сложных эмоциях. Он прекрасно понимает, что человеку, с которым приключилась беда, необходимо перед кем-нибудь излить душу, быть может, даже в большей степени, чем добиться разрешения дела в свою пользу. Затем следуют чисто житейские рекомендации:

Если дружбой дорожишь
Ты в дому, куда вступаешь
Как почтенный гость или брат,
Обходи с опаской женщин!

(Перевод В. Потаповой)

Или:

Если ты склонен к добру, заведи себе дом.
Как подобает, его госпожу возлюби.
Чрево ее насыщай, одевай ее тело,
Кожу ее умащай благовонным бальзамом,
Сердце ее услаждай, доколе ты жив!
Она — превосходная пашня для своего господина.

(Перевод В. Потаповой)

Во всех 37 четко отделенных друг от друга наставлениях, на которые подразделяются «Поучения» (начальные слова каждого из наставлений выделены красными чернилами — вот в какую древность уходит «красная строка»!), видны уже достаточно прочно устоявшиеся нормы морали, житейские обычаи, которые указывают на определенный укоренившийся правопорядок, известную стабильность общества, достаточно твердо осознанного, что хорошо и что худо для его господствующей верхушки.

В большинстве случаев наставления вводятся словами: «Если ты...», «Ты должен...» или «Ты не должен...» Язык сжат и ясен, но вместе с тем

образен, в чем нетрудно убедиться из приведенных выше трех отрывков, достаточно точно передающих подлинный текст. Как показывает число известных списков, из которых последний переписали при XVIII династии (около 1500 г. до н. э.), «Поучения Птахотепа» изучались в египетских школах и, возможно, служили образцом для авторов последующих поучений.

«Поучение для Кагемни», быть может написанное Каирсу, отцом Кагемни, известно нам лишь по последним строкам, в которых говорится, что «Поучение» предназначается для «детей» (возможно, подразумеваются ученики) поучающего и что блестящая карьера Кагемни — результат изучения заветов отца, которые он применял в жизни. Хотя в тексте сказано, что его создали во времена III династии, что было принято некоторыми издателями, в действительности оно может быть составлено для везира одного из первых фараонов VI династии — Кагемни, превосходно отделанная гробница которого раскопана в Саккара. Некоторые высеченные в ней предложения по стилю и содержанию напоминают отдельные фразы из составленного для него наставления, несомненно близкого «Поучению Птахотепа».

Несомненный интерес представляет песня, обнаруженная в автобиографической надписи вельможи Уны, жившего при фараонах VI династии: Тети II, Пиопи I и Меренра I. Надпись составлена от имени умершего и высечена на стенах его гробницы в Абидосе. Песня в этой надписи вложена в уста воинов, возвращающихся после победоносного похода под командованием Уны. Это явно поэтическое произведение, композиция которого подчинена строгому поэтическому, возможно, маршеобразному ритму. Оно состоит из семи двухстрочных строф: в первой строке говорится о самом событии, во второй — описываются эпизоды успешно завершившейся военной экспедиции. Первые и последние две строфы — превосходный пример параллельного построения. Несомненно, это творчество одного лица, умело придавшего песне органическую целостность:

Это войско вернулось благополучно,
разворотив страну бедуинов.
Это войско вернулось благополучно,
разорив страну бедуинов.
Это войско вернулось благополучно,
снеся ее крепости.
Это войско вернулось благополучно,
срубив ее смоковницы и виноградники.
Это войско вернулось благополучно,
зажегши огонь во всех ее...
Это войско вернулось благополучно,
перебив в ней отряды в числе многих десятков

тысяч.

Это войско вернулось благополучно,
[захватив] в ней пленными премногие отряды.

(Перевод Ю. Перепелкина)

Другое — также поэтическое произведение того же времени — трактует совершенно иную тему. Это сравнительно недавно опубликованный отрывок начала любовной песни, точнее, прообраз ее. Она современна песне из гробницы Уны, так как высечена на стенах усыпальницы вельможи Мере-рука, где сопровождает изображения танцовщиц. Нельзя переоценить значение этого произведения — им твердо устанавливается, что любовная лирика появляется в Египте не к концу эпохи Нового царства, как это еще недавно пытались доказать некоторые египтологи, а по крайней мере на целое тысячелетие раньше. Более того, между этой древней любовной песней и позднейшей лирикой отмечается определенная близость. «Те, кто видят ее, воспламеняются ею», — читаем мы в надписи в гробнице Мере-рука; «Встречных мужей вынуждает она обернуться...» — пишет писец, живший около 1160 г. до н. э. Действительно, трудно допустить, как замечает Э. Дриотон, издавший впервые эти несколько строк, что такое общечеловеческое чувство, как любовь, нашло поэтическое воплощение лишь в эпоху Нового царства. Таким образом, уже к концу Древнего царства, если не раньше, в Египте складывается вполне устоявшаяся литературная традиция, представленная поучениями, песнями и, по-видимому, сказками и легендами, потому что, как мы сейчас увидим, некоторые сказки, известные в позднейших записях, связаны с событиями этой же эпохи.

В XIII в. до н. э. в стихотворении, прославляющем профессию писца, автор, нам неизвестный, вопрошает, вспоминая мудрецов прошлого:

Есть ли где-нибудь кто-то, подобный Джедефгору?

Есть ли кто-то, подобный Имхотепу?

Нет среди нас такого, как Нефри

И Хети, первого из всех.

Я напоминаю тебе имя Птахемджхути

И Хакхеперрасенеба.

Есть ли кто-нибудь, подобный Птахотепу

Или Каресу?

(Перевод А. Ахматовой)

Как мы знаем, первые и последние два творили во времена Древнего царства, что касается Хети, Птахемджхути и Хакхеперрасенеба, то они жили позднее. Таким образом, сами египтяне столетия спустя прекрасно сознавали, куда восходят истоки их литературы.

Смуты и волнения, ознаменовавшие конец эпохи Древнего царства, последующий распад страны на отдельные исторически сложившиеся области, борьба за новое объединение, заполнившие период Первого распада Египта, длившийся около двух с половиной веков, естественно, не могли

не отразиться в литературе. На смену строгому, даже жестокому порядку, установленному при фараонах-деспотах Древнего царства, которые при помощи широко разветвленной системы бюрократического аппарата принуждения обеспечивали стабильность во всей стране, пришли неурядицы и междоусобные войны и сопряженные с ними неуверенность, неустойчивость, смятение чувств, даже известный скепсис в целесообразности всего существующего и самого существования. Эти настроения проявились в различных формах, в различной тональности и в различной эмоциональной окраске произведений. Пожалуй, наиболее отчетливо они сказались в диалоге, условно названном «Беседа разочарованного со своей душой».

Начало беседы отсутствует. Человек, очевидно, знатного рода, осознавший, что время его безвозвратно ушло в прошлое, и глубоко разочаровавшийся в жизни, которая ему опостылела, решает покончить с собой. Душа этого человека отговаривает его от самоубийства, указывая на радость земного бытия. Но человек видит утешение только в смерти: лишь она одна может принести ему избавление от невзгод — ведь все жадны, алчны, кругом насилие, повсеместно господствует зло, нет справедливости и странной повелевают злодеи. Смерть сулит вечное блаженство в загробном мире — в «полях Иалу». Только там он найдет избавление от земных тягот. Таким образом, религия приносит ему некоторое утешение. В конце концов душа смиряется перед доводами разочарованного и соглашается сопровождать его в посмертном существовании, если он осуществит свое желание.

Этот диалог, который можно условно назвать философским, проникнут глубоким пессимизмом, крайним скепсисом по отношению ко всему реальному миру, в котором царят несправедливость и жестокость. Построение диалога сложно: прозаические отрывки перемежаются со стихотворными (песнями), причем в каждом из последних стихотворных отрывков, состоящем из трех строф, первая строфа вводится одинаково — вопросом, например, в первом: «Видишь имя мое смрадно?», во втором: «К кому обратиться сегодня?» и т. д.

И композиция, и стиль диалога определенно указывают на авторство одного лица, обладавшего несомненным литературным дарованием. Свое собственное мировоззрение и мироощущение, отношение к окружающей его действительности он излил в этом высокохудожественном, лирическом произведении, где сталкиваются жизнь настоящая и жизнь прошлая. Первое олицетворяет «душа», привязанная к реальному бытию со всеми его радостями, второе — «человек», находящий утешение только в традиционных религиозных догмах, поскольку на земле воцарились порядки отвратительные для него как представителя некогда господствовавшей прослойки, утратившей ныне свое влияние. И если в споре побеждает «человек», то только потому, что автор в его речах выразил свои мысли и чувства.

Скепсисом, характерным для этого бурного времени, проникнуто и другое произведение, совершенно иное по построению, — великолепная «Песня арфиста из дома усопшего царя Антефа, начертанная перед писцом с арфой». Она дошла в двух списках XIV в. до н. э., но скорее всего создана за

семь веков до того — в ХХI в. до н. э. В ней, как и в вавилонском эпосе о Гильгамеше, впервые в мировой литературе выражены сомнения в том, что составляло основу древней религии, — в вере в загробную жизнь — и вместе с тем мысль о бренности и бесцельности всего земного. Все проходит, все подвластно смерти, от которой не спасают ни гробницы, ни пирамиды. Поэтому живи сегодняшним днем, пользуясь всеми радостями жизни и не думай о том, что неминуемо, — о кончине:

Следуй желаньям сердца,
Пока ты существуешь.
Надуши свою голову миррой,
Облачись в лучшие ткани.
Умасти себя чудеснейшими благовониями
Из жертв богов.
Умножай свое богатство...
Свершай дела свои на земле
По велению своего сердца,
Пока к тебе не придет тот день оплакивания,
Утомленный сердцем не слышит их криков и воплей.
Причитания никого не спасают от могилы.
А потому праздную прекрасный день
И не изнуряй себя.
Видишь, никто не взял с собой своего достоянья.
Видишь, никто из ушедших не вернулся обратно.

(Перевод А. Ахматовой)

Эта несложная философия характерна для представителей обреченного класса, инстинктивно чувствующих неотвратимость своей гибели. Столетиями спустя ее повторит и Библия, возможно, под непосредственным влиянием египетской литературы, ибо в соответствующих местах книги Екклесиаста явно проступают «египтизмы». «Песня» написана короткими строками, правильным классическим языком. Ее исполняли арфисты при погребении, возможно, при поминальной трапезе, несмотря на то что вся она проникнута духом неверия в загробную жизнь и весь сопряженный с погребением религиозный ритуал. В различных вариантах и модификациях «Песня арфиста» пережила столетия. В эпоху Нового царства на пирах она напоминала гостям: жизнь скоротечна, и надо насладиться всем, что она дарует, пока не призвал Осирис на загробный суд.

Неудовлетворенностью и недоверием ко всему проникнуты и дошедшие до нас поучения этого неустойчивого времени. Во всяком случае, таковы отчасти «Поучения», составленные для царя Х династии Мерикара и начертанные на папирусе, хранящемся в Государственном Эрмитаже. Исчезает вера в то, что в мире царит твердо установленный, предопределенный от века порядок, от которого допускаются лишь незначительные отклонения. Человек сам вершит свою судьбу, и из допущенных им ошибок

должно извлечь уроки. Лишь справедливость божества устанавливает равновесие, но не в этом, а в загробном мире.

«Поучения» приписаны отцу Мерикара — Ахтою III, правившему в Герacleополе и павшему в междоусобной борьбе. Действительное же авторство принадлежало не ему, так как «Поучения» написаны явно после вступления на престол Мерикара, который, быть может, сам пытался очертить в них программу действий идеального, по его мнению, правителя. Но весьма вероятно также, что это было сделано и по поручению царя каким-либо приближенным.

В этом произведении, состоящем из пяти частей, древняя форма дидактического наставления использована для политических целей — как руководство для идеального правителя, в то время как древние поучения предназначались для всех, излагая общие нормы поведения. Логическая связь между отдельными частями улавливается с трудом. Вначале приводятся указания, как вести себя молодому царю и какими правилами ему следует руководствоваться. Причем чисто практические советы, основанные на опыте управления государством, например о щедрой оплате писцов, дабы избежать коррупции, или о строительстве храмов и комплектовании армии рекрутами, перемежаются с моральными и этическими наставлениями. Так, царь как верховный вершитель справедливости должен строго придерживаться древних установлений: «Истина приходит к нему (т. е. мудрецу. — *И. К.*) отжатой (т. е. в чистом виде. — *И. К.*), согласно изреченному предками»; быть неподкупным и беспристрастным, ибо ему в свое время придется держать ответ перед богом. Знаменательно, что особое внимание обращено на то, как бороться с заговорщиками и бунтовщиками. Покойный царь делится своим собственным опытом, указывая на допущенные им ошибки, за которые ему, быть может, пришлось поплатиться жизнью: его солдаты разграбили некрополь древних царей в Тинисе. За этим — в третьей части — вновь следует указание на бренность людской жизни и на вечность и всемогущество божества, перед которым они отвечают за свои деяния и которое добродетель предпочитает приносимым в храмы жертвам. В последних двух частях приводится гимн, прославляющий бога — творца всего сущего, строгого и справедливого судью — и вновь даются советы. Они завершаются указанием на то, что Мерикара следует всегда придерживаться наставлений, завещанных отцом.

В этом «Поучении» мы встречаем явные заимствования из книг древних мудрецов, например Джедефгора. В нем отчетливо проступает мысль о загробном суде, где каждый будет отвечать за содеянное им на земле, тогда как прежде основным средством достижения вечного блаженства считались соответствующие магические обряды и заклинания. Вот почему Мерикара должен править так, чтобы не опасаться обвинений на посмертном суде. Опыт отца должен предостеречь его от неправильных действий и несправедливых поступков.

Следующее произведение относится ко времени правления той же, X династии. Но это произведение уже совершенно иного по жанру плана.

Это так называемая «Сказка о красноречивом крестьянине», дошедшая до нас в позднейших списках (XIX—XVIII вв. до н. э.). Судя по количеству списков, сказка была весьма популярна в эпоху Среднего царства и, очевидно, даже позднее, потому что один остракон, содержащий отрывок из нее, датируется XII—XI вв. до н. э.

Назвать героя сказки «крестьянином» можно лишь условно. Это скорее дань традиции. В действительности он промышлял сбором и продажей лекарственных и иных трав, шкур животных, ловлей птиц и т. п. Наименование «крестьянин» произошло от слова «сехти», которое обозначает не только земледельца, но и жителя оазиса, словом, не горожанина.

Сюжет сказки несложен. У обитателя одного из прилегающих к долине Нила оазисов приближенный высокопоставленного сановника отобрал ослов с поклажей, когда тот направлялся на рынок. В длинных и цветистых жалобах, произнесенных перед этим сановником, а затем и перед самим фараоном, пострадавший добивается правосудия. Так как речи потерпевшего нравятся тем, к кому он обращается, то его бьют, чтобы вынудить произнести новые, еще более красноречивые жалобы. В конце концов, вдоволь насладившись ими, фараон восстанавливает справедливость. Таким образом, завязка и конец сказки только рамка, объединяющая в единое целое девять речей крестьянина.

Характерно, что язык рамки резко отличен от языка жалоб. Повествовательная часть сказки написана ясно, просто, живо. Она вполне реалистична. Чувствуется, что материал взят автором из близкой ему окружающей и далеко не всегда в то неустойчивое время приглядной действительности.

Совсем в ином стиле выдержаны жалобы крестьянина. Они настолько вычурны, цветисты, перегружены пышными эпитетами и натянутыми метафорами, что некоторые мысли и сопоставления даже непонятны. Правда, отдельные сравнения не лишены образности и выразительности, например: «Ты подобен перевозчику, кто не переправит через реку того, кто не может ему заплатить... Ты словно хранитель амбаров, оставляющий голодным пришельца из далеких краев. Среди людей ты живешь, как сокол, пожирающий слабейших птиц». Но в целом они достаточно мопотонны и, во всяком случае, неподходящи для простого крестьянина. Подобные изысканные и сложные обороты могли выйти из-под пера, точнее, калама опытного писца, полностью овладевшего «изящным» стилем и хорошо усвоившего литературный вкус своего времени.

Естественно возникают вопросы: в какой среде создано это произведение, какова его тенденция?

Как только что было сказано, стиль сказки указывает, что она могла быть оформлена, если не создана, в среде высокообразованных писцов, занимавших более или менее крупные посты в государственном аппарате или храмовом управлении, возможно, несколько позже, чем происходят описанные в ней события, когда положение в стране стало более устойчивым. В тесной связи с ее стилистическими особенностями находится и ее

содержание. Она должна была привлечь слушателей или читателей не увлекательностью повествования или полезностью наставлений, а именно красноречием, подобно речам некоторых позднегреческих риториков, показать, как можно и должно красиво и изысканно выражаться. Однако жалобы крестьянина не лишены морализующей тенденции. Она повторяется в каждой жалобе и перекликается с некоторыми поучениями, прежде всего с поучениями для Мерикара: «Правосудие должно быть справедливо и одинаково для всех». В то время эта тема была особенно актуальна.

В период Первого распада Египта и особенно впоследствии, в эпоху Среднего царства, в результате прогрессирующего имущественного расслоения, растущей частной собственности, распада сельской общины резко обостряются социальные противоречия между знатью, жречеством, высшими чиновниками, в руках которых находились все судебные инстанции, с одной стороны, и основной массой свободного населения, включая средних земледельцев, ремесленников и торговцев (как раз к ним принадлежал герой сказки), — с другой. Недаром именно от времен Среднего царства дошло наибольшее количество различных «Поучений» и «Речений», причем последние, по существу, представляют собой не что иное, как политические памфлеты, порой с очень резко выраженной классовой направленностью.

В несколько приглушенном тоне социальные противоречия эпохи проступали и в «Сказке о красноречивом крестьянине», где указывается на несправедливость и притеснения, чинимые вельможами и их челядью. Может быть, в основу сюжета положен какой-нибудь случай из судебной практики, известный автору-писцу, который в силу своей социальной принадлежности мог выступить только с морализующими увещаниями. Протест героя выражается в одних речах. По существу, он пассивен. Но в действительности было далеко не так. Недаром поучения для Мерикара начинаются с предостережений против «бунтовщиков» и неимущих, затевающих смуты. И предки и современники «красноречивого крестьянина» достаточно активно, таким образом, проявляли недовольство существующими порядками. В конце концов его потомки возьмутся за оружие, дабы ниспровергнуть своих угнетателей.

Вот почему невозможно согласиться с мнением тех, кто видит в «Сказке о красноречивом крестьянине» одни лишь риторические упражнения, показывающие, как можно и должно изысканно изъясняться, или, наоборот, рассматривает ее как литературную пародию на излишества красноречия. Последней догадке противоречит и количество списков — едва ли допустимо, чтобы предназначенная для узкого круга пародия пользовалась такой популярностью, — и то обстоятельство, что эта сказка переписывается вместе с «Историей Синухета», излюбленным произведением эпохи, на один папирус. Наконец, как ни мало схожи оба этих текста, они имеют некоторые общие черты. В восхвалении фараона Синухетом также звучат риторические цветистые обороты и метафоры, которые гиперболизированы в «Сказке о красноречивом крестьянине».

И по содержанию, и по форме, и отчасти по времени к «Поучению» для Мерикара примыкают еще два наставления, судя по числу дошедших более или менее полных отрывков, достаточно распространенных в последующие столетия.

Первое — «Пророчество», или «Речения мудреца Неферти» (раньше его имя читали Ноффереху), созданное в 2000—1800 гг. до н. э., второе — «Поучение» основателя XII династии, с которой начинается эпоха Среднего царства, фараона Аменемхета I своему сыну и преемнику Сенусерту I. Оба произведения возникли скорее всего примерно в одно время. Несмотря на разные формы, они имеют совершенно определенную цель — утвердить власть первых царей новой династии, обосновавшейся в Фивах, которые всеми средствами, как силою оружия, так и мерами идеологического воздействия, стремились после столетий смут и междоусобной борьбы закрепить свое господство во всей стране. Относительная многочисленность сохранившихся списков и указания на то, что «Поучения Аменемхета I» египтяне читали еще в VI в. до н. э., — наглядное доказательство распространенности подобных политических сочинений.

В «Речениях Неферти» (папирус Государственного Эрмитажа 1116 В) мудрец облакает свои мысли в новую форму, что соответствует, очевидно, больше и духу эпохи, и задачам произведения. Он не поучает, а пророчествует, подобно тому как это впоследствии будут делать библейские пророки. «Речения» состоят из трех неравных частей. В первой, вводной, очень близкой по оформляющей рамке к сказкам, рассказывается о том, как Снофру, первый фараон IV династии, о котором в противоположность его сыну — строителю большой пирамиды Хуфу — сохранилась добрая память в народе, томясь от скуки, приказывает призвать к себе кого-нибудь, кто мог бы развлечь его прекрасными речами. Мотив этот широко распространен в фольклоре народов Востока, в чем легко убедиться, взяв хотя бы «Тысячу и одну ночь». К фараону приводят жреца богини Баст — Неферти. Воспользовался ли автор в данном случае именем какого-либо мудреца древности, или жрец этот — плод его воображения, неизвестно. Неферти спрашивает царя, что тот пожелал бы услышать: рассказ о каких-либо минувших событиях или же узнать о будущем. Снофру предпочитает узнать о том, что случится.

И Неферти начинает предрекать, что произойдет, как он успокаивает фараона, спустя долгие годы после Снофру, когда «день будет начинаться преступлением и страна погибнет без остатка» и «будут отнимать у человека его вещи и отдавать тому, кто на улице». Перед фараоном открываются картины одна мрачнее другой. Описания отвлеченны. Они подходят для любого периода смут. Таково содержание второй части «Речений».

Третья часть — краткая заключительная часть начинается словами: «...придет царь-южанин — Амени, правогласный, его имя... уроженец Верхнего Египта... Он соединит двойную корону (т. е. короны Северного и Южного Египта. — *И. К.*)... Замыслившие мятеж бросят свои речи из страха перед ним. Азиаты падут от ужаса перед ним... Правда придет на

свое место, а неправда будет устранена...» Амени — уменьшительное от Аменемхет. Таким образом, это политическое сочинение, облеченное в форму мессианистического пророчества, должно привлечь симпатии на сторону новой династии. И здесь Неферти вполне конкретен. Перенесение действия в седую старину (от Снофру до Аменемхета I протекло почти шесть столетий) придает ему большую силу воздействия. Вот почему действие происходит при дворе Снофру, основателя династии строителей пирамид. И уж если тогда провидцы знали, что в тяжелую годину Египет будет спасен именно Аменемхетом, то, следовательно, осуществятся и другие пророчества, касающиеся процветания страны при нем и его потомках, которые подавят мятежников и защитят рубежи от набегов «азиатов».

«Поучение Аменемхета I» выдержано в традиционном стиле и во многом сходно с «Поучением» для Мерикара. И оно начинается с увещаний, сколь полезны советы отца, если им следовать, и написано также после смерти царя. И в нем встречаются элементы автобиографии, так как речь ведется устами покойного фараона, хотя, как это известно из более поздних источников, подлинным автором наставлений был Хети (Ахтой), которому принадлежат и некоторые другие сочинения.

«Поучение» начинается жалобой на неблагодарность и на ненадежность людей. Ни на кого нельзя положиться. Даже его, кто так заботился о благе людей, заговорщики коварно убили ночью, когда он спал. Не следует доверять людям — они злы и лживы. Пусть Сенусерт следует заветам отца, и тогда ему будет лучше. Тема этого наставления более ограничена: она рассматривает конкретные обстоятельства. Из них извлекается определенный опыт, которым должен воспользоваться молодой фараон, дабы годы его правления протекли благополучно и ему не угрожало коварство людей. Элементы автобиографии, проступающие в этом «Поучении», равно как и в «Поучении» для Мерикара, очевидно, в какой-то степени связаны с автобиографиями, которые обычно высекали на стенах гробниц. И они написаны от имени умершего, обращающегося с увещаниями к живущим, дабы они извлекли пользу из его жизненного опыта и почтили память покойника жертвами и молитвой.

Эта программа нового царствования, изложенная в виде политического завещания, видимо, должна была объяснить или оправдать некоторые мероприятия Сенусерта I, вступившего на престол сравнительно недолгое время спустя после объединения страны. Очевидно, еще не все распри были улажены и не все было спокойно. Недаром Аменемхета I постигла смерть от руки убийц, а воцарение самого Сенусерта I, как мы сейчас увидим, возможно, также сопровождалось какими-то осложнениями.

Язык этого «Поучения» очень труден: он нарочито неясен, изобилует неожиданными и далеко не всегда понятными сопоставлениями, чем отличается от прежних подобных сочинений. Ход мыслей запутан. Их логическую последовательность порой очень трудно уловить, чего нельзя сказать о других известных нам сочинениях Хети, если только все они принадлежат ему, как утверждает традиция. Если относительно двух про-

изведений — «Поучения Аменемхета I» и «Гимна Нилу» — допустимы колебания или сомнения, то третье бесспорно принадлежит ему, на что определенно указывается в первых же строках: «Начало поучения, сделанного человеком из укрепления, сыном Дуауфа, Хети имя его, своему сыну, Пиопи имя его...» Оно дошло во многих списках, так как наставники охотно пользовались им для обучения в школе. Но именно этим объясняется огромное количество ошибок. Будущие писцы, еще неопытные в искусстве письма, допускали их в таком изобилии, что далеко еще не все места этого сочинения удалось уяснить полностью. В дальнейшем, в эпоху Рамессидов, оно послужило образцом для составления других школьных поучений, в которые иногда перешли из него целые отрывки. Возможно, при таком распространении в него включались и некоторые интерполяции.

Если в наставлениях и поучениях древних мудрецов и фараонов наряду с чисто практическими, житейскими советами имеются и назидания нравственные, то в словах, обращенных Хети к сыну, ничего, кроме сугубо утилитарных советов, не содержится. «Будь писцом» — такова основная мысль, только писцам уготовлена обеспеченная и легкая жизнь. Чтобы убедить мальчика, Хети рассказывает ему, сколь тяжелы все другие занятия и профессии и как мало выгод приносят они тому, кто их избирает. Он рисует реалистические картины судьбы земледельцев, ремесленников, мелких торговцев, воинов: «Видел я медника за работой его у отверстия печи его, причем пальцы его, как у крокодила, а он более смраден, чем рыба икра... Красильщик — пальцы его смердят... он проводит день, разрезая лохмотья. Его одежда — мерзость... Сандальщик — ему совсем плохо. Он вечно нуждается...» В заключение говорится о том, как надобно вести себя с вельможами, дабы списать их расположение и сделать успешную карьеру, потому что «нет писца, лишнего еды от довольствия царского дома», и «нет должности, свободной от руководителя, кроме [должности] писца, — сам он руководитель!»

Это «Поучение», которое долгие столетия изучали в школе — уж очень подходило оно по содержанию для обучения будущих писцов-чиновников, — не лишено художественных достоинств. Его язык, образный, изобилующий игрой слов и остроумными сравнениями, также должен был служить образцом. Говоря о положении земледельца, Хети замечает: «Невредим он, как невредимый среди львов...», «Ткач находится в помещении, он слабее женщины». Неприукрашенные картины жизни и труда простого народа, содержащиеся только в школьных поучениях, доказывают, что автор превосходно разбирался в окружающей его действительности.

Если Хети действительно был автором «Гимна Нилу», то следует признать, что ему была присуща не только незаурядная одаренность, но и многосторонность. Это произведение совершенно иного плана и стиля, чем «Поучение». В кратких, искусно члененных строфах воспевается великая река, подательница всех благ, поящая и кормящая всю страну.

По форме «Гимн Нилу» напоминает гимны другим богам, другим — потому что и Нил считался божеством и его почитали под именем Хапи, но,

по существу, это гимн природе, которая тогда, да и позже, обожествлялась в различных своих проявлениях. Не Хапи, не бог воспевается и прославляется в нем, а именно река, «приносящая пищу... творящая прекрасное»:

Слава тебе, Хапи!
Ты пришел в эту землю,
Явился, чтобы оживить Египет...
Он орошает поля, созданные Ра,
Чтобы дать жизнь каждой козе...

(Перевод А. Ахматовой)

От большинства гимнов богам с их холодной рассудочностью, трескучими метафорами и намеками на различные связанные с ними мифы прославление Нила выгодно отличается подлинной художественной простотой искренностью и теплотой чувства. Возможно, — но это лишь предположение, — он более, чем какой-либо иной дошедший до нас гимн, близок народному творчеству. Примерно в то же время, когда жил и творил Хети, было создано произведение, которое по праву сами египтяне считали классическим, — «История Синухета». Сохранилось около 25 списков — от почти полного текста до нескольких строк (в том числе пять папирусов). «История Синухета» написана в форме автобиографий, которые обычно высекались на стенах гробниц вельмож. Но сколь разительно она отличается от этих достаточно сухих и монотонных «послужных списков» живостью и связностью изложения, искусной композицией, красочными картинками, описанными образным, утонченным и в то же время ясным языком! И жизнь двора, и страны, где довелось побывать Синухету, изображены столь точно и в то же время непосредственно, что обычно это произведение используется наряду с историческими текстами.

Синухет жил во времена Аменемхета I и Сенусерта I. Описание его жизни, как обычно в автобиографиях, начинается с перечня титулов и должностей. Повествование ведется также от первого лица. Оно начинается с драматического эпизода. Ночью гонцы доставляют в лагерь Сенусерту — тогда еще наследнику престола, — возглавлявшему поход против ливийцев, сообщение о внезапной кончине отца. Здесь имеется косвенное подтверждение насильственной смерти Аменемхета I. Оставив свиту, в которую, очевидно, входил и Синухет, Сенусерт тотчас же отправляется в столицу, чтобы утвердиться в своих правах. Ведь фараоны от своих жен имели обычно многих сыновей, из которых каждый интригами, а то и силой готов был захватить власть. Вслед прибывает еще один гонец, посланный сторонниками других царевичей, с тем чтобы оповестить и их. Синухет случайно подслушал беседу, которую вел посланец с одним из сыновей царя, и его охватил ужас: он невольно узнал тайну, что может стоить ему жизни, если начнется борьба между претендентами на двойную корону Египта. Единственное спасение — немедленное бегство. Через пустыню, где он чуть не гибнет от жажды, Синухет направляется в страну Кедем.

Описание бегства несомненно одно из самых образных мест повести: «Смутилось сердце мое, распростерлись руки мои, дрожь охватила все мои члены. Прыжками удалился, чтобы пайти место, где спрятаться. Я укрылся между кустами, чтобы избежать идущего по дороге... Направил я стопы мои к северу и достиг я „Степ князя“... Пригнулся я в кустах, опасаясь, что на стене стража дневного караула. Пустился я в путь в ночную пору. Когда озарилась земля, достиг я Петни и остановился на острове... Одолела меня жажда, моя гортань пересохла, мое горло было наполнено пылью. И я сказал: „Это вкус смерти!“ Поднял я сердце свое (т. е. ободрился.— И. К.) и овладел собой, когда услышал я рев стада и увидел азиатов... Страна передавала меня стране...»

В Кедеме Синухета приютил правитель Верхнего Ретену — Ненши, сын Аму. На вопрос Ненши, почему он покинул родину, Синухет прославляет в гимне нового фараона и советует: «Пошли к нему и дай ему узнать имя твое. Не изрекай хулы против его величества».

У Ненши Синухет провел долгие годы. Он женился на его дочери, получил в надел плодородную землю и стал вождем одного из племен. Командуя войсками Ненши, Синухет неизменно одерживал победы над всеми, против кого выступал, и возвращался с обильными трофеями. Он одолел в единоборстве богатыря одного из окрестных племен. Описание этой схватки несколько напоминает описание борьбы Давида и Голиафа в Библии. В конце концов весть о Синухете, который не перестает тосковать по родине, достигает фараона. Сенусерт, тронутый участью беглеца, приглашает его специальным указом возвратиться в Египет, напоминая о том, что близка уже старость и следует вспомнить о дне погребения. «Не умрешь ты на чужбине, не погребут тебя азиаты, не обернут тебя в барапыю шкуру... Хватит тебе топтать землю. Позаботься о теле своем и возвращайся!» — так заключает царь свое послание. Ведь для египтянина не было ничего печальнее, чем умереть на чужбине и быть погребенным без установленного ритуала, который обеспечивал посмертное блаженство.

Синухет в восторженном письме выражает свою признательность фараону (указ и письмо, выдержанные в стиле подлинных посланий подобного рода, полностью приведены в тексте). Он оставляет все свое имущество старшему сыну, прижитому с дочерью Ненши, и возвращается на берега Нила. Во дворце Сенусерта ему уготовлена торжественная встреча, подробно описанная им. Сам фараон в окружении семьи и всего двора принимает его, прогнев бегство. Он только подсмеивается над Синухетом, говоря царице: «Вот это Синухет, который возвратился как азиат, [точно] создали его бедуйны».

Заканчивается повесть гимном детей фараона, прославляющих отца, и описанием дома и гробницы (точнее, ее строительства), дарованных Сенусертом герою повести.

Основная тенденция «Истории Синухета» та же, что и в речениях Неферти и наставлениях Аменемхета I, — прославление и восхваление новой династии. Недаром таким добрым и милостивым выведен Сенусерт II!

Автор этого органически цельного произведения был несомненно выдающимся писателем своего времени. Он не только чрезвычайно умело, воспользовавшись формой автобиографии, скомпоновал описание приключений Синухета с тремя вставленными в текст гимнами, но, может быть, впервые в мировой литературе сумел передать чувства и переживания своего героя — страх, озабоченность, удовлетворенность и особенно тоску по родине. Этот мотив прозвучит в литературе Египта еще не раз, но ни где он не будет развит столь обстоятельно и проникновенно.

Древнего читателя привлекал, очевидно, не только сюжет повести — рассказ о похождениях в далеких странах (эта тема неоднократно разрабатывалась в различных вариантах в литературе Египта), но и ее стилистическое оформление, как и в «Сказке о красноречивом крестьянине». Он не мог не оценить речи Синухета, изъясняющегося столь непринужденно и в то же время изысканно, как это было, вероятно, принято при дворе. Вот почему «Историю Синухета» египтяне читали и цитировали веками (самые поздние списки датируются концом эпохи Нового царства). И надо отдать должное безошибочности их вкуса. Эта повесть действительно одно из самых выдающихся произведений литературы древнего Египта.

Сколь ни отличны и по форме и по содержанию только что рассмотренные произведения, им присуща одна общая, их объединяющая черта, отличающая от известных литературных текстов предшествующей поры, — явно выраженная политическая тенденция: прославление фараона. Эта «придворная» литература, как очень убедительно доказал известный французский египтолог Ж. Позенер, появляется к началу эпохи Среднего царства. Даже в «Гимне Нилу», казалось бы очень далекому по сюжету от всего, что связано с политикой, вставлены строки, восхваляющие царя:

Так пускай же все люди земли...
Восславят сына его, [Нила],
Могущественного владыку,
Заставляющего процветать
Его берега.

(Перевод А. Ахматовой)

«Могущественный владыка» — фараон, деспот, воплощавший в себе единство страны, столь необходимое для ее благополучия, — вот центральная фигура литературы той поры, если, конечно, исключить народные песни и отчасти сказки, с которыми нам сейчас предстоит познакомиться.

Открытый и впервые опубликованный основоположником египтологии в России В. С. Голенищевым и хранящийся ныне в Государственном Эрмитаже папирус содержит древнейшую в мире запись сказки — «Сказки о потерпевшем кораблекрушение». «Писец с умелыми пальцами» Амено, сын Амени, переписал ее около 2000 г. до н. э., прельщенный, видимо, не-

обыкновенными приключениями героя, имя которого не названо. Действие разворачивается далеко на юге, на волшебном острове.

Еще со времен Древнего царства в поисках столь ценимых благовоний, эбенового дерева, шкур экзотических животных египтяне пускались в плавание по Красному морю, в страну Пунт — очевидно, современное Сомали. Рассказы бывалых мореходов об их странствиях и приключениях, о диковинных странах, приправленные воображением и слушателей и сказителей, обрастали сказочными сюжетами, нередко навеянными мифологическими образами. Такова и «Сказка о потерпевшем кораблекрушение». Похожде-ния героя ее на волшебном острове кое в чем напоминают сказки о Синдбаде-мореходе и некоторые эпизоды «Одиссеи», на что обратил внимание еще В. С. Голенищев.

Начало не сохранилось, возможно, это была последняя из цикла сказок, объединенных общей рамкой.

Уцелевшая часть рамки повествует о том, как какой-то сановник, посланный фараоном в дальние страны, не смог выполнить поручения владыки. В страхе, ожидая гнева царя, он возвращается на родину. Пытаясь утешить своего господина, сопровождающий верный слуга развлекает его рассказом о собственных приключениях. И он некогда был отправлен к рудникам фараона, но корабль застигла буря, судно и вся команда погибли, и лишь его одного волны выбросили на необитаемый остров. Несколько дней он оставался один.

Эпизоды эти переданы так образно, как это может сделать человек, либо сам переживший кораблекрушение, либо наделенный незаурядным талантом: «Я плыл к рудникам фараона, я спускался по Великому Зеленому морю на корабле длиной в 120 локтей и шириной в 40 локтей. Было на нем 120 корабельщиков из числа наилучших в Египте. Повидали они небо, повидали они землю, и сердца их были отважнее, чем у львов. Умели они предсказывать бурю задолго до ее начала и грозу до того, как она наступала. Разразилась буря, когда мы были в море, до того, как мы успели причалить к берегу. Вихрь налетел и удвоил волну до восьми локтей. Вот бревно, сбilo оно гребень волны. Судно затонуло и вместе с ним все, кто на нем находился. Только меня одного выбросила на остров морская волна. Три дня я провел в одиночестве: лишь сердце мое было моим товарищем».

Остров изобилует всевозможными плодами. На третий день перед рассказчиком появляется владыка острова — гигантский волшебный змей. Змей расспрашивает пришельца о том, кто он и откуда появился. А потом сам рассказывает о своем горе: с неба упала звезда и сожгла всех его родичей и детей. Затем змей предрекает герою сказки благополучное возвращение на родину. Потерпевший кораблекрушение благодарит змея, обещает доставить ему всякие дары, но тот отвечает, что на волшебном острове имеется все, ибо он «владыка Пунта»... «Покинув мой остров, ты никогда больше его не увидишь, ибо место это скроется под волнами». Предсказание змея сбывается. Через некоторое время приходит корабль, и рассказчик благополучно возвращается ко двору фараона с богатыми дарами и

получает щедрое вознаграждение. «Вот видишь, сколько я повидал, сколько я испытал, пока не вернулся в свою страну! Послушай меня, ибо полезно слушать слова других», — заключает назиданием герой свой рассказ. Но вельможа отвечает: «Не хитри со мной, мой друг. Незачем поить па заре птицу, которую утром зарежут!» Этими словами, возможно поговоркой, заканчивается сказка.

Язык ее прост и образен. Как это обычно бывает в сказках, часты словесные повторения. Видимо, она была записана со слов, а затем подверглась литературной обработке. Хотя «Сказка о потерпевшем кораблекрушении» в отличие от ряда других произведений известна лишь в единственном списке, все же, как видно из цитаты, вставленной в текст рамесидской эпохи, она, по-видимому, была достаточно распространена.

Так же как Синухет, потерпевший кораблекрушение проникнут любовью к родной стране, к своим близким. «Если будешь ты сильным и мужественным, обнимешь ты детей своих, поцелуешь жену свою и увидишь дом свой, а что может быть лучше этого? Ты вернешься на родину и будешь жить среди собратьев своих», — утешает героя змей — владыка чудесного острова. В его же уста вложены и не лишние некоторые психологизма слова: «Как приятно рассказывать, когда все дурное уже позади».

Наиболее наглядный пример объединения целого цикла различных по содержанию сказок дает папирус Весткар. По всей видимости, переписанные здесь сказки о фараоне Хуфу и чародеях возникли раньше, чем «Сказка о потерпевшем кораблекрушении», еще в конце эпохи Древнего царства, но сам папирус датируется временем значительно более поздним — XVII — началом XVI в. до н. э. Такую датировку подтверждают и особенности языка, уже отличного от классического языка Среднего царства и приближающегося к языку новоэгипетскому. В этом тексте гораздо меньше изысканных и вычурных оборотов, чем в «Истории Синухета», а тем более в «Сказке о красноречивом крестьянине». Словарный запас его ограниченнее, и в то же время встречаются выражения, взятые из народной речи. На вероятность предлагаемой датировки указывает и отмечаемое в литературе обычное для древнего Египта стремление обращаться в периоды упадка (в XVII в. до н. э. страна находилась под ярмом завоевателей — гиксосов) к героическому прошлому. Именно такой представляла официальная традиция почти через тысячелетие эпоху строителей пирамид, хотя народ сохранял о них недобрую память. Так и «Сказка о гиксосском царе Анопи и фараоне Сексептра» дошла до нас в списке времени Мернепта (сер. XIII в. до н. э.), когда Египту угрожали «морские народы».

Начало сказок папируса Весткар напоминает начало «Пророчества Неферти». Хотя оно и не сохранилось, но из последующего текста нетрудно его восстановить. Строитель Великой пирамиды — фараон Хуфу скучает и требует от своих сыновей — Джедефгора, Хафра, будущего строителя второй по величине пирамиды, и Бауфра — рассказов о том, что случилось в старину.

От первой сказки уцелели лишь последние строки: Хафра вспоминает

о чудесах, совершенных при царе Небка (III династия) жрецом Убаонером, жена которого изменила ему с простолюдином. Сделав из воска фигурку крокодила, жрец оживил ее с помощью заклинаний. Затем он велел слуге бросить фигурку в пруд, когда любовник жены пойдет купаться. Магическое изображение, как только оказалось в воде, превратилось в огромного крокодила, который утащил на дно юношу, едва тот ступил в пруд, и продержал его там семь суток. Когда Убаонер, бывший в то время при дворе, возвратился домой и привел к пруду фараона, крокодил вынес любовника на берег, и жрец оживил его. Возмущенный неверностью женщины и поведением ее возлюбленного, Небка приказал ее сжечь, а любовника вновь утопить.

Второй царевич, Бауфра, повествует о том, что случилось при фараоне Снофру — основателе IV династии. Чтобы развлечься, тот отправился кататься на лодке, где гребцами были двадцать молодых красивых женщин, которым сети заменяли платье. Одна из них случайно роняет в воду подвеску. Тогда Снофру призывает жреца-заклинателя, и тот чарами заставляет одну половину воды в озере лечь на другую, обнажает таким образом дно и достает украшение.

Когда наступила очередь третьего царевича, мудреца Джедефгора, того самого, которому принадлежат «Поучения», он предлагает призвать ко двору чародея Джеди — простолюдина 110 лет от роду, чтобы тот сам показал свое умение: «Он может приставить отрезанную голову, он может заставить льва следовать за собою...» Хуфу посылает за ним Джедефгора, который доставляет Джеди во дворец. Царь приказывает чародею показать свое умение на узнике, которого доставят из темницы, но чародей отказывает: «Нет, не на человеке... Не разрешается делать подобное со священной паствой богов». Тогда приносит гуся, ему отрубают голову. «Джеди произнес магические слова, и поднялся гусь, и голова его также поднялась... гусь встал и заготовал». То же он проделывает с уткой и быком. Затем чародей предрекает фараону, что Раджедет, жена жреца бога солнца Ра — Раусера, родит трех сыновей. Двое из них станут царями новой династии (V). Однако это произойдет лишь после правления внука Хуфу.

Действие переносится в дом Раусера. Раджедет чувствует приближение родов. Бог Ра посылает ей в помощь бога Хнума и четырех богинь. Они облегчают ей роды трех сыновей, которые рождаются со знаками царского достоинства. Служанка Раджедет, наказанная ею, репает в отместку сообщить о появлении необыкновенных детей Хуфу, который, очевидно, не прочь избавиться от будущих соперников. Однако ее утаскивает крокодил. На этом текст обрывается. Но, видимо, дальше рассказывалось об осуществлении пророчества Джеди. В противном случае весь замысел был бы лишен логики.

Все вошедшие в папирус Весткар сказки в той или иной степени относятся к волшебным. С реальными событиями они связаны лишь тем, что в них действуют исторические лица и что фоном служит засвидетельствованное историей событие — смена династий.

Композиция этого произведения довольно сложна. Она свидетельствует о высоком художественном мастерстве автора. Слово «автор» употреблено здесь намеренно — построение этого цикла сказок таково, что оно могло быть плодом творчества только одного человека, объединившего в законченное целое различные по темам и характеру сказки и предания, подчинив их единой идейной направленности. Замысловатое построение не допускает мысли о коллективном авторстве в дошедшей до нас редакции. Конечно, все это оказалось осуществимым в результате лишь накопленного веками литературного опыта. Сюжеты отдельных сказок заимствованы, видимо, из сокровищницы народного творчества и некоторых распространенных в ту пору произведений. Недаром начало обрамляющей сказки так напоминает вступление к «Поучениям Неферти». Впрочем, мотив этот широко распространен в литературе почти всех народов Востока.

В композиции сказки порой чувствуется известная рыхлость. Так, рассказ царевича Хафра о неверной жене прямого отношения к основной сюжетной линии не имеет, но почти все остальное повествование достаточно целеустремленно подводит к главной теме — неизбежному грядущему воцарению новой династии. Разумеется, подобная целеустремленность едва ли оказалась бы возможной без авторства одного лица или ограниченного круга лиц. Кроме того, обрамляющий рассказ по литературной конструкции смыкается с так называемой «царской новеллой» — о ней еще пойдет речь, — которая, конечно, не могла быть продуктом коллективного творчества.

Связь сказок папируса Весткар с народным творчеством проявляется и в некоторой небрежности языка. Есть тому и другие доказательства. Чародей из представителей знати первых двух сказок, рассказанных сыновьями Хуфу, противопоставляются чародею-простолюдину (неджесу) Джеди, о котором рассказывает Джедефгор. Если в первой из них чародей-вельможа (жрец) одерживает победу над простолудином, то Джеди значительно превосходит знатных волшебников своим искусством, могуществом и предвидением будущего. Именно он предрекает Хуфу гибель его династии. Знаменательно, что характеристика последнего смягчена. И это вполне понятно. Ни один писец не осмелился бы ни в эпоху Древнего царства, ни позже, когда был написан этот папирус, наделить «Владыку Обедных Земель» — законного фараона — отрицательными чертами. Но в народе о строителе Великой пирамиды сохранилась иная память, запечатленная в легендах и сказках, передававшихся от поколения к поколению на протяжении долгих веков. Одну из таких легенд записал спустя более двух тысяч лет после Хуфу Геродот. Она может служить примером не дошедшей до нас подлинно народной традиции: «Царь Хеопс (Хуфу) подверг Египет всевозможным бедствиям... Он заставил всех египтян работать на себя. Одних он заставил перетаскивать камни из каменоломен Аравии до самого Нила. Другие должны были тащить эти камни, переправленные через Нил на плотах, до так называемого Ливийского хребта. Так работало непрерывно около ста тысяч человек в течение трех месяцев каждый. На-

роду пришлось около десяти лет трудиться только над проведением дороги, по которой тащили камни... Постройка же самой пирамиды продолжалась около двадцати лет... Подлость Хеопса доходила до того, что, нуждаясь в деньгах, он поместил свою дочь в публичный дом и принудил ее ежемесячно зарабатывать определенную сумму денег». И далее, говоря о Хуфу и его преемниках, Геродот добавляет «Насчитывают 106 лет, в течение которых египтяне терпели всевозможные беды... Из ненависти к этим царям египтяне неохотно называют их имена».

Непосильные тяготы, жесточайший гнет, неслыханные поборы, от которых страдала вся страна, вынужденная по прихоти фараона воздвигать его гробницу, — все это навеки закрепилось в народном творчестве. А сама пирамида служила памятником не только могущества царя, но и совершенных им злодеяний. Со временем многое, разумеется, забылось, приняло фантастические очертания, немало добавило и воображение. Но неизменным осталось отношение к виновнику всех бед — Хуфу. Даже в подвергшихся определенной обработке сказках папируса Весткар он предстает в достаточно неприглядном виде. Далеко не случайно, что сказка относится значительно снисходительнее к предшественнику Хуфу — Снофру, чем к нему. Народное предание, следовательно, достаточно четко различало отдельных царей. Если в папирусе Весткар жестокость Хуфу проявляется в повелении Джеди показать свое искусство над живым человеком только для того, чтобы потешиться, то Геродот, со слов рассказчиков-египтян, прямо пишет, что этот фараон поверг Египет во всевозможные беды и совершил «подлость» по отношению к собственной дочери.

Как известно, в эпоху Среднего царства развивается и усиливается прослойка зажиточных земледельцев и торговцев — педжесов. Именно их мировоззрение отчетливо проявляется в сказках папируса Весткар. Дело не только в том, что неджес Джеди затмевает чародеев из знати. Здесь, пожалуй, впервые ставится проблема ценности жизни людей — «паствы бога», — которых преступно приносить в жертву прихотям земных владык.

Итак, подводя итог, можно предположить, что в самом конце Среднего царства, когда страна находилась в состоянии кризиса, вызванного внутренними потрясениями и угрозой нападения извне, и усилился интерес к славному прошлому, какой-то искусный писец собрал и умело соединил в единое целое распространенные в народе сказки и предания. В то же время он лишил их сатирической направленности и, очевидно, свойственного им критического отношения к царям-угнетателям. Будучи представителем имущих слоев, автор сглаживал противоречия, утверждал мировоззрение своей социальной прослойки.

Сказки папируса Весткар имеют первостепенное значение для изучения истории литературы и фольклора, в частности библейского. Именно здесь впервые появляется столь распространенный во всей мировой литературе мотив о неверной жене, о коварстве женщин. Чудеса, сотворенные чародеями, напоминают чудеса, совершенные Моисеем, который, со-

гласно Библии, обучался волшебству у египтян. Подобно Убаонеру, он разделяет воды Красного моря и, как Джеди, показывает свое магическое искусство: превращает жезл в змею и добывает в пустыне воду из скалы. А пророчество Джеди о грядущем рождении детей, которым предопределена царская корона, и стремление Хуфу их погубить разве не напоминают известное евангельское предание о рождении Христа и иудейском царе Ироде, приказавшем умертвить всех мальчиков, не достигших двухлетнего возраста.

Поскольку зашла речь о народных сказках, укажем еще на одну из них, относящуюся, правда, к значительно более позднему времени и также сохраненную Геродотом. Это знаменитая сказка о фараоне Рампсините и хитром воре, в различных вариантах вошедшая в фольклор множества стран, в том числе и России. В ней рассказывается о сыне строителя царской сокровищницы, доверившего перед смертью детям тайну оставленного им секретного лаза в сокровищницу. После кончины отца братья пробираются в казну фараона (речь, скорее всего, идет о Рамсесе IV), который в конце концов замечает убыль и приказывает поставить западню. В нее попадает один из братьев. Чтобы его не узнали, он просит отрубить ему голову. Другой брат выполняет его просьбу, а затем обманом выкрадывает выставленное для опознания тело. Хитростью избежав расставленные ему другие ловушки, он женится на дочери Рампсинита.

И в этой сказке отчетливо проступает сатира на сильных мира сего. Рампсинит выведен тоже далеко не в самом выгодном для него освещении, в то время как вор — выходец из народа — изображен ловким, смелым, находчивым.

Ко времени Среднего царства восходит еще одна, очевидно, волшебная сказка. Она дошла до нас на одном папирусе с «Беседой разочарованного». Уцелело из середины лишь несколько строк, по которым можно только установить, что какой-то пастух рассказывает товарищам о встрече не то с богиней, обитающей в пруду, не то с нимфой. Таким образом, сюжеты и темы сказок были весьма многообразны.

! В известной мере со сказками и преданиями связан возникший в ту эпоху новый жанр, используемый, правда, обычно в официальных текстах и получивший в науке название «царской новеллы». Иногда она, как мы увидим, неотделима от предания. Развивается этот жанр, во всяком случае, если судить по имеющимся в нашем распоряжении памятникам, в начале Нового царства.

Обычная форма «царской новеллы» такова. Царь, сидя в совете вместе со своими приближенными, изъявляет желание осуществить то или иное свое намерение — строительство храма, поход против врагов, посылку экспедиции и т. д. Сановники возражают ему или с воодушевлением одобряют его слова (последнее значительно чаще). Затем фараон дает указания, как и что надобно делать. В заключение описывается, как был выполнен этот приказ. Иногда вместо сановников выводится царица или полководец, когда речь идет о событиях военных. В «царскую новеллу», как это обычно

для египетской литературы, вплетаются и другие жанры. Ответ сановников порой принимает форму гимна, а речь фараона — поучения. Древнейшая известная «царская новелла» как раз может служить тому примером. Это переписанная на коже копия надписи Сенусерта I в одном из храмов Гелиополя. В ней фараон в торжественной речи оповещает о своем желании воздвигнуть святилище, посвященное богу Ра, в благодарность за дарованный ему престол. Сановники прославляют царя, который повелевает одному из них осуществить это намерение. Текст до конца не сохранился. Последние строки содержат описание церемонии закладки храма.

Поэтические «светские» произведения от эпохи Среднего царства не дошли до нас, если не считать гимнов, прославляющих фараона Сенусерта III, да нескольких коротких песенок рабочих, сопровождающих изображения в гробницах, восходящих, возможно, к эпохе Древнего царства. Они безыскусственны и просты. В одной из них пастух, обращаясь к доставленным из Азии быкам, восхваляет плодородную долину Нила, противопоставляя ее пескам их родины. Таким образом, даже народные песенки проникнуты столь присущей египтянам привязанностью к своей стране. Недаром они называли ее «Та мери» — «Земля возлюбленная».

Социальные противоречия, вызванные в первую очередь развитием частновладельческих отношений и соответственно распадом сельской общины, политический кризис, обусловленный обычными стремлениями помовой знати добиться возможно большей самостоятельности, — все эти явления отразились в литературе конца эпохи Среднего царства. Судя по тем немногим сочинениям, которыми мы располагаем, авторы их обычно пользуются формой речений или диалога. Все подобные сочинения имеют достаточно ясно выраженную политическую направленность. Вот почему, быть может, закономерно говорить если не о расцвете, то, во всяком случае, о распространении в это время литературы «публицистической».

Очевидно, уже задолго до наступления грозных событий, потрясших всю страну и приведших к ее новому распаду, наиболее дальновидные люди чувствовали их приближение. Так, уже Хакхеперрасенеб, по прозвищу Онху, жрец из Гелиополя, возглашал: «Я размышляю о происходящем, о положении дел на земле. Происходит перемена. Одип год тяжелее другого. Страна бедствует. Правда выброшена вон, неправда в зале света. Попраны предначертания богов, плач повсюду, скорбят номы и города... Тяжело молчать!..» Онху жил примерно лет за сто до падения XII династии (1788 г. до н. э.), но уже тогда «приходилось терпеть каждый день», очевидно, потому, что «несчастному не удастся освободиться от сильного».

Как и «Беседа разочарованного», речения этого жреца оформлены в виде диалога, где вторым собеседником выведено сердце, которое, правда, в дошедшем до нас отрывке (сохранилось лишь начало этого произведения) безмолвствует. Недаром печалится жрец: «Это горестно, когда не отвечаю на услышанное». Возможно, кое-что из его жалоб, выдержанных в общих тонах, заимствовано из прежних сочинений подобного рода, ибо в самом начале Онху сетует: «О, если бы были у меня еще неизвестные

слова и речения, которые звучали бы по-новому в речи... без повторов...» Хотя эти речения уступают большинству других нам известных, египтяне их все же ценили. Недаром они дошли до нас в списке времен XVIII династии, а Хахеперрасенеб упоминается наряду с великими мудрецами древности и в более позднее время.

Еще более фрагментарны другие политические сочинения того времени. Одно из них принадлежит какому-то высокопоставленному сановнику и обращено к подобным ему. Он призывает к преданности фараону и к «борьбе» за него — очевидно, центробежные силы уже давали о себе знать. Автор пытается представить облик идеального фараона, облеченного божественной властью. Далее — этот раздел сохранился значительно хуже — идет речь об отношении к народу господствующей прослойки, которая должна отстаивать его интересы. Напротив, «Поучение человека своему сыну» адресовано простонародью, но с той же целью возвеличить и укрепить власть царя. Здесь меньше «возвышенных» аргументов. Автор в своих доказательствах исходит из сугубо практических и более близких и понятных народу соображений: царь заботится о достатке подданных и о справедливости, однако лишь о тех, кто ему предан. Не силой, а только верностью фараону можно достичь благополучия.

Существовали и другие подобного рода или близкие им сочинения. Мы узнаем о них лишь по жалким остаткам — отдельным отрывкам, сохранившимся на обрывках папируса или остраконах. Почти все они объединяются общей идеологической направленностью, сближающей их с произведениями начала Среднего царства, стремящимися, подобно «Поучению Аменхета I» или «Истории Синухета», закрепить власть правящей династии.

Отличны от только что рассмотренных сочинений так называемые «Речения Ипусера», автор которых преследует совершенно иную цель. Быть может, ни одно из произведений египетской литературы не ставит перед исследователями столько не разрешенных до сих пор задач, сколько этот текст, начертанный на хранящемся в Лейденском музее папирусе (Лейденский папирус № 344), который, судя по письму и некоторым грамматическим особенностям, можно отнести к концу Нового царства (около 1300 г. до н. э.).

«Речения Ипусера», сохранившиеся, к сожалению, далеко не полностью — начало и конец утрачены, а в середине имеются многочисленные лакуны, — состоят из семи стихотворных отрывков и нескольких прозаических. Большинство из них описывает бедствия, постигшие Египет в результате смут и восстаний. Так как описания эти очень общи, то приурочить их к определенному времени или месту невозможно, так же как и проследить ход событий. Внутренняя логика композиции в «Речениях» отсутствует. Одни и те же мысли часто повторяются, в изложении их нет последовательности. Обычно настоящее положение вещей противопоставляется тому, чего следовало ожидать, если бы у власти оставались «доблестные мужи», т. е. знать. Но земля «перевернулась, подобно гончар-

ному кругу», и «благородные — в горе, а простолюдины — в радости». «...Тайпы царей Верхнего и Нижнего Египта стали всем известны. Столица встревожена недостатком. Все стремятся разжечь гражданскую войну... Страна связана шайками грабителей. Что касается сильного человека, то подлый берет его имущество... Тот, кто не смог сделать себе даже гроба, стал „владельцем“ заупокойного имения... Тот, кто не мог построить себе даже хижину, он стал теперь владельцем дома. Смотрите: придворные изгнаны из домов царя. Смотрите: благородные женщины находятся на баржах... Вельможи пребывают в закромах...» и т. д.

В заключительной части описывается восстановление прежнего порядка и будущее благоденствие Египта.

Стихотворные части построены по обычному для египетского стихосложения принципу: каждый стих начинается одинаково — вводным словом. В первом стихотворении это слово «Воистину», во втором — «Смотрите» и т. д.

По силе неприкрытой, можно даже сказать циничной, классовой вражды к народу, к тем, кто лишил автора и его близких власти и богатства, во всей древней литературе с «Речениями Ипусера» могут сравниться лишь «Элегии» греческого поэта VI в. до н. э. Феогнида из Мегары. Бедствия, постигшие Египет, которые так образно и злобно описывает автор, непримиримый в своей ненависти к восставшим, конечно, преувеличены. Насколько известно, какая-то часть Египта на юге оставалась сплоченной и в меньшей степени пострадала от смут.

Среди некоторых как западных, так и отечественных ученых распространено мнение, что «Речения Ипусера» лишены какой бы то ни было реальной исторической основы. Они принимают их то за произведение мессианистической литературы, то за диалог-поучение, то за религиозную мистерию. Однако акад. В. В. Струве, сравнивая настоящий текст с ритуалом древнеегипетских мистерий, не нашел между ними никакого ни внешнего, ни внутреннего сходства. Еще в 1917 г. он пришел к выводу, что «Речения Ипусера» представляют собой политический памфлет, отражающий идеологию пострадавшей от восстания знати, и что ближайшие аналогии подобного рода нетрудно отыскать в книгах библейских пророков VIII—VII вв. до н. э. Им же тогда была опровергнута датировка этого памятника, принятая многими европейскими учеными, относившими описываемые в нем события ко времени после Древнего царства. На основании тщательного исторического анализа В. В. Струве показал, что восстание, о котором повествуют «Речения Ипусера», вспыхнуло позже — в конце Среднего царства — около 1750 г. до н. э. Недавно независимо от него эта датировка была предложена и в Англии. Но и в этом случае «Речения» остаются одним из старейших памятников политической полемической литературы, историческим свидетельством древнейшего из известных нам восстаний угнетенных и обездоленных против своих поработителей.

Сами египтяне считали литературу Среднего царства классической, и, недаром произведения этого времени сохранились в таком количестве позд-

нейших списков, а язык их служил образцом для подражания. Если в сочинениях Древнего царства, во всяком случае, в тех, что нам известны, проступает известная скованность, которая проявляется и в композиции, и в стилистическом оформлении, и в сравнительной ограниченности жанров, то даже на подступах к Среднему царству эта скованность в большинстве случаев уступает место стройным, несмотря на сложность построения сюжета, замыслам (сказки папируса Весткар, «История Синухета»), изысканности и непринужденности языка, сочетающейся часто с простотой и ясностью, образностью и разнообразием красок, умением передавать самые различные чувства и настроения. Для литературы эпохи Среднего царства характерна ее органическая связь со всем, что волновало современников. Вот почему созданные тогда произведения почти всегда имеют ощущаемую и нами страстную политическую и социальную направленность, вот почему они так динамичны! Если в эпоху Древнего царства был заложен фундамент египетской литературы, то в последующие века было воздвигнуто само здание, во всяком случае, его первые этажи.

Еще многообразнее литература Нового царства. И не только потому, что она нам лучше известна: некоторые жанры, несомненно возникшие гораздо раньше, представлены произведениями лишь этой эпохи. Новое царство было «новым» не только потому, что оно было более поздним. Оно и качественно отличалось от предшествующих эпох. Возникли новые общественные отношения, новые политические проблемы; общество древнего Египта, хотя и медленно, двигалось по пути прогресса. Все это не могло не отразиться и в литературном творчестве той поры, когда Египет, отказавшись от своей многовековой изолированности, впервые вышел на «мировую» арену. Именно в эпоху Нового царства, при фараонах-завоевателях XVIII династии, он достиг такого могущества, какого не достигал ни прежде, ни впоследствии. Представители десятков народов и племен посещали долину Нила, и сами египтяне, составлявшие основное ядро своей армии, все чаще и во все большем числе переходили рубежи родины, в то время как прежде лишь отдельные торговцы, гонцы да политические беглецы добирались до чужеземных стран.

Возможно, раньше всего новые веяния и интересы проявляются в произведениях и сказках, которые чутко реагируют на все изменения общественных отношений. Наглядный пример тому — «Сказка о фараоне Секененра и гиксосском царе Апопи», отображающая события, связанные с началом освободительной войны против вторгшихся в Египет племен завоевателей-кочевников, т. е. последних десятилетий, предшествующих Новому царству. Конец сказки отсутствует, но, возможно, его нетрудно восстановить на основании имеющихся источников. Секененра, предпоследний фараон XVII династии, правившей на юге Египта, получает от сидевшего на севере, в Дельте, царя гиксосов Апопи послание с требованием унять бегемотов, которые плещутся в Ниле и мешают ему спать. Фараон обозлился, «подобно морю», и созвал приближенных, которые ничего не могут ему посоветовать. Здесь текст обрывается. Видимо, дальше рассказывалось о

том, как Секененра решает покарать наглого Апопи и послать войско, чтобы изгнать его из Египта. Не исключены и другие варианты, например, единоборство или какое-либо иное состязание. Возможно, композиционно некоторые места сказки напоминали «царскую новеллу»: Секененра приглашает вельмож высказать свое мнение, но те безмолвствуют, и тогда он сам принимает решение.

Другая сказка, более поздняя, переносит читателя в Азию, к стенам Иоппы (совр. Яффа). Полководец фараона Тутмоса III — Джхути тщетно пытается овладеть городом. Тогда он прибегает к хитроумной уловке: приглашает к себе в лагерь правителя Иоппы. После обильных возлияний тот просит показать ему булаву фараона. Джхути выполняет его желание, а затем ошеломляет ударом булавы и связывает. После этого Джхути сажает двести солдат в заранее приготовленные корзины и под предлогом доставки продовольствия жителям приказывает другим солдатам отнести эти корзины в Иоппу. Проникнув в город, воины набросились на осажденных, захватили их в плен и поработили.

Эта написанная простонародным языком, не лишенная юмора сказка впервые использует сюжет, хорошо известный по последующей народной и эпической литературе: хитрость, с помощью которой удается пробраться в закрытое или охраняемое помещение или окруженную стеной крепость. Наиболее известные тому примеры — троянский конь из «Одиссеи» и укрывшиеся в кувшинах разбойники из сказки об Али-бабе и сорока разбойниках.

Обе сказки, о которых только что шла речь, можно условно назвать «историческими». В самом деле, действие группируется вокруг достоверных событий или отдельных, оставивших после себя память лиц. Так, полководец Джхути прославился своими военными успехами во время походов в Сирию: недаром Тутмос III наградил его золотой чашей с дарственной надписью, которая ныне находится в Лувре. В таких сказаниях истина причудливо переплетается с вымыслом, как, например, в сказке об Апопи и Секененра. Оба они вполне реальные лица. Правильно передана и историческая канва: Египет, как известно, находился под властью гиксосов. Верно и то, что Секененра начал освободительную войну. Он, видимо, пал в одном из сражений. Во всяком случае, его мумия, найденная в тайнике в Дейр-эль-Бахари, имеет следы смертельных ранений. Естественно, подобные события не могли изгладиться из памяти народа. Но все остальное, конечно, вымысел.

Не только в «исторических» сказках отразились изменения, характерные для эпохи Нового царства. Они проявляются и в сказках волшебных, которым вообще присущ некоторый «консерватизм». И в них действие частично переносится в дальние страны, что, как мы видели, характерно и для сказок Среднего царства. Так, события сказки «Обреченный сын фараона» развиваются не только в Египте, но и в Сирии. В ней впервые умело сочетаются мотивы, весьма распространенные в фольклоре многих народов, мотивы, которые получили название «бродячих сюжетов».

Царю, у которого рождается сын, предсказано, что тот погибнет «от крокодила, змеи или собаки». Дабы предотвратить несчастье, царь прячет наследника в уединенном дворце в пустыне. Однажды мальчик увидел собаку и потребовал, чтобы ему подарили щенка. Просьба эта была выполнена. Когда царевич подрос, он попросил отца отпустить его в дальние страны: «Ведь я все равно обречен; три судьбы угрожают мне. Дозволь же мне поступить по своему желанию, пока бог не свершит то, что задумал». Фараон разрешает сыну посмотреть дальние страны, и юноша, прихватив с собой собаку, направляется в Нахари́ну (Сирия), у правителя которого была единственная дочь. Она была заперта в башне, окна которой отстояли на семьдесят локтей от земли. Ее руку мог получить только тот, кто допрыгнет до окна. Выдав себя за сына офицера, царевич принимает участие в состязании претендентов и побеждает. Но разгневанный правитель Нахарины не желает отдавать свою дочь за незнатного человека. Однако дочь требует, чтобы отец сдержал слово, иначе она лишит себя жизни. После свадьбы верная жена спасает мужа от первой грозившей ему опасности — змеи. Она просит его убить собаку, но царевич отказывается. Вместе с женой он как-то отправляется на берег реки, где попадает в пасть крокодила. Здесь текст обрывается, и мы не узнаем, как сбылись остальные предсказания. Скорее всего конец был благополучным, ибо в противном случае весь замысел, в основе которого, очевидно, лежит мотив преодоления судьбы, был бы лишен всякого смысла. В этой сказке, по мнению некоторых исследователей, показывается, как бог — покровитель человека может защитить его от предначертаний судьбы. Если допустимо отождествить божество-хранителя с тем, кого он опекает, с его волей, настойчивостью, изобретательностью, то не скрыта ли здесь мысль о том, что люди сами могут преодолеть злую волю высших сил?

Сравнительно ограниченный запас слов, а также безыскусственный синтаксис указывают на народное происхождение этой сказки, хотя очень точная подгонка друг к другу основных мотивов заставляет предположить, что она подверглась последующей тщательной художественной обработке.

Так же, очевидно, народны и три другие сказки, в которые вплетены мотивы и эпизоды, навеянные мифами и сказаниями о богах. Имеются в них и элементы волшебной сказки.

Одна из них — «Сказка о двух братьях» — первая из ставших известными древнеегипетских сказок. Именно она опровергла ошибочное представление, господствовавшее в первой половине минувшего века, о том, что в Египте в древности не было художественной литературы. Текст папируса д'Орбиней (так он назван по имени первого владельца папируса — леди д'Орбиней), очевидно, отличен от первоначального. Он несколько искажен пересказавшим или переписавшим сказку учеником — писцом Инаной или еще до него, что видно по некоторой неуклюжести стиля и неравномерности изложения. Но даже в такой неумелой передаче отчетливо проступает очень стройный первоначальный замысел, ибо в этой сказке,

так же как и в сказках папируса Весткар, сочетаются повсеместно распространенные «бродячие мотивы».

Обвиненный злой и похотливой женой старшего брата Анупу в том, что он хотел ее соблазнить, младший брат Бата спасается с помощью бога Ра и удаляется в «Долину Пиний», которая, по представлениям египтян, находилась, быть может, где-то в горах Ливана. Прощаясь, Бата говорит Анупу: «Позаботься обо мне, когда узнаешь, что со мной случилась беда. Я выпущу сердце свое из груди и спрячу его на вершине пинии, в цветке пинии. Если станут рубить эту пинию и упадет мое сердце на землю, приходи и найди его!.. А когда ты найдешь мое сердце, опусти мое сердце в сосуд со свежей водой, и я снова оживу... Ты узнаешь, что со мной случилась беда, по кувшину с пивом: едва ты возьмешь его в руки, пиво вспенится и потечет через край». Анупу, убедившись в навете, в ярости убивает жену.

В «Долине Пиний» боги, жалев Бату, сотворяют ему жену. Бата предупреждает ее о возможных кознях моря, к которому она не должна приближаться. Однако та его не слушает, приближается к морю, и оно похищает прядь ее волос и приносит ее в Египет. Прядь попадает к фараону, и он приказывает доставить ему жену Баты. В «Долину Пиний» отправляются солдаты, которые похищают жену Баты, а сам Бата превращается в пинию. По повелению царя дерево срубают. По вспенившемуся пиву Анупу узнает о гибели брата и отправляется на поиски его сердца, которое находит лишь на четвертый год. Ему удается оживить Бату. Тот принимает облик быка, и Анупу приводит его во дворец. Жена Баты, ставшая наложницей фараона, пытается погубить мужа и строит ему козни. Однако Бата после нескольких превращений в конце концов добивается наказания изменницы и сам становится фараоном.

Таким образом, в этой сказке в преображенном виде отражен древний миф об умирающем и воскресающем божестве плодородия. Недаром именам обоих братьев сопутствует в египетском тексте детерминатив сокола на птандарте, обычно сопровождающий имена богов: Анупу — Анубис, бог мертвых, Бата — один из местных богов (вошедший впоследствии в общеегипетский пантеон), с которым увязаны известные мотивы о неверной жене, о жизненной силе, заключенной в каком-либо предмете, о старшем и младшем братьях, о магических превращениях. Достаточно сослаться хотя бы на библейское сказание об Иосифе и жене Потифара, действие которого также происходит в Египте, или на русские сказки, где эти темы столь обычны. Здесь мы не найдем попыток пропикнуть в психологию героев или оценку их поступков — повествование ограничивается только изложением фактов, рассказчика занимает лишь интрига, хотя в торжестве справедливости над злом можно усмотреть некие попытки назидательности. Хотя фараон и сопричастен дурным поступкам неверной жены и не гнушается отобрать ее у законного мужа, тем не менее отношение к нему в сказке достаточно лояльно — он даже «огорчается», когда должен по навету наложницы убить превратившегося в быка Бату. Быть может, и здесь

сказалась последующая редакционная обработка, смягчившая первоначальную заостренность народной сказки. Недаром в колофоне (заключении) значится: «Доведено счастливо [до конца], в мире под наблюдением Кагабу, писца сокровищницы фараона, да будет он жив, здрав и невредим, а также писцов Хори и Меримоне». Естественно, что ни Кагабу, ни Инна-не, ни другим писцам не приличествовало возводить хулу на царя даже в сказке. Во всяком случае, главной причиной всех бед выведена неверная жена.

Судя по языку, сказка эта сравнительно позднего происхождения: она написана на новоегипетском языке, очевидно приближающемся к обыденной речи без каких-либо существенных архаизмов. Часты повторения. Характерны также повторяющиеся вступления в начале эпизодов: «И вот, когда озарилась земля и наступил новый день...» «Сказка о двух братьях», быть может, самая известная из всех египетских сказок. Это объясняется тем, что в ней впервые зафиксированы в письменном виде некоторые наиболее распространенные в мировом фольклоре сюжеты.

Еще более «мифологична» сказка, получившая название «Правда и Кривда». Она, по существу, занимает промежуточное положение между сказкой и мифом, хотя несколько ближе к первой. Братья, выведенные под обобщенными абстрактными именами Правда и Кривда, — воплощение истины и справедливости, с одной стороны, и лживости и неправосудности — с другой, — просят Эннеаду (девятку великих богов) рассудить их. (Начало текста утеряно, но по смыслу можно понять, что дело идет о каком-то кинжале, который Кривда дал Правде.) Лжесвидетельством Кривда добивается решения в свою пользу, ослепляет своего старшего брата Правду, а затем приказывает слугам отдать его на съедение львам. Жалея невиновного, те отпускают Правду, и он становится привратником у какой-то знатной женщины. У нее родится от него сын. Когда сын подрастает, он вызывает Кривду на суд Эннеады и удачным ответом добивается восстановления истины. Кривда несет заслуженное наказание.

Основная тенденция этой сказки — провозглашение торжества справедливости и стремление показать, что ложь всегда попадает в ею же самой расставленную ловушку, — мотив, в различных вариантах распространенный в фольклоре всех народов. Что касается сюжета, то он, конечно, навеян известным мифом о борьбе бога Осириса с его злым братом — богом Сетом, побежденным в конце концов сыном Осириса — богом Гором.

Сохранившемуся единственному варианту сказки присуща сравнительно сжатая форма повествования, поэтому действие развивается стремительно, и лишь отдельные более распространенные эпизоды указывают, что, быть может, существовала и более распространенная редакция.

Что касается третьей сказки — «Спор Гора и Сета», — то это просто миф, приближенный к сказке народной интерпретацией. В сказке этой проступает даже откровенная сатира на священные сказания и мистерии. Один из эпизодов ее известен еще по тексту Среднего царства, хотя в совершенно ином оформлении.

И здесь идет речь о восстановлении справедливости. Гор и Сет судятся перед Эннеадой за наследие Осириса. Тяжба длится 80 лет к тому времени, когда начинается рассказ, посвященный ее счастливому завершению и описанию победы Гора. Боги в этой сказке паделены всеми человеческими слабостями и эмоциями. Более того, в явно насмешливом тоне подчеркиваются их недостатки, причем далеко не всегда выбираются сцены, падающие чувство стыдливости читателей, не говоря уже о некоторых выражениях, которыми они описываются.

Гор выведен добродушным немощным ребенком, паделенным зато остроумием и изобретательностью, Сет — грубым и сильным мужланом, которого легко обвести вокруг пальца. Все это следует из их собственных слов и поступков, ибо текст весьма экономно прибегает к помощи эпитетов и совершенно не пользуется авторскими отступлениями для характеристики действующих лиц. Не лучше и другие боги и богини: Анти, берущий взятки, Исида, прибегающая ко всевозможным хитростям, дабы отстоять права сына, Хатор с ее бесстыдством. В повествование вставлены речи тяжущихся и письма, выдержанные в напыщенном стиле официальных посланий и рескриптов. Таким образом, это не только спародированный миф, но, быть может, и сатира на суд. Хотя нет никакого сомнения в том, что только Гор законный наследник Осириса, верховный судья — бог солнца Ра никак не может вынести окончательное решение: ведь ему пужна помощь Сета в борьбе с тучами, преграждающими путь его барке при ежедневном плаваньи в небесном океане. Под различными предлогами Ра оттягивает приговор. В конце концов владыка загробного мира Осирис угрожает послать богам вестника смерти, что и решает спор в пользу Гора.

Все в этой сказке указывает на ее народное происхождение, особенно следующий очень характерный эпизод. Один из пизших богов, Баба, вмешивается в спор Ра с другими богами, полагая этот случай подходящим для того, чтобы наконец, не слишком заботясь об изяществе слов, выложить все, что он думает, — а думает он весьма нелестно — о царе богов и установленных им порядках. Хотя некоторые другие боги придерживаются того же мнения, что и Баба, тем не менее они тут же прекращают дразни, и объединившись, дружно изгоняют плебея. Пародируются и титулы, и, как уже упоминалось, стиль рескриптов.

Народен и язык сказки, рассчитанный отнюдь не на утонченный вкус тех, кто наслаждается изяществом речей Синухета или хитросплетением эпитетов и метафор «Сказки о красноречивом крестьянине». Запас слов ограничен, монотонно повторяются стандартные формулы, но изложение живо, остроумно, изобретательно, и те, для кого эта пародия предназначалась, вероятно, также от души потешались, как те, кто много веков спустя читал «Орлеанскую девственницу» Вольтера или «Энеиду» Котляревского. Некоторые сюжеты этой сказки, например получение взятки от Исиды перевозчиком Анти, в дальнейшем встретятся и в греческих мифах, интерпретированных писателями того времени (Афродита и Фаон у Элиана и Сервия, Гера и Ясон у Аполлония Родосского).

Волшебные сказки эпохи Нового царства представлены также сюжетами, которые, по-видимому, появляются лишь в этот период; во всяком случае, в дошедших до нас сказках предшествующего времени их нет. Возможно, это объясняется тем, что сюжеты эти обычно связаны со скальными гробницами, которые особенно распространяются со Среднего царства, сменив царские пирамиды и мастабы вельмож. Недаром в сказках «Тысячи и одной ночи», окончательная редакция которых, как известно, оформилась в Египте, действие так часто связано со всевозможными подземельями, наполненными неисчислимыми сокровищами, охраняемыми духами или заклятиями. Достаточно вспомнить хотя бы гробницу Тутанхамона с ее богатствами или тайник с мумиями фараонов, чтобы понять, что вдохновляло рассказчиков подобных сказок. Гробницы, мы это хорошо знаем, сколь тщательно бы они ни охранялись, как бы хитроумно ни маскировались, в конце концов почти всегда опустошались грабителями, невзирая на все грозившие за подобное святотатство кары. Украшавшие стены усыпальниц пестрые, красочные росписи и рельефы, изображавшие утехи и радости жизни и страшных чудовищ загробного мира, также давали впоследствии пищу фантазии, особенно тогда, когда истинное назначение их было забыто. Древних египтян разоренные гробницы и исковерканные мумии, выброшенные из саркофагов, заставляли, как мы видим, задумываться над тщетностью религиозных установлений: ведь тысячи оскверненных усыпальниц служили доказательством тому, что никакие магические заклинания, никакие молитвы и никакие жертвы не обеспечивают посмертного покоя и блаженства на полях Иалу, где должны были пребывать праведники, т. е. «оправданные» на суде Осириса. Вместе с тем они воспламеняли воображение египтян. Отрывок одной сказки и цикл других служат примером того, какие конкретные формы оно припимало и какими образами населяло мир гробниц и некрополей. От так называемой «Сказки о призраке» сохранилась лишь часть, которую удастся восстановить по отдельным остраконам, разбросанным по различным музеям Европы. Большая часть их относится ко времени XIX династии (около XIII в. до н. э.).

Жрец Амона Хонсемхеб вызывает жившего при фараоне Ментухотеpe — скорее всего третьем, т. е. лет за 700—800 до XIX династии, — дух какого-то высокопоставленного сановника и изъявляет желание помочь ему, если тот в чем-либо терпит нужду. Призрак, дабы найти покой, просит отыскать и восстановить его гробницу, на поиски которой жрец отправляет трех человек. Они успешно справляются с поручением и докладывают, что нашли усыпальницу и ее можно теперь привести в порядок. Призрак успокаивается, обретя свое «место вечности», и хочет отблагодарить благодетеля. Дальнейшие события остаются неизвестными. Был ли Хонсемхеб в действительности и когда он жил, пока не установлено. Фрагментарность этого текста заставляет воздержаться за отсутствием достаточного количества материала от оценки его художественного уровня.

Цикл сказок или сказаний о царевиче Сатни-Хемуасе, или Сетоне, старшем сыне Рамсеса II, известен лишь в очень поздней редакции. Одна

из них дошла в рукописях III в. до н. э., а вторая — I—II вв. н. э. Разумеется, это не могло не отразиться на построении и оформлении сюжета, языке, стиле. Вероятно, кое в чем сказалось и влияние греческой литературы. Но восходит, скорее всего, этот цикл еще ко времени XIX династии. Во всяком случае, он ненамного позднее ее. Третья сказка сохранилась у Геродота, сжато записавшего ее со слов египетских переводчиков или жрецов, у которых по обыкновению исторические события — нашествие ассирийцев — самым причудливым образом переплелись с народными преданиями. Естественно, она возникла значительно позднее, да и по своему содержанию ничего общего с первыми двумя сказками не имеет.

По композиции цикл сказаний, наслоившийся вокруг имени Сатни-Хемуаса, верховного жреца бога Пта в Мемфисе, о котором в веках сохранилась память как о великом знатоке древних писаний, чародее и мудреце, пожалуй, наиболее сложное произведение из всей древнеегипетской литературы. Возможно, объяснение следует искать в том, что он сохранился только в списках, на многие столетия отстоящих от первоначального варианта, и что именно в этом сказывается одно из проявлений воздействия античной литературы. Вот почему сказания о Сетоне обычно рассматривают вместе с произведениями позднего — демотического — периода. Кстати сказать, они и дошли до нас в демотических папирусах.

Сатни-Хемуас, как верховный жрец бога Пта носивший титул Сетон (Сетом), страстно желает овладеть магической книгой бога Тота, которая хранится в гробнице давно умершего царевича Неферкапта. Он проникает туда и похищает эту книгу, несмотря на мольбы явившейся к нему Ахуры, жены царевича, которая рассказывает ему трагическую историю гибели Неферкапта. Неферкапта достал эту книгу с помощью заклинаний со дна моря, где ее охраняли змеи, скорпионы и другие гады. За это Ра по жалобе Тота покарал смертью грешника и его семью. Фараон, отец Неферкапта, приказал похоронить сына вместе с книгой. После этого Сетону снится страшный сон. Влюбившись в молодую красавицу, жрицу Табубу, он сначала по ее настоянию отдает ей все свое имущество, а затем убивает своих детей. В тот момент, когда Сатни-Хемуас хочет овладеть жрицей, он просыпается. Испугавшись страшного сна, он возвращает магическую книгу в гробницу Неферкапта и переносит туда тела его жены и сына, место погребения которых ему удается отыскать лишь с большим трудом.

Другое сказание повествует о рождении у Сатни-Хемуаса сына Са-Осириса. Са-Осирис растет не по дням, а по часам и поражает всех своими знаниями и мудростью. Он вместе с Сатни-Хемуасом нисходит в преисподнюю и показывает ему участь умерших грешников и праведников. Не положением на земле, не богатством определяется посмертная судьба людей, а только их поступками при жизни. Таким образом, лишь моральный критерий является решающим, как это определяет текст знаменитой 125-й главы «Книги мертвых». Когда Са-Осирису исполняется 12 лет, он по повелению фараона вступает в состязание с присланным царем Куша волшебником, который должен посрамить своим искусством египетских магов.

Мальчик прочитывает запечатанное письмо, в котором говорится о том, как за пять веков до того в таком же состязании мудрец Гор, сын Па-Неше, победил соперника — Гора, сына кушитки, после чего кушиты обязались пятьсот лет не появляться в Египте. Когда Са-Осирис закончил чтение письма, выяснилось, что посланец царя Куша не кто иной, как чародей Гор, сын кушитки, а сам он мудрец Гор, сын Па-Неше, принявший облик Са-Осиписа чтобы отразить козни кушитов. Затем Са-Осирис «растаял, как тень, и исчез на глазах фараона и отца своего Сатни-Хемуаса».

Сказки этого цикла скомпонованы чрезвычайно умело и воспринимаются с неослабеваемым интересом. Переход от действительности в мир снов сделан настолько искусно, что почти до самого конца повествования читатель остается в полном неведении, что развивающиеся в нарастающем темпе события происходят во сне, а не наяву. Кстати сказать, это древнейший пример подобного приема, который неоднократно будет потом использован в мировой литературе вплоть до Джерома К. Джерома, у которого герою, заснувшему в тесной каюте, пригрезилось, что он погребен заживо.

Некоторые сюжеты, например о нисхождении Сатни-Хемуаса и Са-Осиписа в преисподнюю, встречаются не только в греческой (мифы о Тантале и Окносе), но и в новозаветной мифологии. Евангельские сказания о необыкновенной мудрости мальчика Христа, поучающего в Иерусалимском храме учителей, весьма близки образу юного сына Сетона. Состязание чародеев — исконный мотив древнеегипетского фольклора, если судить по сказкам папируса Весткар, — мы найдем в библейском сказании о Моисее, побеждающем кудесников фараона.

Если в «Истории Сипухета» или в еще большей степени в «Сказке о красноречивом крестьянине» читатели привлекали не только развитие действия, но и достоинства стиля этих произведений, то в сказках о Сатни-Хемуасе его могла интересовать только фабула, потому что язык их беден и однообразен, очень часты повторения. В целом они свидетельствуют о некотором упадке древнеегипетской образованности, что, конечно, не мудрено, ибо слишком далеко отстоят дошедшие до нас списки от того времени, когда возникли эти произведения и к которому они полностью, несмотря на позднейшие наслоения, по своему духу принадлежат.

К времени Нового царства относятся и первые свидетельства о существовании басни. Наиболее многочисленные из них — сатирические рисунки и наброски на глиняных черепках, изображающие различных животных: мышей и кошек, гиен и собак, львов и ослов и т. д. И композиция, и сюжеты их убеждают, что художники иллюстрировали сцены из различных басен, например войну кошек и мышей или спор кошки и коршуна. Некоторые из этих басен известны в позднейших вариантах. Что касается басен, где выведены представители растительного мира, то мы знаем о них лишь по названиям. Так, в амарнский период существовала, как известно по бирке от футляра или коробки, где хранился папирус, «Книга о сикоморе и финиковой пальме». Форма одного из любовных стихотворений — ди-

алог между плодовыми деревьями — очевидно, навеяна басней. Только от самого конца Нового царства (около 1100 г. до н. э.) дошел текст единственной басни, да и то не полностью. Он сохранился в школьной рукописи, что позволяет предположить его более раннее происхождение. Это «Спор тела и головы» — тема, довольно широко распространенная в мировом фольклоре. Подобная басня имеется у Менения Агриппы. Тяжущиеся пытаются обосновать перед верховным судилищем свое право на главенство. Чем кончается спор — неизвестно, так как конец басни отсутствует.

Здесь мы расстанемся с миром сказок, преданий и басен и перейдем к рассказотрению произведений иного плана — реалистического, который представлен, к сожалению, лишь одним примером. Это известная повесть о «Злоключениях Ун-Амуна». Единственный известный текст ее хранится в Москве, в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Возможно, это даже оригинал. Следует, очевидно, признать правильным мнение акад. Б. А. Тураева, что настоящий папирус — литературная версия подлинного отчета, составленного «старейшиной врат храма Амона» Ун-Амуном, посланным верховным жрецом Карнакского храма Херихором и правителем Нижнего Египта Несубанебжедом (начало XI в. до н. э.) в Сирию за кедром для священной барки бога. Его рассказ, записанный, видимо, в первой половине X в. до н. э., — ценнейший исторический источник. В нем отразились внутреннее и внешнее положение ослабшего и распавшегося на отдельные области Египта и характер торговых отношений Восточного Средиземноморья. Но нас повесть посланного за море египтянина интересует с иной точки зрения.

С самого начала Ун-Амуна постигает неудача: на пути в Сирию у него похищают золото и серебро, которыми он должен был расплачиваться за лес. С трудом ему удается выполнить возложенное на него поручение, после того как ему прислали из Египта средства для закупки кедра. Однако ветер пригнал судно, на котором он отправляется на родину, к Кипру, где враждебно настроенная толпа намеревается убить путника. Ун-Амун обращается за помощью к правительнице Кипра. Она успокаивает подданных и помогает Ун-Амуну. Здесь папирус обрывается. Судя по тому, что Ун-Амун смог описать злоключения, ему удалось возвратиться в Египет.

Этот рассказ, где повествование ведется от первого лица, что придает ему особенную живость, значительно менее приукрашен, чем «История Синухета», хотя, как уже говорилось, он и подвергся последующей литературной обработке. Мастерски передан диалог между Ун-Амуном и правителем Библа, в котором отмечены все оттенки речи спорящих — от торжественного восхваления могущества Амона до чисто практических деловых требований, от иронии до жалоб. Добросовестно, просто и в то же время образно и ярко описывает Ун-Амун все, что ему довелось претерпеть. В повествовании запечатлены и его переживания и настроения, прежде всего тоска по родине. После очередной неудачи в Библе, где должны были гру- зить дерево, Ун-Амун отправляется к берегу моря. «Тут сел я и заплакал. Вышел ко мне писец посланий правителя и сказал он мне: „Что с то-

бой?" — И я ответил ему: „Разве ты не видишь птиц, которые второй раз летят в Египет? Взгляни на них: они направляются к прохладным прудам. Как долго я буду оставаться здесь, покинутым?“»

Таким образом, и этой повести в высокой степени присущи те же чувства, которыми диктуются поступки героя из «Сказки о потерпевшем кораблекрушение» и Синухета — все они, по той или иной причине находясь на чужбине, тоскуют по Египту. И нет для них большего счастья и радости, чем возвращение на берега Нила.

Что касается всевозможных наставлений и поучений, то их продолжали составлять и в Новом царстве. От большинства сохранились лишь обрывки, содержащие отдельные фразы, из которых иногда удается восстановить имя автора. Лишь два поучения относительно пощадило время — Ани и Аменемопе, двух писцов, составивших их, согласно древней литературной традиции, для своих «сыновей», причем многое было заимствовано ими из прежних дидактических сочинений.

Более раннее — Ани — написано, скорее всего, при последних царях XVIII династии. К сожалению, писец, очевидно, еще школьник, по неопытности настолько исковеркал текст при списывании, что порой просто невозможно уловить смысл. Несохранившееся вступление было оформлено, очевидно, в виде традиционной рамки, содержавшей, возможно, какой-то диалог, устный или письменный, между отцом и сыном. Во всяком случае, в конце приведены два письма последнего. Содержание «Поучения» весьма близко наставлениям Птахотепа. Хонсухотепа — так зовут сына — рекомендуется быть осмотрительным, создать семью, быть благочестивым, скромным в гостях, избегать общения с распутными женщинами, сдержанным в поведении, почтительным к родителям, трезвенником, не забывать о дне смерти и т. д. Из этого перечня правил морали, приведенных здесь в том же порядке, что и в тексте, видно, что они преподаются вне какой-либо логической взаимосвязи. Некоторые мысли и нравственные истины встречаются здесь впервые, например: «Молись про себя любящим сердцем, слова которого скрыты (т. е. не слышны); тогда сотворит бог то, что ты просишь, тогда услышит он то, что ты говоришь»; отмщение следует предоставить богам и ни в коем случае не совершать его самому и т. д.

Так же необычны по сравнению с тем, что известно из предшествующих поучений, возражения Хонсухотепа. В ответном письме отцу он замечает, что от заучивания трудных для его возраста наставлений нет решительно никакой пользы, если не вникать в их внутренний смысл и не стараться проникнуться ими. По мнению Ани, достаточно лишь послушания. Таким образом, общественное сознание в это время — не забудем, что оно близко религиозным реформам Эхнатона, — проникается новыми идеями, новыми нормами морали, причем носителями их выступает младшее поколение, никогда не встречается в прежних дидактических сочинениях.

Второе «Поучение» — Аменемопе — примерно столетий на пять, если не более, моложе. Более точная датировка невозможна. Автор — видный чиновник — предназначил его для своего младшего сына Хореммаахеру.

Новшеством здесь является разбивка на главы, или, как они назывались по-египетски, «дома». Это исключало возможность перестановок при списывании. Глав всего тридцать. Каждая из них объединяется одной мыслью. За небольшим исключением, они имеют стихотворную форму, в основу которой положен принцип параллелизма членов.

Цель, которую преследует отец, ясно определена во вступлении: «Начало поучения о том, как должно жить, и наставления для благоденствия, всех предначертаний для общения со старшими, правил для придворных, для того чтобы знать, как ответить тому, кто говорит, для того чтобы направить его по жизненному пути и обеспечить ему процветание на земле...» и т. д.

Далее Хореммаахеру рекомендуется: «Преклони уши твои к тому, что сказано, склони свое сердце для того, чтобы уразуметь это, благо заключить это в сердце своем, но худо тому, кто пренебрегает этим...». Здесь очень интересно отметить, что приведенные строки собственно «Почения» весьма близки библейской книге Екклесиаста. Примеров подобного рода совпадений можно привести немало. Зависимость древнееврейской литературы от египетской совершенно очевидна, чего упорно не хотят замечать теологи, говоря о «параллельности» их развития.

Религиозно-нравственные советы, как и в древних поучениях, перемежаются с чисто практическими житейскими указаниями, причем последние преподносятся порой в весьма эмоционально-образной форме; например, не надобно торопиться с ответом противнику, ибо «может разразиться буря, подобно пламени, охватывающему солому». Должно уповать на милость бога, только от воли которого зависит благополучие, и не противоборствовать активно врагам и недоброжелателям: «Отдайся в руки бога, и молчание твоё приведет их к гибели. Все боятся крокодила, который никогда не кричит». Но если содержание и композиция «Почения» Аменемпе — точнее, ее отсутствие — кое в чем близки прежним дидактическим сочинениям подобного рода, то нравственно-этическая их сущность несомненно прогрессивнее. Общественно-моральные представления в них выше. Не к богатству и счастью, даруемым богом тем, кто следует по начертанному им пути, обращены помыслы Аменемпе, а к нравственному совершенствованию, к «маат» — истине, ниспосланной на землю. Должно стремиться к самообладанию и искренности, быть гостеприимным и любить людей: «Лучше иметь насущный хлеб и удовлетворение, чем богатство и горе». Эти и им подобные сентенции, стремящиеся улучшить нравственную природу людей и вместе с тем объективно сглаживающие социальные противоречия, спустя столетия были унаследованы христианством.

Но не только новыми идеями ознаменовалась эпоха Нового царства. Очевидно, это было время расцвета и поэтических форм. Очень скудно, к сожалению, представлена самая неприхотливая из них — рабочие песенки. И это понятно. За работой их пели, обычно импровизируя или повторяя переходившие из поколения в поколение слова, земледельцы и ремесленники, подбадривая себя или стремясь сохранить ритм движений. И если

очень немногие из песен сохранились, то только потому, что ими сопровождали иногда изображения сцен повседневной жизни, которые высекались в гробницах. Песенки предельно просты и безыскусны. Они передают лишь то, что и видит и чувствует за работой поющий, например пахарь:

Торопись, вожатый,
Поговай быков!
Погляди, князь стоит
И смотрит на нас.

(Перевод М. Матве)

Или носильщик:

Должны ли мы день целый
Таскать зерно и белую полбу?
Полны ведь уже амбары,
Кучи зерна текут выше краев,
Полны корабли,
И зерно ползет наружу,
А нас все заставляют таскать.
Воистину из меда наши сердца.

(Перевод М. Матве)

Совершенно отличны по форме и, разумеется, по содержанию лирические произведения, прежде всего лирики любовной. Как правило, это творения одного поэта, притом нередко весьма одаренного. К сожалению, до нас не дошло ни одного имени. Но, даже не зная имени автора, иногда — правда, очень редко — мы можем проследить, как на него нисходило вдохновение. На обороте «школьного» папируса (Анастаси II), заполненного обычными упражнениями ученика-писца, другой рукой, четким и уверенным почерком начертано:

Приходит ветер — и слетает к сикоморе,
Приходишь ты...

(Перевод А. Ахматовой)

Здесь тростниковое перо — калам — остановилось. Но легко можно завершить то, что не было дописано тридцать пять веков назад: «...спешишь ко мне...» Эти строки, скорее всего, должны были начинать какую-нибудь любовную песню.

¹ К сожалению, из всей богатой и разнообразной любовной лирики древнего Египта уцелело около пятидесяти стихотворений и фрагментов. Все они датируются второй половиной эпохи Нового царства, если не считать нескольких строк, восходящих к концу Древнего царства, о которых уже упоминалось. Это прежде всего по три цикла стихотворений из папирусов Харрис-500 и Честер Битти I. Они переписаны любителями «развлекательной» литературы вместе со сказками и некоторыми другими произведениями

соответственно в 1330 и 1160 гг. до н. э. Еще по одному циклу начертано на папирусе Туринского музея (XII в. до н. э.) и на большом остраконе Каирского музея примерно того же времени. Сохранился, кроме того, ряд фрагментов на остраконах меньшего размера.

— Многообразие форм древнеегипетской лирики, вполне отстоявшийся стиль, искусное построение, использование сложных литературных приемов, а иногда даже известная вычурность указывают на долгий путь развития, скрытый от наших глаз! Начался этот путь, возможно, еще при строителях пирамид. Но именно эпоха Нового царства, как уже отмечалось, была, очевидно, ознаменована расцветом любовной лирики.

После многолетних походов фараоны-завоеватели XVIII династии присоединили к Египту территории от гор Ливана на севере до Четвертого порога Нила на юге. В столицу, Фивы, да и в другие города, стекались несметные богатства. Небывалая роскошь господствовала при дворе фараонов. Им подражали вельможи и сановники. Кое-что перепало и средним слоям. Для этого времени характерно стремление к чувственным наслаждениям, удовольствиям, празднествам. В росписях и на рельефах, украшающих гробницы знати той поры, обычны изображения веселых пиршеств в саду под сенью деревьев или прогулки на лодках. Перед нами через тридцать пять веков воскресает пестрая, красочная жизнь: гибкие красавицы в тончайших прозрачных одеждах, стройные обнаженные танцовщицы, арфисты, увеселяющие гостей, наконец, сами вельможи — хозяева гробниц — в пышных париках, длинных белоснежных одеждах. Они важно восседают в креслах среди веселой толпы пирующих и подобострастно склонившихся слуг, наполняющих кубки вином.

Разумеется, в таком кругу были вполне уместны песни о радостях и горестях влюбленных, песни, призывающие к чувственным наслаждениям. Общее стремление к утонченности сказывается и в любовной лирике: она подвергается искусной литературной обработке. Ее словарь, правда, заимствован из народной речи, сменившей «классический» литературный язык, — и в этом ее близость рабочим песенкам. В то же время она связана с культовыми песнопениями и гимнами, прежде всего в честь богини любви, музыки, танцев и веселья Хатор. Изопренное построение некоторых стихотворных циклов и вместе с тем их непосредственность, свежесть и разнообразие позволяют утверждать, что они созданы высокоодаренными людьми, которые успешно преодолевали стареющие каноны, чутко отзывались на вкусы и стремления своего времени.

В долине Нила женщина всегда пользовалась самостоятельностью. Она была окружена почетом и уважением. Достоинства ее превозносили, а красоту воспевали. О ней говорили как о «владычице дома». Отношения между мужем и женой были исполнены взаимной любви и нежности. Девушка могла свободно встречаться со своим избранником и даже признаваться в своих чувствах. Для нее он «брат», она для него «сестра». Это, конечно, отнюдь не означало, что влюбленные (или супруги) находились в столь близких родственных отношениях. В эпоху Нового царства слова

«брат» и «сестра» отошли от своего основного значения и стали передавать понятия «любимый» и «любимая». Из народного языка они перешли в литературу. Возможно, этим подчеркивалось известное равенство полов.

Среди египетских любовных песен есть несколько, быть может сочиненных женщиной за много веков до Сафо. Это «Начальное слово великой подательницы радости» из папируса Честер Битти I, где за первой песней, вложенной в уста юноши, следуют три его возлюбленной. Ей же принадлежит и шестая. Четыре песни девушки по глубокой лиричности отличаются от песен юноши, выдержанных в общих, даже несколько шаблонных тонах. Если все они принадлежат одному автору, то следует признать, что он был не только превосходным стилистом, но и тонким психологом.

И в древнеегипетской лирике встречается ряд «извечных» мотивов мировой литературы. Утренняя песнь любовников, после ночи объятий и утех вызывающих к птицам с просьбой повременить с возвещением нового дня; обращение к двери, отделяющей юношу от любимой; восхваление достоинств и красоты возлюбленной; описания тяжкого недуга, который может излечить лишь приход «сестры», ибо она лучше всех врачей знает, что пужно заболевшему; наказания, которым должен подвергнуться один из влюбленных; любовные игры — все это потом бесчетно будет перепеваться и повторяться в художественном творчестве почти всех народов, и прежде всего в «Песне песней» (вполне вероятно, что их автором был премудрый) и любвеобильный царь Соломон, ибо только так можно объяснить включение этого сборника светских, откровенно эротических песен в библейский канон). Затем они прозвучат у великих лириков Греции и Рима: Сафо, Анакреона, Феокрита, Катулла, Вергилия, Горация, Проперция, Овидия, будут восприняты трубадурами и миннезингерами и от них перейдут к поэтам Возрождения и классицизма.

Древнеегипетские песни и гимны, вероятно, исполнялись под аккомпанемент музыкальных инструментов: тимпанов, лютен, систров. Метрическое строение отдельных строф определить теперь трудно, даже невозможно, так как египтяне не выписывали гласных звуков, имевших в их языке подчиненное значение. Каждое слово, видимо, имело ударяемую гласную, которая могла быть долгой в открытом слоге и краткой в закрытом. Ритмичность достигалась повышением и понижением тона. Возможно, существовала и рифма. Строки стихотворения нередко отделялись друг от друга поставленной вверху строки красной точкой. Строфа обычно состояла из четырех строк.

Художественный эффект достигался с помощью сложных приемов. О них уже говорилось прежде: игра слов, симметричность построения, параллелизм членов, аллитерация, единообразное начало строф и т. д. Так, в «Начальном слове великой подательницы радости» значение первого слова каждого стихотворения совпадает с его порядковым номером в этом цикле. Например, во второй песне слово «сену» означает одновременно и «брат» (в данном случае возлюбленный) и «второй». В «Начале радостных песен», где речь ведется от имени цветов, названия их созвучны одному из

последующих слов: цветок «мех мех» (василек или портулак) сочетается с «мехай» — «уравновешивать».

Еще сравнительно недавно о египтянах обычно писали как о народе, для которого «существование после смерти казалось всегда важнее, чем земное бытие». Нет ничего ошибочнее подобного представления. И лучше всего опровергают это заблуждение любовные песни. Их мог создать народ, который хотел насладиться благами земной жизни. Быть может, именно эта любовь к ней, к прекрасному окружающему миру, к животворящим лучам солнца побудила египтян сложить и «Гимн Нилу», и «Гимн Атому», посвященный великому светилу. Возможно, он был сочинен самим царем-реформатором Эхнатом, который восславил в нем лучезарного бога, дарующего радость всему живому. Гимн этот высечен на стенах гробницы одного из его вельмож — Эйе, ставшего впоследствии фараоном.

По проникновенности чувств, эмоциональной насыщенности, красочности, пожалуй, во всей египетской поэзии нет ему равного. Лишь «Гимн Нилу», в котором мы находим то же органическое соединение божества и природы, несколько напоминает его. Но мы не найдем в нем ни той точности композиции, ни продуманности и вместе с тем задушевности мыслей, ни нерушимой целостности, при которой каждое слово строго обдуманно и неразрывно связано с общим замыслом. Не бога восхваляет Эхнатон, а природу, которую он олицетворяет:

Землю десница твоя так сотворила:
Выходишь — и все оживает,
Заходишь — и все умирает.
Ты — жизни мерило и первопричина ее.

(Перевод В. Потаповой)

Не устоявшимися метафорами, не пышными и звучными эпитетами, не цитатами из мифов или намеками на них, а необыкновенной искренностью, воплощенной в простых и в то же время высокохудожественных образах, выражает автор глубину своих переживаний.

Стремление порой проникнуть во внутренний мир человека, передать его отношение к окружающему миру, побуждения, которыми он руководствуется в своих поступках, его переживания и мысли — вот что в основном отличает литературу Нового царства от литературы предшествующих эпох, скорее описательной по своему характеру. Авторы-писцы уже придумывались над значением своих писаний и не рассматривали образование только как средство успешной карьеры, подобно Хети, наставлявшего сына, и авторам распространенных школьных поучений. На примере мудрецов древности, память о которых жила тысячелетиями, они убеждались, что только творения их могут обеспечить им бессмертие.

Когда А. С. Пушкин, вдохновленный известной одой Горация, писал пророческие строки: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...» — он, конечно, не мог подозревать, как, очевидно, не подозревал того и Гораций, что

еще в XIII в. до н. э., в царствование фараона Рамсеса II, безвестный египетский писец запечатлел каламом на свитке папируса те же мысли и чувства, возможно еще более древние:

Мудрые писцы...

Они не строили себе пирамид из меди

И надгробий из бронзы.

Не оставили после себя наследников,

Детей, сохранивших их имена.

Но они оставили свое наследство в писаниях,

В поучениях, сделанных ими...

(Перевод А. Ахматовой)

Восемнадцать веков отделяют А. С. Пушкина от Горация. Возможно, такое же время отделяет Горация от его египетского предшественника. Ода римского поэта ближе по настроению и звучанию к «Прославлению писцов», чем к пушкинскому «Памятнику»:

Создан памятник мною. Он вековечнее

Меди, и пирамид выше он царственных.

(Перевод А. Ахматовой)

¶ Таким образом, у египетских писцов эпохи Нового царства зарождались мысли более близкие поэтам последующих эпох, чем их предшественникам. Если Среднее царство оставило непревзойденные произведения художественной прозы, то в Новом царстве возникли подлинные шедевры лирической поэзии.

¶ И прямые и косвенные указания не позволяют усомниться в распространении в древнем Египте культового действия — мистерий, которые исполнялись жрецами во время различных религиозных праздников и обрядов. Текст такой мистерии — диалог богов — сохранился в так называемом «Мемфисском богословском трактате», переписанном во времена правления XXV династии, но несомненно гораздо более древнем. Имеется и более поздний памятник подобного рода — IV в. до н. э., где одно из действующих лиц, злой бог Сет, воплощает завоевателей-персов. Но их следует рассматривать вместе с литературой религиозной.

Что касается действия развлекательного, «светского», то лишь по отдельным намекам да изображениям на стенах гробниц можно заподозрить его существование. Так, живший при фараонах XVIII династии некий Имхеп упоминает в своей заупокойной стеле, обнаруженной в Эдфу, что он был бродячим музыкантом и мимом. Многочисленные рельефы и росписи, украшавшие усыпальницы вельмож, на которых нередко представлены целые ансамбли танцовщиц, пляшущих под аккомпанемент нескольких музыкантов, позволяют предположить, что танцы сопровождались каким-либо мимическим действием и совершались по заранее разработанному сценарию.

Последующие за эпохой Нового царства столетия были насыщены бурными и малоблагоприятными для творческо-созидательной деятельности событиями: длившимися десятилетиями, а то и веками иноземными вторжениями, политическим разбродом в короткие и относительно редкие промежутки между ними, частыми смутами и волнениями, порожденными почти не прекращающимся социально-экономическим кризисом. И в литературе и в искусстве это пора эпигонства, когда художники все чаще и чаще вдохновляются не новыми идеями, а отжившими старыми. Особенно наглядно это сказывается в изобразительном искусстве. Но и в литературе мы не встретим ни новых форм, ни новых жанров, ни вдохновенных произведений, эмоциональных и образных, подобных «Истории Синухета» или любовным песням. Да и число их сравнительно невелико, хотя демотические тексты (демотика — скоропись — распространялась тогда повсеместно) в достаточно обильном количестве хранятся в собраниях музеев и библиотек. Лишь иногда удастся уловить новые веяния, которые, возможно, объясняются влиянием извне.

Демотические «Поучения» представлены двумя произведениями. Одно — Анхшешонка — первой половины I тысячелетия до н. э. (более точная датировка затруднена) имеет своеобразную рамку — вступление. Закрытие подготовленного против фараона заговора Анхшешонка заключают в темницу. Там на черепках он записывает свои мысли, которые не отличаются ни оригинальностью, ни чрезмерной глубиной и уж, во всяком случае, никак не связаны с неприятностями, которые довелось претерпеть автору. Это либо повторения прежних наставлений, либо чисто практические советы, предназначенные преимущественно для земледельцев. Создается впечатление, что сюжет рамки избран произвольно, механически, поскольку он никак не связан с содержанием настоящего «Поучения».

Другое «Поучение» — так называемый папирус Инсингер — более позднее. К сожалению, текст дошел далеко не в лучшем виде: хотя отдельные разделы — их всего 25 — и перенумерованы, как в наставлении Аменемопе, и даже снабжены подобиями заголовков, тем не менее они при списывании были переставлены, что, конечно, затрудняет представление об общей композиции, очевидно продуманной, если судить по отдельным предложениям, которые в ряде случаев сформулированы более обобщенно и абстрактно по сравнению с прежними, например: «Не познают сердца друга, если не спросят его совета в нужде», «Если испытать мудреца, то лишь немногие признают его совершенным». Подобных сентенций, не уступающих по глубине мысли высказываниям философов и мудрецов не только античности, но и более поздних, в папирусе Инсингер немало. Вместе с тем он содержит и житейские, самые банальные советы: «Есть полезно во благовремени, а спать, когда устанешь... не ешь чрезмерно того, что тебе нравится во время трапезы, если сердце его (отца) это желает [также]. Не будь одетым лучше его на улице, дабы посторонние не смотрели на тебя больше, чем на него», «Пустая болтовня столь же неуместна, как и глупое молчание» и т. п. Основы общественной морали определяются и регулируются божественным

правопорядком; возмездие настигает виновных, и таким образом восстанавливается равновесие. Должно поэтому избегать крайностей во всем. Многие положения этого текста перекликаются с положениями Ветхого и Нового заветов, например: «Бог знает злодея, помышляющего злое. Он знает и праведного, в сердце которого величие божье,— не будь скупым и не собирай сокровищ при жизни, длительность которой тебе неведома. Скупец при кончине вынужден оставлять свое богатство, и оно достается другому». Впрочем, воздействие древнеегипетских поучений на Библию давно установилось. К сожалению, пока не удалось проследить, какими путями это влияние проникало.

От распространенных в то время других поучений сохранились лишь отдельные отрывки, не поддающиеся отождествлению.

Как всегда в периоды упадка, усиливается интерес к прошлому, особенно ко временам процветания и величия. Он отображается в сказаниях, легендах, преданиях, сказках, которые либо передаются из уст в уста, становясь достоянием народа, либо запечатлевается в хрониках и анналах. Кое-какие из них сохранились в очень сжатых записях Геродота и Диодора, обычно передающих народную традицию, а также у Манефона, который имел возможность пользоваться храмовыми архивами. К сожалению, от трудов последнего уцелело немного. Но и у греческих историков, и у египетского жреца образы фараонов-завоевателей XII и XVIII династий принимают одинаково легендарный облик. Так, сказания, наслоившиеся вокруг Сенусертов, превращают их в одного сказочного героя — Сесостриса, совершавшего победоносные походы вплоть до Скифии, а войны египтян с ассирийцами и вынужденное из-за эпидемии чумы отступление Синахериба от границ Египта в 703 г. до н. э. интерпретируются записанным Геродотом сказкой о Сетосе. В ней он назван царем, которому боги ниспосылают вечный сон, предвещающий чудо: мыши ночью напали на стан ассирийцев и погрызли тетивы их луков и ремни щитов. Таково же предание и о царе Бокхорисе и говорящем агнце, который предсказывает последнему ожидающую его печальную участь. Оно сохранилось в демотическом папирусе, датированном временем правления Августа, но записано, очевидно, раньше.

К подобного рода преданиям можно отнести и круг сказаний о царе Петубасте, недавно дополненный еще одним опубликованным текстом. Петубаст — царь, точнее, даже царек — был одним из многочисленных правителей Дельты, правивших при фараонах XXV (эфиопской) династии, а затем и при ассирийцах. Его реальная власть, это хорошо видно из текста, распространялась, по существу, лишь на область Таниса. Но в силу традиции в преданиях ему приписывается верховный авторитет. В первом сказании повествуется о борьбе за владения бога Амона Фиванского. Они были отняты у жреца бога Гора из Буто, и он является к Петубасту на священной барке Амона с жалобой на якобы поправленные свои права в сопровождении 13 «азиатов», своих союзников. Кто эти «азиаты» — не совсем ясно. Если подразумеваются ассирийцы, то действие происходит около 670 г. до н. э., когда Ассурбанипал собирался вторгнуться в Дельту.

Начало текста отсутствует. За подробным описанием священного суда, части которого соотносятся с различными богами, следует разбирательство дела, причем Петубаст всячески стремится примирить спорящие стороны. Затем следует подробное и достаточно скучное описание поединков, причем египтяне, противоборствующие Гору и его союзникам, терпят поражение. В конце концов, однако, исполняется предначертание оракула Амона и «азиатов» вместе с Гором изгоняют за пределы долины Нила.

Другое сказание посвящено борьбе за магический панцирь умершего царя Инара, правившего в Гелиополе. В нем также выведены Петубаст и некоторые правители и богатыри, о которых говорится в первом сказании. Оно также растянуто и изобилует описанием сцен единоборства.

В третьем сказании, тоже лишенном начала, описан поход против обитающих в Азии амазонок. Видимо, в не дошедшей до нас части говорилось о смерти Инара, которого сменил Петухоне. Он вступает в единоборство с Серпет — царицей амазонок. Они сражаются целый день с переменным успехом и в конце концов влюбляются друг в друга.

В этих сказаниях, где скрепляются и синтезируются исторические события, отдаленные иногда друг от друга на целые века, очевидно, проявляется уже влияние греческих мифов и, возможно, эпоса, хотя в свое время акад. В. В. Струве отставивал, и притом не без основания, самобытность и независимость от античных мотивов цикла преданий о Петубасте. Следует признать, особенно в связи с публикацией последнего из сказаний, что длительные и непосредственные контакты греков и египтян кое в чем все же имели известные последствия. Несомненно, конечно, что появление в эпосе о Петубасте женщин-воительниц оказалось возможным только в результате знакомства с греческой мифологией. Но, разумеется, почти полностью приписывать возникновение этого цикла воздействию последней или знакомству с «Илиадой» или «Одиссеей» не следует. Описание единоборства мы находим еще в «Истории Синухета» или в автобиографии военачальника Яхмоса, сына Абен, жившего при первых фараонах XVIII династии. Во всяком случае, этот вопрос может быть решен лишь в результате более обстоятельных и углубленных изысканий.

Не без оговорки можно причислить к произведениям художественной литературы длинную и обстоятельную хронику семьи жрецов небольшого города Теуджой в Среднем Египте, охватывающую почти полтора века (папирус Райланд IX). Она начинается жалобой, датированной 9-м годом правления Дария I, т. е. 512 г. до н. э., и восходит ко времени правления Псамметиха I. Жалобщик — престарелый жрец Петейсе перечисляет все утеснения и обиды, нанесенные недругами ему и его предкам, и просит восстановить справедливость и возвратить отнятые другими жрецами саи и имущество. При этом он подробно и довольно живо излагает свою историю и историю своей семьи, насыщая ее множеством характерных бытовых подробностей. Более всего этот текст по своему характеру близок «Злоключениям Ун-Амуна», однако уступает ему по художественным достоинствам, прежде всего образности языка.

Что касается народных сказок, то от них, кроме обычно очень кратких пересказов античных, преимущественно греческих, авторов, почти ничего не уцелело. Очевидно, в этот поздний период одним из излюбленных героев и становится фараон Яхмос II (Амасис), правивший несколько десятилетий (569—525 гг. до н. э.). И у Геродота, и в сохранившемся в одном из демотических папирусов начале сказки он выведен любителем неумеренных возлияний. Сказка эта вводится традиционной рамкой: Яхмос вечером в обществе своих жен «выпивает много вина, ибо фараон имеет большое тяготение к египетскому вину — колоби». Утром он просыпается с головной болью и требует, чтобы его развлекли каким-нибудь интересным рассказом. Петсотем, жрец богини Нейт, начинает сказку о рыбаке, его жене и царе, который, очевидно, желает овладеть супругой своего подданного. Таким образом, тема вставной сказки, возможно, также была обычной — о коварстве женщин или же, наоборот, о верной жене, которая преодолевает козни соблазнителя. Стиль повествования несколько напоминает стиль сказок папируса Весткар.

И от другой сказки уцелело лишь начало. Она, так же как и начало некоторых других литературных произведений, была начертана в I—II вв. н. э. на забракованных глиняных сосудах. Видимо, это какие-то упражнения, потому что рядом со сказкой мы встречаем и басню, и наставления, и молитву, обращенную к богине Исиде.

Рамкой сказки служит письмо к фараону, в котором пишущий изъясляет свое желание поведать царю историю чародея Хихора и его птиц. За какую-то провинность Хихор был заключен в темницу в Элефантине. Две птицы (их название установить не удастся) по пути в Египет с юга отыскивают узника, который некогда спас им жизнь. В благодарность они предлагают ему передать письмо фараону. Хихор вручает им послание, и они бросают его во дворе дворца. Что случилось дальше, мы, к сожалению, не знаем, так как на этом месте писец прервал свои упражнения.

Но неудача компенсируется — на этих кувшинах имеется басня. В предшествующие эпохи, как уже упоминалось, об этом жанре мы могли судить, если исключить единственный диалог тела и головы, только по рисункам, по которым можно лишь догадываться об их сюжете. В демотических текстах басни представлены лучше. В той, что записана на кувшине, рассказывается о ласточке, вычерпавшей море, погубившее ее птенцов. Этот мотив давно уже известен по «Папчатантре», где он излагается в несколько иной и более страшненькой форме.

Три другие басни включены в текст мифа о Солнечном глазе, дошедшем в списке (так называемый демотический папирус «Куфи») и, скорее всего, происходящем из Фив. Этот древний миф передается в нем в ином, более изощренном варианте. Солнце — богиня Тефнут, дочь владыки богов Ра, — на зиму отправляется на юг, в Куш, и не желает возвращаться весной в Египет. Ра поручает изображаемому обычно в виде обезьяны богу мудрости Тоту доставить непокорную дочь, принявшую образ львицы. Нелегко маленькой обезьянке справиться со свирепой и капризной львицей, могу-

щей ее растерзать. Лаской и уговорами, лестью и хитростью пытается Тот заманить Тефнут в Египет. В конце концов он добивается своего, и богиня возвращается на родину, где ее встречают ликованием. Споря с Тефнут, Тот подкрепляет свои доводы всевозможными историями и притчами и рассказывает ей три басни: о коршуне и кошке, о льве и мыши и о двух коршунах, которых можно назвать условно «коршун — зоркий глаз» и «коршун — чуткое ухо».

В первой говорится о коршуне, несмотря на обещание съевшем котят своей соседки — кошки — и получившем за это отпущение; во второй, весьма напоминающей известную басню Эзопа, — о мыши, спасшей льва, который в свое время пощадил ее, наконец, в третьей — о поедающих друг друга зверях и воздаваемом им возмездии, ибо никакое зло не должно оставаться безнаказанным. «Воистину, кто убивает, тоже будет убит! Кто приказывает убить, тот тоже будет убит по приказу» — такова мораль этой басни, без сомнения народной, впоследствии вместе с другими, также народными, литературно обработанной и искусно вставленной в миф.

Если первая из приведенных басен — о ласточке — может быть привнесена в долину Нила извне (в Индии она известна со II в. до н. э.), то последние три скорее всего автохтонны. На остраконах эпохи Нового царства неоднократно встречаются рисунки, их иллюстрирующие. При сопоставлении греческих папирусов, содержащих подобные басни, с демотическими видно, что последние служили основой античной версии. Таким образом, не Эзоп должен быть признан родоначальником этого жанра, а египетские писцы. Из Египта через Грецию и Рим многие басенные мотивы и сюжеты перешли к народам Европы, где получили классическое оформление в творчестве Лафонтена и Крылова.

Пока неизвестны литературные произведения, которые по древности, разнообразию форм, художественному совершенству могли бы сравниться с литературными памятниками древнего Египта. Но древностью обусловлены и некоторые их особенности. Так, не всегда рассказчик бывает строго последователен. Остаются неясными причины некоторых поступков и действий. Порой прерывается логическая связь. Утомительны и скучны иногда описания или перегруженные эпитетами и сравнениями панегирики. Но нельзя не отдать должного чувствам, которые воодушевляют героев, или мыслям, которые они высказывают. Они близки и понятны нам. Прежде всего это страстная любовь к своей стране, к своему родному краю, привязанность к семье, к близким, стремление к справедливости (недаром постоянно прославляется «маат» — истина), возмездие за причиненное зло, особенно если оно вызвано корыстной целью (например, сказка о Правде и Кривде). Мы найдем в них и осуждение деспотии и эксплуатации человека человеком (сказки о фараоне Хуфу), и прославление верности и преданности (сказка о двух братьях, сказка об обреченном царевиче).

Совершенство формы, естественность, высокая художественность образов, присущие лирическому творчеству древних египтян, могут и ныне доставить подлинное наслаждение любителю поэзии. †

! Египетская литература — древнейшее свидетельство художественного творчества человека/ В завещанных нам произведениях современников строителей пирамид и их потомков впервые встречаются многие литературные приемы, в том числе и довольно сложные, которые применяются и поныне во всех литературах мира. Наконец, многие сюжеты, разрабатываемые повсеместно в фольклоре, получили изначальное оформление в древнеегипетских сказках. Так, сказка о Рампсине и хитром воре имеет параллели в сказках немецких, английских, датских, русских, кипрских, тибетских, индийских, китайских, осетинских, арабских, чешских, бретонских, сицилийских и т. д. Сказка, условно озаглавленная «Правда и Кривда», близка русской сказке с аналогичным названием. Как мы видели, «Сказка о потерпевшем кораблекрушение» перекликается с одной из сказок о Синдбаде-мореходе, а басня «Лев и мышь» почти аналогична басне Эзопа.

Десятки столетий отделяют нас от мира древних египтян, но достижения их культуры, в частности литературы, унаследованы почти всем человечеством. Вот почему мы с полным основанием имеем право повторить вслед за безымянным автором «Прославления писцов...»:

Они ушли,
Имена их исчезли вместе с ними,
Но писания заставляют
Вспомнить их.

(Перевод А. Ахматовой)

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

Многочисленные памятники египетской архитектуры, скульптуры, живописи и художественного ремесла, сохранившиеся до наших дней, дают достаточно полное представление об искусстве древнего Египта. Именно в древнем Египте впервые в мире были созданы монументальные сооружения из камня — пирамиды и храмы, именно там раньше, чем где бы то ни было, появились колоннады и портики, статуи в гробницах и святилищах, многоцветные росписи и рельефные изображения.

Египет — страна, в которой сложилось одно из первых классовых обществ. И искусство Египта — это новый этап в истории развития художественного творчества. Оно замечательно прежде всего тем, что в нем очень рано проявился интерес к человеку, его внешнему облику и внутреннему миру, к изображению окружающей природы. В искусстве древнего Египта отразилось мировоззрение египтян, сложившееся в условиях древневосточной рабовладельческой деспотии, их представление о красоте.

Большая часть созданных египтянами монументальных произведений — скульптура, рельефы, росписи — предназначалась для храмов и гробниц. Это определялось религиозно-магическим назначением произведений, поскольку все они были предметами культа, связанными либо с почитанием богов, либо с верой в загробную жизнь.

Одна из специфических особенностей египетского искусства — длительное следование принятым в древности образцам, обусловленное известной застойностью египетского общества и, следовательно, его идеологии. Эти образцы, освященные религией, не подлежали изменению — при создании произведений необходимо было придерживаться установленных канонов, которые передавались художниками из поколения в поколение. Существовали даже специальные руководства для художников, записанные на папирусах. Они не сохранились до наших дней. Только по описи храмовой библиотеки нам известно название одного из них — «Предписание для стеной живописи и канона пропорций».

Знакомство с памятниками искусства древнего Египта, изучение их стилистических особенностей, специфики композиции и трактовки человеческой фигуры показывают, что их создатели строго придерживались установленных «предписаний», песомненно ограничивающих свободу творчества. Однако, несмотря на это, искусство Египта все же развивалось и изменялось, откликаясь на запросы времени.

Имена многих талантливых художников, скульпторов, зодчих дошли до нашего времени в надписях на стенах гробниц и храмов, на папирусах. Люди этих профессий занимали почетное место в египетском обществе, и многие из них, судя по их титулатуре, принадлежали к придворной знати, руководили царскими работами и принимали участие в управлении государством. Так, знаменитый зодчий Имхотеп, строитель первой ступенчатой пирамиды, был верховным сановником.

Самые ранние памятники художественного творчества найдены в погребениях V—IV тысячелетий до н. э. Орнаментальные и сюжетные росписи сосудов позволяют познакомиться с наиболее ранней стадией египетского искусства и исследовать его истоки. Самые древние сосуды из глины покрыты росписями (см. стр. 115). Тематика росписей очень разнообразна — орнамент геометрический и растительный, сцены охоты, ритуальные действия, связанные с погребальными обрядами, культовые игры, человеческие фигуры. Эти рисунки — первая попытка человека отразить в изображениях познаваемый им окружающий мир.

Самые ранние сосуды сделаны от руки — об этом свидетельствуют их неправильная форма и неровная поверхность. Изредка их покрывали простым геометрическим орнаментом. В энеолите, когда появляется гончарный круг, сосуды приобретают правильную форму, поверхность становится гладкой, на сосудах усложняется орнамент, создаются многофигурные композиции с культовыми и погребальными сценами, изображаются священные животные, деревья, холмы.

Особенно часто встречаются изображения плывущих многовесельных лодок, украшенных ветками цветущих деревьев, вставленных в так называемые каюты — палубные надстройки. Возможно, подобные рисунки показывали странствия умершего в загробном мире. Вокруг лодок расположены фигуры людей — обычно они стоят в позе молящихся, иногда охотятся на диких зверей. Почти в каждой композиции присутствует женская фигура, совершающая религиозные обряды. Подчеркнутые признаки пола свидетельствуют о существовании в то время культа матери, связанного с матриархальными отношениями.

Один из интересных памятников этого времени — чаша, на которой изображен охотник с четырьмя собаками, — хранится в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Фигура охотника представляет собой силуэт с овальным пятном — головой, развернутыми в фас плечами и повернутыми в профиль ногами. Также силуэты изображения собак с непомерно большими зубастыми пастьми. Холмы изображены в виде треугольников, деревья переданы схематично. Изображения,

окружающие охотника, сделаны неопытной рукой. Однако, несмотря на условность и примитивность росписи, это уже несомненно произведение искусства. В композиции выделена центральная фигура — охотник и его свора. Холмы и деревья показаны как фон — они характеризуют место, где разворачиваются события, причем их чередование придает особый ритм изображению.

По тематике и манере изображения роспись на сосудах перекликается с росписью в погребении племенного вождя в Иераконполе. Стены гробницы (она прямоугольной формы, ее глубина — полтора метра, ширина — два, длина — четыре с половиной) покрыты росписями, выполненными четырьмя красками: белой, черной, красной, желтой. Здесь, так же как и на сосудах, нарисованы культовые лодки. Они занимают центральное место в композиции. Очень живо изображены сцены охоты: бегущие животные (антилопы, козлы, быки), борьба охотника с двумя львами. Интересна группа из пяти зверей в круглом капкане, они распластаны на плоскости в замкнутом и строгом ритме. Здесь же внизу изображены поединки между воинами, вооруженными копьями и щитами. Очевидно, все это имело отношение к обряду, совершавшимся при погребении вождя.

Рисунки иераконпольской росписи, так же как и на сосудах, отличаются схематичностью изображения. Фигуры людей и зверей передапы обобщенно — подчеркнуто только самое существенное и характерное. Все фигуры нарисованы так, как будто они видны одновременно с различных точек зрения: у крокодила, например, голова и хвост показаны в профиль, а лапы и туловище распластаны на плоскости; человек изображен с развернутыми в фас плечами, ноги же всегда повернуты в профиль; также и туловища быков и козлов даны в профиль, а рога — в фас. Художник рисует людей, животных, предметы не так, как их видит, а как знает. Его не смущает отсутствие правильных пропорций, он не создает еще единой композиции (чаша с охотником — исключение). Все предметы не связаны между собой, они разбросаны по всей плоскости, и только центральные фигуры выделяются своими большими размерами.

К концу IV тысячелетия до н.э. изменяются общественные отношения — доклассовое общество сменяется классовым. В искусстве появляются новые черты. Памятники искусства становятся совершеннее по форме и по содержанию. Сохранились каменные плиты со сценами охоты, сражений, побед, выполненными в низком рельефе. Для них характерна уже четко построенная композиция. Такова плита с изображением вождя в образе быка, который попирает ногами врага. Композиция разворачивается сверху вниз, веревка, идущая из-под ног быка, олицетворяющего вождя-победителя, связывает его с пленным. Подчеркнутая мускулатура животного, его грозно опущенная голова символизируют величие и мощь триумфатора. Изображение отвечает той цели, которая стояла перед его создателем, — прославить вождя-победителя, подчеркнуть его силу.

В подобных произведениях уже наблюдается отбор образов и приемов для их выражения. В результате частого повторения они становятся

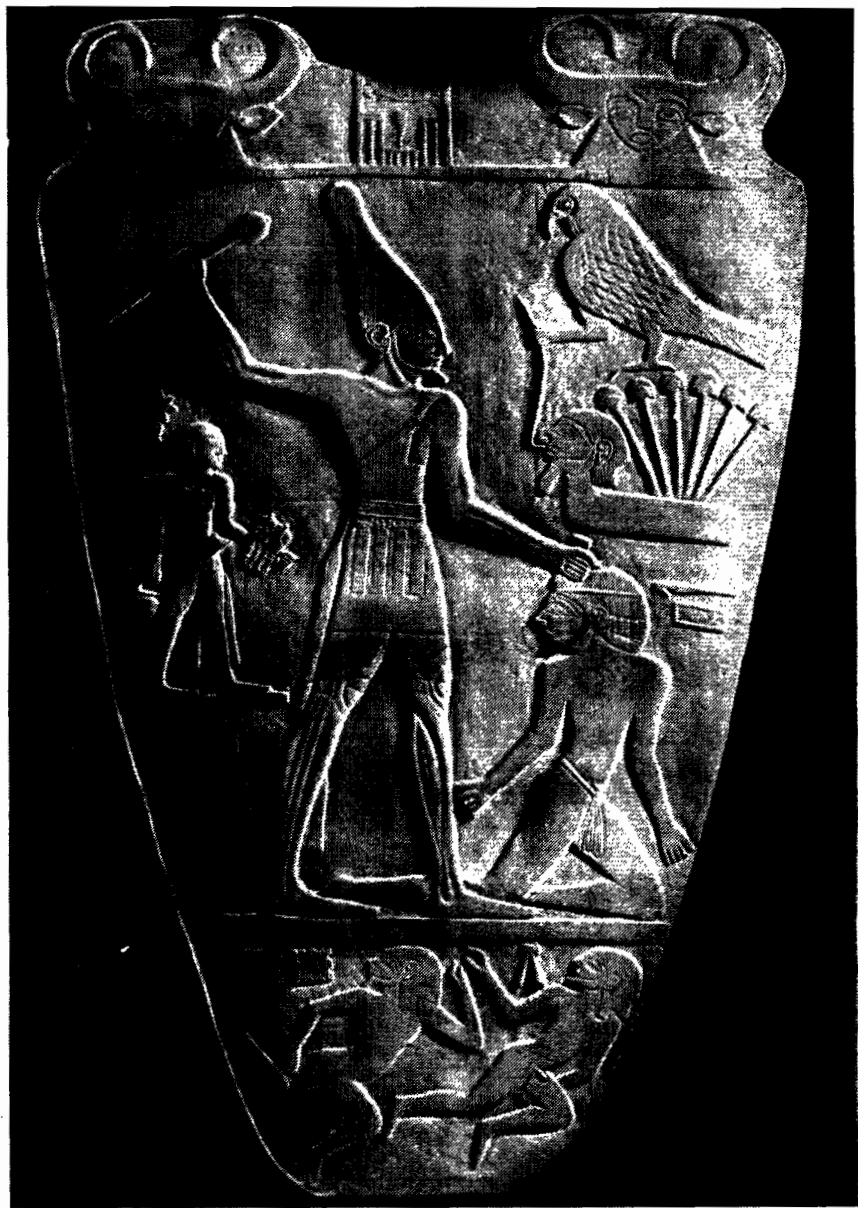

Рис. 62. Плита фараона Нармера. Лицевая сторона. Шифер. I династия. Конец IV тыс. до н. э. Египетский музей. Каир

обязательными. Так, уже в это время появляются непременные правила для художников — постепенно в искусстве начинает складываться канон.

Один из наиболее выразительных памятников, в котором ярко отражены эти новые черты, — плита фараона Нармера (рис. 62), созданная на заре формирования египетского государства. В этом произведении отчетливо проявилась цель, которая стояла перед искусством той эпохи, — создавать памятники, прославляющие фараона и окружающую его знать.

Плита покрыта изображениями, выполненными в низком рельефе. Надписей почти нет, лишь несколько раз повторяется имя царя — Нармер — и по одному разу слова «тчати» (впоследствии получило значение титула «везир»), однако сам рисунок читается как текст. На лицевой стороне в центре помещен Нармер в «белой короне» Юга (Верхнего Египта). Левой рукой он схватил за волосы правителя Севера (Нижнего Египта), упавшего на колени. Правая рука Нармера с булавой занесена над головой врага, под ногами фараона два бегущих воина — вероятно, побежденные жители Севера.

В правом верхнем углу помещена пиктограмма: сокол, сидящий на шести стеблях папируса, держит веревку с привязанной на конце ее отрубленной головой. Это символическое изображение наглядно показывает, что бог Гор в образе сокола дарует Нармеру победу над царем «болотной земли», т. е. Дельты.

В центральной части оборотной стороны плиты (рис. 63) изображены два фантастических животных. Их шеи перевиты так, что образуют в середине плиты круглое углубление. Символика этого изображения неясна. Внизу могучий бык — несомненно, это сам Нармер («могучий телец» — один из эпитетов фараона) — разрушает вражескую крепость. В верхней части плиты помещена сцена триумфального шествия после победы. Нармер в красной короне Севера в знак окончательного завоевания Дельты вместе со свитой идет к месту жертвоприношения, где лежат рядами обезглавленные трупы врагов.

Таким образом, на обеих сторонах плиты Нармера помещено несколько сцен, расположенных поясами. Каждая из сцен имеет самостоятельное значение, и вместе с тем все они объединены одной идеей, служат одной задаче — прославлению могущества и величия фараона, Владыки Общих Земель Египта — Севера и Юга. Поэтому фигура фараона возвышается над всеми людьми — над врагами и над придворными. Она занимает центральное место в композиции. Как и в названных ранее изображениях, лицо фараона показано в профиль, плечи — в фас, туловище — в трехчетвертном развороте, ноги — в профиль. Фигура Нармера кажется как бы распластанной на плоскости — каждая часть тела представлена в тех положениях, в которых она может быть нарисована легче всего и наиболее четко. Подобной трактовкой фигуры и создается величие образа. А это и было главной задачей художника. Причем следует отметить, что фигуры и фараона, и сановников, и сандаленосцев, и правителей номов трактовались одинаково.

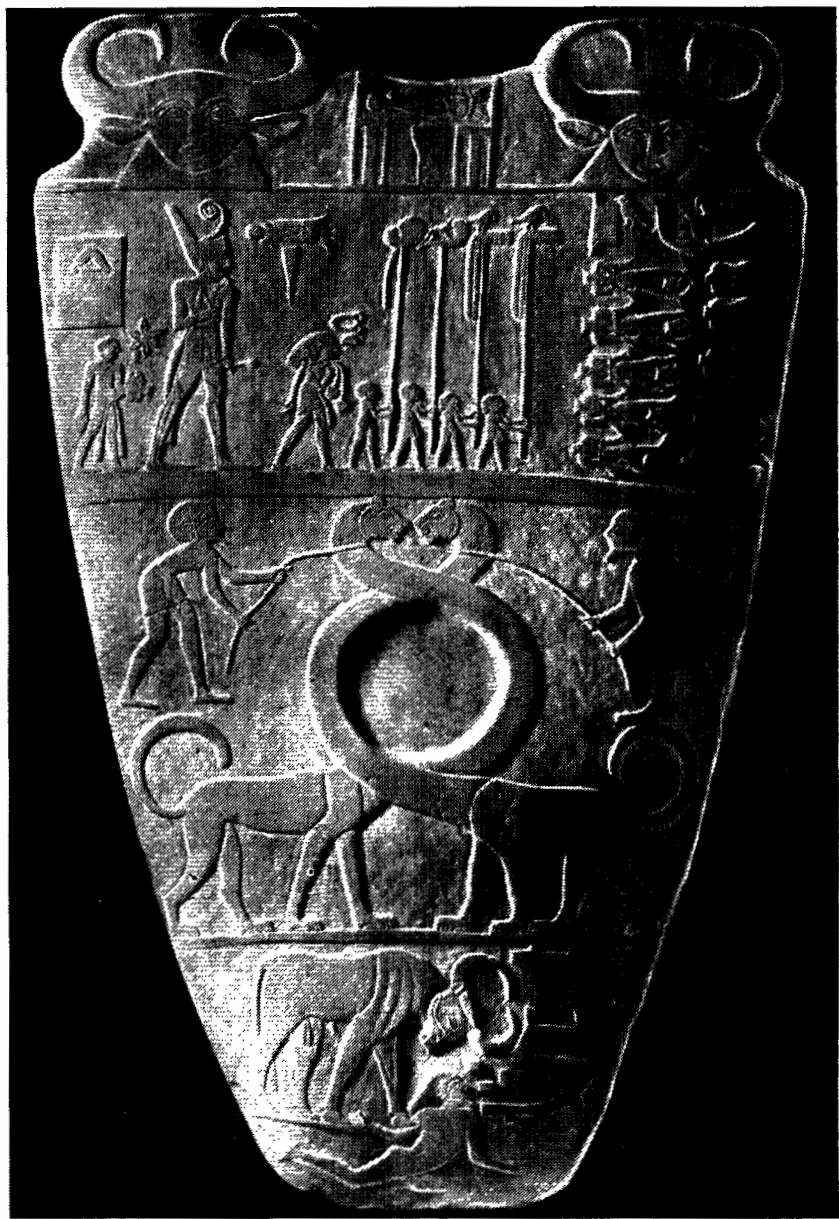

Рис. 63. Плита фараона Нармера. Оборотная сторона

во — разница была только в масштабах изображаемых соответственно их общественному положению. Более свободно переданы лишь фигурки рабов, держащих за шеи фантастических животных, и бегущих врагов.

Впоследствии эти приемы композиции и изображения людей стали обязательными — они приобрели значение канона.

Можно с уверенностью сказать, что в плите Нармера наиболее полно отражены основные стилистические черты сложившегося египетского искусства. Они сохранялись затем на протяжении трех тысячелетий истории древнего Египта.

В начале III тысячелетия до н. э. произошло объединение обоих царств Египта — Верхнего и Нижнего. Становление рабовладельческого централизованного государства сопровождалось созданием общегосударственной религии, в которой культу царя отводилось одно из центральных мест. В его титулатуру ввели особое имя, которое давалось ему при вступлении на престол. Это было так называемое «имя Гора», которое отождествляло фараона с названным богом. Обожествление царствующего фараона продолжалось и после его смерти. Начиная с V династии он именовался уже «великим богом», уподоблялся умирающему и воскресавшему богу Осирису, царю загробного мира. Почивший фараон становился средоточием почитания предков и посредником между людьми и богами.

Культ умершего царя принял в Египте огромные размеры. Это и было причиной строительства грандиозных царских усыпальниц — пирамид, которые достигли, особенно в период IV династии, колоссальных размеров.

Первая пирамида, называемая ступенчатой, была построена для фараона III династии Джосера (рис. 64). Это еще не была пирамида законченной классической формы, характерной для Древнего царства. По существу, она являлась комбинацией нескольких гробниц-мастаб, форма которых была принята до Джосера и для фараона, и для номовой и придворной знати.

Мастаба — прямоугольное сооружение со скошенными стенами и плоским верхом. Она напоминает по форме скамью (по-арабски «мастаба»), которую и сейчас еще можно встретить в домах египетских феллахов. Наземную часть мастабы складывали из кирпича-сырца, наружные стены иногда облицовывали каменными плитами. Впоследствии всю наземную часть усыпальницы целиком стали сооружать из каменных блоков. В западной стене мастабы делали нишу, в которую помещали статую покойного. Перед ней совершали погребальные обряды, ей приносили жертвы. Западная сторона избиралась не случайно. Египтяне верили, что загробный мир находится под землей, в той стороне, где солнце заходит за горизонт. Днем оно освещает землю, а ночью — царство мертвых — «страну Запада», как называли его египтяне.

Основные помещения гробницы находились под мастабой. Это был ряд камер, вырубленных в скалистом грунте. В одной из них стоял саркофаг с мумией, во всех других размещали вещи, необходимые, по верованиям египтян, для продолжения жизни за гробом, ставили статуи умершего. Чем

*Рис. 64. Пирамида фараона Джосера. III династия.
Начало III тыс. до н. э. Саккара*

богаче и знатнее был покойный, тем обширнее была гробница. Царские захоронения первых двух династий, конечно, превосходили другие мастабы по размерам и богатству, но по форме не отличались от них.

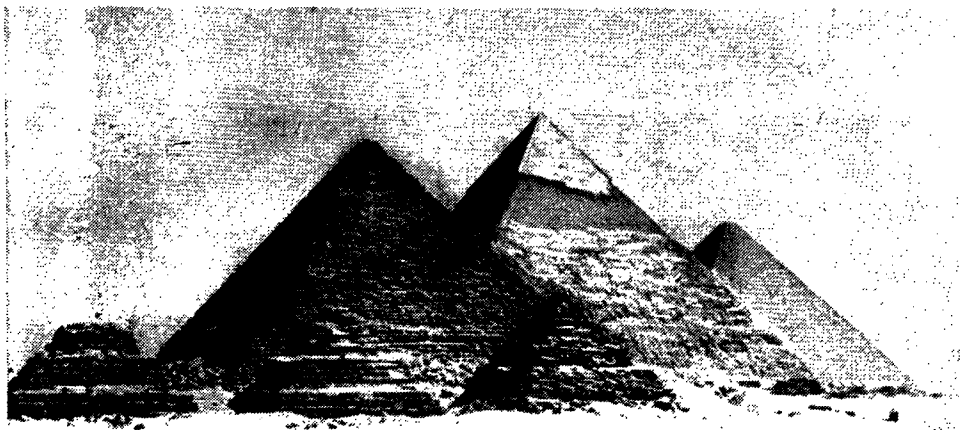
Фараон Джосер, при котором значительно упрочилась и окрепла царская власть, не мог уже удовлетвориться обычной гробницей. Он поручил соорудить усыпальницу главному зодчему, начальнику всех царских работ царя — Имхотепу. Перед архитектором стояла задача создать такую гробницу, которая не только служила бы «домом вечности» для царя, но и подчеркивала бы его величие, прославляла его могущество и тем самым утверждала деспотию и возвышала главу государства над его подданными. Имхотеп создал здание удивительное по простоте и величию образа — он поставил одну на другую шесть мастаб, уменьшающихся кверху. Так появилась в Египте ступенчатая пирамида, прозванная учеными «матерью пирамид», — первое в мире грандиозное сооружение из камня (площадь основания 160×120 м).

Но не только в этом значение пирамиды Джосера. Она служила центром целого ансамбля — расположенных вокруг молелен, окруженных высокой каменной стеной. Здесь впервые были применены камень для облицовки стен помещений, колонны с плоскими абаками вместо капителей и пилястры в виде стеблей с распустившимися цветами лотоса или папируса. Правда, зодчий еще не вполне овладел спецификой оформления каменных зданий — он переносит формы кирпичных и деревянных построек в камень. Но не следует забывать, что Имхотепом было положено начало того строительства, которым так прославился древний Египет.

{ Наивысшего подъема сооружение пирамид достигло при царях IV династии. Именно тогда были возведены знаменитые Гизехские пирамиды Хуфу, Хафра и Менкаура (рис. 65). Они высятся и поныне на западном берегу Нила, неподалеку от того места, где некогда была расположена древняя столица — Мемфис. Четкость и простота геометрической формы, гармоническое сочетание их силуэтов с окружающим пейзажем производят неизгладимое впечатление. Именно эти пирамиды древние греки относили к числу семи чудес света.

Самая грандиозная из них, так называемая Большая пирамида, принадлежит Хуфу, второму царю IV династии. Построена она Хемиуном, племянником фараона. Пирамида производила грандиозное и величественное впечатление своими огромными гладкими стенами, уходящими ввысь, белизной сверкающих на солнце плит облицовки из мелкозернистого известняка. Высота пирамиды — 146,6 м, длина каждой стороны по основанию — 233 м. Пирамида доминирует над обширным пространством, над всеми сооружениями и гробницами знати, расположенными вблизи.

{ Конструкция пирамиды, почти монолитного каменного сооружения, рассчитана с удивительной точностью, что свидетельствует о высоком уровне математических знаний в древнем Египте. Чтобы каменная масса блоков не давила на внутренние помещения, над входом, расположенным на северной стороне, на высоте четырнадцати метров от основания пирамиды,

*Рис. 65. Пирамиды фараонов Хуфу, Хафра, Менкаура в Гизе. IV династия.
Первая половина III тыс. до н. э.*

сделан свод, а над усыпальницей, где помещался саркофаг фараона, оставлены пустоты, так называемые разгрузочные камеры. Внутри пирамиды проложены галереи: одна узкая, длиной 95 м, ведет вниз, другая, широкая, — вверх, в погребальную камеру в центре пирамиды. Из нее наружу выходят два очень узких, по-видимому, вентиляционных канала. Блоки и плиты всех внутренних помещений отполированы до блеска.

Наружная облицовка пирамиды утрачена, верхушка сбита, но, несмотря на это, пирамида и сейчас производит неизгладимое впечатление. По сравнению с гробницами предшествующего периода пирамиды в Гизе были новым словом в развитии египетского зодчества. Ни одна из последующих пирамид ни по масштабам, ни по технике не достигала уровня этих трех усыпальниц.

В общий комплекс гизехских пирамид органически входит свободно стоящее скульптурное изображение сфинкса, прославляющее, как предполагают, фараона Хафра. Высеченная из целой скалы фигура лежащего льва с головой фараона так велика, что между передними лапами сфинкса в XVI в. до н. э. построили храм. Высота сфинкса — 20 м, длина — 57 м. На голове сфинкса царский головной убор — клавт, на лбу — урей. Лицо было

выкрашено в красно-кирпичный цвет, полосы клавта — в синий и красный. Сверхъестественная мощь фараона, олицетворенная в сфинксе, внушала страх и требовала поклонения.

Около каждой пирамиды сооружали поминальный храм, где выполняли погребальные обряды во время царских похорон, а впоследствии совершали жертвоприношения умершему фараону.¹ Лучшее из других сохранилось в храме при пирамиде Хафра. Он представляет собой прямоугольное здание с плоской крышей; вход в здание фланкируют два сфинкса.

В этом храме впервые в архитектуре появляются свободно стоящие четырехгранные столбы из блоков темного гранита, служащие опорой для перекрытия. Отполированные до блеска столбы по цвету хорошо сочетаются со сливочно-белыми алебастровыми плитами пола и розовым гранитом стен. На этом фоне четко выделяются зеленоватые диоритовые статуи фараона.

Строили в древнем Египте и храмы другого типа, не связанные с заупокойным культом. Это были храмы, посвященные богу солнца Ра. Ни один из них не сохранился до нашего времени. Судя по развалинам, такое святилище времени V династии, построенное фараоном Ниусерра в Саккара, представляло собой огороженную стеной площадку. В центре ее на высоком постаменте высился символ Ра — огромный массивный обелиск. Его верхушку венчала небольшая пирамида, облицованная листами электрона.

Строители храмов и гробниц Древнего царства, создавая сооружения из камня, полностью овладели его декоративными и конструктивными возможностями.²

Как и архитектура, древняя египетская скульптура связана с заупокойным культом. Скульптура понималась как местопребывание двойника — «ка» — умершего. Ее обычно помещали в храме, у столбов, в нише или у стены в гробнице, органически вписывая в интерьер. Так, статуи Хафра стояли у столбов в его поминальном храме.

Хафра изображен сидящим на троне. В его позе ощущается спокойствие и почти божественное величие. Особенно это подчеркнуто бесстрастным выражением лица. Переданное без единой морщинки или складки, оно все же имеет, очевидно, портретное сходство. Однако образ безусловно идеализирован. Ни возраста, ни характера царя нельзя определить. Статуя Хафра на кубообразном троне является классическим примером сидящей фигуры. Ее основные стилистические черты — фронтальность и симметричное расположение правой и левой частей туловища и лица. Этим приемом достигается удивительное спокойствие и приподнятость образа. Характерно, что у подобных скульптур, помещаемых у ступеней, задняя сторона всегда совершенно гладкая.

Наряду с сидящими скульптурными изображениями фараонов и сановников (на троне или кубообразном «стуле») или писцов (сидят со скрещенными ногами в обычной позе писца) в Древнем царстве встречаются и стоящие (с выдвинутой вперед левой ногой). Несмотря на различие поз, эти скульптуры имеют общие черты. Они всегда фронтальны, головы по-

ставлены прямо, почти одинаково расположены руки и ноги. Одежда мужчин состоит из короткой набедренной ^{повязки}, женщин — из длинного, облегającego тело прямого платья типа рубашки на широких лямках. Материалом для статуй служили дерево, камень различных пород, гранит, базальт, диорит, алебастр, песчаник, известняк. Обычно статуи покрывали штукком и раскрашивали, на известняк краска накладывалась без штукатурки. Именно на этих скульптурах и сохранилась раскраска, благодаря чему нам известны принятые каноном цвета. Тела мужских фигур окрашивались в кирпично-красный цвет, женских — в желтый. Волосы всегда были черными, одежда — белая. Это однообразие вызвано религиозным назначением статуи и строгими требованиями канона.

Следует отметить, что египетские скульпторы блестяще справлялись с обработкой дерева и камня (от самых мягких пород до самых твердых и хрупких). Придавая скульптурам величавое спокойствие и торжественность, они умели подчеркнуть высокое социальное положение изображаемых.

{ Египетские художники довели искусство скульптурного портрета до высокого мастерства. Уже в погребениях начала Древнего царства (вплоть до IV династии) обнаружены портретные бюсты (см. стр. 27) и так называемые «резервные» головы, призванные, подобно статуям, служить вместилищем души умершего. Искусство передачи портретного сходства несомненно восходит к этим древним образцам ранней скульптуры. Сохранилось немало прекрасных произведений искусства, в которых художник, оставаясь в рамках канона, поднимался до самого высокого уровня мастерства. Статуи Хемииуна, зодчего пирамиды Хуфу, царского сына Каапера, писца Каи, вельможи Анхафа, супружеской четы Рахотепа и Нефрет представляют собой подлинные шедевры художественного творчества. Каждая из них правдиво передает индивидуальные черты и дает образную характеристику человека, занимающего высокое положение в обществе.

Хемииун, племянник Хуфу, изображен сидящим в традиционной позе. Его лицо несомненно портретно. Плотны сжаты губы энергичного, жесткого рта, резкими линиями очерчен нос с горбинкой, выступает вперед волевой подбородок. Полное тело с жировыми складками на груди и животе дополняет образ стареющего вельможи.

Не менее замечательна статуя Каапера. Округлые линии лица Каапера незаметно переходят от щек к подбородку, рот небольшой, пухлый, глубоко сидят миндалевидные глаза, взгляд устремлен вперед.

В иной манере, хотя без отступлений от обычных канонов, сделана скульптура писца Каи. Он сидит скрестив ноги на плоской подставке. На коленях у него лежит развернутый лист папируса, в правой руке кисточка для письма. Голова слегка приподнята, тонкие губы плотно сжаты, глаза напряженно и внимательно смотрят вперед. Большие уши слегка оттопырены — он привык слушать и повиноваться. Очень интересно сделаны глаза, они состоят из нескольких материалов: оболочка из бронзы, в нее вставлены кусочки алебаstra, имитирующего белок, и хрустальный зрачок

Рис. 66. Статуя царевны Нефрет. Раскрашенный известняк. IV династия. XXVI в. до н. э. Египетский музей. Каир

с подложенным под него полированным деревом. Благодаря этому глаза Каи кажутся совершенно живыми.

Статуи зодчего Рахотепа и его жены Нефрет, по сути дела, не настоящая скульптурная группа: они никак не связаны друг с другом. Каждый сидит в традиционной канонической позе, у обоих тщательно проработаны лица с инкрустированными глазами. Великолепно исполнены тела фигур. У Рахотепа широкие плечи и мускулистая грудь. Художник сумел придать фигуре торжественный вид благодаря очень прямой посадке и приподнятой голове.

В той же позе сидит рядом с ним его жена (рис. 66). Сквозь длинное тонкое платье отчетливо проступает ее фигура, переданная мягкими округлыми линиями.

Характерны черные парики фигур: короткий круглый у Рахотепа, пышная прическа, перехваченная белой лентой с разноцветными розетками, — у Нефрет.

Статуи сделаны из известняка, поэтому очень хорошо сохранилась их раскраска, не отступающая от традиционной, предписанной канонам.

Стенки кресел покрывают надписи, выполненные черными иероглифами. Ярко выделяясь на белом камне, они воспринимаются как рамки с орнаментом, окаймляющие скульптуру.

Выработанные типы статуй царей и вельмож в период Древнего царства сохранялись на

протяжении всей истории Египта. Это не означает, однако, что искусство не развивалось. Не отходя от канонических традиций, художники искали новые формы, гармоническое соотношение пропорций и творили подлинные шедевры.

В Древнем царстве существовала и такая скульптура, при создании которой художник чувствовал себя более свободным от обязательных правил при изображении знати. Это статуэтки слуг. Люди показаны за работой: одни месят тесто, другие варят пиво и т. п. Простые позы и напряженные движения хорошо определяют род занятий изображаемых, выражения лиц лишены величавой торжественности, присущей образам вельмож. Но основное место в скульптуре все-таки принадлежало изображениям, прославляющим умерших фараонов и их приближенных, т. е. связанным с заупокойным культом.

С тем же культом связаны и рельефы и росписи, в большом количестве обнаруженные в гробницах и храмах. Стены гробниц и храмов облицовывались плитами с рельефами или — реже — покрывались росписями. Отсюда тесная их связь с архитектурой. Изображения на стенах гробниц и храмов служили целям магического характера: на них показаны бальзамирование и оплакивание умерших, обряды, совершаемые над покойником при погребении, прощание с умершим.

Большое место в росписях и

Рис. 67. Рельеф начальника «дома серебра» (казначея) Иси. Известняк. V династия. Середина III тыс. до н. э. Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Москва.

рельефах занимало изображение загробной жизни, которая представлялась египтянам непосредственным продолжением земной. Здесь вереницы слуг, несущих дары покойному, жертвенные столы, уставленные яствами, армия людей, работающих на полях и в садах, скотоводы и пастухи, охотники и рыболовы. Тут же изображены и ремесленники, обслуживающие хозяина.

Композиционный прием, который применялся в изображениях на плите Нармера, — разбивка на пояса — широко используется в росписях гробниц. Все сцены разбиты на четыре-шесть поясов, каждый из которых заполнен изображениями сцен, вполне законченных по содержанию. Но взятые в целом, они составляют единую композицию.

В храмах при царских гробницах рельефы были своеобразной летописью событий и подвигов царя, главным образом военных походов. Например, в храме Сахура, фараона V династии, не только изображены сражения, но показаны и военные трофеи фараона, захваченная добыча и множество военнопленных, увезенных в Египет. О том же рассказывают и надписи, сопровождающие изображения.

Рельефы Древнего царства — обычно раскрашенные плоские рельефы (барельефы). Изображения предметов на плоскости трактовались точно так же, как и в росписях. В течение всего периода Древнего царства фигуры богов и царей, а вслед за ними вельмож и рабовладельцев выполнялись в условном развороте: голова и ноги в профиль, плечи и глаза в фас, туловище в три четверти (рис. 67). При этом очень часто сохранялась передача портретных черт лица умершего, так как этого требовало религиозно-магическое назначение памятника. Примером подобной трактовки образа может служить рельеф из гробницы Хесира, начальника писцов и зодчего. Хесира изображен со всеми своими аксессуарами — держит в руках посох знатного человека, жезл начальника и палетку писца. Лицо с резко очерченным орлиным носом, волевым подбородком и плотно сжатым ртом передает образ сильного и властного человека. Тщательно проработана мускулатура, подчеркнуты ключицы. Мелкие завитки пышного парика и тонкие узкие складки набедренной повязки придают нарядность изображению.

В сравнительно немногочисленных росписях и рельефах гробниц доминирует фигура покойного. То он охотится в пустыне на диких зверей, то наблюдает за рыбой ловлей, стоя в лодке, то сидит рядом с женой перед жертвенным столом. И всегда его фигура отличается от всех окружающих большими размерами — прием, которым египетские художники подчеркивали значение главного лица.

Наряду с чисто религиозной тематикой росписей и рельефов в гробницах большое место уделено также и бытовым сценам. Весь мир, окружающий человека в жизни, переносится в художественных образах на стены погребальных помещений.

Острую наблюдательность проявляли художники в изображении животных, передавая очень живо их повадки и особенности. Примером этого

могут служить знаменитые «медумские гуси» из гробницы Нефермаата и Итет, выполненные инкрустацией. Живописная окраска, мастерски сделанный рисунок, точность и живость в передаче движений — все это показывает наблюдательность и высокое художественное умение мастеров, работавших в этой усыпальнице.

В погребениях Древнего царства найдены в большом количестве изделия художественного ремесла: сосуды, мебель, ювелирные украшения. Их клали в гробницу, с тем чтобы умерший мог ими пользоваться в загробном мире.

Мебель — кресла, носилки, ложа — изготавливали из ценных пород дерева, украшали инкрустацией из золота, кости, раковин и разноцветных камней. Иногда дерево покрывали листовым золотом. Ручкам и спинке кресел придавали фигурную форму. Их делали либо в форме лежащих львов, либо вырезали сложную композицию из цветов папируса или лотоса. Ножки часто изготавливали из кости в форме ног львов или быков. Прекрасные образцы мебели были найдены в гробнице Хетепхерес, матери фараона Хуфу.

Большого мастерства достигли древнеегипетские ювелиры. Золотые изделия тончайшей работы обнаружены в так называемой «потерянной пирамиде» Сехемхета, сына фараона Джосера. Бусы, ожерелья (широкие, как воротники) изготавливались из золота и полудрагоценных камней — яшмы, сердолика, малахита, лазурита. С большим мастерством египтяне заменяли камни изделиями из цветного фаянса и стеклянной пасты.

К памятникам художественного ремесла следует причислить и сосуды из различных пород камня — алебаstra, порфира, гранита, стеатита, яшмы. Сохранилось множество ваз, чаш и блюд самой разнообразной величины — от самых маленьких сосудов до больших ваз, почти в метр высотой, — и формы (то это высокие цилиндрические сосуды, то остроносовые, расширяющиеся кверху, то яйцевидные или совсем шаровидные). Но всем им присуще одно качество — строгие и простые линии каждого сосуда подчеркивают не только форму, но и безукоризненную обработку поверхности камня. Поражает умение мастера использовать природные качества алебаstra с его полупрозрачными волнистыми линиями золотисто-желтого цвета, массивную тяжеловесность порфира и гранита, пеструю расцветку беркши.

Формы «большого» изобразительного искусства оказывали влияние на развитие художественного ремесла. Но и оно, в свою очередь, имело значение для развития всего искусства в целом.

В эпоху Древнего царства сложились основные линии развития изобразительного искусства. В архитектуре было достигнуто полное овладение конструктивными и декоративными возможностями камня, созданы грандиозные каменные сооружения, высшим выражением которых явились царские усыпальницы — пирамиды, храмы при царских гробницах, солнечные храмы с обелисками, мастабы с подземными помещениями и целые ансамбли зданий.

В архитектуре Древнего царства впервые были применены колонны и

пилястры, которые впоследствии получили такое широкое развитие в зодчестве Нового царства. В это же время впервые научились органически сочетать архитектуру со скульптурой и рельефами, определились типы статуй и композиция рельефов. В Древнем царстве был установлен канон, который имел огромное значение в искусстве Египта для определения гармонических пропорций человеческой фигуры в скульптуре, рельефе и росписи.

В конце Древнего царства обострение классовых противоречий, частые войны, непомерные расходы на строительство пирамид и на содержание царского двора привели к ослаблению деспотии.

Около 2250 г. до н. э. Египет распался на ряд маленьких независимых царств — номов.

С новым объединением страны в XXI в. до н. э., положившим начало эпохе Среднего царства, совпадает общий подъем культуры. Известно большое количество прекрасных памятников искусства этой эпохи. Они создавались не только в царских мастерских, но и при дворах номархов. Вокруг номархов группировалась местная знать. В поме сосредоточилась политическая, административная и культурная жизнь области, здесь выросли свои школы зодчих, скульпторов и художников. Номархи больше не стремились возводить гробницы около царских усыпальниц. У себя в поме, силами своих мастеров они строили гробницы, создавали статуи, расписывали погребальные камеры.

Двор фараона и столичные мастерские по-прежнему продолжали играть ведущую роль в развитии культуры, но двор номарха в начале этого периода истории страны приобретал для своего нома такое же значение, как царский двор для всего Египта.

В начале Среднего царства столицей Египта были Фивы — отсюда происходили фараоны, объединившие Египет. Неподалеку от Фив, на западном берегу Нила, около современного Дейр-эль-Бахари, на фоне плоских скалистых гор возвышалось одно из самых замечательных зданий этого периода — многоэтажный храм-гробница, расположенный на террасе, украшенной спереди портиком. Пологий подъем — пандус — в центре портика вел на вторую террасу. С трех сторон ее окружали портики, а внутри помещался колонный зал. Из центра зала поднималась небольшая каменная пирамида, венчавшая все здание. Западная сторона храма была частично вырублена в скале. Под залом с колоннами находилась погребальная камера. Зодчий сумел слить воедино привычный для предков Ментухотепа, фиванских номархов, тип скальной гробницы с традиционной для всех усыпальниц фараонов пирамидой.

Стены храма богато украшены рельефами, по характеру очень близкими к рельефам Древнего царства. Нам известно имя главного скульптора, руководителя всех работ, — Иритисен. По обычаю того времени Иритисен рассказал о себе в надписи на гробничной стеле.

Гробницы других фараонов сохранились лишь частично и к тому же в очень разрушенном состоянии (в районе Фаюмского оазиса — в Лиште и

Дашуре). Это были небольшие пирамиды, сложенные из необожженного кирпича. Они не выдержали испытания временем. В отличие от них в пирамидах Среднего Египта остались многочисленные гробницы номархов. Номархи не строили мастабы, а высекали свои гробницы в скалах — им казалось, что такие усыпальницы легче было уберечь от разграбления. Имена тех, кто строил усыпальницы, нам неизвестны, по росписи и рельефы исполнены безвестными мастерами на столь же высоком уровне, как и в царских усыпальницах. Классическим образцом усыпальниц номархов являются гробницы номархов Антилопьего нома на правом берегу Нила, около современного Бени-Хасана.

На границе Аравийской пустыни, в гряде суровых скалистых гор, до сих пор сохранилось несколько десятков погребений номархов. Вход в гробницу обычно представляет собой портик с двумя колоннами, поддерживающими простой гладкий архитрав. Шестнадцатигранные колонны с круглыми базами и квадратными абаками гармонично сочетаются с архитравом.

Такие же колонны, но более высокие, поддерживают архитравы в большом центральном зале, куда попадали через наружный вход. Колонны делили зал на три части; в конце его в стене была устроена ниша, в которую ставили статую покойного. Потолок и стены всех помещений гробницы покрыты рельефами и росписями — к последним прибегают теперь значительно чаще, чем в эпоху Древнего царства. Потолок, как правило, украшен растительным или геометрическим орнаментом. На стенах бесчисленное множество композиций с изображением культовых обрядов и бытовых сцен из жизни номарха. Тут же, на стенах, начертана его биография или даже, точнее, автобиография (она излагается от первого лица).

Росписи в гробницах должны уже не только обеспечить покойному загробное существование (не надо забывать, что они всегда сохраняли для египтянина свое магическое значение), но и как бы иллюстрировать тексты надписей.

Поэтому в росписях на стенах гробниц номархов изображены картины реальной жизни Египта начала II тысячелетия до н. э. Здесь и земледельцы за работой, и пастухи, и ремесленники в своих мастерских. Здесь показаны и сбор податей, и наказание неплательщиков, и прием послов, и военные упражнения, и военные сцены. Последние, как и пейзажи, появляются, по существу, в эту эпоху. Много места в росписях отведено изображениям сцен охоты, рыбной ловли, игр и спортивных состязаний, танцев, т. е. развлечений номарха и его чиновников. Не случайно Франсуа Шампольон назвал эти росписи «энциклопедией египетской жизни».

Композиция росписей строилась по поясам. Многие сюжеты, известные еще со времен Древнего царства, изображения человеческих фугур, главным образом знати, остаются прежними, как того требует канон. Но в манере исполнения, в трактовку сцен художник вносит много нового. В качестве примера можно привести сцену охоты из гробницы Сенеби. Казалось бы, здесь, как и в подобных сценах в росписях Древнего царства, охотник располагается слева, дичь — справа. Но если в росписях Древнего

царства звери изображались рядами, то здесь они размещены среди холмов. Охотник, Сенеби, уже тоже не стоит в застывшей позе — он опирается на левую полусогнутую ногу, а далеко отставленная назад правая нога едва касается земли. Натянув тетиву огромного лука, Сенеби целится в животных. Кажется, будто после быстрого бега Сенеби остановился, чтобы выпустить стрелу, а затем вновь будет преследовать зверя.

Полны движения и сцены из росписи бенихасанской гробницы номарха Аменемхета. Движения переданы так точно, что можно различить приемы борьбы. То же впечатление оставляют и сцены пляски. В них почти улавливается ритм музыки.

Но, пожалуй, лучше и ярче всего египтяне изображали живую природу — пейзажи родной страны, наполненные живущими в них, летающими и водоплавающими птицами, мелкими хищниками, скрывающимися среди стеблей папируса, речные глубины со всевозможными рыбами.

В гробнице Хнумхотепа II в Бени-Хасане есть изображение дерева с сидящими на его ветвях птицами. Тщательно выписанные листочки ясно указывают породу дерева — белая акация. А каждая птица изображена с такой документальной точностью, что можно сразу определить ее вид.

Метод живописи, применяемый в росписях Среднего царства, отличается от наблюдавшегося нами в Древнем царстве. Там краски накладывались однотонным слоем. Художники Среднего царства знают и другой способ: по основному тону несколько раз проходят кистью, нанося штрихи разного цвета. Этим приемом удавалось передать и особенность оперения птиц, и характерную окраску животных, и пушистую кошачью шерсть. От этого значительно выигрывала правдоподобность изображения.

Перед тем как приступить к росписи, художник подготавливал плоскость стены, сглаживая все неровности. Затем он наносил тонкий слой штукатурки из мелкоизмолотого известняка. Только после этого он размечал деление на пояса, расположение сцен, общую композицию. Чтобы изображения точно соответствовали установленным образцам и строго соблюдалась размеры, рисовали по клеткам. На готовую стену наносили сетку: в красную краску опускали веревку и ею «отмечали» на стене вертикальные и горизонтальные линии. Когда роспись была готова, эти линии замазывали соответствующим цветом: на зарослях — зеленым, на одежде — белым, на теле — желтым или кирпично-коричневым и т. п. Палитра была несложной, применяли всего несколько основных цветов: белый, черный, синий, красный, желтый, серый, розовый, зеленый. Локальные цвета употреблялись для традиционной раскраски фигур людей, растений, воды. С большим искусством мастера раскрашивали белые одежды, создавая полную иллюзию прозрачной ткани, сквозь которую просвечивает тело.

Бенихасанские росписи не были исключением. Почти во всех средне-египетских номах рисунки в гробницах номархов были выполнены в той же манере.

В скульптуре этого периода, так же как и в росписях, сохраняются

канон пропорций и традиционные позы статуй. Однако и здесь наблюдаются новые черты. Возрастает роль средних слоев населения, и в связи с этим появляются в большом количестве статуи частных лиц. Их уже помещают не только в гробницы, но и жертвуют богам и ставят в храмы. Возникает необходимость придать скульптуре жизненно правдивый образ. Интересно в этом плане скульптурное изображение Хертихотепа, выполненное из желтого песчаника. Хертихотеп сидит, завернувшись в плащ, в живой и непринужденной позе, его лицо несомненно портретно.

Такова же статуя жреца Аменемхотанха, многочисленные статуэтки жрецов, писцов и чиновников, в которых передано портретное сходство, подчеркнут возраст и вместе с тем сохраняются основные принципы канона.

Статуи фараонов начала Среднего царства почти точно копируют образы Древнего. Но с укреплением власти и утверждением господства и могущества фараона предъявляются новые требования. Наряду со статуями для гробниц возникает иной тип скульптуры — царские статуи, предназначенные для храмов или городов, далеких от столицы. Они должны были утверждать могущество фараона, прославлять его и внушать трепет и почтение к живому владыке всей земли.

Лучшими скульптурами этого периода можно считать статуи фараонов Сенусерта III и Аменемхета III, которые как бы венчают развитие египетской скульптуры Среднего царства, стремление художников отойти от идеализации портрета фараона. Лица Сенусерта и Аменемхета (см. стр. 31) воплощаются в камне живо и правдиво, со всеми их индивидуальными особенностями. Они далеки от портретов Древнего царства, например от статуи Хафра с его идеализированным гладким лицом, лишенным возраста, бесстрастным и спокойным.

Голова Сенусерта — бесспорно один из шедевров египетской скульптуры. Глубоко сидящие, чуть скошенные глаза, крупный нос, толстоватые губы с опущенными уголками, выдающиеся скулы рисуют нам живого человека с печальным, немного трагическим выражением лица. Резкие складки и морщины, которые не побоялся изобразить художник, выдают пожилой возраст царя, а неровная поверхность камня еще усиливает игру света и тени.

В этой же манере исполнен бюст Аменемхета III, сына и преемника Сенусерта III. Правда, в его лице нет той остроты характеристики, которая присутствует в портрете Сенусерта III. Но лицо Аменемхета, уже немолодого человека, жизненно и правдиво. Мастер передал его индивидуальные черты: глубоко посаженные глаза, мешки под ними, широкие скулы, плотно сжатые губы и резкие линии у рта. Игра светотени и здесь усиливает выразительность образа. Портретная точность вообще отличает изображения этого фараона, представленные в искусстве Среднего царства довольно широко. Точная передача черт фараона в его портретах позволила установить принадлежность ему танисского сфинкса, хотя его имя стерто и в картуш вписано имя Рамсеса II. Могучее туловище льва с четко прора-

ботанной мускулатурой, гордо поднятая голова царя создают яркий образ могущественного властелина, облеченного безграничной властью.

Характерно, что ко времени Аменемхета III скульптурные изображения номовой придворной знати в основном делались по типу, выработанному для царских статуй. Они, как правило, повторяли портретные черты правящего фараона.

От статуй царя и вельмож резко отличаются статуэтки слуг, находящиеся в большом количестве в погребениях. Обычно это небольшие деревянные фигурки людей, выполняющих разнообразные хозяйственные работы. Их выразительные и живые жесты, необычные позы свидетельствуют как будто о полном отступлении художников от канона, о свободе творчества. Однако это не так. Даже для таких изображений существовали свои правила. Позы статуэток людей каждой профессии были строго определены и в скульптуре и в рисунке. Ткачиха всегда сидела на корточках, а пряжа стояла, опираясь на левую ногу, и левой рукой сучила нить. Носильщики, закинув руки за плечи, держали на спинах свою ношу, а служанки несли на головах корзины с дарами, поддерживая их одной рукой; пивовары и пекари стояли, согнувшись над сосудом.

Таким образом, изобразительное искусство Среднего царства, следуя традициям, сложившимся в Древнем царстве, обогатилось и новыми достижениями. В архитектуру были введены портики и колонны с различными капителями, иногда с каннелированным стволом. Большие помещения погребальных камер делились колоннадами на три нефа, при этом потолок среднего из них был выше других. В скульптуре появились статуи, свободно стоящие вне храма или гробницы; новые тенденции проявились и в создании жизненно правдивого скульптурного портрета. Стремление передать реальную обстановку наблюдается и в росписях. В них богато представлены картины египетской природы и бытовые сцены, по-новому решается композиция, обогащается раскраска предметов и животных.

Блестящий расцвет культуры Египта был прерван в конце XVIII в. до н. э. вторжением кочевых племен — гиксосов. Более чем на столетие подчинили они страну. Лишь к середине XVI в. до н. э. гиксосы были изгнаны из Египта. Борьбу с гиксосами возглавил правитель Фиванского нома. Он же стал основателем XVIII династии под именем фараона Яхмоса I. Яхмос не только вновь объединил Египет, но и, преследуя врагов, вторгся в Южную Палестину. Вслед за Яхмосом I победоносные войны ведут и другие египетские фараоны Нового царства. Захват богатой добычи после каждого похода, многочисленные военнопленные, обращаемые в рабов, приводят к небывалому усилению рабовладельческой знати. Египет на несколько столетий превращается в сильнейшую военно-рабовладельческую державу средиземноморского мира и тяготеющих к нему районов.

Столица Египта — Фивы — становится одним из самых блистательных городов древнего мира. Фивами восхищались все; кому посчастливилось побывать там. Их воспел в «Илиаде» (IX, 381—384) Гомер.

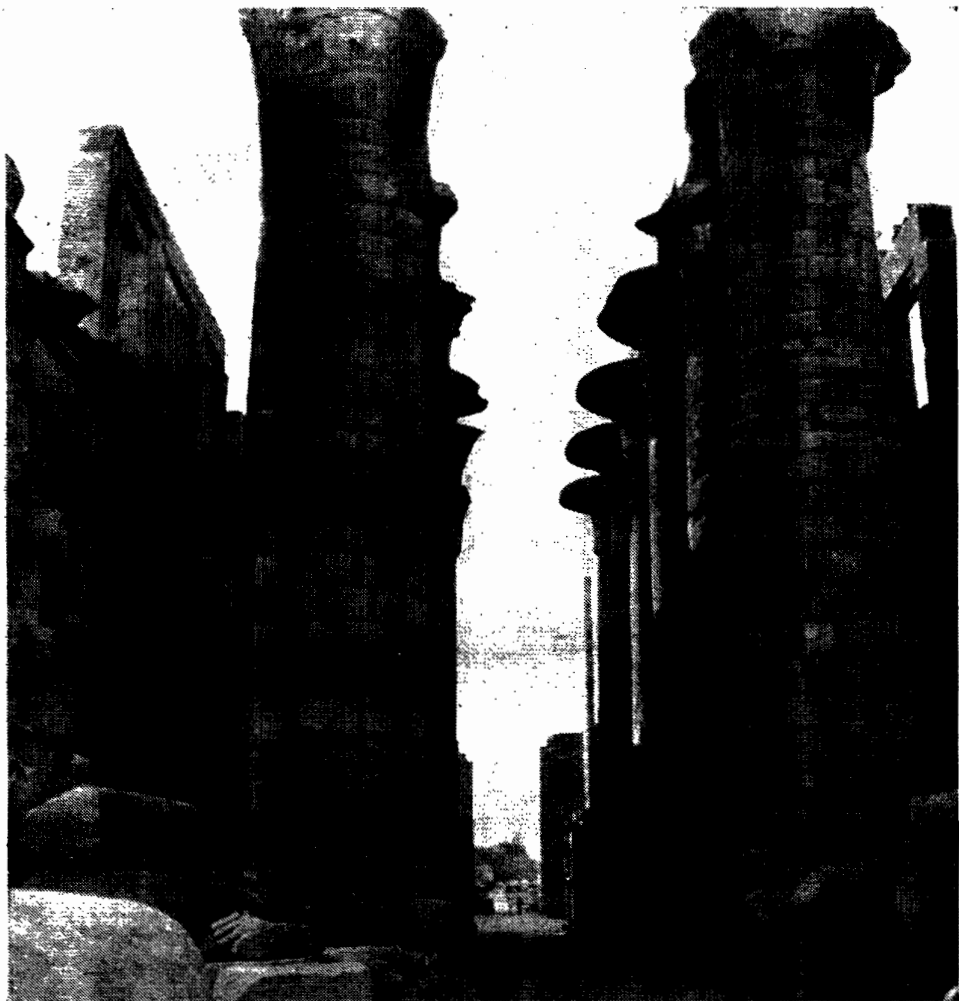

Рис. 68. Колоннада Карнакского храма. Новое царство. II тыс. до н. э.

Украшением Фив были грандиозные дворцы фараонов, великолепные виллы знати, окруженные садами, и величественные храмы.

Классический храм Нового царства представлял собой вытянутое прямоугольное здание, обнесенное массивной стеной. Вход оформлен двумя пилонами (впоследствии в храмах Нового царства число пилонов значительно увеличилось). Между ними узкий проход, через который попадали в открытый двор, обрамленный колоннадой и замыкавшийся портиком напротив входа. Из портика входили в колонный зал, освещенный окнами под самым потолком; дальше было расположено святилище со статуей бога, которому храм посвящался. Святилища других богов и подсобные помещения — кладовые, библиотека — располагались по бокам здания.

Перед входом у пилонов стояли гигантские статуи богов и царей, на высоких мачтах перед ними развевались флаги. Величественно оформленный вход и дорога, подводящая к храму, по обеим сторонам которой стояли застывшие фигуры сфинксов или священных баранов бога Амона, создавали у молящихся торжественное настроение.

Многочисленные статуи фараона, помещенные между колоннами, и грандиозные рельефы с изображением царей и богов на стенах преследовали все ту же цель — прославление властелина Египта.

Одним из самых знаменитых храмов Нового царства, любимым детищем фараонов Нового царства, был Карнак, посвященный главному египетскому богу — богу солнца Амону-Ра (рис. 68). Стены храма украшали огромные рельефы религиозного содержания. Кроме того, каждый фараон после удачных, победоносных войн запечатлевал в рельефах свои боевые подвиги и победы, сопровождая их текстом, высеченным тут же на стенах. Храм, таким образом, стал своеобразной каменной летописью египетских властителей. Не удивительно поэтому, что почти каждый царь пристраивал к нему новые помещения, иногда переделывал старые. Лучшие зодчие, скульпторы и художники трудились в Карнаке, великой сокровищнице египетского искусства. При раскопках храма только из одного тайника археологи извлекли 779 больших каменных статуй и свыше 17 000 небольших бронзовых статуэток.

Строительство в Карнаке начали еще фараоны Среднего царства, но впоследствии здесь выросли такие грандиозные сооружения, что маленький храм Среднего царства стал казаться часовней.

Первым из фараонов Нового царства продолжил строительство храма Тутмос I (конец XVI в. до н. э.). Работы велись под руководством талантливой зодчего Инени. Его план отличался простотой и ясностью, и именно эти качества придавали зданию гармоническую прелесть.

Два пилона, обращенные к Нилу, с высокими обелисками составляли фасад здания. Через вход попадали в неглубокий, но широкий колонный зал, за которым находились еще два пилона, а далее — колонный зал с портиками. Среди колонн стояли колоссальные статуи фараона Тутмоса I.

Сохранившийся храмик времени Среднего царства органически вписы-

Рис. 69. Обелиски Карнакского храма. XVIII династия. XV в. до н. э.

вался в открытый дворик, не нарушая ни четкости, ни единства плана. Однако позднейшие добавления и переустройства, расширявшие и дополнявшие здание, нарушили его строгий стиль. Многочисленные залы и молельни, колонны, обелиски (рис. 69) и статуи, интересные сами по себе, не сочетались с общим планом здания. Исключение составляет лишь та часть перед пилонами Инени, которую строил зодчий Аменхотеп, сын Хапу, в XV в. до н. э., во время правления Аменхотепа III. Впоследствии, в Поздний период, этот зодчий был обожествлен, так же как Имхотеп, строитель ступенчатой пирамиды Джосера. Это второй случай в истории Египта обожествления человека, не являющегося царем.

Аменхотеп, сын Хапу, поставил перед фасадом колоссальные пилоны, создал удивительно изящный по очертаниям вестибюль и грандиозную колоннаду. Огромные масштабы, невиданные до сих пор, превратили Карнак в монументальное святилище, обнесенное вокруг массивной стеной. Впечатление необычайного богатства и великолепия усиливала аллея сфинксов, протянувшаяся к храму.

Среди святилищ, созданных в этот период, не менее великолепен и храм в Луксоре, построенный во второй половине XV в. до н. э., при фараоне Аменхотепе III. Строительство его продолжалось и позднее — при Рамсесе II. Уже сам план храма поражал грандиозностью. Все помещения расположены с соблюдением почти полной симметрии. Перед входом в храм находился открытый двор (рис. 70). Портик с рядом двойных ко-

Рис. 70. Храм в Луксоре. XVIII династия. Конец XV в. до н. э.

лопи окружал его со всех сторон. Зодчий — тоже Аменхотеп, младший современник Аменхотепа, сына Хапу, — задумал разбить перед двором еще один большой двор с огромной колоннадой. Проект не успели осуществить, а выстроили только центральную колоннаду из четырнадцати колонн высотой 20 м с капителями в виде раскрытых цветов папируса.

Столь же грандиозен был и поминальный храм Аменхотепа III, сооруженный некогда на западном берегу Нила, но он совершенно разрушен. О его огромных размерах можно судить только по двум гигантским статуям фараона (их высота достигает 21 м), сохранившимся до сих пор. Они стояли перед пилонами. Эти статуи названы греками впоследствии колоссами Мемнона. От них к Нилу шла аллея сфинксов, лицам которых было придано портретное сходство с Аменхотепом III. С 1838 г. два из них украшают в Ленинграде набережную Невы около Академии художеств.

Основные архитектурные элементы, созданные зодчими при строительстве Карнака и Луксора, широко использовались в последующие времена: фасады фланкировались пилонами, дворы и залы украшались портиками с двойным рядом колонн, центральные залы заполнялись многочисленными колоннадами, все чаще применялись капители в виде цветов папируса и лотоса.

Особое место в архитектуре храмов принадлежит поминальным свя-

тилищам. В отличие от подобных храмов Древнего и Среднего царств, обычно непосредственно примыкающих к гробницам, теперь поминальные храмы строились отдельно от усыпальниц. На западном берегу Нила, глубоко в скалах, вырубались погребальные камеры, и вход в них тщательно замуровывали. Участвовавшие грабежи богатых сокровищами гробниц, особенно царских, заставили тщательно скрывать их местоположение. Недаром архитектор Инени пишет в своей автобиографии: «Я один наблюдал, как высекали скальную гробницу его величества, и никто не видел, и никто не слышал». Но хотя даже иногда и убивали рабочих-строителей, чтобы они никому не открыли тайных входов в усыпальницу, спасти гробницы от разграбления не могли.

Из многочисленных поминальных храмов особенно хорошо известен поминальный храм царицы Хатшепсут. Белые колоннады портиков этого храма до сих пор высятся среди желтых скал около селения Дейр-эль-Бахари.

Место для храма было выбрано не случайно. Здесь находился поминальный храм фараона Ментухотепа I. Фараон считался родоначальником фиванских царей, а его храм почитался святилищем фараонами-фиванцами во времена Среднего и Нового царств. Поэтому постройкой своего поминального храма рядом с храмом Ментухотепа I Хатшепсут подчеркивала и свою принадлежность к фиванской династии, и право на царский венец.

Зодчий Сенмут создал едва ли не самое большое святилище в Египте. В архитектурном отношении храм удачно сочетался с храмом-пирамидой фараона Ментухотепа I, находившимся неподалеку, и гармонировал с плоскими, низко срезанными вершинами желтых скал из песчаника, составлявших фон здания.

Храм Хатшепсут состоял из трех широких террас, поднимающихся одна над другой и соединенных между собой пологими пандусами. Оформление фасада построено на чередовании горизонтальных линий с вертикальными колоннами портиков, окружавших со всех сторон здание. Эти четкие и строгие линии ярко выделялись на фоне желтых скал, что придавало всему ансамблю величественный и монументальный вид.

Внутренняя отделка храма поражала своим богатством: бронзовая инкрустация на дверях из черного дерева, золоченые и посеребренные плиты пола сочетались с раскрашенными рельефами на стенах.

Наружная отделка состояла из рельефов, на которых изображены сцены из жизни царицы с момента ее чудесного рождения (Хатшепсут, по легенде, происходила от бога Амона) и кончая экспедицией в Пунт, откуда были привезены и деревья, чтобы устроить сад для бога Амона, как сказано в надписи.

В храме найдено двести различных статуй. Среди них обнаружено двадцать восемь сидящих или коленопреклоненных фигур самой царицы, сорок так называемых осирических статуй, т. е. изображений Осириса с лицом Хатшепсут, и, наконец, двадцать два портретных сфинкса.

Таким образом, храм служил не только для совершения погребальных обрядов, но и для прославления женщины-фараона.

Украшения храмов скульптурами — одна из характерных особенностей Нового царства. Сохранялся и старый обычай, предписывавший ставить статуи покойного в его гробницу, — поэтому до нас и дошло большое количество скульптурных произведений Нового царства.

Соблюдая в основном старый канон и даже пропорции фигур, художники и скульпторы первой половины Нового царства в то же время внесли в изобразительное искусство и новые черты.

Главную роль в искусстве этой эпохи играли фиванские мастера. В Фивах строились самые большие храмы, царские гробницы и усыпальницы знати. Для них создавали статуи, их стены украшали рельефами и росписями.

Уже на статуях Хатшепсут можно проследить характерные черты скульптуры начала Нового царства. Прежде всего это строгая портретность изображения. На всех многочисленных скульптурах Хатшепсут подчеркнуты овал лица, суживавшийся к подбородку, миндалевидной формы глаза с резкими линиями бровей над ними, небольшой, чуть улыбающийся рот и нос с маленькой горбинкой. Особенно хороши те статуи, которые стояли в молельне. Удивительная мягкость трактовки передавала женственный облик царицы, даже когда она выступала в одежде фараона с короной на голове. И вместе с тем при очень точной портретной передаче ее лицо все же остается идеализированным образом властительницы всей земли. Таков же и портрет Аменхотепа III (рис. 71).

Сочетания индивидуального портрета с идеализацией — один из характерных приемов трактовки официальной скульптуры начала Нового царства. Этот прием использован и при исполнении других скульптур — не только царских, но и египетской знати.

Таковы, например, две статуэтки жреца Аменхотепа и его жены жрицы Раннаи. Они сделаны из дерева, глаза, ожерелья и браслеты выполнены золотом, потемневшая теперь одежда была посеребренной. Обе статуэтки отличаются очень высоким мастерством исполнения. Мягко очерченные лица с тонко проработанными индивидуальными чертами несомненно портретны. Но вместе с тем они сохраняют приподнятость образа.

Особенно хорошо проработано тело Раннаи, просвечивающее через тонкую, плотно облегающую ткань одежды. Мягкие, текучие линии ее придают невыразимую прелесть фигурке, а несколько удлиненные формы скульптуры создают впечатление изысканности.

Художественное ремесло следует за традициями большого искусства. И, говоря о нем, нельзя не вспомнить две туалетные принадлежности — ложечки, в которых хранилась краска для притираний.

Одна из них — из слоновой кости — коробочка в форме цветка лотоса с ручкой в виде плывущей девушки. Другая — резная из дерева — коробочка в виде сосуда с ручкой, изображающей нагую девушку в зарослях папируса. В обеих фигурках с исключительным мастерством передано обра-

Рис. 71. Голова фараона Аменхотеп III. XVIII династия. Конец XV в. до н. э.

женное девичье тело: в первом случае — в виде объемной фигуры, во втором — в рельефе. Тонкость и жизненность изображения в соединении с изяществом и изысканностью придают особую прелесть обоим ложечкам.

Здесь в малых формах проявляется то же стремление к изысканности, которое присуще и монументальной скульптуре: одежда сидящих и стоящих фигур украшается мелкими складками, а парики — крутыми длинными локонами. Изготавливались и другие декоративные статуэтки. Очень хороши гипнопотам (рис. 72).

Черты декоративности, придающие изображению парядность, отличают и рельефы и росписи гробниц. В них не только сохраняется старая тематика, хорошо известная по погребальным камерам Древнего и Среднего царств, но появляется и новая. Не только сцены поединков и сражений, но и привода пленных, набора солдат, парадов украшают гробницы военачальников. Гробницы сановников расписывают изображениями сбора податей, судебных разбирательств, приема чужеземных послов и т. д.

Особенно излюбленный мотив — сцены пира (см. цветные вклейки). Здесь по-новому можно построить композицию, дать нарядную массу гостей, важно восседающих в креслах. Пышные завитые парики пирующих, одежды со струящимися складками сообщают большую декоративность изображению. Сохраняя торжественность и неподвижность поз знатных людей, художник дает себе полную свободу в изображении служанок. Тонкие, стройные, почти обнаженные девичьи фигурки видны повсюду: они обносят гостей угощением, умащают их маслом, танцуют, играют на музыкальных инструментах. Многообразны их позы, живы их движения: одна показана в сложном ракурсе, другие изогнулись в стремительном

Рис. 72. Гипнопотам. Голубой фаянс. XVII династия. XX в. до н. э. Британский музей. Лондон

танце, третьи наклонились, наливая вино, У одной из музыкантш даже показано в фас лицо, что ни разу не встречалось до сих пор в египетских росписях.

Художника интересует проблема передачи движения, объемности фигуры, и, менее связанный канонами при изображении слуг, он создает живые осязаемые образы.

По-новому художники пробуют раскрашивать росписи. Тела покрывают не одним тоном, а стараются передать различные оттенки кожи, как, например, у девушек с дарами из гробницы в Фивах. Сквозь прозрачную белую ткань просвечивает тело жены вельможи, охотящегося на водяных птиц. В этой росписи предметы уже не обведены контурами. Цветы на гибких, гнущихся стеблях, порхающие птицы и бабочки написаны сразу кистью, что делает изображение более живописным и правдивым. Роспись получается нарядной и декоративной.

Стремление в скульптуре и росписях к правдивости изображения, к большей жизненности при одновременном усилении декоративности характерно для искусства первой половины Нового царства.

Все это постепенно подготовило тот на первый взгляд резкий перелом в изобразительном искусстве, который наступает с воцарением Аменхотепа IV (Эхнатона) в середине XIV в. до н. э. Этот фараон-реформатор отменяет культ древних богов и вводит почитание единого бога — бога солнца Атона, который изображается в виде солнечного диска с отходящими от него лучами, заканчивающимися ладонями. Естественно, что столь коренная ломка традиционных представлений не могла не отразиться на искусстве, основной задачей которого было обслуживание всего, что связано с религией.

На 6-м году правления Аменхотепа IV переехал во вновь выстроенную столицу к северу от Фив, на пустынном берегу Нила. Там, где восточные горы несколько отступают от реки, в естественном полукруге, был основан город, посвященный новому богу — Атону — и названный в честь его Ахетатон, что означает «Горизонт Атона».

Прежде всего меняется конструкция храмов. Служба совершалась отныне под открытым небом или в помещениях, освещенных ярким солнечным светом. Исчезли колоннады, полутемные помещения святилищ.

В росписях и рельефах появляется тематика, не встречавшаяся ранее в царских гробницах и храмах. Теперь постоянно изображают царя в кругу семьи. То все сидят у «окна явлений», откуда царь раздавал награды своим приближенным; то царь и царица несутся друг за другом на колесницах, управляя стремительно бегущими лошадьми: то они ласкают своих дочерей.

Полна скорби сцена оплакивания умершей царевны Макетатон. Позы Эхнатона и царицы Нефертити передают глубокую печаль, охватившую их. Царь держит жену за руку, он как бы одновременно ищет сочувствия и хочет поддержать ее в их общей горе. Фигуры придворных женщин с заломленными руками и распушенными в знак траура волосами кажутся

трагическим аккомпанементом этой печальной сцены, изображенной на стене гробницы.

Подобные рельефы и росписи в какой-то степени лишают фараона божественного ореола, окружавшего царя, пизводя его на землю, и делают понятным его человеческие чувства.

В первые годы царствования Эхнатона художники в своем стремлении отойти от прежних канонов, передать правдиво образ царя, его семьи даже несколько утрируют болезненные черты Эхнатона, его жены, дочерей. У Нефертити слишком вытянута шея, у фараона чрезмерно удлинённый череп, хилое тело с узкой грудью, непомерно тонкие поги. Трудно представить себе, какое впечатление должны были производить эти изображения на людей, привыкших видеть мужественные, сильные фигуры фараонов с идеально прекрасными лицами.

Однако с течением времени заостренность новых форм стала сглаживаться. Художники, овладев мастерством и в значительной степени освободившись от канона, создали поистине прекрасные произведения искусства, которые и до сих пор восхищают своим непревзойденным совершенством.

Таковы портретные головы Эхнатона, царицы Нефертити и их дочерей. Лучшие из них были найдены в мастерской скульптора Тутмоса в Ахетатоне. Бюст Эхнатона был разбит на множество кусков. Портретная голова Нефертити осталась цела. Она лежала вниз лицом на полу. Когда ее очистили от грязи, портрет царицы из известняка предстал во всей своей неповторимой прелести. Лицо покрыто теплым тоном загара. С ним гармонирует высокая синяя корона, желтые, синие, красные и голубые камни на ожерелье и на короне. «Любое описание бессильно. Надо ее видеть!» — воскликнул археолог, открывший этот памятник.

Нежный овал лица, глаза, прикрытые тяжелыми веками, мягкие очертания щек и подбородка придают необычайную женственность лицу Нефертити. Сколько изящества в профиле царицы, утонченности, какая гордая, царственная осанка. Голова кажется каким-то редким цветком, может быть, немного тяжелым для тонкого, чуть изогнутого стебля — шеи.

Те же черты, может быть только трактованные еще тоньше и мягче, видны на другом, неоконченном портрете Нефертити из песчаника: пленительный овал лица, чистый, чуть выпуклый лоб, широко открытые миндалевидные глаза, обведенные черной линией, и слегка тронутые красной краской сжатые губы. Чувствуется мягкая бархатистость щек, нежный, слегка выдающийся подбородок и едва ощутимые складки у рта.

Желтоватый цвет песчаника передает теплоту кожи, а мягкая, почти неуловимая моделировка всего лица позволяет в нем каждый раз открывать новую неисчерпаемую красоту. Образ полон невыразимого обаяния. Той же точностью портретной характеристики отличается и изображение Нефертити, сделанное в последние годы ее жизни (рис. 73).

В стремлении передать абсолютно точный портрет амёрские художники пользовались гипсовыми масками, снятыми как с лиц умерших, так и

*Рис. 73. Нефертити. Известняк. XVIII династия. Начало XIV в. до н. э. Государственный музей. Берлин.
ГДР*

живых людей. На этих масках мастер снимал несущественные детали и последовательно обрабатывал отливки с них, достигая в отборе черт того обобщения и совершенства, которые так поражают в портретах Нефертити, Эхнатона и их дочерей (рис. 74).

Не менее хороши и тела статуй из скульптурных мастерских Амарны, как, например, торс обнаженной девушки, передающий с большим мастерством мягкие, полные грации формы юного тела (рис. 75).

Скульпторы нередко делали статуи из двух пород камня. Для рук, ног и головы они употребляли кристаллический песчаник, для одежды — белый известняк. Создавалось впечатление, что стоит живой человек с мягким, теплым, загорелым телом в белой одежде.

Во второй половине царствования Эхнатона в росписях появляется интерес к окружающей природе, в них начинает преобладать пейзаж. В этом сказалось почитание бога Атона как творца Вселенной, которому поклоняются не только люди, но и все живые существа, вся природа.

Таким образом, новая религия с иным, чем прежде, мировоззрением, которое обусловило разрыв со старыми традициями, помогла художникам Амарны создать непревзойденные по красоте и жизненности памятники.

Период Амарны продолжался короткое время — менее двадцати лет. При преемнике Эхнатона, муже его дочери, Тутанхатоне, восстанавливается почитание старых богов. Сам он принимает имя Тутанхамона и возвращается в Фивы. Ахетатон опустел, и вскоре от великолепного города остались одни руины, занесенные песком.

Восстановление культов старых богов потребовало возврата к прежним канонам и традициям. Но художники и скульпторы уже не могли полностью вернуться к старым образцам, тем более что многие из мастеров работали прежде при дворе Эхнатона. Они внесли в свои новые произведения амарские традиции, создав, таким образом, новые формы в скульптуре, новые композиции в живописи. Это новое течение оказало влияние не только на искусство ближайших десятилетий, но сказалось и на творчестве всех художников второй половины Нового царства.

Тутанхамон царствовал очень недолго. О нем стало широко известно в 1922 г., когда была открыта его гробница, по счастливой случайности не разграбленная в древности. В ней оказалось огромное количество скульптур, произведений художественного ремесла, ювелирных изделий, почти все — подлинные шедевры высокого искусства. И на всех них в известной мере лежит отпечаток амарского стиля, хотя в некоторых деталях они уже отличаются усилившимся стремлением к подчеркнутой декоративности.

К лучшим образцам художественного ремесла следует отнести трон Тутанхамона. На спинке деревянного кресла изображены юный царь и его жена. Изображение выполнено инкрустацией цветными пастами и фаянсами, самоцветами и слоновой костью, золотом и серебром.

Изысканное сочетание цветов серебряного платья царицы с синим париком и одеждой фараона подчеркивает декоративность изображения. Уже

*Рис. 74. Амарнская царица. Известняк. XVIII династия, XIV в.
до н. э. Египетский музей, Каир*

утрачены теплота и интимность, которые были столь характерны для подобных сюжетов времен Эхнатона.

Другая подлинная жемчужина художественного ремесла — ларец из гробницы Тутанхамона. По штуку, покрывающему все стены и покатую крышку, нанесены росписи, изображающие эпизоды охоты на львов и коз, а также битвы с неграми и «азиатами». В центре каждой композиции большая фигура Тутанхамона, стоящего на колеснице, запряженной скачущими лошадьми. Все пространство в сценах охоты заполнено убитыми и ранеными зверями, а в сценах битв — побежденными врагами. Повсюду за фараоном следуют отряды воинов или охотников.

Образ фараона трактован в традициях доамарнского искусства. Однако беспорядочное расположение фигур по всему фону, их живые и разнообразные позы ярко свидетельствуют о том, что амарнские традиции вовсе не забыты.

Хороша колористическая гамма росписи. На светло-желтом фоне четко выделяются кирпично-красные лошади, золотистые львы. Красные и черные линии контуров фигур придают росписи особую живописность. Вся композиция окружена рамкой, в которой помещены растительный и геометрический орнаменты.

Чудом ювелирного искусства являются саркофаги Тутанхамона. Их три. Самый последний, в котором лежала мумия, сделан из чистого золота. Он инкрустирован самоцветами. На мумии лежала маска червонного золота. И маска и лицо на саркофагах — портреты Тутанхамона. Мягкой трактовкой, удивительной жизненностью портреты эти очень близки амарнским.

Трудно перечислить всю массу вещей, обнаруженных в этой гробнице. Каждый предмет — будь то сандалии или ожерелья, статуэтки богинь или бога Анубиса, статуи царя или декоративные алебастровые вазы и светильники, колесницы или царское ложе и кресла — высокий образец блестящего и тонкого искусства ювелиров, скульпторов, мастеров художественного ремесла.

В конце правления XVIII династии внутренние неурядицы, естественно, привели к некоторому ослаблению и внешнего положения Египта. Но с воцарением Рамсеса II, фараона XIX династии, Египет вновь переживает подъем. Успешные военные походы вновь усиливают экономическое и политическое значение страны, и опять Египет становится одной из крупнейших и могущественных держав древнего Востока. Этот подъем сопровождается бурным развитием строительства храмов и дворцов.

Рамсес II перенес столицу на север, в город, названный его именем, Пер-Рамсес — «Дом Рамсеса». Но Фивы по-прежнему остаются религиозным центром, и там продолжают воздвигать грандиозные святилища.

Главное внимание было обращено в это время на строительство Карнакского храма. Этим преследовались две цели. Надо было показать восстановление культа Амона, что удовлетворяло желания жречества, и прославить мощь и величие фараона, к чему стремился сам Рамсес.

*Рис. 75. Торс девушки. Песчаник. XVIII династия. XIV в. до н. э.
Египетский музей. Каир*

Новая пристройка к Карнакскому храму была грандиозна. Никогда еще ни статуи, ни пилоны и колоннады (рис. 76) не имели таких огромных размеров, как в зданиях, воздвигнутых при Рамсесе II.

Архитектор Майа построил самый крупный колонный зал древнего мира — площадью 5000 м² (103 м в ширину и 52 м в глубину). Сто тридцать четыре колонны зала расположены в шестнадцать рядов. Высота каждой из двадцати центральных колонн достигала 19,26 м, диаметр — 3,4 м. У восьми колонн капители представляют собой раскрытые цветы папируса. Их размеры таковы, что на каждом может разместиться одновременно сто человек.

Грандиозное строительство было предпринято и в Луксоре. Перед храмом Аменхотепа III воздвигли грандиозные пилоны, за которыми располагался большой двор с колоннами, между ними стояли статуи Рамсеса II. Шесть колоссов царя украшали пространство перед пилонами.

На западном берегу Нила снова высекались в скалах гробницы фараонов, превосходящие по своей величине все, что создавалось прежде. Мону-ментальностью отличались и поминальные храмы. Из них самый замечательный и знаменитый Рамессеум, украшенный многочисленными колоннами и скульптурой.

Стены и колонны храма покрыты рельефами, посвященными культу богов и прославлению победоносных войн Рамсеса. Грандиозные по своим масштабам, они производят впечатление огромной силы. На стене храма записана и знаменитая поэма, воспевающая отвагу Рамсеса в битве с хеттами при Кадеше. Тут же изображена и битва: царь, несущийся на колеснице, стреляющий в гущу вражеских полков, смятые и бегущие хетты — многие повержены на землю, бесконечные вереницы воинов. Эта огромная композиция по теме и целому ряду деталей напоминает роспись ларца Тутанхамона.

Из рельефов, созданных в послеамарский период, но носящих следы его влияния, особый интерес представляет плита с плакальщиками (рис. 77).

Это часть общей композиции, фрагменты которой находятся в различных музеях мира (в Москве, Берлине, Детройте, Лейдене, Бостоне). Выразительные фигуры людей, объятых горем, переданы в различных позах. Они соединены друг с другом переплетениями горестно поднятых рук. Живые мягкие линии силуэтов напоминают Амарну. Но в целом вся композиция декоративнее, жесты несколько манерны, отличаются от более простых и жизненных изображений времен Эхнатона.

В скульптуре, так же как и в архитектуре, возврат к старому канону сочетался с новыми приемами. Особенно наглядно проступают они в статуе Рамсеса II.

Фараон сидит на троне в обычной торжественной позе; одна рука лежит на колене, в другой зажат жезл — знак царской власти. Необычайна одежда — царь показан в придворном облачении. Сквозь тонкую ткань проступает сильное тело. Мягкие складки платья придают нарядность всей

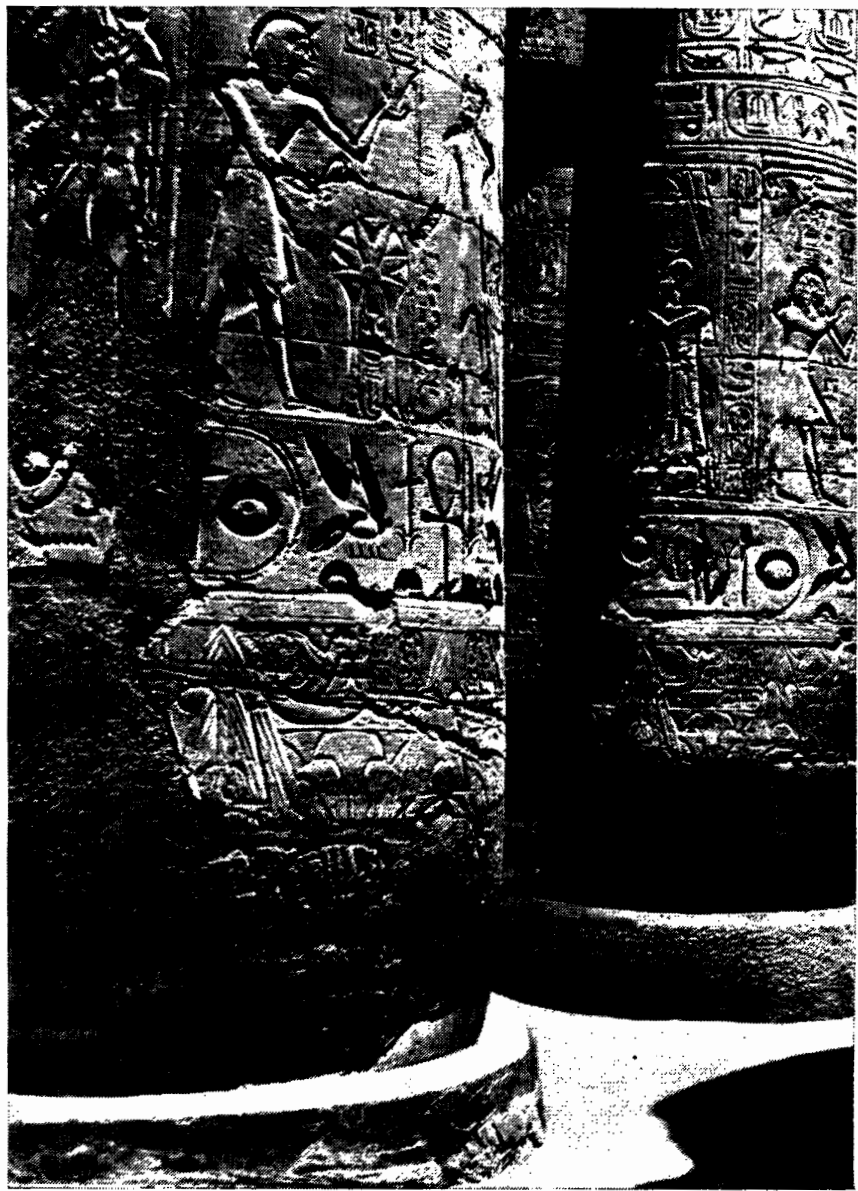

Рис. 76. Колонны Карнакского храма. XIX династия. Конец XIV — начало XIII в. до н. э.

Рис. 77. Плакательщики. Рельеф из Мемфиса. Известняк. XIX династия. XIV в. до н. э. Государственный музей
изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, Москва

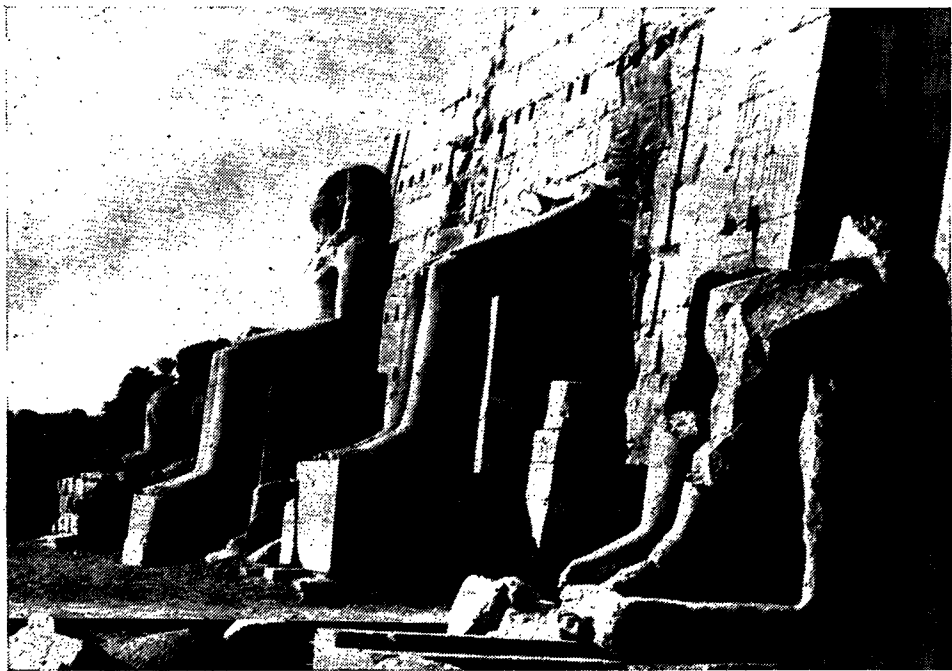

Рис. 78. Портал храма Рамсеса II в Абу-Симбеле. XIX династия. XIII в. до н. э.

фигуре. Но особенно хорошо лицо. Все его черты тщательно проработаны. Орлиный нос, большие глаза под густыми бровями и волевой рот создают ощущение достоверности портрета царя. И даже черты властного и энергичного завоевателя удалось показать художнику в этом приподнятом образе.

К числу знаменитых творений, созданных во времена Рамсеса II, относится известный пещерный храм в Абу-Симбеле, в Северной Нубии (рис. 78).

Фасад храма обращен к Нилу. Это как бы передняя стена огромного пилона, около которого возвышаются четыре сидящих колосса Рамсеса II, достигающих 20 м в высоту. Они олицетворяют всеподавляющую мощь властелина, его беспредельную власть над своими подданными и покоренными народами за пределами Египта. Образ фараона царит во всех скульптурах и рельефах, и лицо Рамсеса всегда является его портретом, даже в гигантских статуях фасада Абу-Симбела, высеченных из цельной скалы.

На карнизе храма изображены священные павианы, приветствующие солнце, а над входом в прямоугольной нише высечена шестиметровая фи-

гура бога солнца с головой сокола. Узкий высокий проход ведет во внутренние помещения, которые тянутся в глубь скалы на 55 м. В цельной скале строители воссоздали классический тип египетского храма. Первый зал соответствовал открытому двору, второй — гипостилю, далее находилось святилище.

Постоянная для египетского искусства идея обоготворенного владыки с особенной силой воплотилась в храме Абу-Симбела¹.

Фараоны XX династии, при которых былое могущество и величие Египта начинает клониться к упадку, еще пытаются поддерживать внешний блеск: они окружают роскошью двор, строят грандиозные храмы и дворцы. И хотя от этой поры уцелело немало различных памятников, в них нет ничего принципиально нового.

Искусство Египта Нового царства достигло чрезвычайно высокого уровня и оказало большое влияние на развитие искусства последующих периодов. В архитектуре созданы грандиозные храмовые комплексы всевозможных типов. В скульптуре достигнута высокая техника обработки камня, различные породы которого блестяще сочетались в одной статуе. Наряду с этим в скульптуре ярко проявляется нарастание декоративности, стремление к правдивой, хотя и несколько идеализированной мягкой трактовке образа. В росписях наблюдаются те же черты декоративности, появляются более сложная композиция, разнообразные ракурсы фигур и предметов, богатство цветовой гаммы. Для всего изобразительного искусства характерно проникновение во внутренний духовный мир человека, интерес к его чувствам и переживаниям, особенно в период Амарны.

От позднего времени, которое охватывает Ливийско-Саисский и последующий периоды вплоть до завоевания Египта греками, сохранилось значительно меньше памятников архитектуры и искусства, чем от любого другого периода. Это объясняется общим упадком, наступившим с концом эпохи Нового царства. Социально-экономический кризис вызвал ослабление военного потенциала страны и тем самым облегчил иноземным завоевателям — ливийцам, эфиопам (кушитам), ассирийцам, а затем и персам — доступ в долину Нила. Естественно, это не могло не сказаться на благосостоянии Египта и, следовательно, на количестве произведений искусства. Однако дошедшие до нас произведения искусства позволяют установить основные черты их развития и особенности, им присущие, — возрастание элементов чужеземных влияний, занесенных завоевателями, сирийско-финикийскими торговцами, а также военными наемниками и колонистами-греками, которые в VI в. до н. э. обосновались на побережье Средиземного моря (Навкратис).

Но воздействие со стороны все же не было столь ощутимым, чтобы изменить освященные многовековой традицией стилистические принципы

¹ При постройке Асуанской плотины этот грандиозный храм, которому грозило затопление, поднят над уровнем водохранилища.

египетских художников и архитекторов. Обстановка эпохи не стимулировала крупного строительства. Лишь в сравнительно краткие периоды укрепления страны возводились сооружения, которые должны были свидетельствовать о могуществе правящего фараона. Так, при фараоне-ливице Шешонке I (XXII династия) велись обширные строительные работы в храме Амона-Ра в Карнаке: огромный двор для юбилейного праздника «хеп-седа», гигантский пилон (высотой 43,5 м), парадные ворота с портиком, на котором были высечены анналы новой династии и рельефы, изображающие победы Шешонка в Азии.

Все созданное при нем свидетельствует о желании фараона теснее войти в контакт с фиванским жречеством. К сожалению, ничего более определенного о строительной деятельности времен XXII—XXIV династий сказать нельзя, так как от храмовых и городских построек сохранилось очень немного.

Фараонов хоронили теперь вблизи их новой резиденции на севере — в Танисе. Небольшие склепы, сложенные прямо в песке из каменных плит, находились в непосредственной близости от главного храма города, а не в особом некрополе, как в Фивах. У фиванских жрецов, даже занимавших самое высокое положение, уже не хватало средств для достойного их звания оборудования гробницы, хотя Фивы продолжали оставаться религиозным центром страны. Частные лица использовали нередко усыпальницы, принадлежавшие давно умершим. Но даже если их заново высекали в скалах, то они были лишены украшений, а все необходимые по ритуалу изображения рисовали или изготавливали из штукатурки непосредственно на саркофагах.

В дошедших до нас от этой эпохи произведениях скульптуры заметно характерное для второй половины Нового царства стремление к пышной декоративности, сочетающейся с интересом к портрету при сохранении тех же иконографических типов.

Характерным образцом скульптуры этого типа может служить статуэтка царицы Каромамы: лицо в достаточной мере портретно, мягко моделированы формы изящной фигурки, головной убор и платье покрыты сеткой инкрустированного узора.

Статуи частных лиц тяготеют к официальной скульптуре. Скульптуры божеств отличаются стремлением к идеализации образов. Часто поверхность статуи покрывалась рельефами или инкрустацией. Это, равно как и тщательная полировка, свидетельствует о стремлении к внешней нарядности.

В то же время сфера применения собственно рельефа и росписи очень сузилась. В немногочисленных образцах их, дошедших до нас, нельзя заметить ни новых композиционных решений, ни образов. В основном довольно холодно повторяются традиционные их образцы. Пожалуй, только в передаче объемов тела, в линиях рисунка появилось больше мягкости и плавности. Роспись саркофагов была нарядной, праздничной — яркими красками на интенсивном желтом фоне. Канонические сцены решались

согласно установившейся традиции, зато в образах и сценах второстепенных, как обычно, художник был более свободен от канона.

В росписях саркофагов, как и в скульптуре, заметно сближение с памятниками второй половины XVIII династии, т. е. периода, который, очевидно, считался теперь «золотым веком».

Помимо росписи саркофагов художники много работали над иллюстрированием сборников религиозных текстов, главным образом «Книги мертвых», — создавали многоцветные яркие красочные миниатюры (см. стр. 214—215). В некоторых из них сцены и отдельные образы решены с большой проникновенностью и лиризмом.

Гораздо более благоприятной эпоха эта была для художественного ремесла и ювелирного искусства, несомненно достигших новых и притом больших успехов. Достаточно вспомнить найденные в танисских гробницах, особенно в гробнице Шешопка, серебряные гробы, портретные маски, ожерелья, перстни.

Правление фараонов XXV, эфиопской, династии ознаменовалось тесным сближением Египта с Кушем. Новые фараоны, демонстрируя свою правомочность и законность владения тронном, возобновили храмовое строительство — оно развернулось в особенно крупных масштабах в Напате и Фивах. Теми же причинами обусловлены и некоторые черты архаизации, характерные для этого времени. Так, при Тахарке в большом дворе Карнака возводится колоннада с папирусообразными капителями (от нее осталась лишь одна колонна). С четырех сторон храма были устроены аллеи с колоннами, соединенными невысокими стенками. Во многих местах воздвигались небольшие святилища, посвященные различным богам, и молельни. В Напате сооружаются царские гробницы в виде небольших кирпичных пирамид, в районе Фив — погребения верховных жриц Амона, причём усыпальница и заупокойный храм объединяются в одном комплексе, как в древности. Лучший пример тому — усыпальница «жены бога», верховной жрицы Аменирдис. Оживление фиванского культурно-религиозного центра при XXV династии связано с превращением Фив в фактическую столицу страны. Из художественных мастерских выходят высококачественные скульптуры, отличающиеся портретным сходством и в то же время метко схваченными этническими особенностями. Это направление хорошо иллюстрируют портреты Тахарки, в частности его статуэтка из Государственного Эрмитажа.

В изображениях частных лиц, как, например, Хоремхеба, жреца Амона, или Монтуемхета, «градоначальника» Фив, реалистический портрет приобретает еще большую глубину. Суровая моделировка скульптурных форм способствует усилению выражения характера.

В рельефе не наблюдается никаких изменений по сравнению с предшествующим периодом.

В ювелирном искусстве, может быть, лучше, чем где бы то ни было, сохраняются традиции высокого мастерства прошлого — умение обрабатывать камень, золото и другие материалы. Характерны, например, для

этого периода украшения, принадлежавшие царевне Мутирдис или верховной жрице Шепенупет.

Следующий период относительного расцвета художественной культуры совпадает с общегосударственным подъемом в Ливийско-Саисский период. Фараоны уделяют много внимания развитию ремесел и искусства. Строительство сосредоточено в новой столице — Саисе. К сожалению, постройки тех дней не дошли до нас, но о них довольно подробно рассказывает Геродот. Судя по некоторым остаткам этих построек, в частности наосу из храма Нейт, то были гигантские и роскошные сооружения.

Отличительная черта искусства этого времени — сознательная архаизация, подражание художественным нормам прошлых веков, особенно Древнего царства. Так, северные гробницы саисской знати повторяют форму мастабы, но со сводчатым потолком. На юге, вокруг Фив, в скалах Асасифа, высекаются и скальные гробницы, часто превосходящие по размерам не только все более ранние частные усыпальницы этого типа, но и царские. Такова, например, гробница Педиамонемипета, главного жреца бога Амона. Вход оформлен в виде пилона, за ним двор и другой пилон, затем еще дверь с портиком, а погребальные камеры вырублены в скале. Всего в гробнице насчитываются 23 такие камеры. Архитектуру дополнял богатый внутренний декор — цветные рельефы на стенах, в нишах множество скульптур. Погребальный инвентарь также соответствовал общему стилю.

В рельефе следует отметить решительный поворот к традициям прошлого. Так, содержание рельефов воспроизводит ход древнего ритуала, основные этапы которого совпадают с царским погребальным обрядом Древнего царства.

И стилистически эти рельефы также неотрывно следуют за образцами прошлого. Но в отличие от северных гробниц склепы Асасифа отдают дань также и местным традициям эпохи Нового царства, особенно XVIII династии. Повторяются отдельные образы или даже целые сцены. Причем связь с искусством Нового царства в этот период была более, чем в любой период позднего времени, прочной и последовательной. Это проявляется в сознательной идеализации ближайшего прошлого, особенно понятной в условиях завоевания Египта ассирийцами, разгрома ими Фив, вывоза оттуда материальных и культовых ценностей. При Псамметихе I, победителе ассирийцев, это подражание проявилось еще резче.

Но подражание — не повторение. При многих чертах сходства с ранними образцами искусство саисской эпохи имеет и свои специфические черты. Так, в рельефах господствуют плавные линии и мягкие, округлые объемы. В круглой скульптуре помимо этого еще бросается в глаза тщательная законченность, а зачастую полировка до блеска всей поверхности статуи. Особое предпочтение отдается твердым породам камня — граниту и диориту. Официальная скульптура представлена статуями фараонов, знати, жречества и отличается невыразительным обликом, почти всегда натянутой улыбкой. Но параллельно существует и скульптура, дающая острую характеристику образа.

Саисское искусство имело большое значение для последующего развития искусства Египта, включая и период эллинизма, и более поздний. Неисчерпаемые возможности его сказываются в таких великолепных образцах реалистического портрета, как голова статуи жреца (так называемая «зеленая голова»), и в знаменитых фаюмских портретах, в которых сочетаются разные традиции — как египетские, так и греко-римские.

В искусстве Позднего периода, пожалуй, трудно говорить о налпции единого стиля, но, может быть, именно само отсутствие единства и составляет стилистическую характеристику искусства этого времени.

Поскольку искусство это не вполне изучено, то так и остаются подчас не разрешенными некоторые вопросы, как, например, сокращение числа женских изображений, а в иные периоды и полное их отсутствие.

Таким образом, оформившееся в основных принципах восприятия и передачи окружающей действительности на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. искусство древнего Египта не только создало свой неповторимый стиль, но и вообще впервые в истории человеческой культуры решило некоторые основные проблемы, стоящие перед искусством вообще, в области его социальных функций в классовом обществе в частности и в рамках рабовладельческой восточной деспотии (сначала при ее становлении, а затем и в период ее кульминации) в данном конкретном случае.

Естественно, что при необходимости возвеличения власти фараона ведущее положение заняло искусство монументальное. Египетские мастера — архитекторы, скульпторы, художники — при помощи самых простых средств предложили такое органичное решение грандиозных ансамблей, которое может быть достигнуто только в периоды высокого подъема художественного творчества. В первую очередь это относится к величайшим погребальным сооружениям человечества — пирамидам, где с гениальной простотой воплощена идея прославления и увековечения усопшего царя. Была найдена должная мера соотношений архитектуры, скульптуры, живописи для более полной и впечатляющей передачи художественного замысла и образа. С той же целью были тщательно испробованы различные материалы: камень, дерево, бронза, фаянс и т. д. — и отобраны для воплощения определенных задач наиболее выразительные из них, найдены способы обработки, позволяющие с наибольшей полнотой и технической целесообразностью выявить все скрытые в этих материалах возможности.

! Величайшее достижение искусства древних египтян — скульптурный портрет! Он не имеет аналогий в искусстве других современных им народов, да и вообще может быть безоговорочно отнесен к шедеврам мирового искусства. Вопреки ограничениям строго регламентированных канонов и установлениям религии ваятели сумели воплотить в своих творениях духовную жизнь человека, передать восхищение его красотой, его внутренней жизнью, выразить радость бытия.

! Лучшие черты египетского классического искусства, его образы и мотивы были восприняты искусством эпохи эллинизма. Через Александрию

вместе с куклами древнеегипетских богов они распространяются по всему Средиземноморью. Именно из долины Нила в искусство Рима, а позднее и других стран Европы проникают пейзаж, буколические сюжеты и т. д. В дальнейшем, в иконографии христианства, прочно закрепляются унаследованные из Египта образы, ставшие впоследствии каноническими: Исида с младенцем Гором, перевоплощается в Богоматерь с младенцем Иисусом; повергающий бога Сета Гор превращается в святого Георгия Победоносца, попирающего дракона, а шакалоголовый бог Анубис — в святого Христофора Псеглавца. Через Византию они проникли на Русь, и поныне с икоп и фресок Киевской и Новгородской Софии взирают на нас в облике православных святых боги древней великой цивилизации страны пирамид.

Существование театральных представлений в древнем Египте не подлежит сомнению, несмотря на скудость сведений о них. Начало египетского театра положил погребальный ритуал с его диалогами между богами, роль которых выполняли жрецы, а также народные празднества в честь разных божеств, сопровождавшиеся изображением сцен из их жизни в соответствии с мифами. К сожалению, до нас не дошел целиком ни один из текстов таких представлений: все, чем мы располагаем, — это их фрагменты, вкрапленные в тексты иного содержания. Совокупность этих фрагментов свидетельствует о том, что действующими лицами египетских театральных представлений были боги, а сюжетом — события из мифов, связанных с их культом.

Подобные представления разыгрывались уже в эпоху Древнего царства (XXX—XXV вв. до н. э.). Отрывок из сценария, относящегося к этому времени, — правда, единственный дошедший до нас от той отдаленной эпохи — обнаружен в тексте, известном в науке под названием «Памятник мемфисской теологии». Из содержащихся в нем упоминаний следует, что он по повелению фараона Шабаки (XXV династия) был переписан на каменную стелу в VIII в. до н. э. с папируса, восходившего к Древнему царству. В этом тексте, являющемся изложением космогонии в соответствии с представлениями мемфисских жрецов, приведены небольшие выдержки из очень древнего сценария мифологического содержания, темой которого послужили сотворение мира мемфисским богом Пта, миф об Осирисе и его сыне — боге Горе. Сохранились обращения бога земли Геба к Гору, к врагу последнего, Сету, и к другим богам. Отрывки эти включены в текст космогонии, очевидно, для придания ему большей живости и красочности.

От Среднего царства и последующих времен таких отрывков сохранилось значительно больше — всего четырнадцать, не считая погребального ритуала, так называемой «Книги отверзания уст». К этому времени отно-

сится папирус из Рамессеума, посвященный восшествию на престол фараона XII династии Сенусерта I (XX в. до н. э.). Он содержит обширные выдержки из сценария мифологического содержания: в нем действуют боги, и прежде всего бог Гор, который присутствует как персонаж в большинстве упомянутых текстов. Это не случайно: по господствовавшим в Египте представлениям, Гор был прообразом каждого царствующего фараона, он служил как бы образцом для повелителей Египта и в сложной царской титулатуре фараон именовался «Гором». Таким образом, подобные представления на мифологические сюжеты имели, по существу, политическую направленность: превознося Гора как воплощение благородства, мужества и сыновней преданности (он ведь защищал своего отца Осириса от вероломных врагов), жрецы славили любого царя, отождествлявшегося с ним, что в конечном итоге должно было укрепить авторитет царя среди народных масс.

Более подробные сведения о таких представлениях дошли от птолемеевского времени. В большом храме бога Гора в Эдфу, на стенах, сохранились тексты, сопровождаемые изображениями. Они представляют собой выдержки из более древнего папируса — об этом говорится в самом тексте. Исполнителями ролей богов были жрецы, причем в роли Гора теоретически должен был выступать сам фараон, однако в действительности его всегда заменял один из главных жрецов храма. Так как в этой мистерии наряду с монологами и диалогами содержалась и повествовательная часть, то особый чтец зачитывал ее в храме Эдфу — им номинально считался величайший мудрец древности Имхотеп. Весьма вероятно участие в мистерии хора и музыкантов. Местом представления были берега священного храмового пруда; действо это совершалось в месяц мехир (шестой месяц древнеегипетского календаря).

Мы располагаем также очень ценным свидетельством египетского вельможи Ихернофрета, который похваляется в своей биографической надписи, что был послан в Абидос фараоном Сенусертом III (XIX в. до н. э.) в 19-й год его правления, с тем чтобы произвести ревизию храма и постановок мистерий Осириса, устраивающихся там ежегодно в присутствии многочисленных зрителей. Из надписи Ихернофрета мы узнаем, что мистерия эта состояла из следующих эпизодов: 1) появление бога Упуата (имя бога буквально значит «открыватель пути»), первого воина бога Осириса; 2) появление на барке самого Осириса и нападение на него врагов; 3) убийство его коварным братом Сетом; 4) перевозка праха Осириса богом Тотом в барке; 5) погребение Осириса на месте его убийства — в Нодит; 6) возвращение ожившего Осириса в его храм в Абидосе и всеобщее ликование. Во всех этих перипетиях первую роль играл сын Осириса — бог Гор. Его исполнял представитель Сенусерта III, упомянутый Ихернофрет, о чем он и рассказывает в своей биографии. Эти представления в какой-то степени можно сравнить с мираклими и представлениями страстей в средневековой Европе. Сохранились свидетельства их несомненной популярности; в ряде заупокойных надписей абидосского некрополя высказывается желание

иметь возможность после смерти созерцать «красоты Упуата при его первом выходе», т. е. присутствовать при этих мистериях. Несомненно, что подобные же мистерии разыгрывались не только в Абидосе, но и в других центрах культа Осириса, например в Бусирисе и в других городах.

Геродот, сравнивая греческие мистерии Диониса с египетскими народными религиозными празднествами, находит в них столь много общего, что приходит к заключению, будто греки переняли у египтян их праздники и обычаи. Он же упоминает о подобных празднествах, происходивших в честь различных богов в Бубасте, Бусирисе Саисе и Гелиополе. Таким образом, существование мистерийальных представлений в Египте доказывается различными источниками. Однако допустим ли вывод, что театр в древнем Египте был всегда только частью официального культа?

Тщательное изучение всех упомянутых текстов привело Э. Дриотона, лучшего знатока данной проблемы, к заключению, что египетский театр, несмотря на свою специфическую религиозную окраску, не ограничивался только религиозной тематикой в узком смысле этого слова. Так, например, в «Текстах саркофагов» (времена Среднего царства), а затем и в главе 78 «Книги мертвых» сохранился отрывок из комедии, в которой действуют мифологические персонажи — тот же бог Гор и др. Посланец этого бога попадает в ряд смешных положений. В главе 39 «Книги мертвых» содержится также отрывок из космического сценария, в котором главным действующим лицом является египетский дьявол — змий Апоп.

В мифологическом папирусе IV в. до н. э. содержится фрагмент сценария, где ведущим персонажем выступает враг Осириса — злой бог Сет, олицетворяющий персов, захвативших Египет. Изгнание Сета весьма прозрачно намекает на их изгнание.

! Таким образом, даже скудные данные, которыми мы располагаем, свидетельствуют о том, что под религиозно-мифологической оболочкой египетский театр затрагивал разные, по сути дела, от религии довольно далекие темы и проблемы. Аналогию мы находим в египетской художественной литературе, хотя в повести о Горе и Сете выступают персонажи чисто мифологические. Однако совершенно очевидно, что эта повесть именно литературное, а отнюдь не религиозное произведение. Эти факты легко объяснить, если вспомнить, что в древности религия была одной из господствующих форм идеологии и что именно поэтому в религиозную оболочку облекались и сюжеты явно светские по содержанию.

! Чрезвычайно интересно свидетельство о существовании «светского» (по содержанию, а не по форме) театра, в котором исполнителями выступали профессиональные актеры, а не жрецы, приведенное в заупокойной стеле некоего Энхеба из Эдфу, относящейся ко времени начала XVIII династии (XVI в. до н. э.) Этот до сих пор не изданный текст имеет большое значение для истории египетского театра. Из автобиографических данных, которые сообщает Энхеп, очевидно, что он был бродячим артистом и музыкантом. До сих пор это единственный текст подобного содержания. Он и свидетельствует о существовании во времена XVIII династии профессионалов-

актеров, а следовательно, и не ритуального театра. Но хотя древнеегипетский театр и прошел путь от представлений лишь религиозно-мифологического содержания к представлениям на нерелигиозные сюжеты, он даже и на этой стадии развития не сумел избавиться от религиозной оболочки.

Это и понятно. Развитие театра происходило в условиях господства неограниченной восточной деспотии, подавлявшей развитие общества и индивидуума. Поэтому оно было очень медленным и однобоким: на протяжении всего своего существования он оставался средством пропаганды власти фараона и никогда не порывал с религиозно-мифологической традицией.

МУЗЫКА В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

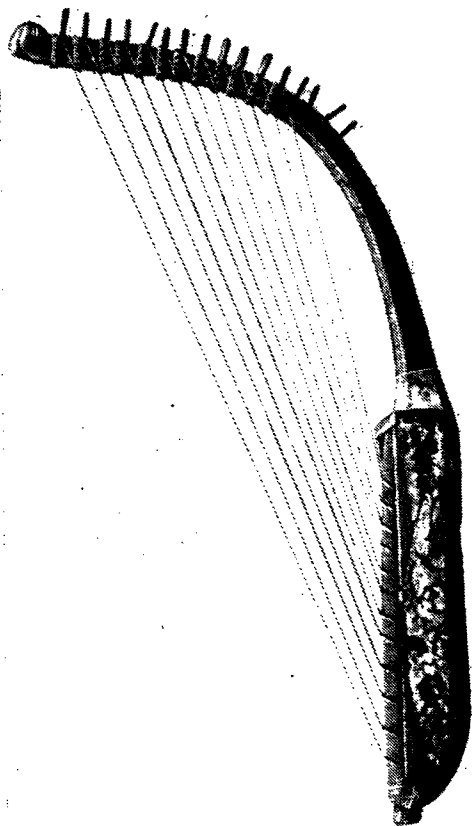
Как об этом свидетельствуют многочисленные изобразительные памятники и древнеегипетские музыкальные инструменты, дошедшие до нас, музыка занимала существенное место в частной и общественной жизни древних египтян. В одном наставлении писцу говорится, что он должен быть «обучен играть на свирели, играть на флейте, сопровождать [игру на] лире и петь с [музыкальным] инструментом нехт». Таким образом, обучение музыке входило в программу школьного образования. И в культе ей отводилось подобающее место, ибо богослужение, как известно, нередко сопровождалось музыкальным аккомпанементом или пением.

К сожалению, наши сведения о древнеегипетской музыке довольно ограничены. Греческие и латинские авторы в своих трудах ничего не говорят о характере ее. Из самого же Египта помимо древних инструментов дошли до нас изображения играющих музыкантов. Певцами и музыкантами были мужчины и женщины.

Уже в эпоху Древнего царства, в III тысячелетии до н. э., египтяне уделяли музыке много внимания — пение и игра на разных инструментах, как об этом свидетельствуют памятники, были весьма распространены. Склонность египтян к музыке сохранилась на протяжении всей их многовековой истории, и даже в музыке коптов, египтян-христиан, мы находим многое, несомненно восходящее к древнему Египту. Известный русский церковный деятель Порфирий Успенский, интересовавшийся церковным пением коптов, отметил, что оно не похоже ни на греческое, ни на армянское и что оно по большей части «держит только два рядовых тона (диез и настоящую ноту)... Думать можно, что копты сохранили напевы своих предков и жрецов Осириса и Исиды и других божеств».

Что касается древнеегипетских музыкальных инструментов, то их можно разделить на четыре группы: идиофоны (систры, трещотки, колокольчики и т. п.); мембранофоны (барабаны разных типов); духовые ин-

Рис. 79. Арфа. Дерево. Новое царство (?). Метрополитен-музей. Нью-Йорк

струменты (флейты разных типов, гобои, серебряные и золотые трубы); струнные инструменты! (арфы разных типов — рис. 79, — лютни, лиры). Уже сам набор инструментов в какой-то степени характеризует египетскую музыку.

Естественно, возникает вопрос: были ли у древних египтян ноты или какая-то другая система музыкальной записи?

! Каких-либо специальных письменных знаков для этой цели не существовало. Как и в ряде других стран древности, в Египте была распространена хейрономия (от древнегреческого глагола «хейрономео» — «двигать [в такт] руками»), т. е. специализированная жестикуляция руками для выражения ритма и мелодии. Хейрономия унаследована и музыкой коптов. Обычно певец был одновременно и хейрономом по отношению к му-

зыкантам, сопровождавшим его пение на разных инструментах. Существовало несколько хейрономических серий. Одна из них лучше изучена, чем другие. О ней в обобщающем виде сказать можно следующее: основной тон обозначался рукой, большой и указательный пальцы которой были замкнуты в изображении кольца; квинта же выражалась вытянутой рукой, все пальцы которой вытянуты и сомкнуты. Промежуточные тоны передавались рукой, согнутой под разными углами, с таким же положением пальцев. К сожалению, эти наблюдения не позволяют восстановить звуки и тональность древнеегипетской музыки. Попытку выяснить ее строй предпринял 30 лет назад советский ученый А. Мачинский. Вот как он резюмировал результаты своих исследований: «Так как можно считать, что пропорции отдельных инструментов переданы на изображениях с достаточной степенью точности, то, измерив длину струн на каждом отдельном изображении музыкального инструмента (наиболее подходящим инструментом для практического осуществления предложенного способа являются арфы) и вычислив отношения длин струн к наиболее длинной струне и далее вычислив средние отношения длин струн у нескольких изображений однотипных инструментов, мы сможем путем сравнения полученных данных с теоретическими отношениями длин струн при различных музыкальных строях установить близость древнеегипетского музыкального строя к тому или иному из музыкальных строев... На основании произведенных вычислений можно пока предположительно сказать, что древнеегипетский музыкальный строй был близок к строю шотландской или китайской гаммы, причем первоначально (в эпоху Древнего царства, III тысячелетие до н. э.) он имел интервалы в целый тон, позднее (в эпоху Нового царства, 1500—1900 лет до н. э., или даже несколько ранее) входит в употребление; не вполне вытесняя старый, музыкальный строй с полутоновыми интервалами». К сожалению, другие исследователи древнеегипетской музыки у нас и за рубежом не применяли более метода А. Мачинского.

Из египетской литературы нам известен ряд гимнов богам и другие произведения, которые, вне всякого сомнения, распевались, например, любовные песни, песни, которые пели плакальщицы на похоронах, и т. д. Но если мы отлично понимаем их словесное содержание, их мелодии до нас не дошли.

Таким образом, конкретное звучание египетского пения и египетской инструментальной музыки известно нам лишь приблизительно. У египтян музыка и музыканты, как было сказано, были в почете. До нашего времени сохранились гробницы музыкантов начиная с Древнего царства; мы знаем имена отдельных египетских певцов и музыкантов.

Этнографические данные о Египте в XIX и начале XX в. свидетельствуют, что, несмотря на все исторические превратности, в народной музыке феллахов Верхнего Египта сохранились элементы древнеегипетской музыки. Такова, например, песня о коте и мышке. |

СПОРТ В ДРЕВНЕМ ЕГИПТЕ

Нередко приходится слышать и даже читать, что спорт, которому уделяется в наше время столь много внимания и времени, зародился и развился в древней Греции.

Конечно, никто не станет отрицать, что древние греки высоко ценили спорт. Достаточно напомнить знаменитые Олимпийские игры и роль физкультуры в воспитании и образовании в классической Греции. Олимпийские игры были — это надо подчеркнуть — общегреческим празднеством и даже служили хронологической эрой.

Однако в интересах истины надо сказать, что задолго до первых Олимпийских игр в Греции — они происходили в 776 г. до н. э. — спорт процветал в древнем Египте, что совершенно неопровержимо доказано источниками. В древнем Египте и в древней Греции спорт, как и театр, возник и развился в теснейшей связи с культом, что придавало ему в известной степени сакральный характер. Но это обстоятельство лишь объясняет его происхождение, хотя ни в какой степени не снижает его значения в разных аспектах общественной жизни обеих стран — и в Египте и в Греции спорт был именно спортом.

В классической Греции, как уже отмечено, спорт был необходимым элементом воспитания и образования гражданина.

В I в. н. э. Ювенал призывал обратиться к спорту как к средству против порчи нравов в римском обществе. Ему принадлежат знаменитые слова, написанные им в сатирах: «*Grandum est, ut sit mens sana in corpore sano*» («Надо хотеть, чтобы пребывал здоровый дух в здоровом теле»). Иначе говоря, Ювенал видел в спорте важное средство оздоровления духа римского общества: это было не чем иным, как продолжением традиции классической Греции. Смотрели ли древние египтяне на эту проблему таким же образом? На это ответить однозначно не представляется возможным.

*Рис. 80. Борцы. Рельеф из Саккара. Известняк (?). V династия.
Середина III тыс. до н. э.*

Сведения, сообщаемые античными авторами, очень скудны, а порой противоречивы. Так, Диодор утверждает, что спортивные тренировки практиковались в войске и давали свои результаты, в другом месте он, противореча себе, заявляет, что египтяне спортом не занимались. Дошедшие до нас источники совершенно неопровержимо свидетельствуют о том, что это последнее сообщение Диодора не соответствует действительности.

Дошедшие до нас источники — в основном изобразительные — нельзя назвать исчерпывающими ни по количеству, ни по ясности. Но, во всяком случае, они являются совершенно бесспорным доказательством наличия спорта в древнем Египте.

В древнем Египте спорт был привилегией знати и войска. Его существование засвидетельствовано уже на памятниках Древнего царства.

Как об этом повествуют многочисленные египетские тексты, с будущими фараонами воспитывались и обучались дети придворных, и все они изучали отдельные виды спорта, а некоторые фараоны в своих надписях с нескрываемой гордостью говорят о своих спортивных достижениях. Чтобы не быть голословными, обратимся к некоторым конкретным фактам. Излюбленным видом спорта была борьба, изображения которой сохранились от разных времен¹ (рис. 80). Древнейшее из них обнаружено в гробнице везира V династии Птахотепа (XXV в. до н. э.). Борцы изображены в различных позах при использовании разных приемов, что дает возможность судить об этой борьбе в целом. Ее можно характеризовать как борьбу вольного стиля, близкую к современной американской catch as catch can. Точные правила борьбы нам неизвестны, однако установлено, что, за небольшими исключениями, ее приемы применяются и в наши дни. В состязаниях по борьбе участвовал и судья. Очень интересно изображение состязания по борьбе в Мединет-Абу, в храме Рамсеса III. Зрителями состязания являются фараон, придворная знать и знатные иностранцы, находящиеся при дворе. Здесь отражен и интересный эпизод: судья, изо-

бражение которого не сохранилось, обращается к египетскому борцу, прибежавшему к недозволенному приему, со следующими словами: «Остерегайся — ведь ты находишься перед фараоном, твоим повелителем». В состязаниях участвовали не только египтяне, но и иностранцы, которые на изображениях всегда оказываются побежденными! Борцы рекрутировались из воинов войска.

Другим, очень распространенным видом спорта было фехтование палками. Оно впервые изображено на памятниках Нового царства. Фехтовальщики, как и в предыдущем случае, являются воинами. Стрельбе из лука обучались египетские воины, и, как мы увидим ниже, этим спортом увлекались и сами фараоны.

Вполне понятно, что кроме перечисленных в египетских войсках культивировались и другие виды спорта. В такой стране, как Египет, в жизни которого великая река Нил играла первостепенную роль, было вполне естественно и понятно, что среди разных видов спорта плавание должно было занимать не последнее место. И действительно, несмотря на скудость данных, несомненно его распространение. Во времена Среднего царства номарх Сиута Хети в автобиографической надписи сообщает, что по велению царя он обучался плаванию вместе с царскими детьми. Но также совершенно несомненно, что умением плавать владела и те, кто был тесно связан с водой по своей профессии, в первую очередь, выражаясь нашей современной терминологией, «работники водного транспорта», т. е. работники основного транспорта в стране. Умели плавать как мужчины, так и женщины. Стиль плавания был близок к тому, который в наше время называется кролем. Здесь нет возможности останавливаться на других видах египетского спорта — поднимании тяжестей, беге, прыжках в высоту и др. Во всяком случае, спорт в Египте любили, и некоторые его виды, как например, уже упомянутое плавание, а также игра в мяч и разные гимнастические упражнения, практиковались не только среди знати и военных, но и в широких кругах населения. Интересно отметить, что в уже упомянутой гробнице Птахотепа изображено трудное гимнастическое упражнение, очень близкое к одному из упражнений в индийской гимнастике, известному под названием падма-асака и служащему для укрепления мышц ног. У египтологов это упражнение получило название «йога».

К спорту, конечно, относятся охота и рыбная ловля. В древнейшие времена в Египте, как и в других странах, охота и рыбная ловля были добычавшими промыслами. Конечно, они не потеряли в этом плане своего значения и позже, но, во всяком случае, они стали видами спорта уже во времена Древнего царства. На памятниках V династии (XXV—XXIV вв. до н. э.) охота — в основном спортивное развлечение самого фараона. Позже она становится излюбленным развлечением также и знати. Несомненно, что трудно провести четкую грань между охотой как промыслом и охотой как спортом, но все же в ряде случаев эта грань не неуловима, в иных случаях она подчеркивается в источниках: наука располагает источниками о спортивной охоте и рыбной ловле не только изобразитель-

ного характера, но и письменными. В одном папирусе, к сожалению фрагментированном и датированном временем Нового царства (но текст его восходит к Среднему царству), изданном американским египтологом Р. Каминосом, рассказывается об удовольствиях, получаемых от охоты и рыбной ловли сначала в Фаюме, а позже в Западной Дельте.

! Охотились на птиц, на разных животных, водившихся в Египте (преимущественно водная фауна), и на дичь пустыни. Охота на водяных птиц в зарослях тростника и папируса при помощи специальной метательной палки носила явно спортивный характер: это было проявление умения метать такое оружие в птицу. Метательная палка в древнем Египте отличалась от бумеранга — достигнув цели, она не возвращалась к владельцу. Изображения охоты на птиц при помощи метательной палки сохранились начиная от времен Древнего царства на протяжении всей истории Египта.

! Рыбная ловля была двух родов: посредством удочки и посредством нанесения удара рыбе гарпуном. Если первый вид рыбной ловли был промысловым, то второй, напротив, имел явно спортивный характер.

! Охота на диких животных — на гиппопотамов, носорогов, слонов, львов и диких быков — уже по характеру объекта содержала спортивный элемент! как и в наше время, с той лишь разницей, что в древности она носила, так сказать, более спортивный характер, ибо была гораздо опаснее, чем в наши дни, вследствие отсутствия огнестрельного оружия.

! Опасная охота на гиппопотамов, древнейшие изображения которой сохранились от додинастических времен, была долгое время скорее необходимостью, чем спортом. Позже, с постепенным уменьшением числа этих животных в Египте, она бесспорно стала видом спорта (во времена Нового царства).

То же самое можно сказать и об охоте на носорогов (сохранилось лишь одно изображение: фараон Тутмос III охотится на носорога в пустыне в Нубии). Здесь, несомненно, охота спортивная.

Слоны рано исчезли из самого Египта, и египтяне снова столкнулись с ними во времена XVIII династии, т. е. когда египетские войска под предводительством фараонов проникли далеко за пределы Египта, в страны бассейна реки Евфрат, где тогда водились слоны. Как и в упомянутом случае с носорогом, охота на слонов была, по-видимому, привилегией фараонов. В египетских текстах упоминаются как охотники на слонов фараоны Тутмос I и Тутмос III. О последнем говорится, что он убил 120 этих животных.

! Что же касается охоты на львов, то ее древнейшие изображения также относятся к додинастическому времени. Как и охота на гиппопотамов, она долгое время была необходимостью для всей страны и имела целью защитить население от этих грозных хищников. Позже, во времена Нового царства, охота на львов стала популярным видом спорта придворной знати и самих фараонов. Так, например, фараон Аменхотеп III, по свидетельству одного текста, сам убил 102 льва.

Охота на диких быков, водившихся в пустыне, на прилегающих к до-

лине Нила территориях, также была любимым спортом фараонов во времена Нового царства. Так, например, уже упомянутый Аменхотеп III убил немалое их число.

Ряд приведенных выше фактов об участии фараонов в спортивной опасной охоте на диких животных вовсе не является случайностью или результатом произвольных желаний того или иного фараона — оно тесно связано с положением этого последнего в государстве и обществе. По египетским представлениям, фараон был посредником между людьми и миром богов и сам в какой-то степени живым богом на земле. Процветание страны и ее народа в огромной степени зависело от фараона, ее защитника от внутренних и внешних врагов. Среди этих врагов были и животные, опасные для жизни и здоровья людей, которые наносили ущерб их достоянию, уничтожая все необходимое людям. Борьба с этими животными была необходимостью для государства и общества, и организовывать, возглавлять и принимать в ней личное участие должен был в первую очередь сам фараон. Когда этих врагов египтян из мира животных стало меньше, борьба с ними переродилась в спортивную привилегию самого царя и окружавшей его двор знати. Отсюда и активное участие фараонов и его придворных в опасных спортивных охотах.

Но воевать приходилось не только и даже не столько с врагами из мира животных, сколько с враждебными египтянам племенами и народами, и опять-таки эту борьбу возглавляли фараоны. Египет воевал со своими соседями всегда, но только начиная с XVIII династии эти войны превратились в закономерность крупного масштаба, в долгую эпоху египетской военной экспансии. И вполне понятно и естественно, что основным оружием этой экспансии было войско. Отсюда усиленное внимание ко всему тому, что совершенствовало войско, — ко всяким видам спорта.

Если ранее, еще до XVIII династии, фараоны считались идеалом умственного, нравственного и физического совершенства, то начиная с XVIII династии их воинская доблесть выдвигалась на первый план. Фараоны XVIII династии, за редкими исключениями руководившие лично египетскими войсками за пределами страны, не могли относиться безразлично к спортивным занятиям военного характера, которым обучалось их войско.

И действительно, по крайней мере три фараона этой династии в значительной степени соответствовали этому идеалу фараона-полководца. Это знаменитый Тутмос III и оба преемника — Аменхотеп II и Тутмос IV. Первый из них в полном сознании своей необычайной физической силы и мастерства в спорте подчеркивал свои спортивные и физические достижения. В текстах его времени без всякой скромности говорится о его громадной силе и необыкновенных успехах в стрельбе из лука по мишени, его выносливости в беге и т. п. В этом же плане говорит о себе и фараон Тутмос IV. Аменхотеп III, при котором страна процветала в длительном мире, как уже сказано, был заядлым охотником в далеко не безопасной охоте на диких животных.

Среди их преемников были цари, не отличавшиеся ни спортивной, ни воинской доблестью, но тем не менее они пытались создать вокруг себя ореол таковой, оставив заведомо лживые тексты о не совершенных ими подвигах.

Спорт и охота имели своих покровителей в мире богов: богиня Уаджет (богиня города Буто, богиня-кобра) считалась во времена Древнего царства «владычицей плавания». Покровительницей охоты на птицу и рыбной ловли, как и болот, считалась богиня Сешат (она же богиня письма). Бог Монт был покровителем стрельбы из лука и т. д.

! В плане египетского миропонимания, согласно которому поступками людей всегда руководили боги, эта связь спорта с богами легко понятна: боги не могли упустить из сферы своего внимания такой ответственный аспект общественной жизни, как спорт. !

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Египет наравне с Шумером — древнейший в мире очаг человеческой культуры. Поэтому вполне понятен интерес всей мировой науки к этим двум странам. Культуры Индии, Китая и других стран древнего Востока возникли, конечно, независимо от культур Египта и Шумера. Но их возникновение относится к более поздним временам. Истоки современной мировой культуры восходят в значительной мере к греко-римскому миру, а последний, в свою очередь, был наследником культуры древнего Востока, в создании которой древний Египет играл огромную роль. Именно в этом в основном заключается всемирно-историческое значение многовековой творческой деятельности трудолюбивого и талантливого народа, населявшего долину Нила к северу от Первого нильского порога.

Огромным вкладом древнего Египта в мировую культуру было изобретение писчего материала, известного под названием «папирус», изготовлявшегося из одноименного водного растения, произраставшего в Ниле и бесчисленных внутренних водоемах страны. В древности папирус был органическим компонентом египетского ландшафта, а в настоящее время путешественник может видеть папирус только в Каирском ботаническом саду.

Из этого растения древние египтяне и выделяли в больших количествах писчий материал — предшественник бумаги¹, — называвшийся, как и само растение, папирусом. Египтяне изобрели папирус на заре своей истории — неиспользованный свиток папируса был обнаружен в гробнице вельможи I династии, т. е. приблизительно на рубеже IV и III тысячелетий до н. э. Таким образом, папирус верно служил древним египтянам не менее трех тысячелетий.

¹ Бумага была изобретена в Китае во II в. до н. э. Затем она распространилась в Японии, Корее и Средней Азии, и уже отсюда ее заимствовали арабы.

Папирус как писчий материал был широко распространен в древнем мире. Из Египта он проник в Палестину и Финикию. Имеется ряд данных, дающих основание полагать, что это произошло задолго до нашей эры. Почти все древнейшие дошедшие до нас папирусы с семитскими и греческими текстами происходят именно из Египта (сохранность этих папирусов объясняется сухостью климата). В древности Египет, и в частности Александрия, оставался главным производителем папируса, но его стали выделывать и за пределами Египта: в Риме производилась так называемая *Charta Fanniana* по имени некоего Фанниуса, организатора его производства. Лучшими сортами папируса считались *Charta Augusta* (названная так по имени императора Августа) и *Charta Liviana* (названная так в честь жены Августа). Употребление папируса продолжалось до раннего средневековья: на папирусе, например, написаны копии (VI—VII вв. н. э.) писем Августина, хранящиеся в Париже и Женеве, и другие документы. В VIII в. на Ближнем Востоке египетский папирус стала вытеснять китайская бумага, проникавшая сюда через Багдад. Однако в арабском Египте папирус оставался писчим материалом до IX в. (если не позже), причем изготовлялся он теми же методами, что и в древности.

Этих фактов совершенно достаточно для того, чтобы отчетливо представить себе огромную роль, сыгранную папирусом — чисто египетским изобретением — в истории человеческой культуры.

Введение алфавита, как понятно само собой, было одним из величайших достижений человеческой мысли: алфавитная система письма избавляла людей от сложных, громоздких и трудных систем клинописного и иероглифического многозначного письма и тем самым во много раз облегчала усвоение достижений человеческой цивилизации. Она послужила мощным стимулом дальнейшего развития и распространения культуры.

Как хорошо известно, родоначальником большинства алфавитов в мире был алфавит финикийский. Но происхождение последнего вызывает серьезные расхождения в научном мире. Вопрос о генезисе финикийского алфавита имеет непосредственное отношение к египетскому письму. Проблему эту, очень интересную и сложную, пытались разрешить уже в древности. На египетское происхождение финикийского алфавита указывал еще римский историк Корнелий Тацит (I—II вв.). Он писал: «Египтяне первыми обозначали познанное умом при помощи изображений животных (эти древнейшие памятники истории человеческой все еще сохраняются высеченными на камнях), и они изобрели буквы; впоследствии финикияне, поскольку им принадлежало первенство на море, перенесли их в Грецию и присвоили себе славу изобретателей букв, хотя в действительности они их не придумали, а только заимствовали». Среди финикиян эллинистической эпохи сохранилось предание, приписывавшее изобретение финикийского письма египетскому божеству: Филон Библийский (финикийский мудрец Санхунифон) называет изобре-

тателем финикийского письма египетского бога Тота, покровителя письма и писцов.

Первым европейским ученым, указавшим на египетское происхождение алфавита, был основатель египтологии, гениальный француз Ф. Шампольон. Он писал: «Европа, получившая от древнего Египта начатки науки и искусства, обязана ему еще одним неоценимым благодеянием — алфавитным письмом». Мысль свою Ф. Шампольон выразил еще конкретнее следующими словами: «В этом древнем египетском фонетическом письме, сколь бы несовершенно оно ни было само по себе, можно, пожалуй, признать если не начало, то по меньшей мере *образец* (курсив наш. — М. К.), слепым подражанием которому, возможно, были алфавиты народов Западной Азии и в особенности алфавиты соседних с Египтом наций». К Ф. Шампольону присоединились Ш. Ленорман и Фр. Ленорман, семитолог Ж. Галеви, египтолог Э. де Руже, считавший, что началом финикийского алфавита было египетское иератическое письмо. Догадка Ф. Шампольона оказалась гениальной: в VIII в. до н. э. далеко к югу от Египта сложилось Напатское царство с одноименной столицей. По выражению Б. А. Тураева, оно «было сначала осколком Египта Нового царства». Когда же позже царская резиденция была перенесена из Напаты в Мероэ и политические связи между Египтом и Мероэ ослабели, египетский язык и письмо были вытеснены местным языком и письмом. Последнее состоит из 23 знаков, заимствованных из египетской иероглифики и обозначающих не только согласные фонемы, значение которых в ряде случаев иное, чем в египетском письме, но и фонемы гласные, которых, как известно, египетское письмо не обозначало. Наряду с мероитским иероглифическим письмом появляется и мероитское курсивное алфавитное письмо: каждому иероглифическому алфавитному знаку соответствует курсивный. Связь этих курсивных знаков с египетским демотическим письмом очевидна. Таким образом, египетское письмо было родоначальником древнейшего алфавита в Африке.

Поэтому отрицать влияние египетского письма на генезис алфавита в Западной Азии было бы, безусловно, нелогично.

Обратимся к фактам. Древнейшие финикийские надписи сделаны на камне и металле, контуры знаков округлены. Это свидетельствует, несомненно, о том, что финикийское письмо до этих надписей прошло длинный путь развития в процессе его применения на материале, способствующем стабилизации округлой формы знаков. Подобным материалом могли быть папирус, кожа и т. п. Очевидно, что надписи, которыми мы располагаем, представляют собой сравнительно редкие образцы применения финикийского письма на твердых материалах. Никаких памятников, свидетельствующих о возникновении финикийского письма, нет: они либо погибли, либо не найдены. Так как финикийское письмо нам известно в уже сложившемся состоянии, естественно и логично сопоставить его с какой-то из систем письма окружающих народов. Попытки вывести финикийский алфавит из кипрского силлабического письма, хеттских

иероглифов, критского письма или ассиро-вавилонской клинописи потерпели неудачу. Клинопись с ее огласовкой и формой знаков, не имеющих круглых очертаний, не могла породить финикийский безгласный алфавит с буквами округлой формы. На Синайском полуострове, в местности Серабит-эль-Хадим, вблизи руин египетских храмов, было обнаружено небольшое число надписей, начертанных алфавитным письмом (в них встречается лишь 32 знака). Бросается в глаза их безусловная палеографическая близость к египетской иероглифике. Это письмо в науке известно под названием нового синайского или просто синайского письма. О связи синайского письма с финикийским алфавитом английский египтолог А. Гардинер осторожно пишет: «Если даже новое синайское письмо не является именно тем письмом, от которого произошли финикийский и южносемитские алфавиты, я не вижу другой возможности, как только считать его попыткой, сделанной в направлении создания алфавита» (курсив нап.—М. К.). По меткому выражению немецкого египтолога К. Зете, египетское письмо было для семитов не Urbild (прототип), а Vorbild (образец). Создателями синайских надписей были семиты, подвергшиеся сильной египтизации. Они хорошо знали обычаи и нравы египтян, в рудниках которых работали. И несомненно, они в какой-то степени понимали египетское письмо. Крупный американский семитолог и египтолог Ф. Олбрайт в результате своих исследований синайских надписей пришел к выводу, что они написаны на ханаанском (семитском) языке, близком к угаритскому. Между синайскими надписями и финикийским алфавитом до сих пор не обнаружено никакого связующего звена. С другой стороны, на территориях Финикии, Сирии и Палестины найдены письменные памятники, плохо поддающиеся интерпретации, но несомненно свидетельствующие о том, что во II тысячелетии до н. э. здесь предпринимались попытки создания алфавитных систем письма. Одна из них оказалась удачной — это финикийское письмо. Как мы видели, связь между этим последним и синайским письмом не установлена, но само существование синайского письма, как и мероитского, несомненное доказательство возникновения двух алфавитов под влиянием египетского письма. И, учтя мнение Ф. Шампольона, К. Зете и А. Гардинера о том, что в конечном итоге египетское письмо было если не прямым образцом, то стимулом для создания алфавитов в Финикии, Сирии и Палестине, мы должны признать серьезный вклад египетской культуры в это важнейшее изобретение человечества.

Что касается вклада Египта в мировую науку, то проблема эта очень сложна и трудна для разрешения. Прежде всего необходимо очень определенно уяснить, что культуры Шумера и Египта были древнейшими классовыми культурами в мире, что им предшествовала длительная стадия варварства доклассового общества. Таким образом, в силу исторической необходимости оба этих общества создавали и разрабатывали свою культуру совершенно самостоятельно, не имея возможности заимствовать культурные навыки и знания у каких-либо более развитых обществ.

Им все приходилось создавать самим. Это был процесс трудоемкий, длительный, и, естественно, его результатами могли быть лишь первые шаги человечества по пути культурного развития, тем более по пути развития науки.

Характеризуя умственную и духовную жизнь египетского общества, мы можем констатировать, что главенствующей в этой жизни была религия, точно так же как и в жизни Шумера и других древних обществ. Религия была первой и самой примитивной формой мышления. «Религия есть общая теория этого мира, его энциклопедический компендиум, его логика в популярной форме, его спиритуалистические *point d'honneur* (достоинство), его энтузиазм, его моральная санкция, его торжественное восполнение, его всеобщие основания для утешения и оправдания»². Вполне понятно поэтому, что именно жрецы в древнейших обществах были умственными и духовными вождями. Все виды умственной и духовной жизни были в той или иной степени зависимы (не административно, а именно умственно) от религии и связаны с ней. Фактические, конкретные познания накапливались очень медленно, из поколения в поколение, чисто эмпирическим путем. Научное мышление, как правило, не поднималось до настоящих теоретических обобщений, и все накопленные таким путем знания объяснялись откровением богов. Но и среди египетских жрецов были люди несомненно очень одаренные и умные, и именно такие лица с течением времени не могли не ощущать сначала и не понимать потом, что между накопленными эмпирическим путем знаниями и чисто религиозным мировоззрением имеются противоречия. Такое расхождение не могло не повести к зарождению скептицизма в отношении установившихся религиозных воззрений, а потом и к попыткам обобщений эмпирически накопленных знаний уже не на религиозной основе, а на базе их рационального рассмотрения. Акад. Б. А. Тураев писал, что «теория и систематика родились не на востоке, опыта и наблюдения был чужд Египет, едва ли не в большей степени, чем другие области восточного мира...» В этих словах содержится часть истины, но именно только часть. Начала теории, и систематики, и опыта, и наблюдения мы находим и в древнем Египте. Мы должны констатировать, что египтяне за свою многовековую историю накопили много ценных знаний, которые позже использовали другие народы. В результате сложившегося в поздний период истории Египта греко-египетского двуязычия египетской элиты духовная жизнь египтян оказалась несомненное и вполне ощутимое влияние на греков. Сами греки это не только не отрицали, но и неоднократно подчеркивали. К сожалению, греческая традиция в этом вопросе такова, что из нее нельзя извлечь достаточно конкретных исторических фактов.

Обратимся в первую очередь к проблеме заимствования греками и другими народами достижений египтян в математике, астрономии и медицине. Познания египтян в этих науках имели в основном утилитарный ха-

² К. Маркс, К критике гегелевской философии права, — К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. 1, стр. 414.

ракти. Сочетание этого обстоятельства с тем, что регулярные сношения греков и египтян начали возникать лишь приблизительно в V в. до н. э., т. е. накануне эпохи эллинизма, когда названные науки достигли в античном мире сравнительно высокого уровня развития, позволяет усомниться в необходимости такого заимствования. Это, а также и непосредственность греческой традиции порождают скептицизм в этом вопросе. Геродот сообщает, что геометрия была изобретена в Египте и «затем из Египта была перенесена в Элладу». Но когда, кем и как? Об этом он не говорит ни слова. Известный историк математики в древности О. Нейгебауер, упоминая о греческом математике IV в. до н. э. Евдоксе Книдском, якобы почерпнувшем свои познания в Египте, указывает, что «при настоящем состоянии наших знаний ни одно из этих преданий существенно не способствует проникновению в суть исторических событий».

Однако, как отмечают компетентные историки математики, заимствование греками некоторых достижений египетской математики несомненно имело место. «Утверждение, что греческая математика в духе Евклида является чисто греческим достижением, не означает отрицания общей восточной первоосновы греческой математики в целом». В греческой математической литературе «Геометрия» Герона, написанная в эллинистическом Египте, «явно сохраняет старинные традиции фараоновского Египта, и в первую очередь чисто египетский стиль изложения: все правила даются в форме ремесленных рецептов, как правило, без всякого основания». Исследование дробей в греческой математике также свидетельствует о влиянии египетской математики на греческую.

Акад. В. В. Струве принадлежит честь очень интересного открытия: в произведении армянского математика VII в. Апанни из Ширака, озаглавленном «Вопросы и решения», под № 22 приводится задача на решение арифметической прогрессии. По своим условиям она очень близка задачам №№ 40 и 64 из египетского математического папируса Ринд, но изложена соответственно конкретной обстановке — она явно египетского происхождения.

Предельная скудость египетских математических документов, с одной стороны, и недостаточные изыскания в области эллинистической и средневековой математической литературы — с другой, крайне сужают наши сведения о размерах вклада древних египтян в развитие мировой математики. Но сам по себе этот факт ни в коей мере не может заслонить перед нами другого, более важного факта — несомненного заимствования греками и другими народами египетских достижений в математике.

Несколько полнее мы можем проследить вклад египтян в астрономию. «В одном пункте египетская традиция оказала весьма благотворное влияние, а именно в использовании эллинистическими астрономами египетского календаря. Этот календарь, по существу, является единственным разумным календарем во всей человеческой истории. Согласно ему год состоит из 12 месяцев по 30 дней и дополнительных дней в конце каждого года. Хотя этот календарь возник из чисто практических потребностей, без

всякой связи с астрономическими проблемами, его значение для астрономических вычислений было по достоинству оценено эллинистическими астрономами... Не удивительно, что египетский календарь приобрел в астрономии характер стандартной системы измерений и сохранил эту роль на протяжении средних веков вплоть до использования его Коперником в лунной и планетной таблицах. Даже в гражданской жизни египетский календарь из 365 дней был возрожден в средние века. Незадолго до падения сасанидской монархии под ударами наступающего ислама последний сасанидский царь, Ездигерд, положил этот год в основу реформированного персидского календаря.

Наконец, принцип разделения суток на 24 часа, ставший достоянием всего человечества, — также египетское изобретение.

Высокой репутацией, как отмечалось в главе о науке, пользовалась в древнем мире и египетская медицина.

Изучение содержания египетских медицинских папирусов и сопоставление их с греческими медицинскими текстами не оставляют сомнения в том, что греки заимствовали медицинские познания у египтян. Так, например, уже Д. Брæстед отметил поразительное сходство приемов египетского врача, описанных в хирургическом папирусе Эдвина Смита, с приемами греческого врача при исследовании страдающего смещением челюсти, описания которых содержатся в греческой рукописи Аполлония (I в. до н. э.). Еще более существенно «полное единство во взглядах египетской и гиппократовской медицины на ранения головы и природу этих ран».

В этнологических воззрениях египтян и книдской школы греческой медицины также проявляется большое сходство: и те и другие считают, что причиной болезней являются вредные физиологические выделения организма, которые по-египетски называются whdw, а по-гречески λερύττωμα (досл. «нечистоты»).

Наконец, нельзя не упомянуть о ряде египетских заимствований в греческой фармакопее. Египетская рецептура проникла даже и в средневековую арабскую и европейскую народную медицину.

В общем можно сказать, что познания египтян в математике, астрономии и медицине были главным образом утилитарными, что не исключает в редких случаях взлета теоретической мысли. И среди всей этой массы эмпирически накопленных знаний, иногда тесно переплетававшихся с религиозными и магическими представлениями, было немало безусловно полезных сведений. Греческая наука восприняла их. Процесс этой преемственности исследован далеко не достаточно, главным образом из-за состояния источников. Но греческий и римский мир заимствовал у египтян не только элементы математики, астрономии и медицины, а также и ряд воззрений и приемов египтян в других сферах умственной и духовной жизни. Обратимся прежде всего к художественной литературе.

Египетская литература наравне с литературой Шумера — древнейшая в мире. Приоритет египетской литературы во времени, с одной стороны, и наличие в литературах других народов тех же жанров и сюжетов — с дру-

гой, как бы подводят к выводу о том, что египетская литература оказала серьезное влияние на другие литературы. Но это заключение априорно и не содержит никаких конкретных фактов. Один русский исследователь пришел даже к выводу, что именно древний Египет был родиной литературного творчества вообще и что процесс распространения литературных сюжетов и жанров из Египта в другие страны Азии и Европы не подлежит сомнению. Такая точка зрения является несомненно крайностью, ибо она в принципе отрицает способность других народов к литературному творчеству и по своим установкам адекватна панвавилонизму. С другой стороны, отрицать влияние египетской литературы на литературы народов по указанным выше причинам невозможно. Назовем некоторые конкретные факты, хотя их рассмотрение отнюдь не претендует на полноту обзора.

Сопоставление египетских и греческих текстов, в которых действующими лицами являются животные, свидетельствует о такой близости сюжетов, которая вряд ли может быть случайной. Таковы, например, египетская сказка о льве и мыши и соответствующая басня знаменитого Эзопа. Согласно греческой традиции, уже упоминавшийся Евдокс Книдский в IV в. до н. э. посетил Египет, изучал египетский язык и перевел на греческий язык не дошедшие до нас «Речи собак».

«Из различных родов словесности особенно много говорилось о роли египетских сказок в мировой литературе. Факт их наибольшей древности и бесспорен, и распространение путем устной передачи не вызывает сомнения. Но в эпоху эллинизма делались и переводы египетских сказок на греческий язык». Таковы, например, переводы легенды о богине Тафнут, сказки о фараоне Нектанебе и др. Изучение произведений античных авторов все больше убеждает в том, что некоторые античные авторы, совершенно не знавшие египетского языка, находились тем не менее под влиянием египетской литературы. Например, знаменитое сочинение Плутарха об Осирисе и Исиде, несомненно, написано по египетским материалам в греческой интерпретации самого Плутарха. Отголоски этого же мифа мы находим и у римского философа Сенеки. Очень любопытно, что в восхвалении римского полководца Стилихона, написанном поэтом Клавдианом, жившим во второй половине IV в., содержатся совершенно явные египетские религиозные и мифологические представления.

Некоторые приемы египетской лирики проникли в античную литературу. Так называемый параклауситирон, т. е. любовная песня у закрытых дверей любимой, считавшийся ранее созданием исключительно античной поэзии (Плавт, Катулл, Проперций), оказывается литературным приемом египетской лирики (папирус Честер Битти I). Причем дверь в параклауситироне трактуется как самостоятельное живое существо. Здесь следует напомнить, что двери и ворота как одушевленные существа выступают и в египетской заупокойной литературе.

На египетское происхождение этого мотива указывает и наличие его в арабской любовной песне из Верхнего Египта. Песня эта могла быть

заимствована только из египетской древности через коптов, но никак не из римской литературы.

Через греческую литературу и Библию египетские сюжеты проникли даже в литературу средневековой Европы: египетские мотивы известной «Песни арфиста» обнаружены в средневековой поэзии так называемых голиардов (иначе вагантов), нередко воспевавших эпикурейский образ жизни. Конечно, в данном случае посредником была именно Библия.

В заключение следует подчеркнуть, что некоторые египетские мотивы просочились через античную литературу в фольклор и литературу европейских народов и до сих пор бытуют в них.

Большое влияние на древние народы имела религия древних египтян: общеизвестен культ египетских божеств у греков и римлян. В этом отношении очень интересен и поучителен греческий Оксиринхский папирус № 1381. Написан он египтянином, плохо знавшим греческий язык. Бросается в глаза пропагандистская направленность текста, написанного для того, чтобы греки из него узнали о величии египетского бога медицины Имхотепа, сына бога Пта. Культ египетской богини Исиды отправлялся не только в столице Римской империи, но и в ряде ее провинций.

Христианство, возникшее в Палестине и быстро распространившееся по всей Римской империи и за ее пределами, уже в самом начале своего развития впитало в себя ряд моментов египетской религии и сделало их органическими своими элементами. Это факт, не подлежащий никакому сомнению. Однако мы в большинстве случаев не имеем возможности проследить конкретный путь заимствований из египетской религии в христианство. Но это не меняет существа дела. Связи между египетской религией и ранним христианством были очень сложны и осуществлялись через религиозно-литературную среду эллинизма. Египетских элементов в христианстве очень много, и невозможно их всех перечислить. Ограничимся лишь несколькими примерами. В образе архангела Михаила, например, мы находим явные черты египетского бога Тота.

Весьма интересно проникновение в христианство египетского представления о могуществе слова божества, особенно отчетливо выраженное в тексте, известном в науке под названием «Памятник мемфисской теологии». Этот текст дошел до нас в сделанной с древней рукописи копии времен XXV династии. Этот текст замечателен тем, что в нем отчетливо выражена мысль: слово божества, в данном случае бога Пта, является мощной творческой силой, создавшей мир. Не говоря уже о том, что мы находим полную аналогию этому представлению в главе первой библейской Книги Бытия, в которой описывается, как иудейский бог Яхве создал мир своими словами, учение о логосе как органе творения и откровения встречается у философа Филона Александрийского (I в. н. э.). Представление о нем как о творческой силе в мироздании настолько близко к египетскому, что трудно представить, чтобы Филон ничего не знал о последнем. Учение о логосе проникло и в христианскую литературу — достаточно привести хотя бы первые строки Евангелия от Иоанна: «В начале было

Слово, и Слово было у бога, и Слово было бог. Оно было в начале у бога. Все чрез него начало быть, и без него ничто не начало быть, что начало быть».

В Евангелии от Луки рассказывается, как Христос в возрасте двенадцати лет пришел к родителям в Иерусалим на праздник Пасхи и потерялся в городе. Далее мы читаем: «Через три дня нашли его в храме сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их. Все слушавшие его дивились разуму и ответам его». В апокрифическом Евангелии от Фомы этот сюжет разработан гораздо подробнее. Образ малолетнего мудреца Христа имеет очень близкую параллель в египетской демотической литературе: в «Сказке о Сатни-Хемуасе» (I в. н. э.) именно таким выступает перед нами малолетний Са-Осирис. В сказке говорится: «Когда Са-Осирис подрос и окреп, его отдали в школу. Но прошло немного времени, и он стал знать больше, чем тот писец, который его учил. Маленький Са-Осирис начал тогда читать заклинания вместе с писцами „дома жизни“ при храме Пта, и все, кто слышал его, бывали поражены».

В Евангелии от Луки в весьма лаконичной форме содержится предание о бедном Лазаре. В уже упомянутой египетской демотической «Сказке о Сатни-Хемуасе» мы находим аналогичный эпизод, но в гораздо более развернутом виде. Содержание его и идея одинаковы в обоих случаях: бедняк, несправедливо страдавший на земле, в потустороннем мире пользуется всеми его благами. Богач же, живший в изобилии и роскоши, подвергается после смерти жестоким наказаниям и унижениям из-за своих злодеяний на земле. В египетской сказке прямо говорится, что это результат беспристрастного суда богов, которые взвесили добрые и злые дела, совершенные на земле. Таким образом, евангельская притча о бедном Лазаре находит объяснение в представлениях египтян о загробном мире и в конечном итоге в главе 125 «Книги мертвых» с ее описанием загробного суда. Но особенно важно то, что и в египетской сказке, и в христианской легенде мы обнаруживаем явную идею о загробном воздаянии за дела на земле.

Интересно отметить, что известное изречение Христа (Евангелие от Матфея): «Взявший меч от меча и погибнет» — является перифразой слов фараона Петубаста: «Кто точит меч, в шею того он и вонзится».

Многие египетские религиозные представления восприняты христианством лишь в слегка измененном виде; таковы, например, представления о вечной жизни после смерти, о загробном суде, о мучениях и пытках и т. п.

Воздействие древнеегипетских образов сказалось и в христианской иконографии: в Коптском музее в Каире хранится икона с изображением двух святых с головами собак. Они очень похожи на древнеегипетского бога Анубиса. Из Египта эти образы перешли в Византию. Поэтому нельзя не согласиться со словами чешского академика Фр. Лекса, указавшего на то, что именно Египет был важным центром развития догматики и морали христианства. К сожалению, эта проблема еще не нашла своего исследователя.

Несмотря на агрессивность раннего христианства по отношению к древней религии Египта, ее пережитки прочно укоренились в самом коптском Египте: «Египетскую струю мы можем наблюдать во всем, начиная от отдельных мотивов христианской символики и кончая чисто догматическими построениями». Древняя религия в тех или иных формах продолжала жить в лоне христианства спустя много веков, после того как она угасла у себя на родине, даже в далеких от Египта странах: египетская богиня Исида в древности стала покровительницей Лютеции, современного Парижа. Развалины ее храма, находившегося на территории, где впоследствии был разбит сад музея Клюни, сохранились. Когда Франция стала христианской страной, новая религия долго сохраняла образ древней египетской богини: ее статуя как христианской святой стояла на южной стене аббатства Сен-Жермен-де-Прэ вплоть до 1514 г.

Не менее, если не более богатый вклад внес древний Египет в гностицизм и в так называемую герметическую литературу на греческом языке. Герметическая литература — автохтонного египетского происхождения. Герметические трактаты составляют часть обширной богословской литературы. Корпус герметической литературы был составлен египетским жрецовством по распоряжению Птолемея I Сотера.

В греко-египетском культурном синкретизме Египет был преимущественно стороной дающей, а не воспринимавшей. Это несомненный и неопровержимый факт. Однако отсюда вовсе не следует, что египетская культура превосходила эллинскую. Египетская культура хронологически и стадияльно предшествовала последней. Когда Египет навсегда потерял независимость, когда там прочно обосновались греки и государственным языком стал греческий, исчезли всякие перспективы дальнейшего развития и процветания древней культуры Египта. Все восстания против господства греков оканчивались неудачно. Более того, тем самым древняя культура долины Нила была обречена на медленное, но неизбежное угасание. И именно поэтому египтяне старались пропагандировать свое мировоззрение, свои убеждения и свои взгляды среди чужеземцев, захвативших власть в их стране. Эта пропаганда велась, естественно, на греческом языке. Египтяне отлично понимали силу и значение слова и высоко ценили его. В поучении неизвестного царя своему сыну Мерикаре мы находим следующие замечательные слова, сказанные за 2000 лет до н. э.: «...сильнее речь, чем любое оружие». Опираясь на это убеждение, они уже во времена эллинизма развернули широкую борьбу словом с чужеземцами за свою многовековую древнюю культуру. Но ничто не могло отратить начинающийся процесс синкретизма и слияния обеих культур в культуру эллинистическую, так же как и возродить древнюю культуру. Египет отдавал грекам все, что те готовы были взять. Греки усвоили и использовали опыт, накопленный в течение тысячелетий древней цивилизацией Египта, и обогатили им эллинистическую и тем самым западноевропейскую культуру.

Вполне закономерно, что Александрия стала важнейшим центром эл-

линистического мира: здесь была создана и функционировала самая большая в древности библиотека; здесь подвизался знаменитый философ Филон Александрийский и многие другие ученые и мыслители; здесь же развернули свою деятельность деятели и теоретики раннего христианства, такие, как гностики Валентин и Василид, Клемент Александрийский и Ориген и другие и, наконец, Арий. Здесь же сталкивались и сплетались разнообразные направления и течения человеческой мысли и человеческих эмоций. И в этом кипящем котле наследие древнего Египта не могло не сыграть своей исторической роли.

ОБЩИЕ ТРУДЫ

- Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 1.
- Маркс К. К критике политической экономии.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 12.
- Энгельс Ф. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
- Энгельс Ф. Из подготовительных работ к «Анти-Дюрингу»,— К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, изд. 2, т. 20.
- Кинк Х. А. Египет до фараонов, М., 1964.
- Савельева Т. Н. Как жили египтяне во времена строительства пирамид, М., 1971.
- Daumas F. La civilisation de l'Egypte pharaonique, Paris, 1965.
- Daumas F. La vie dans l'Egypte ancienne, Paris, 1968.
- Eрман A. und Grapow. Ägypten und ägyptische Leben im Altertum, Tübingen, 1923.
- Glanville S. R. K. etc. The Legacy of Egypt, Oxford, 1942.
- Hayes W. C. The Sceptre of Egypt, vol. 1—2, New York, 1953—1959.
- Helck-Otto Kleines Wörterbuch der Ägyptologie, Wiesbaden, 1956.
- Klebs L. Die Reliefs des Alten Reiches, Heidelberg, 1915.
- Klebs L. Die Relief und Malereien des Mittleren Reiches, Heidelberg, 1922.
- Klebs L. Die Relief und Malereien des Neuen Reiches, XVIII—XX Dynastie, Heidelberg, 1934.
- Montet P. Les scenes de la vie privée dans les tombeaux égyptiens de l'Ancien Empire, Strassbourg, 1925.
- Montet P. La vie quotidienne en Egypte au temps de Ramses, Paris, 1946.
- Posener G. Dictionnaire de la civilisation égyptienne, Paris, 1959.
- Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne, t. V. Bas-reliefs et peintures scènes de la vie quotidienne, Paris, 1969.
- Wiedemann A. Das alte Ägypten, Heidelberg, 1920.
- Wolf W. Kulturgeschichte des alten Ägypten, Stuttgart, 1962.
- Wreszinski W. Atlas zur altägyptischen Kulturgeschichte, Bd 1—3, Leipzig, 1923—1936.

- Брæстед Д. Г. История Египта с древнейших времен до персидского завоевания, тт. 1—2, М., 1915.
- Всемирная история, тт. I—II, М., 1955—1956.
- Струве В. В. История древнего Востока, М.—Л., 1941.
- Тураев Б. А. История древнего Востока, тт. 1—2, М.—Л., 1935.
- Херст Г. Нил, М., 1954.
- Хрестоматия по истории древнего Востока, под ред. акад. В. В. Струве и Д. Г. Редера, М., 1963.
- Drioton E. et Vandier J. L'Egypte,— «Clio», Paris, 1962.
- Gardiner A. Egypt of the Pharaohs. An introduction, Oxford, 1961.
- Handbuch der Orientalistik, hrsgb. von B. Spuler, Erster Band. Ägyptologie. 3 Abschnitt (W. Helck, Geschichte des alten Ägypten), Leiden — Köln, 1968.
- Kees H. Das alte Ägypten. Eine kleine Landeskunde, 2 Aufl., Berlin, 1958.

ИРРИГАЦИЯ И СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

- Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья (в связи с историей возникновения и развития орошаемого земледелия), М., 1969.
- Редер Д. Г. Роль финиковой пальмы в экономике древнего Египта,— сб. «Древний Египет и древняя Африка», М., 1967.
- Редер Д. Г. Экономическое развитие Нижнего Египта (Дельты) в архаический период,— сб. «Древний Египет», М., 1960.
- Савельева Т. Н. Аграрный строй Египта в период Древнего царства, М., 1962.
- Черезов Е. В. Техника сельского хозяйства древнего Египта, тт. 1—2, Черновицы, 1968—1969.
- Шолпо Н. А. Ирригация в древнем Египте,— «Ученые записки ЛГУ», 1941, № 78 (серия исторических наук, вып. 9).
- Hartman F. L'agriculture dans l'ancienne Egypte, Paris, 1923.
- Makkonen O. Ancient Forestry. A Historical Study, pt 1—2, Helsinki, 1967—1969.
- Reder D. G. Ancient Egypt a Centre of Agriculture,— «Cahiers d'Histoire mondiale», 1958, vol. IV, № 4.

РЕМЕСЛА, ТЕХНИКА И ТРАНСПОРТ

- Кинк Х. А. Как строились египетские пирамиды, М., 1967.
- Лауэр Ж.-Ф. Загадки египетских пирамид, пер. с фр., М., 1966.
- Лукас А. Материалы и ремесленные производства древнего Египта, пер. с англ., М., 1958.
- Лурье И. М. Горное дело в древнем Египте,— «Архив Института истории науки и техники», т. III, 1934.
- Лурье И. М. Обработка кожи в древнем Египте,— «Известия Гос. Академии истории материальной культуры», т. VIII, 1930, вып. 1.
- Пурье И. М. История техники древнего Египта,— сб. «Очерки по истории техники древнего Востока», под ред. В. В. Струве, М.—Л., 1940.

- Флиттнер Н. Д. Стекольно-керамические мастерские Тель-Амарны,— «Ежегодник Российского института истории искусств», т. 1, Пг., 1922.
- Шолпо Н. А. Прядильно-ткацкая промышленность в древнем Египте,— «Архив Института истории науки и техники», т. V, 1936.
- Шолпо Н. А. Подъем тяжестей в строительной технике древнего Египта,— «Архив Института истории науки и техники», т. VIII, 1939.
- Faulkner R. O. Egyptian seagoing Ships,— «Journal of Egyptian Archaeology», vol. 26, 1940.
- Petrie Fl. Egyptian Shipping,— «Ancient Egypt», 1933.

ВОЕННОЕ ДЕЛО

- Берлев О. Д. Египетский военный флот в эпоху Среднего царства,— «Палестинский сборник», вып. 17 (80), Л., 1967.
- Кацнельсон И. С. Характер войн и рабовладение в Египте при фараонах-завоевателях XVIII—XX династий,— «Вестник древней истории», 1951, № 3.
- Стучевский И. А. Колониальная политика Египта в эпоху XVIII династии, М., 1967.
- Хазанов А. М. Очерки военного дела сарматов, гл. V (Оборонительное оружие. Ранняя история металлического оружия), М., 1971.
- Черненко Е. В. Скифский доспех, Киев, 1968.
- Bonnet H. Die Waffen der Völker des alten Orients, Leipzig, 1926.
- Faulkner R. O. Egyptian Military Organization,— «Journal of Egyptian Archeology», vol. 39, 1953.
- Holck W. Die Beziehungen Ägyptens zu Vorderasien im 3 und 2 Jahrtausend v. Chr., Wiesbaden, 1962.
- Rausing G. The bow. Some Notes on its Origin and Development. Bonn. S. a. («Acta Archaeologica», series 8, № 6).
- Säve-Söderbergh T. The Navy of the eighteenth Egyptian Dynasty, Uppsala — Leipzig, 1946.
- Wolf W. Die Bewaffnung des altägyptischen Heers, Leipzig, 1926.
- Yadin Y. The Art of Warfare in Biblical Lands. In the Light of Archaeological Study, vol. 1—2, London, 1963.

ЖИЛИЩЕ, ПИЩА, ОДЕЖДА, ОБРАЗ ЖИЗНИ

- Ванин С. И. и Ванина С. Е. О мебели древних народов. Мебель древнего Египта,— «Труды Лесотехнической академии им. С. М. Кирова», Л., 1938, № 49.
- Матье М. Э. Следы матриархата в древнем Египте,— «Вопросы истории доклассового общества. Сборник статей к 50-летию книги Ф. Энгельса „Происхождение семьи, частной собственности и государства“», М.— Л., 1936.
- Перепелкин Ю. Я. Меновые отношения в староегипетском обществе,— «Советское востоковедение», т. VI, 1949.
- Перепелкин Ю. Я. «Дом пшана» в Старом царстве,— «Труды XXV Международного конгресса востоковедов», т. I, М., 1962.

- Постовская Н. М. Familia в Египте Древнего царства,— «Вестник древней истории», 1967, № 1.
- Bardis P. D. Marriage and Family Customs in Ancient Egypt,— «Social science», 1966, vol. 41, № 4; 1967, vol. 42, № 2.
- Bonnet H. Die ägyptische Tracht bis zum Ende des Neuen Reiches, Leipzig, 1917.
- Грапов Н. Wie die alten Ägypter sich anredeten, wie sie sich grüssten und wie sie miteinander sprachen, 2 Aufl., Berlin, 1960.
- Staehelein E. Untersuchungen zur ägyptischen Tracht im Alten Reich, Berlin, 1966.
- Tanher R. Untersuchungen zur Rechtsstellung der Frau im pharaonischen Ägypten,— «Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde», Bd. 46, 1965.
- Wenig S. Die Frau im alten Ägypten, Leipzig, 1967.

РЕЛИГИЯ, МИФОЛОГИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЗАЧАТКИ НАУЧНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ

- Волков И. М. Древнеегипетский бог Себек, Пг., 1917.
- Матье М. Э. Древнеегипетские мифы, М.—Л., 1956.
- Матье М. Э. Тексты пирамид — заупокойный ритуал,— «Вестник древней истории», 1947, № 4.
- Струве В. В. Социальная проблема в заупокойном культе древнего Египта,— в кн.: «Религия и общество», Л., 1926.
- Тураев Б. А. Бог Тот, Лейпциг, 1898.
- Франк-Каменецкий И. Г. Памятники египетской религии в фиванский период, вып. 1—2, М., 1917—1918.
- Франк-Каменецкий И. Г. Религиозный синкретизм в Египте в фиванский период,— «Записки Коллегии востоковедов при Азиатском музее Академии наук СССР», т. 3, вып. 1, Л., 1928.
- Францов Ю. П. Фетишизм и проблема происхождения религии, М., 1940.
- Францов Ю. П. У истоков религии и свободомыслия, Л., 1959.
- Bonnet H. Reallexikon der ägyptische Religionsgeschichte, Berlin, 1952.
- Egman A. Die Religion der Ägypten, 2 Aufl., Berlin and Leipzig, 1934.
- Kees H. Der Götterglaube im alten Ägypten, 2 Aufl., Berlin, 1956.
- Kees H. Totenglauben und Jenseitvorstellungen der alten Ägypten, 2 Aufl., Berlin, 1956.
- Mercer A. B. The Religion of Ancient Egypt, London, 1949.
- Morenz S. Die ägyptische Religion, Stuttgart, 1960.
- Vandier J. La religion égyptienne, Paris, 1949.

НАУКА

- Веселовский Н. И. Египетская наука и Греция. Из истории древней математики и астрономии,— «Труды Института истории естествознания Академии наук», т. 2, 1948.
- Выгодский М. Я. Арифметика и алгебра в древнем мире, изд. 2, М., 1967.
- Лурье И. М. Древнеегипетские солнечные часы в собраниях СССР,— «Труды Отде-

ла истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. 4, 1947.

Нейгебауер О. Лекции по истории античных математических наук, т. I (Догреческая математика), М.—Л., 1937.

Нейгебауер О. Точные науки в древности, М., 1968.

Перепелкин Ю. А. К вопросу о возникновении энциклопедии на древнем Востоке,— «Труды Института книги, документа и письма», т. 2, 1932.

Breasted J. H. The Edwin Smith Surgical Papyrus, Chicago, 1930.

Ebbel B. The Papyrus Ebers, the Greatest Egyptian Medical Document, Copenhagen, 1937.

Gardiner A. H. Ancient Egyptian Onomastica, vol. 1—2, Oxford, 1947.

Ghaloungui P. Magic and Medical Science in Ancient Egypt, London, 1963.

Grapow H. und andere Grundris der Medizin der alten Ägypten, Bd 1—9, Berlin, 1954—1973.

Jonckheere E. La médecine égyptienne, t. 1—3, Bruxelles, 1944—1958.

Lange H. und Neugebauer O. Papyrus Carlssberg № 4, Kobenhavn, 1940.

Lefebvre G. Essai sur la médecine égyptienne de l'époque pharaonique, Paris, 1956.

Neugebauer O. and Parker K. Egyptian Astronomical Texts, vol. 1—2, London, 1960—1964.

Peet E. The Rhind Mathematical Papyrus, London, 1923.

Reisner G. A. The Hearst Medical Papyrus, Leipzig, 1905.

Sanders J. B. de C. M. The Transitions from Ancient Egyptian to Greek medicine, Lawrence, 1963.

Struve W. W. Mathematischer Papyrus des Staatlichen Museums der schönen Künste in Moskau, Berlin, 1930.

Wreszinski W. Der grosse medizinische Papyrus der Berliner Museums, Leipzig, 1909.

Wreszinski W. Der Londoner medizinische Papyrus und der Papyrus Hearst, Leipzig, 1912.

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ПРАВО

Лурье И. М. Очерки древнеегипетского права XVI—X вв. до н. э., Л., 1960.

Seidl E. Einführung in die ägyptische Rechtsgeschichte bis zum Ende des Neuen Reiches, 2 Aufl., Glückstadt, 1951.

Seidl E. Ägyptische Rechtsgeschichte der Saiten und Perserzeit, Glückstadt, 1956.

ЯЗЫК И ПИСЬМО. ПИСЦЫ. ШКОЛЫ, БИБЛИОТЕКИ

Кагаров Е. Прошлое и настоящее египтологии, Сергиев Посад, 1915.

Коростовцев М. А. Введение в египетскую филологию, М., 1963.

Коростовцев М. А. Египетский язык, М., 1961.

Коростовцев М. А. Писцы древнего Египта, М., 1962.

Петровский Н. С. Египетский язык, Л., 1958.

Флиттнер Н. Д. Как научились читать иероглифы, Пг., 1923.

- Шампольон Ж.-Ф. О египетском иероглифическом алфавите, пер., ред. и коммент.
И. Г. Лившица, М.— Л., 1950.
Brunner H. Altägyptische Erziehung, Wiesbaden, 1957.
Gardiner A. H. Egyptian Grammar, 3ed, Oxford, 1964.
Lefebvre G. Grammaire de l'égyptienne classique, 2ed, La Caire, 1955.

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Лирика древнего Египта, сост. И. С. Кацнельсон, М., 1965.
Матъе М. Э. Что читали египтяне 4000 лет тому назад, изд. 1, Л., 1935; изд. 2, Л., 1936.
Сказки и повести древнего Египта, сост. И. С. Кацнельсон, М., 1956.
Тураев Б. А. Египетская литература, т. I, М., 1920.
Фараон Хуфу и чародеи. Сказки, повести, поучения древнего Египта, сост. И. С. Кацнельсон, М., 1958.
Brunner H. Grundzüge einer Geschichte der altägyptischen Literatur, Darmstadt, 1966.
Brunner-Traut E. Altägyptische Märchen, Düsseldorf — Köln, 1963.
Handbuch der Orientalistik, herausg. von B. Spuler, Erster Band, Ägyptologie, 2 Abschnitt, Literatur, Leiden, 1952.
Lefebvre G. Romans et contes égyptiens de l'époque pharaonique, Paris, 1949.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО И АРХИТЕКТУРА

- Лапис И. А., Матъе М. Э. Древнеегипетская скульптура в собрании Государственного Эрмитажа, М., 1969.
Матъе М. Э. Искусство древнего Египта, Л.— М., 1961.
Матъе М. Э. Искусство древнего Египта, изд. 2, М., 1970.
Матъе М. Э. Во времена Нефертити, Л.— М., 1965.
Матъе М. Э. Роль личности художника в искусстве древнего Египта, — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», т. 4, 1947.
Матъе М. Э., Павлов В. В. Памятники искусства древнего Египта в музеях Советского Союза, М., 1958.
Павлов В. В. Скульптурный портрет древнего Египта, М., 1957.
Павлов В. В. Египетская скульптура в Государственном музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина. Мелкая пластика, М., 1949.
Павлов В. В., Ходжа С. И. Художественное ремесло древнего Египта, М., 1959.
Стрелков А. Фаюмский портрет, М.— Л., 1936.
Aldred C. Old Kingdom Art in Ancient Egypt, London, 1949.
Aldred C. Middle Kingdom Art in Ancient Egypt, London, 1950.
Aldred C. New Kingdom Art in Ancient Egypt, London, 1951.
Badawi A. A History of Egyptian Architecture, vol. 1—2, Giza — Berkeley, 1954—1966.
Drioton E. et Bourguet P. du Les pharaons à la conquête de l'art, Paris, 1965.
Lange K. Ägyptische Kunst, Zürich — Berlin, 1954.
Lhote A. Les chefs d'oeuvres de la peinture égyptienne. Paris, 1954.

- Schäfer H. Von ägyptischer Kunst, 4 Aufl., Wiesbaden, 1963.
Smith W. The Art and Architecture of Ancient Egypt, 2ed., Harmondsworth, 1965.
Wolf W. Die Kunst Ägyptens, Stuttgart, 1957.

ТЕАТР. МУЗЫКА. СПОРТ

- Бороздина Т. Н. Дневнеегипетский танец, М., 1919.
Brunner-Traut E. Der Tanz im alten Ägypten, Glückstadt, 1938.
Drioton E. Le théâtre égyptien, Le Caire, 1942.
Drioton E. Pages d'égyptologie, Le Caire, 1947.
Hickmann H. Musicologie pharaonique, Kehl (Rhin), 1956.
Musikgeschichte in Bildern, hrsg. von H. Beseler und M. Schneider, Bd 2, Leipzig, 1961.
Touny A. D., St. Wenig. Der Sport im alten Ägypten, Leipzig, 1969.
Vandier J. Manuel d'archéologie égyptienne, t. 4, Paris, 1964.
Zaba Z. Divadlo ve starém Egypte,— «Nový Orient», 1951, №№ 9—10.

НАСЛЕДИЕ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

- Bissing F. W. von. Der Anteil der ägyptischen Kunst am Kunstleben der Völker, 1912.
Capart J. La place d'Égypte dans l'histoire de la civilisation, Bruxelles, 1923.
Feigcl Th. Ägypter und der moderne Mensch, Berlin, 1926.
Iversen E. The Myth of Egypt and its Hieroglyphs in European Tradition, Copenhagen, 1961.
Morenz S. Die Begegnung Europas mit Ägypten, Berlin, 1968.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
Действенность культуры древнего Египта. (Вместо введения) (В. В. Струве)	5
Египет. Страна и ее история (И. С. Кацнельсон)	14
<u>Материальная культура древнего Египта (Т. Н. Савельева)</u>	45
Ирригация и сельское хозяйство	45
Ремесла, техника и транспорт	89
Военное дело	130
Жилище, пища, одежда и образ жизни	152
Религия (М. А. Коростовцев)	180
Мифологическое мышление и зачатки научного мировоззрения в древнем Египте (Д. Г. Редер)	223 ✓
Научная мысль в древнем Египте (И. А. Стучевский)	250
Медицина	250
Математика	260
Астрономия	265
История и «этнография»	275
Законодательство в древнем Египте (Д. Г. Редер)	279
<u>Язык и письмо древних египтян (М. А. Коростовцев)</u>	290
Писцы, школы, библиотеки (М. А. Коростовцев)	305
Художественная литература (И. С. Кацнельсон)	315
Изобразительное искусство и архитектура (Р. И. Рубинштейн и Р. Д. Шуринова)	366
Театр (М. А. Коростовцев)	412 ✓
Музыка в древнем Египте (М. А. Коростовцев)	416
Спорт в древнем Египте (М. А. Коростовцев)	419
Наследие древнего Египта (М. А. Коростовцев)	425
Краткая библиография	437

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Н. Н. Тихонравова

Младший редактор А. В. Егорова

Художник В. Н. Тихунов

Художественный редактор И. Р. Бескин

Технический редактор С. В. Цветкова

Корректоры Г. В. Стрѣгова и Р. Ш. Чемерис

Сдано в набор 26/IV 1974 г. Подписано к печати
4/I-1976 г. А-10049. Формат 70×90^{1/16} Бум. № 2
Печ. л. 28,0+вкл. 0,25 п. л. Усл. п. л. 33,05.
Уч.-изд. л. 31,5. Тираж 10 000 экз. Изд. № 3288
Зак. № 971. Цена 2 р. 29 к.

Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука»

Москва, Центр, Армянский пер., 2

2-я типография издательства «Наука»

Москва Г-99, Шубинский пер., 10

**Культура древнего Египта. М., Главная редакция
К 90 восточной литературы издательства «Наука», 1975.**

444 с. с ил.

В книге рассказывается о многогранной культуре древнего Египта: о его истории, хозяйстве, быте, военном деле, религии, научной мысли, законодательстве, языке и письменности, художественной литературе, театре, музыке, спорте.

К $\frac{10603-021}{013(02)-76}$ 251-75

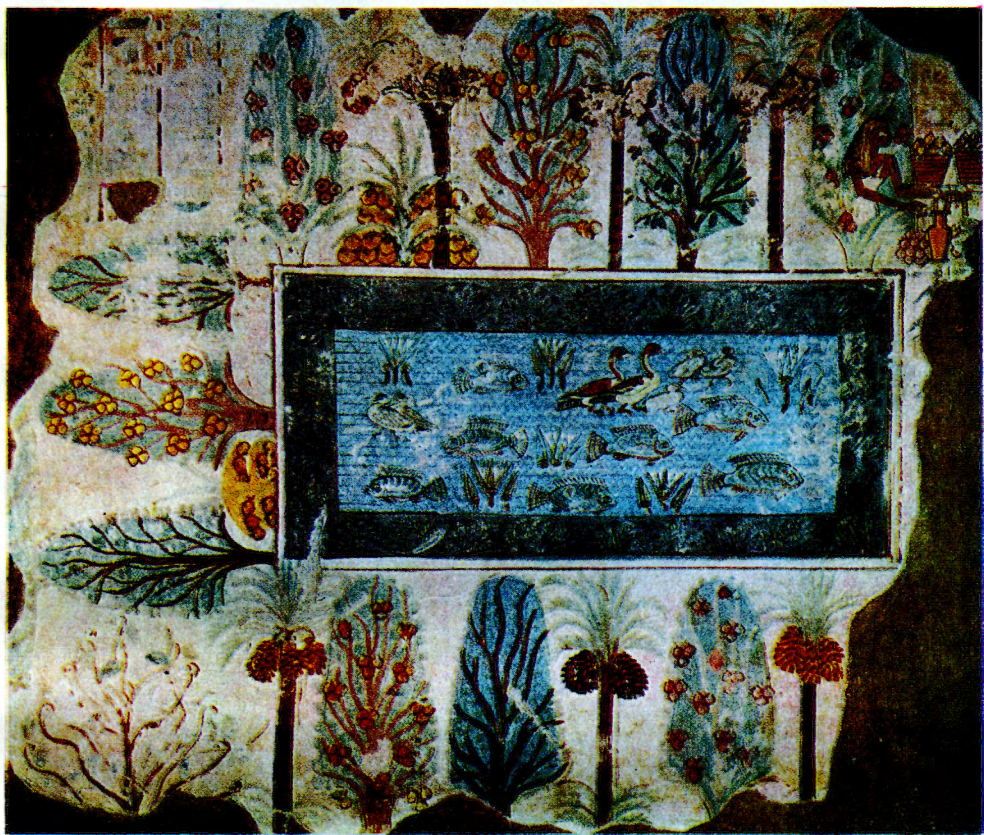
9(M)03

418.094
Окх 1025.

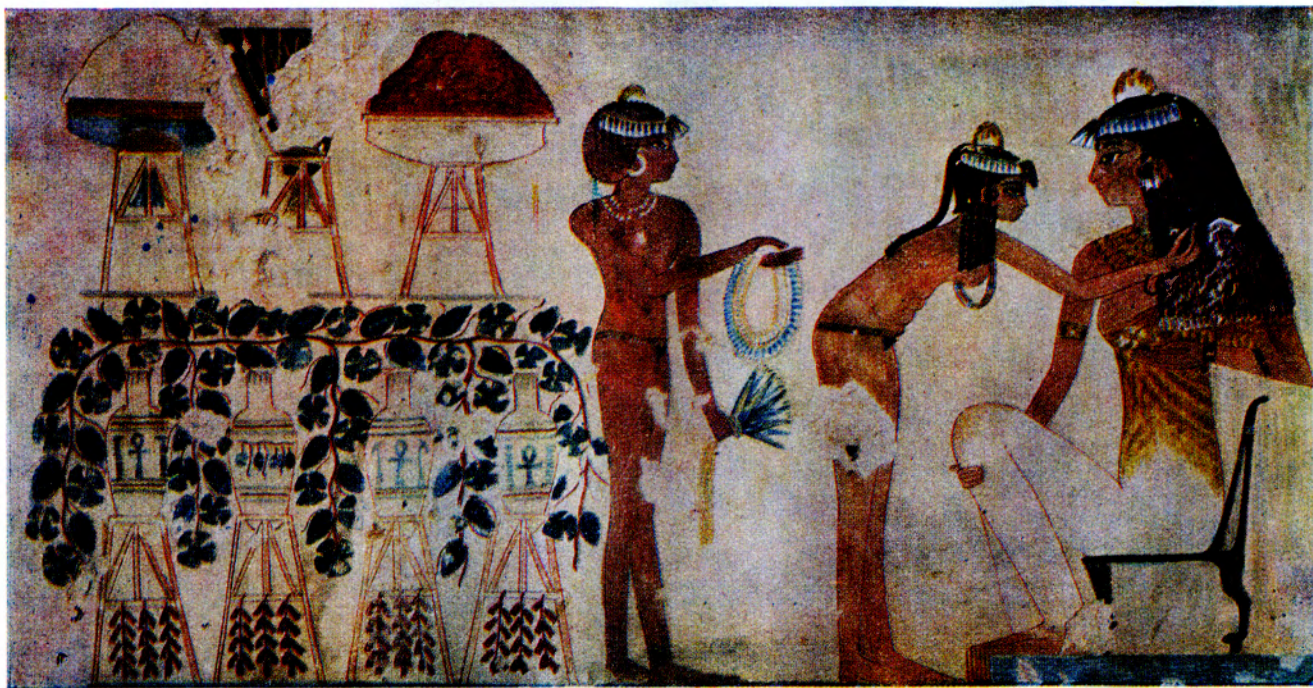
(АБ)

КУЛЬТУРА ДРЕВНЕГО ЕГИПТА

Пруд в саду. Роспись из гробницы XVIII династии. XV в. до н. э.

*Гости на пиру. Роспись из гробницы Джесеркарасенеба в Фивах. XVIII династия.
XV в. до н. э.*

*Музыканты на пиру. Роспись из гробницы Аменемхета в Фивах. XVIII династия.
XV в. до н. э.*

*Джхути с женой перед жертвенным столом. Роспись из гробницы Джхути в Фивах.
XVIII династия. XV в. до н. э.*